

Б Р О М

ПОХИТИТЕЛЬ
ДЕТЕЙ

В этом ярком, провокационном, завоораживающем переосмыслении бессмертной детской классики известный художник Бром неожиданно обнаружил еще одну грань своего поразительного таланта. Исследуя адскую тьму, скопившуюся у истоков всеми любимой сказки о Питере Пэне, он приглашает читателя в волшебный мир, одновременно прекрасный и не на шутку пугающий.

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

Четырнадцатилетний Ник чудом не погиб в одном из бруклинских парков от рук наркоторговцев, но на помощь ему явился Питер. О, этот Питер! Он быстр, смел, крайне проказлив и, как все мальчишки, любит поиграть, хотя его игры нередко заканчиваются кровопролитием. Его глаза сияют золотом; стоит ему улыбнуться вам, и вы превращаетесь в его друга на всю жизнь. Он приходит к одиноким пропадающим детям — сломленным, отчаявшимся, подвергающимся насилию, — обещая взять их с собой в тайное место, где их ждут необычайные приключения, где живо волшебство и где они никогда не станут взрослыми. Конечно, безумные рассказы Питера о феях и чудовищах настораживают, но Ник соглашается. В конце концов, в Нью-Йорке для него больше нет безопасного места. Что ему терять? Однако в жизни всегда есть что терять...

821.111(43)-312.9

5-88

2018/76

6783

БРОМ.

ПОКУПАТЕЛЬ

с.с.

624с

500с

2018 | 76
6783

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

MAINSTREAM
представляет книги
БРОМА

ПОТЕРЯННЫЕ БОГИ
ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

Б Р О М

ПОХИТИТЕЛЬ
ДЕТЕЙ

Издательство «АСТ»
Москва

УДК 821.111-022(73)

ББК 84(7Сое)-445

Б88

312.9

Прозв.
амер. лит-ры

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Brom
The Child Thief

Публикуется с разрешения издательства Harper Voyager,
an imprint of HarperCollins Publishers L.L.C.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Бром.

Б88 Похититель детей: [фантастический роман] / Бром;
[пер. с англ.]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
624 с. — (Темные фантазии Джеральда Брома).

ISBN 978-5-17-106874-5

Четырнадцатилетний Ник чудом не погиб в одном из бруклинских парков от рук наркоторговцев, но на помощь ему явился Питер. О, этот Питер! Он быстр, смел, крайне проказлив и, как все мальчишки, любит поиграть, хотя его игры нередко заканчиваются кровопролитием. Его глаза сияют золотом, стоит ему улыбнуться вам, и вы превращаетесь в его друга на всю жизнь. Он приходит к одиноким пропадающим детям — сломленным, отчаявшимся, подвергающимся насилию — обещая взять их с собой в тайное место, где их ждут необычайные приключения, где живо волшебство, и где они никогда не станут взрослыми. Конечно, безумные рассказы Питера о феях и чудовищах настораживают, но Ник соглашается. В конце концов, в Нью-Йорке для него больше нет безопасного места. Что ему терять? Однако в жизни всегда есть что терять...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-445

Alisher Navoiy

2018/75

nomidagi

6783

O'zbekiston MK

VI-317489

ISBN 978-5-17-106874-5

Copyright © 2016 by Gerald Brom

© Д. А. Старков, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Эта книга — для Джона Фиринга

АВАЛОН

Пролог

Сегодня ночью вновь должно было случиться скверное. В этом девочка не сомневалась. Все началось несколько месяцев назад, когда у нее начали развиваться груди, и теперь, когда не стало матери, остановить его было некому.

Из спальни ей было слышно, как он расхаживает по захлавленной гостиной их тесной квартирке. Он снова ударился в запой и теперь яростно бормотал что-то себе под нос, ругая телевидение, своего босса, президента, Иисуса Христа, но больше всего мать — раз за разом нес ее по кочкам до самого пекла и обратно за то, что она выпила эти таблетки. Но мать умерла, и ей больше не придется выслушивать его тирад, никогда-никогда. Хотелось бы девочке, чтобы и ей так же повезло...

Раздался резкий щелчок открывающейся пивной банки, за ним еще один, и еще. Руки девочки задрожали, и она крепко прижала их к груди. Хорошо бы уснуть — по крайней мере, это избавило бы от ужаса ожидания. Но девочка понимала: спать этой ночью не придется.

А он уже был здесь. Темный силуэт, опершись рукой о косяк, замер в дверном проеме, на фоне мерцающего света телеэкрана. Глаз его было не видно, но девочка знала: взгляд устремлен на нее. Девочка туго стянула на шее простыню, словно шнурок волшебного талисмана, отвращающего любое зло. Иногда он вот так таращился на нее часами и что-то бормотал себе под нос на два голоса. Голоса — мягкий, спокойный и грубый, пугающий — переключались, будто два человека, затеявшие спор о религиозных убеждениях. Обычно спокойный одерживал верх, но этой ночью спокойного голоса было совсем не слышно — только негромкий, скрежещущий рык, перемежавшийся резкой, взлаивающей руганью.

Он шагнул в комнату и поставил пиво на туалетный столик, рядом с радиобудильником с нарисованной Бетти Буп, будившим девочку в школу потрескивающим «буп-уп-а-дуп». В последнее время она прогуляла кучу учебных дней — частично из-за надоевших взглядов и перешептываний других учеников и учителей, хлопотавших вокруг нее так, будто совершенное матерью самоубийство заразно. Но больше всего хотелось увильнуть от встреч со школьным психологом миссис Стюарт и от ее назойливых расспросов. Казалось, миссис Стюарт откуда-то знает обо всем и твердо решила заставить ее говорить — во что бы то ни стало. А об этом было страшно и подумать. На голове девочки, сбоку, уже появился двухдюймовый шрам, и волосы на этом месте больше не отрастут. Он оставил эту отметину вилкой в тот раз, когда девочка попыталась рассказать обо всем матери. Теперь девочка все чаще и чаще вспоминала о таблетках, которых наглоталась мать: может, эти таблетки помогут перенестись к ней? Эта мысль приходила в голову всякий раз, когда случалось скверное.

Его ладонь легла на плечо — тяжелая, горячая. Жар этой ладони чувствовался даже сквозь простыню. Откинув простыню, он сел рядом. Пружинный матрасик просел под его

тяжестью, и от этого тело девочки соскользнуло к нему. Мозолистая рука опустилась на ее голень и медленно скользнула по внутренней стороне бедра, под фланель ночной рубашки. Толстые грубые пальцы упрямо протискивались вверх. Тяжело задышав, он встал. Девочка услышала, как звякнула об пол массивная латунная пряжка ремня, и он навалился сверху. Пружины матрасика протестующе застонали.

Девочка вцепилась в подушку, изо всех сил стараясь не разрыдаться, и устремила взгляд в окно, чтобы хоть мысленно перенестись куда-нибудь подальше отсюда. В эту ночь звезды сияли особенно ярко. Она сосредоточила внимание на их волшебном свете, жалея, что не может летать среди звезд, улететь так далеко, чтобы этот человек никогда больше не смог прикоснуться к ней...

И тут звезды заслонила тень. Кто-то, появившийся за окном, заглянул внутрь. В неверном свете звезд девочка сумела разглядеть мальчишку. Мальчишка поднял оконную раму и быстрым, текучим движением скользнул в комнату.

— Что за х... — начал мужчина, но мальчишка прыгнул через всю комнату и с лету ударил его обеими ногами, отшвырнув назад, в гостиную.

Мальчишка двигался невероятно быстро — такой скорости девочка не видела еще никогда. Он налетел на мужчину прежде, чем тот сумел подняться. Оба с грохотом покатались по полу и скрылись из виду.

Кто-то из них врзался в стену с такой силой, что кровать девочки вздрогнула. Мужчина взвыл, что-то со звоном разбилось об пол. Мужчина резко вскрикнул, за этим последовал тихий, на грани слышимости, шепот: «О, боже», — и глухой, тяжелый удар рухнувшего на пол тела. В квартире наступила тишина.

Девочка взглянула в окно, подумывая, не пора ли бежать, но, прежде чем она успела сделать хоть шаг, в дверях спальни вновь появился поджарый силуэт мальчишки.

Мальчишка шагнул в комнату, и девочка подалась назад. Похоже, это встревожило мальчишку — скользнув к окну, он вспрыгнул на подоконник. Спутанная рыжая шевелюра до плеч, густая россыпь веснушек на носу и щеках... и острые кончики ушей! Он поднял взгляд к звездам, будто впитывая кожей их волшебство, и снова взглянул на девочку. Теперь она заметила и цвет его глаз, золотистых, как у рыси.

Мальчишка склонил голову набок и улыбнулся. В золотых глазах блеснули искорки. В этом блеске чувствовалось нечто дикое — восхитительное и пугающее. Перекинув ногу через подоконник, на пожарную лестницу, он кивнул девочке, приглашая ее следовать за собой.

Девочка подалась вперед, но тут же замерла. О чем она только думает? Нельзя же так просто отправиться за этим странным мальчишкой в ночь!

Она покачала головой. Улыбка мальчишки померкла. Он снова оглянулся на звезды и помахал ей рукой, будто на прощание.

— Подожди! — окликнула она.

Мальчишка остановился.

Но, добившись этого, девочка просто не знала, что делать дальше. Она была уверена лишь в одном: ей совсем не хотелось, чтобы этот волшебный мальчишка ушел. Мерцание звезд привлекло ее взгляд. Звезды сияли так ярко, что девочке невольно подумалось: может, все это — сон? Или, может, этот мальчишка спустился прямо с небес, чтобы забрать ее с собой?

Она моргнула. Мысли путались в голове, ей нужно было минутку подумать. Хотелось в туалет, но это означало бы пройти через гостиную, а она вовсе не хотела туда — не хотела видеть, что золотоглазый мальчишка сделал с мужчиной. А еще не хотелось потерять мальчишку из виду: вдруг это разрушит чары, и, когда она вернется, он исчезнет навсегда, оставив ее одну? Взгляд девочки упал на массивную латунную пряжку ремня на полу, поверх скомканных шта-

нов, и пальцы девочки начали скручивать кайму ночной рубашки — ту же и ту же, пока из горла не вырвался всхлип. Из глаз хлынули слезы. Соскользнув с кровати, девочка опустилась на колени.

Мальчишка подошел к ней и присел рядом. Пока девочка рыдала, уткнувшись в ладони, он рассказал ей о волшебном острове. Об острове, куда нет хода взрослым. Где много других ребят, таких же, как она, любящих игры и смех. Где ждут увлекательнейшие приключения...

Девочка вытерла слезы и сумела улыбнуться, только головой покачивая в ответ на его глупую сказку. Но, когда он пригласил ее отправиться с ним, она вдруг обнаружила, что верит ему. И пусть внутренний голос откуда-то из глубины души предупреждал, что от этого странного мальчишки лучше держаться подальше, ей хотелось лишь одного — последовать за ним.

Она оглядела крохотную спальню, в которой этот мужчина лишил ее столь многого. Здесь не было ничего, кроме горьких воспоминаний. Что ей терять?

Как только мальчишка поднялся, снова собравшись в путь, она быстро оделась и последовала за ним — вниз по пожарной лестнице, на улицу, в ночь.

Если бы только девочка могла побеседовать с другими ребятами — с теми, кто рискнул последовать за золотоглазым мальчишкой прежде, — то поняла бы: в жизни всегда есть что терять.

Часть первая

Питер

Глава первая

Вор

В одном из уголков Проспект-парка в боро* Бруклин среди деревьев прятался вор. Но этому вору не нужны были ни оставленные без присмотра кошельки, ни сотовые телефоны, ни фотокамеры. Этот вор присматривался к детям.

Была ранняя осень, солнце клонилось к закату, и вор, похититель детей, лежа в тени, среди опавших листьев, наблюдал за играющими ребятишками. Дети взбирались на горку в виде огромной зеленой черепахи, съезжали вниз по ярко-желтому желобу, смеялись, вопили, дразнились, гонялись друг за дружкой по кругу. Но похитителя детей не интересовали все эти радостные лица. Ему требовался вовсе не любой ребенок. Он был разборчив. Он высматривал печальные лица, одиночек... пропавших детей. И чем старше, тем лучше — предпочтительно лет тринадцати-четырнадцати: подростки сильнее, выносливее, а значит, склонны дольше оставаться в живых.

* Единица административного деления города. Кроме Бруклина в число боро Нью-Йорка входят Манхэттен, Куинс, Бронкс и Статен-Айленд. Каждый из них имеет своего президента, окружного прокурора и муниципальное здание.

Вор понимал, что Матушка Удача улыбнулась ему, когда он нашел ту девочку. Она оказалась хорошей добычей — к несчастью для ее папаши. Вор усмехнулся, вспомнив, какую забавную рожу строил тот человек, когда нож вошел в его грудь. Но куда же Матушка Удача запропастилась теперь? Два дня охоты — и ничего! Прошлой ночью ему удалось довольно близко познакомиться с одним мальчишкой, но этого было мало. Поморщившись, он напомнил себе, что торопиться нельзя, вначале с ними нужно подружиться, завоевать их доверие — без этого ребенка не украсть.

Быть может, Матушка Удача вернется к нему этим вечером? Похититель детей знал: городские парки — прекрасные охотничьи угодья. Беспризорные, сбежавшие из дому, частенько располагаются на ночлег в кустах, умываются в общественных туалетах и постоянно ищут друзей.

Вот потому-то, пока солнце медленно скрывалось за городскими зданиями, в парк вместе с сумерками прокрался и вор. Теперь он лежал в засаде, выжидая, когда же сгущающаяся тьма рассортирует играющих детей.

Ник влетел в помещение склада и, тяжело дыша, прижался спиной к стальной двери. Прислонившись щекой к холодному металлу, он крепко зажмурил глаза.

— Блин, — сказал он. — Теперь мне точно конец. Вот шляпа-то...

В свои четырнадцать Ник был тощ и не по возрасту мал ростом. Темные, неровно подстриженные пряди волос обрамляли узкое лицо, подчеркивая его бледность. Ему давно пора было постричься, но в последнее время стрижка заботила его меньше всего на свете.

Ник сбросил рюкзак на пол, откинул челку со лба и осторожно закатал рукав черной джинсовой куртки. Взглянув на ожоги поперек внутренней стороны предплечья, он бо-

лезненно сморщился. Вздумшиеся красные отметины перекрещивали руку, складываясь в неровную букву Н.

Как ни старался Ник выбросить этот кошмар из головы, он возвращался вновь и вновь жгучими, яркими вспышками. Он прижат к полу — к полу собственной кухни. Тошнотворно-кислый вкус губки для мытья посуды во рту. Марко, огромный, с толстым загривком, хищно скалит зубы, ухмыляется, держа в пламени газовой горелки проволочную вешалку. Проволока дымится, раскаляется докрасна, а затем... боль, жуткая жгучая боль! И этот запах, господи, и, что еще хуже, звук... Он никогда не забудет шипения собственной плоти под раскаленным железом! Он пробует закричать, но только давится шершавой мокрой губкой, кашляет, а они смеются. Марко ржет прямо ему в лицо — длинный клочок волос на его подбородке трясется, выпученные глаза налились кровью.

— Знаешь, что значит это «эн»? — злобно цедит он. — Знаешь, педрила? Это значит «нарик». Еще раз кому-нибудь вякнешь, и я выжгу все это, мать его, слово на твоём длинном языке. Понял, ушлепок?

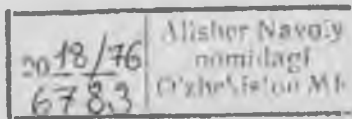
Ник вздрогнул и открыл глаза.

— Надо двигать...

Подхватив с пола рюкзак, он расстегнул молнию. Внутри было немного чипсов, хлеб, банка арахисового масла, карманный нож, две банки содовой, серая кроличья лапка на кожаном шнурке — и тысяча на тридцать долларов метамфетамина.

Покопавшись в сотнях крохотных пластиковых пакетиков, он отыскал серую кроличью лапку. Кроличья лапка была подарком отца — единственным, что осталось у Ника на память о нем. Поцеловав талисман, мальчик надел его на шею. Сегодня удача требовалась ему, как никогда.

Он выглянул за дверь и быстро окинул взглядом оживленную улицу: не видно ли где обшарпанного зеленого мик-

роавтобуса? Он надеялся, что какой-нибудь затор замедлит уличное движение и поможет ему добраться до метро живым, но поток машин двигался ровно и быстро. Между тем день угасал; вскоре микроавтобус станет лишь еще одной парой сверкающих в ночи фар...

Закинув рюкзак на плечо, Ник выскользнул на тротуар и, огибая немногих пешеходов, быстро домчался до конца квартала. На углу дул пронизывающий ветер, люди поднимали воротники и опускали взгляды. Ник тоже поднял воротник, обогнул группу пожилых людей, выстроившихся в очередь перед итальянским ресторанчиком, и постарался затеряться среди тех, кто шел к метро, возвращаясь с работы.

«Все, Ники-бой, — подумал он. — Конец тебе теперь». Но в глубине души он был рад и сделал бы что угодно, только бы увидеть рожи этих сукиных детей, когда они обнаружат, что их нычка пуста. Теперь Марко не скоро вернется в бизнес.

Сзади раздался гудок. Ник вздрогнул и резко обернулся. Сердце затрепетало у самого горла. Но это был не обшарпанный зеленый микроавтобус — просто кто-то решил запарковаться во втором ряду. При виде деревьев впереди Ник почувствовал невероятное облегчение. До Проспект-парка оставался всего квартал. Там, в зарослях, его нелегко будет заметить. Можно пройти через парк и выйти прямо к станции метро!

Ник сорвался с места и помчался вперед.

Сумерки сгущались, тени накладывались друг на друга, слой за слоем, пока игровую площадку не окутала тьма. Одна за другой зажглись, загудели натриевые лампы фонарей, и их дрожащий желтый свет наполнил парк длинными зловещими тенями.

Родители разошлись, детская площадка опустела. Мусорные баки, переполненные бутылками из-под содовой и грязными подгузниками, стояли по углам, точно часовые. Отдаленный шум автомобилей и мерный ритм чьего-то стереопроеигрывателя, включенного на полную громкость, эхом разносились над землей.

И тут похититель детей увидел вбежавшего в парк мальчика. Тот перебегал из тени в тень, стараясь поскорее миновать островки света фонарей, но вор разглядел его лицо еще издали — и улыбнулся при виде замешательства и страха на лице мальчишки.

Что загнало его сюда? Жестокое обращение; отсутствие заботы, сексуальное насилие? Быть может, все вышеперечисленное? До этого вору не было никакого дела. Главное — что-то вынудило мальчишку оставить безопасное место ночлега и бежать, бежать в ночь. И он бежал — подобно множеству таких же беглецов, сам не зная куда.

«Не бойся, — подумал вор. — У меня найдется для тебя место. Там можно славно поиграть».

Сощурив золотые глаза, вор улыбнулся шире прежнего.

Ник разминулся с юной парочкой, направлявшейся к выходу из парка, хихикая и прижимаясь друг к другу, как сиамские близнецы. Далеко обошел мужчину с собакой. Собака — что-то вроде крупного пуделя — пристыженно взглянула на Ника, присев по своим делам. Мужчина тупо таращился в экран телефона, набирая какой-то текст. Похоже, его совершенно не заботило, что его пес раскладывает мины прямо на дорожке.

Далеко впереди показалась стайка юнцов. Они шли через парк, громко крича и кривляясь. От таких только и жди неприятностей, а неприятностей Нику хватало и без того. Свернув с дорожки, он направился к деревьям.

Продравшись сквозь кусты, Ник спрыгнул в широкий ров. Под ногу подвернулся скользкий кусок картона. Не удержавшись на ногах, Ник рухнул на нечто мягкое. Нечто мягкое зашевелилось.

— Э! — воскликнул кто-то снизу.

Нечто мягкое оказалось спальным мешком, таким потрепанным и засаленным, будто его выловили из сточной канавы. Кто-то оказался женщиной, и выглядела она не лучше — ни ярко-красная помада на губах, ни толстый слой макияжа не могли скрыть следов разрушительного воздействия жизни на улице. Когда-то она, возможно, была симпатичной, но теперь из-за свалявшихся волос, ввалившихся глаз и впалых щек напоминала мертвеца.

Перевернувшись набок, она села, пригляделась к Нику и улыбнулась.

Из соседнего спального мешка выглянул лысый человек с длинной неопрятной седой бородой.

— Кто там?

Тут Ник разглядел, что в кустах, среди картонных коробок, под голубыми пластиковыми тентами, вокруг тележки из супермаркета, набитой мешками для мусора, разложено еще несколько спальных мешков.

— Просто мальчишка, — ответила женщина. — Какой нежный малыш...

Ник скатился с нее, но, как только он попытался встать, она схватила его за руку. Жесткие, костлявые пальцы сомкнулись на его запястье. Вскрикнув, Ник попытался высвободиться, но безуспешно.

— Куда ты, сладенький? — спросила женщина.

— Ищешь чего, малец? — спросил и мужчина, неуверенно поднимаясь на ноги.

Из спальных мешков и картонных коробок начали выглядывать и другие. Тусклые, сонные взгляды устремились на Ника со всех сторон.

— Ну конечно, — с лукавой улыбкой сказала женщина, — он кое-что ищет. Десять баксов, сладенький, и я взорву не только твой мозг. Есть десятка?

Ник в ужасе уставился на нее.

Старик запыхтел и громко хмыкнул.

— Козырная сделка, парень. Ты уж мне поверь. Еще добавки кланчить будешь!

Некоторые из остальных закивали и разразились хохотом.

Ник отчаянно замотал головой и вновь попытался высвободить руку. Но женщина держала крепко.

— Ну, тогда пять баксов, — сказала она. — Всего пять баксов, и я взорву твою хлопушечку. Что скажешь?

Краем глаза Ник заметил, что двое мужчин заходят к нему со спины, не спуская с него жестких голодных взглядов, пожирая его глазами, будто бесплатный обед.

— Пустите, — умоляюще заговорил он, пытаясь разжать пальцы женщины. — Пожалуйста, леди. Прошу вас, пустите меня.

— Упускаешь шанс, — проворковала она и внезапно разжала руки.

От неожиданности Ник рухнул прямо на одного из мужчин сзади. Тот схватил Ника за волосы, развернул к себе спиной и положил руку на его рюкзак. Ник вскрикнул и рванулся прочь, оставив в руке мужчины прядь вырванных волос, но на волосы было плевать — главное, рюкзак сберечь. В рюкзаке лежало все его имущество. Крепко прижав рюкзак к груди, он развернулся, вскочил на ноги и бросился из рва прочь. Продравшись сквозь кусты, он пустился бежать со всех ног, провожаемый омерзительным смехом, и бежал без остановки, пока ров не остался далеко позади. Впереди показалась детская площадка. Опустившись на землю и прислонившись спиной к огромной, улыбающейся во весь рот черепахе, он перевел дух и мало-помалу начал успокаиваться.

«В канаве, — подумал он. — Мне что же, в канаве сегодня ночевать? И завтра, и послезавтра? В компании вот с такими уродами?»

Он снял рюкзак и бросил его на землю между ног. Сердце колотилось так, будто вот-вот вырвется из груди. Внимательно оглядев тени между деревьями, он убедился, что вокруг никого нет, и за ним никто не гонится, и только после этого вынул из кармана скомканные купюры и быстро пересчитал их. «Пятьдесят шесть долларов. Долго ли на них протянешь? — он приподнял рюкзак, прикидывая его вес. — Нет, это не все. Найти бы дилера, и денег будет сколько надо». Вот только как четырнадцатилетнему мальчишке организовать продажу крупной партии наркотиков? Эту часть плана он как-то не продумал. «Ничего, справлюсь, — заверил он самого себя. — Нужно только разыграть все с умом. Отнесу их... отнесу... куда отнесу?»

— Блин, — сказал он вслух, вспомнив, что сейчас важнее всего добраться до метро и свалить отсюда ко всем чертям.

«Хорошо, а потом? Дальше-то что?» Окинув взглядом кусты, он осознал, что у него нет даже спального мешка. Может, мать была права? Может, лучше было просто держаться от Марко подальше? По крайней мере, тогда ему было бы где спать и что есть. Он закатал рукав, взглянул на обожженную руку и снова вспомнил ненавистную ухмылку и налитые кровью глаза Марко. «Нет, — подумал Ник. — Все из-за нее. Все. Это она привела этих кровопийц в наш дом. Если б не ее эгоизм, ничего этого не было бы».

Он зло утер с глаз выступившие слезы.

— Блин, — снова протянул он. — Блин...

Из-за деревьев донесся глухой топот. Ник вскинулся и обернулся, ожидая увидеть Марко или ту мерзкую женщину с накрашенными губами, но не увидел ничего, кроме деревьев да желтого света фонарей. Он огляделся. Вокруг не было ни души, в парке вновь наступила зловещая тишина.

Вдруг краем глаза он заметил движение. Тень размером с мальчишку вскарабкалась на дерево и исчезла среди ветвей.

— Что за чертовщина? — прошептал Ник, но тут же решил, что на самом деле совсем не хочет это выяснять.

Развернувшись, он помчался к улице.

Ник выскочил из парка прямо напротив станции метро. Пропустив поток машин, он двинулся через улицу, сделал три шага — и замер на месте.

— Вот дерьмо, — пробормотал он.

На лестнице, ведущей на станцию, прислонившись спиной к перилам, стоял Бенни — один из ребят Марко, один из дюжины подростков, торговавших для него дурью. По спине Ника пробежал холодок.

«Знает ли Бенни, что произошло?»

Бенни прижимал к уху сотовый телефон.

«Конечно, знает».

Гудок автомобиля напомнил Нику, что он стоит посреди улицы. Развернувшись, он прыгнул на тротуар, опустил голову и зашагал обратно к парку. «Только не бежать, — сказал он себе. — Он тебя не видел. Шагай. Держись спокойно».

Оказавшись среди деревьев, он рискнул оглянуться. Бенни исчез.

Ник понимал, что если Бенни заметил его, он уже обзванивает всех, и пропажу вот-вот начнут искать. «Господи, — подумал Ник, — что же делать? — он двинулся в глубь парка, то и дело поглядывая назад. — Не оставаться же в парке навсегда».

— Йо, чел. Ваззап?

Ник вскрикнул от неожиданности: нагнав его сзади, с ним поравнялся парень на навороченном велике «ВМХ». Резко развернув велосипед, он загородил Нику путь.

С виду этот узкоглазый пацан был на пару лет старше Ника. Одет он был в мешковатую куртку минимум на два

размера больше, чем нужно, и широкие, едва удерживавшиеся на бедрах штаны. Светлые волосы, заплетенные в косы-корнроуз, торчали из-под бейсболки с эмблемой «Доджерс», как наэлектризованные гусеницы.

Пацан небрежно развалился в седле, упершись ногами в землю. По губам его зазмеилась зловещая самодовольная улыбочка.

Сердце Ника застучало, как выбивающий дробь барабан. «Может, он из пацанов Марко? Выглядит в точности как эти козлы».

Пацан с косичками-гусеницами почесал прыщавый подбородок и навалился на руль велосипеда.

— Йо, друган. Долларом подогреешь?

Ник немного расслабился. Просто еще один хрен вознамерился его обтрясти. Неужели он и вправду поверил, что все местные пацаны только и делают, что ищут его?

Не получив ответа, башка-в-гусеницах вздохнул, вынул изо рта комок жвачки, прилепил его к рулю и мрачно взглянул на Ника, будто говоря: «Ну что ж, к делу».

С такими козлами Нику приходилось иметь дело каждый день — немного унижения, немного рукоприкладства, немного утраченного самоуважения — эта забава не кончалась никогда. Но сейчас у Ника не было времени на подобные игры. Нужно было убираться отсюда, да поскорее. Ник уже подумывал, не сунуть ли ему всю наличность — тогда он, возможно, уберет хотя бы рюкзак. Но далеко ли ему удастся уйти без гроша в кармане?

— Йо, чел, я с тобой говорю.

Тон парня явно означал, что старина Ники-бой чрезмерно испытывает его терпение.

«Интересно, этот клювастый типа-гангстер хоть фразу может сложить без “йо, чел” и “друган”?» — подумал Ник.

— Йо, друган, — продолжал парень, — ты чо, глухой или типа борзый?

Он щелкнул пальцами прямо перед носом Ника. Ник вздрогнул и отшатнулся.

— Да не дергайся, друган, — фыркнул пацан. — Спокуха, чел. Я — так, прикалываюсь.

Ник ухитрился растянуть губы в улыбке и выдавить смешок — и тут же возненавидел себя за это. Хуже этих нескончаемых «приколов» было только одно — притворяться, будто тебе самому смешно. Но в этом случае смех был ошибкой: дело происходило не в школе. Ник был один в ночном парке, и этот смешок подсказал пацану, что перед ним не боец, а жертва.

Пацан понизил голос, заговорил холодно, серьезно:

— Сколько у тебя денег?

Угрожающий тон напугал Ника: казалось, этот пацан вполне мог переступить черту и всерьез избить его, а то и изувечить.

— Я здесь со старшим братом, — сказал Ник, стараясь говорить как можно спокойнее, словно рядом и в самом деле был старший брат, готовый защитить его.

Но пацан даже не потрудился оглянуться. Просто сидел, скрестив руки на груди, и выражение его лица яснее всяких слов говорило: «лажу мне тут не гони».

— Он только что ушел вон туда, за деревья, — сказал Ник, указав на темные заросли. — Отлить. В любой момент вернется.

Конечно, в сумраке среди деревьев не было никакого старшего брата, отошедшего облегчиться, но если бы кто-то из мальчишек удосужился приглядеться, то вполне мог бы увидеть тень с золотистыми глазами, тихо кривящуюся к ним вдоль ветви огромного дуба.

Пацан медленно покачал головой.

— Йо-о-опта...

Его малопристойная присказка прозвучала, как долгий разочарованный вздох; он точно вопрошал, зачем же Ник врет такому славному парню, как он.

— Йо, в рюкзаке чо?

Ник крепче стиснул лямки. Откинув челку с глаз, он огляделся в поисках пути к бегству.

— Эй, — сказал пацан, сощурившись на Ника. — Где это я тебя видел?

Ник похолодел.

— Ну точно! Ты ж у Марко в доме живешь.

«Только это не его дом!» — захотелось крикнуть Нику. Дом принадлежал бабушке Ника. Марко был всего-навсего съемщиком, но он и его дружки взяли верх и распоряжались домом, как своим, а мать Ника — его треклятая мамаша — даже не пыталась сделать с этим хоть что-нибудь.

— Ага, — продолжал пацан, — ты — тот ненормальный, который живет наверху вместе с мамочкой и никогда не выходит из комнаты. Марко говорит, то ли педик, то ли еще что-то такое.

Если «ненормальный» означало, что Ник не играет в де-леж территории с этими «типа-гангстерами» с улицы, не теребит ежеминутно мотню на штанах, не зовет девочек сучками, не носит свитеров на три размера больше нужного и не строит из себя «тру гангста» с утра до вечера, то да, с этим нельзя было не согласиться. Но Ник понимал: дело не только в этом. Даже в Форт-Брэгге, до переезда, у него никак не получалось попасть в струю, вписаться в компанию. А уж здесь, в Бруклине, где «ненормальный», в сравнении с тем, как называли его местные пацаны, звучало едва ли не ласково, он вовсе начал чувствовать себя прокаженным или пришельцем с другой планеты. Поэтому в последнее время он оставил все попытки завести друзей и, пожалуй, слишком много времени проводил в своей комнате, читая, рисуя, играя в видеоигры — все что угодно, лишь бы избежать столкновений с уродами вроде этого.

— Эй, а ты Бенни не видел?

— Кого? — переспросил Ник, отступив на шаг назад.

— Что значит «кого»? Бенни! Друган, он же постоянно у вас в доме торчит. Не видел его?

Ник помотал головой и отступил еще на шаг, но пацан толкнул велик вперед и догнал его.

— Слушай, мне пора, — заговорил Ник. — Э-э-э... Надо сделать кое-что. Для Марко. Сам понимаешь.

— Чо? Для Марко? Ты теперь под Марко бегаешь? Да не гони.

— Ничего особенного, — поспешно добавил Ник. — Мелкое поручение.

— А, вон как! — голос пацана внезапно зазвучал так приветливо, словно это вовсе не он только что собирался избить Ника и вытрясти из него все до последнего цента. — Бенни и за меня замолвил словечко. Сказал, может, Марко и меня скоро к делу пристроит. Слышь, друган, — с запозданием добавил он, — ты ж понимаешь, я просто прикалывался, ага? Без обид, ага?

— Конечно, — ответил Ник, вновь заставив себя улыбнуться — что угодно, только б убраться отсюда поскорее. — Ладно, увидимся.

Он направился к детской площадке.

— Йо, — крикнул пацан ему вслед. — Увидишь Марко, скажи: увак к нему от брата Джек!

«Именно так и сделаю, — подумал Ник. — Когда он будет жечь мне язык раскаленной проволокой, обязательно скажу: твой приятель Джек передавал привет».

Тут телефон Джека ожил. Ник понял, что это Бенни, еще до того, как Джек успел ответить, и зашагал быстрее.

Пацан нашарил в кармане телефон и открыл его.

— Йо. Чо? Друган, ты ж сказал — в парке. Чо? Гонишь! Чо, правда — он? Да не гони! Ох, ни хрена себе! — пацан метнул быстрый взгляд вслед Нику. — Не, я для тебя кое-что получше сделаю. Не, братан, у меня тут как раз то, что тебе нужно.

Сердце Ника забилося в груди, точно пойманная птица.

— Да, — продолжал пацан, — в точности. Окей, круто. У черепахи. Ну знаешь эту уродскую зеленую горку на детской площадке? — он еще раз взглянул на Ника. — Не бойсь, не уйдет...

Ник бросился бежать. Если он успеет добраться до деревьев, то сможет скрыться в кустах, и тогда у него будет шанс. Он мчался так быстро, что даже не услышал приближения велосипеда. Обгоняя Ника, мальчишка пнул его в бок. Не удержавшись на ногах, Ник упал и проехался поперек дорожки, ободрав ладони о шершавый бетон. Ник вскрикнул от боли и хотел вскочить, но пинок подоспевшего Джейка снова сбил его с ног.

— Ты ж не уйдешь, не дождавшись старшего брата, верно? — спросил Джейк, пнув Ника еще раз.

О бетон зашлепали подошвы кроссовок, и к Нику с Джейком подбежали двое мальчишек.

— Йо! Йо! Джейк! — завопил один из них.

Это был Бенни.

— Друган, видал, какой удар? — звенящим от восторга голосом заорал в ответ Джейк. — Видал, а? Да я прямо Стивен, мать его, Сигал! — оттянув одной рукой мотню штанов, он втянул нижнюю губу, затряс головой и растопырил пальцы. — С Джейком-Змеем не шути! Что скажешь, Бенни? — Джейк поднял навстречу Бенни кулак костяшками вперед. — Брофист, нигга!

Взглянув на Джейка едва ли не с жалостью, Бенни оставил его кулак без внимания и устремил холодный взгляд на Ника. Взгляд его ясно говорил, что он, в отличие от этого дауна Джейка, шутить не намерен.

Бенни был очень здоров. Ник краем уха слышал, что тот был дифенсив тэклом* в команде школы Авраама Линколь-

* *Дифенсив тэкл* — в американском футболе игрок, стоящий в центре линии защиты. Его задачей является либо атака квотербэка (для этого нужно пробиться сквозь построение лайнменов нападения), либо перехват игрока, бегущего с мячом через середину линии схватки.

на, пока его не выгнали за нападение на учителя математики — по слухам, он выколол учителю глаз карандашом. Крепкие мускулистые руки, будто корни дерева, способные разрывать квотербэков пополам, густые сросшиеся брови, нависшие над маленькими, сощуренными глазами... Взгляд этих глаз был холоден. Нет, в нем не было угрозы — только холод, будто Бенни не испытывал совершенно никаких эмоций.

Бенни смотрел на Ника, сверля его холодным, бесчувственным взглядом. Наконец он сказал:

— Да-а. С кем бы мне сейчас меньше всего хотелось поменяться местами — это с тобой.

— Точняк! — добавил Джейк. Затем он обратился к третьему, невысокому мускулистому парню с короткими толстыми руками и покатыми плечами: — Йо, Фредди! Глянь на его обувку! Зашквар полный!

— Пидорские кеды, — согласился Фредди, пнув Ника в подошву. Его бруклинский акцент был так силен, будто Фредди набрал полный рот стеклянных шариков.

Речь шла о липовых «конверсах» Ника, зеленых, как шляпа лепрекона. На это Ник даже не обиделся — ни у кого в мире эти кеды не вызывали большего омерзения, чем у него самого. Кеды были из тех, что можно найти в любом дисконтере, в корзине прямо под витриной с часами за доллар. Он вырос из своих зеленых «вансов» — лучшей пары обуви для скейтинга, какая у него когда-либо была — вскоре после переезда, попросил мать купить новую пару, и она вернулась домой вот с этим чудом. Ник тут же спросил, как в них ездить на скейте, вправду ли она думает, что он пойдет в этом в школу, и действительно ли она — самая жуткая скряга во всем этом долбаном Нью-Йорке. В ответ она назвала его избалованным щенком и вышла из комнаты. Скейт, конечно, исчез вскоре после того, как в доме появился Марко, и эта часть дела разрешилась сама собой, но как впи-

саться в общую компанию, если в школе тебя каждый день высмеивают?

Бенни раскрыл сотовый телефон, нажал повторный вызов, откинул капюшон худи с эмблемой «Никсов» и почесал темный ежик волос на затылке.

— Эй, Марко! Ну, кто у нас молодец? Точно. Нет, какой там треп. Конечно, поймал. Он, придурок, пошел прямо к метро, как ты и говорил. Мы в парке. Не знаю... — Бенни огляделся вокруг. — Тут, рядом с детской площадкой. Нет, не с той. Рядом с той, где эта идиотская черепаха. Ждем. Не волнуйся, никуда этот сучонок не денется.

Бенни захлопнул крышку телефона.

— Рюкзак проверь.

Фредди схватился за рюкзак Ника. Вырвав рюкзак, Ник вскочил на ноги, но, не успел он сделать и полшага, как Фредди поймал его и больно заломил руку.

Бенни выдернул рюкзак из рук Ника.

— Интересно, что у нас тут? — саркастически спросил он, расстегивая молнию.

Заглянув внутрь, он присвистнул и показал рюкзак Джейку с Фредди. Те выпучили глаза.

— Блин! Да тут на сотню тыщ! — воскликнул Фредди.

Джейк изумленно уставился на Ника.

— Чел, Марко порежет тебя на куски и рыбам скормит.

Ник рванулся, пытаясь вывернуться из захвата, и закричал, завопил во все горло. Бенни ударил его. В голове будто разорвалась ракета. Ник снова закричал, и тогда Бенни ударил его в живот. Ник согнулся чуть ли не вдвое. Схватив его за волосы, Бенни резко вздернул голову Ника кверху и склонился к самому его лицу.

— Хочешь удрать? — ухмыльнувшись, Бенни ухватился за пояс штанов Ника и сдернул их вниз, до самых щиколоток. — Давай. Беги.

Ник закашлялся, захрипел, пытаясь вдохнуть.

— Пусти его, — сказал Бенни.

Фредди разжал пальцы.

Ник схватился за живот и едва не упал.

— Давай, дохляк, — сказал Бенни. — Чего ждешь? Линяй.

Джейк с Фредди дружно фыркнули.

Бенни толкнул Ника вперед. Споткнувшись, Ник затоптался на месте, но сумел устоять, несмотря на спущенные к щиколоткам штаны.

Джейк с Фредди злорадно заржали.

Тогда Бенни ударил Ника плечом, будто лайнбэкера*. Запутавшись в штанах, Ник рухнул на землю.

— Проверьте штаны и трусы, — велел Бенни. — Этот мелкий педрила мог и в задницу что-то запихать.

Прижав Ника к земле, Фредди сунул руку в его карман и вытащил стопку купюр.

— Ого! Сегодня получка!

— Дай сюда, — сказал Бенни, забирая у него купюры. — Это деньги Марко.

Бенни склонился над Ником так низко, что Ник смог разглядеть следы томатного соуса у уголков его рта.

— Марко сказал, что привезет ящик с инструментами. Сказал, устроит настоящее шоу ужасов. Люблю шоу ужасов. А ты?

Ветка над ними вздрогнула, вниз посыпались желтые листья. За этим последовал глухой удар о землю.

Ник с Фредди увидели его первыми. Заметив перемену в их лицах, Бенни с Джейком резко обернулись.

На дорожке стоял мальчишка — немногим выше Ника. На нем были сшитые вручную кожаные штаны с пришитыми прямо к штанинам остроносими сапожками. Еще он был одет в потрепанный фрак, старомодный, с длинными фал-

* *Лайнбэкер* — в американском футболе игрок второй линии защиты.

дами, под ним — черная худя, а на груди, будто кошелек, висела сумка из сыромятной кожи. Мальчишка откинул капюшон, выставив на всеобщее обозрение копну рыжих волос длиной до плеч с множеством застрявших в ней листьев и веточек. Нос его и щеки украшала густая россыпь веснушек. Уши его были заострены, как у Спока или у одного из маленьких помощников Санта-Клауса, но самым странным был цвет глаз — ярко-золотой.

Мальчишка упер руки в бедра, и лицо его озарилось широкой улыбкой.

— Меня зовут Питер. Можно мне тоже с вами поиграть?

Похититель детей присматривался к подросткам, не забывая улыбаться, тщательно скрывая презрение. «Надо действовать хитро, — подумал он. — Иначе вся забава будет испорчена».

Лица трех подростков постарше застыли в растерянности.

«Слепы, — подумал Питер. — Слепы, как орех в скорлупе. Повсюду вокруг волшебство, а они не видят его ни капли!»

Как же такое возможно? Каких-то пару лет — а может, даже месяцев назад они еще были детьми, волшебство переполняло их, открытых навстречу всем чарам, витающим вокруг...

«А взглянуть на них теперь? Жалкие неуклюжие идиоты, обреченные всю оставшуюся жизнь провести в поисках того, что потеряли и даже не заметили потери. Я окажу им услугу, выпустив кишки всем троим, — при этой мысли глаза Питера заблестели озорным огоньком. — Дьявол, это будет забавно. Смотреть на их лица, когда они начнут жонглировать собственными потрохами... В самом деле, забавно — да еще как!»

Питер

Но он пришел сюда не ради забав. Ему предстояло обзавестись новым другом.

Питер взглянул на мальчишку со спущенными до щиколоток штанами — того, что так старался сдержать слезы. Его нужно было расположить к себе — ведь ребенка нельзя протащить сквозь Туман против воли. Этого Туман не позволил бы ни за что. Однако ребенок может пойти сквозь Туман за тобой — для этого он должен тебе доверять. Но доверия ребенка не завоеешь, выпустив прямо на его глазах кишки троим подросткам — пусть даже самым злобным и мерзким. Так новых друзей не найти.

Питеру очень нравилась эта часть дела — завоевывать детские сердца. Это давало возможность немного поиграть. «Игры — дело важное. Разве не игра отличает меня от таких, как эти мутноглазые гаденыши?»

И похититель детей решил поиграть с ними — чуть-чуть.

— Так можно и мне с вами поиграть? — повторил мальчишка.

Фредди напрягся, хватка его сжалась сильнее, и Ник понял, что Фредди обескуражен появлением рыжеволосого золотоглазого мальчишки не меньше, чем он сам.

— Ты что за хрен такой?! — прорычал Бенни.

— Я Питер.

— И какого хрена ты от нас хочешь?

— Поиграть, — раздраженно ответил Питер. — Сколько раз тебя спрашивать, куриные мозги?

Сросшиеся брови Бенни съехались к самой переносице.

— Куриные мозги?

Впервые в жизни Ник видел Бенни в замешательстве. Бенни оглянулся на Фредди, будто не в силах понять, считать ли эти слова оскорблением.

— Ого. Пацан, не стоило так говорить, — сказал Фредди. — За такое он тебя убьет.

Но Бенни не был похож на человека, готового кого-то убить. Он, как и все типы вроде него, не привык к такому откровенному пренебрежению, и был сбит с толку.

— Ну, какие правила? — спросил Питер.

От замешательства сросшиеся брови Бенни сложились домиком.

— Что? — откликнулся он.

— Да, — вздохнул Питер, закатив глаза, — блестящий ум. Правила, хрен ты с ушами. Какие правила у этой игры со штанами?

— Правила? — Бенни немного пришел в себя, и теперь голос его звучал не озадаченно, а зло. Шмякнув рюкзаком Ника о землю, он ткнул пальцем в сторону Питера. — Я не играю по правилам, понял, придурок хренов?!

— Хорошо, — ответил Питер.

Никто и глазом моргнуть не успел, как он метнулся вперед и сдернул мешковатые треники Бенни до самых щиколоток.

— Один-ноль! — крикнул Питер.

На миг Бенни застыл с отвисшей челюстью, уставившись на собственные трусы. Честно говоря, на его трусы уставились все, и они оказались отнюдь не из стильных «кельвин клайнов». Судя по множеству дыр и пятен, эти старомодные, ничем не примечательные белые трусы сменили не одно поколение владельцев.

Щеки Бенни побагровели, будто лавовая лампа. Он поднял взгляд. Казалось, его крохотные узкие глазки вот-вот вылезут из крохотных узких глазниц.

— Ах ты сучонок!!! — заорал Бенни и выбросил руку вперед, стараясь схватить Питера.

Но рыжеволосый мальчишка оказался быстр — невероятно быстр. Ник никогда в жизни не видел такого проворства. Бенни промахнулся, ноги его запутались в штанах, и он упал — сверкая дырявыми исподниками, шлепнулся на дорожку, как толстый мешок дерьма.

Его выходка была вознаграждена громогласным искренним хохотом остроухого мальчишки. Ник тут же обнаружил, что тоже улыбается. Улыбку не получалось сдерживать никак.

Фредди отшвырнул Ника назад и прыгнул на Питера. Питер без всяких усилий отскочил в сторону, наступив прямо на затылок Бенни и расплющив его лицо о бетон дорожки. Бенни поднял голову. Нос его торчал под неестественным углом, из ноздрей потекла кровь.

— Ничего себе! — вырвалось у Ника.

Фредди бросился за Питером и прыгнул через Бенни как раз в тот момент, когда тот попытался встать. Столкнувшись, Бенни и Фредди упали.

Подпрыгнув высоко в воздух, Питер согнул ноги и приземлился на спину Фредди обоими коленями — таким трюком мог бы гордиться любой профессиональный рестлер. Удар вышиб из легких Фредди весь воздух, до ушей Ника донеслось болезненное «уф-ф-ф».

Фредди свалился с Бенни и покатился по траве, разевая рот в безуспешных попытках вдохнуть, будто рыбка-гуппи во время кормежки. Пока Фредди старался вобрать в легкие хоть унцию воздуха, Питер подскочил к нему, ухватил сзади за пояс и рывком спустил с него штаны.

— Два-ноль!!! — объявил Питер. — Два-ноль в мою пользу!

Он подмигнул Нику и разразился новым залпом смеха.

Ник не знал, что и думать — восторгаться или ужасаться.

Питер переключился на пацана с велосипедом. Уперев руки в бедра, он устремил на Джейка недобрый взгляд, приглашая его дерзнуть сделать свой ход.

Но Джейк — старый добрый мастер ван-фу, Джейк-Змей, прямо Стивен, мать его, Сигал — застыл на месте, да так, будто его хватил удар.

— Ну, козел!!! — завизжал Бенни, поднимаясь на ноги. Рывком натянув штаны, он сунул руку в карман, вытащил

нож — здоровенный нож — и с резким щелчком раскрыл лезвие. — Ну, козлина! Козлина позорный!!!

— Ой, блин, — вырвалось у Ника.

Бенни был вдвое выше и, должно быть, вчетверо тяжелее, чем Питер. «Беги, пацан, — подумал Ник. — Беги, пока есть возможность». Но Питер стоял на месте, уперев руки в бедра и плотно сжав губы. Глаза его сузились, превратившись в темные щелки.

Нижняя губа Бенни тряслась мелкой дрожью. Сплюнув кровью, он завизжал, бросился вперед и взмахнул ножом, норовя полоснуть Питера по лицу.

Питер пригнулся и развернулся на месте, и Ник вновь поразился его быстроте. Питер ударил наотмашь, и его кулак угодил Бенни прямо в лицо. Сидя на земле, Ник не смог разглядеть удара, но, судя по тому, как запрокинулась голова Бенни, судя по жуткому хрусту, устоять на ногах он не мог.

Бенни рухнул на колени. Руки его безжизненно обвисли, и он упал на бетонную дорожку лицом вниз.

По спине Ника пробежал холодок. «Он мертв! Наверняка мертв!» На долю секунды лицо Питера приняло странный, будто затравленный, вид, но, словно зная, что Ник не сводит с него глаз, рыжеволосый мальчишка тут же вновь хитро улыбнулся. Однако мимолетное выражение его лица не оставляло мыслей Ника. В нем было что-то дикое, наводящее жуть.

Присев над Бенни, Питер ухватился за резинку его штанов и снова сдернул их до щиколоток.

— Тоже считается! Три-ноль в мою пользу! — с восторгом объявил Питер. — Я выиграл!

Запрокинув голову, он закричал петухом.

С ужасом глядя на него, Фредди кое-как натянул штаны и поднялся. Кинувшись прочь, он столкнулся с Джейком, едва не сбив того с велосипеда. Джейк покосился на Ника и стрельнул взглядом в сторону его рюкзака.

«Ой-ей! Нет!» — подумал Ник, рванувшись к рюкзаку, но вновь запутался в спущенных штанах и упал. Он яростно рванул пояс штанов вверх. Тем временем Джейк подхватил его рюкзак и помчался прочь, бешено вращая педали. К тому времени, как Ник справился со штанами, Джейка и след простыл.

Питер с хохотом замахал рукой ему вслед.

— Поки-чмоки!!!

— Твою мать! — закричал Ник, ударив кулаком по траве. — Твою мать! Твою ж мать!!!

— Эй, малыш, — окликнул его Питер. — Как я их, а?

Ник схватился за голову, крепко вцепившись в собственные волосы. «Что же теперь делать? — подумал он. — Теперь-то точно кранты».

— Ну, так как я их, а? — повторил Питер. — Что скажешь?

Только тут Ник понял, что Питер обращается к нему.

— А? — негромко, неуверенно переспросил он.

— Ну, игра со штанами! Я выиграл — скажешь, нет?

Глядя на Бенни, распростертого на дорожке кверху задницей, выглядывающей из-под сползших трусов, с этим нельзя было не согласиться.

Подойдя к Нику, Питер протянул ему руку.

Ник отшатнулся.

— Эй, — сказал Питер, — все окей. Мы же в одной команде, забыл?

Ник неуверенно подал руку. Питер от души встряхнул ее и поднял Ника на ноги.

— Я — Питер. А тебя как звать?

— Ник, — рассеянно ответил Ник, оглядывая парк.

Несомненно, Марко с друзьями могли появиться из-за деревьев в любой момент, и Ник прекрасно знал, что эти типы шутить не будут — они вооружены и без колебаний пристрелят их обоих.

— Рад знакомству, Ник. Ну, Ник, чем теперь хочешь заняться?

— Что?

— Чем теперь хочешь заняться?

— Убраться отсюда, — буркнул Ник.

Сделав несколько шагов к деревьям, в сторону станции метро, он остановился и полез в карман.

— Блин!

Бенни забрал все до цента. Придется искать другой способ убраться из Бруклина. От страха сдавило грудь. Куда идти? Марко мог оказаться где угодно, мог явиться с любой стороны! Быстро развернувшись, Ник едва не врезался в Питера. Он даже не слышал, что остроухий мальчишка идет следом. Глаза Питера озорно блеснули.

— Так что? Каков план?

— Что? — заговорил Ник. — План? Слушай, пацан...

— Питер.

— Питер, ты не понимаешь, за мной гонятся жуткие типы, и...

Казалось, Питера это только обрадовало.

— У них стволы. Они шутики шутить не будут. Они тебя убьют.

— Ник, я же сказал: мы в одной команде.

Ник хрипло засмеялся. «Господи, он думает, это какая-то игра!»

— Хочешь, мы сами их убьем? — предложил Питер. — Можем здорово поразвлечься!

— Что? — недоверчиво переспросил Ник, видя, что мальчишка не шутит. — Нет, даже видеть их не хочу. Мне нужно исчезнуть, да поскорее.

— Я знаю один тайный путь, — сказал Питер, взглянув направо и налево. — Они нас ни за что не заметят. За мной!

Питер сорвался с места и помчался вперед.

«Чокнутый», — подумал Ник, но тут же почувствовал неодолимое желание без оглядки рвануть следом. В золо-

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

тоглазом мальчишке было нечто притягательное, и Нику — вопреки всякой логике и разуму — очень хотелось пойти с ним. Ник вновь оглядел парк. Вокруг было темно. Он был один, а одному так тяжело... Он крепко стиснул кроличью лапку, глубоко вдохнул и пустился вдогонку за золотоглазым мальчишкой.

Глава вторая

Ник

Они устроились отдохнуть во двореке небольшой церкви. Около часа Питер вел Ника сквозь лабиринт закоулков и задворок — он шел, бежал, перебирался через заборы, нырял в кусты... Казалось, шнырять по городу незамеченным для него совершенно естественно.

Парк остался далеко позади, и Ник вздохнул свободнее. Он рухнул на скамейку, а Питер вспрыгнул на нее, устроился рядом на корточках, будто на насесте, и поднял взгляд к звездам, сделавшись очень похожим на каменную горгулью.

— Ник, тебе есть куда податься?

— Конечно, — ответил Ник. — Ну, я... Так, есть одно место. Ну...

Тут он осекся. Куда он пойдет? Ни денег, ни рюкзака — ничего. Ни единого никеля*, ни даже этой треклятой банки арахисового масла. К глазам подступили слезы. Вернуться домой? Об этом не могло быть и речи. Ник вспомнил ханыг

* *Никель* — разговорное название монеты в 5 центов.

из парка. Скоро ли и он станет одним из них? Скоро ли станет вечно грязным, больным, озябшим и голодным? Скоро ли будет готов на все что угодно ради жалкой подачки? И это — если ему вообще удастся выбраться из Бруклина живым...

Слезы покатались из глаз.

— Не знаю! — выпалил он.

Пока Ник рыдал, уткнувшись лицом в ладони, золотоглазый мальчишка молча сидел рядом. Он не пытался говорить — просто ждал, когда Ник успокоится.

— У меня есть местечко.

Ник утер слезы и поднял на него взгляд.

— Авалон, — пояснил Питер. — У меня там крепость.

Ник поднял брови и даже сумел усмехнуться.

— Крепость?

— Тайное место. Заколдованный остров. Взрослым ходу нет. Полно фей, гоблинов и троллей. Спать не ложимся, сколько хотим — хоть до поздней ночи. Ни родителей, ни учителей, указывающих, что можно, что нельзя. Не надо мыться, чистить зубы, кровати заправлять. Развлекаемся с мечами и копьями, а иногда, — Питер понизил голос, — даже бьемся с чудовищами.

Ник покачал головой и криво улыбнулся.

— Питер, ну ты и чудик.

— Хочешь со мной?

Ник колебался. Он понимал, что Питер шутит насчет тайного места, фей и прочей ерунды, однако звучало все это вполне серьезно. Да что там, Ник почти поверил, что все это правда! Но, правда это или нет, мысль о «крепости», где можно заночевать, потусоваться с другими, пустившимися в бега — да что угодно, только не остаться здесь, в темноте, одному, — показалась просто прекрасной.

— Ты там и живешь? — спросил Ник.

— Ага.

— А родители не против?

— Нет у меня родителей.

— О, — протянул Ник. — И у меня. Больше нет.

Наступила долгая тишина.

— Значит, крепость, — сказал Ник. — И феи, и гоблины, да?

Питер кивнул и широко ухмыльнулся.

И Ник вдруг обнаружил, что ухмыляется в ответ.

На вопрос Ника Питер ответил, что крепость «гдето-там», и указал куда-то в сторону нью-йоркской гавани. Ник решил, что это где-то в доках.

— Идем со мной, — сказал Питер, натянув на голову капюшон. — Сам увидишь.

И Ник двинулся за Питером по темному Бруклину, все еще избегая тропинок сквозь кусты и углов, где торчали подростки, но больше не шмыгая через улочки и не прячась за деревьями. Так далеко к западу встречи с Марко можно было не опасаться, но Ник невольно смотрел по сторонам — не покажется ли зеленый микроавтобус. Однако со временем шаг его сделался легче, Ник расслабился и почувствовал, что очень рад — просто потому, что идет по улице не один.

Несколько раз он украдкой косился на остроухого мальчишку. В нем было что-то завораживающее. Его необычность, огонек безумного веселья в его глазах — все в нем приводило Ника в восторг. Все — от жестов до странной одежды. Даже походка. Он шел вперед, точно действительно крутой чувак — легко, уверенно, нагло, как будто бросая вызов любому, кто рискнет оспорить его право пройти. Ничто не ускользало от его внимания — порхающая над тротуаром обертка от жвачки, воркующий голубь, падающий лист. А еще он постоянно поднимал взгляд к звездам, точно хотел убедиться, что они никуда не исчезли.

Он был совсем не похож на ребят с улицы, которых Нику приходилось видеть раньше. Возможно, его одежда

была грязна и поношена, но сам он не был чумаз. Да, он был малость чокнутым, но не заикливался на своих закидонах, и его глаза — пусть и странного золотистого цвета — были ясны и остры. Но, хоть Питер и казался другом — из тех, настоящих, друзей, на которых можно положиться всегда и во всем, — Ник не забывал, что ничего не знает об этом странном мальчишке и должен держаться настороже. К тому же за его заразительным смехом и проказливой улыбкой крылось что-то еще — непонятное, зловещее, угрожающее.

Ноздри защекотал аромат персиков, и рот Ника наполнился слюной. Он тут же понял, что запах доносится из китайского продуктового магазинчика в нескольких шагах впереди.

— Есть хочешь? — спросил Питер.

Никун вспомнилось, что он ничего не ел с самого утра. А еще вспомнил, что денег у него — ни цента.

— Погоди, — сказал Питер, окинув улицу быстрым взглядом. — Встань тут, да посматривай. Окей?

— Посматривать? — переспросил Ник. — Куда?

Но Питер уже скрылся в дверях магазина.

Такой поворот Никун вовсе не понравился. Он встал на цыпочки, чтобы заглянуть за полки с фруктами и понять, что затеял Питер, но увидел лишь рыжую макушку, то появлявшуюся над полками, то исчезающую. Несколько минут спустя Питер быстрым шагом вышел из магазина с двумя пластиковыми контейнерами дымящейся курицы «гунбао» с жареным рисом и эгг-роллами и тремя большими пакетами шоколадных батончиков. Все это он с трудом мог удерживать в руках.

— Вот, помоги-ка, — сказал Питер, сунув пакеты Никун.

— Погоди, — запротестовал Ник. — Ты же не...

— Пожалуй, надо сваливать, — перебил его Питер и быстро направился прочь.

Секундой позже из магазинчика выскочил старый пузатый китаец в грязном переднике и желтых резиновых сапогах.

Китаец взглянул на Ника, перевел взгляд на пакеты конфет в его руках и что-то пробормотал себе под нос. Говорил он по-китайски, но чем еще могли быть его слова, если не руганью? Указывая пальцем на Ника, китаец завопил.

— Дельзи вола! Дельзи вола! — вновь и вновь кричал он. Сорвавшись с места, Ник побежал за Питером.

К счастью для Ника, старик-китаец бегал не лучше, чем говорил по-английски. Вскоре Ник оторвался от погони на целых два квартала и обнаружил Питера, ждавшего его на засаженной деревьями улице напротив узкого темного переулка. Питер нырнул в переулок, и Ник последовал за ним.

Упав на какие-то бетонные ступени, Питер захохотал так неудержимо, что едва мог говорить.

— Эй, ты прекрасно справился! — выдавил он сквозь смех, хлопнув Ника по спине.

— Какого черта? — закричал Ник. Кровь его так и кипела. Что за глупость? Только копов на хвосте ему сейчас не хватало! — Мы в такое влипнуть могли!.. Это не смешно!

Питер поджал губы, стараясь сдержать смех, но его взгляд определенно оставался все тем же — дурашливым, легкомысленным.

— Ты хоть понимаешь, что с нами сделали бы, если б поймали? — прорычал Ник.

Питер помотал головой.

— Да нас бы... Нас бы...

Ник замолчал. Питер так старался сдерживать смех, сохранять серьезный, искренне озабоченный вид... Ник невольно улыбнулся, и это было ошибкой: Питер тут же прыснул и разразился безудержным хохотом. И в этот миг Ник осознал, что ему хорошо — так хорошо, как не бывало давным-давно.

Сидя на холодных бетонных ступенях, они ели краденую курицу «гунбао» и смотрели на облака, плывущие по небу,

полному звезд. Казалось, никогда в жизни Ник не ел ничего вкуснее. Порывистый ветер с шорохом гнал по узкому переулку оранжевые листья и скомканные бумажки. Вечерняя роса сверкала на грязных, покрытых граффити стенах. Негромко потрескивала трансформаторная будка, издавала донесся гудок статен-айлендского парома.

Питер вздохнул.

— Как же они прекрасны.

— Что? — не понял Ник.

— Звезды, — негромко, благоговейно пояснил Питер, глядя в ночное небо. — Я так скучаю по звездам...

Это показалось Нику странным, но странностей в Питере было — хоть отбавляй.

Надорвав пакет с батончиками, Питер вытащил пару для себя и подал несколько штук Нику.

Тут Ник заметил шрамы на его руках. На лбу Питера тоже имелся шрам, еще один, поменьше — на скуле, и что-то вроде залеченной колотой раны на шее, сбоку. В каких же переделках ему пришлось побывать?

— Зачем тебе столько конфет? — спросил Ник.

— Для наших, на всю шайку, — жуя, ответил Питер. — Там, в крепости.

— У тебя правда есть крепость?

— Конечно.

— Питер, а куда мы все же идем?

Питер хотел было что-то сказать, нахмурился, снова раскрыл рот, но промолчал. Глаза его хитро блеснули.

— Эй, что это?

— Где?

— Вон, у тебя под ногой.

Но Ник не смог ничего разглядеть — было слишком темно.

— Дерьмо?

Ник инстинктивно отдернул ногу.

— Да где?

Питер потянулся в темноту и поднял с асфальта комковатую бурую колбаску.

— Ага, большой, жирный кусок дерьма.

Ник так не думал: колбаска была подозрительно похожа на батончик «Бэби Рут».

Питер с чавканьем вгрызся в него.

— Ум-м! Вкуснятина!

Ник фыркнул и захохотал. Питер присоединился к нему, не забывая громко чавкать. Смеяться становилось все проще и проще. Смерть отца, переезд, новая школа, скотина Марко... За всем этим Ник забыл, каково это — быть всего-навсего легкомысленным несмышленным мальчишкой.

— Э! — хриплый оклик, раздавшийся из темноты, тут же сменился приступом кашля. — Э, чу... Чуваки, вы чо это тут?

Ник с Питером переглянулись и устремили взгляды на грудку коробок у мусорного бака. Одна из них откатилась в сторону, и кто-то выбрался наружу.

Питер немедленно поднялся.

Человек, выбравшийся из-под коробок, шагнул на островок света под фонарем, и Ник увидел, что это подросток — может быть, года на два старше него. Его длинные светлые волосы слиплись в грязный колтун; одет он был только в джинсы да ветхую футболку.

— Чу... чуваки, помогите... мелочью, — медленно, врастяжку проговорил он. — Надо тут... это... позвонить. Сколько можете. А?

Ник подобрал пакеты с шоколадками и встал.

— Питер, — шепнул он, — идем отсюда.

— Э, вы куда?

Нетвердым шагом пацан двинулся вперед и положил руку на перила лестницы, преграждая им путь. Вблизи Ник смог разглядеть его обветренные, растрескавшиеся от холода губы и налитые кровью глаза. Пацан был так тощ, что ему приходилось постоянно поддергивать штаны. Тут он увидел шоколадки в руках Ника.

— Э, со мной не поделитесь?

— Это не тебе, — жестко, холодно ответил Питер.

Тощий подросток оживился, яростно потер плечи. Его была крупная дрожь. Вновь подняв взгляд, пацан оценил положение.

— Чуваки, а вы чо здесь делаете? — он быстро огляделся. — Вы одни?

Тон его изменился, и Нику это совсем не понравилось. Он двинулся вперед, пытаясь обогнуть пацана. Тот потянулся к шоколадкам, схватил пакет и вырвал его из рук Ника.

Питер зашипел, и в руке его вмиг возник нож — чуть ли не в локоть длиной.

«Ух ты! Откуда у него такой?»

Питер развернул нож так, что его бритвенно-острое лезвие зловеще, многообещающе блеснуло в свете фонаря.

— Отдай обратно, — сказал он.

— Ага. Ага, окей, — заговорил пацан. — Забирайте, — швырнув пакет Нику, он поднял руки, нетвердым шагом попятился назад и уперся спиной в стену. — У меня больше нет ничего. Давайте, трясите. У меня ничего нет.

Внезапно плечи его ссутулились, руки повисли вдоль бедер.

— Ничего, — упавшим голосом, будто про себя, повторил он.

Измученный, опустившийся, одинокий — еще один мальчишка, загубленный наркотиками, без крыши над головой, без родительской заботы... Что заставило его уйти из дому? Скоро ли и сам Ник дойдет до точки, станет таким же — одиноким, лишившимся всего?

— Идем, — сказал Питер.

Спрятав нож за пазуху, он направился к улице.

Ник сморщился. «Полный отстой — взрослеть таким образом, — подумал он. — В дерьмо влипнуть может всякий, и всему миру будет плевать, хорошим он был или как...»

— Вот. Это тебе.

Сунув руку в пакет, Ник достал горсть шоколадок, оставил их на ступенях и помчался догонять Питера.

За исключением нескольких пабов и ресторанов, работавших до поздней ночи, все вокруг было закрыто. Проходя мимо бара, Ник заглянул в окно. Мрачные, усталые лица, запах табачного дыма и пивного перегара, звон бокалов, натушный смех — мужской, женский... Еще одна нелегкая рабочая неделя осталась позади.

У соседней двери, под вывеской «Все для туризма и спорта — у Антонио», Ник внезапно остановился и уставился в витрину.

Питер остановился рядом.

— Что ты там увидел?

Ник, не отрываясь, смотрел на пару «вансов» в черно-зеленую клетку, прислоненных к скейтборду.

— Кеды? — спросил Питер.

— Нет, ничего, — ответил Ник, не в силах отвести взгляд.

— Хочешь такие?

Ник рассеянно кивнул.

Питер скрылся за углом здания. В последний раз окинув кедами долгим тоскливым взглядом, Ник последовал за ним. Он свернул за угол, но Питера там не оказалось. Оглядев заросший травой двор, Ник увидел у задней двери бара бородатого мужчину, привалившегося к женщине с вислым брюхом. Блузка ее была расстегнута, грудь, выскользнувшая из лифчика, свисала едва ли не до пупка. Мужчина поддел ее сосок, будто кот лапой. Оба захихикали.

— Господи, — прошептал Ник, глядя на них, как загнипнотизированный.

Но тут его внимание привлек лязг железа. Звук доносился из-за мусорного контейнера возле спортивного мага-

зина. Он заглянул за контейнер. Питер ухитрился вынуть прут решетки, закрывавшей подвальное окно, из ветхой кирпичной кладки и с его помощью расшатывал второй.

— Какого дьявола ты тут делаешь?

Питер крикнул, поднажал, и второй прут с громким лязгом выскочил из стены.

— Бинго!

Ник в ужасе присел и оглянулся в сторону бара. Бородатый все еще лапал женщину, еще один, нетвердым шагом выйдя наружу, натужно блевал. В сторону мальчишек никто и не посмотрел.

Питер толкнул стекло ногой, и окно распахнулось. В подвале было темно и тихо, будто в колодце. Питер поднял взгляд на Ника.

— Ну?

— Что «ну»? — спросил Ник.

— Ты за кедями идешь или нет?

Ник отпрянул назад, точно увидев гадюку.

— Шутишь? Это же кража со взломом!

На лице Питера отразилось глубочайшее разочарование, и Ник с удивлением обнаружил, что ему не все равно — совсем не безразлично, что думает о нем этот шальной пацан.

— Не думай, я не боюсь, — сказал он чуточку слишком поспешно. — Просто я же не вор, вот и все. Ну, то есть...

— Ник, не позволяй им взять верх. Не поддавайся им.

— Что?

— Не дай им лишить тебя волшебства.

— Волшебства?

Что общего могло иметь волшебство с тем, чтобы забраться в чужой магазин и украсть чужую вещь?

— Не врубаешься? — сказал Питер. — Ты же теперь свободен! Ты больше не должен подчиняться их правилам! — он указал в чернильную темень подвала. — Тьма зовет. Ничтожная опасность, пустячный риск. Чувствуешь, как бьется сердце? Прислушайся к нему. Это звук жизни! Сейчас

твое время, Ник. Единственный шанс поразвлечься, пока тебя не лишили всего они — взрослые с их бесконечными строгими правилами, со всеми этими «того нельзя, сего нельзя, так надо, так положено», со всеми этими ящиками и клетками, придуманными специально, чтобы сломить твой дух, убить в тебе волшебство!

Ник уставился вниз, в темный подвал.

— Ну, чего ждешь?

Бесовски ухмыльнувшись, Питер скрылся в окне.

«И правда, чего я жду? — подумал Ник. — Что ждет меня впереди? Даже если бы я мог вернуться домой — что дальше? Закончить школу? Подыскать какую-нибудь дерьмовую работу, чтобы каждый уик-энд напиваться в хлам, стараясь забыть о ней, блевать на задворках баров да лапать за сиськи каких-то уродин?»

Он покачал головой. Питер был прав: если уж жить, так жить здесь и сейчас, прямо в эту минуту. У него и так уже отняли большую часть юности. Зачем отдавать им и остальное? Не пора ли вернуть долги?

Сделав глубокий вдох, Ник скользнул в окно. Повиснув на руках, он нащупал ногой какой-то ящик, спрыгнул на него — и тут же рухнул на пол. Что-то упало и с громким звоном разбилось.

— Вот дерьмо!

На долгий миг Ник замер. Казалось, сердце колотится у самого горла. Сейчас сработает сигнализация, завоют сирены, ночь озарится светом фар, раздастся лай собак — и за ним явится гестапо. Но вокруг было тихо, и он поднялся на ноги.

В подвале пахло плесенью, пылью и старым картоном.

«Где же Питер?»

Тут Ник заметил неяркий свет, падавший из люка в потолке. К люку вела узкая лесенка. Вытянув руки, Ник на ощупь двинулся к ней. Адреналин переполнял каждую жилку, с каждым шагом сердце стучало все громче.

— Слышу, Питер, — с ухмылкой прошептал он. — Слышу звук жизни.

Рассеянный синеватый свет фонарей, проникавший внутрь сквозь витрину, выхватывал из темноты футболки, бейсбольные биты, мячи и велосипеды. Питера не было нигде. Ник прокрался мимо медалей и кубков Малой лиги к кассе. Он знал, что в маленьких магазинах не оставляют на ночь наличных, а если б и оставляли, дело было не в деньгах. Он явился сюда не для кражи — по крайней мере, не для обычной кражи. Тут было иное: он пришел взять свое, а еще, может быть, впервые в жизни распорядиться собственной судьбой — неважно, к добру или к худу.

Ник взглянул поверх стоек с футболками и спортивными костюмами в поисках копны рыжих волос. Золотоглазого мальчишки он не нашел, зато увидел обувь — целый стеллаж. Он двинулся вдоль полок, мимо навороченных кроссовок с пружинами, гелевыми подошвами, подкачкой, подсветкой и блестками — из тех, что пацаны в школе называли «забойными», — пока не заметил ту самую черно-зеленую клетку.

— Бинго, — негромко воскликнул он, совсем как Питер.

Позволив себе полюбоваться кедами несколько секунд, он принялся искать коробку с девятым размером. Нашел десятый, несколько тринадцатых, седьмой, шестой... Девятого не было. Ник сдвинул брови.

— Ну, отыщись же! Отыщись! Отыщись!

Внезапно его лицо озарилось улыбкой. Вот оно!

— Й-есть!

Ник подхватил коробку, но не стал открывать ее сразу. Он смаковал момент, прижимая ее к груди, точно рождественский подарок, который наконец-то можно открыть. Наконец он медленно поднял крышку, с наслаждением вдохнул резкий запах резины и клея, вытряхнул кеды и выставил их на свет.

— А-атлично! — выдохнул он, отшвырнув коробку и плюхнувшись на скамью.

Сдернув с ног контрафактную дешевку, он посмотрел на потрескавшуюся, шелушащуюся резину и расплзшиеся швы. Эти кеды напомнили о матери — самой жуткой скряге во всем этом долбаном Нью-Йорке. Он швырнул их в стену, быстро надел и зашнуровал «вансы», вскочил, запрыгал на носках, глянул на себя в зеркало — и замер. В зеркале, прямо за спиной Ника, маячило в темноте бледное затравленное лицо. Казалось, за ним наблюдают, будто кот за мышью.

«Какая-то пара обуви — а сколько счастья», — подумал Питер, почувствовав укол зависти.

Простая радость Ника напомнила ему обо всем, что потерял он сам. Пришлось напомнить себе, что скоро Нику даже в голову не придет задумываться о кедах.

Ник вздрогнул и резко обернулся.

— Блин! Я чуть в штаны не напустил!

— Убойные кеды, — сказал Питер, возвращая на место лучшую из своих улыбок.

Секунду Ник смотрел на него, затем опустил взгляд к обновке. Лизнув палец, он коснулся шнурков и зашипел.

— Берегись, чувак, — с ухмылкой сказал Ник. — В этих крошках я смертоносен!

Питер рассмеялся.

— Эй, гляди! — Ник шагнул к полкам со скейтами, подхватил один, уронил доску на носок ноги и резким движением перевернул на колеса. — Ловко, а?

Питер кивнул.

— С дороги!

Вскочив на доску, Ник толкнулся изо всех сил и понесся вдоль длинного центрального прохода. Ударив ногой в тэйл доски, он взвился в воздух, но когда скейт призем-

лился, задняя часть доски скользнула по гладкому линолеуму, и Ник врезался в стойку с мужскими свитерами, обрушив ее на себя.

Через секунду Ник высунул голову из груды свитеров и вешалок. Он был сбит с толку и смущен.

Питер так и взвыл от смеха.

— Впечатляет!

— Вот ты как? — нахмурился Ник. — Давай поглядим, что ты сам умеешь!

— О, хочешь, чтоб я показал, как надо? В самом деле? Да я же король скейтборда!

Питер подхватил одну из досок. На скейте он не катался никогда, но если даже этот пацан смог, уж он-то точно сможет! Он опустил скейт на пол, поставил ногу на деку и изо всех сил, как это делал Ник, оттолкнулся другой ногой. Доска вильнула в сторону, и Питер, отчаянно размахивая руками, чтобы не потерять равновесия, понесся прямо на Ника.

— Дорогу!!! — заорал он, пытаясь справиться со скейтом.

Веселье на лице Ника сменилось страхом. Он забарахтался среди груды свитеров, убираясь с дороги. Питер попытался свернуть, потерял управление и с маху шлепнулся задом об пол. Доска выскользнула из-под него, понеслась вперед, будто ракета, и врезалась в ногу стоявшего неподалеку манекена. Манекен опрокинулся, голова его запрыгала вдоль прохода и лицом вверх упала прямо Нику на колени. Ник изумленно взглянул на блаженную пластиковую улыбку, поднял взгляд на Питера, и оба заржали, как сумасшедшие.

— О господи, — просипел Ник сквозь смех. — Вот, блин! Ну, чума!

Не выпуская из рук пластиковой головы, он поднялся на ноги, развернулся к ряду баскетбольных щитов, прицелился и сделал бросок. Голова отскочила от щита, но не попала ни в сетку, ни даже в обод. Ник вскинул кулаки:

— Бросок! Мимо! Зрители писаются от восторга!

Исполнив короткий дикий танец, он подцепил ногой скейт, вытолкнул его в проход, прыгнул на деку, толкнулся и принялся носиться по проходу взад-вперед, закладывая виражи, прыгая, тормозя юзом, лавируя между стоек и полок.

Питер поднялся, потирая ушибленный зад, и презрительно взглянул на свой скейтборд.

— Этот просто бракованный.

— Ага, как же!

Питер нахмурился, снял с полки другую доску и внимательно осмотрел ее прежде, чем поставить на пол. Ник с истерическим смехом пронесся мимо, едва не сбив его с ног. Питер прыгнул на доску и помчался за ним, видя из стороны в сторону и изо всех сил стараясь удержаться на доске. Перед самой дверью Ник резко свернул. Не успев затормозить, Питер налетел на него, и оба врезались в дверь. От удара весь фасад магазина содрогнулся. Завыла сирена сигнализации.

— Твою мать! — заорал Ник, перекрикивая вой. — Валим отсюда!!! — он дернул дверь, но дверь была заперта. Он раздраженно пнул ее, рванул раз, другой — безуспешно. — Придется выбираться через подвал!!! Быстрее!!!

— Нет, ни к чему.

Ник озадаченно оглянулся на Питера. В ответ тот указал на витрину. Там лежал розовый шар для боулинга, украшенный яркими спиралями.

Ник понял его не сразу.

— О, нет! — воскликнул он, замотав головой. — Так же нельзя!!!

Но вдруг в его глазах мелькнули искорки. Питер прекрасно знал, что значит его взгляд. Все они становились такими — стоило им только вправду осознать собственную свободу.

Плотно сжав губы, Ник взвесил шар на ладони и устремил взгляд на стекло витрины. Питер заметил в его глазах злость, откровенную вражду, и понял, что дело не просто

в том, чтобы выбраться из магазина, не просто в акте вандализма, не в обычной проказе — все было намного глубже. Нику нужно было сломать клетку прошлого — вырваться из нее на волю. Он был таким же, как все беглецы, многие годы терпевшие издевательства и жестокость, подавленные, всеми забытые. Им нужно было только показать, как облегчить душу. А уж затем, после того как подведешь их к этому, все остальное выходило проще простого. После этого они готовы были идти за Питером куда угодно.

— Покажи им, Ник!!! — закричал Питер. — Покажи им всем большой толстый фак!!!

Ник скрипнул зубами, зарычал и толкнул шар от плеча, будто ядро.

— Хер вам!!! — завизжал он. — Хер вам всем!!!

Шар врезался в витрину, расколов стекло на тысячу сверкающих осколков.

— Йя-хха!!! — закричал Ник, заглушив трели сигнализации.

Шар заскакал по тротуару и, набирая скорость, покатился вдоль улицы под уклон.

— В погоню!!! — вскричал Ник.

Подхватив свой скейтборд, он без оглядки выпрыгнул наружу сквозь выбитое окно.

Питер не смог бы улыбнуться шире, даже если бы захотел. «Он мой». Подхватив свой скейт, он прыгнул следом за Ником и поравнялся с ним на середине улицы. Толпа мужчин и женщин высыпала из соседнего бара посмотреть, что тут за шум. Некоторые были так пьяны, что едва держались на ногах.

Ник дико осклабился в их сторону и вскинул кулаки, выставив вверх средние пальцы.

— Нах-х-х этот мир!!! — пронзительно закричал он. — Нах-х-х весь этот мир!!!

Толпа приветственно вскинула бутылки и ответила ему тем же салютом.

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

— Нах-х-х этот мир!!!

Питер поднял голову к небу и завыл, наслаждаясь охватившим всех безумием. Он знал, что даже взрослые с унылыми тусклыми взглядами способны дать себе волю, способны вспомнить...

— Шар покатился туда! — воскликнул Ник, притопнув ногой по деке.

Толкнувшись посильнее, он понесся вниз, под уклон.

С последним протяжным воем Питер вскочил на доску и, изо всех сил стараясь не терять равновесия, погнался за Ником.

«Хорошая ночь. Просто прекрасная ночь. Пожалуй, лучшая за последнюю сотню лет».

Глава третья

Туман

— Куда теперь? — спросил Ник.

— В город безумия! — провыл Питер, огибая его и вырываясь вперед.

— В город безумия!!! — подхватил Ник и покатил за ним.

Оба помчались по улице, сшибая мусорные баки, пиная машины, завывая и хохоча. Вслед им неслись трели автомобильных сигнализаций и бешеный лай собак.

Прохладный осенний ветер рвался в легкие Ника, сдувая пряди волос с лица. Сердце стучало в груди, в венах бурлил адреналин, щеки покраснелись от возбуждения и полного, абсолютного счастья. Такой непринужденности, такой свободы он не испытывал никогда в жизни. Мысли о Марко, о матери, обо всей прочей ерунде будто остались в миллионе миль позади.

Район малоэтажной застройки тоже остался позади, сменившись складами и промышленными строениями. Путь вел вниз, к докам. Вокруг не видно было ни света фар, ни любых других признаков жизни. Казалось, кроме них двоих

в мире нет ни единой живой души, и Нику очень хотелось, чтобы это не кончалось никогда.

По мере приближения к гавани туман густел, обволакивал мальчишек, вился вокруг, будто живой. Питер остановился и запихал шоколадки в сумку. Кроме ножа Ник заметил внутри блок сигарет и несколько упаковок жвачки. Небрежным пинком Питер отправил скейтборд в придорожную канаву.

— Эй, ты что делаешь? Классная же доска!

— Там, куда мы идем, не понадобится.

Ник неуверенно засмеялся.

— Это почему?

Питер посмотрел в глаза Ника.

— Здесь Туман, — сказал он. — Точка невозвращения. Туман приведет нас на Авалон — в такое место, где не придется становиться взрослым. Это остров волшебства и приключений, но он полон опасностей... и чудовищ. Ник, ты идешь со мной по доброй воле?

Ник рассмеялся.

— Ну да, Питер, конечно!

— Нет, ты должен так и сказать.

— Как сказать?

— Сказать: «Иду с тобой по доброй воле».

Ник подумал, что игры в заколдованный остров, пожалуй, заходят слишком далеко, но — ладно, почему бы не подыграть?

— Окей, иду с тобой по доброй воле.

На лице Питера отразилось облегчение.

— Тогда идем, — сказал он.

Оба двинулись дальше. Вместе со зданиями и светом фонарей в завесе тумана начали исчезать и звуки города. Пыхтение буксиров, редкие долгие гудки паромов — туман заглушил все. Вскоре исчез даже запах моря. Ветер стих,

воздух сделался затхлым, запахло землей и старым тряпьем. Туман стал ощутимо холоднее и ярче — он будто мерцал, светился сам по себе. Наконец Нику пришлось признаться себе, что все это как-то странно, и отправиться за золотоглазым мальчишкой с острыми ушами на заколдованный остров, возможно, было не лучшей из идей.

— Держись ближе, — прошептал Питер, — и двигайся как можно тише. Совсем ни к чему, чтобы они нас услышали.

Ник и представить себе не мог, кого еще может занести сюда среди ночи, но на всякий случай послушался.

Минут десять они шли сквозь туман. Вдруг Ник зацепился за что-то ногой и упал. Падая, он выронил скейтборд, и ладони скользнули по мокрой рыхлой земле — белесосерой, того же цвета, что и туман. Ник не мог припомнить, когда асфальт уступил место земле, но не особо удивился, рассудив, что «крепость» Питера, скорее всего, спрятана на свалке или среди заброшенных складов. Удивило другое: земля вдруг начала испаряться с ладоней, уплывать прочь струйками дыма, как будто тоже была частью тумана. Но тут он заметил то, обо что споткнулся: — какую-то белую штуку с двумя темными дырами. Сощурившись, склонившись к ней, Ник обнаружил, что смотрит прямо в пустые глазницы человеческого черепа.

Череп, наполовину ушедший в землю, был покрыт остатками изъеденной червями плоти — иссохшей, мертвенно-бледной. На макушке до сих пор красовался длинный клоч светлых, заплетенных в косу волос. Рядом валялась плечевая кость и еще несколько косточек поменьше.

— Ничего себе!

Ник поспешил подняться.

— Питер, — шепнул он, одолевая страх.

Питер исчез.

— Питер, — вновь прошептал Ник.

«Куда он делся?»

Ник оглянулся. Питера не было. Ничего вокруг — только серый клубящийся туман без конца и края. А ведь Ник даже не представлял себе, с какой стороны пришел и куда двигался. Дыхание участилось. Казалось, туман сдавливает со всех сторон — вот-вот задушит, поглотит...

Ник понял, что в любую секунду может утратить контроль над собой и завизжать.

— Питер, — позвал Ник — на этот раз громче. И еще громче: — Питер!

Из тумана впереди показался Питер.

— Сказано же: держись рядом, — резко сказал он.

— Питер, тут кости! Человеческие! Что здесь...

Питер прижал палец к губам.

— Ш-ш-ш! Они нас услышат.

Взгляд Питера был убийственно серьезен, и это подействовало отрезвляюще.

— Кто «они»? — одними губами прошептал Ник, охваченный сильной тревогой.

Но Питер не отвечал — только резкими, быстрыми жестами поманил Ника за собой.

Ник не намерен был больше ни на шаг углубляться в эту призрачную пустыню. Но когда холодный липкий туман сомкнулся вокруг него, потянулся к нему, нежно скользя по коже, когда спина Питера начала таять в серой пелене и Ник понял, что вот-вот снова останется один, вся его решимость разом испарилась, и он кинулся вдогонку.

Держась как можно ближе к Питеру, Ник внимательно смотрел, куда ступает — на случай новых костей впереди. И без костей, конечно же, не обошлось — их было множество, и не только их: на земле начали попадаться шлемы, мечи и щиты, будто свалившиеся сюда прямоком из эпохи Крестовых походов. Едва не наступив на пистолет с кремневым замком, он увидел заплесневелые остатки треугольной — пиратской, как ему отчего-то подумалось — шляпы. Чуть дальше на земле лежал скелет, обтянутый тонкой ссох-

шейся кожей — в руке зажата походная фляжка, на теле истлевшие клочья британского красного мундира. Сотней футов дальше покоились останки человека в пыльной форме времен Гражданской войны. Мертвые пальцы солдата заострились, глубоко впившись в глазницы.

А затем Ник увидел найковский хайтоп, и кровь его застыла в жилах. Хайтоп просто стоял на земле сам по себе. Ник не мог оторвать от него глаз, и неожиданно под ногу ему подвернулось что-то мягкое. Остановившись, он обнаружил, что стоит на руке мертвого мальчишки. Ступня глубоко ушла в мягкую, податливую плоть.

Ник резко отшатнулся.

«О господи! Иисусе всемилостивый!»

Он крепко прижал к губам кулак.

Казалось, мальчишка был примерно его лет, но точно сказать было трудно: высохшая кожа лица потрескалась, пошла клочьями. Глаза мальчишки были раскрыты во всю ширь, рот казался большой, бездонной буквой «О». Ник без проблем узнал гримасу ужаса, навеки застывшую на мертвом лице. Выражение лица самого Ника сделалось точно таким же.

«Может, закричать? — подумал с н. — Может, тогда я проснусь в своей кровати, и услышу, как внизу Марко со своими вонючими дружками валяют дурака, но мне будет плевать. Что угодно — все лучше, чем блуждать здесь, спотыкаясь о мертвых пацанов».

Но Ник не закричал. На самом деле он не верил, что все это сон — все вокруг до последней крупинки было совершенно реальным. Вдобавок он понимал: стоит закричать, и они — кто бы ни были эти «они» — услышат.

— Питер, — шепнул он.

Питер не останавливался.

— Питер, — снова позвал Ник, — я хочу назад.

К испугу Ника, его голос понесся вдаль — не просто отзвуком, а чуть ли не раскатом грома, будто подхваченный самим туманом.

Питер оглянулся, и ужас отразился на его лице.

И тут Ник услышал голоса. Поначалу тихие, отдаленные, они быстро приближались: безмятежные возгласы детей, сладкозвучный хор женщин, глубокие баритоны мужчин. Они смеялись, перекликались друг с другом, будто по дороге на летний пикник. Но где-то за ними, а может, и в них самих, различались стоны — жуткие жалобные причитания. Волосы на загривке Ника поднялись дыбом.

— Они нашли нас.

Голос Питера был безжизненным, точно камень.

— Нашли? Кто нас нашел?

— Ник, — быстро, настойчиво заговорил Питер, — что бы ты ни услышал, что бы ни увидел, не обращай внимания. Не смотри им в глаза. И, что бы ни случилось, не смей говорить с ними, — Питер вгляделся в туман. — Ник, если ты собьешься с пути, твои кости останутся в Тумане навеки.

Все мысли Ника сменились одним огромным «какого хрена?!», но в этот момент он увидел движение. Туман оживал.

Тени, всего лишь серые силуэты в серой пелене, заплесали вокруг — одни массивные, ленивые, неуклюжие, другие маленькие и юркие, как воробьи, третьи — просто бесформенные ползучие клубы испарений. Их шепоты и крики эхом разносились вокруг, вползая в самые уши.

Ник взглянул на Питера. Тот смотрел прямо перед собой и шел вперед быстрым, решительным шагом.

Ник стиснул зубы, сжал пальцы в кулаки, крепко прижал руки к груди и попытался выровнять дыхание. «Не отставать. Что бы ни случилось, не отставать». Он ускорил шаги, держась вплотную к Питеру.

Туман перед ним закружился, едва ли не закипел, и принял форму женщины с бледной, слабо мерцающей кожей. Кротко улыбаясь Нику, кружась, покачиваясь, она полетела рядом. Туманные пряди волос и складки платья тянулись за ней, будто в каком-то подводном балете.

Ник изо всех сил старался не смотреть ей в глаза, но не смог совладать с собой, а, подняв взгляд, увидел, что она — само воплощение красоты. Она запела, и Ник, не понимая слов, тут же узнал мелодию. Эту колыбельную матери пели детям тысячи лет. Ее песнь сулила тепло, уют, безопасность — целую вечность материнской любви. Женщина протянула руки, маня его к себе.

Сделай он к ней хоть шаг — и всему конец. Какая-то часть разума понимала это и кричала изо всех сил, приказывая не сворачивать с пути. Оставшаяся часть тоже понимала это, но считала, что все okay — ведь смерть будет так сладостна. Она возьмет его на руки, прижмет к груди, утешит, успокоит... Все страхи, все дурное просто исчезнут навсегда... Ничего большего Ник и не желал.

Откуда-то издали всего лишь слабым эхом донесся голос Питера:

— За мной!

В памяти Ника тут же мелькнуло то самое лицо — искаженное ужасом лицо мальчишки в найковских хайтопах. Моргнув, он заставил себя оторвать взгляд от женщины.

«Где же Питер?»

Впереди виднелся только смутный силуэт.

«Это он? Как же я настолько отстал?»

Полотна тумана впереди медленно смыкались, будто занавеси. Казалось, сейчас между Ником и Питером встанет неодолимая стена. Охваченный паникой, спотыкаясь, увязая во влажной земле, Ник рванулся вперед, врезался в Питера и едва не сбил его с ног.

— Держись, — шепнул Питер. — Пока неплохо справляешься.

«Неплохо справляешься?! — захотелось закричать Нику. — С чем?! Что происходит?! Что, мать твою, происходит?!»

Женщина продолжала лететь рядом. Лицо ее стало печальным, и Нику, какой бы эта мысль ни казалась безумной, сделалось жаль ее. Она подняла руки над головой, точно

готовясь нырнуть, и выгнула спину. Тело ее всколыхнулось, завертелось среди клубов тумана в причудливом танце. Внезапно Ник осознал, как полны ее груди, обнаружил, что под тонким покровом платья явственно видны соски и темный треугольник между ног. В паху жарко защекотало, щеки Ника вспыхнули, он поспешил отвести взгляд — и тут в уголке глаза мелькнуло нечто... «Хвост?» Ник заморгал. У этой женщины был длинный чешуйчатый хвост! Руки ее тоже были покрыты мелкими тонкими чешуйками, пальцы — длинные и острые, точно когти. Ник прищурился. «Господи милостивый, — подумал он, — волосы! В ее волосах полно червей!» Но тут он ошибся: ее волосы и были червями — сплошной копошащейся массой из тысяч крохотных червей.

Отпрянув назад, Ник едва не упал.

Женщина помрачнела, злобно оскалилась. Глаза ее сузились, превратившись в щелки, соски вытянулись вперед, точно длинные муравьиные усики, живот разошелся, обнажая зияющую утробу, и Ник увидел внутри бесконечные ряды крохотных острых зубов!

«О, нет! О, нет! О, нет!»

Жужжа, как тысяча разъяренных шершней, жуткое создание двинулось на него.

Ник закричал, рухнул на землю и выставил руки перед собой, беспомощно глядя, как огромная, шире его роста, распахнутая пасть надвигается и поглощает его. «Вот, значит, как я умру», — мелькнуло в голове. Но острые зубы не впились в его тело. Ник ощутил только холодное дуновение воздуха. Ужасная тварь просто прошла сквозь него, и он с запозданием осознал, что все еще жив.

«Питер! Где Питер?»

Темный силуэт впереди медленно удалялся прочь. Что это — Питер или новые шутки тумана?

— Питер! — закричал Ник, вскочив на ноги.

В тумане маячил уже не один силуэт, а три — и все двигались в разные стороны.

— Питер! — отчаянно завизжал Ник.

Но в глубине сознания зазвучал внутренний голос: «Нери понапрасну. Думай!»

Ник остановился, собираясь с мыслями.

«След! Надо найти его след!»

Опустив взгляд, Ник тут же увидел едва различимую цепочку следов. Следы исчезали на глазах, сравниваясь с влажной землей. Ник стиснул зубы, побежал по следу и почти сразу увидел Питера — настоящего Питера, а не еще одну иллюзию.

— Питер!!! — рванувшись вперед, Ник схватил Питера за плечо. — Подожди же! — закричал он. — Отчего ты меня не подождешь?

— Спокойно, — ответил Питер, даже не сбавив шага. — Держись, или все пропало.

Вцепившись во фрак Питера, Ник намотал ткань на пальцы. Хотелось лишь одного: зажмурить глаза, чтобы весь этот ужас исчез.

И они явились — дюжины, а затем и сотни, всех размеров и форм. Воздух содрогнулся от криков, хохота, стона и плача. Мимо с песней пронесся рой отрубленных голов, целый сонм обнаженных старух с огромными отвисшими грудями запрыгал вокруг в веселом танце — старухи держались за руки и смеялись, обнажая в широких улыбках беззубые десны. Толпа крохотных детишек с телами кузнечиков жужжала, стрекотала без умолку. Всевозможные звери с голодными глазами, с острыми клыками и когтями крались следом; маленькие призрачные человечки с выпученными пустыми глазами и птичьими клювами кружились в дикой безумной пляске.

— Кто это? — простонал Ник сквозь стиснутые зубы.

«Что происходит?» — подумал он. Совсем недавно он наслаждался китайской кухней в самом центре Бруклина! Как он мог заблудиться в тумане среди этих ужасных тварей? Такого просто не могло быть!

Призрачные пальцы ерошили волосы, теребили одежду, лезли в рот и в глаза.

Впереди возникло лицо маленькой девочки — черные дыры вместо глаз, рот распялен в беззвучном крике. Она просто висела впереди и смотрела на Ника. Он отмахнулся — раз, другой, — но всякий раз рука проходила сквозь нее, и девочка хихикала, хихикала неподвижным, разинутым в крике ужаса ртом, хихикала, пока Ник не почувствовал, что вот-вот сойдет с ума.

— О, боже! — воскликнул он.

«Не могу. Больше не выдержу».

Нужно было бежать — все равно куда, лишь бы бежать.

«Побежишь — умрешь», — прозвучал в голове знакомый голос. Спокойный, твердый — его собственный голос, внутренний голос мальчишки, успевшего нахлебаться горя, но сумевшего пережить все. Как ему это удалось? Скрежет лопат, стук комьев земли по крышке гроба отца... Глухие рыдания матери, плакавшей в подушку ночь за ночью... Вся эта гадость в школе, бесконечное глумление и тумак, ежедневные издевательства Марко... Как он сумел справиться со всем этим? Он просто уходил глубоко в себя, делая вид, что все плохое происходит с кем-то другим, а сам он — только сторонний наблюдатель. И это всегда помогало. Нет, не смириться, не облегчить боль — просто пережить, пройти сквозь все невзгоды. Как раз то, что требовалось сейчас — просто пройти сквозь все это...

И Ник отправился туда, в привычное убежище, смотреть представление со стороны. А со стороны было ясно видно, что туман всего лишь шумит и грозится, просто старается напугать, одурачить, сбить с пути.

Ник взглянул сквозь туман, уткнулся взглядом в спину Питера и, не сводя с нее глаз, двинулся вперед — твердым, размеренным шагом.

Скоро голоса начали стихать. Туман успокоился, вновь превратившись в безмятежную, бесконечную серую пелену.

А недолгое время спустя Ник снова почувствовал запах моря и легкий бриз и услышал плеск волн. Наконец туман по-редел, и впереди показался сумрачный берег на фоне беззвездного ночного неба.

Ник упал на колени и, чтобы удержаться в этом положении, глубоко вонзил пальцы в мокрый прибрежный песок. Глубоко, будто вынырнувший на поверхность пловец, втянув воздух, он изо всех сил старался не закричать, старался забыть о «них». «Что за хрень? Что все это значило?» Он крепко зажмурил глаза, но это не помогло избавиться от всего увиденного.

— Что это было? — хриплым шепотом спросил Ник, подняв взгляд на Питера.

Питер улыбался от уха до уха.

— Ты здорово держался!

Ник полоснул его яростным взглядом.

— Что это все за хрень?!

— Просто Туман, — ответил Питер, будто на свете не было ничего очевиднее и естественнее.

Ник ждал продолжения, но Питер молча стоял перед ним и глупо ухмылялся.

Ник оглянулся на стену тумана, клубившегося позади: не двинется ли он следом, не пустится ли в погоню?

— А эти твари? Что это за твари? Что это, мать твою, за твари такие?

— Духи Тумана.

— Духи Тумана?

— Ну да. Слуа.

Ник понял, что так ничего не добьется. С усилием поднявшись на ноги, он сжал кулак. Очень хотелось врезать остроухому по зубам, вбить самодовольную улыбочку ему в глотку — никого в жизни Нику так сильно не хотелось ударить!

Питер с растерянным видом отступил на шаг.

— Ты меня обманул, придурок хренов! — заорал Ник. — Ты знал про все это дерьмо — знал и не сказал!

— Ложное обвинение, — возразил Питер, точно адвокат на суде. — Я прямо спросил, готов ли ты последовать за мной в Туман. И ты сказал... — Питер очень похоже избразил голос Ника: — «Иду с тобой по доброй воле».

Ник зло взглянул на него.

— Ты понимаешь, о чем я. Ты ни слова не сказал обо всем этом дерьме. Об этих тварях!

— Зачем — чтоб сюрприз испортить?

— Кончай дурака валять! — закричал Ник. — Я видел там мертвого пацана! Откуда там столько мертвых?

Питер помрачнел и молча отвел взгляд.

— А если бы я отстал? Так и остался бы там? Бродил бы и звал тебя до самой смерти?

— Да.

Ник замер с раскрытым ртом, забыв обо всем, что хотел сказать. Отвернувшись от Питера, он уставился на пелену тумана, будто на собаку, которая вот-вот бросится на него и вцепится в горло.

— Я должен был держать курс, — сказал Питер. — И сделал для тебя все, что мог. Но стоило мне дрогнуть, замешкаться, сбиться с пути... Все бы пропало. А ты, Ник, вправду здорово справился. Путь сквозь Туман — не из легких.

Ник развернулся к нему, как ужаленный.

— Да пошел ты!.. Пошел ты!..

Подбородок Питера затвердел.

— Есть неплохая идея: ты бы лучше вел себя потише. Пока Пожиратели плоти не услышали, — сказал он, пристально глядя вдоль берега, в темноту.

Ник проследил за его взглядом. «Пожиратели плоти?» Он оглядел острые силуэты деревьев и ломаную линию холмов, подступавших к берегу. Место было незнакомым. Ничего подобного Ник припомнить не мог. Его передернуло. Зачем этот остроухий пацан затащил его сюда?

— Питер, а правда, где мы?

На лице Питера вновь засияла игривая улыбка, в голосе зазвенело озорство.

— О, здесь есть на что посмотреть и чем заняться. Нас ждут приключения. Следуй за мной, и все увидишь.

Ник замотал головой.

— Нет, Питер, я не хочу...

— Ш-ш-ш! — Питер прижал палец к губам и сощурился в темноту. Лицо его окаменело. — Пожиратели плоти! Они идут сюда. Пора убираться.

Ник скрестил руки на груди.

— Я никуда с тобой не пойду.

Питер пожал плечами, развернулся и быстро направился вверх, к зарослям.

Оставшись один, Ник устремил взгляд вдоль берега.

— Ерунда, — прошептал он. — Полная ерун...

Вдруг он увидел движение на берегу, вдалеке. Несколько сгорбленных фигур двигались прямо к нему.

— Вот дерьмо...

Он оглянулся на пелену тумана. Казалось, туман тянет к нему бесчисленные щупальца.

— Твою ж мать...

В бессильной ярости он пнул ногой песок... и, к собственному ужасу, обнаружил, что со всех ног спешит к зарослям, следом за остроухим мальчишкой.

Питер прижал палец к губам. На этот раз Нику не нужно было повторять предупреждение дважды. Он не издал ни звука — молчал как рыба, едва осмеливаясь дышать. Поднявшись по топкой раскисшей тропинке наверх, они углубились в лес.

Лес был спокоен и тих — ни комариного писка, ни кваканья лягушек, словно сама земля здесь была мертва. Грязь чавкала под ногами, гнетущая тишина усиливала каждый звук.

Они шли вперед, огибая заросшие травой болотца и глубокие овраги, и перешли вброд несколько мелких медленных ручьев. Воздух был полон запахов стоячей воды, ила, плесени и гнили. Лишь слабые зеленоватые отцветы, падавшие на землю с темного, мрачного неба, помогали Нику находить путь среди толстых корней, валунов и колючих кустов. Он едва мог разглядеть изломанные силуэты деревьев над головой. Казалось, их голые ветви тянутся к нему, точно жадные руки. Ник изо всех сил старался не касаться стволов: на ощупь кора деревьев была мягкой, упругой — почти как живая плоть.

В зарослях впереди раздался громкий рев. Питер пригнулся, прячась за кривым стволом упавшего дерева, и Ник присел рядом с ним. Оба принялись вглядываться сквозь путаницу корней во мрак впереди. Откуда-то сзади донесся еще один рев.

— Баргесты, — шепнул Питер, вынимая свой длинный нож.

«Баргесты? — подумал Ник. — Окей, прекрасно. Сначала Пожиратели плоти, теперь баргесты. И что же такое эти баргесты?»

На прогалине ярдах в двадцати впереди показалась пара мерцающих оранжево-огненных глаз. Из сумрака появился темный горбатый силуэт размером с волка. Поднявшись на задние лапы, зверь начал принюхиваться. Сзади послышалось чавканье грязи. Звук неуклонно приближался — кто-то двигался к ним. Ник осмелился осторожно повернуть голову и увидел еще одну пару глаз. Он инстинктивно вжался в ствол мертвого дерева, прячась под вывороченными корнями, и стиснул зубы, подавляя порыв вскочить и броситься бежать. Зверь прошел мимо так близко, что Ник мог бы дотянуться до него рукой. В нос шибануло запахом зверя — кислой вонью старого отсыревшего ковра.

Дойдя до прогалины, второй зверь присоединился к первому. Секундой позже появился и третий. Один за другим, все трое устремили горящие оранжевые глаза в сторону

Ника. Боясь даже моргнуть, Ник вцепился в сырую землю так, что холодная жижа поползла вверх между пальцев.

Откуда-то издали донесся еще один, почти человеческий вой, эхом разнесшийся над болотом. Три зверя на прогалине подняли морды и завyli в ответ. Их вой пробирал до костей. Ник с трудом сдерживал дыхание. Каждая клетка его тела рвалась бежать — бежать прочь, как можно дальше от этого звука. Но на плечо легла рука Питера — твердая и сильная.

Наконец звери, чавкая лапами по грязи, убрались прочь.

Долгое время Питер выжидал. Затем они с Ником поднялись и двинулись дальше.

Услышав журчание Гогги-крик, Питер облегченно вздохнул. Пожиратели плоти ни за что не осмелились бы последовать за ними так далеко.

Присев у воды, Питер погрузил ладони в быстрый поток.

— Эту воду пить можно, — пояснил он и принялся пить из горсти большими, жадными глотками.

Питер плеснул водой в лицо, радуясь, что наконец-то может смыть с себя городскую копоть и пыль. Он ненавидел город — весь этот бетон, шум, вонь выхлопов и отбросов; и, что хуже всего, город был полон представителей рода людского — во всей их звериной жестокости.

Он покосился на Ника. Паренек держался молодцом. В Тумане показал себя прекрасно. Питер был уверен, что потерял его, однако мальчишка сумел отыскать его сам. Такого на памяти Питера еще не бывало. Мальчишка проявил храбрость, выказал недюжинные задатки. «Как раз из тех, какие требуются Дьяволам, — подумал Питер. — Этот, пожалуй, продержится, проживет подольше».

Питер оценивающе взглянул на пьющего из ручья мальчишку. Ночь была долгой, и тот выглядел уставшим, обесилевшим. «Это хорошо, — решил Питер. — Крепкий сон намного упростит дело».

— Там, впереди, есть подходящее место для привала, — сказал он.

Ник кивнул, и они двинулись дальше.

На отдых устроились среди россыпи валунов, растянувшись на импровизированной постели из нескольких охапок соломы. Питер поднял взгляд к мрачному ночному небу.

— Как я скучаю по звездам...

Ник зевнул.

— Может, скоро прояснится.

— Нет, — ответил Питер, — Туман вечен. Туман Владычицы оберегает Авалон, но из-за этого здесь никогда не видно нашей дорогой луны и звезд.

— Авалон? — переспросил Ник. — Я думал, Авалон — это где-то в Британии.

— Когда-то так и было, — ответил Питер.

— Это как?

— Скоро сам поймешь.

— Ладно, окей, — пробормотал Ник, закрывая глаза.

Питер наблюдал за мальчишкой, пока не убедился, что тот спит без задних ног. Тогда Питер поднялся и тихо выскользнул из-за валунов. Прямо перед ним, у подножья утеса, росло огромное дерево. Меж его могучих ветвей струился серый дымок. В стволе имелась прочная круглая дверь. Из ее толстых досок торчали наружу острые железные шипы, а над дверью, насаженный на бедренную кость, красовался беззубый человеческий череп.

Питер трижды постучал в дверь. Секундой позже дверной глазок открылся, и чей-то глаз пристально уставился на него изнутри.

Питер широко улыбнулся.

— Я привел Свежую Кровь! — объявил он.

Часть вторая

Дьявол-Дерево

Глава четвертая

Голл

«Скоро всему этому конец, — думал похититель детей, уверенно шагая через лес назад, к берегу, к Туману. — Ник теперь с Дьяволами. Его судьба в их руках, а дальше — будь что будет». Он скользил из тени в тень, то и дело останавливаясь, присматриваясь, прислушиваясь, стараясь сосредоточиться на возможных опасностях и не думать о том, что сделал и еще должен сделать, потому что раздумья об этом ничего не изменят, только отвлекут — а здесь, в чужой части острова, рассеянность легко могла привести к гибели.

Дойдя до опушки, Питер оглядел берег. Там ждал его Туман. Он слышал, как Туман зовет, дразнит его. Поморщившись, он вышел из укрытия и двинулся вперед, но тут услышал голоса. Похититель детей поспешно нырнул в лес и бросился на землю, укрывшись за толстым извилистым корнем. В каких-то тридцати шагах от него, прислонившись спинами к выброшенному прибором на берег бревну, сидели пятеро.

Пожиратели плоти!

«Дурак, — мысленно обругал себя Питер. — Чуть не напоролся на них. Только позволил Туману отвлечь себя — и пожалуйста. Глупец».

Рука инстинктивно потянулась к мечу, но Питер тут же вспомнил, что при нем только нож.

Один из Пожирателей плоти встал. Его рваная рубаха затрепетала на ветру.

— Вон они.

Проследив за его взглядом, Питер увидел вереницу темных фигур, шагающих по берегу бухты, — их было самое меньшее сорок, а то и пятьдесят. Так много Пожирателей плоти, одновременно вышедших на берег, Питер не видел с самого появления галеонов.

«Что они затевают?»

Тут кровь похолодела в его жилах. Даже в темноте он без труда узнал высокую фигуру в широкополой шляпе с облезлым пером.

«Капитан!»

Питер стиснул рукоять ножа.

Едва первые проблески рассвета коснулись низких туч, Капитан уверенным шагом подошел к пятерым, ждавшим на берегу.

— Итак?

— Ага, нашли кой-какие следы, а больше ничего. Следы выходят прямо из тумана, вот какие дела.

— Это он, — сказал Капитан, оглядывая опушку леса. — Тот самый дьявольский мальчишка.

— Так думаешь, да?

— А кто еще?

— Хочешь, чтоб мы обыскали лес?

Капитан с сожалением покачал головой.

— Сегодня нет времени, — он похлопал по рукояти шпаги. — Но попомните мое слово, я еще сделаю трофей из его башки.

Вереница темных фигур остановилась за спиной Капитана. Казалось, все их взгляды устремлены на Питера. Охваченный дрожью, он еще сильнее вжался в землю, надеясь, что они не услышат стука его сердца. Их голод был ненасытен — с каждым днем они расширяли границы, с каждым днем приближались к самому сердцу Авалона, выжигая и вырезая все на своем пути. Некоторые нагло носили на шее кости убитых.

«Сколько еще крови прольется, пока мы не остановим их? Скольким ребятам еще придется умереть?»

Капитан обернулся к строю.

— Кто приказывал останавливаться? — рявкнул он. — Шевелите своими рябыми задницами! У нас много работы.

Темные фигуры тронулись вперед, и Питер заметил, что они несут с собой две больших бочки.

«Что Капитан задумал на этот раз?»

В груди Питера защемило. Он оглянулся туда, откуда пришел.

«Нужно бежать назад, предупредить наших!»

Кулаки сжались так, что ногти глубоко впились в ладони.

«Нет, времени нет. Нужно привести еще ребят. Только поскорее, чтобы вернуться, пока Капитан не сровнял тут все с землей».

Похититель детей выскользнул из зарослей еще до того, как последний Пожиратель плоти скрылся из виду. Перебегая от одной кучи плавника к другой, он добрался до берега, покинул последнее укрытие и рванулся к волнам. Туман подступил к кромке воды, приветствуя его — казалось, он скачет от нетерпения, будто пес в ожидании кормежки.

Лицо Питера затвердело. «Все на свете имеет свою цену. Ничто не дается даром. И никто не понимает этого лучше, чем я». Он прогнал прочь ненужные мысли, зная, что без

этого ни за что не пройти сквозь Туман, сделал глубокий вдох и шагнул в клубящуюся дымку.

Звуки побережья исчезли, сменившись удушливой тишиной. Казалось, даже собственные мысли зазвучали глуше. Питер замер, как вкопанный, отыскивая Путь. Поиск Пути и странствия между мирами были одним из его волшебных даров.

— Вот, — прошептал он, заметив тончайшую нить золотых искорок, протянувшуюся сквозь серую пелену.

Не упуская ее из виду, Питер двинулся по Пути. Шагал он быстро и увидел тот самый найковский хайтоп даже раньше, чем хотелось бы. Здесь он остановился.

«Шагай вперед, — сказал он себе. — Шагай, или умрешь так же, как и он, и все остальные». Но в голове вновь зазвучал голос Ника: «А если бы я отстал? Так и остался бы там? Бродил бы и звал тебя до самой смерти?»

Интересно, долго ли мальчишка в хайтопах бродил здесь и звал его? Мальчишка? Похититель детей рассмеялся над собственными мыслями неприятным презрительным смехом. Ведь у мальчишки было имя. Джонатан...

«И этот Джонатан теперь — один из слуша, не так ли?» — подумал Питер.

— Ну да, и что из этого? — с горечью прошептал он. — Чья в том вина? Может, это я виноват, что он меня не послушал?

«Впрочем, так оно и к лучшему, — подумалось ему. — Пусть Туман сам разбирается с ними и отделяет слабых от сильных, — Питер поддал ногой одинокий хайтоп. — Все на свете имеет свою цену. Все. Просто некоторые вещи стоят дороже прочих».

Откуда-то издали раздался перезвон колокольчиков, приглушенный смех, детское пение — Туман начал оживать.

Это заставило Питера отправиться дальше — почти бегом, устремив взгляд вперед, не сводя глаз с Пути.

— Скоро всему этому конец, — прошептал он.

Мягкая, точно губка, земля сменилась асфальтом, и Туман начал редеть. Из-за высотных домов медленно поднималось солнце, звуки пробуждающегося города катились эхом вдоль длинных улиц Южного Бруклина. Туман отступил в море, искрящаяся пелена растворилась в воздухе, оставив за собой только Питера.

Похититель детей натянул на голову капюшон и направился к скоплению угрюмых жилых многоэтажек вдали. Табличка, сплошь покрытая граффити, провозглашала этот жилой комплекс гордостью Бруклинского муниципального жилищного комитета. Питер совершенно не понимал политического значения этой надписи, зато прекрасно знал, что такое трущобы и гетто: эти убогие нищенские районы всегда были богатейшими охотничьими угодьями. Со временем дома становились больше, менялся говор, менялась одежда, но лица оставались теми же, что и сотни лет назад, лицами обездоленных — отчаяние всеми забытой старости, угрюмая враждебность лишенной будущего юности... Просто рассадник тяжелого детства — порой чересчур тяжелого. Но время не ждало, Авалону требовалось больше детей, и упускать шанс воспользоваться чужой бедой он не мог.

Похититель детей проник в жилой комплекс задами, узкими переулками, прячась в тени. Глядя по сторонам, он зорко высматривал отчаявшегося, упавшего духом, заброшенного, обиженного — пропащего ребенка. Именно им, пропащим, очень нужен тот, кому можно довериться, нужен друг, а Питер прекрасно умел становиться другом.

Вскарабкавшись вверх по водосточной трубе, он спрыгнул на балкон, битком набитый мешками с мусором. Устроившись под покоробленным листом отсыревшей фанеры, он принялся ждать, когда местные ребятишки выйдут во двор поиграть. Скоро его ноздрей достиг запах не менее отвратительный, чем вонь протухших отходов. Это был затхлый

запах взрослых — кислого пота, отрыжки, усыпанных перхотью шевелюр, жирной угреватой кожи, воспаленных десен, забитых серой ушей, геморроидальных задниц... Питер сморщил нос. Этот запах ничуть не менялся с самого дня его рождения — две с лишним тысячи лет.

Он помнил этот день во всех подробностях: сокрушительное давление мокрых стенок убежища, изо всех сил выталкивавшего его наружу; отчаянные попытки воспротивиться и остаться; такое чувство, как будто тонешь; скольжение прочь из материнской утробы; холодные, жесткие руки, ухватившие за ноги и вытащившие в мир; обжигающий холод; потрясение от шлепка поперек зада; ярость и разочарование, с которым он заорал на мутную кляксу, подхватившую его на руки; ее громоподобный смех...

Питера обтерли и передали в другие руки — мягкие, заботливые, тут же прижавшие его к теплой, набухшей от молока груди. Укутанный согретым у очага одеялом, он приник к этой груди и принялся сосать. Молоко оказалось вкусным, женщина, державшая его на руках, негромко замурлыкала колыбельную, и Питер уснул сладчайшим сном в своей жизни.

Запах взрослых не был тогда настолько противным — тем более, смешанный с пряными запахами большого общего дома: дымным благоуханием огромного очага, солонины и медовухи, жареной картошки и тушеной капусты, прелой шерстью двух волкодавов, лежалой соломой постелей, смолой и хвоей свежесрезанных еловых лап, свисавших с потолка. Но особую гармоничность придавал всему этому многообразию запахов запах матери. От нее пахло тем самым теплым, вкусным молоком, и этот запах навсегда стал для Питера запахом любви.

Глаза его в те дни были янтарными, с едва различимой золотой искоркой, а уши, хоть и имели странноватую форму, еще не успели заостриться. Кроме необычайно обильной

рыжей шевелюры, он ничем не отличался от любого другого новорожденного младенца.

Первые несколько недель жизни Питер отнимовал на руках матери либо в большой ивовой корзине у очага. Лицо матери давным-давно забылось, но он до сих пор отчетливо помнил травянисто-зеленые глаза и блеск пышных ярко-рыжих волос.

Мать всегда была рядом и пела ему, усаживаясь прясть шерсть или штопать одежду вместе с двумя златовласыми сестрами. Большую часть дня он дремал, сонно наблюдая за повседневной жизнью большого семейства: двое мужчин и самый старший из мальчишек еще до рассвета уходили на охоту, мальчишки помладше ухаживали за овцами и собирали хворост, согбенный старик и его согбенная жена занимались своими делами, пока позволял дневной свет. На закате охотники возвращались, вся семья укрывалась от зимнего ветра за толстыми каменными стенами, собиралась вокруг грубо отесанного дубового стола и усаживалась ужинать.

День за днем, лежа в корзине, Питер наблюдал и слушал. Вскоре он научился различать слова, а затем и целые фразы. В трехнедельном возрасте он понимал почти все, что говорили вокруг.

Каждый вечер, перед ужином, мать кормила его, укутывала в одеяло и укладывала в большую корзину у очага — спать, пока семья ест. Но Питер не спал. Он смотрел и слушал, как все смеются и шутят, ругаются и спорят, поддерживают и утешают друг друга, делят поровну все плохое и хорошее в жизни. Когда смеялись все, улыбался и он, и золотые искорки вспыхивали в его глазах: общее веселье звучало в его ушах приятнейшей из песен.

Однажды вечером, к концу седьмой недели в этом мире, Питер решил, что хватит ему смотреть на общую радость со стороны, и захотел присоединиться к остальным. Побры-

кавшись, он высвободил ноги из одеяла, сел и перелез через край корзины. Ноги подкосились, и он звучно шлепнулся голым задом об пол. «Что стряслось с моими ногами?» — подумал он. У него и мысли не возникало, что он еще не умеет ходить. Все остальные умели. Встав на неверные ноги, он ухватился за край корзины и оглядел комнату. Как далеко вдруг оказался стол!

Он робко шагнул вперед, упал, поднялся и попробовал шагнуть снова. На этот раз ему удалось не упасть. Он сделал еще шаг, а за ним — еще, отпустил корзину и вперевалку двинулся через комнату. Шестой шаг, седьмой... Сосредоточенно ковыляя к столу, он сиял от восторга.

Старик заметил его первым и замер с отвисшей от изумления челюстью. Кусок картофелины, вывалившийся из его рта, отскочил от стола и свалился на пол. Старуха сдвинула брови и звучно щелкнула старика ложкой по лбу. Тот вскрикнул и ткнул узловатым пальцем в сторону Питера.

Все обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть голого младенца, подходящего к столу.

Довольный тем, что сумел привлечь всеобщее внимание, Питер упер маленькие пухлые ручки в бедра и задорно улыбнулся. Золотые искры явственно засияли в его глазах. Но все молчали. Никто не издал ни звука, кроме высокого сдавленного хрипа. Тогда Питер спросил:

— Можно к вам?

Но его первые в жизни слова прозвучали скорее как: «Офно кам?»

Услышав, как странно звучит собственный голос, он нахмурился. Слова звучали не так — тревога и потрясение на лицах домашних, сидевших перед ним, подтверждали это. Наморщив лобик, он попробовал еще раз:

— Мозно к вам? — гораздо чище произнес он, и, уже увереннее, повторил: — Можно к вам? Можно?

В ожидании ответа он переводил взгляд от лица к лицу. «Ведь теперь-то я сказал верно?»

Однако все молча смотрели на него, вытаращив глаза от изумления.

«Что-то они еще сильнее встревожились, — подумал Питер. — Даже разозлились».

Улыбка его угасла, и он вдруг почувствовал, что ему нужно — очень-очень нужно к матери: только ее мягкая грудь и теплые руки могли принести ему утешение. Он протянул к ней руки и шагнул вперед.

— Мама, — позвал он.

Прижав ладони к губам, мать вскочила — да так, что опрокинула стул.

Питер остановился.

— Мама?

Страх — страх исказил их лица. Но в глазах матери чувствовался не только страх. Она гневно сверкнула глазами, точно обвиняя Питера в чем-то ужасном.

«Да что я такого сделал? — изумился Питер. — Что я такого сделал?»

Старуха вскочила и взмахнула большой деревянной ложкой.

— Подменыш!!! — крикнула она. — Уберите его прочь!!!

— Нет!!! — крикнула в ответ мать, отчаянно замотав головой. — Он не подменыш! Это его ребенок! Того, что встретил меня в лесах! — она обвела всех диким, затравленным взглядом. — Теперь видите? Теперь верите?

Но никто не слушал ее. Все взгляды были устремлены на Питера.

— Не подпускайте его к детям!!! — закричала старуха.

Старик выгнал детей из-за стола и отпихнул в дальний угол, как можно дальше от Питера.

Мать Питера вцепилась в рукав старухи.

— Прекрати! Прекрати! Питер не подменыш. Мама, я не врала. Он — лесной дух — взял меня, — она указала на Питера. — Этого ребенка подарил мне лесной дух.

Старуха в ужасе уставилась на мать Питера.

— Нет, дитя мое, молчи об этом. Не говори об этом никогда, — она встряхнула дочь за плечи. — Он не твой, понимаешь? Это подменыш, — старуха полоснула Питера яростным взглядом. — Асгер, убери его прочь, пока он всех нас не сглазил!!!

Один из мужчин выдернул из окорока длинную вилку, старший из мальчишек подхватил метлу, и оба они двинулись на Питера.

Сквозь слезы, застилавшие глаза, Питер смотрел, как они приближаются. Человек, которого он в мыслях называл папой, нацелил на него вилку, а мальчишка зашел сзади.

Питер сделал шаг назад.

— Лови его!!! — завизжала старуха. — Не давай удрать!

Метла шлепнула Питера сзади, сбив его с ног. Мальчишка придавил его метлой к шершавому земляному полу, острые прутья впились в нежную кожу Питера.

— Не вздумайте пролить в доме его кровь! — завопила старуха. — Или всех нас постигнет хворь! Отнесите его в лес и бросьте зверям на съедение.

Грубые безжалостные руки подхватили Питера, и мужчина принялся обматывать его колючей, больно впивавшейся в тело веревкой, притягивая руки к туловищу и связывая ноги вместе.

Пока мужчина со старшим из мальчишек надевали сапоги и кутались в шкуры, старуха принесла корзину и одеяло Питера.

— Возьмите все, что он осквернил. А я приготовлю сало.

Слив растопленное сало со сковороды с ветчиной в горшок, она подала его мужчине.

Дверь распахнулась, холодный, жалищий ветер ворвался внутрь, и Питера потащили наружу, в ночь. Питер в последний раз взглянул на мать. Та лежала на полу, вздрагивая от рыданий. Сестры, присев рядом, удерживали ее.

— Мама! — крикнул Питер.

Но мать не подняла глаз. Дверь захлопнулась.

Старуха облила Питера растопленным салом. Оно защищало глаза, впиталось в одеяло и тут же ледяной коркой застыло на коже.

— Так будет быстрее, — пояснила старуха. — Теперь отнесите эту тварь в лес и бросьте там.

Старуха подала мужчине комок шерсти.

— Этим заткнешь уши. И, что бы он ни говорил, помни: эта коварная тварь — не из твоих чресл.

Мужчина и мальчик зажгли факелы, проделали черенок метлы сквозь ручку корзины, взялись за его концы и отправились в путь по обледелой тропинке. Старуха с крыльца смотрела им вслед.

Холод ущипнул крохотный носик младенца.

— Папа! — позвал Питер. — Пожалуйста, папа! Я буду хорошим, честное слово. Буду хорошим. Папа! Пожалуйста, папа! Папа?

Но как ни просил Питер, как ни умолял, мужчина даже не взглянул на него. И он, и мальчишка решительно шагали вперед. Сжав губы, не говоря ни слова, они все дальше и дальше углублялись в темный студеный лес.

Питер даже не представлял себе, долго ли длился их путь, но когда они наконец остановились, луна взидала на него с высоты, из-за туч, затянувших небо. Они оставили его на поляне, окруженной высоким кустарником, под истрескавшимся каменным уступом, и поспешно ушли, ни разу не оглянувшись назад.

Питер остался лежать, глядя на ветви деревьев, машущие луне. Тучи сгущались, тени начали сливаться воедино. Он попытался освободиться, но путы оказались слишком прочны. Пальцы рук и ног онемели, холод сделался нестерпимым. Питера охватила дрожь.

— Мама! — позвал он. — Мама!

Он звал мать снова и снова, но она так и не пришла. На зов явился кто-то другой. Услышав громкое сопение, Питер затих.

Из кустов появилась огромная тень. Обликом она напоминала оставшихся дома собак. Глаза зверя блеснули в тусклом свете луны, он громко потянул носом воздух. Питер чувствовал: зверь голоден. Он изо всех сил старался не издавать ни звука, но не сдержался и захныкал.

Волк медленно обошел его кругом, ухватил зубами край одеяла и дернул, перевернув корзину. Младенец выпал на мерзлую землю. Ничем не защищенный от холода, Питер заскулил. Слизав с одеяла сало, волк подступил к нему.

Ткнувшись мордой в лицо Питера, волк слизал сало с его щек, шеи и живота, затем ухватил зубами за ножку и поволок в кусты. Питер заорал, но волк только крепче сжал челюсти. Но тут со стороны каменного уступа послышался стук осыпающейся гальки. Волк отпустил Питера, вскинул голову, насторожил уши.

— Ай-юк, — раздался сиплый грубый голос.

Там, на гребне каменного уступа, стоял человек. Только на самом деле он не был человеком: рост его оказался чуть выше волчьего плеча. Короткие ножки, длинные ручки, могучая грудь, несоразмерно огромная голова, растущая прямо из плеч... Кожа его была серой, шероховатой, как сама земля, покрытое грязью одеяние из лоскутов облезлых звериных шкур поросло мхом. Крохотные, глубоко посаженные черные глазки блестели из-под далеко выдававшихся вперед надбровных дуг. Увидев Питера, он широко ухмыльнулся, обнажив почерневшие десны и кривые острые зубы.

Волк ощерился и негромко, угрожающе рыкнул.

Моховик спрыгнул с уступа и встал посреди поляны.

— Пшел!!! — крикнул он, громко хлопнув в ладоши.

Волк склонил голову, приподнял губу, обнажив целый арсенал длинных, острых клыков, и снова зарычал. Моховик зарычал еще громче и, прежде чем Питер хоть глазом успел моргнуть, кинулся вперед, прыгнув на волка. Вцепившись

в шкуру зверя, он впился зубами в его ухо и с рыком принялся мотать головой из стороны в сторону, пока не оторвал волчье ухо начисто.

Волк взвыл, брыкнул задними лапами, завертелся.

Моховик разжал хватку и мощным пинком под зад отправил скулящего волка в кусты. Выплюнув ухо на землю, карлик облизнул кровь с губ и уставился на Питера.

— Младенец, — сказал он, подняв с земли прут и ткнув Питера в бок. — Доброе выйдет жаркое. Ай-юк.

Говорил он медленно, неуверенно, будто слова были ему несвойственны.

— Прошу тебя, не надо меня есть, — взмолился Питер. — Пожалуйста. Я буду хорошим.

От удивления моховик поднял брови и тут же подозрительно сощурился.

— Младенец умеет говорить?

Присев, он уткнулся широким, плоским носом под подбородок Питера и сделал глубокий вдох. Вблизи Питер смог разглядеть всевозможных червей и букашек, кишевших в его волосах. На лице моховика отразилось замешательство. Проведя пальцем по кровавым отметинам, оставленным клыками волка на ноге Питера, он осторожно попробовал его кровь кончиком языка — и тут же выпучил крохотные глазки и сплюнул на землю.

— Кровь Дивных! — усмехнулся он. — Кровь Дивных — плохо. Очень плохо! — плечи его поникли, лицо помрачнело. — Нельзя есть.

Нагнувшись, моховик подобрал волчье ухо, сунул в рот его окровавленный край и двинулся прочь.

На миг Питер почувствовал облегчение, но холод тут же напомнил, что он гол, связан по рукам и ногам, а поблизости рыщет голодный волк.

— Подожди! — закричал он. — Не оставляй меня здесь! Но моховик продолжал идти.

— Прошу тебя!!! — завопил Питер. — Пожалуйста, по-
дожди!!! Пожалуйста!!! — вопли Питера перешли в рыда-
ния. — Пожалуйста, не уходи...

Моховик обернулся, окинул Питера взглядом и почесал
в бороде. Наконец — бесконечную минуту спустя — он
спросил:

— Можешь ловить пауков?

— Что? — изумился Питер.

— Пауков ловить можешь? Уйма пауков в пещере. Тер-
петь не могу. Ай-юк.

Питеру совсем не хотелось в пещеру к паукам, но оста-
ваться в лесу не хотелось еще больше, и он кивнул:

— Да, я могу ловить пауков.

Моховик поразмыслил, глядя на трясущегося от холода
Питера. Наконец он крикнул, шаркая ногами, вернулся на-
зад и развязал младенца.

— Не реветь. Терпеть не могу рев. За мной. Не отставай,
не то попадешь волку в зубы.

Питер с трудом поднялся. Ноги так онемели, что он
едва мог стоять. Моховик бодрым шагом устремился впе-
ред, и Питер пошел следом, но, сделав лишь несколько
шагов, упал. Мерзлая земля впилась в ладони и колени,
и он не смог сдержать крик. Поднявшись, мальчик снова
попробовал идти, но лед больно врезался в его нежные
пятки. Сделав не больше дюжины шагов, он вновь упал.
Тогда он решил ползти на четвереньках, но боль была слиш-
ком сильна. Питер остановился. Моховик уже исчез из
виду. Вокруг было темно и холодно, из разбитых коленей
текла кровь. Совершенно голый, он вот-вот должен был
замерзнуть насмерть, а где-то неподалеку рыскал волк...
Питер захныкал.

Но моховик вновь появился из-за кустов. Крохотные
черные глазки сердито сверкнули на Питера, широкий нос
сморщился от отвращения.

— Не реветь. Терпеть не могу рев.

Питер попытался сдержаться, но не сумел. Вместо этого он заревел навзрыд.

Моховик зажал уши ладонями.

— Прекрати! — простонал он и двинулся прочь.

Сделав полдюжины шагов, он остановился, оглянулся на Питера и сдвинул брови. Наконец он тяжело вздохнул и вновь подошел к младенцу.

— Ладно. Ладно. Не уйду. Теперь прекрати рев.

Но Питер никак не мог остановиться.

Моховик указал на холм за своей спиной:

— Голлов холм.

Затем он ткнул себя пальцем в грудь:

— Голл.

Питер утер нос локтем и проглотил слезы.

— А я — Питер, — сказал он между двумя прерывистыми вдохами.

Голл присел и нагнулся.

— Давай, Питер. Полежай.

Питер забрался на подставленную спину и как можно крепче вцепился в волосы моховика. Лесной человек поднялся на ноги и подал Питеру волчье ухо.

— На. Тебе.

Он обхватил ступни Питера широкими теплыми ладонями, Питер впился зубками в волчье ухо, и оба двинулись вперед, по обледенелой тропе, к склону холма.

Вскоре они оказались у темной пещеры под каменным карнизом, показавшейся Питеру обычной ямой. Земля у полуосыпавшегося входа была усеяна грязной соломой, обрывками засаленных шкур и обглоданными костями. Над входом висели сандалии, сапожки, башмачки — маленькие, детские, общим счетом около дюжины.

Опустив Питера на ноги, Голл широко ухмыльнулся.

— Голлов дом. Очень теплый. Очень красивый.

— Где это тебя хрен носил?!

Разом вернувшись из прошлого в настоящее, похититель детей вздрогнул, обернулся и заглянул в окно квартиры. Там зажегся свет, и сквозь тонкую, обвисшую занавеску он увидел нелепо огромную женщину в одних трусах и лифчике. Она стояла посреди комнаты, уперев руки в бедра, вопрос же ее был обращен к мужчине, прислонившемуся к косяку входной двери.

Начался дождь. Мелкая морось окрасила серые муниципальные дома в цвет грязи.

— Я тебя спрашиваю! — продолжала женщина, повысив голос. — Я спрашиваю: где тебя, козлину позорного, носило всю ночь?

Мужчина только пожал плечами. Входить в комнату он не спешил.

— Отчего это у тебя рубашка наизнанку? А, Жермен? Отчего?

Мужчина взглянул на свою рубашку, поднял взгляд на женщину и снова пожал плечами.

— Опять был у этой сучки, так?

Мужчина не отвечал.

— Нечего на меня так смотреть! — завизжала женщина. — Прекрасно знаешь, о ком я!

Схватив с сервировочного столика бутылку, она ткнула ею в сторону мужчины.

— Женщина, — небрежно сказал мужчина, — тебе надо успокоиться. Это не...

— Будь ты проклят, Жермен! Будь ты проклят!!!

Женщина швырнула в мужчину бутылкой. Бутылка разбилась о дверь, едва не угодив ему в голову. Кинувшись вперед, женщина хлестнула его по щеке.

Мужчина оттолкнул ее.

— Тебе надо поумерить пыл, сука! Тебе надо просто...

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

Женщина налетела на него вновь, и на этот раз мужчина жестко ударил ее в живот. Отброшенная на середину гостиной, женщина рухнула на пол и жутко захрипела, точно вот-вот задохнется насмерть.

— Сука!!! — заорал мужчина. — Сука чокнутая!!!

С этими словами он хлопнул дверью и исчез.

Женщина осталась лежать на полу. Прижав руки к животу, она зарыдала.

Питер решил, что с него хватит. Он спрыгнул с балкона, опустил голову и пошел по улице, стреляя золотистыми глазами из-под капюшона, внимательно оглядывая дворы и детские площадки. Мысли снова и снова возвращались к Капитану и непонятным бочкам. Время уходило, пополнение нужно было подыскать сегодня же.

Дьяволы

Лицо Ника оросили теплые капли дождя. Влага текла в глаза, в рот, в волосы, вытаскивая на поверхность из глубин сна. Утерев лицо, Ник заставил себя проснуться и заморгал, вглядываясь в утренний туман.

Сверху прямо на него мочились три крохотных, не больше мыши, синекожих человечка!

— Какого хрена?!

Ник разом вскочил — и больно треснулся макушкой о потолок клетки.

«Клетки?»

Он принялся отплевываться, избавляясь от кисло-соленого привкуса на языке. Какой дьявол занес его в клетку? Встряхнув головой, он протер глаза от мочи и вновь начал отплевываться.

Их было не меньше двух дюжин. Все они смотрели на него. Одни не крупнее кузнечика, другие размером с крысу — тонкие, тщедушные человекоподобные существа с прозрачными стрекозиными крыльями и гибкими хвостами с кисточкой на конце. Все они были наги, кожа — цве-

та морской волны, гривы черных или синих волос вдоль спин...

Ник вспомнил, как Питер говорил что-то о феях, пикси и гоблинах. Конечно, он говорил много всякой ерунды... Значит, это и есть пикси? Впрочем, сейчас это волновало Ника в последнюю очередь. Куда сильнее его заботили взгляды этих существ: они смотрели на него так, точно он вполне годился в пищу.

— Кыш, — прошептал он.

Существа продолжали смотреть на него жестокими немигающими взглядами.

— Кыш! — повторил он громче, махнув в их сторону рукой.

Существа зашипели, оскалив острые, точно иглы, зубы.

— Брысь! — крикнул Ник, хлопнув ладонью по прутьям клетки.

Существа разом взмыли в воздух, стрекоча крылышками. Зависнув над клеткой, они завизжали на Ника, как дикие кошки.

Забившись в дальний угол клетки, Ник схватил с пола пригоршню соломы и швырнул в них. Вспугнутая его движением, маленькая бурая мышка выскочила из-под клетки и метнулась прочь по каменному полу.

Пикси тут же бросились на нее. Мышь душераздирающе пискнула, угодив в их когти. Клоchy шерсти, ошметки мяса, брызги крови полетели во все стороны. Рыча от ярости, пикси кинулись в драку за лучшие куски, их синие тельца сплелись в клубок на каменном полу.

— Господи, — прошептал Ник, крепко прижав руки к груди. — Нужно убираться отсюда.

Оглядевшись в сумраке, он заметил по меньшей мере дюжину клеток, стоявших вдоль стены. В каждой как раз хватило бы места для подростка. Как и его собственная, эти клетки были сооружены из сучьев, связанных стеблями лиан. Многие были укрыты ветхими покрывалами, больше

Капитан

всего на свете похожими на полусгнившие звериные шкуры. Перед клетками возвышалась пирамидка из нескольких копий, а в центре ее — Ник сглотнул — лежал человеческий череп.

Откуда-то сзади раздался резкий скрип.

Пикси прекратили драку, поднялись на ноги и по-птичьи заозирались, встревоженно вглядываясь в темноту.

Из сумрака раздался глухой удар и громкий протяжный рык. Пикси взмыли в воздух и бросились прочь, оставив Ника одного. К собственному удивлению, Ник обнаружил, что жалеет об этом. Все, что угодно — только бы не остаться в клетке, во мраке, наедине с тем, кто мог издать эти звуки.

Еще один скрип, заметно ближе. Прижавшись лицом к решетке, Ник напряг зрение и сумел разглядеть увитый корнями столб, уходящий вверх, в темноту. У его подножья виднелась какая-то тень — и эта тень шевелилась! Качнувшись взад-вперед, она метнулась в сторону и исчезла.

«Вот дерьмо! Кто там?»

В комнате стало светлее, туман начал редеть. Разглядев предметы, развешанные по стенам, Ник заморгал. Ровные ряды кинжалов с хищно изогнутыми лезвиями, рядом — шипастые дубины и множество иззубренных секир. Орудия увечий и смерти — и, судя по виду, не раз побывавшие в деле. Над рядами оружия висели три черепа, связанные в пирамидку. Высохшая, изъеденная червями плоть обтягивала разинутые в безмолвном крике челюсти. Ниже висела пара скрещенных берцовых костей, образуя тройной «Веселый Роджер».

«Нужно убираться, да поскорее!»

Ник толкнул дверцу клетки, но она не открылась. Только сейчас он заметил, что она крепко привязана кожаными ремнями. Он отчаянно рванул ремни, потянул, но вдруг слева раздалось громкое шипение. Резко обернувшись, он успел разглядеть нечто, промчавшееся мимо на четвереньках.

Ник оставил ремни в покое. Наружу больше не хотелось. Оставалось только надеяться, что решетка сможет уберечь его от тех, кто затаился снаружи.

— Господи, вытащи меня отсюда! — захныкал он.

Туман продолжал редеть, и Ник увидел всевозможные мечи и копья, висевшие на стенах. Заметил он и огромный очаг, в котором легко поместились бы трое взрослых. Над очагом на жирных черных цепях висели несколько котлов — каждый размером с подростка. А затем он увидел тела. Безжизненно обвисшие тела в дальнем конце просторного зала едва можно было разглядеть. Сколько их — четыре, пять? С виду тела казались детскими...

«Боже всемилостивый! — едва не завизжал Ник. — Что же это за место?»

Со всех сторон из сумрака раздались громкие завывания. Кто-то захрюкал, как свинья, зафыркал, захихикал. Ото всюду зазвучали зловещие смешки, странно похожие на детские, и Ник почувствовал, что вот-вот тронется умом, если они не стихнут.

На свет выбралась кучка теней, и у Ника перехватило дыхание.

Они были похожи на людей, но лишь отдаленно. Длиннорукие, длинноногие, они больше напоминали пауков. Пропорции тел были детскими, но какими-то неправильными — будто их вытянули в длину. Большие круглые пятна боевой раскраски украшали кожу, длинные полосы тянулись вдоль рук и ног. Крепкие, упругие мускулы лоснились в неярком свете. Некоторые были одеты в свалявшиеся облезлые шкуры, увешанные по краям костями, клыками и обломками сухих веток, их запястья и щиколотки были унизаны браслетами из кожи и стеблей травы, а лица — скрыты под дявольскими рогатыми масками из кожи, шкур и перьев.

Все эти существа двинулись к Нику, приплясывая, подергиваясь, будто в эпилептическом припадке, окружили клетку и уставились внутрь дикими, безумными глазами —

золотистыми, такими же, как у Питера. Нику сделалось ясно, что Питер на самом деле обвел его вокруг пальца. Остроухий мальчишка заманил его сюда, чтобы эти твари смогли... Смогли — что? Ник покосился на их длинные ножи, обвел взглядом их голодные глаза...

— Что вам надо?! — дрожащим голосом выкрикнул он.

В ответ они, точно в горячечном бреду, завращали глазами, растянули рты в безумных улыбках и застучали зубами. Шелк! Щелк! Щелк! В тишине огромного зала лязг зубов казался оглушительным.

«Нет, нет, нет, — подумал Ник. — Не надо больше, пожалуйста».

С этой мыслью он ушел глубоко в себя — совсем как тогда, в тумане. Он не желал видеть собственную смерть, но, если уж без этого никак, предпочел бы оказаться в самом дальнем ряду, закрыв глаза ладонями.

Развязав ремни, удерживавшие дверцу клетки, его потащили наружу. Крепкие, безжалостные пальцы больно впились в тело. Кто-то накинул на его шею ожерелье из костей и зубов, из ушей и пальцев — да не чьих-нибудь, а человеческих! Его подтащили к столбу и, приплясывая, двинулись вокруг, обматывая его веревкой, непрестанно хихикая, показывая ему языки, вращая глазами, щелкая зубами. Захотелось как можно скорее умереть — все, что угодно, только бы больше не слышать этих ужасных звуков.

Откуда-то издали донесся лязг железа. Отродья дьявола, чудовищные дети — кем бы они ни были — застыли на месте и разом смолкли.

Туман почти рассеялся. Сквозь ряд узких окон внутрь проник утренний свет, и Ник сумел разглядеть просторный круглый зал целиком. Стены его частью были сложены из грубо отесанных камней, частью представляли собой сплошную естественную скалу. Ясно видна была и красная дверь в обрамлении огромных корней — каждый толщиной с бочонок. Размеров дерева с такими корнями Ник и представить

себе не мог. Он поднял взгляд, чтобы разглядеть крону, но сверху оказался потолок.

Отродья дьявола не сводили глаз с красной двери.

— Дьявольский зверь идет, — тихонько проговорил один из них.

— Идет дробить кости и высасывать мозг, — добавил другой.

— Скоро все наедемся, — зазвучал в ответ многоголосье возбужденный шепот.

Встав вокруг Ника широким кольцом, они начали бить кулаками в раскрытые ладони.

Чувства Ника обострились от страха. Ноздри защекотали запахи застарелого пота, вареного мяса, отсыревшей листвы и жуков. Он тоже взглянул на красную дверь. Неужели действительно кто-то идет сюда, чтобы сварить его и съесть? В это не хотелось верить, но взгляд невольно скользнул по ножам и секирам, по темным пятнам на земле, по котлам — каждый размером с мальчишку, — висевшим над очагом. Из головы никак не шли развешанные вдоль стены тела. «Не хочу умирать», — подумал он, с запозданием обнаружив, что плачет.

За красной дверью зазвенели колокольчики. Звон становился все громче и громче, и вдруг стих. Снаружи лязгнул отодвинутый засов, и дверь медленно распахнулась внутрь.

На порог шагнуло настоящее чудовище — на голову выше остальных, закутанное в шкуры, в маске из кости и меха. Над головой его торчала пара козлиных рогов, жесткие, спутанные волосы были заплетены в толстую косу, свисавшую вдоль спины и достигающую пояса. Маска, шкуры, рога, кожа чудовища — все это было покрыто потрескавшейся красной краской. В руке чудовище держало короткую дубинку с длинным зазубренным крюком на конце.

Устремив взгляд на Ника, оно подняло дубинку и громко фыркнуло.

— О, нет! — закричал Ник. — Нет! Нет! Нет!

Он отчаянно задергался в путах, рванулся раз, другой — и сумел высвободить руки. Поспешно сдернув вниз веревку, обмотанную вокруг пояса и ног, он споткнулся об нее, покатился по полу, вскочил на ноги, оглянулся, увидел, что дьявольский зверь наступает, и пустился бежать. В попытке вырваться из кольца жутких тварей, он кинулся вперед, напролом, но его схватили и оттолкнули назад.

Дьявольский зверь хлестнул Ника ладонью по лицу. Голова взорвалась болью, Ник распростерся на каменном полу, съежился в комок и обхватил руками голову. «Конец, — подумал Ник. — Я погиб».

Дьявол шагнул к нему и жестко пнул в бедро. Ник взвизгнул, потом увидел ногу, летящую в лицо, но сумел увернуться. Пинок пришелся в плечо, Ник покатился по полу.

— Прекрати! — закричал он.

Но дьявол надвигался на него, подняв над головой дубинку с жутким зазубренным крюком. Ник откатился в сторону. Дубинка ударила в камень, вырвалась из руки дьявольского зверя и покатилась по полу к центру кольца. Ник вскочил и захромал прочь — подальше от своего мучителя.

Дьявол прыгнул вперед, ухватил Ника за руку, развернул к себе и наотмашь хлестнул по лицу тыльной стороной кисти.

От жгучей боли и ослепительной вспышки в глазах Ник зашатался, с трудом удерживаясь на ногах. А дьявол продолжал надвигаться на него.

Почувствовав вкус крови во рту, Ник потрогал губу и был потрясен: как много крови осталось на пальцах!

— Что тебе надо?! — закричал он, будто не знал ответа, будто и в самом деле мог ожидать чего-то еще, кроме того, что его со звериной жестокостью забьют насмерть.

Дьявол попросту продолжал гонять его по кругу, не устаивая ответом, будто хищник, неотступно преследующий добычу.

— Что?! Что?! — завизжал Ник.

Тут он заметил дубинку с крюком, лежавшую в центре кольца. Взгляд его заметался между крюком и дьяволом.

Дьявол остановился и уставился на него.

Ник нырком бросился к оружию и подхватил крюк с каменного пола. Оружие оказалось неожиданно тяжелым, и Ник чуть не уронил его. Подняв дубинку обеими руками, он направил хищный зазубренный крюк на дьявола.

— Давай!!! — закричал он, брызжа слюной пополам с кровью. — Иди сюда, козел вонючий!!!

Но дьявол не двигался с места.

— Ну?! — крикнул Ник. Его затрясло, как в лихорадке, дубинка задрожала в руках.

Окружавшие его существа нараспев затянули:

— Кровь. Кровь. Кровь.

Они повторяли это снова и снова, пока Ник не подумал, что сейчас сойдет с ума.

«Ну, хватит!»

Ник с воем бросился на дьявола и взмахнул дубинкой, чтобы сплеча всадить крюк поглубже в его череп.

В последнюю секунду дьявол перехватил запястье Ника, выбив дубинку из руки. Оружие с громким стуком отскочило от пола, и в зале стало тихо.

— Хорошо, — сказал дьявол, сдвинув маску наверх.

Перед Ником стоял вовсе не «дьявольский зверь», а просто мальчишка.

Мальчишка улыбнулся.

— Хорошо держался! — он крепко стиснул ладонь Ника и вскинул его руку кверху. — Свежая Кровь для Дьявол-Дерева!!!

Запрокинув голову, он испустил громкий протяжный вой.

Странные существа присоединились к нему — завывали, затопали. Зал загудел от накала страстей. Все сбросили маски. Теперь Ник ясно видел: под лохматыми шевелюрами и боевой раскраской скрывается всего лишь куча малолетних придурков.

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

Он поднял взгляд. Наверху, между потолочных балок, подражая мальчишкам, будто крохотные синие обезьянки, скакали вверх-вниз синекожие пикси. Их резкий визг усиливал общую какофонию. Зал звенел от улюлюканья, криков и хохота. Казалось, мир превратился в безумный, бешено кружащийся калейдоскоп, и Ник понял, что окончательно и бесповоротно сошел с ума.

Волк

Похититель детей сидел на скамье неподалеку от детской площадки. Над головой нависали мрачные здания, окружавшие просторный двор с пяти сторон. Дело шло к полудню, и ульи жилых домов начали просыпаться. Он оглядел балконы в поисках хоть каких-то следов «трудных подростков», но обнаружил только все те же усталые похмельные лица взрослых. Собравшись небольшими группами, они бесцельно торчали на балконах, частенько оставляя балконные двери открытыми и оглашая двор ревом и грохотом стереосистем. Там и сям слышался смех, но чаще всего в нем звучала угроза. Многие просто смотрели перед собой остекленевшими глазами, напоминая Питеру мертвецов в Тумане.

Вдруг ушей Питера достиг ликующий визг. За ним последовал взрыв оживленного смеха. Эти звуки притягивали, манили к себе, будто конфета.

Несколько детишек помладше, презрев дождь и слякоть, катались с горки, качались на рукоходе. Разбившись на команды, они затеяли шумную игру в пятнашки.

Похититель детей следил за ними с улыбкой. Даже здесь, среди стольких мытарств, несмотря на непристойные граффити, которыми были испохаблены все доступные поверхности, эти детишки могли находить себе радость. «Они отыщут радость всегда и везде, — подумал Питер, — потому что их волшебство еще с ними».

Внезапно он понял, что хочет лишь одного — побегать и поиграть с ребятами. То же самое неодолимое желание он испытал многие годы назад, при первой встрече с другими детьми. Только в тот раз все это кончилось бедой...

Его улыбка увяла.

«Да, то был день жестоких уроков».

Ему недавно исполнилось шесть. Одетый в шкуру енота, он беззвучно несясь по лесу. Шкура развевалась за спиной, как плащ, длинный полосатый хвост подпрыгивал в такт шагам. Морду зверька он натянул на голову, как капюшон, и его золотые глаза блестели из-под маски енота, обшаривая заросли в поисках добычи. Была весна, и кроме шкуры он надел только набедренную повязку да сыромятные башмаки. В обеих руках он держал по копью, за поясом торчал кремневый нож. Тело его было вымазано ягодным соком и грязью, чтобы скрыть собственный запах. Этой уловке, а также тому, что при себе всегда нужно иметь два копья — одно для охоты, другое для защиты от крупных лесных зверей, — научил его Голл.

Бросив на середину поляны пригоршню орехов, Питер нырнул в высокие кусты. Заметив на дереве неподалеку двух бурых белок, он сложил ладони рупором и изобразил клохтанье кормящейся индейки. Этой уловке тоже научил его Голл. Не подражай зверю, на которого охотишься — вряд ли животное обманешь его же собственным зовом. Вернейший способ приманить добычу — голос другого зверя, разжившегося пищей.

Конечно же, обе белки поспешили к нему. Питер осторожно опустил тяжелое копьё на землю и вскинул легкое к плечу. Белки увидели орехи, увидели друг друга и наперегонки бросились к добыче.

Питер встал и метнул копьё. Копьё попало точно в цель. Одна из белок осталась лежать на земле, а другая, рассерженно вереща на Питера, пустилась наутек.

Питер издал торжествующий вопль и подпрыгнул от радости. «Сегодня — никакой похлебки из пауков, — подумал он. — Сегодня на ужин беличье жаркое!»

На поляну неторопливой рысцой выбежал волк. Оценив положение, зверь встал между Питером и его трофеем. У волка не хватало одного уха.

Питер замер.

Не сводя с него темных глаз, волк приподнял верхнюю губу. Казалось, зверь ухмыляется.

Питер подхватил с земли тяжелое копьё и выставил его перед собой.

— Ну нет, — сказал он. — На этот раз — нет.

Волк глухо зарычал.

Питер не дрогнул. Этот волк неотступно отравлял ему жизнь уже несколько месяцев. Всякий раз, как Питеру удавалось убить зверя, появлялся волк и отнимал у него добычу. Питер был по горло сыт паучьей похлебкой и на этот раз решил отстоять свой трофей во что бы то ни стало.

В волчьих глазах мелькнула насмешка. Зверь дразнил, подначивал мальчика, как будто больше всего на свете хотел перегрызть ему горло.

Во рту разом пересохло. Питер громко сглотнул. Голл говорил, что единственный способ одолеть волка — кинуться прямо на него.

— Волк — охотник, — учил Голл. — Если охотятся на него, теряется. Не знает, что делать. Так с ним и справишься. Сам увидишь. Выкажешь страх, — Голл рассмеялся, — волк тебя съест. Ай-юк.

«Давай, — подумал Питер. — Вперед. Бить прямо в сердце».

Волк опустил морду к земле и медленно двинулся по кругу. Питер прекрасно знал, что у зверя на уме, — в эту игру они играли не раз и не два. Волк пытался отрезать ему путь к бегству, встать между ним и ближайшим деревом. Стоит хоть на секунду отвести от него взгляд, тут же бросится...

Волк громко рыкнул.

Питер бросил взгляд в сторону дерева.

Волк прыгнул на него.

Питер завопил, выронил копьё и кинулся бежать. К счастью, уже в шесть лет он был проворен и ловок, как белка. Промчавшись через поляну к дереву, он прыгнул вверх, ухватился за нижний сук, подтянулся... Позади громко лязгнули зубы, резкий рывок едва не сдернул Питера на землю. Взобравшись еще несколькими ветками выше, он осмелился бросить взгляд вниз.

Волк стоял у подножья дерева, сжимая в зубах хвост енота, и смотрел на него.

Покружив под деревом, волк ленивой рысцой направился к убитой белке.

Сидя на тонком, неудобном суку, Питер смотрел, как волк пожирает его ужин.

Покончив с едой, волк свернулся клубком под деревом и задремал.

Казалось, этому долгому дню не будет конца. Питер то и дело разминал затекавшие ноги и изо всех сил старался не свалиться вниз. К закату все тело онемело, и он приготовился к очень и очень скверной ночи.

— Ты глянь, — раздался невдалеке скрипучий голос. — Птица. Птица Питер.

Питер и волк разом подняли взгляды. Сверху, на невысоком скалистом гребне, стоял Голл.

Покосившись на волка, затем — на останки белки, Голл вновь устремил взгляд на Питера и ухмыльнулся.

— Опять кормишь одноухого старика? Ай-юк.

Питер покраснел и отвел взгляд.

Голл рассмеялся, спрыгнул с гребня и двинулся сквозь кусты к поляне. Волк, помня заведенный порядок, просто наградил Голла надменным взглядом, и одним прыжком скрылся в зарослях.

Мешком свалившись с дерева, Питер подобрал копыта и, еле переставляя негнущиеся ноги, подошел к Голлу.

Голл поднял за задние лапы крупного кролика, встряхнул его в воздухе и пошевелил ногой то, что осталось от белки.

— Сегодня Голла ждет добрый ужин. А Питеру, сдается мне, снова досталась похлебка из пауков. Ай-юк.

Питер поник головой.

— Ох, Голл, перестань.

— Хочешь хорошо есть, надо хорошо охотиться.

В бессильной злости поддав ногой клочья беличьей шкурки, Питер уныло двинулся вслед за Голлом к пещере.

Окунув ложку в миску с мерзким жидким варевом, Питер поднял ее на уровень глаз и взглянул сквозь комок полусырых паучьих лап на недоеденного кролика в руках Голла. Пещеру переполнял аромат жареного мяса. Громко причмокнув, Голл облизал с пальцев жир и удовлетворенно заурчал.

— Ну пожалуйста, — сказал Питер.

Голл помотал головой.

— Ну, хоть пару раз откусить?

— Ты знаешь закон. Что добудешь, то и ешь. Хочешь кролика — добудь кролика сам. Ай-юк.

— Как мне его добыть, если этот дурацкий волк никак не отвяжется?

— Надо убить волка.

Питер надолго задумался.

— Голл, а может, ты убьешь этого волка? Пожалуйста! Голл вновь помотал головой.

— Мне он не докучает.

Питер со вздохом отодвинул миску. Поднявшись, он подошел к выходу из пещеры и уставился в темноту. На небе, среди весенней листвы, мерцали звезды. Вспомнилась мать. Порой он мог закрыть глаза и вновь почувствовать запах ее волос. Что-то они едят сейчас там, в большом доме? Отчего бросили его на съеденье зверям? Питер шлепнул по одному из висевших над входом башмачков и, глядя, как он качается в воздухе, задумался. Что за ребенок носил его? Может, и его родители бросили в лесу?

— Голл!

— Ай-юк?

— Чьи это башмачки?

— Маленьких мальчиков. Маленьких девочек.

— А откуда у тебя их башмачки?

— Прежде, чем есть, надо снять.

— Есть? — Только тут Питер понял, в чем дело. — Детей?!

— Ай-юк.

— Ты ешь детей?!

— Только когда удастся поймать.

Питер молча уставился на башмачки над входом.

— Пожалуй, мне не нравится есть детей, — наконец сказал он.

— Понравится. Очень нежные. Очень сочные. Куда лучше паучьей похлебки.

— А откуда взялись эти дети?

— Из деревни.

— А где эта деревня?

— Нет!!! Никаких разговоров о деревне. Не ходи туда даже близко. Там люди. Люди очень плохие. Очень опасные.

— Опаснее нашего волка?

— Да. Много, много опаснее.

Питер снова качнул башмачок. А хорошо бы, если бы рядом были и другие дети!

— Голл, а можно, когда ты поймашь еще одного, я оставлю его себе? Сделаем ему клетку... Ладно?

Голл взглянул на Питера, склонив голову набок.

— Питер, ты очень странный. Держись подальше от деревни.

Питер вернулся в пещеру и подсел к огню.

Взглянув на заднюю лапу кролика в миске Голла, он поднял на Голла взгляд и причмокнул губами.

— Не кланчить. Терпеть не могу.

Питер плаксиво выпятил нижнюю губу. Голл закатил глаза и нахмурился.

— На, — буркнул он. — Бери.

С этими словами он подтолкнул свою миску к Питеру и принялся наблюдать, как мальчик пожирает кроличью ногу. Вскоре уголки губ моховика дрогнули в едва заметной улыбке. Покачав головой, он забрался под грудку шкур и уснул.

Покончив с крольчатинной, Питер с наслаждением улегся на спину. От сытного мяса в животе стало тепло. Веки отяжелели. «Да, хорошо бы, если б поблизости был еще хоть один ребенок, — подумал он. — Я мог бы играть с ним. Научил бы охотиться, — тут ему в голову пришла новая мысль. — Да что там, вдвоем мы смогли бы убить этого злобного старого волка! — эта мысль тут же прогнала сон. — Бьюсь об заклад, я сумею раздобыть одного. Наверняка сумею».

Укрывшись за кустами дикой смородины, Питер следил за людьми. Он отправился на поиски деревни еще до рассвета, ушел от Голлова холма далеко на юг, намного дальше, чем рисковал уходить прежде, наткнулся на дорогу и вскоре услышал конский топот. Все утро он шел за людьми, и,

наконец, они остановились у ручья напиться и напоить коней. Четверо мужчин — крепких, длиннобородых, с заплетенными в косички усами, с медными кольцами в ушах, одетых в кожаные бриджи и шерстяные домотканые рубахи — спешили, чтобы размять ноги. Трое были вооружены длинными мечами, висевшими на широких поясах, усеянных бронзовыми заклепками. Четвертый, в меховой накидке на плечах, носил при себе двойной боевой топор. После долгой жизни с Голлом мальчику эти мужчины казались огромными и страшными. Теперь Питер понимал, отчего Голл так опасается их.

С ними была широколицая дородная женщина с льняными волосами, заплетенными в ниспадавшие на грудь толстые косы. На ней было длинное платье, перехваченное в талии, над пышными бедрами, широким поясом, украшенным витыми медными кольцами. Но все внимание Питера было приковано к детям. Он даже откинул на затылок капюшон из енотовой головы, чтобы лучше видеть. Их было трое: два мальчика примерно его возраста и девочка — пожалуй, года на два младше. Мальчишки были одеты только в штаны да сандалии, а девочка — в яркое красное платье. Будто зачарованный, Питер смотрел, как они бегают друг за другом кругами, перепрыгивая поваленные деревья, перескакивая через ручей.

Как только одному из мальчишек удавалось запятнать другого, игра начиналась заново. Девочка бегала за ними, громко требуя, чтоб ее тоже приняли в игру, и наконец оба мальчика кинулись за ней, скорчив страшные рожи и вытянув вперед пальцы, скрюченные, точно когти. Девочка с визгом бросилась к матери, а мальчишки от смеха попадали в траву. Питер едва не захохотал вместе с ними, но вовремя спохватился и зажал рот ладонью. Все это показалось ему очень забавным. «В эту игру можно играть и на Голловом холме», — подумал он, и ему пуще прежнего захотелось изловить хоть одного из детей.

Пристально глядя на мужчин, он поразмыслил о том, как увести ребенка из-под их присмотра, решил подобрать-ся поближе и заскользил от дерева к дереву.

Один из мальчишек вприпрыжку вбежал в лес, перепрыгнул через кусты, нырнул за дерево — и нос к носу столкнулся с Питером. Оба замерли от удивления, не зная, что делать.

Склонив голову набок, мальчишка с подозрением уставился на Питера.

— Ты кто? Лесной эльф?

— Нет. Я — Питер.

— А-а. А я — Эдвин. Хочешь поиграть?

«О да, конечно», — подумал Питер. Кивнув, он широко улыбнулся мальчишке и только нацелился схватить его, как из-за дерева появилась девочка. При виде Питера, его плаща из шкуры енота и багрово-красной краски на коже она пронзительно завизжала и кинулась бежать.

— Эдвин! — заорал один из мужчин. — А ну вернись!

Услышав приближающийся грохот тяжелых сапог, Питер нырнул в заросли.

Вышедший из-за дерева мужчина сердито уставился на мальчишку.

— Я же велел быть рядом, — сказал он, оглядывая лес. — В здешних холмах полно диких тварей. Злобных буги, живущих в норах. Поймают мальчика вроде тебя — знаешь, что с ним сделают?

Мальчишка покачал головой.

— Из потрохов сварят похлебку, а кожу пустят на башмаки. Идем. Нам нужно быть дома до темноты, а путь неблизок.

Питер добрался до деревни только в крошечной тьме. Ноги болели, в животе урчало от голода, но он не обращал внимания на жалобы тела. На уме у него было одно — мальчишка.

Прячась за деревьями, он подождал, пока мужчины не уведут лошадей на ночь. Вскоре под ночным небом не осталось никого, кроме него самого. Вокруг виднелась дюжина больших домов — таких же, как тот, где он родился, да вдобавок — просторная конюшня. Дома окружали широкую площадь. Неподалеку похрюкивали свиньи, где-то в курятнике кудахтали куры.

Питер беззвучно пробирался между домами. Казалось, он у всех на виду. Он был уверен: за ним следят, а за каждым углом поджидает его огромный, звероподобный человек. С кремневым ножом наготове, он нырлял из тени в тень, принюхивался, прислушивался в ожидании малейшего звука. В деревне страшно воняло — навозом, кислым потом, гнилыми отбросами. Питер поморщился. Он никак не мог понять, как можно жить здесь, когда на свете есть лес.

Подобравшись к дому мальчишки, он прижался спиной к стене, сложенной из грубо отесанного камня и дерна, и подкрался к маленькому круглому оконцу. Внутри залаляли псы, сердце бешено застучало в груди. Резкий сердитый окрик утихомирил собак. Питер попробовал заглянуть в окно, но тяжелые ставни были закрыты и крепко-накрепко заперты на засов. Он принялся ковырять ножом грязь, набившуюся между досками, и вскоре из щели показался тоненький лучик света. Питер приник к щели глазом.

Комната оказалась точно такой же, как в доме, где он провел первые недели жизни: большой очаг, котлы, горшки, еловые лапы, свисающие с потолочных балок. Вся семья сидела вокруг стола, миски с картошкой и капустой переходили из рук в руки, мальчишки хихикали и дурачились.

Питер потянул носом, и густой запах копченого мяса и свежеспеченного хлеба принес с собой поразительно яркие воспоминания о собственной семье. Внезапно нахлынувшая тоска была так сильна, что у Питера отказали ноги.

Скользнув вдоль стены, он опустил на землю и обхватил руками колени. В глазах зашипало. Питер крепко зажмурился, и горькие слезы покатались по его щекам.

— Мама... — прошептал он.

Ее смех, широкая улыбка, сладкий запах молока — казалось, все это совсем рядом. Стоит только войти в этот дом — и увидишь мать, а она позовет к себе, крепко прижмет к теплой груди, споет колыбельную...

Скрипнув зубами, Питер зло смахнул слезы с глаз. Он прекрасно знал, что случится, если постучаться в эту дверь.

За окном раздался взрыв смеха. На этот раз смеялись не только мальчишки — смеялась вся семья, все вместе. Питер злобно сверкнул глазами, уставившись в темноту. Смех продолжался, и от этого щемило в груди. Он с маху вонзил в землю нож.

— Плевать, — прошептал он сквозь стиснутые зубы. — Кому охота торчать в этом дурацком вонючем доме с дурацкими подлыми взрослыми?

В животе заурчало. Поднявшись, он двинулся в сторону конюшни, на поиски курятника.

«Возьму да спалю этот дом без остатка. Узнают тогда, каково голому на морозе».

Отыскав курятник, он беззвучно скинул задвижку и скользнул внутрь. Несколько несушек вскинулись, закудахтали, с подозрением глядя на него. Подождав, пока они успокоятся, Питер выпил все яйца, какие сумел найти. Увидев в углу кучу холщовых мешков, он выбрал один и примерил на себя.

«Пожалуй, поместится».

Оставив находку у порога, Питер обшарил конюшню, отыскал моток веревки и дубинку и примерился к новому оружию. Он надеялся, что дубинка не пригодится, но прихватил и ее — на всякий случай: ведь раньше ему никогда не приходилось красть детей, и добрая крепкая палка могла оказаться кстати.

Добычу он спрятал под огромным дубом на краю поля и взобрался на дерево вздремнуть, но сон не приходил.

«Завтра, — думал Питер. — Завтра изловлю себе собственного Эдвина».

Разбудил Питера крик петуха. Питер сел и вдохнул прохладный утренний воздух. Интересно, мальчишка уже поднялся? Питер спрыгнул на землю. Солнце едва выглянуло из-за горизонта, над свежевспаханными полями стелилась туманная дымка. Справив нужду, Питер укрылся за дубом и принялся ждать и наблюдать. Никаких планов сверх того, чтобы заманить Эдвина за дуб и посадить в мешок, у него пока не было.

Тем временем мужчины, женщины и дети постарше покинули дома и начали новый день. Вскоре деревня огласилась стуком кузнечного молота, мычанием коров, лошадиным ржанием, квохтаньем куриц, криками и кряхтеньем мужчин, вышедших на работу в поля, но мальчишка все не появлялся.

Питер заволновался. Так близко к деревне, под самым носом у множества людей, он чувствовал себя очень неуютно. Наконец он услышал оживленный смех и увидел Эдвина. Вдвоем со вторым мальчишкой они пересекли площадь, скрылись в конюшне, мгновением позже вышли наружу с двумя парами ведер в руках и вскоре скрылись за стеной деревьев, вытянувшейся вдоль нижней части пологого склона. Оглядевшись, нет ли поблизости людей, Питер помчался за ними. Прячась за скирдами сена, он пересек поле и добрался до деревьев.

Мальчишки наполняли ведра водой из небольшого ручья. Питер укрылся в зарослях ежевичных кустов. Мальчишки медленно, чтобы не расплескать воду, поволокли ведра наверх. Дождавшись, когда они поравняются с ним, Питер выпрыгнул из-за кустов.

— Привет!

Мальчишки с криком развернулись, чтобы пуститься наутек, врезались друг в друга и вместе с опрокинувшимися ведрами покатались вниз.

От смеха Питер рухнул на колени и схватился за живот.

Мальчишки испуганно переглянулись, но Эдвин тут же расплылся в улыбке:

— Эй, это же он!

На лице второго мальчишки отразилось недоумение.

— Это он, — повторил Эдвин, — лесной эльф! Видишь, Ото? Что я говорил? — Эдвин пихнул второго мальчишку кулаком в плечо. — Ну, кто из нас «идиёт»?

Сощурившись, Ото повернулся к Питеру:

— Ты правда лесной эльф?

— Его зовут Питер, — сказал Эдвин. — Питер, покажи ему уши!

Питер откинул капюшон из головы енота за спину.

— Гляди!

— Ну и дела, — медленно проговорил Ото. — Лесной эльф. Настоящий! — протянув руку, он потрогал Питера, словно желая убедиться, что тот и вправду настоящий. — А что ты здесь делаешь?

— Давайте играть, — предложил Питер.

— Играть? Нам нельзя, — ответил Ото. — Надо переделывать такую кучу всяких дурацких дел...

— Но не каждый же день выпадает поиграть с лесным эльфом, — возразил Эдвин.

— Да, это верно, — согласился Ото. — Но если мы не напоим свиней, папа нас кнутом выдерет.

— Я знаю уйму игр лесных эльфов, — заметил Питер. — И все они куда веселее, чем таскать ведра с водой, — лицо его озарилось лукавой улыбкой. — Можно же поиграть совсем немного. Вон там, за скирдами сена, у большого дерева. Там нас никто не заметит.

Улыбка Питера была так заразительна, что мальчишки невольно заулыбались в ответ.

Эдвин пихнул Ото локтем:

— Игры лесных эльфов... В жизни не играл в игры лесных эльфов!

— Ну ладно, — сказал Ото. — Только совсем чуть-чуть.

— Здорово! — воскликнул Питер. — Идем за мной. И помните: нас никто не увидит.

Пригнувшись, он помчался вперед. Мальчишки последовали за ним, подражая каждому его движению.

Добравшись до скирда, они остановились. Питер огляделся и убедился, что путь свободен.

— Эй, Питер, — окликнул его Эдвин. — Гляди!

С этими словами он вскарабкался на скирду. Не успел Питер стащить его вниз, пока никто не заметил, как мальчишка перепрыгнул на соседнюю скирду, упал на нее сверху и оглянулся.

— Спорим, ты так не сможешь!

Питер нахмурился.

— А спорим, смогу? — сказал он и тоже прыгнул со скирды на скирду.

Весь следующий час они скакали по скирдам, резвились, играли в пятнашки и в прятки. Питер совсем забыл о мешке, веревке, дубинке и даже о людях — так ему было весело. Вскоре они сбросили рубашки — Питер остался в одной набедренной повязке — и их тела заблестели в лучах жаркого утреннего солнца. Все они с головы до ног покрылись грязью, соломой и прошлогодними листьями — и улыбались от уха до уха.

Теперь они стали могучими берсерками, а самая высокая скирда — та, что за конюшней, — страшным драконом. В безрассудной атаке Питер прыгнул на нее и попытался взобраться на вершину. Скирда накренилась, Питер заорал, груда отсыревшего сена рухнула на него и придавила к земле.

Подбежавшие мальчишки принялись откапывать Питера. Как только из-под сена показалось его лицо, Питер выплюнул целую пригоршню травинок, закашлялся и захохотал. Поперхнувшись, он сплюнул и захохотал снова. Вскоре все трое смеялись так, что мальчишки попадали наземь, не в силах удержаться на ногах.

— Эй, — выдавил Питер между двумя приступами хохота. — Эй... вытащите... меня... отсюда.

— Вот вы где!!! — раздался громкий, гневный женский голос.

Смех стих. Питеру разом вспомнилось, где он, сердце его затрепетало, забилося у самого горла.

— Что это вы тут устроили? Вам велено на... — оборвав фразу на полуслове, женщина замерла с раскрытым ртом. — Кто... Что...

Женщина оглушительно завизжала.

Извернувшись, Питер увидел пухлый, дрожащий палец, указывавший на него.

— Гоблин!!! — визжала женщина. — Гоблин!!!!

Из конюшни выглянул лысый старик, за ним — жилистый юнец с рябым лицом. Увидев Питера, оба бросились к нему. Один из них — молодой — сжимал в руке вилы.

Высвободив руки, Питер начал отчаянно отбрасывать сено, чтобы освободить и ноги.

Мальчишки перевели взгляды с матери на Питера.

— Нет, мама! — крикнул Эдвин. — Никакой он не гоблин! Он...

Выдернув из-под груды сена ногу, Питер яростно забрыкался, освобождая вторую.

— Отойдите от него!!! — визгливо крикнула женщина. — Эдвин, Ото!!! Слышите?!! Отойдите от него сейчас же!!!

Мальчишки не сдвинулись с места. Тогда она бросилась к ним, ухватила обоих за руки и оттащила прочь.

Тут подоспел и рябой юнец. Подняв вилы, он ткнул ими Питера прямо в лицо.

Питер отдернул голову — но недостаточно быстро. Один из зубьев, скользя по черепу, рассек его скальп. Питер взвыл от резкой жгучей боли. Охваченный паникой, он брыкнулся, освободил вторую ногу, перекатился на четвереньки и почти успел встать, но тут кто-то ухватил его за руку и швырнул на землю. Огромный кулак лысого старика врезался в скулу Питера. В глазах ослепительно вспыхнуло, голова взорвалась болью. Колени подогнулись, но, прежде чем Питер успел упасть, старик ударил вновь. От жестокого удара в грудь перехватило дух. Питер рухнул навзничь. Все вокруг стало туманным и зыбким.

— Убейте его!!! — кричала женщина.

Питер попытался сделать вдох, но рот наполнился чем-то мокрым и горячим. Он закашлялся, обрызгав землю собственной кровью. Половина лица онемела. Сквозь слезы и брызги крови он увидел расплывчатую фигуру, метнувшуюся к нему.

— Да убейте же его!!! Быстрее!!!

— Сейчас! — крикнул в ответ юнец.

Питер протер глаза — как раз вовремя, чтобы увидеть рыбого юнца, несущегося на него с вилами. Голова кружилась. Питер медленно поднялся на ноги, и тут юнец ткнул его вилами. Питер попытался увернуться, но зубья зацепили бок, оставив на нем три жутких глубоких царапины.

Рука лысого метнулась к Питеру. Поднырнув под нее, он пустился бежать, споткнулся, упал, но, тут же вскочив, быстрее ветра понесся к лесу.

Добежав до опушки, он упал на колени и зажал ладонью рану в боку. Лицо свело от боли. Громко, прерывисто всхлипнув, он принялся сплевывать кровь.

Работавшие в поле заорали, указывая на Питера. Из-за конюшни показались еще несколько мужчин и женщин. Они не гнались за ним — просто стояли, возбужденно тыча пальцами в сторону леса. Он мог разглядеть их лица — их страх, отвращение... и ненависть.

Тут появились новые люди — те самые мужчины с бородами, заплетенными в косы, с огромными острыми мечами. Питер вскочил и снова пустился бежать.

Легкие горели огнем. Питер бежал большую часть дня, но до сих пор не смел остановиться. Он слышал их крики, лай их собак, громкий топот конских копыт. Они настигали.

Вдали, в просвете между деревьями, показался Голлов холм, но Питер с ужасом понял, что и там для него нет спасения. Спасения больше не было нигде. Голл не в силах остановить этих огромных людей с ужасными мечами и топорами. Люди убьют Голла.

Питер свернул в сторону и побежал к скалам, уводя людей от холма в надежде, что их лошади не смогут последовать за ним по крутым склонам.

Добравшись до скал, Питер остановился, прислушался, перевел дух — и не услышал людей. Увидев в этом проблеск надежды, Питер немного воспрянул духом. Может, они отступились? Может, сегодня ему не суждено умереть?

Но тут он увидел дым. Сердце болезненно сжалось в груди.

— Голл... — прошептал он.

Питер вновь побежал, не обращая внимания ни на резкую боль в боку, ни на раскалывающуюся голову. Он со всех ног мчался назад, к Голлову холму, но, взобравшись на соседний холм, замер, как вкопанный.

Из норы Голла валил дым, а рядом, на огромном дубу, висел сам Голл. Его руки были притянуты веревкой к туловищу, ноги болтались всего в нескольких дюймах от земли. Вокруг — кто верхом, кто пеший — стояли огромные люди с мечами и топорами в руках.

Моховик обгорел с головы до пят, красная от ожогов кожа еще дымилась. Из его тела торчало не меньше дюжины стрел, однако он все еще находил в себе силы брыкаться

и плеваться. Собаки скакали вокруг, рвали его ноги, а люди ревели от хохота.

У Питера подкосились ноги. Он оперся о ствол дерева и осел на землю, обрывая ногтями гнилую кору. Он очень хотел остановить их, сделать хоть что-нибудь, но, объятый невыносимым ужасом, не мог даже шевельнуться — только сидеть и смотреть.

К Голлу шагнул огромный чернобородый малый с длинным кинжалом в руке.

Голл смотрел на острое лезвие круглыми от ужаса глазами.

Чернобородый схватил Голла за волосы, рывком запрокинул его голову и отсек Голлу уши — левое, а за ним и правое. Моховик задержался, люди захохотали, собаки с воем забежали вокруг дуба.

Человек вонзил клинок в живот моховика. Голл закричал, забился в мучительных судорогах. Неторопливо, будто пилкой, взрезав его живот, человек поддел кончиком кинжала петлю кишок, вытащил ее из раны наружу и свистнул, подзывая собак. Пес, подскочивший первым, вцепился в эту петлю, потянул. Кишки Голла поползли наружу, ложась на землю влажными кольцами. Собаки, злобно огрызаясь друг на друга, принялись дергать их, рвать на куски под жуткий вой моховика.

Питер смотрел на все это с окаменевшим лицом, не в силах сдвинуться с места, не в силах издать звук или хотя бы моргнуть. Он смотрел и смотрел — и не пропустил ничего.

Долгое, очень долгое время спустя Голл затих, замер, безжизненно уронив голову на грудь.

Когда люди ушли, Питер встал и спустился с холма. Он не плакал, не чувствовал ни ран в боку, ни рассеченного скальпа, ни даже земли под ногами. Не чувствовал ничего. Просто шел — медленно, размеренно.

Отыскав принадлежавший Голлу нож, выточенный из кости, он перерезал веревки и опустил моховика на землю. К удивлению Питера, Голл открыл глаза.

— Будь храбр и силен, птица Питер, — прохрипел Голл. — Убей волка.

И это были его последние слова. Взгляд моховика остекленел.

Питер заткнул нож Голла за пояс, забрал свои копы и отправился на север — прочь от деревни. Он и сам не знал, куда идет — главное, прочь от деревни, прочь от людей.

Вскоре Питер услышал шаги волка, идущего следом. Остановившись на поляне, он повернулся назад. Из зарослей появился одноухий волк. Приоткрыв пасть, зверь оскалился, будто зная, что мальчишка попался, будто насмехаясь над ним.

Но Питер не дрогнул, не отступил. Он бросил на землю легкое копые, поднял тяжелое на уровень плеча, свободной рукой выхватил костяной нож, взглянул волку прямо в глаза и, сломя голову, бросился к зверю.

Волк пришел в замешательство.

Сверкнув глазами, Питер испустил жуткий вой.

Волк попятился.

Питер метнул копые.

Волк припал к земле, уворачиваясь от броска, и, как только он сделал это, Питер прыгнул вперед и глубоко вонзил нож Голла зверю в бок.

Волк заскулил и кинулся бежать, но всего через несколько шагов зашатался, споткнулся, задние лапы зверя подогнулись, дыхание перешло в резкий булькающий хрип.

Питер подобрал копые и двинулся на волка.

Волк остановился, не в силах ничего сделать — зверь мог только стоять и смотреть на мальчишку, идущего убить его. Он задыхался, из его пасти капала кровь.

Взгляд Питера сделался жестким. В глазах его — глазах хищника — не было ни ненависти, ни жалости. Копье вон-

зилось в сердце волка. Волк изогнулся, забился в судорогах и затих.

Долгое время Питер смотрел на волка. На глаза навернулись слезы. Слезинка покатилась по вспухшей, заплывшей синевой кровоподтека щеке, за ней — вторая, третья... Упав перед волком на колени, Питер зарыдал. Он плакал и по Голлу, и по самому себе — шестилетнему мальчишке, лишившемуся и матери, и друга, напуганному, всеми ненавидимому, бесприютному.

Чей-то крик неподалеку отвлек похитителя детей от невеселых мыслей.

Один из младших ребят — мальчишка — лежал на земле перед рукоходом. Над ним, смеясь, стояли двое мальчишек постарше — еще не подростки, просто мальчишки лет одиннадцати-двенадцати.

Поднявшись на ноги, мальчик принялся отчищать от грязи футболку на груди. Две полноватых круглолицых девочки лет семи-восьми с воинственно торчащими в стороны косичками подбежали к нему и встали рядом.

— А ну не троньте его, — сказала одна из них.

Выставив подбородок вперед, она уперла руки в бедра. Ее подруга сделала то же самое.

Ребята, собравшиеся на площадке, оставили игры и начали подтягиваться поближе.

— Хочешь, чтоб и тебе задницу надрали?

Старший мальчишка толкнул девочку так, что она упала на колени. Его дружок загоготал.

— А ну не толкайся! — закричал мальчик помладше, стиснув измазанные грязью кулаки. Лицо его было исполнено страха и ненависти.

Питер покачал головой. Он знал: скоро этот мальчишка станет таким же гнусным, как и эти двое — ведь гнусность имеет отвратительную манеру заражать окружающих.

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

— А то что будет?

— Мы первые сюда пришли! — запальчиво крикнула вторая девочка, помогая подруге подняться.

— А теперь пришли мы, — сказал старший мальчишка. — Поэтому валите отсюда, придурки, пока мы всем вам не надавали.

Никто из ребят не сдвинулся с места. Тогда старший мальчишка шагнул вперед.

— Думаете, я тут шутки шучу? Я сказал...

Тут он увидел рядом с маленьким мальчиком Питера. На лице его мелькнуло замешательство. Он не понимал, откуда Питер мог появиться, и оглянулся на своего дружка, но тот выглядел так же растерянно.

Похититель детей откинул капюшон и поднял на старших мальчишек глаза — те самые золотистые глаза, что обратили в бегство взрослого волка. Он не проронил ни слова — просто стоял и смотрел.

Старшие мальчишки разом сдулись.

— Пошли, — сказал задира дружку. — Детские площадки — для лохов.

Оба двинулись прочь, опасливо оглядываясь на каждом шагу.

— Эй, мальчик, — сказала одна из девочек, — какие у тебя уши забавные!

Питер широко улыбнулся ей и пошевелил ушами. Ребятишки захохотали.

— Хочешь поиграть с нами? — спросил мальчишка, с которого все началось.

— Конечно, — ответил Питер. — Конечно, хочу, — в его глазах появился дьявольский блеск. — Но не сегодня. Сегодня я должен найти друга.

Секеу

Ник сидел на полу, крепко прижавшись спиной к стене. Болела голова — казалось, звон в ней не прекратится никогда. Потрогав вспухшую губу, он болезненно скривился. Теперь он был абсолютно уверен, что его никто не собирается есть — по крайней мере, этим утром. Прислонившись затылком к каменной кладке, он молча наблюдал, как странные ребята продолжают свои безумства.

Полуголые пацаны метались из угла в угол, толкались, орали, но во всем этом хаосе каким-то непостижимым образом ухитрились растопить очаг, зажечь факелы, и вскоре в воздухе запахло дымом и копотью. Ник попробовал сосчитать их, но в такой суматохе из этого ничего не вышло. На глаз здесь было человек двадцать, и Ник просто поражался тому, сколько же от них шума!

Мягкий утренний свет засиял на земляном полу, кое-где вымощенном камнем. Сквозь бреши в потолке виднелась редкая листва. Взгляд Ника блуждал по залу, немногим уступавшему в размерах баскетбольной площадке, раз за

разом возвращаясь к телам, висевшим на стене в дальнем углу. В тумане они казались совершенно человеческими, но теперь, в свете дня, было ясно видно, что это всего лишь соломенные чучела. Зачем подвешивать соломенные чучела к потолочным балкам? Это так и осталось загадкой, но в данный момент заботило Ника в последнюю очередь.

Повсюду царил жуткий беспорядок: ряд клеток под покрывалами вдоль стены, груды скомканной одежды внутри и поверх старых бочек, обертки от шоколадных батончиков и жвачки, смятые сигаретные пачки и окурки среди соломы и пожухших листьев на полу, пятна старой, почерневшей жвачки, втопанной в камень. В порядке содержалось только одно — оружие, блестящее от смазки, развешанное аккуратными рядами вместе с различными кожаными доспехами, шлемами и щитами.

Внимание Ника привлек запах готовящейся еды — аромат орехов и корицы. Как ни удивительно, в желудке заурчало. Как организм может вспоминать о еде после всего случившегося? Этого Ник не понимал. Ребята принялись наполнять миски какой-то густой массой. Что это за... баланда? Правда, Ник точно не знал, что такое баланда и какова она на вид, но мог бы поспорить, что выглядит она именно так.

Ребята один за другим уселись на скамьи вдоль длинного деревянного стола и принялись за еду. Ник никак не мог поверить собственным глазам: обросшие дикари шумно втягивали в себя похлебку, чавкали, орали и хохотали, набивая полные рты; некоторые, отбросив в сторону большие деревянные ложки, ели руками. Все это время крохотные синие человечки вились в воздухе над их головами, охотясь за случайно оброненной ягодой или орехом.

В животе снова заурчало. Нику, конечно, хотелось бы получить миску того же, что ели они — чем бы это ни оказалось, но после того, как с ним здесь обошлись, просить у них еду было невозможно.

Вдруг из-за стола поднялась девчонка и направилась прямо к нему. Судя по широким скулам и четко очерченной линии подбородка, она принадлежала к коренным американцам — индейцам. Тело ее было гибким и жилистым. Лет ей на первый взгляд было столько же, сколько и самому Нику, но стоило ей подойти ближе — и он тут же отметил жесткость черт ее лица. А уж взгляд... Этот взгляд никак не мог принадлежать ребенку, и угадать ее возраст стало труднее. Ее грязная бронзовая кожа была сплошь покрыта шрамами — несомненно, ей довелось хлебнуть лиха сполна. Длинные черные волосы были заплетены в две толстые, ниспадавшие вдоль спины косы. С широкой, расшитой бисером кожаной повязки на голове свисали вниз два черных птичьих крыла; кончики перьев величественно ниспадали на плечи девочки. В руках она держала миску и деревянную ложку.

Остановившись перед Ником, девчонка воззрилась на него сверху вниз. Казалось, взгляд ее огромных глаз, таких же золотистых, как и у Питера, проникает в самую душу. Ник опустил глаза и уставился в пол.

— Я принесла тебе еду, — сказала девчонка, протягивая ему миску.

Дразнящий аромат орехов щекотал ноздри, но Ник сделал вид, будто ничего не видит и не слышит.

— Не будь ребенком. Ешь, — сказала она.

Слова, отделенные одно от другого заметными паузами, звучали неестественно — английский явно не был для нее родным.

Ник молчал.

Пару секунд подождав, девчонка отвернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — выдавил Ник.

Она оглянулась. Взгляд ее остался непреклонно-жестким.

Ник протянул руку за миской.

Но девчонка, не двигаясь, продолжала смотреть на него сверху вниз.

— Пожалуйста, — процедил Ник сквозь стиснутые зубы. Девчонка отдала ему миску.

Ник помешал «баланду» ложкой. Выглядела она как комковатая овсянка. Подцепив комочек на кончик ложки, он осторожно попробовал еду. За сладостью угадывалась легкая горечь, но вкус оказался очень даже ничего.

Осторожно, чтобы не потревожить вспухшую губу, Ник принялся есть. Горячая каша пошла замечательно, все тело разом согрелось.

Девчонка села напротив, скрестив ноги.

— Тебя зовут Ник?

Ник кивнул.

— Мое имя — Секеу, — последовала долгая пауза. — Тебе стоит знать: ты хорошо держался перед красным дьяволом. Обычно ребята пугаются так, что и не думают сопротивляться. Я уверена: твое сердце — сердце воина. Только нужна сноровка. Сегодня начнем учиться.

Ник прекратил жевать.

— Учиться?

— Чтобы стать воином. Одним из клана. Дьяволом.

— Что?!

— Ты должен выучиться драться. Защищать себя и свой клан.

Это звучало так обыденно и просто, что Нику подумалось, будто она сошла с ума.

— Какой еще клан? Вот эту шайку придурков? — Ник ткнул пальцем в сторону остальных ребят. — Думаешь, мне очень хочется присоединиться к этому клубу малолетних уродов?

Тем временем ребята поснимали со стен мечи и копья, одни взялись отрабатывать базовые движения — прыжки, выпады, стойки и тому подобное, другие, разбившись на пары, затеяли учебные поединки. Ник против собственной воли дивился скорости и ловкости, с которыми они гоняли друг друга по залу взад-вперед.

«Как им удастся так двигаться?»

— Питер привел тебя сюда, чтобы дать тебе шанс, — строго продолжала Секеу. — Шанс стать одним из клана, одним из Дивных. Понимаешь ли ты, что это значит? Шанс вечно оставаться юным, тысяча лет вольной жизни!

Ник смотрел на Секеу, не веря своим ушам.

— О чем ты? И где этот Питер? Куда этого ублюдка черти унесли?

Глаза Секеу сузились.

— Выбирай слова разумнее, Ник. Многие здесь убьют тебя, услышав, как ты назвал Питера.

Судя по выражению ее лица, девчонка тоже была одной из таких. Ник сокрушенно вздохнул.

— Питер ушел на поиски новых ребят для клана, — продолжала она.

— Что? — Ник едва сумел подобрать нужные слова. — То есть снова пошел красть детей?

Взгляд Секеу сделался острым, как бритва.

— Поговори с ними, — сказала она, широким жестом обводя зал, полный ребят. — Спроси, что у них в прошлом. Питер ищет пропащих, брошенных, обиженных. Разве не поэтому ты сам здесь? Разве Питер не спас тебя?

— Питер обманом заманил меня сюда.

— Что было бы прошлой ночью, не появись Питер? Куда ты пошел бы, что ел бы, где спал? — Секеу вновь указала на остальных. — Если их слова правдивы, как долго ты протянул бы, прежде чем начал бы торговать наркотиками — или, как они выражаются, прежде чем попал бы в «мальчики» к какому-нибудь сутенеру? Может, ты мог бы вернуться домой? Не хочешь ли вернуться домой сейчас?

«Домой», — подумал Ник. Домой он вернуться не мог. Никогда. Но это не значило, что ему хочется оказаться в плену на каком-то острове, полном чудовищ!

— Но где мы сейчас? Что это за место?

— Мы — на острове Авалон, в землях ши, в царстве королевы Модрон, Владычицы Озер. В пристанище последних волшебных существ на земле, — Секеу, не отрываясь, смотрела Нику в глаза, в ее голосе звенела страсть. — Мы — в Лесу Дьяволов, во владениях Рода Дьяволов, детей волка. Мы — пропащие ребята, вольные и дикие. Мы...

Осознав, что ясности не добьется, Ник закатил глаза.

— Окей, окей, — перебил он ее. — Послушай, вам не заставить меня играть в эти идиотские игры. Понимаешь? Я не хочу в этом участвовать. Не хочу!

Секеу холодно, резко рассмеялась.

— Дурак. Никто и не подумает тебя заставлять. Ты еще не понял. Это не достается даром. Это нужно заслужить. Питер привел тебя сюда, рискуя собственной жизнью. Что делать дальше, решай сам. Хочешь уйти — иди.

— Так я не пленник? Могу просто взять и уйти?

— Если действительно хочешь этого.

Ник со смехом покачал головой.

— Шутишь? Да мне только этого и хочется!

Секеу нахмурилась.

— В этом проблема всех беглых. Все вы думаете, будто от любых бед можно просто сбежать.

— Я ни от кого не сбегал, — огрызнулся Ник.

Секеу, в свою очередь, с сомнением покачала головой.

— Ну ладно, сбежал. Но все не так, как ты думаешь. Что ты вообще можешь знать обо мне?

Судя по ее взгляду, Секеу знала о Нике все, будто повидала бесчисленное множество таких, как он.

— Заставить человека стать Дьяволом, одним из детей Дивных, невозможно. Стать одним из нас очень трудно, даже если хочешь этого всем сердцем. Ты должен принять вызов по собственной доброй воле, иначе дух леса ни за что не примет тебя.

— Ага, окей. Как угодно. Лучше просто скажи, как мне убраться отсюда, да поскорей?

Смерив Ника долгим жестким взглядом, Секеу указала на большую круглую дверь в дальнем конце зала.

Ник поставил миску на пол и встал. Вытерев пальцы о штаны, он откинул челку с лица и направился к круглой двери. Видя это, ребята, один за другим, побросали свои занятия и устремили взгляды ему вслед.

Рядом, в ногу с Ником, пристроился чернокожий мальчишка. Он был на несколько дюймов ниже ростом, а еще у него не хватало левой кисти — рука была отрублена чуть выше запястья. С виду он казался младше остальных — может, лет десяти, трудно было сказать наверняка. Честное, открытое лицо, добродушный взгляд, волосы, собранные сзади в две косы, украшены длинными синими лентами...

— Уже уходишь? — спросил он с тягучим южным акцентом.

Ник не замедлил шага.

— На!

Мальчишка сунул Нику в руки свое копьё, но Ник оттолкнул оружие.

— Слышь, парень, отпускать тебя вообще без оружия — это ж чистое убийство. Послушай-ка меня. Столкнешься с этими самыми баргестами — страха не показывай, ни-ни. Понял? Почуют, что боишься, — тут же бросятся, точно говорю.

Дойдя до двери, Ник остановился.

— Ты меня слушай, — продолжал мальчишка, — я с тобой шуток не шучу. Эта штука тебе пригодится.

Он снова сунул Нику копьё.

Приняв оружие, Ник взглянул на него в полном оцепенении.

— О, вот так-то лучше. А если тебя выследят Пожиратели плоти, бросай копьё и беги со всех ног. Иначе... — мальчишка захохотал. — Иначе они тебе это копьё в задницу засунут!

Ник коснулся дверного засова, но не спешил отодвинуть его.

— Давай-ка я помогу, — сказал кто-то сзади.

Этот голос звучал глубже и ниже голоса однорукого мальчишки. Обернувшись, Ник наткнулся на суровый взгляд высокого Дьявола.

— Меня зовут Красная Кость. Жаль, что нам не представилось шанса познакомиться поближе.

Холодно улыбнувшись, он сдвинул засов и потянул толстую круглую створку внутрь. Дверь отворилась под протяжный скрип деревянных петель.

Ник тут же заметил царапины с наружной стороны двери — глубокие длинные борозды с неровными занозистыми краями, тянувшиеся сверху вниз.

— Не обращай внимания, — пояснил Красная Кость. — Баргесты любят тут когти точить, только и всего.

Снаружи стелился туман. Пахло сыростью. Ник едва смог различить несколько трухлявых пней и деревьев — весь лес был укрыт густой серой пеленой. Откуда-то издали донесся вой. Ник тут же узнал его — казалось, этого звука ему не забыть никогда в жизни. Так были призрачные горбатые твари с оранжево-огненными глазами прошлой ночью, когда Питер вывел его из Тумана.

Ник обнаружил, что не в силах сделать ни шагу.

Красная Кость легонько подтолкнул его в спину и начал закрывать за ним дверь.

— Подожди! — крикнул Ник, поспешно придержав дверь ладонью.

Повернувшись назад, он увидел, что все глазают на него.

— Да? — откликнулся Красная Кость, усмехнувшись уголком рта.

У Ника задрожали губы. Он хотел было что-то сказать, но онемел от ужаса, а еще слишком боялся разреветься.

Некоторое время Красная Кость молча смотрел на него.

— Может, хочешь остаться, найти новых друзей? — наконец сказал он. — Если друзья прикрывают спину — глядишь, удастся прожить подольше.

Натан

Похититель детей наблюдал, как уличные фонари один за другим пробуждаются к жизни. Стемнело рано, мелкая морось непрерывно сыпалась с неба. Густые тени высоких жилых домов сдвинулись, слились в одну, вокруг больше не было ни души. Но Питер отказывался признать, что и этот день пропал даром: пока Капитан рыщет по Авалону, он не мог позволить себе потерять еще один день. Он миновал один ряд домов, за ним — другой, третий...

Вдруг он заметил две фигурки. Избегая света фонарей, они шмыгали из тени в тень. Даже отсюда, с другой стороны двора, Питер разглядел — можно сказать, учуял — беглецов. Лицо его расплылось в широкой улыбке. Игра началась.

Похититель детей проследовал за ними до подъезда большого дома и скользнул под лестницу. В подъезде воняло мочой и блевотиной, плесенью и гнилыми отбросами. Стараясь не дышать носом, Питер прижался к стене и укрылся в тени. Мальчишки тревожно зашептались.

Теперь, в тусклом свете, Питер смог разглядеть, что это братья; старшему — лет пятнадцать-шестнадцать, младшему — не больше двенадцати. На лбу старшего красовалась ссадина, левый глаз заплыл, джинсы на коленях были разорваны и измазаны кровью. Ясно, кто-то избил...

— Что делать будем? — спрашивал младший.

— Просто расскажем все, как есть.

— Ни за что!

— Натан, а что мы еще можем?

— Думаешь, он поверит? — голос Натана зазвучал громче, а с громкостью усилилась и тревога в нем. — Это ж была его дурь. А виноваты окажемся мы. А вдруг он вообще решит, что мы ее стырили?

«Все та же история, — подумал Питер. — Наркотики...» В эти времена причиной неизменно были наркотики. Но Питер многое повидал на своем веку и прекрасно знал: род людской не нуждается в поводах для жестокости и убийства. Не будь наркотиков — непременно нашлось бы что-то еще.

— Ш-ш-ш! — старший украдкой взглянул наверх и обнял младшего за плечи. — Спокуха. У старшего все схвачено. Я с Генри в близких. Он работает с нами. Если он, черт возьми, хочет получить с этих козлов свои деньги, придется ему за нас вписаться. Скажешь, не так?

Старший из мальчишек старался держаться нагло, уверенно, будто у него и вправду все схвачено, но Питер ясно видел: он напуган не меньше, чем младший брат, если не больше.

— Можно просто уйти, — сказал Натан. — Сlinyть отсюда. Может, в другой город перебраться.

— Ты что, не понимаешь? У нас ничего нет, чувак. Ни единого, мать его, доллара, — голос старшего задрожал. — Или ты знаешь кого-то, кто согласится принять нас, с Генри на хвосте? Или хочешь обратно, домой, к нашему старику?

Младший отчаянно замотал головой.

— Нет, я туда ни за что не вернусь. Никогда.

— Слушай. Я нас обоих в это втравил, я все и исправлю. Жди здесь, а я...

Натан вцепился в руку старшего брата:

— Нет, Тони! Не бросай меня! — голос его сорвался, на глаза навернулись слезы. — Пожалуйста, не ходи туда! Пожалуйста, Тони! Пожалуйста, не ходи!

— Кончай ныть, — сурово сказал Тони. — Будешь вести себя, как сосунок, брошу тебя навсегда. Ты этого хочешь?

На лице младшего из мальчишек отразился ужас.

— Нет! — сказал он, утирая глаза рукавом. — Прости. Все будет кульно. Обещаю.

— Я знаю, все будет кульно, ты же у нас Кулио. Кулио Мордалес.

Он взъерошил младшему брату волосы, и лицо Натана озарилось улыбкой.

— Просто подожди здесь, — сказал старший. — Не убьет же он меня за то, что я разок облажался. Через минуту вернусь, и все будет хорошо, — он поднял сжатый кулак. — Ну, давай!

Натан ткнул костяшками в кулак брата.

— Спокуха, Кулио!

Старший из мальчишек двинулся вверх.

Питер вслушивался в шорох дождя, в стук капель по дождевой трубе, а Натан расхаживал по лестничной клетке взад-вперед.

Казалось, тишина тянется бесконечно. Вдруг сверху раздался крик, разнесшийся по подъезду гулким эхом.

Натан кинулся к лестнице.

— Не надо тебе туда, — сказал Питер, выступая из мрака. Мальчишка отпрянул назад.

— Ты кто?

— Друг.

Натан сощурился, приглядываясь к Питеру, и тут сверху раздался новый крик, а за ним — несколько злых голосов.

Забыв о Питере, мальчишка рванулся наверх, но не успел одолеть и одного пролета, как крик раздался вновь, снаружи, со двора — долгий, леденящий кровь визг, завершившийся тошнотворным глухим ударом. Натан замер.

Питер поморщился. Он понимал, что это значит. И Натан, судя по выражению лица, понял это не хуже Питера.

— Тони?

Одним махом перепрыгнув лестничный пролет, мальчишка выскочил наружу. Питер не торопясь последовал за ним.

Старший из братьев навзничь распростерся на тротуаре, неловко подвернув под себя ногу. Веки расширившихся от ужаса глаз моргнули, губы зашевелились, но он не сказал ни слова. Голова мальчика бессильно склонилась набок, и Питер увидел вмятину на его затылке и слипшиеся от крови волосы.

— Тони!!! — отчаянно вскрикнул Натан, бросившись к брату.

Питер поднял глаза и окинул взглядом фасад. На балконе шестого этажа, глядя вниз, стоял мужчина в компании четверых подростков. Мужчина что-то сказал, указав на Натана, и подростки бросились к лестнице.

— Нам надо уходить, — сказал Питер.

Но мальчик будто не слышал его.

— Тони! Тони, чувак! Ох, блин, нет! Тони!

Несколько человек высунулись из балконных дверей, взглянули на мужчину на балконе шестого этажа и поспешили скрыться.

С лестницы донесся дробный стук шагов. Пара секунд — и они будут здесь. Питер тронул мальчишку за плечо.

— Эй, они бегут сюда. Пора уходить.

Натан поднял взгляд на Питера. Губы его тряслись.

— Они убили его! — из его горла вырвался всхлип. — Брата убили!

— А теперь бегут за тобой. Сваливать пора.

Натан взглянул наверх, увидел мужчину на балконе, услышал крики подростков на лестнице, и ужас в его взгляде прямо на глазах Питера сменился ненавистью. Сунув руку в карман куртки брата, мальчишка выхватил нож, с громким щелчком раскрыл его и поднялся на ноги.

— Хочешь убить их? — спросил Питер.

Мальчишка не ответил. В этом не было надобности. Его взгляд говорил яснее всяких слов.

Питер ухмыльнулся во весь рот.

— Хорошо. Давай убьем.

Скользнув под козырек подъезда, Питер спрятался за распахнутой дверью, выхватил из-за пазухи длинный нож и прижался спиной к стене.

Все четверо выбежали во двор, увидели Натана и остановились. При виде крохотного ножа в его дрожащей руке подростки переглянулись и расхохотались один за другим.

Один из них, невысокий крепыш с длинными баками, шагнул вперед.

— Ты уже мертв, лошара. Просто по глупости еще не понял этого, — вынув из-под куртки пистолет, он направил его на Натана и качнул стволом. — Типа крутой? Ну, чего ждешь? Давай, покажи свою кру...

За спинами подростков мелькнула тень, сверкнула сталь, и пистолет невысокого крепыша вместе с отрубленной кистью откатился в траву.

Подростки замерли, вытаращив глаза, а уж глаза крепыша при виде крови, хлещущей из обрубка запястья, едва не вылезли вон из глазниц. Отставив культю как можно дальше, точно испугавшись, что она вот-вот укусит его, раненый тоненько завизжал.

Рука мальчишки, стоявшего рядом с ним, скользнула за пазуху, но Питер не дал ему времени вынуть оружие. Он

знал: если дело дошло до стрельбы, всем играм конец — тут уж не мешкай, держись на шаг впереди. В мгновение ока Питер вонзил нож в шею мальчишки и рывком высвободил клинок.

Захлебнувшись кровью, мальчишка упал на колени и зажал рану ладонями. Глаза Питера засияли, и он захохотал, как обезумевший демон. Услышав этот хохот, двое уцелевших подростков бросились прочь, не разбирая дороги.

— Уходим!!! — крикнул Питер, стараясь перекрыть визг крепыша с отрубленной кистью. — Правда, надо бежать!

Но Натан замер, глядя на него так, будто не знал, что и думать — благодарить или испугаться.

Над головой загремели выстрелы, у самых ног Питера взметнулись вверх фонтанчики пыли. Стрелял мужчина с балкона на шестом этаже. Это заставило Натана шевелиться; оба нырнули под козырек над дверью в подъезд. Заметив в траве пистолет, оброненный крепышом с баками, Натан подхватил оружие.

Со стороны дома напротив, оттуда, куда умчались двое уцелевших, слышались крики. К подъезду бежали еще несколько мальчишек.

— Я знаю, где можно скрыться, — сказал Питер, срываясь с места.

Натан последовал за ним.

Первая кровь

Секеу отвела Ника к длинному общему столу, заляпанному кашей, заваленному грязными ложками и мисками. Над всем этим беспорядком вились, шипели, отпихивали друг друга, подбирая крошки, синекожие пикси. Двое мальчишек и девочка, безуспешно отгоняя от стола назойливых тварей, собирали миски в стопки и относили их к бочонку с шапкой мыльной пены по краям.

— Твоя учеба начнется здесь, — сказала Секеу, дважды хлопнув в ладоши.

Ребята остановились и взглянули на Ника. На коже этих троих не было ни боевой раскраски, ни шрамов, ни татуировок. Их лица не отличались жесткостью черт, мускулы — гибкостью и силой, а глаза не были золотистыми. С виду — школьники как школьники...

— Ник, это Сверчок.

Девчонка с коротко остриженными волосами песочного цвета подбоченилась и дерзко качнула бедрами. На ней были рваные камуфляжные штаны, подвернутые до щиколоток, пара поношенных оранжевых хайтопов и лиловая безрукав-

ка. Проплешина у виска — возможно, шрам — придавала ей запущенный, какой-то чесоточный вид. Изогнув бровь, она улыбнулась Нику.

— А это Дэнни.

Секеу указала на толстячка в очках в темной оправе, балансировавшего высокой стопкой мисок. Очки его держались на эластичной ленте — они были единственным в его облике, что можно было назвать спортивным, при этом толстячок показался Нику жутким ботаном и занудой. В волосах Дэнни засыхали комочки каши, кашей была вымазана и грудь его белой футболки. Кроме футболки на нем имелись коричневые вельветовые штаны, подтянутые вверх заметно выше пояса, да пара башмаков. Пикси, приземлившись ему на макушку, ухватил комочек каши, застрявший в волосах, и потянул к себе.

— А-а, чтоб тебя!.. — завопил Дэнни, замотав головой.

Пикси удержался на месте, зато стопка посуды в руках Дэнни накренилась, и миски с грохотом покатались по столу и по полу.

— Да чтоб тебя! — снова завопил Дэнни, взмахнув рукой.

Увернувшись от его ладони, пикси упорхнул с добычей.

Секеу покачала головой.

— Сверчок и Дэнни, как и ты, еще не проявили себя. Они — Свежая Кровь. Пройдешь испытание, покажешь, чего ты стоишь, — станешь одним из клана и займешь место в рядах Рода Дьяволов.

Ник закатил глаза.

— А это — Лерой.

Лерой оказался самым массивным из троих — не толстяком, как Дэнни, но крепким, широким в кости парнем. Его коротко остриженные темные волосы прилипли к черепу, будто войлок. Одет он был в майку без рукавов и такие же кожаные штаны, как у Дьяволов, но других, более экзотических дикарских украшений на нем не было.

— Лерой с нами уже довольно давно, но все еще не проявил себя, — продолжала Секеу, бросив на Лероя невеселый взгляд. — Все мы надеемся, что в скором времени Лерой сможет пройти испытание.

Лерой покраснел и сжал губы.

— Лерой присмотрит за тобой. Поможет обжиться.

Лерой взглянул на Ника с откровенной враждебностью. Не сказав больше ни слова, Секеу отошла.

— Давай, займись, — сказал Лерой, швырнув Нику тряпку. Тряпка шлепнулась на стол, обрызгав рубашку Ника ошметками каши. — Да, и имей в виду, — добавил Лерой, — я тебе не нянька. На свои проблемы жаловаться ко мне не приходи. Понял?

Ник глубоко вздохнул, взял тряпку и принялся возить ею по столу. Под шипенье и стрекот крылышек пикси над головой он дошел до конца стола, смахнул крошки на пол и направился к бочке с мыльной водой, возле которой девчонка, Сверчок, вытирала миски. Повесив тряпку на край бочки, он двинулся прочь.

— Эй! — окликнул его Лерой от дальнего конца стола. — Какого хрена? Ты ж не закончил. Смотри, сколько грязи оставил.

— Сойдет.

— Нет, не сойдет. Хочешь, чтобы эти пакостные пикси нам здесь все загадили? Бери тряпку и вытирай. Как следует.

Ник поднял на него яростный взгляд.

— Брось это дело, — негромко сказала Сверчок. — Поверь, не стоит его злить.

Ник снова взял тряпку, вернулся к столу и начал протирать его заново. Сзади подошел Лерой.

— Ты что, недоразвитый? Кто так трет? Неужели так трудно протереть этот дурацкий стол? — выхватив у Ника тряпку, он с силой провел ею по столешнице. — Вот так, видишь? Давай, три как следует.

Лерой с силой швырнул мокрую тряпку в грудь Ника. Ник шмякнул тряпкой о стол и отвернулся, но, не успев сделать и трех шагов, почувствовал руку, вцепившуюся в его ворот. В следующую секунду его рывком развернули и толкнули к столу. Схватив Ника за волосы, Лерой пригнул его книзу и прижал щекой к тряпке, оставленной на столе. Ник извернулся, пытаясь освободиться, но Лерой больно заломил его руку за спину. Ник вскрикнул.

Склонившись, Лерой взглянул ему в глаза. Ник смог разглядеть, как бьется жилка у его виска. Пальцы Лероя так сдавили запястье, что Ник не на шутку испугался — вдруг кости треснут?

— Хватит! — умоляюще заскулил Ник.

— Слушай сюда, дрянь мелкая. Сказано: делай, — значит, делай. Понял?

— Да, — ответил Ник.

Лерой вывернул его руку еще сильнее.

— Понял?

— Да! — крикнул Ник.

— Что?

— Да! Да!!!

Лерой отпустил руку Ника.

— А теперь протирай как следует, дятел.

— Вон там можно умыться, — сказала Сверчок, указывая на дверь, украшенную выжженным на досках полумесяцем. — Это уборная.

Ник выжал тряпку, повесил ее на край бочки и отправился туда. Войдя в уборную, он захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной. Крепко зажмурившись, он сделал несколько глубоких прерывистых вдохов, чтобы сдержать слезы, и стиснул кулаки.

— Ублюдки, — прошептал он. — Ублюдки, мать вашу...

Что-то зашуршало, защелкало.

Ник открыл глаза и быстро оглядел маленькую, полутемную комнату. На стене висело овальное зеркало, покрытое паутиной трещин, из-за которой в нем отражалось не одно лицо Ника, а целая дюжина. Сквозь высокое, не больше полуфута в ширину, окно внутрь падал тоненький лучик света. Света как раз хватало, чтобы разглядеть старинную медную водяную колонку в углу и круглую деревянную крышку в полу под ее краном. Догадавшись, что это и есть туалет, Ник тут же почувствовал, что ему нужно облегчиться.

К крышке была привязана веревка, пропущенная через блок наверху. Потянув за веревку, Ник поднял крышку, и в носшибанула струя густой вони. Посреди процесса облегчения он снова услышал щелканье. Звук доносился из дыры. Внизу что-то шевельнулось. Из щели в каменной кладке выбралось какое-то существо — размером с крысу, мохнатое, черное, с множеством тонких паучьих лап. Склонив голову набок, оно взглянуло на Ника шестью блестящими, бездушными, точно бусины, глазами и скрылось из виду. Заглянув в яму, Ник увидел сотни мерцающих глаз, устремленных на него из темноты. Пинком захлопнув крышку, он заметил на полу, в углу напротив, кучки какой-то белой массы, похожей на птичий помет, и поднял взгляд. Сверху, из соломенного гнезда на потолочной балке, на него смотрели два синекожих человечка. Встретившись с ним взглядами, они застрекотали крыльями и зашипели.

— Что же это, блин, за место? — пробормотал Ник себе под нос, застегивая штаны. — Что это все за дьявольщина?

Он взглянул в зеркало. Оттуда на него уставилась дюжина покрасневших от злости лиц. Вид у него оказался — хоть сейчас в лагерь беженцев: каша и грязь в волосах, распухшая губа, потеки запекшейся крови на лице...

— Во что же я влип?

Внезапно ему больше всего на свете захотелось увидеть мать. На глазах выступили слезы, отражения в зеркале расплылись, затуманились.

— Нет. К чертям ее, — сказал он.

«Это все она. Все из-за нее. Видеть ее не желаю».

Утерев слезы, он шагнул к колонке, несколько раз качнул рычаг и ополоснул лицо. Вода оказалась освежающе прохладной. Отмыв от грязи, каши и крови волосы, лицо и руки, он снова посмотрел в зеркало.

«Ладно, сыграю в их игру, — подумал он. — Но при первой же возможности — немедленно сваливаю».

На выходе из уборной Ника перехватила Секеу.

— Идем.

Ник последовал за ней через зал, огибая группы упражнявшихся с оружием Дьяволов. Зал гудел от громких криков и сухого резкого стука дерева о дерево. Ник вновь невольно изумился скорости и ловкости этих ребят. Как же они научились так двигаться? Может, и он научится?

Секеу отвела его в дальний конец зала, где с потолка на веревках свисали соломенные чучела — те самые, которых Ник поначалу принял за настоящих детей. Теперь, вблизи, их назначение сделалось яснее ясного — на них отрабатывали удары. Земля вокруг чучел была посыпана песком. Здесь тренировались, атакуя соломенных болванов короткими посохами, Лерой, Сверчок и Дэнни.

Дэнни остановился, жадно хватая ртом воздух. Щеки его побагровели, одежда взмокла от пота.

— Эй, — прохрипел он, утирая лоб, — передохнуть не пора?

— Дэнни, — ответила Секеу, — ты же только начал.

Дэнни поник головой и протяжно застонал.

Не обращая на это внимания, Секеу подошла к стене, сдернула с вешалки посох, с невероятной скоростью закрутила им вокруг пояса, резко остановила оружие и протянула Нику.

— Держи.

Ник взял посох.

— Идем.

Ник последовал за Секеу к одному из соломенных болванов.

— Сегодня научишься наносить удар.

Ник отметил, что вся остальная Свежая Кровь наблюдает за ним. Не укрылась от него и злорадная усмешка на губах Лероя.

Секеу толкнула чучело и кивнула Нику.

Ник поднял посох и изготовился к удару. Чучело качнулось вперед, Ник ударил его изо всех сил, но соломенный болван застиг его на середине взмаха и выбил посох из рук. Не удержавшись на ногах, Ник с маху сел на пол.

Лерой заржал.

Щеки Ника побагровели. Он даже не пытался подняться.

Секеу терпеливо ждала.

Ник покачал головой:

— Может, бросим все это?

Секеу склонилась к нему:

— Ты так и останешься мишенью для издевательств, пока не заставишь себя уважать.

С этими словами она указала взглядом на Лероя.

Ник вздохнул, подобрал посох и, опершись на него, поднялся.

— Готов? — спросила Секеу.

Ник поднял посох. Снова Секеу толкнула чучело, и снова чучело сбило Ника с ног.

Ник поднялся на ноги.

— Послушай, — заговорил он, покачав головой. — Я правда не приспособлен к таким делам. Ну, это просто не мое.

Секеу пристально взглянула ему в глаза. Ее взгляд вдруг показался Нику невероятно древним, абсолютно не детским.

— Ник, сегодня ты дрался с дьявольским зверем. Я видела храбрость в твоём сердце. Дух воина.

Ник едва не расхохотался над этой глупостью, но Секеу говорила совершенно серьезно. И тон ее, и взгляд не оставляли сомнений: она вправду верила в него. Ник и припомнить не мог, чтобы хоть кто-нибудь хоть раз в жизни смотрел на него так.

— Окей, — вздохнул Ник, поднимая посох.

И соломенный болван в третий раз сбил его с ног.

— Проклятье! — от досады Ник треснул кулаком по песку. — Он слишком большой и тяжелый.

— Размер не имеет значения.

Ник поднялся. Секеу забрала у него посох.

— Для начала, нужно принять вот такую стойку, — Секеу показала взглядом на ноги. — Одна нога впереди, носок передней ноги — вперед, носок задней — вбок. Вес — на задней ноге. Это позволит и сохранить маневренность, и вложить в удар весь свой вес. Как можно сильнее толкаешься задней ногой и, нанося удар, переносишь вес на переднюю, — Секеу притопнула передней ногой, подчеркивая сказанное. — Теперь хват. Одной рукой держи посох за конец — вот так. Второй — за середину. При ударе верхняя рука скользит вдоль посоха к нижней. Это добавляет удару силы.

Секеу тут же продемонстрировала это, хлестнув посохом по воздуху. Действительно, удар оказался так силен, что посох завибрировал.

— Самое главное: не сосредоточивайся на том, чтобы попасть в цель. Направляй удар сквозь нее. Если сосредоточишься на самой цели, вся сила будет потеряна при контакте. А если целиться в точку за целью, удар выйдет мощнее. Вот и все. Еще, конечно, важны координация движений и чувство темпа, но это приходит с опытом.

Секеу толкнула болвана, приняла стойку, качнулась всем телом взад-вперед, глядя, как болван летит к ней. В последний момент ее тело взорвалось, будто отпущенная пружина. Посох врезался в чучело, эхо страшного удара разнеслось по всему залу. Веревка провисла; болван, едва не сложив-

шись вдвое, отлетел назад и вверх. Ключья соломы полетели во все стороны, чучело задрожало на веревке, вновь натянувшейся под его весом.

— Ух ты! — выдохнул Ник.

— Ты тоже так сможешь, Ник. Но нужно тренироваться.

Нет, так же Ник не смог. Не смог изобразить даже чего-то хоть отдаленно похожего. Но, прозанимавшись под присмотром Секеу около часа, он научился останавливать болвана, не падая с ног, и почти каждый раз попадать в цель. Первые шаги были невелики, но каждый новый удар получался все лучше и лучше.

Секеу переходила от одного из ребят к другому, подбадривая, объясняя тонкости, указывая на ошибки. Через какое-то время она ушла, предоставив их самим себе, и Ник ушел в тренировку с головой. Он больше не замечал ни течения времени, ни радости от новых достижений. Он начисто забыл и о кроссовках в Тумане, и о синекожих пикси, и о Лерое, и даже о золотоглазом мальчишке по имени Питер.

Вернувшись, Секеу подозвала всех четверых к себе. Под взглядами Ника, Сверчка и Дэнни она толкнула соломенного болвана к Лерою.

Под мощным ударом Лероя болван отлетел назад.

— Хорошо, — сказала Секеу.

— А то! — ухмыльнулся в ответ Лерой.

— Еще раз.

Лерой принял стойку и поднял посох, явно обрадовавшись возможности порисоваться перед Свежей Кровью.

Секеу снова толкнула чучело к нему, но на этот раз болван бешено закрутился в воздухе, раскачиваясь из стороны в сторону.

Лерой попятился, замешкался, и соломенное чучело сбило его с ног.

Лерой вскочил.

— Эй, ты чего?!

— Нужно быть готовым к неожиданностям, — невозмутимо ответила Секеу. — Дэнни, отчего он упал?

— Оттого, что болван в него врезался? — широко улыбнувшись, предположил Дэнни.

Сверчок фыркнула от смеха.

Секеу сдвинула брови.

— Ник, отчего он упал?

Ник хотел было ответить, что не знает, но тут же сообразил, что именно это Секеу объясняла в самом начале.

— Оттого, что сместил центр тяжести и не удержал равновесия, — ответил он.

— Очень хорошо, Ник, — кивнула Секеу.

Лерой бросил на Ника угрожающий взгляд.

— Лерой, это повторяется далеко не в первый раз. У тебя много сил, но только на силу полагаться нельзя. Если не отрабатывать приемы, которые я показываю, ты никогда не пройдешь испытания.

Лерой крепко сжал губы. Ник снова увидел, как пульсирует жилка на его лбу, у виска.

«Дзинь! Дзинь! Дзинь!» По залу разнесся звон бронзовой ложки о дно кастрюли. От аромата жареного лука в животе у Ника громко заурчало. Только сейчас он понял, как жутко проголодался.

Дьяволы побросали оружие и гурьбой кинулись вперед. Толкаясь и пихаясь, они разобрали миски и заняли места в очереди к огромному железному котлу. Красная Кость и еще трое Дьяволов, распорядившись раздачей еды, принялись щедро разливать по мискам какую-то похлебку.

Дэнни, лежавший на спине, будто жертва сердечного приступа, разом вскочил и, пожалуй, впервые за целый день оживился.

— Ужин! Мой любимый вид спорта!

Ник прислонил свой посох к стойке и двинулся к очереди.

— Даже не думай, — сказал Лерой ему вслед.

Ник с недоумением оглянулся на него.

— У тебя еще дела.

Лерой указал на центр зала, куда Дьяволы побросали снаряжение — мечи, посохи, копья, всевозможные щиты и шлемы, спеша занять очередь за едой.

— Оружие расставь по стойкам и развесь по вешалкам на стенах — вон там. Доспехи убери вон туда. И чтоб я не видел тебя за столом, пока не сделаешь все как надо.

Сверчок подняла пару посохов и понесла к стойкам.

— Не-не, — сказал Лерой, отрицательно покачав головой.

Сверчок подняла на него озадаченный взгляд.

— Сегодня Ник все убирает сам.

— Так нечестно, — возразила Сверчок. — Он же...

— Заткнись, — оборвал ее Лерой.

Сверчок хотела было сказать что-то еще, но закусил губу, прислонила посохи к стене и пошла к столу.

— Хочешь — можешь стоять тут хоть всю ночь, — сказал Лерой Нику, — но еды не получишь, пока все не уберешь.

Выждав минуту, пока Сверчок и Дэнни не удалились настолько, что не смогли бы его услышать, он продолжал:

— И еще одно, сосунок. Еще раз выставишь меня на смех — заплатишь за это по полной. По полной, — он ткнул Ника в грудь. — Понял, придурок?

К тому времени, как Ник покончил с уборкой оружия, большинство Дьяволов уже покончили с ужином. Ник так устал, что есть почти расхотелось, но урчание в животе пересилило усталость.

Подойдя к котлу, он отогнал двух пикси и поднял крышку. От густой похлебки осталось лишь несколько засохших комков. Ник соскреб со стенок котла все, что мог, но этого едва хватило, чтобы наполнить миску до половины.

Лерой сидел в одиночестве в дальнем конце стола. Сверчок и Дэнни устроились в середине, между двумя Дьяволами. Взглянув на Ника, Сверчок улыбнулась. Ник поставил миску на стол как можно дальше от всех и тяжело опустил-ся на скамью.

Он и припомнить не мог, чтобы хоть раз в жизни настолько выбивался из сил, однако усталость отчего-то казалась приятной. Как ни противно было это признавать, Ник был очень доволен тренировкой. Он никогда не отличался успехами в спорте — особенно командном, и не увлекался ничем, кроме скейтборда. Несколько раз оказавшись последним, кого приглашали в команду, он понял: весь этот «командный дух» — просто очередная лажа, очередной повод покомандовать и поизмываться над ним для таких, как Лерой.

Закончив ужин, большинство Дьяволов побросали миски в бочку с мыльной водой и разбрелись по залу. Одни переместились к полкам с книгами и комиксами, другие принялись играть в дартс, третьи уселись за шашки, карты и прочие настольные игры.

Внимание Ника привлекла негромкая музыка. Обернувшись, он увидел у очага темноволосую кудрявую девочку, настроившую скрипку. Пару минут спустя к ней присоединились двое мальчишек. Один принялся выстукивать простенький ритм на паре высоких барабанов, другой начал пощипывать струны акустической гитары. Поначалу все это был просто шум, затем девочка трижды стукнула смычком, и они заиграли по-настоящему. По залу поплыли сладкие, завораживающие скрипичные трели. Играя, девочка смежила веки, словно скрипка была ее собственным голосом, выводящим медленную, печальную мелодию. Затем вступил барабанщик; громкий, размеренный ритм сделал мелодию чем-то похожей на погребальную песнь. Наконец к ним присоединилась гитара; струны запели, будто нанизывая одну за другой ноты на нить музыкальной темы из какого-то спагетти-вестерна. Ник был потрясен до глубины души,

услышав, какую прекрасную песню — да еще так вдохновенно — играют эти дикие ребята. Полностью захваченный пронзительным грустным мотивом, он принялся за еду.

На вкус похлебка оказалась примерно такой же, как и каша за завтраком. Единственное отличие заключалось в том, что вместо ягод в похлебку были добавлены кусочки грибов и дикий лук. Удивительно сладкие грибы приходилось очень долго жевать. Подцепив пальцами кусочек, Ник вынул его из миски, чтобы рассмотреть внимательнее. Из-под потолка на стол тут же спикировал пикси — маленький мальчик с блестящей черной гривой волос. Приземлившись едва-едва вне пределов досягаемости, он принял важный вид и склонил голову набок, глядя на гриб в руке Ника. Синее существо было потрясающе похоже на человека. Ник бросил ему кусочек гриба. Схватив подачку, пикси зашипел и взвился в воздух. Уголки губ Ника дрогнули в едва заметной улыбке.

Ник принялся наблюдать, как Дьяволы проводят вечер. Из угла, где шла оживленная игра в покер, то и дело раздавались победные крики и ругань. Один из ребят набивал рогатый череп на плече парнишки с внешностью латиноамериканца, загоня тушь под кожу иглой и струной. Зажав в зубах кусок кожи, латинос изо всех сил старался держаться так, будто ему все нипочем, но Нику показалось, что парень вот-вот грохнется в обморок. Некоторые, к удивлению Ника, затягивались сигаретами, выпуская дым с видом отъявленных хулиганов. Трое лениво играли в баскетбол, забрасывая небольшой мячик в самодельное кольцо. Даже сейчас, просто дурачась, они двигались поразительно быстро и ловко.

Тем временем пикси вернулся. Приземлившись на край стола, чуточку ближе, чем в первый раз, он уставился на Ника крохотными, узкими глазками.

Ник бросил ему крошку засохшей похлебки.

— Лучше не надо.

Оглянувшись, Ник увидел Сверчка.

— Прикормишь — потом не отвяжешься.

С этими словами Сверчок уселась напротив. Секунду спустя к ним присоединился и Дэнни.

— Откуда ты? — спросила Сверчок.

Ник не ответил.

Сверчок наклонилась поближе.

— Не переживай ты так из-за Лероя, — зашептала она. — Он и нас точно так же чморит. Просто осторожнее с ним. А то может так завестись...

В предупреждениях насчет Лероя Ник не нуждался.

— Ну, так откуда ты? — снова спросила Сверчок.

Ник хотел было сказать, что он не в настроении трепаться, но тут неподалеку раздался грохот.

— Ты сдвинул свой корабль! Я все видел!

— Ничего подобного!

— Он был на бэ-двенадцать! Вот здесь. Я эту клетку и назвал. Снимай его с доски.

— Хрен там!

— Эх ты, горе-шулер! Сжульничать и то не можешь!

В зале стало тихо.

— Опять этот Красная Кость, — прошептал Дэнни.

— Как всегда, — откликнулась Сверчок.

Красная Кость выхватил нож.

— Поставь на место!

— Нет!

Его противник, высокий светловолосый парень, тоже выхватил нож.

Оба приняли стойку, чуть подогнув колени. Остальные поспешили убраться в сторону.

— Вот блин, — сказал Дэнни. — Опять началось.

Побросав развлечения, Дьяволы окружили спорщиков широким кольцом и нараспев затянули:

— Первая кровь! Первая кровь!

Эти слова повторялись снова и снова.

— «Первая кровь»? — спросил Ник.

— Ага, — ответила Сверчок. — Так здесь решают споры. Кто первым пустит другому кровь, тот и прав.

Противники стукнули клинком о клинок и начали рискованный танец, маневрируя, притопывая, вскрикивая, ловя момент для атаки — и вдруг разом кинулись вперед. Клинки засверкали в воздухе с такой быстротой, что их было почти не разглядеть.

— Кровь!!! — заорал Красная Кость, с бешеной ухмылкой вскинув клинок вверх. — Первая кровь за мной!

— Хрен там! — крикнул его противник.

Все замерли. Секеу выступила вперед, осмотрела лоб светловолосого, приложила большой палец к отметине и подняла его, чтобы все смогли увидеть крохотную капельку крови.

Дьяволы одобрительно загудели.

— Вот так, — как ни в чем не бывало сказала Сверчок. — Чем меньше отметина, чем меньше крови, тем выше мастерство. Тем почетнее победа.

Светловолосый разразился грязной руганью, но опустил нож. Все было кончено. Дьяволы вернулись к своим занятиям, будто ничего не произошло. Оркестр заиграл снова.

— Как они могут так двигаться? — спросил Ник. — Это же невозможно!

— Это все волшебство, — ответила Сверчок.

— Волшебство? — протянул Ник. — Может, хватит шуток?

— Правда, волшебство здесь повсюду, — подтвердил Дэнни. — Даже у тебя в миске.

— Что? — Ник прекратил жевать. — Нам в еду что-то подмешивают?

— Да нет, — сказал Дэнни, оттянув резинку очков. — Зачем подмешивать? Это же не лекарство и не магический порошок. Секеу сказала, что волшебство здесь во всем — и в воздухе, и в воде. Но, когда что-то ешь, усваиваешь это

волшебство напрямую. Вот эта гадость, — Дэнни подцепил пальцем комок варева из миски Ника, — сделана в основном из желудей. В этих желудях, как во всем вокруг, тоже волшебство.

— Ты ведь заметил, какие у них глаза? — спросила Сверчок. — Золотые. Тоже из-за волшебства.

Ник заметил, что и в ее глазах поблескивают золотистые искорки.

— Как я понимаю, если побыть здесь достаточно долго, эта штука не только меняет внешность, но и дает сверхспособности, — продолжала она.

— Нет, не сверхспособности, — поправил ее Дэнни. — Скорее, тут волшебство работает, как стероиды. Частью из-за него они и могут так быстро двигаться.

— А побочные эффекты?

— Побочные эффекты! — Дэнни презрительно хмыкнул. — О чем ты? Это же не наука, а волшебство, чтоб его. Взгляни на Абрахама, — Дэнни указал на чернокожего мальчишку у очага, в котором Ник тут же узнал того однорукого, что утром дал ему копьё. — Ему больше ста лет. И что с ним не так? А Секеу? Сколько ей лет — вообще никто не знает. А некоторые из остальных ребят здесь с шестидесятих или семидесятих.

— Ага, — рассмеялась Сверчок. — Попробуй спроси Красную Кость, что такое айпад!

Ник не знал, нравится ли ему питаться волшебной кашей. Может, это отравы? В желудке чувствовалось тепло, растекавшееся по всему телу. Ощущение, если вдуматься, было странным, но и приятным, умиротворяющим. Вот только что это волшебство на самом деле творит с человеком?

Ник с подозрением взглянул на ложку с похлебкой, затем поднял взгляд на Дьяволов. «Пожалуй, никому из них оно не повредило, — подумал он, увидев, как один из мальчишек, игравших в баскетбол, перемахнул через товарища, развернулся в воздухе и выполнил бросок крюком, и все это в од-

Секеу

ном прыжке. — Ни капельки». Неужели от этой штуки и он сможет так же? Хочется ли ему научиться так двигаться?

Ник решительно сунул ложку в рот.

— Не знаю, как ты, — сказал Дэнни, — а я бы не задумываясь отдал всю эту волшебную размазню за «Биг-Мак».

Все трое рассмеялись и закивали.

Но тут к ним подошел Лерой, и все затихли. Лерой с подозрением взглянул на них.

— Не забудьте: убираться вам.

Никто не ответил.

— Слышите?

— Мы знаем, Лерой, — сказала Сверчок. — Уймись ты, охолони немного.

— Ага, все okay, — кивнул Дэнни. — Все под контролем.

— А, вот оно что. Вы тоже против меня сговорились?

— Нет, — с раздраженным вздохом ответила Сверчок. — Лерой, никто против тебя не сговаривается. Мы вроде бы в одной команде, не забыл? Слушай, отчего бы тебе не сесть и не поболтать с нами? Будь ты человеком, в конце концов.

Поколебавшись, Лерой сел рядом с Ником.

— Чуваки, думаете, мне охота за вами присматривать? — заговорил он, бросив взгляд в сторону Дьяволов. — Заставляют. Придираются постоянно...

— Они ко всем нам придираются, — сказала Сверчок. — Так у них принято. Думаю, они считают это своим долгом. Чтобы мы закалялись, привыкали к трудностям и все такое.

— Это точно, — поддержал ее Дэнни. — Но ничего, ты же скоро будешь одним из них. Тогда от тебя отвяжутся.

Лерой помрачнел.

— А вообще, как именно становятся Дьяволами? — спросил Дэнни.

— Надо вызвать кого-нибудь на поединок до первой крови и победить, — пробормотал Лерой. — Или спасти кого-то от смерти, или еще как-то «проявить беспримерное мужество». Такая примерно фигня.

— Но как тогда ты-то сумеешь справиться? — фыркнул Дэнни.

— Думаешь, я ни на что не гожусь? — холодно спросил Лерой.

Улыбка исчезла с лица Дэнни.

— Да я же не...

— Пошел ты на фиг.

— Лерой, он просто пошутить хотел, — вмешалась Сверчок. — Кончай заводиться, ради бога.

Лерой уткнулся взглядом в миску и стиснул черенок ложки так, что костяшки его пальцев побелели.

— Ник, так что ты там говорил? — сказала Сверчок.

— А?

Сверчок бросила на него выразительный взгляд.

— Ты рассказывал, откуда ты.

— Да нет...

— Ну?

— Что «ну»?

— Так откуда ты?

Мальчишка-пикси появился снова. Он приземлился возле Ника, склонил голову вправо, затем влево, глядя на него странными, немигающими глазами.

Ник отщипнул крошку подсохшего варева. С вожделением глядя на нее, пикси сделал шаг вперед, и тут Лерой взмахнул ложкой. Раздался звучный шлепок; отброшенное ударом, крохотное создание врезалось в стену позади стола.

— Какого черта?! — воскликнул Дэнни.

— Что на тебя нашло? — поддержала его Сверчок.

Лерой сощурился.

— А, вот вы как? Вот что задумали?

Крылышки пикси затрепетали. Он попытался встать.

Лерой вскочил и с силой обрушил на синекожего человека каблук башмака. Под каблуком жутко хрустнуло.

Крик застрял у Ника в горле. Глядя на изломанную фигуру на полу, он с ужасом понял, что пикси еще жив. Ма-

лыш пытался выбраться из лужицы крови, беспомощно подергивая сломанными крыльями, хватая ртом воздух, корчась от боли. В этот миг он был еще сильнее похож на человека.

Лерой принялся яростно топтать пикси, размазывая синее тельце по полу.

— Господи!!! — закричала Сверчок. — Да что на тебя нашло?

Лицо Лероя исказилось от бешенства. Он шаркнул подошвой башмака о стену, оставляя на камне ошметки плоти и клочья черных волос.

— Мерзкие синие твари! Постоянно меня изводят! Все здесь меня изводят!

Громко стуча каблуками, он отошел от стола.

— Он с ума сошел. То есть совсем рехнулся, — сказала Сверчок. — Видели его глаза? Как будто его разум ушел погулять.

Все трое перебрались к толстым корням, как можно дальше от Лероя и мертвого пикси. Ник сидел на полу, поджав колени к подбородку и обхватив их руками. Сверчок с Дэнни привалились к корням спинами.

— Блин, — продолжала Сверчок, — Лерой же сам говорил нам, что пикси ни в коем случае нельзя причинять вред. Сказал, что это — один из законов. Вроде как пикси — часть здешнего волшебства, или еще что-то такое.

— Он и не причинял ему вреда, — заметил Дэнни. — Он его просто убил.

— Спасибо за уточнение, Дэнни. Я тоже при этом была, если ты забыл.

— Может, у него биполярное расстройство, или еще что-то подобное? — сказал Дэнни. — И ему просто лекарства нужны?

— Нет, здесь, конечно, все по-своему ненормальные. То есть всем нам пришлось дерьма хлебнуть, так ведь? Но с Лероем — дело другое. Тут все намного глубже.

Все трое ненадолго притихли.

— А знаете, — нарушила молчание Сверчок, — Абрахам говорил мне, что Лерой здесь уже давно. Не просто пару недель, гораздо дольше. Сказал: Лерой боится поединка, потому до сих пор и остается Свежей Кровью. И знаете, что я думаю? Я думаю, в этом и беда. Это его и гложет.

— Да ты у нас прямо философ, — сказал Дэнни.

Сверчок наградила его мрачным взглядом.

— Ладно, а я думаю вот что, — продолжал Дэнни. — Я думаю, старину Лероя в детстве слишком часто роняли головкой об пол.

— Может, сказать кому-нибудь? — предложила Сверчок.

— Ага-ага, превосходный план, — фыркнул Дэнни. — Может, ты и скажешь?

— А почему нет?

— Шутишь? Вокруг оглянись.

Ник проследил за его взглядом. Двое Дьяволов по очереди метали нож друг другу в ступню — игра заключалась в том, чтоб вовремя отдернуть ногу. Еще несколько вырезали на плечах племенные узоры.

Устало вздохнув, Сверчок опустила на пол.

Ник никак не удавалось выкинуть из головы сцену жестокого убийства пикси. Это маленькое создание было так похоже на человека... Наверное, перед лицом боли, страданий и смерти все одинаковы — и люди, и звери, и даже пикси, все. Веки отяжелели. Ник был готов уснуть — уснуть и оставить этот долгий ужасный день позади. В желудке было тепло, неестественно тепло, и Ник вновь подумал о странной пище и о том, как она может действовать на организм. Однако ощущение было скорее приятным. Он

закрыв глаза, наслаждаясь теплом, расходящимся по всему телу.

Огонь в очаге догорал, несколько Дьяволов потянулись к усталым соломой клеткам. Оркестр умолк, и Секеу с Абрахамом принялись гасить факелы.

— Думаю, это намек, — сказала Сверчок. — Идем, Ник. Надо тебя устроить.

Ник открыл глаза.

— Что?

Но Сверчок с Дэнни уже шли к клеткам. Неохотно поднявшись на ноги, Ник двинулся следом.

Сверчок указала на клетку по соседству со своей.

— Как насчет этой?

— Конечно.

Ник опустилсЯ на четвереньки и полез в клетку, но тут же остановился, осознав, насколько это абсурдно — спать в клетке.

— Сверчок!

— Чего?

— Зачем им, чтоб мы спали в клетках?

Сверчок рассмеялась.

— Чтобы пикси не доставали тебя всю ночь. На, — она подала Нику кусок брезента. — Накрой клетку, чтоб они не писали сверху. Концы можно связать снизу, но это неважно — нет такого узла, с которым они бы не справились.

— Ага, если они до тебя доберутся, то высосут всю кровь, — сказал Дэнни. — Прошлой ночью с одним пацаном так и вышло.

Ник в ужасе уставился на него, но вовремя заметил усмешку на губах Сверчка.

— Ну-ну, — сказал Ник.

Дэнни расхохотался.

Накрыв клетку брезентом, Ник полез внутрь. Спать в клетке все еще казалось странным, но к этому времени он слишком устал, чтобы обращать на это внимание.

— Надеюсь, на завтрак будут бекон и вафли, — сказал Дэнни, забираясь в свою клетку. — Блин, я бы даже от шоколадных хлопьев не отказался!

Сверчок продолжала болтать о чем-то, но Ник почти не слышал ее. Веки будто налились свинцом. Тепло в желудке все так же разливалось по всему телу, укутывая его, как одеяло, погружая в глубокий сон.

Ощущение тепла в желудке не оставило Ника и во сне, превратившись в яркий солнечный свет прекрасного летнего дня. Он оказался на просторной поляне, окруженной деревьями. В ослепительных лучах солнца все вокруг сделалось золотым. Ник поднял лицо к небу и широко раскинул руки, всем телом впитывая летний зной.

Повсюду слышался смех. Над поляной, резвясь и играя, порхало множество фей. Крохотные, размером с мотылька, человечки с разноцветными, будто у бабочек, крыльями вились в воздухе, опыляя тысячи ярких цветов, распустившихся на каждом стебле плюща, каждом дереве, каждом кустике. Из высокой травы слышалось фырканье, и мимо Ника галопом пронесся табунчик кентавров — маленьких, ростом не больше кошки. Верхом на кентаврах с радостным визгом скакали маленькие девушки в почти прозрачных невесомых платьях, с ослепительно-белой кожей. Лиловые обезьяны ухали и визжали над головой, прыгая с ветки на ветку. Легкий ветерок уносил вдаль птичий щебет и пение фей.

Ник глубоко вдохнул, наполняя легкие ароматами цветов и терпким запахом земли. Все было просто чудесно, вот только все тело сделалось мокрым от пота, и Ник подумал, что неплохо было бы укрыться в тени. Он огляделся в поисках места попрохладнее, но жар стал просто нестерпимым, и Ник понял, что этот жар исходит не от солнца, а из его собственного живота. Желудок пылал огнем. Найти бы воды — хоть глоток,

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

только бы унять этот жар! Прижав ладони к животу, он застонал, и в тот же миг на поляне стало тихо. Все волшебные создания усталились на него, и в их глазах был явственно виден страх — страх перед Ником.

Но Ник вовсе не хотел пугать их. Он поднял руки, чтобы успокоить их, и вдруг его кожа начала чернеть. Темные разводы зазмеились вдоль предплечий, точно щупальца, на тыльной стороне ладоней прямо на глазах расцвели чешуйчатые пятна цвета кровоподтеков, пальцы скрючились, превратившись в острые черные когти.

Ник замер, охваченный ужасом. Волшебные создания кинулись прочь, оставив его в одиночестве. От этого Ник пришел в ярость. Захотелось броситься следом — догнать и истребить их, всех до единого...

Проснувшись, Ник схватился за живот. Желудок горел огнем, одежда насквозь промокла от пота. Страшно хотелось пить, но отправиться среди ночи в уборную, к этим треклятым паукам, он не осмелился и продолжал лежать, размышляя, как его могло занести на этот остров, в клетку, в «крепость» к Дьяволам и маленьким синекожим человечкам. В конце концов жжение в желудке утихло, и незадолго до наступления утра он сумел заснуть снова.

Зеленозубая Джинни

Натан сидел на краю тротуара, уткнувшись лицом в ладони. Так он сидел уже почти час.

Они были в доках. Муниципальные жилые дома, торговцы наркотиками, малолетние гангстеры — все это осталось далеко позади. Туман клубился над заливом, тянулся к ним, ждал.

Питеру не сиделось на месте, не терпелось вернуться назад, но подгонять и торопить мальчишку было нельзя. Этот-то момент и был самым тонким. Мальчишка должен искренне захотеть пойти с ним, иначе ему не выжить.

— Вот это я и имел в виду, сказав, что ты можешь пойти ко мне.

Но мальчишка, казалось, не слышал ничего. Стоило им оказаться за пределами муниципального жилого комплекса, он только и говорил, что о брате.

— У меня реально крутая крепость. Тебе понравится, я уверен.

Мальчишка утер нос, но не поднял взгляда.

— Ага, звучит неплохо, — промямлил он. — Мне все равно некуда идти. Тони больше нет... Никого у меня не осталось...

— Скоро у тебя будет куча друзей. Только надо спешить, пока Туман не ушел.

— Окей, чувак. Только погоди еще секунду.

Мальчишка вытер слезы подолом рубашки и поднялся на ноги. Увидев туман, он нахмурился.

— Как-то жутковато... Нам точно нужно туда?

— Туман приведет нас на Авалон, в волшебное место, где не нужно расти, куда нет ходу взрослым.

Мальчишка бросил на Питера недоуменный взгляд.

— Станный ты чувак. Сам-то это понимаешь?

— Так ты хочешь со мной? — спросил Питер.

— Ну да, почему бы нет.

— Пойдешь со мной по доброй воле?

— Конечно!

— Тогда нужно так и сказать.

— Как сказать?

— Сказать: «иду с тобой по доброй воле».

— Ну, ты даешь, чувак. Окей, иду с тобой по доброй воле.

Похититель детей пошел вперед, Натан последовал за ним, и Туман за клубился вокруг. Рот Питера наполнился меловым привкусом призрачных испарений, заметно отдававшим костной мукой и рыбьей чешуей. А ведь так было не всегда... Питеру вспомнилось, как он оказался в Тумане впервые, многие годы назад.

Убив волка, он продолжал углубляться в лес, полный решимости как можно дальше уйти от мира людей. На нем больше не было облезлой енотовой шкуры — ее место занял густой серебристый мех одноухого волка. Волчью голову он натянул на лицо, точно маску. Его жесткий, внимательный

взгляд обшаривал чащу, высматривая дичь и хищников сквозь пустые волчьи глазницы, но все-таки этот жесткий взгляд был взглядом шестилетнего мальчишки, оставшегося в одиночестве в дикой лесной глуши.

Днем он шел вперед вдоль ручьев и оленьих троп, охотясь на мелкую дичь. Куда? Этого он не знал. Знал только, откуда — от чего — хочет уйти. С наступлением сумерек он отыскивал подходящее дупло или расщелину в камне, где можно было свернуться клубком и немного поспать, пока в ночи рыщут крупные хищники.

На четвертый день он почувствовал чей-то взгляд. Лес изменился, деревья стояли вокруг плотной стеной, словно направляя, подгоняя его в нужную сторону. Вокруг слышались голоса незнакомых птиц; стрекот и писк насекомых слишком явственно напоминал человеческую речь.

Уже два дня Питер не ел ничего, кроме пары горстей орехов и лесных ягод. Он замечал следы зверей, слышал их голоса, но ни разу не смог увидеть добычи. Казалось, он ходит по кругу, будто его поразительное чувство направления вдруг разом отказало. Он вспомнил голос Голла, велевшего ему быть храбрым и сильным, но, дойдя до стоячего камня — того же самого, что миновал несколько часов назад, — устал рухнул на землю. Привалившись к камню спиной, он прижал колени к груди и постарался сдержать слезы.

Смех заставил вскочить на ноги. На небольшом холмике, глядя на Питера, стояла девочка — чуть старше его самого. У девочки были длинные белые волосы, короткое платьице из поразительно легкой ткани едва не парило в воздухе вокруг ее тела. Проказливо улынувшись Питеру, она бросилась бежать.

Питер замер, не зная, что делать, и снова услышал ее смех. Что-то в этом смехе вызывало тревогу, подсказывало, что следовать за ней — вряд ли хорошая мысль, но любопытство оказалось сильнее осторожности, и Питер помчался по тропинке за девочкой.

Взобравшись на холмик, он не увидел никого. Сзади захихикали. Питер оглянулся. Там, у подножья каменистого склона, стояли, держась за руки, две девочки в белых платьицах, похожие, как близнецы. Одна что-то шепнула другой на ухо, обе подняли взгляды на Питера и вновь неудержимо захихикали. Питер бросился к ним, но девочки вприпрыжку пустились бежать и скрылись за холмиком.

Пустившись в погоню, Питер почувствовал, что кусты и деревья словно заступают ему дорогу, превращаясь в непроходимую чащу, в настоящий лабиринт из вереска, колючих кустов и плюща. Обогнув холмик, он увидел белые платьица, мелькнувшие далеко впереди.

Питер догнал их на широкой прогалине. Теперь девочек, одинаковых во всем, вплоть до мельчайших черт лица, было трое. Прижавшись друг к другу, они стояли перед кольцом покосившихся каменных столбов. Казалось, эти стоячие камни намного старше любой окрестной скалы. На них не росло ни мхов, ни лишайников, поверхность их сверху донизу покрывали странные символы, а в середине круга лежали кости — множество всевозможных костей.

Щуря узкие серебристые глаза, девочки смотрели на него. Острые кончики ушей торчали из их белых волос. Их босые ноги были покрыты грязью, кожа была так бела, что казалась почти прозрачной. Сквозь кожу можно было разглядеть голубоватые паутинки вен. Увидев Питера, девочки застенчиво улыбнулись.

Не зная, что делать дальше, Питер остановился, переминаясь с ноги на ногу. Наконец он помахал им рукой и сказал:

— Привет.

Девочки вновь захихикали. Питер покраснел.

Одна из девочек скользнула к нему и провела кончиком пальца по его плечу.

— Что ты за зверь? — спросила она.

— Я — Питер, — ответил он.

— Что такое «Питер»? Это вроде мальчика?

— Ну конечно, дура, — ответила другая. — Разве не видишь? Он и есть мальчик.

— Мальчик? — вторила им третья. — Маленький мальчик — в лесу, совсем один?

— Что маленький мальчик делает в лесу, совсем один?

— Я... Ну, я... — Питер собирался сказать, что заблудился, но ему вовсе не хотелось, чтобы над ним снова начали смеяться. — Я ищу друзей, с которыми можно поиграть.

Девочки обменялись быстрыми понимающими взглядами.

— Мы тоже! — сказала одна из них.

— Не веришь своему счастью? — спросила другая, опустив руку на плечо Питера.

— С нами вполне можно поиграть, — подтвердила третья, заходя Питеру за спину и едва заметно припнувшись к его волосам и шее.

— Ты во что любишь играть? — спросила первая.

Питер пожал плечами.

— Во все.

— Мы тоже! — сказала вторая.

— Идем с нами, — добавила третья.

— Куда?

— Увидишь!

Питер заколебался.

— А взрослые там есть?

— Взрослые?

Девочки приняли озадаченный вид.

— А, ты о роде людском, — сказала первая. — Вот уж нет, мальчик. Там, куда мы пойдем, их и духу нет. Только веселье и игры.

— Да, — подтвердила вторая, — уйма чудесных игр!

— Идем, — сказала третья, взмахом руки приглашая Питера последовать за ними в каменный круг.

Питер двинулся за ними, но тут же остановился. Волосы на его теле поднялись дыбом, по коже побежали мурашки, ладони и ступни странно защекотало. Казалось, откуда-то

издали доносится звон колокольчиков и пение — возможно, колыбельная. Эти звуки негромким, едва уловимым эхом дрожали среди камней.

— Э, да он не хочет идти с нами, — сказала первая девочка.

— Не хочет с нами играть, — подхватила вторая.

— Какая жалость, — добавила третья.

— Еще как хочу, — возразил Питер.

— Он боится.

— Ни чуточки!

— Не всякий может пойти с нами, малыш Питер, — сказала первая.

— Только тот, кто вправду этого хочет, — пояснила вторая.

— Пожелай этого, Питер! Только пожелай — и тогда сможешь пойти поиграть с нами! — воскликнула третья.

Вбежав в самый центр кольца камней, девочки остановились на круглой каменной плите, окруженной травой. Их тела замерцали и медленно растаяли в воздухе, оставив за собой лишь сверкающее облако золотистой пылицы.

Питер отскочил назад и вытаращил глаза, глядя, как пылица понемногу рассеивается.

— Идем же играть! — окликнули его девочки. Их голоса звучали откуда-то издали, точно со дна глубокого колодца.

Питер огляделся. Вокруг темнело, становилось холодно. Где-то вдали завыл волк, и несколько сородичей откликнулись на его вой. Питеру очень не хотелось провести на дереве и эту ночь. Он снова взглянул на стоячие камни. Куда ему еще идти? Сделав глубокий вдох, он закусил губу и шагнул в круг.

Но ничего не произошло.

Питер зажмурил глаза.

— Хочу пойти с ними.

Опять ничего. Питер открыл глаза.

— Хочу с ними! — повторил он, и на сей раз он желал этого всем сердцем.

Перед глазами сверкнули золотые искры, под ногами за клубился серебристый туман, лес и камни исчезли, и Питер полетел вниз. Внутри все сжалось. Питер не сомневался, что вот-вот разобьется насмерть, но туман сгустился, подхватил его, словно вода, и мальчик поплыл вперед, как будто вдруг научился летать. В лицо дунул теплый, ласковый ветер.

Внезапно каменный круг появился вновь. Споткнувшись о мшистый бугорок, Питер полетел кубарем, перевернулся в воздухе и приземлился вниз головой, прислонившись спиной к стоячему камню.

Девочки встретили его взрывом смеха.

Питер встал на ноги, и мир перед глазами принял привычный вид — вот только слово «привычный» даже на ум не шло. Питер помотал головой. Камни оказались все теми же, но лес, лес...

Вокруг было столько разного, что глаза разбегались. Толстые, кривые стволы деревьев тянулись кверху, скрываясь в яркой разноцветной листве; ветви, увешанные стеблями ползучих растений, плодами и цветами, тянулись в стороны, сплетаясь друг с другом. Серебристый туман стелился по земле, мерцая в лучах солнца, пробивавшихся сквозь полог листьев. Массивные извилистые корни тянулись в густые кусты, пятнистые шляпки огромных грибов торчали над сочными мхами и травами. Цветы всевозможных видов и форм цвели на кустах и деревьях; каждый из них словно старался превзойти соседей яркостью и красотой. Но вовсе не лесная растительность заставила Питера застыть от изумления. Повсюду вокруг были крохотные человечки — множество, дюжины дюжин, одни не больше пчелы, другие размером с кошку. У большинства из них имелись крылья — птичьи, стрекозиные, крылья бабочек и летучих мышей. Обнаженные существа всех вообразимых цветов — пятнистые,

полосатые — жужжали, гудели, хихикали, стрекотали. Тысячи негромких напевов сливались в многоголосую симфонию радости. Крохотные создания гонялись друг за другом над прогалиной, плясали в воздухе, то возникая в лучах солнца, то исчезая в тени.

Девочки ждали Питера на узкой извилистой тропке. Выйдя из круга, он глубоко вдохнул и поразился запахам — тысяче ароматов, наполнивших грудь.

Сонм крылатых существ пронесся мимо, крохотные человечки закружились над Питером, ероша волосы, теребя волчью шкуру. От негромкого гудения множества крылышек стало щекотно. Питер неудержимо захихикал.

— Прекратите! — выдал он сквозь смех, отмахиваясь от них.

Кто-то хлопнул его по плечу.

Питер обернулся.

— Тебе водить! — крикнула одна из девочек, и все три с радостным смехом вприпрыжку побежали по тропинке в лес.

Невольно заулыбавшись во весь рот, Питер бросился догонять их. Туча крохотных человечков устремилась за ним.

Тропинка вилась вдоль крутого склона, уводя вниз, и вскоре лес вокруг изменился. Земля под ногами сделалась влажной, а затем и топкой. Подняв тучу брызг, Питер пересек мутный илистый ручей, обогнул стороной несколько заросших травой трясин. Над темными мутными озерцами стояли кривые приземистые деревья. Их черная кора маслянисто блестела, с ветвей свисали вниз густые пряди мхов. Неяркий свет, пробивавшийся сквозь желто-бурый полог их листьев, придавал всему вокруг призрачный янтарный оттенок. Тонкие ароматы цветов и ягод сменились сладковатым, пряным запахом тины, игривый щебет птиц — кваканьем и громким уханьем.

Девочки скрылись из виду. Питер остановился. Заметив, что и крылатый народец больше не следует за ним, он понял,

что остался один. Неподалеку раздался всплеск, заставивший Питера вздрогнуть. Решив, что где-то свернул не туда, он отправился обратно по собственному следу.

Конечно, они, те три девочки, тут же появились перед ним, будто возникли прямо из терпких болотных испарений. Встав перед шатром склонившихся к земле ветвей плакучей ивы, они молча, мрачно взирали на Питера.

— Куда вы про... — начал он, но тут же осекся на полуслове, заметив за спинами девочек движение. С ними был кто-то еще!

Раздвинув ветви ивы, точно занавеси, вперед выступила темная фигура. Женщина?!

Питер отступил на шаг. Рука легла на рукоять ножа.

— Взрослая! — прошипел он.

Женщина была дородна, но хорошо сложена, широка в бедрах и ляжках. Луч солнца, упавший на ее лицо, осветил тяжелые дымчатые веки и зеленые, цвета болотной ряски, глаза.

Питер пустился было наутек, но тут она окликнула его по имени. Хрипловатый голос прозвучал лишь чуть громче шепота, но Питер расслышал его так хорошо, точно женщина стояла совсем рядом, и остановился в нерешительности.

— Ты как раз кстати, милый мальчик. Добро пожаловать.

Глубокий, бархатный голос обволакивал, будто теплое одеяло, утешая, успокаивая, прогоняя все страхи прочь.

Женщина шагнула вперед, в луч света, и солнце заиграло на ее темной, лоснящейся коже. Питер пригляделся к ней. Ее кожа действительно была зеленой — темного изумрудного цвета неувядающей хвои. Волосы тоже были зелеными, только темнее — почти черными. Длинные пряди ниспадали на плечи и грудь из-под сдвинутой на лоб, на «вдовый мысок» шапочки, почти достигая коленей, скрывая лицо, точно капюшон. В тени волос были видны только огромные глаза. Тонкий, будто из паутины сотканный балахон облегал ее тело, почти не скрывая пышных грудей и темного клока

волос между ног. На запястьях и лодыжках позванивали бронзовые браслеты, шею обвивало ожерелье из костей и когтей.

Улыбнувшись Питеру, она подошла к нему и обняла его за плечи. Ее жаркое дыхание пахло медом; медовый аромат согревал, нагоняя приятную, сладкую дрему.

— Не зайдешь ли к нам?

Женщина указала на круглую дыру в крутом невысоком склоне, под густой завесой из трав и мхов. Вход обрамляли большие, изъязвленные мелкими ямками камни, и на каждом из них была вырезана злобная звериная морда. Вокруг входа висели дюжины высушенных тыкв-горлянок, выкрашенных красным, и в стенке каждой была прорезана дыра, сквозь которую внутрь могла бы попасть небольшая птица. Над тыквами вились в воздухе, стремительно влетали внутрь и вылетали наружу черные человекоподобные существа с перепончатыми крыльями и длинными скорпионьими хвостами.

Входить в такое место Питеру совершенно не хотелось. Он решительно помотал головой.

— Я только что напекла имбирных пряников. Все маленькие мальчики любят имбирные пряники. Разве нет?

Три девочки закивали.

— Наверняка любят, мама!

Поднеся полные влажные губы к самому уху Питера, женщина зашептала. Слова ее казались полной бессмыслицей, непонятым напевом из резких, отрывистых звуков, но вокруг вдруг запахло медом и свежее испеченным хлебом. В животе у Питера заурчало, рот наполнился слюной. Он облинулся. Внезапно ему очень захотелось имбирных пряников — что бы это ни было такое.

— Идем со мной, — промурлыкала женщина.

Пригнувшись, она скрылась в норе. Идти с ней в эту нору — да и вообще куда бы то ни было — вовсе не казалось Питеру хорошей идеей, но мысли вдруг сделались вязкими,

тягучими, как сироп, и, когда девочки подхватили его под руки и потащили за собой, он последовал за ними.

Сгорбившись, чтобы не удариться лбом о корень или не сшибить фосфорически светящийся гриб, пошатываясь, будто пьяный, он двинулся по длинному подземному ходу. Ход привел в небольшую пещерку с черными каменными стенами, со сводом из густо переплетенных корней. В большом очаге, под кучей хвороста, тлели янтарные угли, озаряя пещеру мягким карамельным светом.

Споткнувшись, Питер упал и растянулся на груде роскошных мягких шкур.

С потолка свисали кости, перья, бусы, высохшие цветы и всевозможные звериные черепа, нанизанные на длинные веревки. Жирные черные жабы, огромные блестящие жуки и разноцветные птицы висели вниз головой на крюках, глядя на Питера безжизненными стеклянными глазами. Низкие столики были завалены свитками и глиняными горшками.

В углу, среди корней под потолком, что-то мелькнуло — казалось, там, во мраке, прячутся какие-то существа. Но тут Питер увидел глиняную миску с горкой пряников и забыл обо всем остальном.

Держа в руках миску, женщина опустилась на шкуры, улеглась рядом с Питером, закинула на него голую ногу и поднесла пряник к его губам. Питер впился зубами в угощение.

Пряник оказался сладким и теплым, только каким-то клейким в середине. Но Питер все равно съел его без остатка, а за ним и еще один, и съел бы третий, но вдруг обнаружил, что больше не может ни жевать, ни даже поднять головы. Взгляд помутился, все вокруг подернулось рябью, точно пруд под дуновением ветра. На миг показалось, что сверху мерцают дюжины свечей, но, стоило Питеру моргнуть, и он увидел, что это вовсе не свечи, а глаза — сотни узеньких желтых глаз.

Оседлав Питера, женщина склонилась к нему. Пряди ее волос зашекетали лицо. Теплые пальцы легли на живот, поползли к груди, раздвигая волчью шкуру. Нагнувшись ниже, женщина обнюхала его волосы, скользнув мягкими грудями вдоль его груди, принялась к лицу, шее, и прижалась к его груди щекой. Горячие, влажные губы обхватили сосок.

Набедренная повязка Питера зашевелилась. Три сестры, стоявшие за спиной женщины, с горячечным, жадным бесстыдством уставились на него, по их подбородкам потекла слюна.

— О-о, какой твердый, — шепнула первая.

— Твердый, как стойка шатра, — подхватила вторая.

— Пропитания хватит надолго, — добавила третья.

Все трое захихикали.

«Нет!» — хотел было крикнуть Питер, но смог издать лишь слабый жалобный стон. Внезапная резкая боль в соске сменилась нестерпимым жжением.

— Кровь для детей. Кровь для всех, — в один голос сказали сестры.

Питер заметил движение над головой — глаза, те самые желтые узкие глаза, кишевшие во мраке, оживились. Десятки, сотни жутких, уродливых тварей — одни не больше тритона, другие величиной с енота — двинулись к нему. Упругие тонкие мускулы их костлявых, тощих телец скользили, перекачивались под серой пупырчатой кожей, точно клубки змей. Извиваясь, суетливо перебирая лапками, скаля в ухмылках длинные, игольно-острые зубы, омерзительные создания волной хлынули к нему.

Скосив глаза, Питер увидел миску с пряниками, только это были вовсе не пряники, а противные жирные гусеницы с крохотными черными головками. Он вновь хотел закричать, но не смог.

Внезапно женщина судорожно передернулась, отчаянно закашлялась и поднялась на колени. Губы ее были густо измазаны кровью.

— Мама, что с тобой? — в один голос спросили сестры.

Женщина снова закашлялась, схватилась за горло, согнулась в мучительном приступе рвоты, с ног до головы обдала Питера брызгами крови пополам с желчью и взвыла. Ужасный вой заполнил крохотную пещерку, зазвенел в ушах.

Мерзкие твари замерли, в их желтых глазах отразился ужас.

Женщина потрясенно взирала на Питера. Из уголка ее губ тянулась струйка кровавой слюны.

— Не может быть! — она замотала головой. — Как?!

Тут она снова закашлялась, обрызгав лицо Питера кровью.

— Мама, что с тобой? — жалобно спросили сестры. — Скажи же!

Женщина сорвала с головы Питера капюшон из волчьей морды, взглянула на его уши и выпучила глаза от изумления и страха.

— Не мальчик... — взгляд ее сделался жестким. — Но и не дитя ши. Выродок! — прошипела она.

Питер разом пришел в себя. В глазах прояснилось.

Рука женщины метнулась вперед, точно змея. Твердые пальцы стиснули горло Питера, острые ногти впились в кожу.

— Откуда ты явился? Тебя послала Модрон? Все это — ее игры?

Питер потянулся к ножу, но обнаружил, что ножны пусты.

— Это ее козни?! — вскричала женщина, злобно сверкнув изумрудными глазами. — Отвечай, не то откушу твое достоинство и скормлю тебя пиявкам!

Питер отчаянно взмахнул рукой. Пальцы наткнулись на глиняную миску. Схватив ее за край, он ударил женщину в висок. Миска с глухим треском разбилась, женщина рухнула набок. Брыкнув ногами, Питер почти сумел вскочить,

но рука женщины вцепилась в лодыжку. Споткнувшись, Питер кубарем покатился в очаг.

Женщина кинулась за ним, потянулась к нему когтями, обнажив в бешеном оскале ряд окровавленных зеленых зубов. Глаза ее сузились, превратившись в крохотные зеленые огоньки в глубине темных глазниц, острые когти глубоко вонзились в мускулы плеча, когти другой руки прошлись поперек ребер, раздирая кожу и плоть.

Пронзительно вскрикнув от боли, Питер выхватил из огня горящую лучину, вновь вскрикнул от боли в обожженных пальцах, но, крепко сжав свое оружие в руке, вонзил пылающее острие прямо в зеленый глаз.

Женщина завизжала так, что ему пришлось зажать ладонями уши. Отпрянув от Питера, она врезалась в стену и вцепилась в лучину, глубоко воткнувшуюся в глаз. Язычки пламени зашипели между ее зеленых пальцев.

Питер не стал ждать, что будет дальше. Нырнув в подземный ход, он быстро, как крот, полез вверх.

Женщина взывала в бессильной злобе.

— Держи его! Лови! Хватай!!! — заревела она.

Ее голос понесся по подземному ходу; Питера обдало горячим вихрем опавших листьев, букашек и пыли.

Казалось, все ползучие, летучие, пресмыкающиеся твари завопили — вся пещера подхватила вой хозяйки. И все вокруг — все, даже корни — устремилось за Питером, хватая его за руки и за ноги. Подземный ход сузился, конвульсивно сжался, будто глотка огромного чудища. Многоножки, жуки, пауки кинулись на Питера со стен, вонзая в него зубы и жала. Стоило выбраться наверх — и черные перепончатокрылые создания набросились на него с воздуха, точно рой шершней, жаля скорпионьими жалами. Взыв от боли, Питер прыгнул в кусты и побежал — так быстро, как не бегал никогда в жизни. Он мчался, не разбирая дороги, не зная, куда бежит, — лишь бы убраться от этой женщины и всех ее кусачих тварей как можно дальше.

Услышав вой позади, он рискнул оглянуться. Три девочки гнались за ним, мчались на четвереньках огромными скачками, едва касаясь земли, высунув длинные языки, оскалив острые собачьи зубы. Погоня быстро приближалась.

Вырвавшись из кустов, Питер свернул на узкую тропку и побежал дальше. Путь вел вверх, болото осталось позади, земля под ногами сделалась твердой.

Внезапно кто-то заступил ему дорогу. Человек? Питер с разбегу врезался в незнакомца. Не удержавшись на ногах, оба выкатились на небольшую полянку, заросшую травой. Вскочив, Питер развернулся, чтобы кинуться прочь, но увидел перед собой еще пятерых — нет, шестерых. Их длинные тонкие мечи были направлены ему в грудь. Питер отчаянно заозирался, ища путь к бегству.

— Эй-эй, постойте, — заговорил первый — тот, кого Питер сбил с ног. — Что здесь такое творится?

Приглядевшись, Питер понял, что это не люди — по крайней мере, не из тех, что ему доводилось видеть. На самом деле перед ним были эльфы, но в то время Питер не знал об эльфах ничего. Эти эльфы были куда ниже ростом, чем люди — размерами с подростка, всего-то на голову выше самого Питера. Длинные конечности, тонкие, почти женственные лица с узкими золотистыми глазами — раскосыми, высоко сидящими над острыми скулами... Острые кончики их ушей торчали кверху, кожа была бела, как мел, волосы собраны за спиной в длинные косы, облегающие одежды казались сшитыми из коры и листьев.

— Верните его нам, — раздался тонкий девичий голосок.

Три сестры стояли на краю полянки, в каких-то десяти футах от Питера.

Эльфы нацелили острия мечей на девочек.

— Это мы привели его из мира людей, — сказали девочки. — Он наш.

— Не думаю, — возразил эльф, которого Питер сбил с ног.

Этот эльф выглядел старше остальных. Волосы его были совершенно белы, в уголках глаз залегли глубокие морщины. Поднявшись, он обнажил меч и заслонил собой Питера.

Сестры зашипели, сжимая и разжимая когти, будто не в силах дождаться, когда им удастся дотянуться до Питера и растерзать его.

Из-за спин девочек раздался громкий гортанный голос:
— Он принадлежит мне.

Эльфы переглянулись.

На поляну, зажимая рукой глаз, выступила хозяйка пещеры.

— Он мне кое-что должен.

Опустив руку, она выставила на всеобщее обозрение окровавленную пустую глазницу.

Несколько эльфов ахнули, но никто из них не дрогнул.

— Вы — все вы — посягаете на мое право владения. Отдайте мне глаз мальчишки, и я позволю вам уйти невредимыми.

— Вздор, — возразил кто-то за спиной Питера.

На поляну выступила еще одна женщина — немного выше болотницы, тонкая в кости, стройная телом, хрупкая с виду. Ее гладкая кожа была так бела, что отливала легкой синевой. Длинные волосы, собранные на затылке, венчал веноч из листьев остролиста. На груди, поверх сверкающих белизной и золотом одежд, блестела бронзовая звезда на простой золотой цепочке.

— Здесь Темнолесье, — сказала она. — Здесь нет твоей власти. Убирайся в свою нору тешить похоть со своими грязными тварями.

Болотница усмехнулась.

— Что ты можешь знать об этих утехах — с твоей-то холодной мертвой утробой?

Глаза беловолосой женщины вспыхнули ослепительной лазурью.

— Бесплодная богиня плодородия! — расхохоталась болотница. — Понятно, отчего ты больше не слышишь голос отца!

Из горла беловолосой вырвался громкий рык, от которого волосы Питера поднялись дыбом. Шагнув вперед, она оскалила длинные собачьи клыки. В этот миг она казалась скорее зверем, чем человеком.

— Остынь, Модрон, — сказала болотница. — Тебе нужно это создание? Так забирай.

Болотница переменилась в лице. Во взгляде ее мелькнуло сочувствие или жалость — а может, и то и другое.

— Сколько? — спросила она. — Сколько их еще нужно, чтобы заполнить пустоту в твоем сердце? Можешь забрать хоть всех детей нашего мира и мира людей, но даже это не вернет тебе твоего малыша.

Боль, мучительная боль отразилась на лице беловолосой владычицы!

Болотница развернулась, чтобы уйти, но тут же остановилась и оглянулась на Питера.

— Будь осторожен, малыш. Мне нужен всего лишь твой глаз. А вот она — она заберет твою душу.

Повернувшись к поляне спиной, болотница исчезла, растворилась в зарослях.

Три сестры медленно попятились назад, не сводя глаз с Питера. Прежде чем уйти, последняя из них указала на Питера, затем — на свой глаз, и резко ткнула в воздух изогнутым когтем.

Женщина с лазурными глазами устремила взгляд на Питера. Все прочие — тоже. Питер огляделся в поисках пути к бегству.

— Не бойся, мальчик, — сказал старший из эльфов, отряхивая штаны от пыли. — Тому, кто сумел лишить эту ведьму глаза, нечего бояться нас.

Губы его дрогнули в восхищенной улыбке.

Другие эльфы согласно кивнули и спрятали мечи в ножны.

Старший эльф подал Питеру руку.

— Сержант личной охраны Владычицы Дразэль, к вашим услугам, — с широкой, приветливой улыбкой сказал он.

Улыбка эльфа понравилась Питеру. Пожав его руку, он улыбнулся в ответ.

— А я — Питер.

— А это, — эльф широким жестом указал на женщину, — леди Модрон, дочь Аваллаха, Владычица Озер и королева всего Авалона.

Королева? Питер не знал, что такое «королева», но, судя по тому, как держались перед ней эльфы, это должно было означать что-то важное. Он пригляделся к женщине внимательнее. С виду она казалась хрупкой — тонкие кости, длинная шея — однако в ней чувствовалась сила. Возможно, дело было в ее уверенной поступи, в движениях, в глазах, смотревших так, будто все вокруг принадлежало ей. Она была грациозна, изящна — вот только слишком широко расставленные глаза и слишком вытянутое лицо придавали ей какой-то звериный, даже жутковатый вид.

— Итак, Питер, — заговорил Дразэль, — как же ты, мальчик, ухитрился попасться в лапы Зеленозубой Джинни?

— В чьи лапы? — переспросил Питер.

— В лапы этой ведьмы.

— Он вовсе не мальчик, — возразила Владычица, оценивающе глядя на Питера. — Взгляни на его уши. В его жилах течет кровь Дивных.

— Тогда кто же он? — спросил Дразэль.

Владычица вновь окинула Питера долгим взглядом.

— Он — загадка. Загадка весьма интригующая. А еще, — взгляд ее скользнул по груди Питера, — его успели пометить.

Питер опустил взгляд. Он с ног до головы был перепачкан в грязи и крови. Глубокие царапины на боку кровото-

чили, укусы насекомых вспухли и покраснели, след зубов вокруг соска чернел на глазах. В пылу бегства он не замечал ничего, но теперь все эти раны разом заболели, а сосок просто-таки жгло огнем. И руку — тоже. Питер раскрыл пальцы. Ладонь угрожающе побагровела, обожженная кожа вздулась белесыми волдырями.

Склонившись к нему, владычица легонько коснулась края укуса. Питер вздрогнул и зашипел от боли.

— Идем, — сказала она. — Об этом нужно позаботиться, иначе отравы растечется по телу.

Она подала ему руку, но Питер замер в нерешительности.

— Все будет хорошо, — заверила она.

Взяв ее за руку, Питер пошел за ней по тропинке. Эльфы пристроились к ним — трое впереди, трое сзади. Питер поднял взгляд на Владычицу, и она улыбнулась ему. Питер решил, что держать королеву за руку ему нравится — даже очень.

Тропинка привела их на просторную цветущую поляну с круглым прудом, обрамленным плоскими белыми камнями. Между этими камнями в пруд струились тихие ручейки, и по поверхности чистой, будто хрусталь, воды разбегалась легкая рябь.

В воде, у самой поверхности, гонялись друг за другом разноцветные рыбки. Но, приглядевшись, Питер увидел, что головы, руки и туловища до пояса у них человеческие. Над самой водой вился в воздухе, охотясь на насекомых, крылатый народец.

Владычица развязала тесьму на плече, сбросила платье к ногам и шагнула в пруд, погрузившись в воду до кончиков пальцев. Солнечные блики, отраженные зеркалом воды, заплясали по ее ослепительно-белой коже. Закрыв глаза, она подняла лицо к солнцу, произнесла несколько непонятных для Питера слов и погрузилась в воду с головой.

Эльфы разошлись по поляне, расселись среди камней, устремив взгляды в лес.

Питер принялся ждать, когда Владычица вынырнет. Ждать пришлось долго. Никто на свете не смог бы обходиться без воздуха столько времени. Он покосился на эльфов, но те, похоже, ничуть не тревожились. Тогда Питер подошел к самому берегу. В глубине что-то блеснуло, и он увидел ее — серебристое тело кружило вдоль берегов пруда, точно рыба. Вынырнув из воды прямо перед ним, она поманила его к себе.

Питер сбросил шкуру и осторожно попробовал воду ногой. Вода оказалась прохладной, но не холодной, очень приятной в столь жаркий день. Войдя в воду по пояс, Питер почувствовал, как что-то щекочет лодыжки: человечки с рыбьими хвостами собрались у его ног, выбирая личинок из ила, поднятого со дна.

Владычица взяла его за руку и увлекла в глубину. Вскоре он едва мог достать дно пальцами ног. Подойдя к нему сзади, Владычица опустила руки ему на плечи. Питер замер.

— Забудь о страхах, Питер, — шепнула она.

Питер сделал глубокий вдох, и она потащила его вниз, туда, где вода была темна и холодна. Питер едва мог различить пятна солнечного света, плясавшие на поверхности. Легкие сдавило, в сердце зашевелился страх.

Руки Владычицы снова надавили на плечи, и Питер вспомнил о ее острых зубах. Уж не задумала ли она утопить его?

Но тут он услышал ее голос, глухим эхом отдававшийся в глубине. Вода потеплела. Питер почувствовал ровные, мерные, как биение сердца, толчки и услышал, как кровь струится в его венах. Он словно вновь оказался в утробе матери, и его пульс замедлился, как будто подстраиваясь под ритм ее сердца. Легкие больше не болели, требуя воздуха. Он чувствовал себя частью Владычицы и ее пруда, вода стала его собственной жизнью и кровью. Голос Владычицы тихо звучал в ушах: «Я — твой лес, твоя земля, твоя вечность. Я — твоя жизнь. Я — твоя смерть. Я — все для тебя, отныне и навсегда. Люби меня. Люби меня. Люби ме-

ня вовеки». Питер свернулся клубком, будто зародыш в утробе пруда. «Да, — отвечал он. — Вовеки». Утроба засветилась, замерцала — ярче, ярче...

С шумом вынырнув на поверхность, Питер выплюнул изо рта воду и заморгал, щурясь от солнечного света. Где он? Но тут он увидел Владычицу и забыл обо всем. Она была самым совершенным созданием, какое только можно было себе вообразить, и Питер не понимал, как мог когда-то думать иначе. От ее вида затрепетало сердце. Хотелось лишь одного: смотреть и смотреть на нее, не отводя глаз ни на миг.

Владычица внимательно осмотрела его.

— Что ж, отравы больше нет, — удовлетворенно сказала она. — Со временем заживут и раны.

Нехотя оторвав взгляд от Владычицы, Питер покосился на собственную грудь. На месте укуса остался лишь едва заметный розовый след, раны в боку затянулись, укусы сотен насекомых исчезли.

Оба оделись и разлеглись на большом плоском камне, греясь на солнце.

Питер проводил взглядом цаплю, парившую в небе, и тут в ветвях деревьев над головой раздался вой и лай. Питер сел. Раскачиваясь, прыгая с ветки на ветку, на поляну спустилась стая непонятных длинноруких существ размером немного крупнее енота, с жесткими черными гривами на шее. Близко посаженные черные глаза, длинные морды — всем этим они немного напоминали Питеру волкодавов. Опираясь на кулаки и выкидывая вперед короткие ноги, они поскакали к пруду, сгрудились на дальнем берегу, припали к воде и принялись шумно лакать.

— Кто это?

— Баргесты, — ответила Владычица. — Будь осторожен: при случае они могут быть опасны. И, уж конечно, не преминут стащить все, до чего сумеют дотянуться.

Напившись, странные создания снова залаяли и завывали.

Питер поднес к губам сложенные ладони и тоже завыл, подражая им.

Баргесты разом умолкли и изумленно уставились на него. Питер вскочил на ноги и завыл снова. Разразившись раздраженным лаем, звери поскакали к опушке и скрылись среди деревьев.

Владычица от души рассмеялась, и смех ее показался Питеру прекраснее любой музыки.

— Превосходно, Питер! Как ты научился этому?

Питер пожал плечами и принялся подражать свисту, вою, щебету и рыку других зверей и птиц. Вскоре вся живность, собравшаяся на поляне, взирала на него, недоуменно склонив набок головы.

Владычица веселилась вовсю. Слыша ее громкий смех, даже эльфы не смогли сдержать улыбки.

Вдруг их внимание привлек странный крик. Подняв взгляд, Питер увидел большую птицу в огненно-красных перьях, пронесшуюся над прудом. Усевшись на дерево неподалеку, птица окинула взглядом поляну и пруд. Ее сверкающие оранжевые глазки резко контрастировали с черным хохолком.

Тихо ахнув, Владычица вскочила на ноги.

— Питер, — прошептала она, — это же Жар-птица!

Запрокинув голову, птица запела, и все живое в лесу разом стихло. Это был не просто птичий щебет — зазвучала настоящая песнь, сложенная из посвистов и трелей. Подобного Питер не слышал еще никогда.

— Разве она не прекрасна? — прошептала Владычица.

Кивнув, Питер перевел на нее взгляд. Прижав кончики пальцев к губам, Владычица смотрела на чудесную птицу, как зачарованная.

Так же внезапно, как и появилась, птица взмыла в воздух и унеслась прочь.

— О, куда же ты? — сокрушенно вздохнула Владычица. — Я ведь не видела ее с самого детства. Ее сладкозвучное

пение вернуло меня обратно в те счастливые, беззаботные времена.

Владычица замолчала, устремив взгляд в даль.

Вдруг что-то сверкнуло в воздухе и приземлилось на песчаный берег. Вскочив, Питер кинулся вперед и поднял с песка ярко-красное перо. Вернувшись к Владычице, он показал ей находку. Тонкие волоконца опахала сверкнули в солнечном луче, а когда Питер покрутил перо в пальцах, оно заискрилось, засияло, как огонь.

Искры озарили лицо Владычицы.

— О, Питер, как оно прекрасно!

Питер протянул ей перо.

— Это тебе!

— Мне? Нет, Питер, так нельзя — ведь это такое сокровище!

— Еще как можно!

Приняв перо, Владычица тоже покрутила его в пальцах. Лицо ее озарилось улыбкой ничем не омраченного счастья. Казалось, в этот миг она вновь стала маленькой девочкой.

Питер поднес ладони к губам и засвистел, пытаясь подражать пению Жар-птицы. Поначалу из этого ничего не вышло, но после нескольких неудачных попыток он сумел изобразить ее песнь в точности, от начала до конца.

Владычица была поражена. Схватив Питера за руку, она крепко сжала ее в ладонях.

— Чудесно! Должно быть, ты и сам отчасти птица.

— Так и есть, — гордо ответил Питер. — Я — птица Питер.

— Что ж, птица Питер, ты обязательно навестишь мой двор и споешь для меня. Договорились?

Питер с готовностью закивал.

— Вот и славно.

Владычица устремила на него долгий внимательный взгляд. Питер не знал, что и думать.

— И еще одно...

Закинув руки за голову, Владычица расстегнула золотую цепочку и поднесла восьмиконечную звезду к глазам Питера. Вблизи стало видно, что звезда вовсе не бронзовая — она была сделана из темного камня, обвитого тонкой потускневшей золотой нитью.

— Она принадлежала другому маленькому мальчику, да не простому, а самому дорогому для меня на всем белом свете. Я потеряла его навсегда и хотела бы, чтобы теперь эту звезду носил ты. Ты сможешь сделать мне такое одолжение?

Питер вновь закивал.

Застегнув цепочку на шее Питера, Владычица нежно поцеловала его в лоб.

— Мабон... Мой малыш... — прошептала она так тихо, что Питер едва расслышал ее.

Питер тронул звезду, и она слабо, едва уловимо замерцала под пальцами.

Владычица тоже заметила это. Глаза ее наполнились слезами. Обняв Питера, она крепко прижала его к себе и надолго замерла. От нее пахло сладкой цветочной пылью и свежей озерной прохладой. В голове — а может, и в сердце Питера, как там, в пруду — вновь зазвучал ее голос: «Ты мой. Мой навеки».

«Да. Навеки», — ответил он.

— Эй! — крикнул Натан. — Подожди!

Только тут похититель детей понял, что позволил себе отвлечься, а мальчишке — отстать. А ведь знал, прекрасно знал, что Туман, дай ему только шанс, взлезет в голову и начнет свои шутки. «Глупо, — подумал он. — Неосторожно и глупо». Теперь мальчишка кричал едва ли не в голос — и где? В Тумане!

Питер остановился, вглядываясь в искрящуюся серебристую пелену, и прислушался. Не слышали ли слуха? Не мчатся ли на крик?

Ведьма

— Не нравится мне это все, — сказал Натан. — Мы вообще где?

Питер прижал палец к губам.

— Ш-ш-ш! — прошептал он. — Молчи, или они услышат. Идем.

— О чем это ты?

Питер промолчал — для разговоров было не время — и отвернулся от Натана, отыскивая Путь. Путь оказался на месте, прямо под ногами. Тонкая золотая нить колебалась, вилась, медленно ускользая прочь, будто под дуновением неощутимого ветра. Не уследишь за ней — и Путь ускользнет навсегда.

Питер двинулся вперед, нагоняя Путь, но тут же понял, что Натан не следует за ним. Мальчишка застыл, как вкопанный, уставившись себе под ноги.

— Гляди! — сказал он, указывая на землю.

В этом не было нужды. Питер прекрасно знал, что там.

— Это же кости! Чей-то, мать его, череп! — подозрительно сощурившись, Натан поднял взгляд на Питера. — Что это, блин, за место?

Питер вновь резко поднес палец к губам. Мальчишка должен был заткнуться. Должен во что бы то ни стало!

— Нечего на меня цыкать! — огрызнулся Натан, повысив голос. — Я задал вопрос. Что это, блин, за место?!

Питер стиснул зубы, сдерживая злость. Еще немного — и этот мальчишка погубит их обоих! Он оглянулся. Путь медленно ускользал. В другое время Питер ни за что не осмелился бы потерять его из виду, но мальчишка был так нужен... Питер шагнул к нему.

Натан попятился назад, выхватил из-за пазухи пистолет и направил ствол на Питера. Питер замер.

— Не подходи, блин!!! — заорал мальчишка.

Вдали зазвенел детский смех. Питер похолодел. Смех звучал громче и громче, к нему присоединились завывания, стоны, кудахчущий хохот старух. Туман оживился.

Мальчишка испуганно заозирался.

— Что это? А? Что за хрень?

Путь ускользал. Еще минута — и он исчезнет...

— Послушай, Натан, — как можно спокойнее заговорил Питер, — у тебя последний шанс. Иди за мной — немедленно. Шевелись, или останешься в Тумане навсегда.

Но Натан не обратил на Питера ни малейшего внимания. Он повернулся налево, затем направо, держа оружие перед собой. Широко раскрытые глаза мальчишки переполняли ужас.

— Не подходите!!! — завизжал он.

Тут и явились слуга. Отрубленные головы закружились в воздухе над головой мальчишки, за ними последовал веселый хоровод обнаженных старух, а за ним — жуткие твари всевозможных форм и размеров. Их вой и лай, рычание и визги эхом разнеслись над призрачной серой пустыней.

— Натан!!! — крикнул Питер. — Идем!!! Быстро!!!

— О, господи!!! — завизжал Натан, вновь и вновь нажимая на спуск, но боек только сухо щелкал о капсюль, раз за разом давая осечку.

Лицо мальчишки исказилось от изумления и страха. Питер мог бы сказать ему, что здесь, в Тумане, порох не воспламенится. Так было всегда. Но даже если бы выстрел и удался, это не принесло бы ровным счетом никакой пользы.

Духи захохотали в один голос, их смех загремел в Тумане, будто раскаты грома. Рой летучих голов окружил мальчишку, теребя его волосы. Тот с визгом пустился бежать, отчаянно отмахиваясь от них бесполезным оружием, и слуга погнался за жертвой в клубящийся серый туман.

Питер не стал окликать мальчишку снова. Это уже не могло бы помочь. Отыскав Путь, он двинулся вперед. Лицо его окаменело, жесткий взгляд был устремлен вниз. Глядя на свои ноги, мерно шагающие по мягкой, будто толстый слой пыли, земле, он изо всех сил старался не обращать внимания на отчаянные вопли Натана, мало-помалу затихавшие вдали.

Выйдя из Тумана, Питер упал и изо всех сил ударил кулаком в песок. Он бил и бил, пока костяшки пальцев не покрылись ссадинами, а крики оставшегося в Тумане мальчишки не утихли в голове. Набрав полные горсти песка, он обернулся и зло уставился в Туман.

— Почему?! — закричал он, швыряя песок в клубящуюся массу.

— Почему?! — кричал он, прекрасно понимая, что ночь — ночные чудовища и, что еще хуже, Пожиратели плоти — услышат его. Но сейчас на это было плевать.

— Пожиратели плоти... — злобно скалясь в Туман, прошипел Питер. — Проклятые Пожиратели плоти... Все из-за них. Ну что ж, кто-то должен напомнить им, как страшна ночь.

Вместо того чтобы направиться к болотам, к Дьявол-Дереву, Питер развернулся и пошел вдоль берега, прячась за грудками плавника и валунами, озаренными серебристым мерцанием низких туч. Вскоре он услышал, как кто-то тихонько крадется за ним.

Выхватив свой длинный нож, Питер обернулся и вызывающе крикнул:

— Ну, где ты там? Выходи!

Но никто не принял его вызов, не осмелился показаться на глаза — слишком явным было его безумие. Питер двинулся дальше и продолжал свой путь в одиночестве, пока впереди не показался бревенчатый частокол форта, освещенный изнутри неярким костром караульных.

Питер окинул взглядом лагуну, где над водой, накренившись набок, торчали полузатопленные прогнившие остовы огромных галеонов. Их силуэты чернели на серебристом фоне Тумана, будто кости морского дракона.

Зачарованный отсветами пламени, плясавшими над остриями бревен, он подошел к стене. На каждый из воротных

столбов была насажена мальчишечья голова — мертвые рты навеки распахнуты в беззвучном крике, волосы вьются на свежем ветру, темные ямы глазниц смотрят на Питера, одни насмешливо, другие с укоризной...

Питер начал считать головы. Их оказалось двадцать четыре — ровным счетом две дюжины.

— Джимми, Марк, Дэвис... Боб? Нет. Билл? Как же его?..

Питер начал сначала, сбился, начал заново, но, сколько бы ни пытался, так и не смог вспомнить всех имен. Раздражение охватывало его все сильнее и сильнее, а голос звучал все громче и громче. В конце концов он уже выкрикивал имена погибших товарищей во весь голос, зная, что Пожиратели плоти услышат, но ничуть не заботясь об этом.

Темные силуэты возникли над частоколом, устались наружу, зашарили по темноте ищущими взглядами.

— Смерть!!! — заорал Питер. — Смерть пришла!!! Резать глотки, пить кровь!!!

Запрокинув голову, он разразился протяжным волчьим воем.

Ворота распахнулись. Дюжины Пожирателей плоти, вооруженных мечами и топорами, выступили наружу, освещая путь факелами. Вперед протолкался высокий человек в широкополой шляпе. Выхватив из-за пояса шпагу, он со свистом рассек воздух длинным узким клинком и твердым шагом двинулся вперед.

Питер беззвучно отступил в темноту и скрылся в ночи.

Баргесты

— **А**й! Ай-я!!! — заорал Ник.

— Не дергайся, — посоветовала Сверчок. — Сам же только хуже сделаешь.

Ник сморщился. Ночью кому-то — и он чертовски хорошо понимал кому, слыша хихиканье пикси под потолком, — пришло в голову привязать его волосы к прутьям клетки.

— Последний остался. Вот, готово, — сказала Сверчок. — Знаешь, придется привыкать не прижиматься головой к прутьям во сне.

Ник сел, потер пострадавший скальп и бросил на Сверчка язвительный взгляд.

— Спасибо, до этого я уже и сам додумался.

— Фу, ворчун какой! — Сверчок рассмеялась, но тут же оборвала смех. — Ого! Нет, как-то ты с виду не того...

Ник сдвинул брови.

— Ну, спасибо!

— Да я не про твою догадливость. Я — о том, что выглядишь ты плоховато. Как себя чувствуешь?

— Замечательно, — резко ответил Ник. — Просто сон плохой приснился, вот и все.

Дождавшись очереди в уборную, Ник вошел внутрь и внимательно взгляделся в собственное отражение в зеркале. Сверчок была права: выглядел он отвратительно. Темные круги под глазами, затравленный взгляд, ввалившиеся щеки... Да еще ночной кошмар никак не шел из головы. В отличие от большинства кошмарных снов, этот не забылся наутро. Ник не только отчетливо помнил любую мелочь — он до сих пор чувствовал все ту же боль, все тот же ужас перед тем, что увидел и что натворил сам. Сон был настолько реальным... Ник понимал, что это глупо, но все же взглянул на собственные руки, проверяя, не чернеет ли кожа, не отрастают ли когти. Он сунул голову под струю холодной воды. От этого стало легче, однако вода не смыла ни опасений, ни мрака, угнездившегося в груди.

Выходя из уборной, Ник чуть не налетел на Секеу, распоряжавшуюся приготовлением завтрака и зажиганием факелов.

— Извини, — сказал он.

Мимоходом взглянув на него, Секеу остановилась, отступила на шаг и пригляделась к нему внимательнее. Увиденное не столько заинтересовало, сколько встревожило ее.

— Ник, как ты себя чувствуешь?

— Окей.

— Уверен? — с явным скепсисом переспросила Секеу.

— Ну да, — слегка обиженно ответил Ник. — Все замечательно, правда.

Тут подошедший сзади Красная Кость ткнул пальцем Секеу в зад.

— Эй, скво, бледнолицые собирают большой пау-вау! Секеу резко развернулась, выбросив вперед кулак.

Красная Кость был готов к этому и отскочил, но кулак достал его плечо так жестко, что даже Ник втянул голову в плечи.

— Ай, мама! — вскрикнул Красная Кость, сморщившись и схватившись за ушибленное место. — Ты чего, я же шучу!

Он встряхнул рукой, проверяя, целы ли кости.

Секеу, судя по выражению лица, готова была оторвать ему голову.

— Чего тебе? — прорычала она.

— Да ничего особенного. Просто хотел сказать, что у нас припасы на исходе — и желуди, и ягоды, и грибы. Да и почти все остальное, будь оно неладно.

Потирая плечо, Красная Кость наклонился к Нику и шепнул:

— Видал, какие мускулы накачала, снимая скальпы с белых? — фыркнув, он ткнул Ника локтем в бок, но тут же отстранился и окинул его оценивающим взглядом. — Ух ты! Чувачок, что-то ты плоховато выглядишь.

Ник нахмурился.

— Как тебе спалось? — спросила Секеу. — Дурных снов не было?

Нику вновь ярко вспомнилась чернеющая кожа и пальцы, превращающиеся в когти. Он хотел было рассказать обо всем, вот только взгляды этих двоих ему совсем не нравились: оба ели его глазами так, будто он совершил страшное преступление.

— Нет, — соврал он. — Живот немного разболелся, вот и все. Теперь уже лучше.

Секеу с Красной Костью обменялись настороженными взглядами. Похоже, они не поверили Нику ни на грош.

Красная Кость хлопнул Ника по спине.

— Ничего, это просто тело привыкает к новой пище. Пройдет!

Но Ник не упустил мрачного, многозначительного взгляда, брошенного им на Секеу, и это не на шутку пугало.

Следующая пара дней пронеслась почти незаметно: завтрак, тренировка, ужин, сон, завтрак, тренировка, ужин, сон — снова и снова, раз за разом. Ник, как мог, старался не попадаться на глаза Лерою, но этот здоровяк находил в измывательствах над новичком особое удовольствие и никогда не упускал случая устроить ему веселую жизнь. Стараясь не принимать это близко к сердцу, Ник с головой ушел в тренировки. Оказалось, что только долгие часы учебы и упражнений дают возможность забыть обо всех бедах. А еще оказалось, что он очень неплохо управляется с посохом и копьем — в этом он быстро обогнал и Сверчка, и Дэнни. Такой прогресс воодушевлял, но больше всего на свете Нику хотелось побить Лероя, и он без усталости работал с Секеу, стараясь овладеть каждым приемом и каждой хитростью. Вскоре он уговорил ее показать ему более сложные маневры, которые видел в исполнении Дьяволов. Возможно, благодаря упражнениям, или странной еде, а может, и тому и другому, мускулы на глазах наливались силой, скорость и чувство темпа улучшались день ото дня.

Хуже всего приходилось по ночам. Во сне Ника постоянно преследовали кошмары. Чернеющая кожа, ужас и ярость, вскипающая в груди, снились каждую ночь, и Ник просыпался, тяжело дыша, с нестерпимым жжением в желудке и жаждой убийства в сердце.

На четвертое утро, после завтрака, Секеу отвела Ника, Сверчка, Дэнни и Лероя к большой круглой двери в дальнем конце зала. Через минуту к ним присоединились Красная Кость с одноруким мальчишкой, Абрахамом, нагруженные ведрами и мешками из-под картошки. Оба надели сшитые вручную кожаные штаны, плотно облегающие ноги, с пришитыми прямо к штанинам остроносыми сапожками, поддерживаемые поясами, туго затянутыми под самой грудью.

Кроме этого, Красная Кость облачился в потертую черную кожаную куртку — уже не самоделку, настоящую американскую байкерскую куртку со всеми полагающимися шипами, клепками, нашивками и облупленной красной надписью *Sympathy for the Devil** на спине.

— Ну что, чувачки, — с лукавой улыбкой заговорил он, — как насчет отдохнуть?

— О, вот это здорово! — тут же оживился Дэнни.

— Вот и хорошо, — сказал Красная Кость. — Нас ждет небольшое приключение.

Тон, которым он произнес «приключение», Нику совсем не понравился.

— Идем добывать продовольствие, — объяснила Секеу.

— Заодно местными видами полюбуетесь, — добавил Абрахам, подмигнув Красной Кости.

— С нами идут Дирк и Шустрый, — сообщил Красная Кость, повернувшись к Секеу. — Сейчас подойдут. Как только Шустрый отыщет свой меч.

— Что, опять?! — изумился Абрахам. — Как меч-то можно потерять? Этот пацан и дырку от собственной задницы потерял бы, если бы только мог обронить!

Красная Кость захохотал во все горло, обнажив в улыбке все тридцать два зуба. Похоже, широкая хищная улыбка не сходила с его лица никогда. Этот оскал вместе с порошком или краской — словом, с тем, что он втирал в кожу и волосы, крася их в красный цвет — придавал ему вид настоящего дьявола. Да еще нелепая красная кость, торчавшая из его густой, связанной узлом на макушке косматой гривы, как у персонажа из мультика «Флинтстоуны»... Если бы здоровяка спросили, зачем она (чего Ник делать вовсе не собирался), наверняка оказалось бы, что эта кость как-то связана с его прозвищем. Оказавшись вблизи, Ник не мог не заметить, как много шрамов на теле этого бешеного пар-

* *Sympathy for the Devil* (англ. «Сочувствие дьяволу») — известная песня группы *The Rolling Stones*, написанная в 1968 г.

ня. В скольких же стычках ему довелось побывать, сколько раз драться на поединках? Один шрам, особенно страшный с виду, змеился прямо между сощуренных дьявольских глаз, спускаясь чуть ли не до самого подбородка.

А вот на теле Абрахама шрамов почти не было — если, конечно, не считать отсутствующей кисти. В нем привлекало взгляд другое — золотые глаза, резко контрастировавшие с темной кожей. Ник никогда в жизни не встречал такого темнокожего человека, как Абрахам — его кожа была черна, как крыло ворона. Кроме кожаных штанов на нем была засаленная шляпа-котелок, украшенная перьями и бусами, и тесноватый смокинг в тонкую полоску с обрезанными рукавами.

К ним присоединились еще двое мальчишек. Один из них скакал на одной ножке, завязывая шнурок на ходу.

— Ник, — сказала Секеу, — познакомься с Дирком и Шустрым.

Голова Дирка была обрита наголо, над ушами вились ломаные спирали ритуальных шрамов, начинавшихся от бровей. Чуть ниже Ника, коренастый, с тяжелой квадратной челюстью, он чем-то напоминал бульдога.

Откинув с лица густые пряди светлых волос, Шустрый уставился на Ника сверху вниз. Он был почти так же высок, как Красная Кость, его верхняя челюсть заметно выдавалась вперед, на голове красовалась копна длинных сальных волос. Из множества отверстий в ушах, ноздрях, бровях, сосках (и даже думать не хотелось, в чем еще) торчали тонкие осколки костей и кусочки стальной проволоки.

Склонив головы направо, затем налево, Дирк с Шустрым защелкали зубами.

— Нет, — сказала Секеу, наградив Шустрого звонким подзатыльником.

Дирк фыркнул от смеха.

— Эй, — возмутился Шустрый, ткнув в сторону Дирка большим пальцем, — а ему?

Секеу шлепнула по затылку и Дирка. Нахмурившись, тот дал подзатыльник Шустрому. Оба заработали кулаками. Абрахам с Красной Костью принялись растаскивать драчунов.

Не обращая внимания на поднятый ими гвалт, Секеу шагнула к стене, вытащила из ниши корзину грязных, облезлых звериных шкур и раздала по одной новичкам.

— Надевайте.

Ник повертел шкуру в руках, не понимая, как ее надеть.

— Просто суй голову в дыру в середине, — подсказал Абрахам. — Это для маскировки.

«От кого нам прятаться?» — подумал Ник, но спрашивать об этом не решился.

Как только он управился со шкурой, Секеу подала ему пояс. Широкий, украшенный потускневшими медными кольцами, он показался Нику жутко древним: кожа растрескалась, затейливый спиральный орнамент почти стерся за долгие годы носки.

— Право носить меч нужно заслужить, — сказала Секеу, снимая со стены четыре копья. — А до тех пор вам разрешены только копья.

Ник отметил, что у каждого Дьявола на поясе висит длинный нож, а за спиной — короткий меч в ножнах. Кроме этого, Дирк с Шустрым тоже вооружились копьями.

Секеу бросила Нику копьё. Оно оказалось чуть толще и тяжелее учебного, гладкое древко удобно легло в ладонь. Взглянув на острый зазубренный наконечник, Ник пришел в восхищение.

Дэнни с кислой миной смерил взглядом свое копьё.

— Зачем они нам?

На этот вопрос мог бы ответить и Ник: ему тут же вспомнились следы когтей на двери.

— На случай нападения, — сказала Секеу.

— Э-э... Нападения? — с запинкой пробормотал Дэнни. — Но кто на нас нападет?

— Чудовища, — предельно серьезно ответил Красная Кость.

Секеу отодвинула засов и потянула тяжелую круглую дверь на себя.

Ник с удивлением обнаружил, что ему не терпится выйти на воздух. В прошлый раз вокруг было так темно, что он ничего не разглядел, а стоя на пороге и собираясь уйти, был так напуган, что не видел ничего дальше собственной тени. Но теперь, в компании вооруженных до зубов Дьяволов, он не боялся ничего. Его охватило странное возбуждение.

Он скользнул взглядом по остальным. Все они — Красная Кость, Секеу, Абрахам и Дирк с Шустрым — выглядели опытными и очень опасными бойцами. Не хотел бы он повстречаться с таким отрядом в лесу...

Один за другим фуражиры тронулись в путь. Ник вышел за порог следом за Красной Костью. Он сделал глубокий вдох, и ноздри наполнились пряным запахом сырой земли. Потянувшись, он выглянул из-за плеча рослого Дьявола, чтоб поскорее увидеть лес.

Дверь с глухим стуком захлопнулась за ними. Лязгнув, вставая на место, тяжелый засов. Оглянувшись на глубокие следы когтей на двери, Ник громко сглотнул. Подняв взгляд, он понял, что «крепость» — по крайней мере, частично — находится внутри огромного дерева, казалось, росшего прямо в голой скале. Толстые корни и лианы вились среди валунов, точно щупальца гигантского осьминога. Подняв взгляд еще выше, Ник разглядел среди мощных ветвей нескольких дозорных.

Отряд поднялся на небольшой взгорок, и Ник в первый раз смог как следует взглянуть на Авалон. Он вряд ли мог бы сказать, что ожидал увидеть, но уж точно не ту картину, что открылась перед ним.

Все вокруг было серым — тусклым, увядшим, точно кожа давным-давно сдохшего огромного зверя. Где же густые цветущие кусты и могучие деревья, где множество лиловых обезьян и тучи человечков с крыльями бабочек из его снов? Поблизости не было ни единого волшебного существа, даже пикси. Не было, если уж на то пошло, ни следа хоть каких-нибудь живых существ — хотя бы птиц или насекомых. Повсюду, насколько хватало глаз, была лишь голая, усыпанная сажей земля, да поваленные стволы некогда могучих деревьев. Со всех сторон преграждали путь шипастые лозы, обвивавшие обломанные пни, и густые сплетения вереска.

Перевалив взгорок, они двинулись неровной извилистой тропой, перебираясь через гнилые стволы поваленных деревьев, а порой и проползая под ними. Подняв взгляд, Ник разглядел сквозь случайную прореху в низких тучах крутые утесы, вздымавшиеся вверх сразу за лесом.

Красная Кость замедлил шаг, поравнялся с Ником, и оба заняли место в хвосте колонны. Станный мальчишка не сводил глаз с Ника, все та же жутковатая улыбка сияла на его лице.

Ник улыбнулся ему в ответ, надеясь, что здоровяк уймет-ся. Красная Кость напоминал ему тех самых чокнутых, что заговаривают на улице со встречными, стоит только, на свою беду, встретиться с ними взглядом.

Плотный туман потянулся через тропу, скрывая все впереди.

Красная Кость негромко завыл, будто привидение.

— Тишина, — скомандовала Секеу, шедшая впереди.

Красная Кость тут же умолк, но безумная улыбка на его лице даже не дрогнула. Ответив Секеу вскинутой в нацистском салюте рукой, он подмигнул Нику.

По пути Ник заметил, что на верхних ветвях некоторых деревьев — тех, что побольше — еще осталось немного зелени. Любопытство пересилило, и он тихим шепотом спросил:

— Что с этим лесом? Он умирает?

— Весь Авалон умирает, чувачок, — ответил Красная Кость, явно обрадовавшись возможности поболтать. — Это называется «скверна». Я здесь не так уж долго, но еще застал... Собственными глазами видел, как прекрасный лес превращается вот в это самое. Каждый раз, как отправляемся за ягодами, приходится забираться все дальше и дальше на север.

— А сколько ты уже здесь?

— Трудно сказать. Здесь, понимаешь, время идет как-то по-другому. Помню, что ушел из мира людей в тысяча девятьсот семьдесят четвертом.

— Ого!

— Это еще что. Вон тот чувачок, Абрахам, оставил мир людей во времена Гражданской войны. До этого был рабом.

Ник недоверчиво взглянул на Абрахама.

— Не может быть.

— Еще как может. Думаешь, это много? Тогда прикинь: Секеу здесь вообще со времен первых поселенцев. Она была рабыней у индейцев из племени делаваров, и Питер увел ее прямо из-под их толстых клювов. Так вот, Абрахам рассказывал: когда он только появился здесь, в лесу было полным-полно всевозможных волшебных зверушек и даже малого народца. А сейчас поглядишь вокруг — с трудом верится.

Вдруг Ник заметил в тумане движение. Из-под ног метнулся темный юркий зверек размером с крысу.

— Мракля, — не дожидаясь вопросов, пояснил Красная Кость. — Говорят, они жили на Авалоне всегда. Мерзкие твари. Жизнь высасывают. Но теперь вокруг никакой другой живности не найти. Черт, в нынешние времена даже мракли начали исчезать. Малый народец пропал, что им остается? Только друг друга жрать.

Тут Ник увидел еще одного зверька, шмыгнувшего в дупло поваленного дерева. Этот был похож на паука

размером с кошку. «Бр-р-р», — передернулся Ник, делая зарубку в памяти: держаться подальше от дуплистых деревьев и пней.

Отряд миновал заросли мертвых кустов, тропа свернула в сторону, и впереди, внизу, открылась неглубокая долина, заросшая деревьями в редких клочьях бурой листвы. Тропа вела вниз, земля постепенно оживала — вокруг появились живые деревья и кусты. Однако настоящую зелень Ник увидел только не меньше часа спустя.

Они перешли вброд широкую, вяло текущую протоку, пересекли поле, заросшее высокой бурой травой, в которой изредка попадались пятнышки луговых цветов, и вскоре оказались в огромном густом лесу.

— Темнолесье, — пояснил Красная Кость, — старейший из авалонских лесов, самое сердце острова. Волшебной силы здесь много, но, чувачок, ты только глянь... — Красная Кость указал на чахлые ветви и серо-бурую листву. — Даже здесь проклятая скверна душит все живое.

Волшебных зверей по-прежнему не было и следа — лишь одинокий птичий крик слышался где-то вдали.

Отряд остановился, и Абрахам с Секеу принялись осматривать ряд шипастых кустов, раздвигая ветки и шаря в бурой листве.

— Есть что-нибудь? — спросил Абрахам.

Секеу показала ему две сморщенные ягоды на раскрытой ладони. Абрахам покачал головой.

— Печальная картина.

Отряд продвигался вперед, все дальше и дальше углубляясь в лес, проверяя одну группу кустов, другую, третью... Пару часов спустя они остановились в рощице невысоких деревьев. Красная Кость пригнул книзу ветку. Сорвав с нее пару ягод, Секеу бросила добычу в ведро Абрахама.

Абрахам заглянул в ведро.

— Ну вот, уже что-то. Общим счетом восемь ягод и около двадцати желудей.

— Мне на завтрак хватит, — заявил Красная Кость. — А как насчет хавчика для вас, балбесов, даже и не знаю.

Абрахам сокрушенно вздохнул.

— Еще не так давно с одного этого куста можно было наполнить доверху все наши ведра. Если так пойдет и дальше, придется жрать колючки.

— Что за фигня? — с недоумением спросил Дирк. — На прошлой неделе здесь было полно ягод.

— Хреново дело, — протянул Красная Кость. — Похоже, скверна расплзается все быстрее. С каждым разом приходится забираться в лес все дальше и дальше. А что будем делать, когда лес кончится?

— Хватит болтать, — резко сказала Секеу.

Развернувшись, она быстро двинулась дальше. Остальные Дьяволы обменялись невеселыми взглядами и последовали за ней.

На тропу выскочил небольшой олень. Промчавшись через широкий мелкий ручей, тощий облезлый зверь скрылся в кустах на другом берегу.

Красная Кость выхватил у Дэнни копье и кинулся за ним.

— Нет!!! — крикнула Секеу.

Но Красная Кость будто не слышал ее.

— Там Лес Владычицы!!!

Красная Кость замер, как вкопанный, в недоумении оглядывая ручей. На лице его отразилось смущение.

— Господи милостивый, — не веря своим глазам, прошептал Абрахам. — Так и есть. Это же Куши-крик. Ты смотри, а я его и не узнал. Листья, цветы... куда все подевалось?

— Невероятно, — сказал Дирк. — Скверна в Лесу Владычицы?

— Если ничего не добудем, с голоду сдохнем, — буркнул Красная Кость. — Я считаю, надо бежать за ним!

— Давай, — откликнулся Абрахам. — А мне неохота умирать из-за куска оленины.

Красная Кость шагнул вслед за сбежавшим оленем.

— Эльфы убьют тебя, — убежденно сказала Секеу. — Здесь у каждого дерева есть глаза и уши.

С этими словами она указала на трех маленьких, размером с синицу, фей, наблюдавших за Дьяволами с ветки высокого дерева.

Отряд двинулся вниз по течению темного ручья, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреть прибрежные кусты. Солнце ни разу не выглянуло из-за туч, но воздух сделался жарким и влажным.

— Эй, — пропыхтел Дэнни, утирая лоб. Лицо его покраснело, футболка насквозь промокла от пота. — Может, привал?

Но Секеу неумолимо шагала вперед, обшаривая взглядом кусты и траву.

— Слышь, — сказал Абрахам, — насчет привала мысль, пожалуй, неплоха. Неловко выйдет, если потеряем всю Свежую Кровь в первой же вылазке.

Секеу остановилась, смерила Дэнни жестким взглядом и оглядела ближайшие деревья.

— Отдыхайте здесь. Я схожу проверить дубовую рощу. Дирк, за мной.

Ник опустил на большой плоский камень у неглубокого ручья, проводил взглядом Секеу с Дирком, устало вздохнул, а затем, следуя примеру остальных, окунул голову в воду и принялся жадно пить. Вода оказалась удивительно сладкой на вкус.

— Поверить не могу, что скверна добралась и до Леса Владычицы, — заговорил Красная Кость. — Я даже вообразить себе такого не смог бы.

— Сдается мне, она набирает силу, — заметил Абрахам. — Может, хоть Питер что-нибудь придумает?

— А ведь Питер уже должен был вернуться, — сказал Шустрый.

— Надеюсь, его не занесло туда, откуда ему не выбраться, — добавил Абрахам.

— На свете нет такой беды, из которой этот чувак не смог бы выбраться, — уверенно сказал Красная Кость.

— А я просто надеюсь, что он принесет еще «Сникерсов», — мечтательно протянул Шустрый.

— Эх, пацаны, — вздохнул Красная Кость. — В том мире не осталось ничего такого, о чем можно скучать, но вот той еды мне точно не хватает. Помните, как Питер принес шесть коробок «Пиццы Рэя»?

— Еще бы, — заулыбался Абрахам. — Она ж мне снится почти каждую ночь.

— Пицца?! — Дэнни вытаращил глаза. — Мне бы хватило счастья на десять лет!

— Только не говори, что тебе уже надоели грибы и желе, — сказал Красная Кость, ткнув Дэнни локтем. — Вот поживешь здесь хотя бы с мое, тогда и жалуйся на еду.

— Кстати, а где Питер? — спросил Ник.

— Охотится на ребятишек, — со смехом ответил Красная Кость.

Вслед за ним рассмеялись и остальные. Ник не мог поверить собственным глазам.

— По-вашему, это смешно?

Улыбка исчезла с лица Красной Кости.

— Так же нельзя, — едва ли не шепотом пробормотал Ник.

— Чего нельзя?

Вместо ответа Ник молча покачал головой.

— Я спрашиваю: чего нельзя?

— А сам как думаешь? — огрызнулся Ник. — Этот ублюдок крадет детей — вот этого и нельзя!

Удар последовал так быстро, что Ник даже не заметил движения. Кулак Красной Кости угодил новичку в грудь, и Ник рухнул в ручей.

Абрахам мигом вскочил и встал между ними.

— Э-э, полегче. Оставь его. Он же Свежая Кровь — забыл, что ли?

Зло глянув на Ника, Красная Кость обвел взглядом остальных новичков.

— Зарубите себе на носу — чтоб я больше не слышал, как кто-то из вас поливает дерьмом этого чувака. Со мной эти номера не проканают.

Шагнув к Нику, он схватил того за ворот, вытащил из ручья, швырнул обратно на камень и присел напротив, устремив на него безумный взгляд.

— Тебе нужно кое-что понять, — заговорил Красная Кость, чуть подавшись вперед. — Я объясню. До того, как попасть сюда, жил я в глуши, в небольшом городишке, со своим стариком. И этот козлина позорный колотил меня чуть ли не каждый день. Мне надоело, и я слинял. Удрал в большой город. И уже через пару дней ночевал в картонной коробке, начал воровать и торговать собой, чтобы не сдохнуть с голода. Ты хоть представляешь, каково это? Такое приходилось делать — до сих пор говорить об этом не могу. А было мне тринадцать. Всего тринадцать, мать твою!

Однажды вечером прицепился ко мне этот ублюдок, местный сутенер, и говорит: работаешь на моей улице — плати. Платить?! А чем? Бабла и на еду не хватало — как тут еще и этому скоту заплатить? Я и не стал. Он, конечно, поймал меня и избил до усрачки. Буквально, без балды. И бросил в мусорном баке кровью харкать. Ничего уже не хотелось — только бы сдохнуть поскорее.

Через неделю я снова пошел на улицу — что еще оставалось? Только теперь никто со мной дела иметь не хотел. Знаешь, почему? Из-за этого кривого шрама у рта, да из-за ссадин и синяков по всему телу. Пришлось воровать по

мелочи, да искать объедки по мусорным бакам. И тут он снова поймал меня на своей земле. Я и не работал, ничего не делал, просто шел. Но этот козел и слушать не стал. Уволок в переулок, забил рот мусором, чтобы никто не слышал криков, и вынул ножик. Я, говорит, раз и навсегда с тобой разделаюсь. И оставил на память вот это, — Красная Кость указал на шрам, змеившийся между глаз со лба к подбородку. — И прирезал бы, но тут появился Питер. Ну, помнишь — тот самый, которого ты тут дерьмом поливал. И прежде чем этот гад понял, что случилось, Питер выпустил ему кишки! Просто мехом внутрь его вывернул! И больше этот сукин сын никому из ребят не сделает зла. Никогда.

Питер подлечил меня, как смог, и увел с собой. И я тебе прямо скажу: я люблю этого остроухого чувака. Он мне не просто жизнь спас. Он мне новую жизнь подарил. Новую семью. Без балды. Здесь все просто. Мы — клан. Мы — Дьяволы и всегда стоим друг за друга.

Абрахам с Шустрым согласно кивнули.

— А если думаешь, что мне пришлось худо, — продолжал Красная Кость, — я так скажу: ни хрена ты в жизни не видел. Попроси Абрахама, пусть расскажет, каково живет беглому рабу. Спроси, от какой жизни спас его Питер. Да любого спроси, когда вернемся в крепость, — каждый такое расскажет, что слушать без слез нельзя. Многим пришлось куда хуже, чем мне. И ни один из них не хочет обратно. Потому что все мы хлебнули горя с охреневшими родителями, приемными семьями, попами, копами, сутенерами, наркобарыгами и прочими скотами. И я так скажу: пусть они оставят тот мир себе. Пусть хоть подавятся им.

Питер дал всем нам еще один шанс. Этот чувачок рискует жизнью ради меня. И ради тебя, и ради всех наших. Каждый день. Чем скорее ты это поймешь, тем для тебя же лучше. Согласен?

Ник подумал, что никогда не согласится с этим, но все равно кивнул.

— Вот и хорошо, — сказал Красная Кость. — Ты мне понравился, жаль было бы тебя убивать.

Возможно, Красная Кость и шутил, но Ник не сомневался, что тот вовсе не шутит, что этот мальчишка вправду убьет его, стоит только Питеру слово сказать. И любой другой из них — тоже, судя по тому, что он видел в их «крепости»... Ник оглядел Абрахама, Шустрого, Лероя и даже Сверчка с Дэнни. Их взгляды говорили яснее слов. Все они были обмануты Питером, поддались на его уловки. Казалось, Питер был для них кем-то вроде мессии, пришедшего увести их в землю обетованную.

— Это место — волшебное, — заговорил Абрахам, обращаясь ко всем новичкам. — Теперь-то с первого взгляда и не скажешь — вон как все испоганено. Но когда я появился здесь, все эти леса были зелены, повсюду жизнь... Любые орехи и фрукты, какие только можно вообразить. Да что там — дикие бананы росли прямо на деревьях, сами по себе! Суший рай...

— И так будет снова, — с абсолютной уверенностью заявил Красная Кость. — Для этого мы и здесь. И вы тоже. Вместе мы прогоним Пожирателей плоти, и тогда... — глаза его заблестели. — И тогда станем владыками Авалона!

— Пожирателей плоти? А кто это? — спросила Сверчок. Красная Кость умолк и покосился на Абрахама.

— Давай, расскажи же, — настаивала Сверчок.

— Э-э... Ну... — забормотал Красная Кость. — Одно скажу: все эти беды из-за них. И хватит об этом.

Но Сверчок не унималась:

— А кто они такие?

— Цыц всем, — вмешался Абрахам. — Вон идет Секеу. Настроение у нее и без того поганое. И она сдерет скальпы со всех нас, если услышит, что мы болтаем со Свежей Кро-

вью о Пожирателях плоти. От Питера все узнаете. Скоро он сам вам все объяснит.

«Отчего об этих Пожирателях плоти нельзя говорить? — задумался Ник. — Что же от нас скрывают?» Он хотел было спросить об этом Секеу, но, увидев выражение ее лица, решил, что сейчас для этого не время.

Секеу выставила перед собой раскрытую ладонь. На ней лежали четыре серых желудка.

— Все, что нашлось в Дубовой роще? — спросил Абрахам.

Секеу кивнула.

— И что делать будем?

— Я так скажу: проскользнем за ручей, — предложил Красная Кость. — Заглянем ненадолго в Лес Владычицы.

Абрахам взглянул на него так, будто здоровяк повредился в уме.

— Нет, тебе точно жить надоело.

— Эльфы слишком бдительны, — согласилась Секеу.

— Значит, ведьмино болото, — сказал Красная Кость.

Все замолчали.

— Что скажешь? — спросил Абрахам, взглянув на Секеу.

Та покачала головой.

— А что нам еще остается?

Отряд двинулся вниз по ручью. Вскоре земля выровнялась, вода в ручье побурела, вдоль берегов потянулись заросли высокого серого тростника. Затем тростник уступил место приземистым кривым деревьям, покрытым черной, маслянисто блестящей корой. Густой мох свисал с их ветвей до самой земли. Тропа сделалась влажной, ноги вязли в топкой грязи. Тропа извивалась, огибая заросшие травой трясины и озерца стоячей воды, деревья все плотнее и плотнее смыкались вокруг.

Нику все это очень не нравилось: над болотом стояла мертвая тишь, нарушавшаяся только редким уханьем сов, в спертom воздухе пахло плесенью. Даже Красная Кость хранил гробовое молчание. Дьяволы крались вперед, держа оружие наготове, внимательно вглядываясь в деревья и мрачные омуты. Ник чувствовал себя как в «Доме с привидениями» на заштатной ярмарке: казалось, в любую секунду прямо из-под ног выскочит какая-нибудь жуть. Он очень устал, ноги болели, и страх сильно действовал на нервы. На сегодня он был сыт приключениями по горло, и с удивлением обнаружил, что хочет только одного — вернуться обратно в «крепость».

Сзади раздался крик. Овернувшись, Ник увидел, как Дэнни спотыкается на невысокой кочке и соскальзывает в вязкую черную трясину.

— Помогите!!! — завопил Дэнни, отчаянно цепляясь за скользкий берег.

Трясина вокруг него забурлила, пошла пузырями. Он мигom провалился по пояс, и болото потащило его вниз.

Красная Кость прыгнул к нему, вцепился одной рукой в корень, а другой ухватил Дэнни за запястье. В следующую секунду подоспели и Дирк с Шустрым. Втроем им удалось вытащить Дэнни.

— Эй, Дэнни, — сказал Красная Кость. — Еще раз думаешь топиться — не шуми так, окей?

Казалось, Дэнни вот-вот расплатится. Он потерял оба башмака и с ног до головы вымазался в вязкой маслянистой грязи. Трясина позади него забурлила, и он поспешно отодвинулся подальше от края.

— Может, отвести их домой? — предложил Абрахам, взглянув на Секеу.

— Глядите, — вместо ответа сказала та, указывая на семейку пятнистых грибов под густыми колючими кустами.

— А вот еще, — добавил Шустрый. — Надо разойтись. Может, и наберем достаточно.

Секеу согласно кивнула.

— Вы четверо, — она указала на Ника и остальных новичков, — ищите здесь. Абрахам, остаешься с ними. Остальные — расходимся, но из виду друг друга не терять. Надо спешить. Замешкаемся — она нас найдет.

— Ай!

Уколовшись, наверное, в сотый раз, Ник сунул палец в рот. Грибы росли только под колючими кустами — наверное, только до этих грибов и не смог добраться попавшийся по дороге олень.

— И я все руки исколола, — сказала Сверчок, поднимая руку.

Она собирала грибы под кустами ниже по склону, но Ник без труда разглядел царапины на тыльной стороне ее ладони. А вот Дэнни, похоже, в первый раз за день радовался жизни. Двигаясь на четвереньках, он сшибал грибы копьём.

— Как будто пасхальные яйца ищешь, — сказал он. — Правда, похоже?

— Заткнись и собирай, — велел Лерой.

Абрахам, подойдя к Лерою, ссыпал пригоршню грибов в его мешок.

— Поспешать надо, — сказал он, тревожно взглянув на вершину холма. — Туман идет.

Ник тоже взглянул вверх — и едва сумел различить силуэты Секеу и Красной Кости, шаривших в траве у самого гребня.

Неподалеку раздался всплеск, и Абрахам встревожился еще сильнее. Туман и вправду сгущался на глазах; вначале Ник думал, что ему это просто кажется, но вскоре мутная

пелена накрыла поляну и так сгустилась, что и Дэнни стало почти не видно.

— Нет, сэр, это совсем никуда не годится, — сказал Абрахам. — Уходить надо. Я — за Секеу. Вы — отсюда ни на шаг.

Он побежал вверх по склону. Туман продолжал сгущаться.

— Кто велел кончать работу? — сказал Лерой.

— Ты их видишь? — спросила Сверчок.

— Больше нет, — отозвался Ник.

— Есть! — воскликнул Дэнни, подняв в воздух огромный желтый гриб. — Вы только гляньте, какой здоровый!

— Блин, ничего не разглядеть, — пожаловалась Сверчок.

— Я сказал: за работу! — зарычал Лерой.

Сквозь небольшой просвет в тумане Ник сумел разглядеть Абрахама, приближавшегося к вершине холма, и тут же у него волосы поднялись дыбом. Следом за Абрахамом, едва не наступая ему на пятки, неслись четыре, а может, и пять сгорбленных фигур, и, кем бы они ни были, это были не люди.

Ник раскрыл было рот, чтобы закричать, но в этот миг сзади раздался жуткий вопль.

Это был Дэнни. Он барахтался на земле, а сверху на него наседали... чудовище! Размером не больше кошки, оно напоминало Нику гиену, только с длинными руками и острыми когтями, уже успевшими впиться в плечо Дэнни. Взмахнув длинным хвостом с влажно блестящим красным жалом на конце, оно принялось раз за разом жалить Дэнни в лицо и шею.

— Блин!!! — заорал Ник, выронив мешок и рассыпав собранные грибы.

Те покатились вниз по склону. Лицо Дэнни покраснело. Широко раскрыв рот, он мучительно закашлялся, стараясь сделать вдох, откинулся на спину, изогнулся в судороге и замер, устремив остекленевший взгляд в небо.

Еще одна «гиена» прыгнула с дерева прямо на Сверчка, выбив копые из ее рук. Эта была намного крупнее, величиной почти с немецкую овчарку. Жесткая черная грива торчала над ее головой. У этой твари тоже имелся гибкий и сильный хвост, но жала на нем, насколько Ник мог судить, не было.

Сверчок завизжала, отчаянно взмахнула ведром, заставив «гиену» отступить, и попыталась обойти ее, но зверь, шипя и щелкая зубами, зажал девочку в тупике, между двумя колючими кустами.

Лерой, стоявший в каких-то пяти шагах, замер, вытаращив глаза, раскрыв рот и изо всех сил стиснув древко копья побелевшими пальцами.

— Помоги ей!!! — крикнул Ник, но Лерой не сдвинулся с места.

Сверчок снова взмахнула ведром. На этот раз удар достиг цели. Чудовищный зверь заплясал на месте, задержался взад-вперед, выжидая удобного случая для прыжка. Тем временем Ник заметил, что первая «гиена», покрытая рыжей шерстью, заходит к Сверчку сзади. Если никто не вмешается, Сверчка ждет та же смерть, что и Дэнни...

Лерой попятился назад, споткнулся и упал.

Ник бросился вперед сквозь кусты, не чувствуя впивающихся в кожу шипов, забыв обо всем, кроме Сверчка и окруживших ее чудовищ. Подхватив копые, он понесся в атаку, одним прыжком миновав Лероя, с поразительной быстротой удиравшего вверх по склону на всех четырех.

Рыжая тварь прыгнула на спину Сверчка и несколько раз ужалила ее в шею. Жалобно вскрикнув, Сверчок осела на землю.

— Нет!!! — закричал Ник.

Изо всех сил вонзив копые в ребра рыжей «гиены», он сбросил зверя со Сверчка и пригвоздил к земле. Рыжая тварь завизжала, забилась в судорогах. Из раны брызнула черная кровь.

Черная «гиена» взвыла так, что Ник едва не выронил копье. Полный ярости и муки, этот вой звучал почти по-человечески.

Выдернув копье, Ник направил острие на черного зверя.

Глядя ему прямо в глаза, черная «гиена» оскалила клыки и принялась рыть землю перед собой. Во все стороны полетели листья и комья земли.

«Это значит, она разорвет меня в клочья», — подумал Ник. Больше всего на свете ему хотелось бежать, бежать прочь со всех ног, но он понимал: стоит хоть на секунду повернуться к зверю спиной — и ему конец. Сердце бешено билось в груди. «Нет, это выше моих сил. Я не смогу». Но в голове тут же зазвучал голос Секеу, приказывавший сохранять равновесие и сосредоточиться. Ник принял стойку и стиснул копье дрожащими пальцами. «Один удар, — подумал он. — Второго шанса не будет».

«Гиена» пронзительно завизжала, завывала и устремилась к нему безумными рванными зигзагами.

«Сосредоточиться», — подумал Ник.

Дыхание участилось. Только бы не дрогнуть... Только бы не промахнуться...

Зверь прыгнул, и Ник ударил навстречу, вложив в удар весь свой вес, как показывала Секеу. Острие копья глубоко вошло в горло зверя.

Тварь врезалась в Ника, сбив его с ног и обдав брызгами черной крови. Спихнув с себя бьющееся в конвульсиях тело, Ник попытался подняться, но вдруг кто-то прыгнул на него сзади. Рыжая «гиена» вонзила когти в его плечо и хлестнула хвостом, целя жалом в лицо. Ник чудом успел вскинуть руку, и жало скользнуло по предплечью, расцарапав кожу.

Руку пронзила жгучая боль. Вскрикнув, Ник извернулся, стряхнул с себя рыжую тварь и отбросил ее ногой. Тварь забилась, царапая землю когтями, но подняться больше не смогла.

Ник прижал раненую руку к груди. Руку жгло огнем, боль достигла плеча. Щеки покраснелись, горло сдавило удушьем. Копье выпало из ослабевших пальцев, и Ник упал навзничь, хватая ртом воздух, но горло сдавило еще сильнее. Взгляд Ника упал на Сверчка. Та лежала, не двигаясь, ее лицо побледнело, безжизненные глаза смотрели в никуда.

Рыжая «гиена», корчась, завалилась набок. Лерой с застывшим в гримасе страха и отвращения лицом подбежал к ней и ударил ее копьем — раз, другой, третий.

— Вот тварь! Вот тварь! Вот тварь! — раз за разом повторял он, не в силах остановиться.

— Они здесь!!! — закричала выбежавшая из тумана Секеу.

Окинув взглядом поле боя, она бросилась к Сверчку, присела рядом, склонилась над ней и припала ухом к груди девочки.

За ней из тумана появились Абрахам, Дирк, Шустрый и Красная Кость. Красная Кость был с ног до головы залит черной кровью, от плеча через грудь тянулась наискосок глубокая рана. Он часто, тяжело дышал сквозь стиснутые зубы, сжимая в одной руке меч, а в другой нож. С клинков капала черная кровь.

Красная Кость окинул убитых тварей бешеным взглядом.

— Я убил их, — быстро сказал Лерой. — Обоих. Пытался спасти наших, — он указал взглядом на Сверчка с Дэни, — но все вышло так быстро... Сделал, что мог.

Мрачно поджав губы, Красная Кость взглянул ему в глаза, убрал нож, хлопнул Лероя по плечу окровавленной ладонью и от души встряхнул его.

— Знаешь, кто это? Это баргесты, чувак. Отменно, Лерой!

Слабо улынувшись в ответ, Лерой метнул взгляд на Ника.

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

«Что?!» — подумал Ник и попытался было крикнуть: «Нет!» Но горло перехватило, и он согнулся в приступе мучительного кашля.

Из тумана раздался вой. Казалось, он звучит отовсюду, из самой земли. Туман потемнел, как грозовая туча.

— Ведьма, — сказала Секеу.

Владычица

Бад леди Модрон

Не в силах отвести взгляд, Питер смотрел и смотрел на их останки. В свете раннего утра на земле отчетливо были видны пятна крови. Их было четверо — полкотов, дальних родичей кентавров, только гораздо меньше, ростом едва Питеру по колено. Эти создания с головой и торсом обезьянки на теле кошки всегда напоминали ему малый народец: ловкие пальцы, трескучая речь, живые, выразительные мордочки...

Он видел место, где Пожиратели плоти выкурили их из кустов. Там на земле сохранились следы борьбы и другие следы, уводившие туда, куда их оттащили, чтобы снять шкуры и разделать на мясо. Кости с отчетливыми — и не захочешь, а заметишь — отметинами зубов были втоптаны в грязь.

Их головы и руки валялись в канаве, отброшенные в сторону, будто мусор. Казалось, их остекленевшие, студенистые глаза смотрят прямо на него, на мертвых лицах отражался весь ужас постигшей их смерти. Питер не раз слышал крики тех, кто попал в лапы Пожирателей плоти. Будь ты хоть эльф, хоть кентавр, хоть гном, хоть тролль, хоть Дивный,

хоть сам Сатана — Пожиратели плоти не знали жалости. С жертв заживо сдирали кожу, разделявали их и съедали.

«Лучше уж умереть от собственной руки, — подумал Питер, — чем попасть в их лапы».

Лицо Питера оставалось бесстрастным, только челюсти сжались сильнее. Развернувшись, он двинулся дальше, на север. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась земля, истерзанная, измученная Пожирателями плоти. Он обогнул остатки давным-давно мертвой деревни. Обгорелые развалины хижин торчали из мертвой выжженной земли, точно обломки множества зубов. Под одной из стен были свалены кучей расколотые черепа; казалось, пустые глазницы провожают Питера взглядами. «С этим пора покончить, — подумал он. — Так или иначе, мы должны положить этому конец».

Питер поднял взгляд кверху. Где-то там, в небе, за низкими облаками, сияло солнце. День обещал быть теплым, влажность ощутимо росла. Питер взглянул на серую землю, усеянную обгорелыми остатками давно поваленных деревьев. Суждено ли солнечному лучу когда-нибудь вновь коснуться этой истерзанной земли?

Поднявшись на вершину большого пологого холма, Питер обнаружил, что смотрит прямо в глаза бога, и понял, где он.

— Храм Аваллаха, — сказал он, тяжело опустившись на камень.

За развалинами храма, внизу, виднелись болота. Дьявол-Дерево было уже недалеко, сразу за болотом, но Питер вовсе не собирался идти через владения ведьмы — особенно днем. «Ни за что, — злорадно ухмыльнувшись, подумал он, — пока мои глаза еще целы».

Он оглядел гранитную голову бога — огромную, с добрый бочонок величиной. Сбитая с плеч, она лежала на боку, как будто прислушиваясь к земле. Гранит был исцарапан, изрублен, выщерблен, но взгляд бога до сих пор сохранял прежнюю силу.

Обезглавленная статуя осталась стоять, навеки сложив руки на груди. От ее подножья спиралью тянулись щербатые пни — все, что осталось от необъятного яблоневого сада. Закрыв глаза, Питер увидел эти деревья, как наяву — сотни яблонь в белых цветах, трепещущих в ласковом солнечном свете того далекого-далекого дня...

Питер сидел рядом со старым эльфом на большом валуне. Приставив ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от яркого полуденного солнца, он смотрел вверх, на высокую статую. Глаза статуи, скрытые в глубокой тени массивного морщинистого лба, пристально наблюдали за садом.

В каждом изгибе, в каждой складке одежд статуи скопилось множество белых лепестков, лениво порхавших над садом, искрившихся в лучах солнца. Жужжание пчел, щебет птиц, трескущий говор духов и фей сливались в ровный немолкающий гул.

Питер смотрел на Владычицу, не упуская ни одного ее движения — до всего остального ему не было никакого дела. Она стояла перед статуей, опустив изящную руку на ее ступню и глядя вверх, в суровые глаза изваяния.

— Это Аваллах, — сказал старый эльф, — бог врачевания, повелитель Авалона. Срок его земной жизни истек, и он оставил нас. Теперь он правит Потусторонним миром, а присматривать за Авалоном поручил своим детям.

— А-а, — рассеянно откликнулся Питер.

— И одна из них — леди Модрон.

— Владычица?

— Да.

— А ее мать? Она тоже оставила ее?

— Мать? Не думаю, что у Владычицы была мать. По крайней мере, в нашем понимании. Аваллах создал своих детей из природных стихий, оказавшихся под рукой. Дух Владычицы берет начало в ручьях, озерах и реках, и вода

во веки останется источником ее жизненной силы. Ее брат, Рогатый, был создан из жертвенной плоти и крови, а сестра, Джинни, болотная ведьма, выросла из земли, как дерево.

Питер восторженно вскрикнул.

— Болотная ведьма — ее сестра? Как это может быть? Ведь ведьма такая злобная...

Эльф рассмеялся.

— Они — боги, — ответил он, как будто это объясняло все.

Но Питер смотрел на него в полном недоумении.

— Они — сама природа, а природы всегда следует остерегаться. Каждый играет свою роль, поддерживая Авалон в равновесии. Каждый из них, не дрогнув, убьет любого, кто угрожает нарушить равновесие. Их гнева следует страшиться даже детям Дивных. Рогатый уничтожит любого, кто явится на Авалон незванным. Ведьма... что ж, ты сам прекрасно знаешь, что делает ведьма с чужаками. А Туман Владычицы защищает всех нас. Ходить сквозь Туман могут немногие, даже среди ши.

Питер смотрел на Владычицу. Та прижалась к камню щекой и закрыла глаза.

— Я очень люблю Владычицу.

— Да, — вздохнул эльф. — Ее трудно не любить. Она — будто сама природа. Но, — эльф понизил голос, — с богами и богинями нужно держаться настороже, иначе можно слишком глубоко увязнуть в их страстях и интригах.

Эльф помолчал.

— А знаешь ли ты, что некогда Дивным принадлежал весь мир?

Питер покачал головой, почти не слушая его.

— Да, так и было — до появления людей, — голос эльфа зазвучал жестче. — Люди нарушили равновесие, и для детей Аваллаха настали времена суровых испытаний. Теперь нам остался только этот остров. Новые боги вытесняют старых. Боюсь, вскоре нигде на земле не останется места

для ее первых детей. Поэтому Владычица и приходит сюда просить отцовского совета. Слышит он ее или нет — не знает никто из нас. Судя по ее лицу — пожалуй, нет. Но все это — дела богов. А мое дело — оберегать Владычицу от опасностей.

— От опасностей? — Питер вскинул взгляд на эльфа. — От каких? От ведьмы?

— Нет, вряд ли ведьма захочет — и даже сможет — причинить ей вред. Возможно, между ними нет любви, однако они нужны друг другу, как земле нужна вода, а воде — земля. Речь об иных угрозах.

Питеру стало тревожно.

— Дух Владычицы бессмертен, но тело — нет. И некоторые — даже среди Дивных — с радостью пожрут ее плоть. Если ее смертное тело погибнет, то дух ее утратит связь с землей, с Авалоном. И что тогда ждет всех нас? Но этого не случится, пока в ее страже я, — с явной гордостью сказал эльф. — Мой долг следить за тем, чтобы она могла не бояться ни диких зверей, ни ведьм, ни рыжих веснушчатых мальчишек.

Эльф улыбнулся.

Питер вскочил на ноги.

— А я могу стать стражем Владычицы? — он звучно ударил себя в грудь. — Я буду самым лучшим стражем! Я не боюсь ни ведьмы, ни волков, ни медведей — никого!

Страж рассмеялся и погладил Питера по голове.

— Возможно. Со временем.

— Вот мы и здесь, птица Питер, — сказала леди Модрон. — В моем саду.

Путь от статуи до сада был долог. Они шли через леса и болотца, через ручьи и протоки, но Питер даже не замечал этого: ведь он шел рядом с Владычицей и слушал ее рассказы о землях и существах, попадавших им на пути.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая золотом небо и лес. В саду росли высокие деревья, прямые и стройные, с бледно-голубой корой и такими же листьями.

Они пошли вперед по дорожке, вымощенной плитами молочно-белого камня, тянувшейся между двумя длинными, узкими и неглубокими бассейнами. Над их чистыми водами ровными рядами, через равные промежутки, стояли высокие каменные столбы. Дорожка вела к величественной арке ворот, вырезанных в огромном белоснежном утесе. Широкие золотые жилы в белом камне сверкали в лучах заката, и ослепительные солнечные зайчики плясали по глади окаймлявших дорожку бассейнов. О вершину арки разбивался надвое, наполняя оба бассейна водой, струившийся с утеса водопад.

По ту сторону бассейнов тянулись цветущие лужайки, наполнявшие воздух сладким ароматом нектара и вечерней росы. На каждой тростинке, кувшинке и стебельке сидели феи и духи. Некоторые оседлали спины усталых, недовольно надувшихся жаб. Все они провожали Владычицу взглядами, их песни звенели в вечерних сумерках.

Владычица со свитой подошла к арке ворот, и двое юных эльфов распахнули перед ней высокие створки. Склонившись перед Владычицей, мальчишки с любопытством взглянули Питеру вслед.

Они вошли в короткий коридор со стенами из гладкого, слегка зеленоватого переливчатого камня. Вдоль стен возвышались колонны в виде деревьев, как будто росших прямо в полу. Каменные ветви сплетались под потолком, образуя затейливый полог. Откуда-то доносилась музыка, перемежавшаяся шумным хохотом, визгом и хрюканьем. Окинув взглядом коридор, Питер увидел впереди рослого опрятного мальчишку с высоким лбом и темными мрачными глазами, двинувшегося им навстречу.

— Похоже, кое-кто недоволен, моя госпожа, — прошептал Дразль.

— А когда с ним было иначе? — вздохнула Владычица в ответ.

Мальчишка оказался гораздо выше Питера, всего на полголовы ниже Владычицы. Питер решил, что тот старше него по меньшей мере лет на пять. Его темные волосы, остриженные «под горшок», едва достигали ушей и были густо смазаны маслом так, что каждый волосок знал свое место. Одет он был в расшитый золотом стеганный камзол с длинными, пышными рукавами-буфами из тонкой ткани, черные чулки и золотые башмаки с острыми носками. На одежде не было видно ни пятнышка, ни даже пылинки.

Бросив на Питера равнодушный взгляд, рослый мальчишка обратился к Владычице:

— Модрон, тебе следовало...

— Не сегодня, Ульфгер, — оборвала его Владычица. — Избавь меня от своих нравоучений.

— Тебе следовало быть здесь несколько часов назад, — серьезно, строго продолжал он. — Или ты забыла о своем долге?

— Нет, Ульфгер, — с заметным раздражением сказала Владычица, — я не забыла о своем долге. И не желаю, чтобы меня опять втягивали во все это. Особенно сегодня.

— Судьба Авалона висит на волоске, а совет только и занят, что выпивкой, сплетнями да всякими непристойностями! — во взгляде мальчишки мелькнуло осуждение. — Им нужно руководство.

— Ульфгер, не твое дело указывать мне, что...

— Нет, это мое дело, Модрон, — перебил ее мальчишка, даже не трудясь скрыть неприязнь в голосе. — Все это легкомыслие и фиглярство... из-за них Авалон и гибнет.

— Ох, Ульфгер, зачем тебе все это? Ты же еще мальчишка. Тебе бы играть вволю, веселиться, проказничать... Ты же...

— Нет! Нет, Модрон, вот в этом-то вся и проблема! Авалону нужен порядок и дисциплина! — он крепко сжал ку-

лак. — Чтобы одолеть натиск рода людского, нужна железная рука! Без этого мы обречены на исчезновение.

Во взгляде Владычицы отразилась печаль.

— Это слова твоей матери. Даже на пороге смерти она не может не совать всюду свой длинный нос. Посмотри, во что она превратила тебя. В самом беззаботном возрасте ты уже гнешься под тяжестью ее уязвленного самолюбия и интриг.

Ульфгер покраснел.

— Нет! Это неправда!

Владычица скорбно покачала головой.

— Это моя вина. Мне следовало возразить, настоять на том, чтобы ты жил с отцом, в лесу. Боюсь, теперь Рогатый даже не узнает собственного сына.

Ульфгер опустил взгляд и отвернулся, но Питер успел заметить боль и обиду на его лице.

Владычица отстранила с дороги рослого мальчишку, взяла Питера за руку, и оба двинулись дальше.

Миновав еще одну арку, они вошли в огромный зал под полукруглым куполом. В середине зала, прямо в каменном полу, был вырезан небольшой круглый бассейн. Бассейн ярко светился — фосфоресцировала сама вода, наполняя зал мягким зеленоватым светом. Каменный купол украшала резьба — полумесяц, звезды, крылатые рыбы. Казалось, резные украшения плавают по потолку в колеблющихся зеленоватых отблесках.

Бассейн был окружен кольцом из дюжины изогнутых столов. Рябые, исцарапанные столешницы были уставлены блюдами и мисками с лесной дичью, хлебом, тушеной морковью, картошкой и свеклой. В зале остро пахло пряностями. Питер шумно потянул носом, и в животе у него заурчало.

— По-моему, кто-то проголодался, — сказала Владычица.

Широко улыбнувшись ей, Питер закивал.

Один из пирующих отставил кубок, отодвинулся вместе с креслом и закинул на край стола раздвоенное копыто. Из одежды на нем имелся только толстый кожаный ошейник с большими медными бубенчиками. От головы до пояса он выглядел совсем как человек — даже, скорее, мальчишка, но ниже пояса были видны мохнатые козлиные ноги. Кожа его была красна, как кровь, а волосы черны. Длинная и острая козлиная борода завивалась вперед и вверх, над крутым лбом торчали небольшие рожки, увенчанные маленькими золотыми колокольчиками.

— Ты опоздала, — буркнул он.

— И тебе доброго вечера, Хийси, — ответила Владычица, улыбнувшись уголком рта. — Рада видеть, что вы все меня ждете.

Кабан с длинными кривыми бивнями, одетый в роскошную рубашку из рытого бархата с пышным кружевным воротом, поднял вверх гусиную ножку.

— Как одна свинья ждет другую, — сказал он с набитым ртом и фыркнул от смеха.

Гостей собралось не меньше сорока. В большинстве своем они были эльфами; тонкие, изящные фигуры возлежали в высоких черных креслах, и каждое их движение, каждый жест отличались невероятной грацией. Кроме них за столом сидело много других странных созданий, каких Питер никогда в жизни не видел и даже не мог бы себе вообразить. На высоких табуретах, передавая друг другу большой кувшин вина, примостилось четверо пухлых коротышек в иноземных шляпах с перьями, ростом не выше курицы, но в толщину — не меньше, чем в высоту, с огромными красными носами и крохотными черными глазками, как будто глубоко вдавленными в румяные лица. Стайка крылатых фей устроилась, скрестив ноги, прямо на столе, вокруг чаши с фруктами. Эти были не такими, каких Питер видел в лесу: они были одеты в камзолчики и бриджи или невесомые платьи-

ца, и, вдобавок, хорошо воспитаны, так как ели с крохотных тарелок и пили из крохотных кубков.

Были здесь и другие необычайные существа, некоторые — скорее звери, чем люди. Взгляд Питера упал на двух эльфийских женщин, у одной кожа была черной, как уголь, а у другой — пунцовой, как роза. Они обменивались страстными поцелуями, обнявшись, запустив руки друг дружке под платье, не замечая ничего вокруг. Ребенок — даже, скорее, младенец с красным рогом, торчавшим посреди лба, всюду попыхивал трубкой. Взгляд его затуманился, будто он с головой погрузился в мечты. По меньшей мере трое Дивных улеглись спать прямо на полу. Один из них храпел так, что его храп был слышен даже сквозь общий шум.

Слуги с кислыми минами сновали туда-сюда, разнося подносы, наполняя кубки вином и громко жалуясь друг другу на тяжелую жизнь. В углу четверо коренастых гномов с пышными бородами по колено играли на флейтах и пощипывали струны, выводя причудливую мелодию.

Несколько слуг поспешно накрыли стол перед элегантным высоким креслом. Это кресло, гораздо выше всех прочих в зале, было сплетено из тонких белых корней и веток. Казалось, оно растет прямо из пола: ветви тянулись ввысь, сплетались, образуя симметричную арку, едва не достигающую потолка, а под потолком раскрывались, точно зонтик, украшенный ниспадающей вниз густой листвой. В листве резвились, сверкая облачками разноцветных искр, крохотные воздушные духи.

Владычица наклонилась к Питеру:

— Подожди здесь с Дразлем.

С этими словами она двинулась к креслу. Оркестр тут же умолк, большая часть гостей встала. Опустившись в кресло, Владычица улыбнулась и кивнула им. Гости тут же расселись по местам и вновь занялись едой и беседами, как будто ничего не произошло.

Краснокожий Хийси, сидевший по левую руку от Владычицы, склонился к ней:

— Моя госпожа, Таннгност просит слова.

Владычица вздохнула.

— Могу я хотя бы сначала поесть?

— Он только что вернулся из земель рода людского. Боюсь, если и дальше он будет вынужден молчать, то не выдержит и попросту лопнет.

— О, нет. Я вовсе не хочу, чтоб наш любимый Таннгност лопнул — по крайней мере здесь, в моих покоях. Пожалуй, нам остается одно — дать ему слово. Пусть говорит.

Хийси встал и громко постучал вилкой о кубок. Большинство гостей не обратили на это никакого внимания.

— Советники, — заговорил он. — Сегодня наш старый добрый друг соблаговолил почтить нас всей остротой своего занудства. По случаю столь безынтересного события я сложил стихи. Вы позволите?

За столом с явным неодобрением замотали головами, но Владычица улыбнулась.

— Отчего же, дорогой Хийси, сделай одолжение! Мы слушаем.

Хийси улыбнулся, повел бровью и прочистил горло.

— Славу пою троллю — особому, непростому. Он тебе дороже всего, когда нет рядом его, но просто невыносим, если ты рядом с ним. Шармом он обделен, да, но это никому не приносит вреда. Так вот, злого рока глашатай — снова в этих палатах, — он отвесил легкий поклон через стол, в сторону рослого гостя, закутанного в рваный серый балахон. — Вернулся из дерзкого похода по землям людского рода наш сегодняшний гость — не кто-нибудь, сам Таннгност!

Тролль, похоже, ничуть не оценивший поэтическую рекомендацию, встал под всплеск жидких аплодисментов. С виду он был скорее зверем, чем человеком: ростом намного выше эльфов и даже любых людей, которых Питеру до-

водилось видеть, сторбленный, очень старый, но вовсе не немощный — наоборот, сильный и крепкий, как бык. Его ноги были ногами огромного лося, а торс напоминал человеческий. Густая, песочного цвета грива ниспадала на плечи толстыми прядями, обрамляя продолговатую козлиную морду. Умные золотые глаза блестели из-под густых нависших бровей. Широкие плоские рога загибались в стороны сверху вниз, из пасти торчали мощные бивни.

В любых других обстоятельствах Питер испугался бы такого внушительного зверя, но в этом создании чувствовались доброжелательность, милосердие, даже утонченность.

Поклонившись Владычице, тролль прокашлялся.

— Я к вашим услугам, — заговорил он сильным, звучным баритоном. — Воистину, великая честь — предстать перед прекрасной леди Модрон, дочерью Аваллаха, Великой Владычицей Озер, богиней...

— Да, да, и хватит этих глупостей, — отмахнулась Владычица, словно отгоняя муху. — Лестью меня не проймешь. Тебе что-то нужно, мой дорогой Таннгност, иначе бы тебя здесь не было. Что-то еще, кроме угощения, коему, я вижу, ты уже успел отдать должное.

Тролль виновато взглянул на пять грязных блюд, стопкой составленных перед ним.

— Какие дурные вести принес ты на этот раз? — спросила Владычица. — Говори, не томи. Покончим с этим поскорей.

Таннгност склонил голову:

— Владычица, не рубите голову вестнику.

— В самом деле, весьма мудрое древнее изречение, — вмешался Хийси. — Если, конечно, этот вестник заодно не сует всюду свой нос и не мешает в дела других.

За столами дружно захихикали.

Таннгност устремил на Владычицу долгий страдальческий взгляд.

— Модрон, осмелюсь спросить: как прошел твой сегодняшний визит к отцу?

За столом стало тихо. Все взгляды устремились к Владычице.

Лицо Владычицы затуманилось.

Таннигност скорбно вздохнул.

— Понимаю.

Над столом пронесся тревожный ропот, несколько гостей заговорили разом.

— Отчего Аваллах бросил нас? — заплетающимся языком выкрикнул кабан. — И почему как раз сейчас, когда мы так нуждаемся в нем?

— Почему он не слышит нас? — спросил какой-то эльф.

— Он мертв! — закричал низенький серый человек с ослиными ушами.

— Осел, ничего подобного, Аваллах не может умереть. Он просто ушел.

— Без его помощи мы пропадем! — прорыдал кто-то из-под стола.

— Мы прогневали его, — добавил сварливый зеленый человек с листьями вместо волос.

— Нужно его умиловить.

— Кровавая жертва! — выкрикнула розовощекая дама.

Четверо толстячков подняли кружки и радостно закричали:

— Кровь! Кровь! Кровь!

— Аваллаха нет! — властно заговорила Владычица.

Голос ее звучал негромко, но отчего-то легко перекрыл поднятый шум. Она поднялась на ноги, синие глаза засверкали, а ее тень разрослась так, что в зале потемнело. Она выглядела одновременно прекрасно и устрашающе, и Питер на миг испугался ее. В зале наступила мертвая тишина.

— И с этим всем нам пора примириться.

Она обвела взглядом гостей, будто вопрошая, кто осмелится бросить ей вызов.

— Да, все мы — его дети. Но хотим ли мы оставаться детьми вечно? Настало время самим проявить мужество перед лицом выпавших нам испытаний.

Наступило долгое молчание. Казалось, минуты тянутся, как часы.

— Да, да, — заговорил кабан, опираясь о стол, чтобы не упасть, — очень, очень смело, моя повелительница, но что мы можем? Нет, правда? Что нам со всем этим делать?

— Для начала — перестать ныть и молить Аваллаха о спасении, — ответил мальчишеский голос.

Все взгляды обратились к Ульфгеру, стоявшему в дверях. Пройдя вперед, он остановился рядом с Владычицей.

— Пора покончить с развратом и кутежами. Подумать о чем-то еще, кроме вина, похоти и песен. Пора Авалону установить порядок и дисциплину — или погибнуть.

Но кабан лишь пренебрежительно отмахнулся от него.

— Со всем моим почтением, лорд Ульфгер... — он коротко, звучно рыгнул, — я не нуждаюсь в поучениях мальчишки.

— Возможно, его стоит выслушать, — негромко возразил тролль.

— Да это же не его слова, — заплетающимся языком ответил кабан, вновь наполняя свой кубок. — Всем известно: он просто бездумно повторяет речи своей мум... мем... мам-маши.

Ульфгер застыл. Владычица опустила руку ему на плечо.

— А где твой отец, лорд Ульфгер? — буркнул кабан. — Где он, могучий Рогатый? Отчего он не пришел говорить с нами?

— Это не в его обычае, — сказал Таннгност, — и ты это прекрасно знаешь.

— Я знаю одно: его здесь нет, — заявил кабан. — Что же должно случиться, чтобы он высунул нос из своей мрачной лесной берлоги?

Эти слова были встречены одобрительными кивками и общим оживлением, и в зале вновь загудела шумная перебранка.

Поникнув головой, Владычица опустилась в кресло. Взгляд ее устремился вдаль. Она с тоской взглянула на Питера, и ему тут же захотелось подбежать к ней и сделать все, что в его силах, только бы развеселить ее. Встретившись с ним взглядом, Владычица улыбнулась и вновь поднялась.

— Сегодня мне был ниспослан дар, — объявила она.

В зале стало тихо; гости, один за другим, повернулись к ней.

— Возможно, он был послан Аваллахом, а может, вырос в капусте. В любом случае он просто чудесен.

С этими словами Владычица указала на Питера. Все повернулись к нему. Питер покраснел и шмыгнул за спину Драэля.

— Этот мальчик попался в лапы самой Зеленозубой, — продолжала Владычица. — И что же? Может, он ждал, что Аваллах явится ему на помощь? Нет, только не он! Это мужественное дитя собственной рукой выжгло ведьме глаз и сбежало из самого ее логова!

Собравшиеся ахнули в один голос. Некоторые встали, чтобы получше разглядеть Питера.

— Лорд Ульфгер прав. Мы больше не можем позволить себе ждать помощи Аваллаха. Подобно этому мальчику, мы должны спастись сами. Должны вспомнить обо всех чудесных дарах, ниспосланных нам Аваллахом, и распорядиться ими наилучшим образом. Питер, — окликнула Владычица, — не смущайся. Подойди и сядь рядом.

Старый эльф подтолкнул Питера в спину, и тот бросился к креслу Владычицы. Владычица подхватила его на руки и усадила к себе на колени.

— Откуда он взялся? — спросил кабан.

— Из мира людей, — ответила Владычица. — Пришел сквозь круг стоячих камней.

Хийси недоверчиво ткнул пальцем в ляжку Питера.

— Кто же он такой?

— Думаю, человеческий мальчик, — ответила Владычица. — Однако взгляните, — откинув волосы Питера, она показала всем его острые уши. — Похоже, в его жилах течет и кровь Дивных.

Все подались вперед.

— Модрон, — заговорил Ульфгер, — какое отношение он имеет к...

— Таннгност, — перебила его Владычица, — как это может быть?

— Любопытно, — протянул Таннгност. — Весьма любопытно. Такого я еще не встречал. А ты?

Владычица покачала головой.

— Я и не думала, что подобное возможно.

— Родителей он не помнит?

— Отца — нет, — ответила Владычица. — А мать его была из людей. Она-то и бросила его умирать в лесу.

— Этот людской род — просто звери, — сердито пропыхтел кабан.

— Выходит, кровь Дивных в нем — от отца, — рассеянно заметил Таннгност, почесав в бороде.

— Модрон, — снова заговорил Ульфгер, — вот именно поэтому мы ни одно дело не можем довести до конца. Нам же нужно обсудить...

— Может, это кто-то из сатиров? — предположил кабан.

Все взглянули в сторону краснокожего рогатого человека.

Хийси широко ухмыльнулся.

— Конечно, я получаю свое от всех юных девиц, какие только попадутся навстречу, но, насколько мне известно, на память им оставляю лишь воспоминания об упоительных оргиастических уладах.

Старая фея с обвисшими крыльями и густо припудренной ложбинкой бюста толкнула кабана в бок.

— Если бы семя сатиров могло давать ростки, по миру бы уже бегала пара миллионов полукровок с острыми ушами. Так-то!

Подмигнув Хийси, она закудаhtала от смеха.

— Значит, он может странствовать меж миров? — спросил тролль.

Владычица бросила на него подозрительный взгляд.

— Таннгност, даже не думай. Я не позволю вмешивать этого мальчика в твои дела.

Таннгност принял ошеломленный вид.

— Моя повелительница, я и в мыслях не имел...

— Ну конечно, — рассмеялась Владычица, — а Хийси никогда не портил девственниц.

За столом слышались смешки.

— Ты в любом случае не получил бы его, — продолжала Владычица. — Он сам сказал мне, что желает лишь одного — служить в моей страже.

— Тебе повезло с таким храбрецом, — сказал Хийси.

— Именно. Он не только храбр сердцем, но и талантлив, — объявила Владычица, точно мать, гордая сыном. — Питер, дай им послушать лес.

Питер засиял, упиваясь всеобщим вниманием. Любопытство гостей придало ему смелости. Он начал с кваканья лягушки, затрещал белкой, заухал обезьяной, а затем запрокинул голову и завыл. Вой эхом отразился от купола. Напоследок, издав дюжину птичьих трелей, Питер закричал петухом.

Зал взорвался смехом и аплодисментами. Улыбнись Питер еще шире — лицо бы его треснуло пополам.

— Модрон, — проворчал Ульфгер, — прошу тебя, нам нужно обсудить важные...

— Всеу свое время Ульфгер, — сказала Владычица. — Вначале я хочу, чтобы ты услышал кое-что еще. Возможно, это поднимет тебе настроение. Иди сюда, присядь рядом.

Ульфгер покачал головой, но сел.

— Ну же, Питер, — шепнула Владычица, — Жар-птицу!

Питер сделал глубокий вдох, сел прямо, склонил голову набок и запел. Зал стих. Замерли даже слуги. В изумленном молчании все слушали песню, звеневшую под куполом. Гулкое эхо усиливало чудесную мелодию, зеленоватый свет воды в бассейне сделался ярче.

Закончив, Питер оглядел зал, ожидая новых аплодисментов, но увидел только взгляды, устремленные вдаль, да полуоткрытые рты. Некоторые даже плакали. Питер не мог понять, что такого натворил. Неуверенно взглянув на Владычицу, он увидел, что и на ее глазах выступили слезы.

— Это было прекрасно, Питер, — сказала она.

При виде ее чудесной улыбки Питер понял, что не сделал ничего дурного.

— Просто дух захватило! — выпалила старая фея, утирая с глаз слезы.

— Ульфгер, — сказала Владычица, — неужели эта песнь не тронула твоего сердца?

Ульфгер скривился так, будто хлебнул скисшего молока.

Хийси вскочил на ноги и захлопал в ладоши. Остальные присоединились к нему — все, кроме Ульфгера, так и оставшегося сидеть с каменным лицом и крепко стиснутыми кулаками.

Питеру принесли целое блюдо угощений. Один из мрачных слуг от души улыбнулся и украдкой придвинул к нему кусок медового пирога. Питер съел все, а потом расправился и с добавкой, и вскоре негромкий гул добродушных бесед, тихая музыка и завораживающее мерцание бассейна начали навевать дрему. Он склонил голову на грудь Владычицы.

Владычица обняла Питера и начала тихонько перебирать его волосы. От нее пахло вешними водами и медвяной жимолостью. Эти ароматы, подобно сладкому запаху материнского молока из давнего-давнего прошлого, наполняли серд-

це довольством и умиротворением. Он был там, где ему подобало, — рядом с Владычицей, отныне и навсегда.

Хийси, ускользнув в сторонку, принялся заигрывать с одной из эльфийских девиц. Та зарделась от удовольствия. Таннгност обошел стол, подсел к Владычице, склонился к ней и тихо заговорил:

— Моя повелительница, я хотел бы поговорить с тобой. Владычица вздохнула.

— Ты и минуты не можешь вынести моего счастливого вида. Не так ли, несносный старый козел?

Таннгност с сожалением покачал головой.

— Твое счастье для меня дороже всего на свете. Но... все куда хуже, чем мы опасались.

— Да, знаю. Это видно по твоим глазам.

— Скверные настали времена, — вздохнул Таннгност.

— Род людской?

— Христиане. Они полны решимости очистить землю от всех, поклоняющихся Рогатому. Убивают друидов, жгут храмы, а порой и целые деревни, рушат каменные круги.

Лицо Владычицы затвердело.

— Определенно, этому богу мира и любви нравится обогреть землю кровью.

Сверкнув глазами, Ульфгер склонился к ним.

— Настало время призвать народ Авалона к войне! Сейчас же, пока еще не поздно! Пока у нас еще есть союзники в мире людей!

Владычица скорбно взглянула на него.

— Ульфгер, отчего ты так спешишь расстаться с детством? Ведь совсем скоро вся тяжесть этого мира ляжет на твои плечи, и ты будешь тосковать по этим временам. Чего бы я только ни сделала, чтобы хоть на день вернуть мою беззаботную юность...

— Модрон, — скривился Ульфгер, — не понимаю, при чем тут мой возраст?

Разом очнувшись от дремы, Питер поднял взгляд.

— Злые люди? Они идут сюда?

— Нет, Питер, — ответила Владычица. — Нет. Сюда им не пройти. Этого я ни за что не допущу.

Вручив Питеру пирожное со взбитыми сливками, Владычица спустила его на пол.

— Ульфгер, окажи мне любезность: отведи этого мальчика на двор, к другим детям. Ступайте, поиграйте.

Питер наострил уши. Здесь есть другие дети, и с ними можно поиграть?

— Я не нянька! — огрызнулся Ульфгер.

— Ульфгер, ты не понял. Я и тебя прошу поиграть. Побегать. Построить что-нибудь. Что-нибудь сломать. Забраться на дерево. Извозиться в грязи. Напроказничать. Поразвлечься от души.

Ульфгер взглянул на нее так, точно она повредила умом.

— Попробуй. Хотя бы разок. Ради меня.

— Нет. Я хочу послушать о путешествии Таннгноста.

— Услышишь в свое время. Уж твоя матушка об этом позаботится. А сейчас я желаю, чтобы ты отвел Питера во двор.

Но Ульфгер не сдвинулся с места.

— Ульфгер, прошу тебя. Позже поговорим. Обещаю.

Ульфгер скривился так, будто ему вонзили нож в живот.

— Хорошо, — выдавил он сквозь стиснутые зубы.

Владычица коснулась его плеча.

— Ульфгер, надеюсь, Аваллах явит нам чудо, и ты опомнишься и увидишь, во что превратила тебя эта женщина. Надеюсь, ты поймешь это прежде, чем твое детство уйдет навсегда.

Ульфгер развернулся и направился к выходу. Питер неуверенно взглянул на Владычицу. Та кивнула, и он поспешно вышел из зала вслед за рослым мальчишкой.

Питер догнал Ульфгера в коридоре. Высокий мальчишка стоял у стены, разглядывая искусно вышитый гобелен. На

картине был изображен рослый и сильный человек с длинным черным мечом, в плаще, в шлеме, увенчанном огромными лосиными рогами. Шлем закрывал лицо, но глаза величественного воина ярко сверкали в прорезях лицевой пластины.

Откуда-то издали, со стороны входа, доносились детские крики. Питер кашлянул.

— Э-э... Ульфгер...

Рослый мальчишка не откликнулся и даже не шелохнулся — он продолжал стоять, уставившись на гобелен.

— Эгей, Ульфгер! — позвал Питер.

— Ты будешь обращаться ко мне «лорд Ульфгер», — сказал высокий мальчишка, не отводя от гобелена глаз.

— Лорд Ульфгер, так мы пойдем играть?

— Это мой отец, — сказал Ульфгер. — Рогатый. Он правит лесом, — с этими словами он перешел к следующему гобелену. — А это... это моя мать, — он склонил голову перед портретом. С портрета смотрела на Питера узколицая женщина с острым взглядом. Казалось, этот взгляд оценивает его, пронзает его насквозь. — Королева Эйлинн из эльфийской династии Норрентол.

В тоне высокого мальчишки Питеру почудилась насмешка. Он не сумел понять, в чем тут дело. Преклоняется ли этот мальчишка перед королевой, или, наоборот, за что-то в обиду на нее? «Наверное, и то и другое», — решил он.

— Родство с ними делает меня лордом, — продолжал мальчишка, взглянув на Питера так, будто чего-то ждал. — Войдя в возраст, я буду править всем Авалоном.

— Хорошо, — кивнул Питер. — Так мы идем играть?

— Попробуй: «лорд Ульфгер, нельзя ли нам пойти играть?»

— Лорд Ульфгер, нельзя ли нам пойти играть?

Ульфгер перешел к следующему гобелену. Этот портрет Питер узнал сразу же — здесь была изображена Владычица. На портрете она выглядела могущественной и доброй, взор ее ярко сиял.

— Модрон... Сплошные причуды и капризы, песни и сентименты, — с встревоженным видом сказал Ульфгер. — Она не создана для власти.

Питер с тоской взглянул в конец коридора. Ему очень хотелось поиграть с другими ребятами, и он никак не мог понять, зачем им стоять здесь, разглядывая скучные портреты.

— Она старается, — продолжал Ульфгер. — Порой даже кажется, будто она на что-то способна. Сегодня — там, за круглым столом — я думал, что она сумеет заставить всех понять, как высоки ставки, повести их за собой. Но нет, ее настроения изменчивы, как ветер. Любая безделица, вроде поющего мальчишки — и она забывает обо всем.

Ульфгер взглянул на Питера, буквально пронзив его взглядом. Питер поежился и тревожно оглядел пустой коридор.

— Ты восхищаешься ею? — спросил Ульфгер после недолгого молчания.

Питер кивнул.

— Хочешь ее заботы? — Ульфгер подался вперед, голос его с каждым словом звучал все жестче. — Ее внимания? Ее слепой материнской любви?

Питер отступил на шаг.

— Ну конечно, а что тебе еще остается? Она, несомненно, околдовала тебя. Но слушай меня. Ты для нее — лишь отдушина, жалкая замена несчастному утраченному Мабону. Она всего-навсего пытается заткнуть эту незаживающую кровавую рану в своем сердце, — он глубоко вздохнул. — До этой утраты, до похищения сына, она была много сильнее. А теперь кроме своего Мабона и думать ни о чем не желает. Поэтому, а вовсе не ради блага Авалона, она и проводит столько времени в Храме Аваллаха. Надеется, что Аваллах подскажет, где искать сына.

Последние слова прозвучали, будто плевков.

— Поэтому и притащила ко двору приемное дитя с чудесными песенками, — на его губах заиграла странная улыбка.

ка. — А эти-то, дурачье, засияли, захлопали, смахнули сентиментальную слезу — и вновь пьянствовать, обжираться, да резвиться, пока Авалон ускользает из-под самых ног! — он яростно скрипнул зубами. — Когда приду к власти, тут же положу конец их беспутству. И Дивные станут грозной силой, а имя Ульфгера будут произносить боязливым шепотом. Мы заставим род людской помнить свое место и больше не будем прятаться за Туманом Владычицы!

— Ульфгер... то есть, лорд Ульфгер, — сказал Питер, — так мы играть-то пойдем?

— Играть? Играть?! — ошетинился Ульфгер. — Резвиться с мальчишками и девчонками, визжать, хохотать? И это — все, о чем ты можешь думать?

Питер от всей души кивнул.

— Идем, — вздохнул Ульфгер.

— А как поступить в стражу Владычицы? — спросил Питер.

Ульфгер взглянул на него сверху вниз и усмехнулся. Только сейчас, идя рядом, Питер понял, как высок этот мальчишка. Он уже обогнал ростом эльфов, но, в отличие от них, был крепок сложением, широк в груди и больше напоминал людей, с которыми Питеру довелось столкнуться.

— Прежде всего ты должен выучиться почтению к вышестоящим. Можешь начать с правильного обращения ко мне. Мой титул — лорд. Например: «лорд Ульфгер, позволь мне...» Или: «не позволишь ли мне, лорд Ульфгер...» Неужели ты не в состоянии запомнить эти простейшие начатки этикета?

Питер непонимающе взглянул на него, однако кивнул.

— Нет! Ты не имеешь права кивать мне. Никогда больше не смей мне кивать. Это позволительно только между равными. Понятно?

Питер пожал плечами.

Ульфгер остановился.

— Ты что — дурачок? Пожимать плечами — то же самое, что кивать. Попробуй снова.

— Что попробовать?

— Нет! — зарычал Ульфгер. — Надо так: «Что попробовать, лорд Ульфгер?»

С завистью вслушиваясь в воодушевленные детские крики, Питер попытался глянуть вперед, мимо рослого мальчишки.

— Скажи же это.

— «Это», лорд Ульфгер.

Ульфгер испустил раздраженный вздох.

— Если тебе доверят охранять хоть ночной горшок горничной, можешь считать, что тебе повезло.

— Ночной горшок? Что это?

— Ладно, забудь.

С усталым вздохом Ульфгер открыл двери во двор.

Была ночь, но двор освещали сотни оранжевых фонарей. Более дюжины эльфийских детишек — мальчиков и девочек всех возрастов — карабкались на группу стоячих камней неподалеку, с визгом носились вокруг. Несколько малышек, вооруженных тупыми деревянными мечами и копьями, разбились на два отряда — один штурмовал камни, другой защищал их.

— Эй, вот он! — закричал какой-то мальчик. — Тот самый, что оставил ведьму без глаза!

Все бросились поглядеть на Питера и встали вокруг, на расстоянии, точно опасаясь, как бы он не укусил.

— Лорд Ульфгер, — спросила одна из девочек, — это правда? Этот мальчик в самом деле выжег ведьме глаз?

— Так говорят, если вам угодно верить подобным сказкам.

— С виду он не настолько силен, — заметил один из мальчишек.

— Он питает надежду вступить в ряды стражи Владычицы, — сказал Ульфгер.

Дети прыснули от смеха.

Питер взглянул на Ульфгера.

— Лорд Ульфгер, что в этом смешного?

— Да то, что ты — неотесанный полукровка, не знающий даже начатков придворного этикета. Вы только посмотрите, во что он одет. Кому захочется иметь в своей свите такую грязную обезьяну? А маршировать ты умеешь? А видел ли хоть раз торжественный парад? А что ты знаешь о титулах, церемониях и манерах? Чтобы стать стражем, одной храбрости мало.

Питер понуро уткнулся взглядом в землю. Он и не думал, что быть стражем — это так сложно.

— Не горюй, — утешил его Ульфгер. — Из тебя выйдет прекрасный уборщик навоза. А теперь иди, играй в свои бездумные игры вместе с остальными, — он обвел ребятишек злым взглядом. — Ступайте все! Прочь с глаз моих!

Мальчики и девочки помчались к камням. Питер побежал вдогонку, радуясь, что наконец отделался от этого мрачного рослого мальчишки.

Дети окружили Питера, глядя на него так, точно он только что вылез из яйца.

— А тебе страшно было? — спросила девочка с веснушчатым лицом.

Ее передние зубы были так велики, что она очень напоминала кролика.

— Страшно? — Питер захохотал и выпятил грудь. — Ничуть! — он натянул капюшон из волчьей головы. — Я победил волка. Я ничего не боюсь!

— А как тебе это удалось? — спросил бритоголовый мальчишка с коркой засохшей грязи вокруг губ, заставившей Питера задуматься, что же этот парень такое ел.

— Вы правда хотите это знать? — спросил Питер в ответ. Ребята дружно закивали головами.

— Предупреждаю, это очень страшная история. Вы уверены, что хотите услышать ее?

Дети подались вперед и вновь закивали, сгорая от любопытства.

— Что ж, так и быть, я расскажу вам. Я гулял по болоту, один, и вдруг она выскочила из норы и преградила мне путь. Вид ее был ужасен: рогатая, вся в чешуе, вместо волос — клубок змей, а зубы зеленые и длинные, будто кинжалы. Пуская слюни, лязгая зубами, она кинулась прямо на меня.

Детишки обменялись быстрыми испуганными взглядами; некоторые закрыли ладонями лица.

— Любой другой наверняка завизжал бы и пустился наутек. Но только не я. Я выхватил свой нож, — Питер поднял с земли палку, — и обратил ее в бегство, — скорчив страшную рожу, он зарычал и принялся тыкать палкой перед собой. — Я гнался за ней до самой ее вонючей норы. Но в ее логове оказалось полным-полно демонов и других чудищ, и она ка-ак напустит их всех на меня! Мой нож сломался об их толстые шкуры, пришлось биться голыми руками. Тут ведьма ка-ак зашипит, ка-ак защелкает зубами! Прыг на меня сзади, да когтями ка-ак вцепится! А я ка-ак швырну ее через всю пещеру! Потом я выхватил из огня лучину и воткнул ей прямо в глаз — вот так! — Оскалив зубы, Питер ткнул палкой в воздух и несколько раз провернул ее из стороны в сторону. — Я мог бы убить ее насмерть, но тут она заплакала и запросила пощады. Убить ее было бы трусостью, и я пощадил ее жизнь. Но, — подняв палец кверху, Питер сощурился, — честно предупредил. Сказал: если ты еще хоть раз нападешь хоть на одного ребенка, я вернусь, да ка-ак вырву твоё черное сердце!

Ребятишки смотрели на него, в благоговейном молчании вытаращив глаза. Наконец девочка с кроличьими зубами тихонько выдохнула:

— Ух ты...

Еще несколько ребят подхватили ее вздох. Девочка с кроличьими зубами придвинулась к Питеру.

— Какой ты смелый, — с игривой улыбкой сказала она.

Питер покраснел и ухмыльнулся.

— Чего там, я просто выполнил свой долг!

Бритоголовый мальчишка хмуро глянул на девочку и устремил жесткий взгляд на Питера.

— А я вот не верю, чтобы хоть кому-то хватило смелости на такое.

Питер только пожал плечами.

— Если ты такой смелый, давай посмотрим, сможешь ли поймать огненную саламандру.

— Кого?

— Огненную саламандру, — повторил мальчишка. — Чтобы поймать ее, действительно нужна смелость. Они кусаются, как пятьдесят шершней!

— Зачем мне ее ловить?

В глазах эльфийского мальчишки сверкнули искорки.

— А спорим, побоишься?

Все остальные выжидающе уставились на Питера.

— Ну что ж, если б я знал, где их искать, то мигом поймал бы одну, — сказал Питер.

Ребята разом заухмылялись.

— Чего это вы?

Улыбка бритоголового растянулась от уха до уха.

— Могу показать, где их целая куча.

— А-а... Ну... — промямлил Питер, чувствуя на себе взгляд девочки. — Ну ладно. Показывай.

Мальчишка-эльф отвел Питера к небольшому пруду посреди сада, окаймленному белыми каменными плитами. Пруд окружали цветы, по поверхности плавали огромные кувшинки. Среди кувшинок над водой поднимались хрустальные, искрящиеся золотистым светом шары — каждый размером с тыкву.

У невысокой — всего по колено — оградки ребята оставались.

— Это пруд с шарами — пруд Владычицы, — сказала девочка. — Нам туда не разрешают.

— Ага, — согласился мальчишка. — Если Ульфгер нас там поймает, прикажет всех выпороть.

Питер пренебрежительно хмыкнул.

— Нет, правда, — подтвердила девочка.

Питер призадумался и оглянулся назад. Ниже по склону виднелась спина Ульфгера. Рослый мальчишка, опустив голову, сидел на скамье среди деревьев. Казалось, он погружен в глубокие раздумья, и Питер не сомневался, что сумеет проскользнуть к пруду и обратно незамеченным.

— Боится, — заявил мальчишка-эльф. — Видите, я же говорил: не такой уж он и смелый.

Питер решительно перешагнул оградку. Заметив восхищенные взгляды ребят, он выпятил грудь и смело прошел по короткой дорожке к краю пруда.

Отыскать саламандру оказалось легче легкого — саламандры светились. Одна — красная, жирная — плавала у самой поверхности прямо перед ним, лениво шевеля в воде странно короткими, по сравнению с длинным туловищем, лапками. Длинной, от носа до хвоста, саламандра не уступала предплечью Питера. Глядя на нее, Питер не мог понять, что здесь трудного. Сколько лягушек он переловил — а ведь лягушки вон какие шустрые! А эта тварь казалась разве что чуточку шустрее слизня.

Стоя одной ногой на берегу, Питер поставил другую на камень, торчавший над водой, и оказался прямо над саламандрой. По его рассуждениям, чтобы избежать укуса, ее лучше всего было ухватить сзади за шею, как змею. Питер медленно погрузил руку в воду, позади саламандры. Саламандра даже не шевельнулась — похоже, она и не подозревала о присутствии Питера. Рука Питера зависла над ее шеей. Он гулко сглотнул, представив себе, каково это — уку

пятидесяти шершней, и надеясь, что никогда этого не узнает... и схватил саламандру. Схватил прямо за шею.

Выватив добычу из воды, он поднял руку — так, чтобы все ребята видели. Изумленные до глубины души, ребяташки прижали ладони к губам. Даже бритоголовый мальчишка-эльф был впечатлен. Саламандра тут же оживилась — завертелась, заизвивалась и выскользнула из пальцев Питера. Питер ухватил ее за хвост и в ту же секунду осознал свою ошибку: саламандра укусила его. Боль пронзила руку до локтя. Нет, это не пятьдесят — это целых сто пятьдесят шершней!

Питер заверещал. Заверещал, отчаянно затряс рукой, стараясь стряхнуть с себя злобную тварь, потерял равновесие и рухнул спиной в пруд. Задетый им шар врезался в соседний, и оба громко, гулко лопнули. В воздухе сверкнули две ослепительные вспышки, клубы дыма повисли над водой. Но Питеру не было никакого дела ни до шаров, ни до Ульфгера — только бы высвободить руку из пасти кусачего чудовища. Он тряс рукой что было сил, но саламандра только крепче стискивала челюсти. Наконец он ухватил ее за шею и оторвал от себя. Острые зубы оставили на предплечье шесть глубоких ранок. Только после этого Питер услышал крик рослого мальчишки.

— Что ты наделал?! — кричал Ульфгер, яростно сверкая темными глазами. — Прочь оттуда! Прочь! Прочь!!!

Кое-кто из ребяташек кинулся наутек, но остальные замерли, как вкопанные, изумленно вытаращив глаза.

Выватив у одного из мальчишек деревянный меч, Ульфгер указал им на Питера.

— Поди сюда, — потребовал он.

Питер вовсе не собирался идти к Ульфгеру и кинулся бежать. Ульфгер прыгнул за ним и ухватил его за волчью шкуру. Вывернувшись, Питер оставил шкуру в его руках, но сумел сделать всего три шага. Дальше путь преграждала стена. Ульфгер надвигался, и Питер понял, что оказался в западне.

Глаза Ульфгера пылали от гнева.

— Ты хоть представляешь себе, что натворил? Этим шарам больше тысячи лет!

Питер вздрогнул.

— Я не хотел...

Ульфгер оскалил зубы.

— Дисциплина! Никакой дисциплины! Пора вправить Авалону мозги. Начнем прямо сейчас, с тебя, — он ткнул деревянным мечом в сторону Питера. — Вот высекут тебя, тогда и узнаешь, что такое послушание. Тогда... — внезапно Ульфгер осекся. Сощутив глаза, он указал мечом на цепочку на шее Питера. — Где ты это взял?

— А?

Питер опустил взгляд на звезду.

— Где ты это взял?

— Владычица дала.

— Она отдала тебе звезду Мабона?! Почему? — голос Ульфгера снизился до тихого, яростного шепота. — Она — что, в самом деле сошла с ума? — во взгляде Ульфгера сверкнула искра безумия. Он медленно покачал головой. — Нет, она ни за что не сделала бы такого. Ты лжец. Лжец!!! — заорал он. — Лжец и вор. Дай ее сюда, немедленно!!!

Зажав звезду в кулаке, Питер помотал головой.

— Ты будешь делать, что приказано!

Ульфгер потянулся к цепочке.

— Нет!!! — крикнул Питер, схватив его за запястье, и тут же заметил потрясение на лицах ребят, наблюдавших за этой сценой.

Темные глаза Ульфгера вспыхнули, губы задрожали, нос издевательски сморщился.

— Как ты посмел? — прошипел он. — Как ты посмел коснуться меня своей грязной рукой?

Вырвав руку, он ударил Питера наотмашь — так сильно, что Питер покачнулся и упал.

Не успел он подняться, как колено Ульфгера больно вонзилось в его спину. Прижатый к земле, Питер чуть не задохнулся под немалым весом рослого мальчишки. Вцепившись в волосы Питера, Ульфгер ткнул его лицом в грязь.

— Будешь знать свое место! — крикнул он.

Жестокий хлесткий удар ожег ноги Питера сзади. Снова и снова ягодицы и бедра пронзала жгучая боль, снова и снова Ульфгер изо всех сил хлестал его деревянным мечом, звук ударов отдавался эхом от огораждавшей двор стены.

Дети смотрели на них, застыв от ужаса.

Питер закричал от боли, и Ульфгер еще сильнее вдавил его лицо в землю. На зубах заскрипела земля пополам с травой.

— Ульфгер!!! — закричал кто-то. — Что ты делаешь?!

Это был старый эльф.

— Лорд Ульфгер, это же гость Владычицы!

Ульфгер направил на Дразля игрушечный меч.

— Ты забыл свое место, старик? Похоже, сегодня все, будьте вы прокляты, забыли свое место?

Ульфгер нанес Питеру новый жестокий удар. Старый эльф бросился к нему и вцепился в деревянный меч.

Ульфгер вскочил и вырвал игрушку из рук эльфа. Глаза его полыхали огнем.

— Ты с ума сошел? Совсем, мать твою, из ума выжил?

С этими словами он ударил эльфа в лицо рукоятью меча. Эльф покачнулся, зажал ладонью нос и сел на землю.

Питер поднял на Ульфгера яростный взгляд. Голл учил, что разделаться с волком можно только одним способом... Питер глухо, по-звериному, зарычал. Дети попятились назад.

Ульфгер замахнулся, готовясь снова ударить эльфа, и тут Питер с воем бросился на него. Прыгнув рослому мальчишке на спину, он отчаянно завизжал и впился ногтями в его лицо. Ульфгер схватил Питера за руки и завертелся на месте, пытаясь сбросить с себя маленького дикаря, но Питер вцепился зубами в его ухо. Брызнула кровь. Ульфгер пронзительно закричал.

Утробно рыча, Питер замотал головой из стороны в сторону — и оторвал его ухо начисто!

Ульфгер стряхнул Питера со спины. Покатившись по земле, Питер перевернулся и вскочил на ноги. Глаза его безумно сверкнули, лицо было залито кровью, пальцы скрючились, точно когти. Он был готов продолжать бой.

— Что происходит?!

У выхода во двор стояла Владычица, а по бокам от нее — Таннгност и Хийси. За ее спиной сгрудились еще несколько гостей. Широко раскрыв глаза от изумления, все они взирали на мальчишек — Ульфгера, прижимавшего к уху окровавленную ладонь, и Питера в одной набедренной повязке, с откушенным ухом Ульфгера в зубах, с залитой кровью грудью и подбородком.

Питер выплюнул ухо на землю.

Ульфгер потрясенно уставился на ухо — на свое собственное ухо.

— Стража... — слабым голосом пролепетал он, и тут же заорал во всю силу легких: — Стража! Стража!!!

Оттолкнув Владычицу, он бросился в коридор, продолжая кричать на бегу:

— Стража!!! Стража!!!

Хийси помог старому эльфу подняться.

— Драэль! — воскликнула Владычица. — Ты в крови!

Эльф зажал нос, пытаясь унять кровь.

— Моя повелительница, я не совсем понял, что произошло. Между мальчиками вышла какая-то ссора, и Ульфгер вознамерился убить этого мальчика — всерьез вознамерился.

Владычица взглянула на Питера.

— Бедный мой...

Подойдя к Питеру, она утерла подолом платья кровь с его лица и подхватила его на руки. Почувствовав тепло ее объятий, Питер зарыдал.

— Нужно убрать его отсюда, — сказал Хийси. — Ульфгер не успокоится, пока не убьет его.

Троль

Владычица молча прижала Питера к себе. Хийси нервно взглянул на Таннгноста.

— Я могу отвести его к себе, — сказал Таннгност, — но надо спешить.

В отдалении послышались крики стражников.

— К заднему входу, — поспешно заговорил Хийси. — Через сады. Стражу я задержу. Моя повелительница, вам придется отпустить его.

Вместе с Таннгностом Хийси мягко высвободил Питера из рук Владычицы.

Владычица покачала головой.

— Нет. Я хочу, чтобы он остался здесь, со мной. Он мой. Он принадлежит мне!

— Он попадет в хорошие руки, — заверил ее Хийси. — Питер, ступай с Таннгностом. Да, он брюзгливый старый козел, но сердце у него доброе.

Владычица крепко сжала пальцы Питера. Питер увидел слезы на ее глазах. Она обняла его на прощание. Прижавшись к ней, Питер глубоко втянул воздух, чтобы никогда не забыть ее сладкого аромата, и тролль повел его за собой, в ночь.

Все краски этих давних воспоминаний испарились, сменившись бесконечной серостью, грязью и гнилью. Питер попробовал вызвать в памяти сладкий аромат Владычицы, но не сумел.

Он встал и пошел на север, к ведьминому болоту, оставив позади голову Аваллаха, навеки приникшую ухом к земле. Шагая по тропинке, тянувшейся среди обгорелых остатков огромного яблоневого сада, он осмелился помечтать о том дне, когда Пожиратели плоти — эти уродливые кровожадные демоны — наконец будут изгнаны из этих земель. Тогда здесь снова вырастут яблони, холмы зазеленеют, лес оживет, зазвенит от песен малого народца, а он, Питер, вновь сможет сидеть рядом с Владычицей.

Он решил пройти вдоль темных вод Куши-крик, огибая западную границу болота, и по пути завернуть к хижине Таннгноста. Уж тому-то наверняка известны все новости — старый тролль никогда не упускал случая сунуть нос в чужие дела. Но дело было не только в этом. Было и кое-что еще — такое, чего Питер почти не осознавал и уж точно не признал бы даже в мыслях. Он привык полагаться на Таннгноста, на его советы, на его мудрость и знание истории Авалона. Таннгност был тем, на кого можно рассчитывать всегда и во всем; старый тролль был единственной постоянной частью долгой, бурной авалонской жизни Питера.

Питер спустился в низину, и почва под ногами сделалась мягче. Пока что ведьмины земли пострадали меньше других, но даже за время его недолгой отлучки смертоносные пальцы скверны успели заметно углубиться в ее болото. Питер двигался скрытно, осторожно перебегая от пня к пню. Ему вовсе не хотелось встречаться с ведьмой — сегодня это было бы особенно некстати.

Вдруг спереди послышались шаги. Кто-то спешил по тропе навстречу. Обнажив нож, Питер нырнул в заросли тростника.

Из-за поворота показалась высокая, сгорбленная фигура, быстро шагавшая по тропе, помахивая кривым посохом.

— Таннгност, — с улыбкой прошептал Питер себе под нос.

Старый тролль был мрачен, как грозовая туча. Дождавшись, когда он подойдет поближе, Питер выскочил на тропу прямо перед его носом.

— Бу-у-у!!!

Таннгност взмахнул посохом — куда проворнее, чем ожидал Питер. Питер бросился наземь, чтоб избежать удара.

— Питер! Ты... ты... вот несносный бесенок!

Питер неудержимо захохотал, схватившись за живот.

Таннгност бросил на него яростный взгляд, рыкнул, фыркнул, перевел дух и звучно шлепнул Питера пониже спины.

— Ай!

— Ох, надо бы вбить в тебя хоть немного почтения к старшим, мерзкий полукровка! И где ты так долго был? Я чуть с ума не сошел от беспокойства! — он глянул Питеру за спину, будто ожидая увидеть там кого-то еще. Лицо его смягчилось. — Опять не повезло?

Питер разом забыл о веселье и сокрушенно кивнул.

— Прости, Питер, — с глубоким вздохом сказал тролль. — Как ни противно еще сильнее портить тебе настроение, но у меня тоже скверные новости. Похоже, сегодня Аваллах оставил нас окончательно и бесповоротно. Пожиратели плоти жгут...

— Ш-ш-ш, — перебил его Питер. — Слышал?

— Питер, Пожиратели плоти...

— Ш-ш-ш! Слушай.

Питер сделал несколько быстрых шагов вперед, по тропе, склонил голову влево, вправо... Издали донесся пронзительный крик, он был уверен в этом.

Таннгност последовал за ним.

Вновь пронзительный крик — где-то здесь, на болоте. Голос принадлежал мальчишке...

Питер похолодел: кроме его Дьяволов, мальчишек на острове не было. Он сорвался с места и побежал на крик, не разбирая дороги, прыгая через трясины, корни и грязь — с ножом наготове, с безумным блеском в глазах, с жуткой, беспощадной гримасой на лице.

Род людской

Туман клубился вокруг. Вой приближался.

Ник подобрал копье, оперся на него и с трудом поднялся на колени. Горло горело, каждый вдох давался с трудом. Пришлось собрать все силы, чтоб вновь не упасть.

Секеу, Абрахам, Красная Кость, Дирк, Шустрый и Лерой встали широким кольцом вокруг безжизненных тел Сверчка и Дэнни.

Вой и стон окружали, надвигались разом со всех сторон. В тумане показались темные тени с оранжевыми глазами. Ник упер древко копья в землю, направив наконечник наружу.

Вокруг зазвенел смех. Казалось, хихикают маленькие девочки.

Глаза Секеу расширились. Даже на лице Красной Кости — впервые на памяти Ника — мелькнул страх.

Туман поредел. Прямо перед Дьяволами, футах в двадцати, стояла девочка с длинными белыми волосами, в развевавшемся белом платье. Улыбнувшись им, она прыснула от смеха.

— Смотрите, — сказала она, — мальчики и девочки вышли поиграть.

— Как прелестно, — откликнулся кто-то еще.

Ник оглянулся. Сзади стояла еще одна девочка.

— В самом деле, — откликнулась третья девочка, слева. Все три были абсолютно одинаковы — до мелочей.

— Какие прекрасные шкурки! Матушка наверняка сошьет нам новые туфельки.

— Туфельки-муфельки! Я хочу бусы из блестящих белых зубок!

— И сережки, про сережки не забудь! Сережек не бывает много.

— Только попробуйте!!! — заорал Красная Кость, лязгнув клинком о клинок. — Всех троих на шишку насажу!!!

— О, да он просто тигр!

— Маленьким мальчикам нельзя говорить такие грубости.

— Промыть ему рот добрым глотком горячей мочи!

— Точно, — согласились девочки.

Из тумана за их спинами выступил целый строй жутких тварей. На взгляд Ника, их было не меньше пятнадцати, а то и двадцать — тех же гиеноподобных зверей, что недавно напали на них, баргестов, как сказал Красная Кость. Однако рыжих, с ядовитыми жалами на хвосте, среди них было не видно — только крупные, размером с собаку, с жесткими черными гривами.

Баргесты окружили ребят и зарычали, припав к земле, отбрасывая назад палую листву. Самые крупные заскакали, запрыгали, делая вид, будто вот-вот бросятся вперед. С каждым скачком они становились все наглее и наглее.

Дьяволы заняли круговую оборону, держа зверей на расстоянии.

— Что нам делать?! — закричал Лерой, крепко прижав к груди копье и лихорадочно глядя по сторонам. Баргесты были повсюду. — Что нам делать?!

— Как «что»? Умирать, глупенький, — ответила одна из девочек, и все три дружно расхохотались.

Два здоровенных баргеста бросились на Ника, выбили из рук копьё, выдернули его из круга и, впившись когтями в плечи, потащили в туман, прочь от остальных.

Издав боевой клич, Красная Кость кинулся к Нику. Клинки засверкали в воздухе, и баргесты отступили, но сзади подоспели еще двое. Первый взмахнул лапой, целя в лицо Красной Кости. Тот пригнулся, уходя от удара, и тут второй полоснул его когтями по бедру, разрывая штаны и рассекая плоть. Красная Кость взвыл и ударил в ответ, но баргесты успели отскочить.

— Держаться вместе!!! — закричала Секеу.

Но это было все, что Дьяволы могли противопоставить звериным клыкам и когтям. Баргесты медленно, но верно одолевали.

Вдруг над болотом разнесся протяжный вой, заглушивший лязг клыков, рык и завывания баргестов. От этого воя кровь стыла в жилах. «Что еще за ужас на нашу голову?» — в страхе подумал Ник.

Пронесшись сквозь кольцо баргестов, точно пушечное ядро, в круг ворвалась расплывчатая фигура. Руки и ноги новоприбывшего мелькнули в воздухе так быстро, что их было почти невозможно различить. Резко развернувшись, он нанес удар. Блеснула сталь, и двое баргестов покатались по земле, один — с распоротым брюхом, другой — схватившись за горло.

— Питер!!! — крикнула Секеу.

Да, это был он. С одним лишь длинным ножом он бросился на баргестов, оскалившись, злобно сверкая глазами, не оставаясь на месте более чем на секунду. Он рубил и визжал, выл и колол. Едва завидев его пылающий взгляд и жуткий оскал, баргесты кидались врассыпную, спеша убраться с его пути.

Ворвавшись в круг Дьяволов, Питер выхватил у Ника копье и метнул его в ближайшую из девочек. В глазах девочки сверкнула ярость. Она уклонилась с невероятной быстротой, но все же этого оказалось недостаточно. Копье зацепило ее вскользь, пройдя сквозь волосы; древко, отскочив от плеча, угодило в челюсть. Пронзительно вскрикнув, девочка схватилась за подбородок, закружилась и исчезла в тумане.

— Дьяволы, за мной!!! — закричал Питер.

Лица Дьяволов озарились широкими улыбками. Ответив на зов дикими возгласами, они кинулись в атаку, тесня баргестов, пока те не успели опомниться. Стая дрогнула, звери бросились бежать и словно растворились в тумане.

— Живо!!! — крикнул Питер. — Берите ребят, уходим!!!

Секеу помогла Питеру вскинуть Сверчка на плечо. Дирк подхватил Дэнни за руки, Шустрый — за ноги, а Красная Кость обнял Ника и потащил за собой. Все вместе быстро двинулись вниз по тропе.

— Питер...

Казалось, ледяной шепот ножом рассекает туман, пробирает до самых костей. Там, впереди, возникла, преграждая путь, одинокая темная фигура.

Отряд остановился.

— Питер, — прошептала Секеу, — бежим?

— Нет, — ответил Питер, осторожно опуская Сверчка на землю. — От нее не удрать.

Тень с лица фигуры исчезла, и Ник увидел, что это — женщина, да к тому же — очень хорошо сложенная. Ее блестящая кожа отливала зеленью, длинные волосы были темны — почти до черноты. Лицо женщины оставалось в тени, и в этой тени ярко, точно изумруд, сиял единственный глаз, а губы, раздвинутые в победной улыбке, обнажали ряд длинных, острых зеленых зубов. Не требовалось ничьих подсказок, чтобы понять: перед Ником Зеленозубая Джинни.

Три девочки, выскочив из-за деревьев, встали перед ведьмой. Баргесты выбрались из болота, окружая Ника и Дьяволов. Но это было не все. Ник услышал шорох, постукивание, потрескивание. Звуки приближались со всех сторон. Казалось, сама земля оживает: ковер из палой листвы дрогнул, всколыхнулся, и тут Ник понял, в чем дело. Волосы на его теле поднялись дыбом при виде множества гадких ползучих тварей — тысяч, а может, и десятков тысяч больших, маслянисто блестящих жуков, длинных жирных многоножек, скорпионов, тараканов, пауков с кулак величиной. Все это спускалось с деревьев, лезло из нор и семеняло к ним живым ковром, ошетилившимся жалами, жвалами и хищно щелкающими клешнями. Они окружили отряд — между ними и ногами ребят оставалось примерно пять футов, — извиваясь, наползая друг на друга; земля просто кишела их блестящими черными панцирями.

Ведьма, не торопясь, мягко покачиваясь, очерчивая контуры бедер длинными черными ногтями, сделала несколько шагов вперед.

— Маленькие воришки! — низким, с хрипотцой голосом воскликнула она. — Явились обокрасть мое болото?

Три девочки дружно погрозили Дьяволам пальцами:

— Гадкие!

— Гадкие!

— Гадкие!

— Питер, дорогой мой, — проворковала ведьма, — за тобой небольшой должок, — откинув с лица волосы, она выставила на всеобщее обозрение шрам на месте левого глаза. — Единственный шанс, мой милый Питер. Даю тебе и твоим маленьким друзьям один-единственный шанс. Отдай мне свой глаз, и все вы можете идти, куда пожелаете. Что скажешь, Питер, дорогуша?

Питер безумно, злобно захохотал, будто разом лишился рассудка, но тут же резко оборвал смех. Лицо его застыло, взгляд сделался жестким.

— Я скажу: мы перережем вам глотки, выпустим кишки и отрубим руки!

Прыгнув вперед, он раздавил огромного зеленого жука; желтые потроха насекомого брызнули из-под его сапога.

Лицо ведьмы исказила злобная гримаса, единственный глаз сузился, превратившись в щелку.

— Ты пожалеешь...

— Стойте!!! — раздалось с тропы впереди. — Прошу вас, остановитесь!

Ник взглянул вперед. По тропе рысью неся, размахивая кривым посохом, огромный, сторбленный зверь с козлиной головой.

— Прости, Джинни, — сказал он, осторожно, чтобы не раздавить ни одного из жуков, поспешивших убратся из-под его огромных копыт, протиснувшись мимо ведьмы. Остановившись между двумя враждующими сторонами, он тяжело оперся на посох и перевел дух. — Как ни жаль прерывать ваши мелкие распри, — резко заговорил он, — но кое-какие материи не терпят отлагательств.

Ведьма закатила единственный глаз.

— Не вмешивайся, Таннгност. Не суйся не в свое дело. Сегодня я получу его глаз.

— Так иди сюда, получи! — прорычал Питер.

— Довольно!!! — крикнул Таннгност, громко ударив посохом в землю. — Шепчущий лес горит! Пока вы, глупцы, бьетесь тут друг с другом, Авалон гибнет!

Над болотом повисла тишина. С лица ведьмы разом исчезла вся злоба.

— Этого не может быть.

— Вне всяких сомнений, может, — возразил Таннгност. — Соизволишь высунуть нос за пределы своих роскошных декораций — увидишь сама.

Ведьма нахмурилась.

— Если все это — какая-то хитрость, Таннгност, я добавлю к этим декорациям твои кости.

Вскинув руки, она закрыла глаза и пробормотала себе под нос несколько отрывистых, резких приказов. Над болотом пронесся теплый ветерок, туман начал рассеиваться. Вскоре Ник смог разглядеть серые тучи над головой и — да, действительно — столб черного дыма. Что-то и вправду горело вдали.

— Потрудишься подняться на холм Маг Мелл — и увидишь, — сказал Таннгност.

— Не может быть, — заговорил Питер. — Деревья в Шепчущем лесу нельзя поджечь.

— Я и сам так полагал, — ответил Таннгност. — Однако они горят. Думаю, не нужно напоминать: как только Шепчущего леса не станет, Пожирателей плоти не сможет удержать ничто. Дальше настанет очередь Леса Дьяволов, а, может, и этого болота. Твоего драгоценного болота, Джинни.

Три девочки тревожно взглянули на мать. Та, похоже, несколько сникла, зеленый огонек в ее глазу угас.

Таннгност глубоко вздохнул.

— Слушайте меня. Как следует слушайте! Вы должны забыть о прежних распрях и объединить силы. Иначе погибнет весь Авалон.

— Что? — ведьма сверкнула глазом. — Ты предлагаешь нам драться плечом к плечу с этими вороватыми щенками? С этими человеческими детенышами? Да они — то же самое, что Пожиратели плоти! Зараза на нашей земле! Гнать их отсюда — и тех и других!

Глаза Таннгноста загорелись огнем. Тролль вновь ударил посохом оземь.

— Как ты смеешь?! — резко, яростно прорычал он. — Они заслужили место среди Дивных! Заплатили за него кровью и жизнями, сражаясь бок о бок с Рогатым на берегу Русалочьей бухты! А где была в тот ужасный день ты, Джинни?

Ведьма лишь отмахнулась от него, как будто не слыша упрека, но от Ника не укрылась гримаса боли на ее лице.

— Аваллах ушел, Рогатый — тоже, — продолжал Танн-гност. — Теперь все зависит от нас. В наших руках судьба Авалона.

— Оставь свои разглагольствования, старый козел. Хватит с меня нравоучений! — склонив голову, ведьма повернулась к Питеру: — Скажи, Питер, твоя дражайшая Владычица уже завладела твоей душой? Снится ли тебе каждую ночь, как ты сосешь ее сиську?

Глаза Питера сузились.

— Выбирай выражения, когда говоришь о ней.

— Вижу, вижу, да, — понимающе хохотнула ведьма. — А теперь убирайтесь отсюда, все. Я не потерплю воровства на своем болоте. А ты, Питер... Когда я снова увижу тебя, я получу твой глаз.

Питер направил на ведьму острие ножа.

— Зачем ждать? Вот я, а вот мой глаз.

Со свистом взмахнув клинком в воздухе, Питер двинулся вперед, но тролль схватил его за ворот.

— Питер, не будь идиотом!

— Танн-гност, — сказала ведьма, — ты требуешь слишком многого. Я никогда не пойду в бой в одном строю с этим отребьем.

Развернувшись, она двинулась прочь.

— Но, мама, — заговорила одна из девочек, — разве мы их не съедем?

— Цыц, — прошипела ведьма. — За мной.

С этими словами она удалилась, растаяла среди деревьев и кустов. Ползучие твари, лишившись цели, начали расползаться во все стороны. Баргесты попрыгали на деревьях и с шумом унеслись по своим делам. Девочки задержались чуть дольше. Какое-то время они, моргая, смотрели на Питера и Дьяволов, затем пожали плечами и вприпрыжку побежали в лес.

— Вот, — сказал тролль, указывая вниз, в долину.

Там, далеко внизу, клубился над деревьями, вздымаясь к небу, черный дым.

Питер не мог поверить собственным глазам.

— Не понимаю. Как же это может... — внезапно осекшись, он яростно сплюнул на землю. — Капитан! Бочки! Эти треклятые бочки!

— Что?

— Должно быть, Капитан притащил туда нефть. Ее-то они и пустили в ход!

Ник опустился на пень. Он чуял запах горящего дерева, но для него имело значение только одно: болото и Зеленозубая Джинни остались позади. Тролль вывел Дьяволов с болота через Куши-крик и поднялся на небольшую возвышенность, с которой был виден пожар.

Ник хлебнул еще воды из ведра, но, сколько бы он ни пил, сухость и саднящая боль в горле не проходили.

Сверчок наконец-то сумела сесть, привалившись спиной к камню. Дэнни лежал в траве рядом с ней. Сверчок выглядела ужасно, но Дэнни было еще хуже. Его лицо и шея покраснели и жутко распухли, он то приходил в себя, то снова терял сознание. Его очки на резиновой ленте болтались на шее; одно из стекол треснуло, оправка погнулась.

Тролль говорил, что с ними все будет в порядке, что краснохвостые любят теплую кровь, и их яд не убивает, а только парализует. Сказал, что долговременных эффектов, кроме оставленных жалом ран, не последует, и через пару часов все будут как новенькие. Но Нику не верилось, что он когда-либо станет как новенький. Болела голова, воспаленное лицо опухло, царапину на предплечье жгло огнем.

Едва выйдя из болота, Питер с троллем затеяли долгий спор о каких-то эльфах, о ведьме, о Пожирателях плоти. Речь шла о боях и убийстве, и Нику это совершенно не нра-

вилось. Он был сыт приключениями по горло. Ему не хотелось драться — ни с кем-либо, ни за кого-либо. Про себя он решил потребовать, чтобы Питер отвел его обратно, как только он поправится.

К Лерою, сидевшему рядом со Сверчком и Дэнни, подошел Абрахам.

— А знаешь, — сказал он, — ты ведь их от смерти спас. Есть чем гордиться!

По лицу Лероя скользнула торжествующая улыбка. Поспешив спрятать ее, он скромно пожал плечами.

— Понимаешь, так уж получилось... я об этом даже не думал.

— Вот это и есть настоящее испытание. Когда рискуешь всем ради товарищей-Дьяволов, даже не думая о себе, — он опустил руку на плечо Лероя. — Знаешь, что это значит?

Судя по ухмылке Лероя, он прекрасно знал, что это значит.

— Считаю, заслужил меч и нож. Считаю, принят в клан, стал Дьяволом!

Ослабившись, как крокодил, Лерой стрельнул взглядом в сторону Ника. Увидев, что Ник смотрит на него, он разом увял. Подняв ведро, он подошел к Нику.

— Как насчет водички, браток? — спросил он, присаживаясь на корточки рядом. — Лучше тебе? Заставил ты меня малость поволноваться.

— Ты вр... — прохрипел Ник, но тут же сморщился: распухшее горло саднило так, что не выговорить ни слова.

— Пустяки, Ники, — сказал Лерой. — Успеется с благодарностями.

«Вот сукин сын, мать твою так», — подумал Ник, бросив на него яростный взгляд.

Лерой воровато оглянулся. Дьяволы окружили Питера, разглядывая дым. Лерой склонился к Нику.

— Послушай, — зашептал он, — не заводишь. Столько всего произошло, да так быстро — просто голова кругом.

Вполне возможно, ты помнишь все малость не так, как я. Вот и все. И нечего шум поднимать, верно? Идет?

Ник сузил глаза и молча сунул Лерою под нос средний палец.

Ноздри Лероя раздулись, рот скривился так, будто он раскусил что-то кислое. Точно с таким же лицом он втапывал в пол пикси. Схватив Ника за руку, Лерой с силой сжал его пальцы.

— Слушай меня, — прошипел он. — Я слишком долго ждал этого. И, блин, дерьма за это время нахлебался по уши. И если ты мне теперь все изгадишь, убью, — он заломил Нику пальцы. Скривившись от боли, Ник стиснул зубы. — Без шуток, убью. Подстерегу спящего, рожу раскромсаю и глотку на хрен перережу!

Ник ясно видел: он не шутит.

— Понял меня? Понял?

Ник кивнул, и Лерой отпустил его.

Отвернувшись, Ник устремил помутившийся от выступивших слез взгляд в траву. «Пусть его, — подумал он. — Какая разница?» Ведь он все равно собрался уходить, верно? Ну, так пусть этот Лерой ходит в перьях и называется хоть Дьяволом, хоть Янки, блин, Дудлем сколько угодно. А Ник... Ник был сыт по горло — и Лероем, и всем местным безумием вообще.

— Пойду, — сказал Питер. — Встретимся в Дьявол-Дереве.

— Питер, — заметила Секеу, — это безумие. Нельзя тебе в Лес Владычицы. Эльфы убьют тебя.

Питер оглянулся на Таннгноста. Тролль ждал его в конце тропы. Глубоко вздохнув, он улыбнулся.

— Надо, сама понимаешь. У нас остались считанные дни. Пожиратели плоти наступают. Волшебство сдает. Вот пожрет скверна оставшийся лес — что будем есть? — он кив-

нул в сторону дыма. — Скоро придется жрать друг друга, как эти...

— Тогда все пойдем, — сказал Красная Кость.

Питер покачал головой.

— Нельзя. Такого эльфы ни за что не позволят. Единственный шанс убедить их в своей верности Владычице — это пойти одному.

— Ульфгер никогда в жизни не выйдет на битву в одном строю с тобой, — напомнила Секеу.

— Ага, — кивнул Питер, — и я никогда в жизни не выйду на битву в одном строю с ним. Но это не значит, что мы не можем скоординировать действия. Должен же он понимать: гибель грозит всем. Падем мы — падут и они.

— Ну, так позволь, хоть я с тобой пойду, — сказал Красная Кость. — Как, понимаешь, официальный сопровождающий важной дипломатической шишки. Трость с цилиндром за тобой таскать.

Он широко ухмыльнулся.

— Не-а, — ухмыльнулся в ответ Питер. — Но можешь помочь тащить Дэнни домой.

Дэнни уже смог сесть, но, судя по виду, идти куда-либо прямо сейчас или в скором будущем был не в силах. Глаза у него отекали, шея вздулась так, что он стал похож на жабу.

Таннгност нетерпеливо пристукнул посохом.

— Поки-чмоки, — сказал Питер, срываясь с места.

Он подбежал к троллю, и оба переступили границу Леса Владычицы.

— Окей, Питер, — заговорил тролль. — От этого разговора зависит сама жизнь Владычицы Авалона. Ты должен — обязан! — вести себя наилучшим образом.

— Я всегда веду себя наилучшим образом.

— Обещай, что забудешь прошлое.

Питер переменился в лице.

— Кое-что невозможно забыть никогда.

— Питер, — вздохнул Таннгност, — эта вражда... Все это было так давно...

Питер надолго умолк. В самом деле, все это было так давно... Огромные дубы на его глазах успели сбросить листву двадцать раз, однако он так и не повзрослел, и на его подбородке не проклюнулось ни единого волоска. Мальчик вытянулся, превратившись в поджарого, мускулистого подростка. Таннгност назвал его диким мальчишкой из темного леса и объяснил, что созреванию препятствует человеческая кровь в его жилах — сказал, что из-за нее Питеру никогда не повзрослеть. Все это говорилось в самых мрачных тонах, как будто Питера постигло проклятье, жуткая порча. Но Питер пустился в пляс, заскакал по хижине тролля, вне себя от радости: он никогда, никогда не превратится в ужасного, волосатого, грубого мужчину! Он наслаждался вечным детством дни напролет, и весь огромный лес служил ему площадкой для игр... до тех самых пор, пока его не отыскал Ульфгер.

Питеру вспомнилось, как отчаянно забилось его сердце. Он отлично знал: путь в Лес Владычицы ему заказан. Сколько раз Таннгност предупреждал его, говорил, что Ульфгер отдал эльфам приказ убить его на месте, как только увидят? Он уже решил повернуть назад, но тут увидел Сприггана. Подлый маленький гоблин стоял среди кустов, прямо на другом берегу пограничного ручья. Стоял и помахивал в воздухе своим трофеем — ножом, да не чьим-нибудь, а ножом Питера — дразнил его, издевательски подмигивал, зная, что Питер не посмеет последовать в Лес Владычицы за ним.

— Ах ты воришка! — закричал Питер.

Бросившись вперед, поднимая за собой тучу брызг, он пересек ручей. В эту минуту он позабыл и об Ульфгере, и о его эльфах-убийцах. От изумления глаза Сприггана чуть

не вылезли из орбит. Испуганный, он сорвался с места и помчался прочь.

В густом подлеске Питер быстро потерял его из виду. Он начал всматриваться в опавшую хвою, отыскивая следы гоблина, и так увлекся, что не заметил подкрававшихся сзади.

Услышав тихий хруст опавших сосновых игл, Питер обернулся. Он ожидал увидеть Сприггана, но вместо гоблина увидел копье, летящее прямо ему в грудь. Питер отпрянул назад. Копье просвистело мимо, оставив зарубку на его плече, и упало на землю посреди узкой тропки. Питер упал, кувыркнулся через голову, тут же вскочил и инстинктивно кинулся бежать, но в следующую секунду замер на месте. Их было трое — двое эльфов, а третий... Из-за него-то Питер и остановился.

Широкоплечий, широкогрудый, он возвышался над эльфами, точно башня, и превосходил в росте даже большую часть мужчин из тех, которых Питеру когда-либо доводилось видеть, но главное — глаза. Они и удержали Питера. Этих темных угрюмых глаз он не смог бы забыть никогда.

— Ульфгер, — прошипел Питер, не понимая, как этот рослый мальчишка превратился в такого громадного, звероподобного мужчину.

Ульфгер, стоявший перед ним, щеголял острой бородкой, завязанной узлом, и густыми темными бровями. На нем был красный с золотом мундир, украшенный вышитой на груди черной лосиной головой, черные кожаные штаны и сапоги до колен. На поясе, в ножнах, висел длинный палаш. Длинные волосы были расчесаны на прямой пробор и ниспадали на плечи, закрывая уши. «Точнее, не уши, а ухо», — подумал Питер.

Глядя на Питера, как человека, неожиданно откопавший на собственной грядке целый горшок золота, Ульфгер громко захохотал.

— Не может быть! Сам Аваллах прислал мне этот дар! И — ты только посмотри на себя! — он покачал головой

и снова презрительно захохотал. — Все тот же жалкий сопливый щенок! Это все — человеческая кровь. Те, кому здесь не место, прокляты Аваллахом.

Повинуясь знаку Ульфгера, эльфы обнажили длинные кинжалы, шагнули с тропы в стороны и двинулись вперед среди деревьев.

Питер попятился, внимательно следя за эльфами и отыскивая путь к бегству.

— В тебе явно нет ни капли здравого смысла, — продолжал Ульфгер, — иначе ты давно покинул бы Авалон. Хотя, должен признаться, я очень рад, что ты здесь и все еще жив. В противном случае я был бы лишен удовольствия убить тебя лично.

Выхватив палаш из ножен, Ульфгер двинулся на Питера. От Питера не укрылось, как бугрятся под кожей гигантские мускулы, как легко, будто ничего не весящим прутиком, противник взмахнул тяжелым палашом. При виде всего этого Питер почувствовал себя маленьким и беззащитным и впервые в жизни пожалел о том, что никогда не повзрослеет. Вот бы и ему такую силищу...

— Заходите с флангов, — громоподобным басом крикнул Ульфгер, — берите его в клещи, не дайте ускользнуть! И помните: он — моя добыча! Я убью его сам!

Тут Питеру попало на глаза копьё, брошенное в него одним из эльфов. Оно лежало на тропе у самых его ног. Подцепив древко носком ноги, он подбросил копьё вверх, поймал его в воздухе и что было силы метнул в Ульфгера.

Ульфгер, не моргнув и глазом, попросту отбил копьё палашом.

— Прекрасно, — захохотал великан, — так даже интереснее!

Питер развернулся и бросился бежать. Он тут же потерял из виду эльфов, но знал, что они держатся рядом. За спиной, на тропе, слышался громкий топот Ульфгера. Сердце бешено стучало в груди. Питер вновь почувствовал страх — страх

загнанного оленя. Страх был тем же самым, что и в тот день, когда люди гнались за Питером к Голлову холму, как будто с тех пор он не останавливался ни на минуту.

С одной стороны тропы лес поредел, и Питер увидел внизу, в крутом овраге за деревьями, болотце и заросли тростника. «Тростники, — подумал Питер. — В тростниках смогу оторваться». Свернув с тропы, он бросился к краю оврага. Один из эльфов прыгнул ему наперерез, и Питеру хватило времени только на то, чтобы с разбегу врезаться прямо в него. Эльф болезненно охнул. Столкнувшись, оба рухнули на землю. Питер, оказавшийся сверху, попытался вскочить, но эльф повис на нем, вцепившись в его руку. Вонзив большой палец ему в глаз, Питер высвободился и едва успел встать, как в живот ему угодил огромный черный сапог. Сильный удар поднял Питера в воздух и швырнул спиной о дерево. В ушах загремел смех давнего врага, перед глазами блеснула усмешка гиганта, и Ульфгер ударил его в лицо — прямо между глаз. Колени Питера подогнулись, он покачнулся и неловко осел на землю.

Ухватив Питера за волосы, Ульфгер поднес к его лицу зазубренное острие охотничьего ножа.

— Начнем, пожалуй, с уха?

Но Питер схватил его за руку и что есть сил впился в нее зубами. Хрустнул хрящ, рот наполнился кровью.

Ульфгер взвыл и отдернул руку, выпустив и Питера, и нож. Подхватив нож, Питер яростно взмахнул им перед собой. Ульфгер отпрянул назад и молниеносно обнажил палаш. Справа и слева от него встали эльфы с кинжалами наготове.

Слизнув кровь с большого пальца, Ульфгер бросил на Питера злобный взгляд.

— Довольно игр! — прорычал он.

Питер метнул в него нож. Лезвие отскочило от плеча Ульфгера, не причинив никакого вреда, но позволило Питеру выиграть секунду, в которой он так нуждался. Прыгнув

к краю оврага, он покатился вниз и с треском вломился в заросли тростника. Подняв взгляд, он увидел, что эльфы боком, оскальзываясь на крутом склоне, спускаются к нему, а Ульфгер следует за ними.

Питер вскочил и с плеском кинулся в затянутые легкой туманной дымкой заросли, стараясь затеряться в лабиринте густых высоких тростников и неглубоких черных мочажин. Он пробивался все дальше и дальше, пока ругань Ульфгера не стихла вдали.

Туман сгустился, и вскоре Питер обнаружил, что не может понять, куда направляется — затеряться и в самом деле удалось на славу. Он продолжал идти вперед, и инстинкты не подвели: местность вокруг начала меняться, земля сделалась твердой и серой, тростник поредел. Но туман продолжал сгущаться, окружив Питера клубящейся серой стеной. Не видя вокруг ничего дальше чем на два десятка шагов, Питер остановился. Казалось, стоит сделать еще шаг — и он заблудится навсегда.

В голове гудело. Болезненно ныла распухшая от удара Ульфгера бровь. Каждый вдох отдавался в ребрах мучительной болью. Осторожно ощупав их, Питер поморщился: уж не сломаны ли? Туман надвигался со всех сторон, будто стремясь задушить его. Питер закрыл глаза, стараясь успокоиться и понять, что делать дальше, и вдруг почуял знакомый запах. Он потянул носом воздух. Да — слабый, едва различимый аромат медвяной жимолости и вешних вод...

«Владычица?»

Тут Питер почувствовал на груди что-то теплое и открыл глаза. Цепочка — вернее, звезда Мабона — замерцала, что-то слабо блеснуло в тумане, впереди. Приблизившись, Питер увидел прямо под ногами тонкую нить золотой пыли. Мерцающий золотистый след тихо, спокойно, точно ленивый лесной ручей, струился над осклизлой серой землей. Питеру тут же вспомнились слова Владычицы о ее собственном Тумане.

«Может, это и есть ее туман?»

Следуя Пути, Питер пошел вперед. Мысли о Владычице целиком овладели его сердцем. Он мог бы поклясться, что издали слышен едва уловимый отголосок ее зова — вот только имя было чужим:

— Мабон...

Сколько раз он тайком пробирался в ее сад? Сколько раз часами лежал в кустах у Храма Аваллаха в надежде взглянуть на нее хоть одним глазком? И за все эти годы ему удалось увидеть ее только раз — там, во дворе. Она о чем-то беседовала с Хийси и смеялась. Слыша ее смех, Питер улыбался, и слезы текли по его щекам. От страстного желания быть рядом с ней ныло все тело.

Туман начал рассеиваться, послышался плеск волн, пахнуло морем. Серая земля в клубах тумана сменилась мокрой прибрежной галькой. Впереди тянулся вдоль берега каменистый уступ, поросший чахлыми соснами и елями. Ни буйной тропической зелени, ни следа волшебного народца... Воздух был холоден и сыр, от резких запахов защипало в носу. Даже крики птиц звучали непривычно. Однако все это отчего-то казалось странно знакомым. Все тело пробрала дрожь — и все не из-за резкого пронизывающего ветра. Питеру стало ясно, где он. Он понял, что вновь оказался в мире людей.

Вскарабкавшись на прибрежный уступ, Питер оглянулся назад. Туман подступал к самому берегу, и сквозь его клубы не было видно ни следа, ни намек на скрытое за ним волшебное царство. Первым побуждением было — отправиться назад, в Туман Владычицы, вернуться в безопасные леса Авалона. Но Питер, поморщившись, покачал головой. «Теперь опасность ждет меня и там, — подумал он. — Ульфгер не отступится, пока не убьет меня».

Он оглядел берег — бесконечные мили зимней серости, серости мира людей. «А что ждет меня здесь? — подумал

он, вновь мрачно покачав головой. — Смерть. В лучшем случае — всю жизнь прятаться по норам, как Голл. — Питер моргнул, сдерживая слезы. — Неужели для меня нет места нигде? — Он зло утер глаза. — Нужно где-то скрыться, хотя бы на время. Может, в один прекрасный день Ульфгери надоест охотиться за мной, и я смогу вернуться. Может быть. Но только не сейчас. Не сегодня».

Питер пошел вверх по пологому склону, но вдруг его сердце екнуло, и мальчик остановился. Это была она, Владычица. Даже здесь он чувствовал ее, словно она стала частью его души, и мысль о том, что он больше никогда не увидит ее, была просто невыносима.

«Ничего. Я вернусь. А если для этого придется убить Ульфгера, найду способ».

Он двинулся прочь от берега, перевалил гребень холма, и перед ним открылась широкая долина. Далеко внизу был явственно виден дым, возделанные поля и кучка домов. В душу вновь закрались прежние страхи. Казалось, он и сейчас слышит собачий лай и крики людей, гнавших его через лес. Давние воспоминания оказались удивительно ярким. Подавив дрожь, Питер сделал глубокий вдох и выпятил грудь.

— Пусть лучше они боятся меня, — сказал он. — Я — дитя Дивных. Я — тень во мраке. Я перережу им глотки во сне.

В тени сосен и елей лежал снег. Снега Питер не видел с тех пор, как покинул мир людей. Пришлось поплотнее закутаться в волчью шкуру. Шкура напомнила о том, что мир людей полон волков, медведей и рысей, и Питер пожалел о потерянном ноже.

К тому времени как он отыскал дорогу, тени заметно прибавили в длине. Земля на дороге была взрыта конскими копытами — множеством копыт и совсем недавно. В голове зазвучал голос Таннгноста. Старый тролль предостерегал Питера, призывал не делать глупостей, но Питер пошел вдоль дороги, прячась за кустами, беззвучно скользя от

дерева к дереву — точно так же он подкрадывался к диким волшебным созданиям в лесах Авалона. Вскоре он почуял запах дыма и едва не споткнулся о мертвое тело.

Женщина — совсем юная — лежала на спине в придорожной канаве. Клочья ее изорванного платья были втоптаны в грязь, ноги широко раскинуты в стороны, ужасная рана между ног, покрытая коркой запекшейся крови, чернела напоказ всему миру. Маленькие груди покрыты множеством глубоких порезов, бледная тонкая шейка — сплошь в синяках...

Стиснув зубы, Питер смотрел в ее безжизненные глаза. Приглядевшись, он понял, что она еще младше, чем ему показалось вначале — почти ребенок. Во что она любила играть? Что такого могла натворить, чем заслужила подобную смерть? Страх в сердце Питера сменился злобой и ненавистью. Он вспомнил, отчего никогда не хотел повзрослеть и превратиться в одного из этих...

Солнце, клонившееся к закату, скрылось за вершинами сосен, вокруг сгустились сумерки. Оставив девочку, Питер пошел дальше.

Второе мертвое тело, попавшееся ему на глаза, было телом мужчины, свисавшим с придорожного дерева. Он страшно обгорел; ворона, сидевшая на плече, клевала клочок его обугленной, разорванной щеки. На шее мужчины висела дощечка с нарисованным на ней белым крестом. К ногам его были привязаны головы женщины и двоих детей. Их тел поблизости видно не было.

Впереди показалась деревня — серые силуэты домов в сгущавшихся сумерках. Воздух был полон едкого запаха дыма.

Двигаясь дальше, Питер увидел человека, лежавшего посреди дороги. Его голова была проломлена у виска, светлые волосы слиплись от крови. В руках он сжимал копьё. Присев рядом, Питер высвободил копьё из окоченевших пальцев и снял с пояса убитого нож. За дорогой простиралось вы-

жженное пастбище. В самом его центре возвышалась дымящаяся груда обгоревших тел. На первый взгляд их насчитывалось около пятидесяти — и каждое было обезглавлено. Стая ворон, каркая, пиновала на груде тел, выклеывая самые лакомые куски. Питер вновь услышал голос Таннгноста, подсказывавший, что отсюда пора убираться подальше, но ведь Таннгност сам признавался, что если ему и суждено умереть, то от любопытства. Вспомнив тревоги старого тролля, Питер улыбнулся, поднялся и зашагал к деревне.

Держась в тени, он пробрался в деревню вдоль сточной канавы, шмыгнул за обугленный остов сожженного амбара и едва не нос к носу столкнулся с тремя волками, пиновавшими над телом женщины. Ее огромный живот был взрезан от паха до груди; морды волков, жадно вгрызавшихся в его содержимое, влажно блестели от крови. Увидев Питера, волки подняли головы и угрожающе заворчали. Из пасти одного свисала крохотная ножка еще не рожденного младенца. Обойдя зверей стороной, Питер углубился в деревню.

Большая часть построек была сожжена дотла. Кое-где еще тлели догоравшие бревна. Кроме карканья ворон вдалеке, вокруг не было слышно ни звука.

Укрывшись среди остатков стен сожженной конюшни, Питер присел в тени и принялся осматривать деревню сквозь щели.

На площади посреди деревни возвышался крест из свежеотесанных брусьев. На кресте безжизненно висел человек. Туго натянутая веревка впивалась в его шею и грудь, раскинутые в стороны руки были крепко притянуты к перекладине, а ладони и ступни — прибиты к дереву огромными железными гвоздями. На нем был длинный балахон, украшенный изображениями пляшущих зверей и спиралями из символов солнца, луны и звезд. Одевание было разорвано сверху донизу. Густые потеки запекшейся крови тянулись вниз вдоль внутренней стороны бедер казненного, образуя черную лужу на земле. Приглядевшись, Питер увидел, что

гениталии убитого грубо отсечены и засунуты в рот. С креста свисало не меньше трех десятков голов — мужских, женских, детских. В сгущавшихся сумерках казалось, что некоторые из них смотрят на Питера так, будто вот-вот заговорят с ним. Ни эта картина, ни все остальное Питеру ничуть не нравились. Оставаться здесь было незачем. Питер решил, что пора уходить, но тут же услышал громкий, быстро приближавшийся топот копыт, а затем и мужские голоса, и поспешил снова укрыться в конюшне.

На площадь, ведя в поводу лошадь, вышли двое. Лошадь тянула за собой цепочку связанных ребятишек. Мужчины были одеты в кольчуги и одинаковые синие накидки с белым крестом на груди. На поясе у каждого висел короткий меч. Питер насчитал восемь пленных детей — в основном из тех, что постарше. Их руки были связаны за спиной, шеи захлестнуты петлями длинной веревки. Все были перемазаны грязью и копотью, кое-кто — в синяках и страшных кровавых ранах; в глазах — детских глазах, успевших повидать слишком многое — застыли отчаяние и ужас.

— Ну, вот и нашли, — раздался мужской голос где-то за спиной Питера.

Прямо к его укрытию шли еще двое солдат, вышедших из леса. Решив, что речь о нем, Питер замер и затаил дыхание. Но они с громким топотом прошли мимо. Между ними шла девочка — высокая, длинноногая, однако еще ребенок. Ее простое розовое платье с оторванным рукавом было забрызгано грязью. Выйдя на площадь, солдаты грубо толкнули ее вперед, к первым двоим, стоявшим возле лошади.

— Отыскиали нескольких, укrywшихся там, на холме, — сказал один из подошедших — крепко сложенный, лысый, заметно хромавший из-за того, что одна его нога была короче другой. — Остальным удалось удрать, но ту, что нам нужна, изловили.

Солдат осклабился. Двое с лошадью смирли девочку оценивающими взглядами и осклабились в ответ.

— А что? Пока дожидаемся барона, не грех и позабавиться, — сказал жилистый беззубый солдат в черном капюшоне.

Остальные загоготали.

От опушки леса, с юга, к ним подошел пятый. Этот был ниже остальных, с толстенными мускулистыми руками и жесткой черной бородой. В отличие от прочих, на голове его красовался шлем с торчавшим кверху белым плюмажем.

— На юге — ничего, — сказал он. — Хватит с меня охоты на этих щенков. Как по мне — пустая трата сил. Все равно слуги из них — хуже некуда. Можешь пороть, пока руки не отвалятся, и все равно дикость из них не выбьешь. Если барону нужны остальные, я так скажу: пусть сам выкуривает их из леса.

Все согласно закивали.

— Точно, сэр, они ж как крысы — прячутся в норах да под камнями. Хоть месяц ищи — все одно всех не найдешь.

— Правду сказать, остальных все едино прикончит зима.

— А где барон со стражей, сэр? — спросил беззубый. — Куда их теперь понесло?

— Скоро вернутся, — ответил бородатый. — Разведчики отыскиали среди холмов еще одну деревню нехристей. Всего-то несколько хижин. Барон со стражей отправился туда, обращать их в истинную веру.

Все пятеро захохотали.

— А что, сэр, не позабавиться ли нам, пока ждем? — спросил лысый, вытолкнув вперед высокую девочку.

Бородатый оглядел девочку с головы до ног, кивнул, снял шлем, стащил перчатки и бросил их на землю. Нежно тронув пальцем щеку девочки, он сгреб в горсть ее длинные рыжие волосы и запрокинул ей голову назад. Только теперь Питеру удалось как следует рассмотреть ее лицо — испуганные светло-зеленые глаза, широкий рот и полные губы.

— Ишь, ведьмино отродье, — сказал бородатый, скользнув пальцами вдоль шеи девочки и крепко сжав ее плечо. —

Кровь пьешь и пляшешь вокруг своего рогатого бога? Сознawайся, пьешь? Пляшешь?

Девочка молчала.

Бородатый медленно провел ладонью вдоль ее тела и с силой стиснул пальцами бедро.

— Бьюсь об заклад, ползаешь перед ним на карачках, голая, и хрюкаешь, как свинья. А потом подставляешь голую задницу лесным зверям, так? — он встряхнул девочку. — Сознawайся, так?

Солдаты приснули от смеха. Беззубый оттянул пальцем нижнюю губу и звучно чпокнул ею о верхнюю.

Бородатый усмехнулся и сунул руку под платье девочки, грубо раздвигая ее ноги.

Девочка вскрикнула и хлестнула его по лицу, расцарапав ногтями щеку. Отпустив ее волосы, бородатый попытался ухватить ее за запястье. Девочка вырвалась и бросилась к опушке леса.

Питер вскочил на ноги и крепко сжал в руках древко копья. «Демоны, — подумал он. — Весь род людской — просто демоны».

Беззубый рванулся за девочкой, поймал ее за волосы и швырнул в грязь. Еще двое навалились на нее, прижав ее руки к земле.

Бородатый ощупал лицо, взглянул на следы крови на пальцах и сплюнул.

— Вот сучка рваная...

Подойдя к распятой на земле девочке, он расстегнул пояс, отчего его штаны упали до самых щиколоток, встал на колени между ее ног и рывком задрал ей подол.

Питер выскользнул из укрытия, пригнулся и крадучись двинулся к солдатам — копье в одной руке, нож в другой.

Девочка плюнула в лицо бородатого и забрыкалась, пытаясь оттолкнуть его. Солдат дважды хлестнул ее по щекам, до крови разбив губу, и сильно ударил в живот. Сдавленно охнув, девочка прекратила брыкаться.

— Это изгонит из тебя дьявола, — сказал бородатый. — Эй, две кружки меда тому, под кем она заверещит громче! Кто участвует?

Остальные с ухмылками закивали.

Питер вскинул копье к плечу, прикинул расстояние и приготовился к броску, но вдруг увидел человека, выбежавшего из дома неподалеку и бросившегося к солдатам.

Это был мальчишка не старше двенадцати, один из местных крестьян-язычников. Склонив вперед копье, он мчался на солдат со всех ног. Питер отчетливо видел ужас в его широко раскрытых глазах, и все же мальчишка бежал вперед.

Увидев мальчишку, лысый солдат предостерегающе крикнул, но предупреждение на миг запоздало. Острые копья вонзились в спину бородатого и вышло из груди.

Лысый вскочил, одним ударом сбил мальчишку с ног и выхватил меч, но тут Питер метнул копье. Копье угодило в шею лысого сзади, пронзило ее насквозь, разрывая горло, и лысый рухнул лицом в грязь.

С победным воем Питер подскочил ко второму солдату прежде, чем тот успел вынуть меч из ножен, вонзил нож ему в бок, провернул лезвие и дернул, взрезая брюхо поперек. Кишки солдата хлынули из раны наружу, курясь паром в холодном зимнем воздухе. Издав громкий мучительный стон, он упал на колени.

Двое оставшихся солдат бросились к Питеру, но Питер легко увернулся и от удара в голову, и от другого, направленного в грудь. Да, эти люди были огромны и сильны, но Питер был быстрее, намного быстрее — казалось, оба гиганта движутся в густом, вязком сиропе. Поднырнув под удар, Питер всадил нож в пах нападавшего и почувствовал, как лезвие глубоко вошло в тело. Солдат жутко взвыл, и глаза Питера засверкали. Этот звук оказался невыразимо приятен — Питер просто упивался им.

На ногах оставался только беззубый. Взглянув на мертвых и умирающих товарищей, он перевел взгляд на Питера

и уставился на него так, будто перед ним стоял демон, какой-то языческий бог, жаждущий мести.

Питер зловеще ухмыльнулся. Огромные сильные мужчины, вселявшие в его сердце такой ужас, целую вечность преследовавшие его в кошмарных снах, оказались всего-навсего медлительными бестолковыми животными. Бой превратился в игру — самую захватывающую из всех, в какие ему только доводилось играть. Слизнув с клинка кровь, Питер громко зарычал.

Солдат развернулся и бросился бежать.

Питер заулюлюкал и кинулся вдогонку. В мгновение ока догнав бегущего, он с разбегу прыгнул ему на спину, одним махом перерезал горло и повалил врага в грязь. Из широкой раны в горле, клокоча и пузырясь, хлынула кровь. Не отпуская врага, Питер смотрел ему в лицо, пока взгляд солдата не остекленел.

Негромкий стон заставил Питера вскочить на ноги. Один из солдат был еще жив. Зажав пах ладонями, раненый пытался уползти; широкий кровавый след тянулся за ним по земле. Подхватив оброненный кем-то меч, Питер двинулся к нему. К его удивлению, языческий мальчишка схватил копье и тоже бросился за уползавшим. Питер остановился, ожидая, что последует дальше. Подбежав к раненому, мальчишка ударил его в спину копьем — раз, другой, третий... Раненый обмяк и затих, но мальчишка никак не мог остановиться.

— Ублюдки!!! — кричал он. — Подлые вонючие ублюдки!!!

Наконец высокая девочка остановила его, и мальчишка заплакал, отчаянно зарыдал, содрогаюсь всем телом.

Девочка перевела взгляд на Питера.

— Кто ты? — спросила она.

Мальчишка разом умолк, оттолкнул девочку назад, за спину, и направил на Питера копье. Его покрасневшие от слез глаза были полны страха, но копье даже не дрогнуло в руках.

— Что тебе нужно?

Питер пригляделся к мальчишке. Тот, несмотря на весь свой страх, готов был биться с Питером насмерть — это явственно было видно по его лицу. Вдвоем они только что прикончили пятерых. Питер взглянул на ребят, привязанных к лошади. Их взгляды были точно такими же жесткими, как у мальчишки с копьём.

«Этих — восемь, — подумал Питер. — Всего — десять, и, может быть, еще горстка прячется в холмах. Отчаявшиеся, на все готовые дети, оставшиеся без крова... А вокруг полно копий и мечей, — Питер побарабанил пальцами по подбородку. — Интересно, что скажет Ульфгер, если в его лесу объявится целый клан вот таких вольных и бесстрашных ребят?»

Улыбнувшись своим мыслям, Питер бросил нож, воткнул меч в землю, шагнул вперед и упер руки в бедра.

— Меня зовут Питер. Я ищу себе новых друзей.

Во взгляде мальчишки мелькнуло изумление.

— А я — Вендлин, — ответила девочка.

Питер подошел к самому острию копья мальчишки и протянул руку. Нерешительно взглянув на его ладонь, мальчишка оглянулся на Вендлин. Та кивнула. Мальчишка опустил копье и подал руку в ответ. Сжав ее изо всех сил, Питер широко улыбнулся, и мальчишка, и девочка, и остальные ребята, конечно же, заулыбались в ответ — ведь улыбки заразительнее было не найти на всем белом свете.

— Послушайте, — сказал Питер, — я знаю место, куда мы все можем уйти. И там в тыщу... нет, в сто тыщ раз лучше, чем здесь.

— Питер, это безумие. Ты должен отвести их обратно! — сказал Таннгност.

— Нет, — ответил Питер, скрестив руки на груди. — Это мои друзья.

— Ты сам не понимаешь, что творишь. Абсолютно не понимаешь. Рогатый ни за что не позволит человеческим детям остаться здесь.

— Идем, покажу нашу крепость!

Питер махнул рукой, приглашая Таннгноста за собой.

— Не пойду. Не желаю иметь ничего общего с этими глупостями. Питер, как только Ульфгер узнает об этом, эльфы устроят на тебя охоту и перебьют вас всех.

Питер свистнул, и на тропу с деревьев спрыгнули пятеро ребят — копья наготове, зубы оскалены, гибкие мускулистые тела в боевой раскраске. Рыча, злобно сверкая золотыми глазами, они окружили тролля.

— Пусть попробуют, — заявил Питер. — Мы скормим им их собственные носы.

Подняв копье, он завыл. Ребята завывали ему в ответ, застучали зубами, пронзая копьями воздух.

Троль закатил глаза и отбил одно из копий в сторону.

— Убери от меня эту занозу, мелкий прыщ! — рыкнул он на маленького мальчишку в енотовой шкуре. Морда зверька была натянута на голову мальчишки, словно маска.

— Теперь это наш лес, — сурово сказал Питер. — Он принадлежит нам, Дьяволам. Все земли отсюда до Гоггикрик отныне — Дьявольский лес, и всякий, вошедший в него, рискует навлечь на себя наш гнев.

Таннгност вздохнул и покачал головой.

— Дьявольский? Скорее, Лес Недоумков. Питер, ты очень, очень многого не понимаешь... — троль бросил взгляд на одного из мальчишек, чуть старше остальных. — Волшебство Дивных может оказаться отравой для их рода. Если кто-то из этих детей старше, чем нужно, они обратятся. Ты хоть немного представляешь себе, что это значит?

Питер бросил на тролля настороженный взгляд.

— Волшебство может изуродовать их, превратить в кровожадных демонов.

— Нечего меня пугать. На этот раз не выйдет.

— Питер, у тебя и без того достаточно врагов. Те, у кого много врагов, долго не живут. И я не желаю видеть тебя повешенным.

Таннигност отвернулся и, громко стуча копытами, двинулся прочь.

Услышав свист, Питер подхватил меч и осторожно выглянул из-за дерева. Свист означал, что Ульфгер близко. Питер быстро огляделся. Все Дьяволы были на местах и хорошо замаскированы.

«Мы готовы», — сказал он себе, чувствуя, как дрожат руки — но не от страха, от возбуждения. «Я жив, — думал он, вслушиваясь в стук собственного сердца, — живее, чем когда-либо. Начинаем игру — великолепнейшую из игр. Теперь у меня тридцать Дьяволов, тридцать отважных и грозных воинов». Сколько же они тренировались, готовясь к этой самой минуте? Два сезона? Три? Теперь их обучение конечно, а вместе с этим настал конец и жизни в страхе — перед людьми, перед эльфами и перед Ульфгером. Эти одичавшие ребята больше не отступят ни перед кем. Они готовы драться и убивать. Теперь они — Дьяволы, а этот заросший клочок земли — их лес.

Впереди показался Ульфгер во главе отряда из восьми хорошо вооруженных эльфов. Они шагали прямо по главной тропе, как Питер и ожидал: несомненно, Ульфгер был уверен, что вся его затея — не опаснее охоты на лис. «Ну что ж, — подумал Питер, — у этих лис острые зубы».

Дождавшись, когда они приблизятся ярдов на двадцать, Питер выступил на тропу и направил на Ульфгера меч.

— Здесь Дьявольский лес! Мой лес! — крикнул он. — Вон отсюда!!!

Ульфгер остановился и поднял руку в латной перчатке. Эльфы встали по обе стороны от него, перегородив тропу. Смерив Питера взглядом, Ульфгер презрительно усмехнулся.

— Похоже, в Темнолесье завелись крысы. Сдавайся и вели сдать свои крысенышам, и я обещаю вам снисхождение.

Питер прекрасно видел, что при них нет ни сетей, ни веревок, ни каких-либо других уз — только мечи да копья, — и понимал, что «снисхождение» Ульфгера означает не более чем быструю смерть.

— Похоже, ты не расслышал меня, — сказал он. — Неужели слышать одним ухом так трудно?

Ульфгер полоснул его злобным взглядом.

— Время игр и забав кончено, недомерок.

Выхватив из ножен длинный широкий палаш, он со свистом рассек им воздух и двинулся вперед. Эльфы шагнули за ним, расходясь по лесу веером.

Питер свистнул. Лес ожил, откликнувшись многоголым воем. Ребята попрыгали с деревьев, поднялись из кустов, нацелив на эльфов копья, мечи и секиры, зарычали, залязгали зубами.

Эльфы испуганно заозирались, в их узких глазах мелькнули потрясение и страх. Дьяволы принялись сгонять противников в тесную кучу, подбадривая их легкими уколами копий.

Ульфгер завертелся на месте, онемев от изумления, не понимая, как положение могло измениться столь быстро и бесповоротно. Стиснув рукоять палаша обеими руками, он попятился назад и наткнулся на эльфов.

— Бросайте оружие! — крикнул Питер. — Считаю до четырех! Раз!!!

Эльфы переглянулись.

— Два!!!

Дьяволы вскинули копья, готовясь к броску. В их взглядах не было ни игривого веселья, ни милосердия. То были взгляды детей, успевших повидать куда больше жестокости и смерти, чем им хотелось бы.

— Три!!!

Эльфы побросали копья.

— Что вы делаете?! — закричал Ульфгер.

Трое дьяволов подступили к нему. Острия копий блеснули в воздухе в дюйме от лица Ульфгера.

— Дело за тобой, Ульфгер, — сказал Питер.

Клинок в руках Ульфгера задрожал, лицо его исказилось от гнева, темные глаза полыхали огнем. Застонав от бесильной злобы, он бросил палаш на землю.

— Соберите все их оружие, — велел Питер. — Добрые эльфийские клинки нам пригодятся.

Несколько ребятишек помладше скользнули вперед и быстро избавили пленных эльфов от мечей и кинжалов.

— Воры, — сказал Ульфгер, презрительно сплюнув под ноги. — Отребье. Подлейшая из каст.

Питер ткнул его под подбородок острием меча.

— Раздевайся. Снимай все.

— Что?

Темные глаза Ульфгера вспыхнули от гнева.

— Нет. Надо так: «Что, лорд Питер?» Или, например: «лорд Питер, позволь мне...» Или: «позволишь ли мне, лорд Питер...»

Ульфгер бросил на Питера испепеляющий взгляд.

— О, неужели ты забыл эти простейшие начатки этикета? — спросил Питер.

По лицу Ульфгера было прекрасно видно, что он не забыл ничего. Питер коленул его в шею — слегка, чтобы только проткнуть кожу.

— Снимай все. Живо.

Ульфгер стащил сапоги, сбросил мундир, тонкую кольчугу, снял штаны и, наконец, предстал перед всеми совершенно голым.

Дьяволы захихикали и засвистели. Ульфгер побагровел, его губы тряслись от злости.

— Ты... еще пожалеешь... об этом.

Питер плашмя хлестнул его клинком по щеке. Ульфгер пошатнулся и едва не упал. Сплюнув на землю, он утер губы и взглянул на окровавленную ладонь.

— Ты забыл. Ко мне нужно обращаться «лорд Питер». Ульфгер сузил глаза.

Питер поднял меч.

— Повтори! И тогда, может быть — может быть! — уйдешь отсюда с яйцами между ног, а не в зубах.

— Лорд Питер, — выдавил Ульфгер сквозь стиснутые зубы.

— Хорошо. Теперь развернись. За тобой должок.

Похоже, Ульфгер утратил дар речи: он просто замотал головой.

Питер чиркнул острием меча по его щеке, слегка надрав кожу. Ульфгер вздрогнул и сдавленно вскрикнул.

— Если мне придется повторять просьбу, лишишься второго уха.

Ульфгер медленно повернулся к нему спиной.

Питер от души замахнулся и изо всех сил плашмя перетянул его клинком поперек зада. Громкий шлепок эхом раскатился по лесу. Ульфгер взвизгнул. Питер ударил еще и еще. Ребята болезненно морщились при каждом ударе. Ульфгер всхлипнул, качнулся вперед и упал на землю.

Питер склонился к его уху.

— Это — Дьявольский лес, — сказал он. — Мой лес. Еще раз войдешь в него хоть на шаг — загоню этот меч тебе в задницу по самую рукоять, — Питер с оттяжкой пнул Ульфгера пониже спины. — А теперь вон отсюда!

Ульфгер поднялся на ноги и захромал по тропе восвояси. Дьяволы кинулись следом. Завывая, улюлюкая, лая, забрасывая побежденного врага сосновыми шишками и комьями грязи, они проводили его до самого берега Гогги-крик.

Пронзительный щебет над головой вернул Питера из прошлого в настоящее. В воздухе мелькнули зеленые фигурки: феи — сразу три — спрыгнули с ветки и улетели вперед, вдоль тропы.

— Похоже, вести о нашем визите опережают нас, — с иронической усмешкой сказал Таннгност. — Смотри в оба: скоро хозяева выйдут встречать высоких гостей.

Оглядевшись, Питер заметил каменный выступ совсем рядом с тропой.

— Подождем там, наверху, — предложил он. — Эти камни дадут мне хорошую фору, если вдруг потребуется уйти пораньше.

Троль кивнул, и оба полезли наверх.

— Все будет хорошо, — сказал Таннгност. — Если, конечно, придержишь язык и не станешь злить его. Он не сможет поднять на тебя меч после того, как его собственный отец пожаловал тебе место среди Дивных. Честь обязывает его хотя бы выслушать нас.

— Честь? У Ульфгера нет чести.

— Честь у Ульфгера имеется — во многих отношениях это и есть главная причина его несчастий. Он связан тем, что полагает своим долгом; насколько искажено его понимание долга — уже другой вопрос. Он чтит милости, оказанные его отцом. Но не мне предупреждать тебя об осторожности. Сам знаешь: он был бы рад убить тебя. И если отыщет повод объявить тебя угрозой Авалону или благополучию Владычицы, непременно попробует сделать это.

— Судя по твоим рассказам, он держит Владычицу чуть ли не в плену.

— Питер, ты искажаешь мои слова. Я никогда не говорил такого вздора.

— Ты сказал, что он никого не допускает к ней и не позволяет ей выходить. Когда ты в последний раз видел, чтоб она выходила из убежища?

Огромные мохнатые брови Таннгноста сошлись на переносице.

— Точно не помню. И даже не знаю, выходит ли она оттуда вообще.

— Вот видишь!

— Однако я не верю, что это — козни Ульфгера. Похоже, с гибелью Великого Рогатого погибла и часть Модрон. Я видел ее однажды, мельком, через какое-то время после той великой битвы. Она не узнала меня. Возможно, даже и не видела — смотрела сквозь меня, будто спала с открытыми глазами. А эльфы говорят, что со временем она становится все апатичнее и слабее. К сожалению, она пренебрегает заботой о Тумане, и в нем, как тебе хорошо известно, расплодился слуа. Они питаются им... питаются ею, — тролль помолчал. — Боюсь, если она окончательно утратит волю, Туман исчезнет. И это будет концом для всех нас... — Таннгност собрал в кулак свою длинную бороду и надолго задумался. — Да... так о чем это мы?

— О том, что за осел этот Ульфгер, — улыбнулся Питер.

— Ах, да. Верно. Вот что я хотел сказать. Каковы бы ни были недостатки Ульфгера, ты никогда не должен забывать: он — сын Рогатого. Он, и только он, может надеть Рогатый Шлем и взять в руки Калибурн.

— Но ведь меч сломан.

— Даже сломанный, этот клинок хранит в себе достаточно силы и яда, чтобы помочь нам оттеснить Пожирателей плоти в Туман.

— Но ты никогда не рассказывал мне об этом! Чего же мы ждем? — голос Питера зазвенел от возбуждения. Глаза его загорелись. — Где они его держат? Доберусь и стащу. Да будь у меня этот меч, я справился бы с Пожирателями плоти сам!

— Питер... — Таннгност запыхтел и постучал по лбу мальчика. — Ты хоть когда-нибудь слушаешь меня? Неужели ты проспал все мои уроки? Неужели все жемчужины моей мудрости растрочены на безмозглого глупца? Калибурн был выкован Аваллахом и дарован Рогатому с тем, чтобы тот защищал Авалон вместо него, изгонял чужаков прочь.

— Я знаю, — пробормотал Питер.

— Одно его прикосновение означает смерть. Только те, в ком течет кровь древних династий, могут взять его в руки. И кто из таковых еще с нами?

Питер пожал плечами.

— У тебя на плечах голова или погремушка? — сказал Таннгност. — Ульфгер. Из наследников древних династий не осталось никого, кроме Ульфгера. Даже эльфы не могут коснуться этого меча, не обжегшись. А полукровка вроде тебя... Да ты просто выгоришь изнутри!

Питер помрачнел.

— Питер, нравится тебе это или нет, без Ульфгера не обойтись. Мы должны сделать все, чтобы убедить его присоединиться к нам.

— Ну, одно могу сказать: если ты хоть чуточку полагаешься на него, то это у тебя на плечах не голова, а погремушка. Ульфгер — трус. И все кончится точно так же, как у Русалочьей бухты.

— Нет, он не трус. Просто слишком увяз в прошлом. Ульфгер унаследовал от отца физическую мощь, но не силу воли. Он никак не может подняться над призраком отца. Ведь он не по своей воле остался в стороне от той великой битвы. Отец заставил его дать клятву защищать Владычицу и ее сад, что бы ни случилось. Ульфгер держит эту клятву до сих пор и не оставит Лес Владычицы. Пусть Авалону грозит скорая гибель, он не усомнится, что его долг — оставаться с Владычицей.

Питер издал неприятный смешок.

— Прячется за этим долгом, как за мамкиной юбкой...

— Может, и так, однако...

Питер предостерегающе поднял руку и склонил голову набок.

— Они здесь.

На тропе, на небольшом взгорке, стоял Ульфгер в окружении дюжины эльфов, вооруженных мечами и копьями. Их сильно поношенные кожаные доспехи были окрашены в цвета леса, а Ульфгер до сих пор щеголял в том самом красном с золотом мундире. Мундир успел немного обветшать, но на его груди чернел все тот же герб — рогатая лосяная голова.

— Назойливый тролль, всюду сующий свой нос, и отродье людей, — заговорил Ульфгер. — И ни тому ни другому здесь не рады. Что ж, кара за нарушение границ Леса Владычицы лишь одна... смерть.

Клан

Проглотив ложку каши, Ник поморщился. В горле до сих пор саднило, но тролль оказался прав. Если не считать ломоты в висках, он чувствовал себя намного лучше. Сверчок с Дэнни тоже морщились при каждом глотке, но все они так проголодались, что вылизали миски дочиста.

На раны, оставленные жалом, все еще страшно было взглянуть, но Секеу смазала их какой-то мазью, и покраснение почти прошло, а опухоль спала.

— Ребята, что вы знаете о Пожирателях плоти? — спросил Ник.

— Немногое, — ответила Сверчок. — Мне ничего не говорили. «Узнаете в свое время», вот и все.

— Что бы это значило? — протянул Ник. — Не нравятся мне все эти секреты. А вас, ребята, они не смущают? То есть...

Лерой отставил миску, подошел к Нику и уселся рядом.

— Сумасшедший денек, а? — жизнерадостно, едва ли не дружелюбно сказал он.

Ник с отвращением отвел взгляд и уставился в пустую миску. Наступило долгое молчание.

Сверчок вздохнула.

— Лерой, Абрахам рассказал мне, что ты сделал, — сказала она, протягивая Лерою руку. — Спасибо.

Лерой просиял и пожал ее руку.

— Черт, там просто все как завертелось... Сам не пойму, как вышло.

Дэнни вертел в руках очки, пытаясь выпрямить погнутую оправу, а попутно и оценить ситуацию. Руки он Лерою не подал, но тоже сказал:

— Спасибо.

Насколько Ник мог судить, его благодарность была вполне искренней.

— Эй, — заговорил Лерой, — я знаю, что порой могу вести себя как полное дерьмо. Но... ребята, может, плюнете на это все? Я что хочу сказать: ребята, может, начнем все заново, а? Что скажете? Дружба?

Сверчок с Дэнни переглянулись, кивнули друг другу и, наконец, ответили:

— Дружба.

Ник промолчал.

— Теперь я стану Дьяволом. Дьяволы должны стоять друг за друга, — сказал Лерой, протягивая руку Нику. — Верно, Ник?

Ник даже не взглянул на него. Он молча возил ложкой по дну пустой миски.

— Верно, Ник? — заметно резче повторил Лерой.

«Нет, — подумал Ник. — Больше я эту роль играть не стану. Хватит с меня всей этой хрени — и Питера с его играми, и, уж конечно, Лероя».

Ник встал из-за стола и направился к корням, не обращая внимания ни на растерянные взгляды Сверчка и Дэнни, ни на крайне расстроенный вид Лероя.

Присев под корнями, Ник закрыл глаза. После еды по всему телу разлилось приятное тепло. Он был уверен, что между ним и Лероем еще ничего не кончено, но это можно было оставить на потом. Сейчас у него болела голова, хотелось побыть одному и разобраться в собственных мыслях, но всего через минуту к нему подсели Сверчок и Дэнни.

— Ну-у-у? — требовательно протянула Сверчок?

Ник промолчал.

— Ну, что там у тебя с Лероем?

— Ничего.

— Да-да, конечно! — казалось, Сверчок может взорваться в любой момент. — Давай, рассказывай. Что он натворил на этот раз? А? Что?

— Ничего, — резко ответил Ник, не понимая, отчего в этот вечер абсолютно все решили довести его до белого каления. — Забудь. Все в порядке.

— Слушай, что с тобой? — не унималась Сверчок. — Лерой тебе жизнь спас. Вроде бы можно с ним помягче. Подумай о...

— Ребята, а вы по дому не скучаете? — перебил ее Ник.

— Нет, — без колебаний ответила Сверчок. — Ничуть. Там вправду было хреново. Отец... — она оборвала фразу, помедлила, будто хотела добавить что-то еще, но в конце концов только покачала головой. — Теперь мой дом — Дьявол-Дерево.

«Насколько же все было плохо там, если здесь, среди этих кретинов, ей спокойнее, чем в собственной семье?» — подумал Ник.

— А мне не хватает шоколадных хлопьев, — сказал Дэнни.

Ник со Сверчком дружно закатили глаза.

— Нет, я не шучу, — сказал Дэнни, продолжая попытки выпрямить очки. — А вы не готовы прямо сейчас убить ко-

го угодно за миску шоколадных хлопьев? Или попкорна из микроволновки? А вот чего мне в самом деле не хватает, это — обычной, мать ее, туалетной бумаги. Никогда бы не подумал, что туалетная бумага — одно из величайших изобретений человечества. А знаете, что еще? Мне не хватает моего геймбоя. И моей глупой собачонки, мопса по кличке Пятачок. У нее что-то не так было с носом, и она все время хрюкала. Совсем как поросенок. Такая забавная... Маленькая, морда как у обезьянки, а храпела громче папки. Приходилось на ночь запираить ее внизу, в прачечной, иначе уснуть было невозможно. По школьным друзьям тоже немного скучаю. И по мамке с папкой, наверное, тоже. Но... — он невесело рассмеялся. — Больше всего мне не хватает этого треклятого геймбоя.

Ник со Сверчком молча смотрели на него. Наконец Ник спросил:

— Дэнни, так отчего же ты удрал из дому?

— Что? А, потому что школу поджег. А потом увидел, сколько пожарных и полиции понаехало, и решил, что лучше слиться из города.

— Что ты сделал?! — в один голос спросили Ник и Сверчок.

— Ну, — осторожно ответил Дэнни, — я разозлился на эту старую кислятину, миссис Керри. Это она отобрала у меня геймбой.

— И из-за этого ты сжег школу? — спросил Ник.

— Да. То есть нет... В общем, вроде того. Хотел сжечь. Но удалось сжечь только кусты и кусочек крыши, а потом...

— Здорово, Дэнни, — перебила его Сверчок. — А ты, Ник? Отчего ты сбежал?

— Надо было.

— Зачем?

— Долгая история. В бабушкин дом въехали кое-какие типы. Кончилось это плохо.

— Что, прямо настолько плохо? — спросила Сверчок.

Ник закатал рукав и показал обоим ожог на предплечье.

— Да-а, — протянула Сверчок. — И правда...

— И за это надо сказать спасибо моей мамаше.

— Это она сделала?!

— Нет, но все из-за нее. Это она додумалась сдавать комнаты в бабушкином доме. И переехать в Бруклин — тоже была ее идея. Раньше мы жили в Форт-Брэгге, в Южной Каролине, а потом папа погиб, и мать решила, что нам нужно переехать к бабушке. Сказала, что с деньгами туго. И по той же причине уговорила бабушку сдать комнаты первого этажа. Вот так в нашем доме и появился Марко с друзьями. Это он мне руку жег.

Ник покачал головой.

— А я ведь сразу понял, что эти типы — полное дерьмо. Как только их увидел. Понимаете? Но мамаша так обрадовалась съемщикам, что готова была перед ними в лепешку разбиться. И что? Оказалось, эти козлы — уличные наркоторговцы, и, благодаря мамаше, чувствуют себя у нас как дома. Вот скажите, вы можете в такое поверить?

Вскоре в доме стало не протолкнуться от каких-то пацанов с дурью. Одни уходят, другие приходят... Начали торговать круглые сутки прямо с заднего крыльца. Как будто это их собственный дом!

— И она не вызвала полицию? — спросила Сверчок.

— Нет, в том-то и дело. Не вызвала. Мы из-за этого поссорились. Оказалось, Марко пригрозил: если мать вызовет копов, он все подстроит так, будто и она замешана. А тогда власти заберут меня у нее или конфискуют бабушкин дом. И еще наговорил кучу всякого дерьма. Навешал ей лапши на уши и запугал до смерти. И еще как-то пронюхал о нашем споре, потому что вскоре после того разговора они с друзьями оставили мне на память вот это.

Ник постучал пальцем по предплечью со следами ожогов.

— И ты сбежал?

— А то! Очистил их нычку и слинял.

Сверчок в ужасе уставилась на него.

— Сбежал и оставил маму с бабушкой одних в доме... с этими?!

— Нет... То есть да, сбежал, но не говори так, будто я их бросил!

— Ник, это ужасно. Подумай, как твоей маме страшно там, одной, без тебя!

— Это она привела их в дом! — зло огрызнулся Ник. — Это она не стала звонить в полицию. Что мне было делать? Остаться и терпеть от Марко любое дерьмо? Этот козел собирался убить меня.

— Ник, подумай вот о чем. Ей, вероятно, пригрозили, что, если она сделает что-нибудь или расскажет кому-нибудь, пострадаете вы с бабушкой. Ты же не знаешь, что ей наговорили! — Сверчок покачала головой. — Бедная женщина оказалась в таком ужасном положении — и что ей было делать? Поверить не могу, что ты так просто смылся и оставил ее там.

— Ты не понимаешь. Тебя-то там не было. Все не так, как ты думаешь. Все... — Ник оборвал фразу, не договорив. — Все! Забыли! Забыли про всю эту хрень!

Поднявшись на ноги, Ник с громким топотом пересек зал и скрылся в уборной. Здесь он закрыл за собой дверь, заперся на задвижку и привалился к двери спиной, не обращая внимания на шорох и щелканье в яме. Из разбитого зеркала на него таращилась дюжина злобных лиц.

«Ну ее, — подумал он. — Она просто не знает, о чем говорит. Я не бросал мать. Я никогда бы такого не сделал!»

Он гнал прочь мысли о матери, оставшейся дома с Марко, но не мог думать ни о чем другом. Перед глазами появилось ее лицо, лица Марко и его дружков, вспомнились его выпученные, налитые кровью глаза, его звериный оскал, вспомнилось, как все они гоготали, когда жгли ему руку. Если они способны жечь человека раскаленным железом, то что могут сделать с мамой и бабушкой? Его рядом нет,

и они могут сотворить все, что угодно. «Господи, — подумал Ник, — как ей, наверное, страшно!» И, сверх всего прочего, бабушка в последние дни почти не вставала с постели. Мама некуда было пойти. Ни родных, ни друзей, которые могли бы помочь... «Что я наделал?» Лицо Ника скривилось, из горла вырвался жалкий всхлип. Уткнувшись лицом в ладони, он зарыдал.

— Мама, — прошептал он, — прости. Прости меня, пожалуйста.

Ульфгер вынул из ножен палаш. Его огромные мускулистые руки напряглись, будто ему не терпелось разрубить рыжеволосого мальчишку надвое. Он сделал шаг вперед, к уступу, на вершине которого, широко расставив ноги, упревая руки в бедра и вызываясь глядя на него, стоял Питер.

— Тебя предупреждали, недомерок, — сказал Ульфгер. — Тебя ждет жестокая кара.

Таннгност, цокая копытами, вышел вперед и встал между ними.

— Лорд Ульфгер, позволишь ли мне...

Питер выхватил нож.

— Иди сюда, достань меня, урод одноухий! — крикнул он и испустил дикий вой.

— Питер! — прикрикнул на него Таннгност, бросив на мальчишку яростный взгляд. Ну, почему этот юнец не может держать себя в руках? Зачем напоминать потенциальному союзнику о его увечье?

— Достану, можешь не сомневаться! — прорычал Ульфгер, сплюнув наземь.

— Мы пришли не затем, чтобы драться! — крикнул Таннгност, дивясь тому, как быстро ситуация может выйти из-под контроля.

— Взять его!!! — заорал Ульфгер.

Эльфы обнажили мечи.

— Глупцы!!! — загремел Таннгност, ударив посохом о землю. Его мощный голос эхом разнесся по лесу. — Ссоритесь по пустякам, как детишки! Неудивительно, что мы проигрываем войну! Уберите мечи немедленно!

Эльфы в замешательстве взглянули на Ульфгера.

Темные глаза Ульфгера угрожающе засверкали.

— Помни свое место, старый козел! Не тебе здесь распоряжаться.

— Прошу прощения, лорд Ульфгер, — с легким поклоном откликнулся Таннгност. — Я прошу лишь выслушать меня.

— Я уже сыт по горло твоими интригами, передергиваниями, полуправдами и...

— Пожиратели плоти выжигают Шепчущий лес, — перебил его Таннгност.

Изумление явственно отразилось даже на каменных лицах эльфов.

— Ложь, — сказал Ульфгер. — Шепчущий лес невозможно поджечь.

— Найди место повыше — увидишь пожары сам.

Ульфгер сузил глаза.

— Питер пришел сюда, вооруженный лишь ножом — это ли не доказательство? — продолжал Таннгност. — Ты полагаешь, он пошел бы на такой риск без крайней нужды, если бы Владычице не грозила неминуемая опасность? Не говоря уж о том, что он отставил в сторону гордыню и прежние распри и взывает к тебе? — тролль перевел дух. — Возможно, ему не хватает дипломатических навыков, но его меч и жизнь посвящены Владычице. Уж если он пошел на такой риск, неужели ты не можешь хотя бы выслушать нас?

— Хорошо, — сдался Ульфгер, — говори, с чем пришел. А потом я решу, жить ему или умереть.

Таннгност изо всех сил стиснул посох, опасаясь вспылить.

— Нет, лорд Ульфгер, — ровно ответил он, — это решать не тебе. Нужно ли напоминать, что право жить на Авалоне

пожаловано Питеру твоим отцом? Он заплатил за это право собственной кровью и кровью своего клана. Если ты, несмотря на это, сейчас поднимешь на него руку, это будет настоящим убийством.

Ульфгер обжег тролля яростным взглядом.

— Говори, с чем пришел, и убирайтесь, — буркнул он.

— Надень Рогатый Шлем, — сказал Таннгност. — Займи свое законное место и веди нас в битву. Пожиратели плоти ослабли. С мечом твоего отца мы сможем загнать их в Туман. Стража Владычицы, Дьяволы и даже ведьма со своими ордами — все они сплотятся вокруг Рогатого Шлема. Они пойдут за тобой, Ульфгер. За тобой!

Ульфгер вздрогнул, отступил на шаг и огляделся, почти как загнанный зверь, ищущий пути к бегству.

— Шепчущий лес — не моя забота, — пробормотал он.

— Ты полагаешь, они остановятся на его уничтожении?

Ульфгер задумался.

— Мой долг — быть рядом с Владычицей. Я не оставляю пост по прихоти каких-то незваных гостей.

— Прячешься за давно мертвыми клятвами! — прокричал Питер с вершины уступа.

Ульфгер вскинул на него злобный взгляд.

— Если уж заговорил о долге, — продолжал Питер, — возьми меч! Выходи на бой с врагами Владычицы, пока не поздно!

— Не делай вид, будто имеешь право говорить со мной, вор! — прошипел Ульфгер.

Питер убрал нож в ножны, спрыгнул на тропу и двинулся к Ульфгеру.

— Осторожнее, юный Питер, — предостерег его Таннгност.

Питер безбоязненно прошел мимо Ульфгера и остановился перед строем эльфов.

— Стража Владычицы тоже решила сдаться? Есть среди вас те, кто встанет рядом с дикими ребятами из Дьявол-

Дерева против врагов Владычицы? — он подождал, вглядываясь в лицо каждого, и заговорил тише. — Завтра, на рассвете, Дьяволы соберутся у Красных Камней. Мы намерены выгнать Пожирателей плоти из Шепчущего леса. Если нам придется драться с Пожирателями плоти без поддержки, мы не отступим. Но помните: если падем мы... падете и вы.

На лицах эльфов не отразилось ни следа каких-либо чувств.

Ульфгер хлопнул в ладоши и захохотал.

— Теперь понятно! Ты пришел позабавить нас своими ужимками! Или ты вправду думаешь, что в страже Владычицы найдутся глупцы, готовые последовать в бой за простым мальчишкой, ребенком, заигравшимся в полководца?

— Заигравшимся? — ухмыльнулся Питер. — Как жаль, что сын самого Рогатого не может похвастать хотя бы игрой в войну с Пожирателями плоти!

Ульфгер оборвал смех. Его лицо окаменело, взгляд темных глаз стал холодным и жестким.

— Сегодня милость моего отца спасла тебе жизнь, недомерок. Но клянусь собственным именем: если я еще раз увижу тебя в этом лесу, никаких разговоров не будет. Ты умрешь на месте.

Развернувшись, Ульфгер двинулся обратно. Эльфы на миг задержались, глядя на Питера холодными узкими глазами, и тоже скрылись за взгорком.

Дверь содрогнулась от трех резких, громких ударов. Отвлекаясь от своих занятий, Дьяволы переглянулись и уставились на дверь.

Рослый мальчишка по кличке Медведь выглянул в глазок, и его лицо озарилось широкой улыбкой. Отодвинув засов, он потянул круглую дверь на себя.

— Так-так, — сказал он, — гляньте-ка, кого черти домой принесли!

Питер бросился в дом мимо него, выбежал на середину зала и высоко поднял нож.

— Кровь есть клан, а клан есть кровь!!! Слава владыкам Дьявол-Дерева!!!

Дьяволы, побросав все дела, вскочили и бросились к Питеру с криком:

— Кровь есть клан, а клан есть кровь!!!

Ник чувствовал общее возбуждение, пронизавшее воздух, точно заряд электричества. Дьяволы с воплями плясали вокруг Питера, как будто к ним явился мессия. Даже обычно сдержанная Секеу сияла, как первоклашка.

Высокий грузный тролль тихо вошел вслед за Питером и запер за собой дверь. Казалось, его никто не заметил — а если и заметили, то не обратили внимания. Обойдя ребят, он опустился на скамью у корней и подпер длинную морду ладонями. Похоже, он был измучен и подавлен.

Питер попытался что-то сказать, но в общем гвалте его невозможно было расслышать. Тогда он поднял руку и по дождал тишины.

— Не сомневаюсь, всем вам известно, что положение отчаянное. Пожиратели плоти жгут Шепчущий лес. Настало время риска и храбрых дел.

Лица Дьяволов помрачнели.

— Вот почему я решил войти в Лес Владычицы, убедив Таннгноста, что настала пора забыть прежние распри и попытаться объединить все кланы.

Тролль закатил глаза.

Питер ударил себя в грудь.

— Я смело вошел в Лес Владычицы и в одиночку, вооруженный только ножом, встал лицом к лицу с Ульфгером. И бросил ему вызов, призвав выйти на битву с Пожирателями плоти плечом к плечу с нами.

Дьяволы затаили дыхание и подались вперед.

Питер сплюнул под ноги.

— Этот трус отказался.

Некоторые разразились презрительным «бу-у!», слышались возгласы «да кому он нужен», но Ник явственно увидел тревогу на нескольких лицах.

— Не бойтесь. Ибо у меня есть план, — лицо Питера озарилось дьявольской улыбкой. — Коварный план! Обещаю: Дьяволы ждут день славы! — Питер поднял нож над головой. — Ибо кто истинные защитники Владычицы?!

Ребята взорвались криком:

— Дьяволы!!!

— А кто истинные владыки Авалона?!

— Дьяволы!!!

Питер вновь поднял руку и подождал тишины.

— Думаю, все уже слышали, что сегодня Дьяволам пришлось столкнуться с ведьмой.

По залу разнеслось дружное «ура».

— И Дьяволы выстояли против всей орды Зеленозубой Джинни!

Новые крики «ура» и торжествующий вой.

— И мало этого! Один из Свежей Крови показал, чего он стоит. Защищая клан, он в одиночку убил двух баргестов и спас жизнь троих новичков.

Питер понизил голос:

— Дьяволы... приготовиться!

Двое Дьяволов побежали по залу, гася огни. Вскоре горел только один факел — на увитом корнями столбе в центре зала, над головой Питера.

Секеу подала Питеру рваную волчью шкуру. Питер накинул на голову волчью морду, как капюшон. Глаза его заблестели из-под волчьей маски. Вскочив на камень у подножья столба, он театрально воздел руки кверху. В зале наступила гробовая тишина.

— Принесите мне тело... Лероя!

На лице Лероя отразился восторг вперемешку со страхом. Красная Кость и еще несколько Дьяволов схватили его и подтащили к Питеру.

Дьяволы выстроились перед Питером полукругом. Секеу принесла и подала Питеру меч и нож в ножнах, свисавших с широкого клепаного пояса.

Вытащив нож из ножен, Питер поднес клинок к глазам Лероя. Мерцающий свет факела заплескал на остром лезвии.

— Лерой, отдашь ли ты Дьяволам свою кровь?

Лерой замялся, глядя на нож, и, наконец, неуверенно выдал:

— Да.

— Все слышали! — воскликнул Питер. — Он отдает свою кровь по доброй воле!

Дьяволы застучали зубами.

Лерой оглянулся и обвел Дьяволов безумным взглядом. Ник заметил, как часто вздыхается и опадает его грудь.

Золотые глаза Питера сверкнули — мрачно, едва ли не зло.

— Протяни руки, — велел он.

Лерой медленно вытянул дрожащие руки вперед и зажмурился.

Питер вложил рукоять ножа в руку Лероя и сомкнул пальцы поверх его ладони. Теперь они держали нож вместе.

— Отныне это твое, — тихо, почтительно объявил Питер.

На лице Лероя разом отразилось невероятное облегчение. Открыв глаза, он уставился на нож, вне себя от радости.

Секеу подала Питеру пояс с мечом. Опустившись на колено, Питер затянул пояс на талии Лероя, встал и звучно хлопнул Лероя по плечам.

— Добро пожаловать, брат. Добро пожаловать в клан Дьявол-Дерева.

Лерой просиял.

— Он рискнул жизнью ради клана! — закричал Питер. — Встал лицом к лицу с двумя баргестами! Наградой ему — наше братство. Запомните этот день, когда Лерой заслужил право носить меч — право называться Дьяволом!!! Да здравствует клан Дьявол-Дерева!!!

Зал взорвался радостными возгласами и криками «ура». Дьяволы подхватили Лероя на плечи и торжественным маршем двинулись вокруг зала, хором скандируя его имя.

— Глаза ему вырву, — прошипел Ник, сжав кулаки так, что ногти глубоко впились в ладони. — Всю рожу сожгу. Заколю. Заколю. Заколю...

Опомнившись, Ник крепко сжал зубы. Что он такое несет? Он помотал головой, стараясь избавиться от жгучего яда в душе. Что на него нашло? Откуда все эти мысли?

Он проводил взглядом Дьяволов, марширующих по залу, увидел Лероя, заливающегося смехом, как первоклассник...

Волна ненависти вновь накрыла Ника с головой. Разочарование и злость вскипели в груди, и желудок тут же вспыхнул от жара. Яд подступил к горлу. «Дерьмо собачье! Вырвать ему глаза. Разорвать глотку. Размозжить череп о камень!»

Ник крепко прижал ладони к вискам. «Нет, — подумал он. — На фиг все это. Наплевать и забыть».

Но его второй половине было не наплевать на все это — вовсе не наплевать.

Стук в висках нарастал. Может, все это — от яда баргеста? Но нет, ощущения были такими же, как в кошмарах за миг до того, как он превращался в жуткую адскую тварь. Захотелось пить. Оглядевшись, он встретился взглядом с троллем и сделал глубокий вдох. «Наплевать и забыть, — сказал он себе. — Выпей воды, успокойся».

Поднявшись, он зачерпнул кружку воды и пошел к столу, как можно дальше от всех остальных.

Троль проводил его озабоченным взглядом.

Ник уткнулся взглядом в стол, изо всех сил стараясь не обращать внимания на всеобщее торжество. В щели между досок столешницы застрял орех, и Ник принялся выковыривать его. Хоть чем-нибудь надо было себя занять — все, что угодно, только бы забыть о Лерое и о жажде убийства, от которой стучало в висках. Высвободив орех, Ник покатал его в ладонях. «Просто был долгий тяжелый день, вот

и все, — подумал он. — Блин, сначала чуть не убили, потом вся эта фигня с Лероем — понятно, такое кому угодно испортило настроение. Правда ведь?»

Двое пикси спорхнули на стол вне пределов досягаемости и устали на орех.

Ник обнаружил, что сегодня не переносит даже вида крохотных синехожих человечков. Он отмахнулся от них тыльной стороной ладони:

— Брысь!

Оба показали ему языки, развернулись и завияли в его сторону задницами. Ник почувствовал, что жар в желудке разгорается, а яд снова подступил к горлу, и с силой потер виски. «Да что со мной стряслось?»

К Лерое подошел Питер и заговорил с ним.

Ник прекратил катать в ладонях орех.

Питер явно поздравлял Лероя — изо всех сил тряс его руку, хлопал его по спине. Лерой расплылся в улыбке.

У Ника задрожали губы; пальцы стиснули столешницу так, что ногти впились в дерево.

Один из пикси щелкнул Ника по уху, а другой метнулся к ореху. Ник яростно отмахнулся от них. Оба, хихикая, упорхнули.

Из-за стола Ник не слышал, о чем говорит Лерой, но, судя по театральным жестам, он начал описывать свою славную победу над баргестами.

Жар в желудке сделался невыносимым — точно так же, как во сне, и, точно так же, как во сне, в груди вскипело неодолимое желание убивать. И не только Лероя — всех до одного.

Один из пикси дернул Ника за волосы, а второй вновь попытался выхватить у него орех, и Ник почувствовал, что яд одолевает.

Он взвыл и швырнул в пикси кружкой. Кружка попала в цель, и пикси упал на пол. Кружка со звоном покатила под стол.

В зале стало тихо.

Пикси заверещал, и его крик — крик боли — заставил Ника очнуться. Он потрясенно уставился на раненого пикси, безуспешно пытавшегося взлететь. Неужели это сделал он? Да, именно он. Но как он мог сотворить такое? Как мог настолько выйти из себя?

Услышав, как ахнула Сверчок, он поднял взгляд. Все молча смотрели на него.

Красная Кость выхватил нож и двинулся к Нику.

— Нет, — сказал Питер.

— Что? — Красная Кость удивленно оглянулся. — Ему нужен урок. Нужна зарубка на память.

— Нет, — повторил Питер.

Секеу откашлялась.

— Ника нужно убить.

— Нет, — ответил Питер.

Таннгност вздохнул.

«С этим будет непросто», — подумал он, глядя в небо сквозь поредевшую листву. Сторожевая башня всегда была лучшим местом для совещаний — здесь, наверху, мысли прояснялись сами собой. Роса на ветках серебрилась в лучике лунного света, чудом пробившемся сквозь низкие тучи. Увидев нескольких светлячков, старый тролль вспомнил те времена, когда деревья пышно зеленели, а ночь оживляло сияние мириад крохотных волшебных созданий. Сунув в рот трубку, Таннгност глубоко затянулся и выпустил длинную струю дыма, тут же подхваченную и унесенную легким бризом.

— Она права, Питер. У нас нет иного выхода.

— Нет, — повторил Питер.

— Он обращается, — сказал Таннгност. — И если мы будем медлить, пока не станет слишком поздно, хуже будет

всем. Если он обратится на глазах у ребят, если мы, что еще хуже, убьем его на глазах у ребят... Подумай, как это скажется на их настроении. Нужно действовать прямо сейчас.

Питер сжал губы и непреклонно покачал головой.

— Все признаки говорят об этом, — подтвердила Секеу.

Питер промолчал. Подогнув ноги к груди, он обхватил их руками и уперся подбородком в колени.

«Сплошные противоречия, — подумал Таннгност. — Вот он — хладнокровный убийца, а в следующую секунду — сентиментальный мальчишка, да еще вечный оптимист, несмотря на то, что вся жизнь его — сплошная трагедия. Конечно, отсюда и его обаяние. Это и привлекает к нему детей, за это они и любят его, несмотря на такое множество противоречий».

— Нику снятся кошмары, — продолжала Секеу. — Я слышу его по ночам. А утром в его глазах плещется тьма.

Лицо Питера сделалось совершенно непроницаемым.

— Ты видел его сегодня, — добавила она. — Он не может сдерживать злость. Ты знаешь: это последний признак. Скоро он обратится навсегда.

Питер поднял взгляд:

— Что? Ну, дал он пикси шлепка. Кто из нас этого не делал? Если этих зараз не гонять, совсем на голову сядут.

— Нет, Питер — возразил Таннгност, — это был не просто шлепок. Я следил за ним. Им овладела тьма. Он стремился убить этого пикси.

— На днях вечером я нашла одного мертвым, — сообщила Секеу. — Кто-то раздавил его.

Питер вскинул на нее взгляд.

— Что? Да нет...

— Да.

— Он справится, — сказал Питер. — Другие же проходили через это: тела мальчишек постарше, в самом начале созревания, всегда сопротивляются волшебству.

— Верно, — ответила Секеу, — но у них не заходило так далеко. Одна-две ночи кошмарных снов, жжение в желудке — и все.

Таннгност глубоко втянул воздух, будто перед прыжком в воду.

— Нового Роджера мы себе позволить не можем, — ну вот. Слово сказано. — Особенно сейчас, когда на кон поставлено все.

Секеу жестко взглянула на Питера. Тот помрачнел и отвел глаза, устремив взгляд в ночное небо.

Таннгност понимал: напоминать о Роджере — жестоко. Ему ужасно не хотелось делать этого, но сейчас требовалось во что бы то ни стало достучаться до Питера, а с ним порой просто нельзя было иначе. Роджер оказался переростком. Как и у Ника, все началось с болей в животе и кошмарных снов, а затем начались вспышки беспричинной злости. Посмотришь на него — все в порядке. Еще секунда — и он теряет контроль над собой. А после — то же недоумение на лице: подобно Нику, не может понять, что с ним... Как страшно было видеть это! Роджер обратился во время вылазки по ягоды. Секеу рассказала, что он спокойно собирал ягоды и вдруг, ни с того ни с сего, бросился на другого новичка, Сэма, начал колоть его копьём — в лицо, в шею, в живот — и никак не мог остановиться. Именно Секеу пришлось убить его, а потом избавить от мук Сэма.

— Питер я не допущу, чтобы это случилось снова, — сказала Секеу таким ледяным голосом, что Таннгноста пробрала дрожь. — Еще один такой всплеск — и я убью его.

— Нет. Это я привел его сюда. Если он обращается, я убью его сам.

— А если тебя не будет рядом? — спросила Секеу.

Питер жестко взглянул на нее.

— Если это случится снова... убей его, — нехотя сказал он. — Убей, но только поскорее. Предупреди Красную Кость, но остальным — ни звука.

Секеу с заметным облегчением кивнула.

Питер с силой ударил кулаком о перила.

— Мы не можем его потерять. Он нужен. Если хотим одолеть Пожирателей плоти, нужны все до одного.

Наступила неуютная тишина. Таннгност снова затыкнулась трубкой.

— Значит, с Пожирателями плоти решено? — спросил он.

Питер кивнул.

— Что нам еще остается? Еды почти нет. Либо рискнуть и попробовать прогнать Пожирателей плоти, либо придется драться с Зеленозубой и Ульфгером за те крохи, что еще остались в их лесах.

— Ты говорил о каком-то плане — коварном плане, насколько мне помнится.

Питер наморщил лоб.

— А, это... — он откашлялся. — Я еще думаю над ним, — поднявшись, он зашагал по настилу взад-вперед. — Отлавливать их по одному больше нельзя. Так мы их никогда не прогоним. Их слишком много, нас слишком мало, и времени уже нет. Нужна новая стратегия.

— Что же ты предлагаешь?

Питер кивнул собственным мыслям, словно убеждая в чем-то самого себя, и скрестил руки на груди.

— Решительная атака всеми силами.

Таннгност удивленно вскинул кустистые брови.

— Питер, ты же знаешь: их слишком много, чтоб...

— У нас нет времени. Если они прорвутся сквозь Шепчущий лес, всему конец. И что мы еще можем сделать? Есть предложения?

Таннгност промолчал. Других мыслей у него не было.

— Настал конец, мой старый друг, — с угрюмой решимостью во взгляде сказал Питер. — Так или иначе, скоро все кончится.

Русалочья бухта

Ник чувствовал, как жар растекается по венам, будто яд. Кожа на руках покрылась мурашками, вспыхнула от жара, съежилась, почернела прямо на глазах. Из пальцев — прямо сквозь плоть — проросли когти. При виде этого Ник испустил долгий мучительный стон и вдруг увидел их — трех маленьких, не больше воробья, пикси. Стон тут же перешел в громкий голодный рык. Свернувшись клубочками в развилке дерева, не в силах сдвинуться с места, волшебные создания дрожали — дрожали от страха перед ним. Ник улыбнулся, обнажив острые клыки, схватил сразу двух и медленно сжал пальцы. Глаза их вылезли из орбит. Ник чувствовал, как хрустят, ломаясь под пальцами, тонкие косточки; отчаянный визг крохотных созданий звучал в ушах, точно музыка. Откусив им головы, он растер зубами плоть и кости, выдавил в рот скользкие кишки и потянулся к третьему пикси — к мальчишке. Мальчишка закричал, но в ушах Ника зазвенел вовсе не крик малыша, а его собственный крик! Ник кричал и кричал — от страха, от боли, от невыносимой утраты...

Ник разом проснулся. Все тело было мокрым от пота, желудок горел огнем. На этот раз кошмар не померк. Сон был настолько реален и ярок — казалось, даже вкус крови еще чувствуется на губах.

Опасаясь, что кошмары вернутся, Ник не решился заснуть. Интересно, почему эти сны мучают его одного? Он взглянул на Дэнни. Тот спал сном младенца — а ведь появился здесь всего на день-два раньше.

Ник отпер клетку и выбрался наружу. Легкая дымка тумана мерцала в первых лучах утреннего света, проникавших в зал через окна. Все остальные еще спали. По залу порхали несколько пикси. Шаря повсюду в поисках крошек, они опасливо поглядывали на Ника. «Боятся меня», — подумал он. Другой бы радовался, но у Ника тут же возникло ощущение, будто с ним что-то не так, будто он болен — болен чем-то ужасным и заразным.

Потянувшись, он удивился тому, что после всех вчерашних походов и приключений ничуть не болят мышцы. Наоборот, он чувствовал себя необычайно бодро. Он сжал кулак. Мускулы налились упругой силой. Ник решил, что все это из-за каши. Она действительно как-то влияла на организм, и Нику уже не в первый раз подумалось: что же она с ним делает?

Он направился к уборной. Воздух еще был полон ночной прохлады, остывшие камни приятно холодили босые ноги. Войдя, он услышал шипение и увидел двух пикси. Угнездившись на потолочной балке над головой, они не сводили с него настороженных взглядов. Не обращая на них внимания, Ник качнул насос, сунул голову под кран и долго пил. Мало-помалу жар в животе унялся, жуткий привкус во рту исчез. Вернувшись в зал, Ник уселся за длинный стол. Огромное помещение постепенно наполнялось утренним светом. Соломенные чучела, висевшие в тени, снова казались похожими на мертвых детей.

Мысли раз за разом возвращались к матери. В последние несколько лет он почти возненавидел ее. Как так? Почему? Откуда взялась эта враждебность? Зачем он постоянно отталкивал ее от себя, зачем ссорился с ней? Сейчас все эти ссоры казались такими глупыми, такими пустыми...

Ник рассеянно погладил мягкую шерстку кроличьей лапки. Вспомнились дни после гибели отца. Тогда ему было десять. Целую неделю, каждый вечер после похорон, их навещала пара женщин из Клуба офицерских жен, привозивших по несколько блюд к ужину. Иногда они брали с собой и детей. Все они выражали соболезнования, желали матери всего наилучшего в будущем, заставляли пообещать, что она позвонит, если ей вдруг понадобится что-нибудь; все что угодно — пожалуйста, пусть только позвонит. Однако они никогда не задерживались надолго — им надо было везти детишек на футбол, или в бассейн, или ехать по магазинам. Они выставляли на стол ресторанные пенопластовые контейнеры и возвращались домой, к своей жизни, к своим мужьям, оставляя Ника с матерью одних в комнате, полной увядших цветов и слезливых до отвращения открыток с соболезнованиями.

Именно тогда до него окончательно дошло, что отец больше не вернется. Никогда больше не войдет в дверь, не плюхнется на ступеньку, не закричит, расшнуровывая ботинки и жалуясь на тяжелый день. Никогда не достанет из холодильника банку пива, не шлепнет жену по задку, не спросит, что сегодня на ужин. Никогда не ткнет Ника в живот и не спросит, не побил ли он сегодня какую-нибудь девчонку в школе. Отныне они с мамой остались вдвоем.

В те первые ночи мать брала его на руки и мягко укачивала, пока он не засыпал, устав от слез. Теперь, сидя среди мрачных стен и путаницы корней, Ник думал: а кто брал ее на руки, укачивал, утирал ей слезы и убеждал, что все будет хорошо? Каково пришлось ей, вдруг оказавшейся матерью-

одиночкой? Без единого близкого человека, кроме престарелой матери в Бруклине?

А ведь были и другие трудности — такие, которых никому из скорбящих вдов не пожелаешь. На базе они больше оставаться не могли, и матери нужно было подыскать новое жилье. Вдобавок, по поводу несчастного случая, в котором погиб отец, было назначено расследование: армейское командование заявило, что причиной была преступная небрежность отца. Подробностей Ник почти не понимал. Ясно было одно: все это как-то повлияло на страховые выплаты, и это значило, что матери срочно нужна работа.

«А чем я помог ей? — спросил себя Ник. — Что я сделал, чтобы ей стало легче? Только спорил, жаловался и ссорился с ней из-за любой мелочи. И, что хуже всего, обвинял во всем ее». В ушах зазвучал собственный голос — плаксивый, хнычущий, жалующийся на школу, на комнату, на кеды — на какие-то дурацкие вонючие кеды... Господи, как он теперь ненавидел этот голос!

Что на него тогда нашло? Неужели он вправду думал, что плохо и больно только ему одному? Неужели вправду был настолько слеп? Ник потер лоб. Просто все это — утрата, боль, злость — навалилось разом, смешалось в кучу и задурило голову. Теперь-то все стало ясно. До боли ясно и просто.

— Я вернусь, мама, — прошептал он. — Что угодно сделаю, а вернусь, честное слово. Ты только держись. Держись, пожалуйста.

Ник с силой растер лицо ладонями, будто стирая гримасу напряжения, раскаяния и тоски. Услышав скрип, он поднял взгляд. По лестнице с верхнего этажа спускались в зал Питер, Секеу и тролль. Все трое смотрели на него — внимательно, едва ли не испытующе.

На лице Питера сверкнула улыбка.

— Эй, Ник! Как ты? Все окей?

Ник поднялся.

— Питер, надо поговорить.

Подойдя к Нику, Питер приобнял его за спину.

— Поговорим, Ник. Обязательно поговорим. Но не сейчас. Столько дел нужно переделать! — золотые глаза Питера лукаво заблестели. — Будем резать, будем бить!

Запрокинув голову, Питер закричал петухом и не унимался, пока не поднял на ноги всех до одного.

К уборной выстроилась очередь. Очаг был растоплен, факелы зажжены, в котле закипела каша. В зале чувствовалось необычайное возбуждение: казалось, Дьяволам не терпится начать новый день. Получив свою порцию, Ник сел рядом со Сверчком и Дэнни.

Взглянув в свою миску, Дэнни нахмурился:

— И это все? Тут же дно прикрыть еле хватит!

— А ты-то чего жалуешься? — спросила Сверчок. — Я думала, ты эту размазню терпеть не можешь.

— Ух ты, — вдруг ахнул Дэнни, — ты только глянь!

Он снял очки, приблизил их к глазам, снова снял и сощурился, глядя вверх.

Сверчок с Ником тоже подняли взгляды.

— Дэнни, какого черта ты там увидел? — спросила Сверчок.

— Как вам... это... нравится? — запинаясь, проговорил Дэнни. — Без очков я вижу лучше! Может, эта волшебная каша на вкус как кора, но пользы от нее, я вам скажу!.. — он поднялся, повернулся из стороны в сторону и задрал футболку к подбородку. — Глядите! — Дэнни хлопнул себя по животу. — Брюхо почти исчезло!

— Ты его просто втянул, — сказала Сверчок.

— Ничего подобного! Я превращаюсь в стройную, мускулистую, жуткую боевую машину!

— Ай, боюсь-боюсь! — со смехом воскликнула Сверчок, хлопнув по столу.

— А знаете, — продолжал Дэнни, — если б мы могли вычислить ингредиенты этого хлёбова, запросто сделали бы дома по паре миллионов баксов.

— Домой мы уже не вернемся, — возразила Сверчок.

Проникновенность ее тона заставила всех замолчать.

— Я вернусь, — сказал Ник. — Я уйду отсюда.

Сверчок с Дэнни удивленно уставились на него.

— О чем это ты? — спросила Сверчок.

— Я возвращаюсь домой. — Ник помолчал. — Я должен вернуться к матери. Так или иначе — должен.

— Но как? — спросил Дэнни.

— Пока не знаю.

Печально улыбнувшись, Сверчок хлопнула Ника по плечу.

— Способ есть. Наверняка есть.

— Дьяволы!!! — крикнул Питер. — Собирайтесь в круг! У меня есть для вас история!

Питер набрал полную грудь воздуха. Дьяволы, толкаясь и пихаясь, сгрудились перед ним полукругом, кто — прямо на полу, кто — усевшись на свои клетки, кто — привалившись к корням. Он оглядел их лица. Резак, прошедший сквозь Туман, не проронив ни слова... Гек, смеявшийся всю дорогу... Дирк с Шустрым, постоянно дравшиеся друг с дружкой, но никогда не расстававшиеся... Айви — девочка с роскошными кудрями, почти не видящая одним глазом после удара, полученного от матери за то, что посмела накраситься... Амос — мальчишка из амишской семьи*, выгнанный из дома за сквернословие... Как они были похожи на тех, первых Дьяволов перед той великой битвой, на тех мальчишек и девочек, что так доблестно встретили смерть...

Питер склонился к Таннгносту.

* *Амиши* — закрытая религиозная община христиан-протестантов, известная строгостью нравов и крайним консерватизмом.

— Они готовы. Готовы, как никогда. А ты?

Старый тролль запыхтел и грузно поднялся на ноги.

— Нет. Но я сделаю все, что смогу.

Встав перед Дьяволами, он выпрямился во весь рост и громко ударил в пол посохом. Резкий стук эхом раскатился по залу. Все разговоры стихли.

Звучный баритон тролля наполнил зал:

— Нелегкая это история, — начал он. — Может быть, если бы я услышал эти слова от кого-то другого, мне было бы легче. Но все это — не какая-то пыльная древняя легенда. Это подлинная жизненная трагедия, я видел все это собственными глазами. Видел резню, слышал крики, чувствовал запах крови и вовсе не желаю пережить этот ужас еще раз. Довольно и страшных снов, не оставляющих меня с тех пор. Но вас призывают рискнуть жизнями ради Авалона, и вы заслуживаете того, чтобы узнать правду — узнать, за что идете на бой. И потому настало время рассказать эту историю снова.

Тролль откашлялся, прочищая горло.

— Сегодня среди нас есть Свежая Кровь. Тех, кто услышит мой рассказ впервые, он просветит и, смею надеяться, воодушевит. Тем же, кто уже много раз слышал его, он послужит напоминанием о том, кто мы такие и благодаря чему продолжаем жить. А для меня самого очень важно передать эту историю вам, чтобы деяния тех, кто погиб в тот ужасный день, не остались забыты. Слушайте мой рассказ — историю горя, смерти и героизма. Мою историю. Вашу историю. Историю о Пожирателях плоти.

Воцарилась мертвая тишина. Ребята, все, как один, подались вперед.

— Целую вечность назад земля была живым существом, средоточием тайн, первозданных стихий и волшебства. То были времена первых народов, когда боги еще жили среди нас, а мы радовались их чудесам. Род людской возник в этом мире лишь миг тому назад, но вскоре люди обрели просве-

щение, открыли для себя науку и религию. В новом мире, мире людей, почти не осталось места для волшебства и волшебных созданий былых времен. Первых детей Земли огнем и холодным железом оттеснили в тень — такова была ненасытная людская тяга к завоеваниям.

Те, кто сумел избежать гибели от рук человека, сплотились вокруг Владычицы Озер — леди Модрон, дочери великого Аваллаха. Ее Туман укрыл, защитил Авалон, и остров стал нашим приютом, убежищем от мира людей.

Есть на Авалоне священное место — Гавань. В самом центре его стоит Древо Аваллаха, и корни Древа связывают Авалон воедино. Говорят, в его корнях течет кровь самого Аваллаха. Древо есть сердце, Авалон — тело, а его обитатели — душа, и все три сущности соединены вместе, в единое живое существо. Одно не может быть без другого. Все вы — тоже часть этого триединства.

Таннгност поднял взгляд поверх ребячьих голов, глядя куда-то вдаль.

— Вскоре после предательства короля Артура и его злодеев Круглого стола Авалон начал уплывать прочь от человеческой цивилизации. Наш остров покинул Британию, целую вечность дрейфовал вдоль ледяных берегов Атлантики, и, наконец, нашел новый дом в землях, известных ныне как Америка. Для Авалона настал золотой век, ибо мы оказались вдали от нетерпимого, неуживчивого божества рода людского. Новые земли все еще были полны волшебства — почти как вся земля в начале времен. Американские туземцы жили в единстве с природой, в глубоком почтении к ней и страхе перед ее волшебством.

Шло время, мы привыкли жить в мире и сочли, что человеческая цивилизация больше не угрожает нам. Владычица отозвала Туман назад в озера и реки, и Дивный народ снова мог плясать под луной и звездами по ночам и нежиться на солнце днем. Явившиеся туземцы отдали Владычице дань уважения. Мы поделились своим волшебством

с их шаманами — точно так же, как с друидами старых времен — и получили взамен их товары, зерно, плоды и лесную дичь.

Затем пришли корабли.

Таннгност сделал паузу и глубоко вздохнул.

— Однажды я взглянул вдаль, к горизонту — и вот они! Три огромных галеона с высокими мачтами бросили якоря в Русалочьей бухте. Три корабля, битком набитых мужчинами, женщинами, детьми, собаками, свиньями, козами, грязью, заразой и паразитами. Их вонь проникла в самую чашу леса.

На моих глазах все это стадо — лодка за лодкой — хлынуло на берег. Почти три сотни мужчин и женщин высадились на сушу, осквернив своей грязью наши воды. А их жрецы воздвигли на берегу крест из холодного железа и осквернили нашу землю своими молитвами. Спасаясь от их тирании, мы бежали на самый край света — и вот они здесь, на берегах священного Авалона!

Все волшебные создания бежали прочь, едва завидев их. Укрывшись в чаще леса, мы следили за ними с холмов. Мы надеялись, что они возьмут то, в чем нуждаются, и уплывут. Но вместо этого они начали разбивать лагерь, и вскоре в бухту вошел еще корабль, а за ним и другой. В бухте стояло уже пять кораблей! А сколько еще было в пути? Этого мы знать не могли.

Народ Авалона пришел за советом к Владычице. Владычица созвала послов, множество представителей малого народца, и отправила их к людям — передать им, что это наша земля, и попросить уйти. Посольство возглавил Хийси, старейший и самый доверенный из друзей Владычицы. И я гордился тем, что троллей Авалона представляет мой брат, Таннгризнир. Облачившись в самые роскошные одежды, все они встали под знамя Владычицы и пошли к людям, и каждый нес с собой дар — плоды из сада самой леди Модрон.

Все мы следили за нашим посольством из леса. Увидев их приближение, женщины, стиравшие белье в ручье, закричали, завизжали и бросились бежать в лагерь.

Не зная, что предпринять, послы остановились.

На границе лагеря начали собираться дюжины мужчин. Они принялись злобно кричать на наших послов. Так продолжалось несколько минут, а затем над лагерем раздался десяток громких хлопков, и в воздух взлетели клубы белого дыма. Это был мушкетный огонь, хотя в то время я еще не знал об этом. Около десятка послов упали на землю, да так и не поднялись. Остальные бросились к лесу. Хийси тоже упал, схватившись за грудь. Таннгриснир поднял его, чтобы унести, но тут их настигли люди из лагеря, вооруженные мечами и пиками. Послы были безоружны — ведь они шли не на бой, а на переговоры. Тех, кто оказался недостаточно быстр, чтобы убежать, догнали и истребили на наших глазах. Прямо на наших глазах! Я видел, как раз за разом колют пиками моего родного брата! Опасаясь за наши жизни, мы бежали в холмы.

Голос Таннгноста зазвучал глуше. Откашлявшись, тролль продолжал:

— Чтоб защитить наши берега, укрыть Авалон, пока сюда не пришли новые корабли, Владычица вновь выпустила на волю Туман. Туман поднялся из озер, прокатился по лесам и холмам, будто дыхание дракона. В ту ночь Туман окружил остров и закрыл небо. С тех пор я ни разу не видел ни солнца, ни луны.

Таннгност умолк, не в силах продолжать.

Питер вскочил и зашагал перед Дьяволами взад-вперед.

— Это было только началом мрачных дней, ждавших нас впереди, — сказал он, склонив голову набок, будто прислушиваясь к чему-то вдали. — Вспоминая те времена, я слышу бой барабанов, — Питер ударил себя в грудь. — Они до сих пор стучат в моем сердце! Ибо Владычица призвала

Великого Рогатого выйти из леса и сокрушить людей — прогнать их с наших берегов и оттеснить в Туман. Он вышел из самой темной лесной чащи, и его глаза пылали огнем из-под Рогатого Шлема. Он ударил в боевой барабан и призвал всех к оружию. Призвал всех вспомнить, для чего им рога, клыки и когти, вспомнить, как сеять ужас, как обогреть землю кровью рода людского. И знайте! — засияв от гордости, Питер выпятил грудь. — Рогатый пришел сюда... сюда, к Дьявол-Дереву! Сам владыка Авалона явился к нам! Он позвал нас на бой, обещая нам место среди Дивных в обмен на нашу верность.

Питер обвел взглядом лица ребят.

— И знаете почему? Потому, что Дьяволы знали, что значит драться за место в этом подлом мире! Потому, что никто не дрался, спасаясь от людской злобы, отчаяннее, чем мы, и никому не хотелось избавить нашу землю от людской вони сильнее, чем нам! Рогатый хорошо знал это. Он, сам Рогатый, в ту ночь плясал с нами у огня, а мы точили ножи и зубы.

Сердца наши воспламенились. Под знаменем Рогатого объединился весь остров. Благие и Неблагие достали древнее оружие, стряхнули пыль со щитов и лат, наточили мечи и копья. Мы раскрасили лица и били в барабаны, выли, кричали всю ночь, надеясь вновь вселить в сердца людей страх перед древними и отогнать их в Туман. Все воины Авалона собрались у опушки леса в ожидании первого утреннего света. Но незваные гости не ушли. Вместо этого они выкопали траншеи и попрятались внутри.

С первым же проблеском туманного утра Великий Рогатый вышел из леса и встал впереди всех, будто могучий дуб. Его величественные рога блестели в утреннем свете. Он дважды ударил кулаком в грудь и поднял высоко над головой свой смертоносный меч, Калибурн. Вдоль всей опушки затрубили рога. Он опустил меч, и мы ринулись в атаку.

Эльфы, гномы, минотавры, кентавры, тролли и даже гоблины — все Дивные откликнулись на призыв Рогатого. Такого войска не видел еще никто. Я никогда не забуду этот день: извечные враги забыли о своих расправах и встали плечом к плечу на защиту Авалона! Все мы шли спасать наш мир. Я знал: об этой битве сложат тысячи песен, и был горд тем, что тоже иду в бой. Чувства мои обострились — никогда еще роса не пахла так свежо, а воздух не был так прозрачен. Я поднял меч, завыл и кинулся за Рогатым в битву.

Сдернув со стены копье, Питер направил острие на воображаемого врага.

— Все мы — а нас было намного больше пяти сотен — устремились вперед. Ах, что это было за зрелище! Мы мчались на врага с высоко поднятым оружием, под развевающимися знаменами, стуча мечами и копьями о щиты — страшнее любого грома! И Дьяволы выли громче всех. Нам не терпелось окрасить прибрежные волны кровью врагов. Мы думали, что они трусили встретиться с нами на поле битвы. Мы родились в другую эпоху. Мы ничего не знали о современных войнах — о том, что такое мушкеты и... пушки.

Голос Питера дрогнул.

— Все пять кораблей дали по нам бортовой залп. Грохот их пушек был так громок — порой я могу поклясться, что до сих пор слышу его отголоски. И я увидел руки и ноги, оторванные от тел. Тела, превращенные в груды мяса. Разом снесенные головы. Фонтаны крови из шей... — Питер осекся. — Такой бойни я не мог себе и представить.

Те, кто не был убит или изувечен первым залпом, растерялись, не зная, драться или бежать, не в силах хотя бы понять, что происходит. Многие просто застыли, как вкопанные, вытаращив глаза, да так и погибли — залп за залпом косили наши ряды. Воздух звенел от их криков — криков боли и ужаса. Растерялись все. Но... — в голосе Питера зазвучала гордость. — Но только не Дьяволы! Нет, мы

не лишились разума. Это мы стояли рядом с Рогатым, и мы не дрогнули. Он продолжал наступать, и мы шли за ним. Люди в траншеях встали и начали стрелять из мушкетов — только тогда Дьяволы понесли урон. Пули били и били в Рогатого, но он шел вперед. Взобравшись на вал, он вступил в бой.

Тут для людей настал час расплаты. Они с воплями кинулись врассыпную — прочь от его пылающего взора и ужасного меча, а он шел сквозь толпу, рубя их дюжинами. Дьяволы сплотились вокруг него, и вдруг мы слышали грохот. Сама земля вспучилась под ногами, и все вокруг взорвалось.

Когда дым рассеялся, Рогатый недвижно лежал на груди выжженной земли. Его тело было разорвано в клочья, а вокруг лежали тела моих братьев, — Питер яростно хрястнул копьем о колено, переломив древко пополам. Дьяволы вздрогнули от неожиданности. — Так люди убили Великого Рогатого. Так люди вырезали мой клан.

Питер уронил голову на грудь. Закрыв глаза, он, как наяву, увидел их лица, их изувеченные, разорванные тела, почувствовал запах обгорелой плоти. Дальнейшие события смешались в кучу: Секеу, помогающая ему выбраться на берег, густой удушливый дым, боль, бесконечный звон в ушах, вдвоем они, спотыкаясь, бредут к лесу, стараясь не оскальзываться в лужах кишок и крови, карабкаясь через груды убитых и умирающих...

Тут заговорил Таннгност — негромко, едва ли не шепотом, но в зале было так тихо, что ни одно из его слов не пропало даром.

— На этом история не заканчивается. Если бы... Те, кому удалось уцелеть, отступили в холмы, забились в норы, берлоги и пещеры — в любые укрытия, где можно было спрятаться и зализывать раны.

Мы ждали, что люди уйдут. Надеялись, молили древних богов прогнать их, но люди не уходили. Вместо этого они

выстроили форт, расчистили землю под посевы и соорудили хлева для скотины. И, что хуже всего, возвели церковь Христа, надругавшись над всем святым на Авалоне.

Большие отряды людей начали выдвигаться в лес, никогда не заходя далеко, но убивая все живое на своем пути. Мало этого — они пожирали всех, кого удавалось убить. Нет, не только обычную дичь — они поедали волшебных существ. Именно поэтому, как вы, наверное, уже догадались, мы и называем их Пожирателями плоти.

Затем они начали выжигать лес. Зачем? Мне оставалось только гадать, дивясь безумию этих демонов. Возможно, затем, чтобы создать барьер между собой и нами? В чем бы ни заключалась причина, они словно помешались на том, чтобы очистить от нас весь остров. Сжечь каждое дерево, выжечь каждую норку и каждый куст, где мы могли бы жить или прятаться. Год за годом они сжигали все больше и больше.

Поначалу мы думали, что сможем пережить их. Надеялись, что они одряхлеют и умрут, как свойственно людям в мире людей. Но на Авалоне не так-то легко умереть. Здесь нет ни хворей, ни заразных болезней — по крайней мере таких, какие встречаются в мире людей. И стареем мы каждый по-своему. Питер пришел сюда еще до вторжения римлян в Британию. А я... даже не знаю. Когда я был молод, люди были грязными волосатыми существами, одевались в шкуры и бились каменными топорами. Некоторые существа тысячелетиями живут, ничуть не старея. Я, как видите, состарился, а Питеру, похоже, никогда не стать взрослым. Секеу и Абрахам здесь уже больше века и почти не изменились. Такова жизнь Дивных. К сожалению, то же самое волшебство поддерживает и жизнь Пожирателей плоти.

Но наше волшебство не только продляет их жизнь. Авалон — зачарованный остров, и только существа волшебной природы могут жить здесь в гармонии. Дети наподобие вас

полны волшебства, но, взрослея, люди меняются, теряют свое волшебство из-за страха и ненависти ко всему, чего не в силах объяснить, понять и подчинить себе. Поэтому волшебство и уродует их: кожа чернеет, на пальцах отрастают когти, на голове — рога, и они обращаются в демонов, согласно своей истинной сущности.

Итак, мы начали понимать свое бедственное положение. Нужно было что-то делать, иначе Авалон будет уничтожен и потерян для нас навсегда. Кое-кто отправился к Владычице, надеясь, что она сумеет объединить остатки авалонцев, но слишком велико было ее горе — гибель Хийси, Рогатого и великого множества других волшебных созданий — ввергла ее в отчаянье. По словам эльфов, она удалилась в Гавань и спит в пруду под Древом Аваллаха. Она была так убита горем, что всей ее воли хватало лишь на то, чтобы поддерживать Туман. Вскоре Ульфгер запретил любые визиты к ней.

К тому времени у людей уже не осталось пригодного для стрельбы пороха, но их было так много, что даже без пушек и мушкетов мы не смогли бы одолеть их в открытом бою. Было несколько тщетных попыток организовать сопротивление, но без Рогатого все союзы быстро разваливались из-за взаимного недоверия и склок. Дивные разных народов попрятались по своим территориям. Ульфгер самочинно принял власть над Лесом Владычицы и запретил кому бы то ни было входить в него и покидать его границы. Авалон охватило уныние. А Пожиратели плоти год от года становились все наглее и наглее. Отряды грабителей проникали все глубже и глубже к сердцу Авалона, почти не встречая сопротивления. Стало очевидно: со временем они отыщут и последний оплот Авалона — Гавань, а с ней и Владычицу, и Древо Аваллаха.

Питер прыгнул вперед и направил на ребят наконечник копья. Его глаза снова загорелись огнем.

— И вот теперь, Дьяволы, дело за вами. В мире людей время течет быстрее, и за время нашей борьбы он ушел далеко вперед. Возникли огромные города, гражданская война охватила американские земли, и, как всегда, пострадали в первую очередь дети. Я начал искать осиротевших, обиженных, умиравших от голода, пропадающих ребят, собрал тех, кто хотел лучшей жизни и был достаточно смел, чтоб драться за нее, и привел их сюда.

Вскоре Дьявол-Дерево опять зазвенело от криков воинов и стука учебного оружия. Дьяволы вернулись и были готовы освободить Авалон. Таннигност принялся искать союзников — тех, кому хватит мужества пойти с нами в бой. Он пошел к ведьме и к Ульфгеру, но они только посмеялись над ним. «Что, — сказали они, — может сделать горстка никчемных детишек против Пожирателей плоти? Как они смеют надеяться одержать победу там, где потерпел поражение сам Рогатый?» Зажатые в угол, не смея высунуть носа из своих умирающих лесов, они дерзнули смеяться над нами!

Что ж, Дьяволы не стали прятаться. Нет, мы пошли на войну! — сказал Питер, громко шлепнув наконечником копья о ладонь. — Мы начали игру по собственным правилам — устраивая засады и ловушки, совершая набеги на поля и склады Пожирателей плоти. Мы поджидали людей за каждым поворотом, и вскоре уже не волшебные существа, а Пожиратели плоти узнали, что такое страх. Теперь они боялись войти в лес, боялись выходить из форта по ночам. Чаша весов качнулась в нашу сторону, и у Авалона вновь появилась надежда. И все это потому, что горстка отверженных, никому не нужных ребят, в которых никто не верил, сплотилась и вышла на бой с врагами Владычицы. Потому, что вы, владыки Дьявол-Дерева, не сдались. И никогда не сдадитесь!

Питер широко расставил ноги и выпятил грудь.

— Но на этом моя история не кончается. Ее конец еще предстоит написать. И писать его, — он снова указал на ребят наконечникам копья, — вам! Чем она кончится? Это зависит от каждого из вас. Вы — владыки Дьявол-Дерева, самые грозные и мужественные воины, каких когда-либо видел Авалон, благородные защитники Владычицы и Древа Аваллаха. Не нужно заблуждаться — будет нелегко, но если вы тверды сердцем, храбры и полны решимости раз и навсегда избавить Авалон от этих демонов, наша история кончится хорошо. Мир волшебства упорен и силен. Помните мое слово: как только Пожирателей плоти не станет, Авалон исцелится сам по себе, и вы станете его истинными владыками. Песни о вас будут греметь тысячи тысяч лет! — Питер высоко поднял над головой наконечник копья. — Кровь есть клан, а клан есть кровь!!! Слава владыкам Дьявол-Дерева!!!

— Кровь есть клан, а клан есть кровь!!! — подхватили Дьяволы.

Повскакав на ноги, они замахали кулаками, затеяли бешеную чехарду. Питер кинулся в самую гущу ребят, запрыгал вместе со всеми: общее исступление, им же и порожденное, захватило его самого.

Все выли, кричали, неистовствовали... Все, кроме одного — мальчишки, в зеленых кедах, с темными кругами под глазами, сидевшего в одиночестве вдали от всех.

Вместе с Питером, троллем и остальной Свежей Кровью Ник поднялся на сторожевую башню. Занимался новый серебристо-серый авалонский день под небом, затянутым призрачными тучами. Отсюда, с площадки, возвышавшейся над вершинами деревьев, над затянутыми серой дымкой низинами, над покатыми холмами и острыми скалами, было видно далеко-далеко. Сквозь прорехи в утренней дымке Ник

мог различить границы острова. Вдоль берегов сплошной белой стеной стоял непроглядный Туман.

Питер указал на ломаную границу опустошенных земель, протянувшуюся поперек острова, и черный дым, поднимавшийся над опушкой леса.

— В эту самую минуту, пока мы стоим здесь, Пожиратели плоти жгут Авалон, дерево за деревом.

Ник устремил взгляд на черный шрам, господствовавший над тускло-серым ландшафтом, но почти не видел его. В голове снова и снова звучали слова Таннгноста: «Волшебство отравляет людей: кожа чернеет, на пальцах отрастают когти, на голове — рога, и они обращаются в демонов, согласно своей истинной сущности».

«Совсем как со мной во сне, — подумал Ник. — Что же все это значит? Я превращаюсь в Пожирателя плоти?»

Питер положил руку ему на спину:

— Видишь, Ник?

Ник вздрогнул от неожиданности: он и не слышал, что говорил Питер.

— Вон, видишь тот заливчик? — показал Питер. — Это Русалочья бухта. А вон за тем гребнем, вон там — форт Пожирателей плоти.

Теперь Ник смог разглядеть вдали россыпь черных крапинок, окруженных какими-то укреплениями, и полустгнившие остовы кораблей в бухте.

— Раньше оттуда и до самого дыма повсюду зеленел густой лес, дом миллионов волшебных созданий.

Выжженная земля тянулась поперек острова, расходясь от бухты широким кругом; по одну сторону границы — ничего, кроме разоренных земель, по другую — умирающие леса Авалона. Их оставалось так мало — да и оставшееся большей частью посерело, зачахло...

— Вся эта серость перед тобой — скверна, — пояснил Таннгност. — Результат гибели великого множества деревьев и волшебных созданий. Волшебства стало слишком мало,

чтобы поддерживать жизнь первозданных лесов и самых малоприспособленных из их обитателей, и потому леса гибнут — по сути, умирают от нехватки волшебства, как от голода. И где же нам жить, когда лесов не останется?

«Вот в этом-то все и дело, — подумал Ник. — Мы нужны им, чтоб драться за них».

Воюющие и гибнущие дети... При виде пожаров все это вдруг стало до жути реальным. Представив, как ему дают в руки меч и посылают взаправду убивать людей, Ник задрожал. На такое он был просто неспособен — ни за что, никогда! «Во что же я влип? И как теперь выпутаться?»

— Эй, — воскликнул Дэнни, — а почему бы нам стволов не раздобыть? Десяток АК-47 — и все пучком!

Остальные согласно закивали.

— Что такое АК-47? — спросил Питер.

— Ну, автомат, — пояснил Дэнни. — Автоматическая винтовка. Очередями стреляет.

— А, ружья я таскал сюда не один десяток лет, — ответил Питер. — Пронесешь их сквозь Туман — перестают действовать. Порох портится, или еще что-то такое. Фонари и рации тоже работать не хотят. Даже геймбой один раз приносил — очень уж хотел себе такую штуку. Но нет, здесь вообще ни одна электрическая вещь не работает. Почему — не знаю. Думаю, Туман внутрь проникает и портит там что-то.

— Что? Здесь не работают геймбои? — Дэнни расстроенно опустил голову. — Нет, только не это! Это просто полный отстой.

Ник оглядел остров, оценивая его длину, и покачал головой.

— А где мы находимся? — спросил он. — То есть не конкретно мы, а весь остров. Не может же он поместиться в Нью-йоркской гавани! А если бы и мог, неужели никто не заметил бы огромную тучу над водой?

Судя по лицу Питера, подобных мыслей ему и в голову никогда не приходило. Он оглянулся на Таннгноста.

— Я тоже частенько задаюсь этим вопросом, — сказал Таннгност. — Как и многие из нас. Знаю, что до возвращения Тумана с берегов были видны соседние земли. Туземцы приплывали к нам на каноэ — значит, и они могли видеть нас. Возможно, Туман не просто прячет наш остров, но переносит его в иное пространство и время. Это могло бы объяснить, отчего время на Авалоне течет много медленнее. Но это всего лишь догадки. Пути Аваллаха для меня, конечно же, неисповедимы.

Тут Ника осенила другая мысль.

— Погоди, — сказал он. — Этим Туманом управляет Владычица, так?

— Конечно, — подтвердил Таннгност. — Она — богиня вод. Она — одно целое со всеми водами мира.

— Так почему бы ей не убрать Туман?

— Убрать Туман? — ужаснулся Питер. — Но тогда к нам явится еще больше людей! Зачем ей это может понадобиться?

— Чтобы Пожиратели плоти смогли уйти.

«А я, — добавил Ник про себя, — смог бы вернуться домой».

— Уйти? — Питер разинул рот, глядя на Ника так, будто у того оказалось лицо на затылке. — Пожиратели плоти не намерены уходить. Этим дай хоть золотых лебедей, чтоб улететь домой — они просто перережут их и сожрут. Убийства — вот и все, что у них на уме. Это же чудовища!

— Да, — возразил Ник, — но если они губят Авалон, может быть, стоит попробовать?

— Возможно, раньше, — вмешался Таннгност. — Возможно, раньше из этого мог бы выйти толк. Пока волшебство не изуродовало их, пока новый мир еще не был настолько населен... Возможно, не будь Владычица так убита горем, она распорядилась бы всем по-иному. А может, и нет. Владычица ведь не всеведуща — далеко не всеведуща. Она смотрит на мир с точки зрения древних времен. Вся во вла-

сти чувств и настроений... Но, как бы то ни было, теперь уже поздно. Выход один: уничтожить их, пока они не уничтожили нас. Разве ты не видишь этого, Ник?

Ник кивнул, хотя и вовсе не был уверен в этом — как и во многом другом на этом острове.

— Хватит болтовни, — сказал Питер, сверкнув глазами. — Пора превратить вас троих в настоящих убийц.

— Питер, — сказал Ник, — нужно поговорить.

— Не сейчас, — ответил Питер. — У нас еще дел по горло.

Ник схватил его за плечо.

— Нет, сейчас!

Питер опустил взгляд на руку на своем плече, затем взглянул Нику в глаза. Сомнений быть не могло: в глазах мальчишки таилась тьма.

— Осторожнее, Ник.

Ник отпустил его плечо.

— Питер, прошу тебя!

Поймав жесткий взгляд Секеу, Питер подмигнул ей и задержался с Ником на площадке сторожевой башни. Остальные направились вниз.

— Питер, мне нужно обратно.

Питер непонимающе поднял брови.

— Мне нужно вернуться домой, — пояснил Ник.

— Домой? — Питер наморщил нос. — То есть, обратно в мир людей?

— Я очень нужен матери.

— Это просто тоска по дому. Бывает. Да, конечно, здесь много такого, к чему нужно привыкать. Но...

— Нет, дело в другом. Я должен вернуться к матери. Должен! Она в опасности. С ней в доме живет парочка очень нехороших людей. Я рассказывал о них, помнишь? Марко и...

— Этот наркоторговец? Да, помню. Но ты же говорил, что твоя мать сама во всем виновата.

— Неважно. Важно другое: она в беде. И если я не вернусь, они... ну, она может пострадать. Если уже не пострадала.

От Питера не укрылось ни напряжение в голосе Ника, ни лихорадочное возбуждение в его взгляде, ни судорожно сжимавшиеся кулаки.

— Если с ней что-нибудь случится, я... я просто не знаю, что сделаю. Мне очень нужно назад. Окей? Окей?

«Да он на грани, — подумал Питер, — нужно быть осторожнее. Возможно, Секеу права. Возможно, мальчишку и правда пора убить, пока все это не зашло слишком далеко».

— Окей, Ник, — спокойно ответил он. — Что-нибудь придумаем.

На лице Ника отразилось невероятное облегчение.

— Правда? Здорово. Вот здорово! Когда сможем пойти?

— Послезавтра.

Ник сузил глаза.

— Вначале тебе придется оказать мне услугу, — пояснил Питер. — Помоги мне, и я помогу тебе. Что скажешь?

— Ты хочешь, чтобы я дрался.

— Нет, драться тебе не придется. От Свежей Крови я этого никогда не требую. Но твоя помощь тоже будет нужна. Ты поможешь мне другим способом.

Ник с подозрением взглянул на него.

— Снова твои уловки? Еще один трюк?

Питер принял оскорбленный вид.

— Ну что ты, Ник! Конечно, нет.

— Поклянись. Поклянись жизнью Владычицы, что проведешь меня обратно сквозь Туман, если я пойду с тобой.

— Клянусь, — сказал Питер. Он не рисковал ничем. Он прекрасно понимал, что шансов снова увидеть мир людей ни у одного из Дьяволов практически нет. — Да что там,

я сделаю больше. Клянусь, что пойду с тобой домой и помогу разобраться с Марко.

Ник пристально взгляделся в лицо Питера в поисках малейших признаков обмана. Теперь в его взгляде появилась непреклонная решимость — та самая, что помогла этому мальчишке пройти сквозь Туман. «А в нем есть внутренняя сила, — подумал Питер. — Если тьму внутри вообще возможно одолеть, этот справится».

— Ты правда так и сделаешь? — спросил Ник. — Вернешься домой со мной?

— Только если дашь слово, что глотки им буду резать я, — ответил Питер.

По лицу Ника скользнула мрачная улыбка. Плкнув в ладонь, Питер протянул ему руку:

— Уговор?

Ник тоже плюнул в ладонь и пожал его руку.

— Уговор.

Ник, Дэнни, Сверчок и Лерой собрались в зале вокруг Питера. Крутанув в воздухе меч, Питер перебросил его из руки в руку.

— Пожирателей плоти нелегко убить или ранить, — говорил он, понизив голос. — Волшебство изуродовало их тела, превратило их в чудовищ, в... демонов. Их кожа стала толстой чешуйчатой шкурой — трудно проткнуть или рассечь. Жизненно важные органы съежились в теле так, что трудно попасть, — Питер хлопнул себя по животу. — Сам видел: проткнешь ему брюхо, а он все идет и идет вперед. К тому же они сильны. Если сумеют поймать, могут вырвать потроха прямо сквозь глотку. Что, страшно? А зря. Потому что в бою все решают быстрота и смекалка, а они ни тем ни другим не блещут. Быстрый боец всегда одолеет неповоротливого быка. Поэтому все, что вам нужно, — освоить верную тактику да не зевать, и победа за вами. Начнем?

Ребята неуверенно переглянулись.

— Хорошо, — сказал Питер. — Стройся!

Лерой, Ник, Сверчок и Дэнни выстроились перед ним в линию.

— Мы не просим вас завтра драться вместе с нами. От вас нам потребуется другая помощь.

Раздались звучные вздохи облегчения.

— Но война — штука непредсказуемая. Поэтому мы покажем вам кое-какие базовые трюки — на случай, если вдруг попадете в переплет.

Секеу и Красная Кость раздали всем по короткому мечу.

— В прежние времена, — заметил Питер, — Свежей Крови никогда не давали в руки мечей. Но отчаянное положение требует отчаянных мер. Нашим любимым оружием всегда были мечи и копья. Живое дерево Авалона слишком мягкое и влажное, хороших стрел из него не выходит. Мы выбрали короткие мечи и легкие копья, оружие, лучше всего подходящее для наших сильных сторон — быстроты и хитрости. Хитрость означает, что мы играем по собственным правилам. Используем против них их высокий рост. Стелемся понизу, атакуем и тут же рвем дистанцию. В ближний бой не ввязываемся. Не пытаемся никого убить. Наша задача — изувечить. Мы бьем по самым уязвимым местам, — Питер указал на собственные конечности. — Это руки и ноги — особенно колени и щиколотки. Щиколотки тонки, находятся у самой земли, их трудно защищать. Вот это, — Питер провел пальцем вдоль длинного сухожилия от пятки к икре, — называется «ахиллесово сухожилие». Рассечешь его — и враг не сможет ходить. А если он не сможет ходить, ему конец.

Питер махнул рукой в сторону соломенных чучел.

— Мы много чего можем показать. Выбирайте себе по болвану, и начнем.

Секеу встала в пару с Ником, Питер — с Дэнни, Красная Кость — со Сверчком.

Ник взвесил в руке меч, взмахнул им несколько раз для пробы. Оружие оказалось тяжеловатым, но хорошо сбалансированным.

— Окей, — сказала Секеу, толкая чучело к Нику.

Ник изготавился, вспомнил все, что говорила Секеу о правильной работе ног, и запрыгал взад-вперед, атакуя в такт. Оказалось, что многие принципы работы копьём и посохом применимы и к фехтованию. Ему удалось нанести болвану с десятков уколов и удержаться на ногах.

Секеу подняла бровь.

— Неплохо работаешь ногами, — сказала она.

Заслужить похвалу Секеу было непросто. Пораженный тем, как много значит для него ее одобрение, Ник невольно заулыбался.

— Но ты должен сосредоточиться на рубящих ударах, — продолжала она. — Не нужно так много колоть. Пожиратель плоти может получить много уколов и оставаться в строю. Если все же придется колоть, будь осторожен: клинок может увязнуть в их шкуре. Лучше всего — быстрые рубящие удары. Твоя задача — рассекать мускулы и перерубать сухожилия.

Секеу прозанималась с Ником большую часть дня. Не в состоянии думать о том, что ему придется по-настоящему драться и рубить живую плоть, Ник решил овладеть всем, чему учила Секеу, и с головой ушел в искусство фехтования. Завтра ему предстояло идти в бой не просто ради собственной жизни. Речь шла о возвращении к матери, и Ник бил соломенное чучело с таким усердием и силой, каких и заподозрить в себе не мог. Он был полон решимости обучиться всему, чему сможет.

Вдобавок он не уставал удивляться, насколько улучшились его скорость, ловкость и чувство темпа — даже выносливость заметно повысилась. В какой-то мере этому помогли тренировки и недавняя вылазка, но он понимал, что немалую роль тут играет волшебная каша. «Дэнни прав, — думал он, — ес-

ли бы мы могли фасовать эту баланду по банкам и переправлять на ту сторону, нажили бы целое состояние».

Питер объявил перерыв и велел ребятам надеть щитки и шлемы. Им дали деревянные мечи, обмотанные тряпками.

Дождаясь, пока Дэнни справится со шнуровкой щитков, Ник наблюдал за спаррингующими Дьяволами. Он до сих пор поражался их мастерству, но обнаружил, что уже может оценить не только скорость, но и технику, различить приемы и уловки, а иногда даже предугадать следующий ход еще до того, как он сделан.

— Поразить движущуюся цель — это одно, — сказал Питер, — а вот поразить движущуюся цель, которая пытается дать сдачи — совсем другое. Лерой! — Питер указал на край неглубокой ямы, посыпанной песком. — Сюда!

Лерой вскочил на ноги и занял свое место.

Питер указал на противоположный край круга:

— Дэнни — сюда.

Дэнни огляделся по сторонам, как будто в зале мог отыскаться еще один Дэнни.

— Шевелись, Дэнни! — крикнул Питер, захлопав в ладоши. — Живей, живей!

Дэнни со вздохом поднялся и поплелся на свое место.

— Представь, что Лерой — Пожиратель плоти и вознамерился сожрать тебя, — объявил Питер.

Лерой сверкнул глазами, страшно оскалился и кивнул.

Дэнни ссутулился, поднял взгляд к потолку и испустил долгий, протяжный стон. Питер закатил глаза.

— Дэнни, где твой боевой дух? Послушай, это же забава. Игра, вроде пятнашек. Чтобы выиграть, нужно всего лишь достать ногу, руку или голову этого болвана. Забавно ведь, а?

Дэнни застонал снова.

— Лерой, не забудь, — сказал Питер, — ты — Пожиратель плоти. Ты только отвечаешь на его атаки. Легкий контакт. Калечить друг друга не надо. Усек?

Не прекращая садистски ухмыляться, Лерой согласно закивал.

— Начали!!! — скомандовал Питер.

— Мочи его, Дэнни-бой! — закричала Сверчок. — Давай, мочи!

Злобно взглянув на нее, Дэнни издал губами громкий неприличный звук и двинулся вбок, обходя Лероя по кругу.

Лерой принял защитную стойку.

Дэнни кружил и кружил вокруг него. Возможно, так продолжалось бы целый день, но Питер остановил его.

— Дэнни, ты ждешь, что у него голова закружится? — крикнул он. — Мочи его! Вперед!!!

— Давай, курица мокрая, — сказал Лерой. — Посмотрим, на что ты годишься.

Дэнни рванулся вперед. Лерой легко отступил вбок, повернул меч плашмя и звучно, с силой шлепнул Дэнни по плечу.

Дэнни выронил меч и вскрикнул.

— Ай!!! Лерой, что за дела?! Питер сказал: легкий контакт. Какое из этих слов тебе непонятно?

Лерой пожал плечами.

— Ну, извини, чувак.

— Дэнни, речь идет о твоей жизни! — закричал Питер, захлопав в ладоши. — Хватай меч! Шевелись, шевелись, шевелись!!!

Дэнни подобрал меч, крепко зажмурился и бросился вперед, отчаянно размахивая им во все стороны. Лерой отбил его меч вниз и снова шагнул вбок, пропустив Дэнни мимо себя и проводив его жестким ударом под зад. Дэнни растянулся на песке.

Ник покосился на Питера с Секеу. Те удрученно переглянулись. Красная Кость закрыл лицо ладонями и покачал головой. Лерой хохотал так, что едва держался на ногах.

Дэнни побагровел, ударил кулаком о песок, подобрал меч и медленно поднялся на ноги.

— Дэнни, вспомни, чему тебя учили, — сказал Питер. — Нельзя бросаться на Пожирателя плоти сломя голову. Ищи его слабые места, используй хитрость.

Дэнни вытаращил глаза, раскрыл рот и показал на что-то за спиной Лероя:

— Ух ты, что это?!

На этот раз и Питер закрыл лицо ладонями.

— Придумай что-нибудь получше, задница жирная, — ухмыльнулся Лерой.

Дэнни опустил руки, принял безнадежный вид и отвел взгляд в сторону, но тут же со всей быстротой и изворотливостью броненосца прыгнул к Лерою и взмахнул мечом, целя ему в щиколотку. Удар прошел мимо, и Лерой крепко хрястнул Дэнни по шлему сбоку.

Тоненько, сдавленно заскулив, Дэнни выронил меч и схватился за голову. Лицо его сморщилось, и Ник увидел, что он изо всех сил сдерживает слезы.

— Ну, что ты, как маленький? — сказал Лерой. — Я до тебя еле дотронулся.

— Иди на фиг!!! — завопил Дэнни и швырнул в Лероя мечом. Меч пролетел в добрых трех футах от Лероя, и тот снова захохотал.

Питер бросил на Лероя недобрый взгляд.

— А что? — сказал Лерой, пожав плечами. — Я же Пожиратель плоти!

— Урод ты, — поправила его Сверчок.

Питер поднял Дэнни на ноги и обнял его за плечи.

— Пусть еще кто-нибудь попробует, а? Что скажешь?

Дэнни сорвал с головы шлем, швырнул его на песок и тяжело плюхнулся на пол рядом со Сверчком.

— Ник, — позвал Питер, — готов рискнуть?

«Нет. Последнее, чего мне хотелось бы — это выйти в круг с этим психом...»

Глубоко вздохнув, Ник затянул потуже ремешок шлема, поднялся и встретился взглядом с Лероем. Лерой вскинул

голову и усмехнулся, но за его усмешкой крылось что-то еще — явная угроза. «Сдерживаться он не намерен», — подумал Ник.

— Окей, Ник, — сказал Питер. — Запятнай его. Рука, нога или голова. Понял?

Ник кивнул.

— Лерой, — жестко добавил Питер, — а ты работай мягче. Уловил?

Лерой только ухмыльнулся.

Легким скользящим шагом, делая короткие резкие выпады и тут же разрывая дистанцию, испытывая защиту Лероя, как учила Секеу, Ник обошел круг. Лерой следил за каждым его движением.

— Мочи его, Ник!!! — крикнула Сверчок.

— Ага, — засмеялся Лерой, — давай, мочи меня, попрыгунчик.

Ник прыгнул вперед, ударил понизу, целя в щиколотку Лероя. Лерой блокировал удар с такой силой, что Ник потерял равновесие. Лерой развернулся на месте, и ответный удар угодил Нику в плечо. Удар был так силен, что Ник полетел на песок. Несмотря на то, что мечи были обмотаны тряпьем, пришлось стиснуть зубы, чтобы не вскрикнуть.

— Вставай, Ник! — закричал Питер. — На ноги! Живо!!!

Откатившись в сторону, Ник вскочил. Сомнений не оставалось: Лерой намерен изувечить его — и изувечит. На миг Ника вновь охватили прежние страхи и неуверенность. «Ну, нет, — подумал он. — Тебе меня не запугать. Это я выстоял против двух баргестов и победил. А если я смог убить баргеста, то этого урода сделаю легко. Нужно только сосредоточиться. Сосредоточиться...»

Ник встретился взглядом с Лероем и не отвел глаз. Должно быть Лерой прочел что-то в этом взгляде: ухмылка стерлась с его лица.

— Окей, — предупредил Питер, — полегче. Это просто игра.

— Давай, Ники! — завопила Сверчок. — Достань его!

Лерой принял широкую стойку, покрепче уперся ногами в песок. От Ника не укрылось, с какой силой он стиснул рукоять меча. Было ясно: на этот раз Лерой действительно будет бить изо всех сил.

«Окей, — подумал Ник, — он сильнее, чем я. Силой мне ни за что не победить». Секеу показывала ему простой прием: финт, затем атака со сменой уровня. И говорила, что этот прием очень эффективен против агрессивного противника. Но одно дело — отрабатывать приемы на соломенном чучеле, и совсем другое — применять их против какого-то дерьма, задумавшего переломать тебе кости. «Если ничего не выйдет, — подумал Ник, — он меня просто прибьет». Он покосился на Секеу. Похоже, та прочла его мысли: заметив его взгляд, она улыбнулась и кивнула.

Используя язык тела, Ник изобразил подготовку к атаке по нижнему уровню. Убедившись, что Лерой заметил взгляд, устремленный на его щиколотки, Ник быстро шагнул вперед и обозначил финт вниз. К его удивлению, Лерой тут же купился на этот нехитрый трюк и изо всех сил взмахнул мечом, вложив в блок весь свой вес. Но, как только он сделал это, Ник, поражаясь собственной скорости, изменил направление атаки. Лерой провалился вперед и потерял равновесие. На миг перед глазами мелькнуло его ошеломленное лицо, застывшее в гримасе абсолютного изумления, и тут Ник нанес удар. По залу разнесся жуткий треск; меч Ника ударил Лероя в защищенный шлемом затылок, и Лерой рухнул на землю, уткнувшись лицом в песок.

Наступила долгая тишина. Все замерли, уставившись на Ника.

Моргнув раз-другой, Питер, наконец, ухитрился прошептать:

— Ух ты...

— Йю-ху-у-у!!! — заорал Дэнни. — Ты прикончил его!

«Нет, — подумал Ник. — Такого счастья на свете не бывает».

Лерой с трудом сел. Его лицо покраснело под налипшим на кожу песком. Сплюнув, он обвел всех потрясенным взглядом. Но Ник был потрясен куда сильнее, чем он. Поражало даже не то, что он сумел переиграть Лероя — в конце концов, Лерой был просто здоровым болваном. Куда удивительнее было другое: Ник снова сумел выкинуть из головы страх и сосредоточиться на том, что нужно сделать.

Питер оправился от изумления и снова повеселел.

— Ребята, вы видели? Вот именно об этом мы и говорили. Вы должны полагаться на быстроту и хитрость. Должны навязать врагу свои правила.

Красная Кость поднял Лероя на ноги.

— Цел?

Лерой вырвался из его рук.

— Конечно, цел, — резко ответил он. — Этот хилак меня еле зацепил. Просто ему повезло. Тоже мне, велика победа.

Но Ник знал, что действительно победил, и сам Лерой, судя по выражению его лица, не сомневался в этом ни секунды.

Питер хлопнул в ладоши.

— Так, пока достаточно. Пора и пожрать!

Дьяволы устремились к столу, оставив Лероя наедине со Свежей Кровью. Лерой стряхнул с рук щитки, расстегнул ремешок шлема, подошел к остальным и ткнул в сторону разбросанного снаряжения.

— Приберите это дерьмо, — буркнул он.

Затем он навис над Ником, злобно глядя ему в глаза. Ник выдержал его взгляд. Он был полон решимости не отступать ни за что. Губы Лероя дрогнули, скривившись в легкой усмешке, и он сунул свой шлем прямо Нику в грудь.

— Убери на место, — сказал Лерой и, громко топая, ушел.

В кино на этом бы все и кончилось. Получив отпор, обидчик проникся бы к Нику некоторым уважением, и если не подружился бы с ним, то, по крайней мере, оставил в покое. Но Ник знал: в реальной жизни так не бывает. В реальной жизни тебе может посчастливиться взять верх, но типы вроде Лероя этого ни за что не забудут. Не забудут, не простят и после, со временем, обязательно найдут возможность поквитаться.

На следующее утро Ник, усевшись как можно дальше от Лероя, принялся наблюдать за Дьяволами, готовившимися к рейду. Ночью ему опять снился все тот же сон, и чувствовал он себя так же плохо, как накануне, а может, и хуже. С каждым днем избавляться от тьмы, охватившей душу, становилось все труднее и труднее. Он осмотрел руки: нет ли каких-нибудь признаков скорого появления черной чешуи и когтей? Сон был слишком уж реален — крики, кровь, резня... Прикрыв лицо ладонями, Ник протер глаза. «Не хочу... Не хочу превращаться в монстра...»

Напротив села Сверчок, подошедшая к столу со своим завтраком.

— Как ты, Ники? — встревоженно спросила она.

— Бодрее не бывает, — пробормотал Ник.

Тут подошел и Дэнни. В одной руке он держал миску, другой протирал на ходу заспанные глаза.

— Какой у нас план?

— Не знаю, — ответила Сверчок. — Никто не говорил.

— Первым пунктом, конечно, «встать ни свет ни заря», — проворчал Дэнни. — Снаружи еще темно.

Зал наполнился тихим, напряженным ропотом: Дьяволы начали вооружаться, наносить на тела и лица боевую раскраску, одеваться для битвы. Нику сразу же бросилась в глаза разношерстность оружия и боевого снаряжения. Кроме традиционных средневековых образцов, он увидел

шипастую немецкую каску-пикельхельм, танковый шлемофон, старомодный кожаный футбольный шлем, летные очки, по крайней мере два самурайских меча, кавалерийскую саблю времен Гражданской войны, метательные звездочки ниндзя, крестьянские вилы и несколько пар латунных кастетов. Большинство Дьяволов были одеты только в цельнокроенные штаны из сыромятной кожи с пришитыми к штанинам остроносными сапожками, но некоторые надели усеянные шипами и заклепками кожаные куртки из мира Ника, в которых сделались похожи на шайку психованных панков.

К столу подошла Секеу. В боевой раскраске она была действительно очень похожа на индейского воина, вышедшего на тропу войны.

— Идемте, — сказала она.

Троица новичков не без опаски последовала за ней туда, где одевались Дьяволы.

У Питера за спиной, на перевязях, крест-накрест перетягивавших грудь, висели два коротких меча. Его золотые глаза ярко мерцали на фоне черной кляксы боевой раскраски, покрывавшей лицо от подбородка до лба. Выхватив мечи из ножен, он лязгнул клинком о клинок, и Дьяволы выстроились в шеренги по обе стороны от него. Считая самого Питера, в строю оказалось двадцать три воина.

Питер шагнул вперед, скрестил мечи на груди и сверкнул золотыми глазами на Ника, Сверчка и Дэнни.

— Сегодня Дьяволы идут в битву. Мы должны положить конец выжиганию Шепчущего леса. Будет кровавая бойня. О да, многие встретят смерть в этот великий день! — он плутовато улыбнулся. — Но кто не слышал криков умирающих врагов, тот, можно считать, и не жил! — Питер склонил голову набок, пристально вглядываясь в лица Свежей Крови. — Кто из вас хочет заставить Пожирателей плоти визжать, как резанные свиньи?

Новички обменялись быстрыми взглядами.

— Любой, кто встанет сегодня в наши ряды, станет Дьяволом, как только выйдет за эту дверь. Такой смелый поступок любого сделает достойным. Победителей ждет целый мир, вечная юность и вся слава Дивных. Поищите в своих сердцах храбрость, наберитесь мужества покончить со старой жизнью, шагнуть навстречу новой! Ну, кто разделит с нами это величайшее из приключений? Кто готов стать владыкой Авалона?

Ник понял: вот она, черта, из-за которой нет возврата. Теперь все было без дураков, и он заколебался. Что это — их поведут на смерть? Стоит ли рисковать, доверяясь этому безумному мальчишке? В прошлый раз, последовав за Питером, он оказался в Тумане, где чуть не погиб. Стоит ли надеяться, что на этот раз будет иначе?

Ник искоса взглянул на Сверчка и Дэнни. Судя по лицам, им было так же страшно, как и ему. Игры кончились. Им предстояло идти в бой и убивать людей. Как их ни назови — Пожирателями плоти, кем угодно — но все же людей. Чувствуя общую серьезность, Ник подозревал, что кое-кто из этих ребят — а может, и большинство — не вернется из боя. Не лучше ли попытаться вернуться к матери самому?

Никто из новичков не спешил сделать шаг вперед. Все трое опустили глаза и съежились, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

Лерой стоял рядом с Питером, гордо откинув голову назад. «Как будто и вправду крутой», — подумал Ник. Действительно, Лерой, в полном дьявольском облачении, гордо сжимал в руках меч и чуть не лопался от самодовольства. Казалось, он в восторге от того, что идет в бой с Питером, но Ник понимал: Лерой просто из тех, кто без раздумий отправится на войну, едва услышав бодрый марш да зажигательную речь.

Сверчок тревожно покосилась на Ника. Встретившись с ней взглядом, Ник отрицательно покачал головой.

— Ты вовсе не обязана этого делать, — шепнул он.

Уанфгер

Но боль, отразившаяся на ее лице, говорила, что Сверчок твердо убеждена в обратном.

— Теперь они — моя семья, — сказала она, шагнув вперед.

Питер обнял Сверчка, а Дьяволы — все, как один — принались одобрительно хлопать ее по спине.

Перед строем остались Ник и Дэнни. Кусая губы, Дэнни отчаянно наморщил лоб и взглянул на Ника.

— Питер говорил, нам не придется драться.

— А ты и поверил?

Дэнни пожал плечами, сделал глубокий вдох, точно перед первым прыжком в бассейн с вышки, и шагнул вслед за Сверчком.

Теперь все смотрели на Ника. Наступившая тишина тяжелым грузом давила на его плечи. Вдруг на лице Лероя мелькнула усмешка. Эта усмешка яснее слов говорила, что Ник — лошара, слабак, жалкий придурок. Но на это Нику было плевать. Дело было не в нем — речь шла о матери. Вспомнив о ней, оставшейся дома одной, он понял: другого выхода нет. Твердо глядя в глаза Лероя, он сделал шаг вперед. Усмешка Лероя тут же исчезла, лицо его сделалось таким, будто он проглотил муху.

Зал зазвенел от приветственных криков. Кинувшись вперед, Питер стиснул Ника в медвежьих объятьях. Все хлопало Ника по спине, ерошили его волосы. В какой-то момент все эти крики, хлопки и улыбки заставили Ника забыть все страхи, всю злость, и он почувствовал, что тоже улыбается во весь рот. «Я сошел с ума, — подумал он. — Совершенно сошел с ума». И это оказалось на удивление приятно.

— Трижды ура нашей Свежей Крови! — крикнул Питер.

— Ура! Ура! Ура!!! — дружно откликнулись Дьяволы.

Отчужденность Дьяволов исчезла, испарилась, будто ее и не бывало, сменившись уютным, согревающим душу чувством истинного братства. Весь клан принялся облачать

Свежую Кровь в боевое снаряжение. Даже самые свирепые из Дьяволов не побрезговали прийти на помощь. Хохоча, перешучиваясь, они шнуровали новичкам ботинки, застегивали доспехи, затягивали ремни.

Лицо Сверчка раскрасили длинными темно-зелеными вертикальными полосами. Сжав губы и набычившись, она приобрела исключительно злобный, угрожающий вид.

Злосчастного Дэнни угораздило доверить боевую раскраску Красной Кости.

— Он — бойцовый кот! — объявил Красная Кость.

Но с черным пятном вокруг носа и губ и кошачьими усами Дэнни стал куда больше похож на бойцовую панду. Глядя на него, никто не мог удержаться от смеха. Дэнни обиженно надулся, но от этого вышло еще хуже: теперь он стал похож на обиженно дующуюся бойцовую панду.

Увидев, что сотворили с Дэнни, Ник счел за лучшее глянуть на себя в зеркало, и вначале ему показалось, что это какой-то фокус. Это был совсем не он! Там, в зеркале, отражался стройный, мускулистый дикарь с потеками черной краски на щеках. Но сильнее всего Ника встревожили собственные глаза — пронзительные жуткие глаза с золотой искрой. Неужели это вправду он? Что же с ним сделали, во что превратили невзрачного ботаника в лажовых кедах? Ник не знал, что и думать.

Подошедший сзади Питер подал ему короткий меч.

— Ник, это тебе!

Ник извлек меч из потертых кожаных ножен. Тонкий, изящный клинок был отполирован до зеркального блеска, но, присмотревшись, Ник увидел, что поверхность металла сверху донизу покрыта мельчайшими, едва различимыми руками. Попад в луч света, они засверкали, заискрились, как россыпь крохотных бриллиантов. Лезвие оказалось таким острым, что Ник порезал палец, едва коснувшись его.

— Ух ты... — выдохнул он.

Питер засиял от удовольствия.

— Настоящий эльфийский клинок из славных древних времен. Так прочен и остер — хоть сталь руби. Такие клинки, Ник, большая редкость. А, да, и имя у него, конечно, есть. Его зовут Маладриэль. Хочу, чтобы он был твоим.

Ник недоумевающе взглянул на Питера, не зная, что и сказать. С чего это Питер так расщедрился? Ни один из остальной Свежей Крови подобных подарков не получил...

— Как? Молодрель?

— Нет, Маладриэль, — поправил его Питер.

— Маладриэль... — повторил Ник.

— Маладриэль?! — захохотал Красная Кость. — Это ж девчачий меч!

Питер нахмурил брови и бросил на него резкий взгляд.

— Как девчачий? — озадаченно спросил Ник.

— Нет, — вмешался Таннгност, — вовсе не девчачий. Сам меч — женского пола.

— У моего меча есть пол?!

— Плохо, чувачок, ты эльфов знаешь, — сказал Красная Кость. — Такие затейники...

Ник еще раз осмотрел меч. В изяществе его линий действительно чувствовалось что-то женственное.

— Ладно. Девчачий или нет, а мне нравится, — сказал он. — Спасибо.

Лицо Питера вновь озарилось широкой, веселой улыбкой.

— Еще бы!

Бросившись к Дэнни, Питер принялся помогать ему как следует затянуть ремни.

Ник поднял меч и еще раз украдкой глянул в зеркало. Собственный вид ему нравился — нравился, как никогда. На миг он позволил себе расслабиться, забыл все страхи, все мрачные мысли и просто радовался тому, как круто смотрится в странном кожаном одеянии Дьявола с пришитыми к штанинам сапожками и высоким, затянутым под самой грудью поясом — копна сальных волос на голове, лицо в жирных потеках боевой раскраски, в руках сверкаю-

щий меч по имени Маладриэль... «Даже слишком круто», — невольно подумал он.

— Выходим! — скомандовал Питер.

Дьяволы потянулись к двери.

Не в силах поверить собственным глазам, Ник в последний раз взглянул на свое отражение, приложил к губам счастливую кроличью лапку и побежал следом за остальными.

Часть третья

Пожиратели плоти

Глава шестнадцатая

Пламя

Шли молча. Каждый с головой погрузился в собственные мысли — извечные мысли воинов, смиряющих страх по пути на битву.

Ник оглянулся на Красную Кость. Тот подмигнул в ответ, и его вечный оскал сменился озорной улыбкой. Горстка Дьяволов, шедших за ними, замыкая строй, тоже смотрела на Ника как на своего — как на товарища, брата по крови. Ник никогда в жизни не испытывал ничего подобного, и, как ни противно было это признавать, ему начинало нравиться быть Дьяволом. «Уж не поэтому ли, — подумал он, — не за это ли чувство единства, сплоченности под одним знаменем против общего врага, так много народу любит командный спорт?»

Дьяволы шли вниз, сквозь заросли серых умирающих деревьев, и лес постепенно менялся. Земля под ногами сделалась мягкой, пепельно-бледной. Над тропой стелился густой туман. Увядавшие деревья как будто съежились, согнулись под собственным весом; их голые ветви тянулись к небу, точно руки утопающих.

Около часа спустя ноздри Ника защекотал едкий запах гари. «Дым пожара, — подумал он. — Значит, и Пожиратели плоти уже близко». Внезапно Ника охватил страх. Бить соломенное чучело и воображать, будто сражаешься с чудищами, — это одно, а знать, что эти чудища, те самые, которых опасаются даже Секеу и Красная Кость, не только существуют на самом деле, но и находятся неподалеку — совсем другое...

Питер махнул рукой, подзывая Дьяволов к себе. Все собрались вокруг него.

— Дальше — как можно тише, — прошептал он, прижав палец к губам. — Следите за моими сигналами. Держитесь ближе ко мне.

Сердце Ника затрепетало в груди. Пришлось приложить немало сил, сдерживая учатившееся дыхание. «Ближе — это насколько?» — подумал он, безуспешно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь туман. В густой серой пелене каждый засохший куст, каждый трухлявый пенёк казался жутким чудовищем. Ник крепко сжал рукоять Маладриэли, в который раз задаваясь вопросом, каково это — взаправду рубить человека мечом, и от всей души надеясь никогда этого не узнать.

Питер поднял руку. Все остановились. Скользнув вперед, он осмотрелся и помахал Дьяволам, веля следовать за собой. Беззвучно пробравшись сквозь частый подлесок, они оказались перед крутым склоном, уходившим вниз, в долину, и Питер знаком приказал всем залечь.

Вглядевшись в выжженную, разоренную землю с высоты, сквозь прорехи в волнах низких туч, Ник похолодел. Вот они, Пожиратели плоти! Отсюда, издали, они казались не более чем крошечными, размером с муравья, точками, кишевшими возле горящих деревьев. Они деловито ныряли в клубы черного дыма и вновь возвращались на воздух.

У Ника разом пересохло во рту. Он покосился на Питера. Тот напряженно следил за каждым движением врага.

«Как странно видеть на его лице такую жестокость», — подумал Ник. От обычного мальчишечьего озорства не осталось и следа. Теперь в золотых глазах полыхал огонь неукротимой первобытной ярости.

Питер сделал глубокий вдох. «Как много...» На такое количество он не рассчитывал. Пожирателей плоти оказалось по меньшей мере шесть, а то и семь десятков — и это только те, кто на виду. Неподалеку наверняка были и другие, и среди них — он, Капитан. Лобовая атака означала бы героическую смерть, но Питер вовсе не искал героической смерти. Ему требовалось другое — отбросить врага от Шепчущего леса и спасти Авалон, и он изо всех сил старался скрыть охватившее его отчаяние. Стоит Дьяволам заметить его неуверенность в себе — все пропало. Теперь Питер понимал, отчего Таннгност так старался собрать под одним знаменем все силы Авалона. Как бы ни противно было даже подумать об этом, будь на их стороне Ульфгер с Калибурном, они загнали бы Капитана со всеми его Пожирателями плоти в Туман уже сегодня.

Осознав, что скрипит зубами, Питер сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух. Для всяких «может быть» и «если» сейчас было не время. Следовало сосредоточиться на главном. Так или иначе, этих демонов нужно остановить.

«А вот и бочки», — подумал он, глядя на крохотные фигурки, снующие между деревьями и парой бочек на вершине холма. Подобравшись поближе, Питер прищурился и кивнул собственным мыслям. «Значит, все-таки нефть. Ну что ж, похоже, еще не все потеряно».

Питер махнул своим, приказывая отодвинуться назад. Все собрались в небольшом овражке. Питер присел на корточки, и остальные последовали его примеру.

— Главная цель — нефть, — тихо заговорил он. — Шепчущий лес непросто — даже по меркам Авалона. Большая

часть деревьев — живые существа, у каждого — своя душа. Они видят, слышат и даже шепчутся друг с другом.

«А когда-то, — мысленно добавил он, — еще до прихода Пожирателей плоти, они постоянно пели друг другу, и не было в мире песен прекраснее».

— Под их толстой корой — плоть и кровь. Простым факелом такое дерево не зажечь. Поэтому Пожиратели плоти обмазывают их нефтью и жгут — жгут заживо. После стольких лет у них вряд ли осталось в запасе много нефти. Должно быть, они на грани, раз уж пустили в ход последние резервы. Если перевернуть бочки и разлить нефть, Шепчущий лес будет спасен.

Дьяволы слишком мало. Сквозь такую толпу нам не пробиться. Поэтому сделаем вот что: основными силами отвлечем Пожирателей плоти от бочек и пошлем небольшой отряд перевернуть их. Но Капитану известны наши хитрости. Он не из тех, кого легко одурачить. Атака должна быть настоящей, иначе он не пустится за нами в погоню. Он знает, что в лесу преимущество за нами, и вряд ли рискнет углубляться в заросли. Значит, придется принять бой у самой опушки. Стараемся заманить Пожирателей плоти в лес. Бьем — отходим, бьем — отходим. Открытого боя избегаем любой ценой. Так мы не нанесем им большого урона, но и они нам — тоже, а нам именно это и нужно. Помните: самое главное — дать своим время добраться до места, разделаться с оставленной охраной и перевернуть бочки. Секеу, отряд поведешь ты. Красная Кость, Абрахам, Лерой и Ник — пойдете с Секеу.

Увидев тревогу на лицах Лероя и Ника, Питер взглянул обоим в глаза и ободряюще улыбнулся. «Им нужно знать, что ты в них веришь, иначе разуверятся в самих себе». Но в глубине души Питер знал, что дело будет опасным, что он посылает к бочкам этих двоих в надежде, что хоть один да

доберется. А уж на то, что хоть один вернется назад, он почти не надеялся.

— В бой без крайней нужды не ввязывайтесь. Ваша задача — бочки. Об охранниках позаботятся Секеу, Абрахам и Красная Кость. Ник, Лерой, вам двоим я доверяю самую важную часть всей операции. Я ни за что не сделал бы этого, если бы не был уверен, что вы справитесь. А вы согласны со мной?

На лицах Ника с Лероем отразилась неуверенность, но оба кивнули.

— Хорошо. Секеу, бери свой отряд, идите в обход к восточному краю вырубки. Там укройтесь и ждите нашей атаки. Мы двинемся с запада. Остальное ты знаешь: сделайте дело — и как можно быстрее назад.

— Дэнни, Сверчок, вы идете со мной.

На лице Сверчка тоже мелькнула тревога, а уж Дэнни просто окаменел. Увидев, как дрожат его руки, Питер подумал, что этот мальчишка вот-вот расплачется. «Не готов. Может быть, стоит оставить его в тылу? Нет, не время осторожничать».

— Дэнни, Сверчок, все будет хорошо. Ваша задача проста: придать нашим рядам как можно более впечатляющий вид. Держитесь сзади, шумите погромче, в бой не суйтесь. Как думаете, справитесь?

Оба согласно кивнули, но Дэнни все еще был ни жив ни мертв от страха.

— Помните: наша цель — отвлечь врага от бочек. Как только бочки будут перевернуты — все бежим в лес. Если кто-то отстанет от своих, встречаемся здесь. Вот эта россыпь красных валунов видна с любого места в долине.

Питер встал и растянул губы в недоброй улыбке.

— Начинаем игру!

Дьяволы оскалились ему в ответ:

— Начинаем!

Подождав, пока отряд Секеу не уйдет в заросли и не скроется в утреннем тумане, стелющемся над землей, Питер повел своих на западный склон, к горящему лесу. Шли медленно, беззвучно, петляя среди мокрых валунов, топкой грязи, колючего вереска и нагромождений корней.

У самого дна долины, едва земля сделалась ровнее, Питер услышал вдали крики Пожирателей плоти, занятых своим делом. Выбирая самый удобный путь вперед, он вдруг услышал странный звук — тихий щелчок откуда-то с фланга. Питер подал знак, и Дьяволы приникли к земле.

Новый щелчок — на сей раз откуда-то с фронта, и еще один, и еще... Питер взглянул в серую пелену впереди, но, как ни вглядывался, не смог разглядеть ничего. Между тем, кто-то явно двигался к ним — разведчик, часовой, а может, и небольшой отряд. «Нет, — подумал Питер, — только не сейчас!» Если их обнаружат прежде, чем Секеу успеет выйти на позицию, все пропало. Единственный шанс — разделаться с врагами до того, как они дадут своим знать о появлении Дьяволов. Питер потянулся к мечу за спиной, но тут же замер, почувствовав легкий укол в загривок.

— Кто это у нас здесь? — резко прошептал чей-то голос.

Питер медленно обернулся, ожидая встретить взгляд своего палача. Позади, на расстоянии вытянутого копья, стоял старый эльф, Дразэль. Подняв копье, Дразэль улыбнулся.

— Ты ведь не собирался играть без меня, не так ли?

Питер засиял от радости, не веря своим глазам.

— Дразэль! Ты пришел! О боги, ты пришел! — широко улыбнувшись, Питер вскочил на ноги и обнял старого эльфа. — Как я рад снова видеть тебя!

Дразэль тихо щелкнул языком, и из задымленного леса появились еще пятеро эльфов. Каждый из них был вооружен тремя метательными копьями. Они сменили традиционные

зеленые мундиры на серые, а длинные волосы стянули узлом на затылке, и только их узкие глаза были холодны, как всегда.

— Я слышал, ты приходил в Лес Владычицы искать союзников, поэтому я привел с собой пятерых лучших стражей, — Дразль указал на эльфов. — Как ни жаль, я не смог убедить остальных присоединиться к нам. Эльфы решили сдержать клятву даже перед лицом безумия. Боюсь, остальные стражи последуют за Ульфгером даже навстречу неизбежной гибели. Но моя преданность принадлежит Владычице, а не лишившемуся разума Владыке. Уж лучше я умру здесь, сегодня, среди воинов, чем стану прятаться в Лесу Владычицы. Что скажешь? Пойдем ли мы сегодня в бой?

Питер хлопнул старого эльфа по плечу.

— Ты настоящий друг!

— А ты, мой друг, просто свихнувшийся дьявол.

— Значит, идем?

— Да, Питер. Веди. Мы идем с тобой.

Питер двинулся вперед. Дьяволы с эльфами устремились за ним. Украдкой Питер сморгнул навернувшиеся на глаза слезы. Он был не просто рад видеть старого друга: эльфы пришли, откликнулись на его зов и идут за ним в бой, несмотря на то, что все шансы против них — уже одно это было великой победой. Да, Питер понимал, что этого недостаточно, но, имея за спиной еще шесть эльфийских мечей, чувствовал себя намного лучше.

Он закусил губу. «Сегодня мы должны — обязаны победить».

Из тумана раздался пронзительный беспомощный крик — крик боли и муки. Крик прозвучал так по-человечески, что Ник не мог поверить собственным ушам. Неужели дерево может так кричать? Как бы там ни было, Нику тут же захотелось лишь одного: убраться от этого крика как можно

дальше. Но он не вскочил, не пустился бежать. Стиснув зубы, наперекор всем инстинктам, он полз на брюхе через грязь, сквозь кусты — вслед за Секеу, к вырубке.

Остановившись, чтобы стереть грязь с губ, Ник оглянулся назад. Следом за ним, всего в нескольких шагах, полз Красная Кость, но Ник едва сумел разглядеть его. Секеу велела всем вымазаться с головы до ног липкой грязью вперемешку с корой и листьями, и теперь они слились с землей, стали почти невидимыми в клубах дыма и пепла. Обогнув вырубку лесом, они приближались к опушке с востока. Вскоре Ник услышал грубые голоса и заметил впереди, за стеной колючих кустов, движение.

Секеу подала знак, подзывая всех к себе, и Ник медленно, избегая резких движений, чтобы не привлечь к себе внимания, пополз вперед. Абрахам с Лероем заняли позиции по одну сторону от Секеу, Ник — по другую. Секунду спустя рядом с Ником залег и Красная Кость, с лица которого, несмотря ни на что, так и не исчезла обычная безумная ухмылка.

Впереди, над вырубкой, всюду клубился густой черный дым. Пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, Ник едва сдерживал кашель. Пахло горящим деревом, но к этому запаху примешивался другой — тошнотворный сладковатый запах горелого мяса.

Из дымовой завесы снова зазвучали грубые мужские голоса. Несколько резких, отрывистых приказов — и дым озарился ярким пламенем, а над вырубкой разнесся жуткий протяжный крик. Ник зажал уши ладонями. «Неужели дерево вправду может так кричать?» Но тут ветер подул в другом направлении, отнес дым в сторону от леса, и Ник увидел их — дюжину Пожирателей плоти, стоявших в каких-то пятидесяти ярдах от опушки.

Сердце Ника бешено застучало в груди. Они оказались людьми, а вовсе не чудовищами, но именно это и внушало особый ужас. Самая сущность этих людей была поражена,

изъедена какой-то жуткой болезнью. Их кожа покрылась чешуей, съежилась, почернела, как у жертвы пожара, лица были искажены, точно от невыносимой муки. Казалось, они крайне истощены: ребра и кости таза выпирали в стороны, резко контрастируя с втянувшимися внутрь животами. Однако Ник прекрасно видел сухие, упругие, как канаты, мускулы рук и плеч, оплетенные набухшими венами. Кроваво-красные глаза с крохотными черными точками зрачков поблескивали со дна глубоких, темных, будто у мертвецов, глазниц; от носов, ввалившихся внутрь, остались только узкие щелки; искривленные, туго натянутые губы обнажали белые десны и желтые зубы.

По спине Ника пробежал холодок. Эти люди, их кожа, глаза — все было точно таким же, как у той твари, в которую он превращался во сне. Что же это? Он превращается в одного из них? Вот так действует на него волшебство? «Нет! — подумал он. — Чем превращаться в такое страшилище, уж лучше рискнуть уйти в Туман».

Ткнув Ника в бок, Секеу указала ему на огромный котел, установленный на вершине холма, ярдах в ста от опушки. Под котлом горел огонь. Рядом стояли две бочки в черных, тягучих потеках нефти по бокам. Глядя на них, Ник не мог понять, как можно преодолеть такое расстояние, не попавшись Пожирателям плоти.

Возле котла стояли в карауле не меньше десятка часовых — вооруженных мечами и копьями, в кирасах либо кожаных дублетах и металлических шлемах с высокими, похожими на петушиные, гребнями. Еще несколько дюжин человек с угрюмыми лицами, растянувшись частой цепью, патрулировали опушку леса. Вид у них был угрожающий, и держались они начеку.

К котлу рысцой подбежали двое босоногих мужчин, одетых в поношенные штаны по колено и грязные рваные рубахи. В каждой руке оба несли по ведру. Горбун на деревянной ноге помешивал нефть в котле. Мужчины с ведрами

шагнули к нему. Горбун зачерпнул нефть из котла большим деревянным черпаком и принялся наполнять их ведра вязкой маслянистой жидкостью. Оба носильщика ждали, злобно глядя на него. Когда ведра были наполнены доверху, они подхватили свой груз и потащились обратно к опушке. Там их поджидали люди с соломенными метлами. Окунув метлы в нефть, они принялись обмазывать ею ствол дерева. Закончив работу, они отошли в сторону, и вперед выступил человек с факелом.

Ник знал, что последует дальше, и вовсе не хотел этого видеть, но отвернуться не смог. Факельщик поднес огонь к дереву. Нефть загорелась не сразу. Крохотный синеватый язычок пламени медленно пополз вверх, но стоило ему набрать силу — и огонь ослепительно вспыхнул, охватив дерево целиком. Дерево пронзительно закричало, его кора и ветви затрещали в огне. Не успело оно догореть, как рядом запылало второе дерево, за ним третье, и лес огласился целым хором отчаянных криков, полных боли и муки.

Вырубку затянуло клубами черного дыма, в воздухе повеяло тошнотворным сладковатым запахом горелого мяса. Со всех сторон раздались негромкие глухие стоны. Ник вздрогнул и тревожно оглянулся, но тут же понял: это другие деревья стонут, оплакивая умирающих братьев. «О господи, это уже слишком», — подумал он.

Рука Секеу легла на его плечо. Видимо, этот жест должен был успокоить Ника, но Ник отметил, как подрагивает ее подбородок. Ему хотелось только одного — чтобы весь этот кошмар кончился как можно скорее. Где же Питер? Сколько еще ждать?

Пытаясь отвлечься, Ник начал присматриваться, прикидывать, как лучше подобраться к бочкам. Обгорелые стволы, ветви и корни поваленных деревьев впереди образовывали замысловатую полосу препятствий, а по пути еще предстояло не дать врагу убить себя. К тому же в грязи будет скользко — один неверный шаг может означать смерть. Ник сглоти-

нул, смачивая слюной пересохшее горло. «Неужели я правда собираюсь сделать это? Питер ведь должен знать, что...»

Мысль оборвалась: Ник увидел, что один из часовых смотрит прямо на него. Привалившись к высокому пню, часовой жевал веточку. Он был лыс — лишь на макушке росла длинная прядь черных волос, завязанная узлом. В руке он держал помятый шлем, а одет был в рваные бриджи и потускневшую кирасу поверх растрескавшегося кожаного дублета. На поясе у него висели меч и кинжал, на коленях лежал короткий боевой топор с пикой на конце. Его пронзительный взгляд, казалось, был устремлен прямо на Ника.

Ник похолодел, заморгал, но не осмелился даже шевельнуться, опасаясь, что любое движение может выдать их всех с головой.

Часовой подался вперед, сощурился, вглядываясь в дым, склонился влево, вправо — словно для того, чтобы лучше видеть... Наконец он нахлобучил шлем на голову, поднял топор и двинулся вниз по склону в сторону Ника.

Ник затаил дух.

— Спокойно, — шепнула Секеу.

Остановившись в дюжине ярдов от Дьяволов, Пожиратель плоти свистнул ближайшему из часовых и взмахом руки подозвал его к себе. Второй часовой подошел ближе, и первый указал прямо туда, где лежал в укрытии Ник. Второй — коренастый звероподобный — оглядел кусты и отрицательно покачал головой. Но первый настаивал на своем. Потянув товарища вперед, он снова указал в сторону Ника. Второй только пожал плечами. Наконец первый часовой выплюнул веточку, которую жевал, и, громко топая и треща ветками, направился к Дьяволам сквозь кусты. Второй раздраженно закатил глаза, но последовал за ним.

«Нужно сваливать! — подумал Ник. — Скорее, пока не поздно!»

Новая волна дыма окутала укрытие Дьяволов, закрывая обзор. Секеу, Абрахам и Красная Кость беззвучно обнажи-

ли мечи. Не сводя глаз с темных фигур часовых в мутной пелене, все трое подобрались, напряглись, как сжатые пружины. Казалось, сердце Ника вот-вот разорвется в груди.

«Ой, блин, — подумал он, — они собрались начать бой? Нет. Нет, нельзя. Нужно дожидаться Питера. Нас же всех перережут».

Спереди донеслось чавканье грязи под тяжелыми сапогами. Дым отнесло в сторону, и Ник увидел часового. Тот стоял прямо перед ним, в каких-то двух шагах. Ник замер, не в силах шевельнуться или хотя бы вскрикнуть. Теперь он мог с ужасающей ясностью разглядеть не только направленное на него острое пики, но даже чешуйчатую, шишковатую, как у жабы, кожу этого человека — каждый шрам, каждую морщинку, каждую бородавку. Часовой изумленно поднял брови, и Ник увидел в его адских красных глазах отражение собственной смерти.

Секеу прыгнула вперед. Лезвие ее меча сверкнуло, отсекая шею часового, и его голова взлетела в воздух. Какую-то долю секунды Ник отчетливо, будто на анатомическом срезе, мог разглядеть белизну разрубленных позвонков, каждую вену, каждую артерию, а затем вверх, точно нефть из скважины, тугой струей хлынула черная кровь. Голова с глухим чавкающим звуком шлепнулась в грязь, обезглавленное тело качнулось и рухнуло на спину.

Второй часовой отпрянул назад, прикрывшись от меча Секеу боевым топором. Красная Кость атаковал его сбоку. Часовой взмахнул топором, но Красная Кость стремительно поднырнул под удар тяжелого неуклюжего оружия и полоснул противника мечом по ногам под коленями. Часовой вскрикнул и упал, и Абрахам, подоспевший к врагу еще до того, как его тело коснулось земли, перерезал ему горло.

И тут, как будто по команде, противоположный край вырубки взорвался множеством криков. Из-за дыма Ник не мог разглядеть ничего, но понял: это Питер. Бой начался.

— Вперед!!! — закричала Секеу.

И Ник обнаружил, что бежит, увязая в грязи, изо всех сил стараясь не отстать от длинноногой индейской девчонки. Хлынувший в кровь адреналин вмиг вытеснил из головы все страхи, и Ник мчался вперед, огибая пни, прыгая через корни и ветки, желая только одного — поскорее перевернуть бочки и убраться отсюда ко всем чертям.

— Вперед!!! — закричал Питер.

Все, как один, вскочили, ударили мечами о мечи и завыли, словно стая диких псов.

Питер понимал, что их цель — отвлечь врага на себя, начать бой и отступить, но от криков гибнущих деревьев кровь кипела в жилах. Хотелось убивать, и отказывать себе в этом он не собирался.

Шестеро или семеро поджигателей и четверо часовых стояли прямо перед ним. «Хотя бы эти демоны с огнем и нефтью, — подумал Питер. — Хотя бы эти умрут сегодня. Сейчас». Его лицо исказилось от ненависти, он кинулся вперед и отсекал одному из часовых голову прежде, чем тот успел выхватить меч. Отрубленная голова взмыла в воздух. Еще один из людей ударил Питера пропитанной нефтью метлой. Нырнув под удар, Питер перерубил его ногу у щиколотки. Пожиратель плоти с криком упал. Прикончив врага ударом в лицо, прямо между глаз, Питер развернулся в поисках новых жертв. Но Дьяволы и эльфы тоже не зевали — все Пожиратели плоти лежали мертвыми либо корчились у их ног в предсмертных судорогах.

Над вырубкой заревели рога. Отовсюду слышались крики. Пожиратели плоти, бросив свои посты, быстро собрались вместе.

Питер окинул взглядом поле боя и нашел то, что искал. Далеко позади неровного строя солдат вверх по склону холма, к бочкам, мчались, пригнувшись к земле, пять почти

незаметных фигурок. Утерев забрызганный черной кровью лоб, Питер широко улыбнулся.

Солдаты с криком помчались к Дьяволам. На глаз их было не меньше шести десятков, а возле бочек на виду осталось всего трое. «Хорошо», — подумал Питер, позволив себе поверить, что сегодня все может кончиться благополучно.

— Идут! — крикнул он. — Держитесь!

Но вдруг над вырубкой раздался вопль. Наперерез толпе Пожирателей плоти мчался рослый человек с тонкими усиками и острой бородкой, в кожаном дублете, в широкополой шляпе с облезлым пером. Питер похолодел. Это был он, Капитан. Перехватив бегущих солдат на полпути, он поднял шпагу, приказывая им остановиться. Солдаты застыли на месте.

«Что он задумал?» Питер не сводил взгляд с Капитана, зная, что его одолеть непросто. Сколько раз этот человек одерживал над ним верх? Куда больше, чем Питер удосужился запомнить.

Капитан построил людей в шеренги, выкрикивая приказы и указывая шпагой то туда, то сюда. Сердце Питера дрогнуло: одна шеренга, состоящая примерно из двух десятков бойцов, выполняя приказ Капитана, развернулась и двинулась назад, к бочкам. Капитан проорал еще что-то, и остальные шеренги слаженной рысцей побежали вперед, к отряду Питера.

Питер взглянул на бочки. Ребят больше не было видно, но он знал: они там, за холмом, и, скорее всего, даже не подозревают о переменах в рядах обороняющихся. «Быстрее, — подумал он. — Быстрее, ребята, иначе все пропало».

Секеу бежала первой, за ней несли Красная Кость, за ним — Ник с Лероем. Последним, прикрывая тыл, шел Абрахам. Ник видел, как часовые собрались толпой и побежа-

ли к Питеру. «Все получится. Все получится. Все получится», — думал он на бегу, как будто мог изменить ход событий одной силой воли. Не сводя глаз с предательской путаницы корней и ветвей под ногами, стараясь не оскользнуться в грязи, Ник бежал вверх. Вскочив на очередной пенек, он рискнул бросить взгляд вперед. Вот они! Бочки были совсем близко — рукой подать. Но тут он услышал крик и увидел трех часовых, бегущих прямо к ним.

Оттолкнувшись ногами от поваленного дерева, Секеу прыгнула на первого из часовых, отвела в сторону поднятую ей навстречу пику и разрубила руку часового у локтя. Рука вместе с пикой отлетела в кусты. Солдат вскрикнул, отшатнулся, но не уgomонился. Уцелевшей рукой он выхватил меч, но Красная Кость, зайдя со спины, отсек ему ступню. Человек упал. Красная Кость с Секеу, даже не оглянувшись, побежали дальше. Ник стиснул зубы и перепрыгнул через солдата, корчащегося на земле, мимоходом ужаснувшись тому, что тот все еще пытается подняться.

Секеу с Красной Костью бросились на двух оставшихся часовых, заставив их отступить под вихрем ударов, как лайнмены нападения, расчищающие путь раннинбеку*. Обогнав их, Ник с Лероем устремились к бочкам.

Теперь путь к бочкам преграждал только горбун на деревянной ноге. Лерой достиг вершины холма первым и замер, как вкопанный. С разбегу налетев на него, Ник выругался, но тут же понял, что происходит. Большой отряд солдат двигался к ребятам Питера, тесня их в лес, но вовсе не это заставило Лероя остановиться. Снизу в сторону бочек бежали по меньшей мере два десятка солдат. До них оставалось не больше пятидесяти ярдов, двигались они быстро, и вид их не сулил ничего хорошего.

* *Лайнмен* — в американском футболе игрок первой линии нападения. *Раннинбек* — игрок, находящийся за линией атаки, чьей задачей является получение мяча при розыгрыше и проход с мячом как можно большего количества ярдов по направлению к зачетной зоне соперника.

«Минута, не больше, — подумал Ник. — Через минуту они будут здесь».

— Пошли! — крикнул он, выхватив меч и толкнув Лероя в спину.

Оба со всех ног бросились к бочкам.

Переложив черпак в левую руку, горбун вытащил из-за пояса широкую кривую саблю.

— Давайте, давайте, сопляки! — закричал он, обнажив в улыбке редкие гнилые зубы. — Старый Генри вам глаза вырвет и в задницы запихнет!

Решив прибегнуть к тому же трюку, что так хорошо сработал накануне вечером на Лерое, Ник обозначил сильный удар в голову. Но горбун перехватил меч Ника у рукояти и выбил оружие из его рук. Ника ждала верная смерть, но горбун отвлекся на Лероя. Взмахнув черпаком, он угодил Лерою по затылку, и мальчишка с разбегу рухнул носом в грязь.

Ник подхватил меч и ударил изо всех сил. Эльфийский клинок глубоко вошел в плоть, оставив в плече горбуна жуткую зияющую рану. Горбун потерял равновесие, запнулся деревянной ногой о корень и, мерзко ругаясь, покатился вниз по крутому склону.

Ник бросился к бочке и с разбегу врезался в нее плечом. Бочка едва шелохнулась.

— Блин!!!

Разбежавшись как следует, Ник попробовал снова. Бочка даже не накренилась.

В воздухе свистнуло, в пень совсем рядом с Ником вонзилось копьё. Солдаты были близко. Несколько самых быстрых уже подбирались к Нику, карабкаясь вверх по крутому скользкому склону холма. Ник уже хотел сдаться и бежать, но тут к бочке подоспел поднявшийся на ноги Лерой. Они поднажали вдвоем. Бочка подалась, но под собственной тяжестью встала на место.

— Еще... Р-р-раз!!! — крикнул Ник.

Оба разом кинулись на бочку. Бочка накренилась, на миг замерла — и перевернулась. Скользя, маслянистая нефть выплеснулась на склон, и бочка покатила под уклон, попутно сбив с ног нескольких солдат.

Лерой с Ником кинулись ко второй бочке, но невысокий, кряжистый солдат заступил им путь. Сверкнув кроваво-красными глазами, он взмахнул огромной абордажной саблей и бросился на них. Рванувшись прочь, Ник налетел на Лероя, и оба покатались по земле. Солдат торжествующе взвыл, но в тот же миг чей-то клинок вонзился в его шею сзади и вышел из горла. Солдат выронил оружие, схватился за горло и осел в грязь. За его спиной стоял Абрахам.

— Бочка!!!

Вскочив на ноги, Ник с Лероем разбежались и всем весом врезались во вторую бочку. Эта, полупустая, опрокинулась с первого раза и едва не увлекла за собой Ника. Подпрыгивая, она покатила вниз, сбив с ног по меньшей мере трех солдат, а еще нескольких обдала нефтью с ног до головы. Но упавшие сразу поднялись, и не меньше дюжины солдат полезло к вершине холма прямо по залитому нефтью склону.

Пинком перевернув котел, Абрахам выплеснул горячую нефть прямо в лицо солдата, подобравшегося к вершине первым. Обожженная кожа зашипела, глазные яблоки полопались, солдат задохнулся, забулькал горлом, словно пытаясь закричать с полным ртом кипящей нефти.

Абрахам выхватил из костра головню и шагнул вперед. Увидев огонь, облитые нефтью солдаты застыли посреди огромного нефтяного пятна, растекшегося по склону, — они тут же поняли, что их ждет. Абрахам бросил пылающую головню вниз, на залитый нефтью склон.

Все вокруг замерло. И солдаты, и Дьяволы застыли без движения на долгий-долгий миг. Затем вокруг горячей головни расцвели, заплясали над маслянистой поверхностью язычки голубого пламени. Ник видел в глазах солдат ужас — ужас людей, понимающих, что их вот-вот постигнет неиз-

бежная смерть, и смерть эта будет страшна. Нефть ослепительно вспыхнула. Ник отвернулся и кинулся бежать — прочь от корчащихся в огне людей, прочь от их жутких криков.

Пожиратели плоти были совсем близко.

— По местам! — крикнул Питер.

Дьяволы с эльфами отступили в лес, сменили мечи на копья и укрылись среди деревьев и валунов. Питер прекрасно знал, что Дьяволам ни за что не выстоять против Пожирателей плоти — против их длинных алебард, прочной брони, тяжелых мечей и топоров — в чистом поле. Но если их удастся заманить в дым, в заросли, где главное — маневренность, то можно играть с ними в кровавые прятки, пока последний из них не умрет.

Капитан остановился ярдах в тридцати от опушки, как раз вне пределов досягаемости копий, и быстро перестроил своих людей в четыре шеренги по десять. Питер надеялся, что Пожиратели плоти бездумно двинутся в лес неслаженной толпой, и вовсе не рассчитывал на то, что Капитан наведет среди них порядок так быстро.

— Ну, чего ждете? — прошептал он. — Идите сюда, мы здесь.

Но Капитан, похоже, не спешил. Стоя на месте, он внимательно оглядывал окрестности, очевидно, тщательно обдумывая следующий ход, и Питеру это очень не нравилось. Он знал: этот человек не упустит шанса обратить обстоятельства в свою пользу.

Капитан быстро отдал несколько приказов, и две шеренги, отделившись от основных сил, двинулись в стороны, охватывая отряд Питера с флангов.

Питер вскочил, бесстрашно вышел на открытое место и поставил ногу на грудь одного из часовых, убитых в первой стычке.

Пожиратели плоти остановились. Все взгляды устремились на Питера. Взмахнув мечом, Питер отрубил мертвецу голову, поднял ее за волосы так, чтобы видели все, и плюнул в мертвые глаза.

Над вражескими рядами зазвучала ругань и гневные крики. Шеренги дрогнули: несколько Пожирателей плоти, покинув строй, кинулись к Питеру.

— Стоять!!! — рявкнул Капитан. — Стоять, вам сказано!!!

Остановились все, кроме одного — обнаженного по пояс, с огромным топором в руках.

— Стоять, Бойл!!! — закричал Капитан. — Стоять!!!

Но солдат даже не оглянулся.

— Ты заплатишь за это!!! — орал он на бегу, не сводя с Питера безумного взгляда. — Заплатишь, отродье демонов!!! Ох, как заплатишь!!!

Взмахнув отрубленной головой, Питер швырнул ее навстречу бегущему. Мгновением позже один из эльфов, выскользнув из-за дерева, метнул во врага копье. Пожиратель плоти легко уклонился от брошенной головы — но не от копья. Копье пронзило его шею. Бегущий вцепился в древко копья, упал на колени, судорожно разевая рот, забулькал горлом, рухнул лицом вниз и затих.

Питер оскалился, а потом захохотал и заухал, будто обезьяна.

— По местам! Все по местам, не то шкуру спущу! — завопил Капитан. — Строй...

Над полем боя грохнуло, яркая вспышка сверкнула на склоне холма, неподалеку от бочек. К небу взвился столб черного дыма, воздух содрогнулся от воплей людей, сгорающих заживо.

Спокойное, сдержанное лицо Капитана исказилось от ярости. В последний раз взглянув на Питера, будто обещая, что вскоре мальчишка заплатит ему за все, он поднял шпагу и закричал:

— Назад! В центр! Все к бочкам! Живей, или все пропало!!!

Забыв о Питере и его Дьяволах, Пожиратели плоти сломали строй и помчались к бочкам.

За спиной Питера раздалось дружное «ура». Покинув укрытия, Дьяволы орали, выли, хлопали друг друга по плечам и хохотали, как школьники на перемене.

— Получилось, — почти беззвучно выдохнул Питер, вглядываясь в огонь и дым.

Но ни Секеу, ни ее отряда было не видно. Впрочем, им уже нельзя было помочь ничем — разве что пожелать удачи да быстроты.

— Уходим!!! — крикнул Питер. — К Красным Камням!

Ник мчался что было сил, петляя в лабиринте корней и веток. Вдогонку неслись злобные крики. Рискуя бросить взгляд назад, он увидел пылающий склон, черную тучу, поднявшуюся в воздух, будто огромный гриб, и охваченные пламенем, корчащиеся от боли тела. Но по меньшей мере шестеро солдат сумели выбраться из огня и бежали за Дьяволами, ярдах в ста позади. Нику невольно вспомнилось, как Питер говорил, что быстротой они не блещут. Однако солдаты настигали маленький отряд. «Похоже, в Авалоне другие понятия о скорости», — подумал Ник.

Услышав новые крики, он увидел еще одну группу солдат — не меньше дюжины человек бежали наперерез, пытаясь преградить Дьяволам путь к лесу.

Нога зацепилась за корень. Споткнувшись, Ник упал на колено. Секеу подхватила его и рывком подняла на ноги. На миг их взгляды встретились, и Ник увидел в ее глазах улыбку — улыбку, стоявшую дорожке всех на свете похвал, криков «ура» и хлопков по спине. Эта улыбка означала, что он держался хорошо — нет, просто замечательно, и стал для нее своим. Секеу толкнула Ника вперед, и оба они со всех ног помчались к опушке леса. Несмотря на крики погони, замешательство и ужас, Ник улыбался. Теперь ему

действительно нравилось — очень нравилось быть Дьяволом.

Первым до деревьев добежал Красная Кость, затем в зарослях скрылись Лерой с Абрахамом, а за ними — Секеу и Ник. Оказавшись в лесу, Ник почувствовал облегчение, но, стоило ему увязнуть в кустах, стоило колючим веткам и ползучим стеблям замедлить его бег едва ли не до шага, облегчение сменилось ужасом. Очень скоро сзади раздался треск — погоня тоже устремилась в лес. Легко круша подлесок на своем пути, огромные фигуры быстро приближались.

Земля под ногами сделалась мягче, превратилась в топкую грязь. Под ногами захлюпало. Увязая в грязи по щиколотку, Ник изо всех сил старался не отстать от остальных. Пораженные скверной деревья все теснее и теснее обступали ребят, их поросшие мхами ветви заслонили небо над головой. Красная Кость вел отряд по узкой полоске твердой земли, петлявшей среди коварных черных трясин.

Тропинка привела к невысокому глинистому уступу. Над головами ребят нависли спутанные корни деревьев, торчавшие из сыпучей глины. Красная Кость, Абрахам и Секеу прыгнули вверх, хватаясь за корни, взобрались на уступ и скрылись за его кромкой. Лерой тоже подбежал к уступу, прыгнул, уцепился за корень, но корень оборвался, и Лерой рухнул вниз — прямо на Ника. Оба упали, скатившись в неглубокое — всего по колено — болотце.

Ник попытался подняться, но ноги запутались в колючей болотной траве. Он отчаянно забрыкался, но только запутался еще сильнее. Тогда он потянулся к краю берега, но жидкая грязь просочилась сквозь пальцы, и рука соскользнула. Вдруг кто-то ухватил его за ногу. На миг Ник пришел в ужас, решив, что это какая-то болотная тварь, но тут же понял: это Лерой. Охваченный паникой, Лерой полез к берегу прямо через Ника, толкая его ко дну, и под его тяжестью Ник ушел в воду с головой. Нащупав ногой плечо Ни-

ка, Лерой оттолкнулся от него изо всех сил. Вынырнув на поверхность, Ник поднял голову и увидел, как подросток, ухватившись за пучок болотной травы, выбирается из трясины.

Ник протянул к нему руку:

— Лерой! Эй, Лерой!

Но Лерой даже не взглянул на Ника. Он смотрел назад — туда, откуда доносились крики людей. Взгляд его был полон ужаса.

— Лерой!!! — закричал Ник, барахтаясь в вязкой жиже. — Помоги!!!

Лерой взглянул на Ника, и на секунду страх исчез с его лица. В его глазах мелькнула злоба, губы скривились в мерзкой ухмылке. Вскочив на ноги, он полез на уступ. Там, наверху, дожидаясь их, стояла Секеу. Вскарабкавшись наверх, Лерой чуть не сбил ее с ног. Секеу перевела взгляд на Ника.

Крики людей приближались.

— Эй! Помоги! — закричал Ник, замахав рукой.

Но взгляд Секеу говорил яснее всяких слов: помогать ему она не собиралась. Она отвернулась, чтобы уйти, но тут же остановилась. Выражение ее лица изменилось. Казалось, она злится, но не на Ника — скорее, на саму себя. Спрыгнув вниз, она выхватила меч, подбежала к Нику, потянула его на себя и принялась рубить траву, опутавшую его ноги. Между двумя ударами она сказала что-то — похоже: «Лучше бы тебе справиться, Ник». Но мысли Ника смешались настолько, что он даже не пытался уловить смысл этих слов.

Вывободив ноги, Ник выбрался из болота, обернулся, чтобы помочь Секеу, и увидел копье, летящее прямо в них. Прежде чем он успел хотя бы раскрыть рот, копье вонзилось в бедро Секеу, и та упала. Вскрикнув, Секеу схватилась за ногу. Копье пробило ее бедро насквозь — Ник смог разглядеть разорванные мышцы, красные, как ломоть сырой говядины. Кровь тут же заполнила рану и потекла на землю.

Из-за деревьев, размахивая абордажными саблями и топорами, злобно скалясь, утробно рыча, выбежали шестеро солдат.

Вскрикнув от боли и ярости, Секеу выдернула копье из раны и с невероятной силой метнула его во врага. Бросок оказался точным: свистнув над болотом, копье вонзилось прямо в грудь бежавшего первым. Тот застонал и рухнул в трясину.

Ник схватил Секеу за руку и помог ей встать на колено. Секеу поднялась на ноги, но тут же упала, увлекая за собой Ника.

— Уходи!!! — крикнула Секеу, оттолкнув его.

Ник кое-как поднялся на ноги и с ужасом понял, что ее не спасти. После того, как она пришла ему на помощь, ее придется — придется бросить! «Беги!!! — кричал внутренний голос. — Беги!!!» Но Ник не побежал. Он просто не мог так поступить.

Трое Пожирателей плоти двинулись к ним. Ник неловко зашарил по бедру, нащупывая рукоять меча, выхватил оружие, выставил клинок перед собой — и едва не выронил его. Казалось, меч налился свинцом. Руки дрожали. От ужаса разом забылось все, чему он успел научиться.

Человек, шедший первым, понял это. Его красные глаза полыхнули хищным огнем. Занося топор для удара, он шагнул к Нику.

— О, господи! — вскрикнул Ник. — О, боже!

Выскочивший из-за его спины Абрахам нырнул под замах и вонзил меч в грудь Пожирателя плоти. Тот выпучил глаза; обух топора, выскользнувшего из ослабевших пальцев, угодил прямо Нику по ребрам. Схватившись за грудь, Ник согнулся от боли и осел на землю. Абрахам прыгнул в сторону, но раненый солдат успел схватить его за плечо, и оба с громким плеском упали в болото.

Воздух содрогнулся от боевого клича. Красная Кость, прыгнув с уступа, с лету ударил обеими ногами ближайше-

го из двух оставшихся Пожирателей плоти. Тот рухнул на своего товарища и сбил его с ног. Красная Кость одним прыжком вскочил на ноги, и его меч рассек лицо еще не успевшего подняться врага поперек. Второй оказался проворнее: взмахнув абордажной саблей, он чуть не выбил из рук Красной Кости меч. Красная Кость развернулся на месте и сделал выпад, оттесняя противника назад. Тот отступил, и тут Секеу, так и не сумевшая подняться, дотянулась мечом до его ног, рассекая подколенные сухожилия. Пожиратель плоти упал на спину и соскользнул в болото, тщетно пытаясь нащупать опору в жидкой грязи.

Красная Кость кинулся вперед, преграждая путь двум остальным противникам.

Ник отнял руки от груди. Ладони были мокры от крови. «Умираю», — подумал он, но тут же услышал натужное, сдавленное сипение и увидел Абрахама, борющегося с Пожирателем плоти в болоте. Огромный человек навалился на мальчишку, сдавливая его шею. Ногти Абрахама впились в толстую кожу предплечий врага. Он изо всех сил старался удержать голову над водой, но Пожиратель плоти был сильнее. За миг до того, как голова чернокожего мальчишки ушла под воду, Ник увидел ужас в его глазах и тут же забыл о смерти. Он должен был остановить врага — должен, несмотря ни на что!

Ник прыгнул к огромному Пожирателю плоти и изо всех сил ударил его мечом. Клинок глубоко вошел в плечо солдата и застрял в ключице. Солдат застонал, но, к ужасу Ника, так и не выпустил Абрахама. Ник рванул меч на себя, но лезвие накрепко увязло в жилистых мускулах. Из раны хлынула черная кровь. Расширенные от ужаса глаза Абрахама белели в темной воде, из его рта тянулась струйка пузырей.

«Нет!» — подумал Ник, почувствовав внезапную жгучую боль в желудке. Яд подступил к горлу, будто едкая желчь, вспыхнул в голове, застучал, загрохотал в висках. Из горла вырвался злобный звериный рык.

Ник больше не видел ничего, кроме врага. Все его мысли, все чувства сосредоточились на блестящем, шишковатом черном затылке Пожирателя плоти. «Бей! Круши! Сотри его в порошок!» Ник яростно рванул меч из стороны в сторону, высвободил клинок, вскинул его над головой и обрушил вниз, вложив в удар всю свою злобу, весь яд, кипевший внутри. Маладриэль лязгнула о череп врага над самым ухом, почти целиком содрав с Пожирателя скальп. Ник ударил еще и еще, чувствуя, как трещит кость, как лезвие рассекает плоть, как горячи брызги крови и мозга на лице. Это было невыразимо приятно, и с каждым ударом Ник улыбался все шире и шире. Наконец солдат упал, меч свистнул в воздухе, Ник потерял равновесие и ничком рухнул в болото. Захлебнувшись вонючей жижей, он тут же поднял голову, отчаянно закашлялся и увидел прямо перед собой Абрахама. Его неподвижные мертвые глаза смотрели из темной воды прямо на Ника.

Жжение в желудке слегка утихло. В глазах прояснилось. Ник подхватил Абрахама и наполовину выволок его тело на топкий берег.

— Абрахам!!! — Ник встряхнул мальчишку, но Абрахам только смотрел на него остановившимся, остекленевшим взглядом. — О, боже! — закричал Ник. — О, нет! О, нет, нет, нет!

Режущий уши смех заставил его поднять взгляд. Из-за деревьев показался еще десяток Пожирателей плоти. Они осторожно шли через болото, растянувшись цепью и отрезая все пути к бегству.

Ник оглянулся на Секеу. Та, сжав губы, мрачно смотрела на Абрахама.

Двое Пожирателей плоти, дравшиеся с Красной Костью, отступили назад и встали в общий строй. Бешеный мальчишка, тяжело дыша, замер с мечом в руке. Похоже, он не знал, что предпринять. Красная Кость взглянул на Секеу — та, пошатываясь от слабости, стояла на одном колене, и лужа

крови из раны в ее бедре увеличивалась на глазах. Но тут взгляд Красной Кости упал на Абрахама, и его яростный оскал разом исчез, сменившись гримасой боли. Крепко сжав губы, он поднял глаза на Пожирателей плоти, хлопнул окровавленным клинком о ладонь и зарычал.

Пожиратели плоти захохотали, но сразу же оборвали смех: над болотом разнесся протяжный вой. В этом вое не было ничего человеческого. Подхваченный множеством голосов, он зазвучал со всех сторон, даже сверху. Ник поднял взгляд. Ветви тряслись, неясные тени неслись над болотом, прыгая с дерева на дерево.

Пожиратели плоти обменялись быстрыми нервными взглядами. Они явно не знали, откуда ждать угрозы и что делать — драться или бежать. Разойдясь по болоту, растянувшись в цепь, они оказались беззащитными, и, судя по всему, прекрасно понимали это.

Болото огласилось жуткими криками и уханьем. Пожиратели плоти заозирались. Их лица окаменели от ужаса. Четверо баргестов, спрыгнув с ветки прямо на одного из них, сбили Пожирателя плоти с ног и впились в него острыми клыками и когтями. Двое людей бросились на помощь товарищу, но целая дюжина баргестов атаковала их сверху. Короткая неистовая схватка, лязг зубов, мелькание рук, отчаянные вопли — и Пожиратели плоти остались лежать в грязи с распоротыми животами и разорванными глотками.

Уцелевшие люди развернулись, пустились бежать, спотыкаясь в коварной трясине, падая с ног, но долгий пронзительный вой, разнесшийся над болотом, заставил их замереть на месте. Впереди, преграждая людям путь к отступлению, стояли дочери ведьмы. Легкие газовые платья, бледная кожа, длинные волнистые волосы... Сестры показались Нику чуть ли не ангелами, но тут же, прямо на его глазах, изменились: на пальцах отросли длинные кривые когти, лица вытянулись, превратившись в звериные морды. Девочки улыбнулись людям, оскалив пасти, полные острых

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

зубов, и бросились на них. Не касаясь ногами земли, три бледные тени пронеслись над болотом, сбили ближайшего из людей с ног и вырвали ему горло.

Охваченные паникой люди, не разбирая дороги, поднимая тучи брызг, кинулись прочь от девочек прямо в трясины и тут же запутались в болотной траве. Почувяв легкую поживу, на уцелевших кучей навалились баргесты.

Стоя на коленях рядом с мертвым Абрахамом, Ник не мог отвести глаз от обезумевших от крови баргестов. Вдруг небо потемнело, в воздухе стусилось странное напряжение. Обернувшись, Ник обнаружил, что смотрит прямо в единственный изумрудный глаз болотной ведьмы.

— Похоже, ты заблудился, дитя мое, — сказала она, обнажив в улыбке длинные зеленые зубы.

Гавань

Таннгност ждал у Красных Камней. Увидев Питера, старый тролль грузно поднялся и быстро двинулся ему навстречу. Он просто сгорал от нетерпения.

— Ну? — спросил он. — Ну, говори же! Скорее, мальчик мой. Рассказывай. Чем кончилась битва?

Промчавшись мимо него, Питер окинул взглядом небольшое плато.

— Их еще нет?

— Кого? — спросил Таннгност.

— Они уже должны были появиться. Намного раньше нас.

— Питер, рассказывай же, что произошло?

Питер остановился, изо всех сил стиснув плечо тролля. Его золотые глаза горели огнем.

— Сегодня мы победили, Таннгност! Какой триумф! Как жаль, что ты не видел! Мы здорово проредили их. Разлили их нефть и сожгли их заживо! — лицо Питера озарилось дьявольской улыбкой. — Их крики... какой сладкий звук!

Сегодня победа за Владычицей. Но... — улыбка исчезла. — Но несколько Дьяволов пропали без вести. Рассредоточиться! — крикнул Питер, отвернувшись от Таннгноста. — Смотреть в оба, держать ухо востро!

Дьяволы с эльфами рассредоточились среди валунов. Питер принялся мерить шагами плато, вглядываясь в опушку в поисках хоть каких-то следов Секеу и ее небольшого отряда. «Что же могло их так задержать? — подумал он, взглянув на черный дым, клубами поднимавшийся к серым тучам. — И все же, какая победа!»

Питер до сих пор не мог поверить, что Пожирателей плоти удалось одолеть. Он оглянулся на своего старого друга Драэля. «И эльфы! Они пришли! Пришли и сражались, признав меня вождем! И это еще не все. Сегодня же ночью ударим снова. Атакуем их форт. Не отступимся, пока они не умрут — все до единого».

— Тревога! — крикнул Гек, выхватив меч.

Питер метнулся к нему и тоже свесился вниз с крутого обрыва. Мгновением позже к ним присоединились Дьяволы и эльфы. Увиденное не укладывалось в голове. Из лесу, из-за поворота, направляясь к ним, едва ли не строем вышла стая баргестов. «Баргесты? Здесь? — подумал Питер. — Что за бессмыслица?»

Следом за баргестами из лесу показались три девочки.

— Ведьмы, — прошипел Питер, обнажая меч. — Ну что ж, они хотят драки — они ее получают!

— Подожди, — остановил его Таннгност. — Вон, видишь? Красная Кость и...

Питер вновь повернулся к лесу. Из-за деревьев вышел Ник, а за ним — Лерой и Красная Кость. Они несли Секеу, и Питер не мог не заметить ни ее ноги, обмотанной насквозь пропитавшейся кровью тряпкой, ни головы, бессильно мотавшейся сбоку набок. «Нет, — подумал он. — Только не Секеу. После всего, через что нам с ней довелось пройти...»

Убрав меч, Питер прыгнул с камней, бросился навстречу странной процессии, промчался мимо баргестов, даже не взглянув на них, и остановился только рядом с Секеу.

Лерой с Красной Костью бережно опустили ее безвольно обмякшее тело на землю.

«Какая бледная...»

Питер поднял взгляд на Красную Кость.

— Как она?

Красная Кость наморщил лоб, силясь ответить, но только покачал головой.

— Она умирает, — сказала одна из сестер.

— Да, мы чуем ее смерть. Недолго ей осталось, — добавила вторая.

— Бедняжка, — вставила третья, наматывая на палец прядь длинных белых волос.

Упав на колени рядом с Секеу, Питер крепко сжал ее пальцы и взглянул на рану в бедре.

«Сколько крови», — подумал он, коснувшись ее щеки.

Веки Секеу дрогнули, и она открыла глаза.

— Секеу, — заговорил Питер, — эй, Секеу, держись.

— Абрахам... — еле слышно прошептала она.

Только сейчас Питер осознал, что Абрахама с ними нет.

— Он храбро дрался... и спас меня, — слабым голосом проговорила Секеу. — И Ник... он тоже меня не бросил...

Питер прекрасно видел, каких усилий стоит ей каждое слово.

— Ш-ш-ш! Молчи, — сказал он, коснувшись ее губ.

Секеу опустила веки. На глаза Питера навернулись жгучие слезы.

Таннигност грустно опустился на колени рядом с Питером и осмотрел Секеу. Питер поднял на него умоляющий взгляд.

— Помоги ей. Сделай что-нибудь. Ты же умеешь. Твои лекарства, снадобья... Сделай же что-нибудь!

Старый тролль покачал головой.

— Питер, она потеряла слишком много крови. Тут уже ничего нельзя сделать.

Все умолкли.

— Можно, — решительно сказал Питер. Можно, и еще как, — он подхватил Секеу на руки и встал. — Владычица. Владычица может спасти ее.

— Нас заметили, — сказал Драэль, указав на трех крохотных зеленых фей, сорвавшихся с ветки и унесшихся в глубь Леса Владычицы.

— Питер, — заговорил Таннгност, едва они пересекли Куши-крик и ступили на противоположный берег, — это безумие. И ты сам прекрасно это знаешь.

— Безумие, — эхом откликнулась одна из сестер.

— Страшная смерть для всех, — добавила вторая.

— Здорово повеселимся, — согласилась третья.

Не обращая на них внимания, Питер крепче прижал Секеу к груди и твердым шагом двинулся вперед.

Таннгност оглянулся на строй Дьяволов, эльфов, ведьм и баргестов. «Вот это парад», — подумал он. Со дня гибели Рогатого такие силы еще никогда не собирались в едином строю, и старый тролль не мог не восхищаться Питером, сумевшим объединить давних непримиримых врагов. Но входить в Лес Владычицы с таким воинством... Нет, это никак не могло кончиться добром!

Протолкавшись к Питеру, Таннгност заговорил — тихо, будто опасаясь, как бы его не подслушали:

— Питер, на этот раз Ульфгер непременно попытается убить тебя. Ты это прекрасно понимаешь. Прошу тебя, Питер, ради всего Авалона: подумай, как следует.

Но одного-единственного взгляда в упрямое веснушчатое лицо хватило, чтобы понять: все слова напрасны. «Если уж Питеру что-то втемяшилось в голову, — подумал Таннгност, — никакие доводы разума не в силах его остановить».

— Пусть даже тебе удастся увидеть Владычицу, — продолжал он, — она слишком слаба, чтобы чем-то помочь. Многие годы прошли с тех пор, как...

Питер остановился. Следом за ним остановились и все остальные. Путь им преграждал Ульфгер во главе отряда из пятнадцати эльфов, вооруженных до зубов. По такому случаю он был в полном боевом облачении — узорчатые лепестки кожаного панциря под темной стальной кирасой, черные латные перчатки по локоть, высокие, до самых бедер, кожаные сапоги и плащ из медвежьей шкуры на плече.

Вскинув боевой топор, Ульфгер смерил злобным взглядом смущенного Драэля и его эльфов.

— За измену вы изгнаны из стражи. Убирайтесь немедленно, и чтоб ноги вашей больше не было в этом лесу.

После этого Ульфгер мрачно взглянул на Питера.

— А к тебе, вор и похититель детей, я не буду столь же милосерден. Терпеть твои игры и дальше я не намерен. Ты был предупрежден, ясно и недвусмысленно. Приговариваю тебя к смерти.

Бережно опутив Секеу на землю. Питер поднялся и шагнул вперед. Не глядя на Ульфгера, он обратился к эльфам, выстроившимся по обе стороны от темноглазого гиганта.

— Сегодня, — громко заговорил он, — вот эти детишки — те самые, перед которыми вы задирали нос — шли в бой плечом к плечу с вашими братьями и ведьминой ордой. Все вместе они выступили против Пожирателей плоти. Все вместе они одержали победу, многих врагов сожгли заживо, а остальным напомнили, что у Авалона еще есть зубы! Благодаря их мужеству, пролитой ими крови, отданным ими жизням сегодня — а может, и завтра и еще много-много дней — Авалон в безопасности. А где были вы?

Питер обвел эльфов безжалостным взглядом, заглянув в глаза каждого.

Таннгност был поражен. Как сильно подействовали слова Питера на невозмутимых эльфов! Большинство из них

отвели глаза. Кое-кто даже съежился под его взглядом. Некоторые искоса переглянулись.

— Эта девочка, — Питер указал на Секеу, — сегодня пролила кровь за Владычицу. А храбрый мальчишка по имени Абрахам погиб, защищая Авалон. А где были вы?

— Никто не слушает твоей болтовни, — с мрачным смешком сказал Ульфгер.

— Я прошу одного, — продолжал Питер, по-прежнему обращаясь к эльфам, — позволения пройти к Владычице и принести к ней раненую воительницу, защитницу Авалона. Кто из вас сможет отказать ей в этой чести?

— Никогда!!! — крикнул Ульфгер. — Видеть Владычицу не позволено никому! Тем более — какому-то гнусному отребью!

Питер перевел взгляд на Ульфгера. Таннгност прекрасно видел, как мальчишке трудно сдерживать ярость.

— Владычица — не твоя собственность, — процедил Питер сквозь стиснутые зубы. — Владычица принадлежит всему Авалону. Или ты забыл слова собственного отца?

Ульфгер угрожающе сверкнул глазами. Его пальцы стиснули древко топора так, что костяшки побелели.

— Это «отребье», — сказал Питер, широким жестом указав на своих спутников, — заплатило за право видеть Владычицу собственной кровью. А ты, Ульфгер? Как ты заслужил это право?

— Убейте его, — приказал Ульфгер.

Несколько эльфов потянулись к мечам, но тут же замерли, не зная, на что решиться.

— Лорд Ульфгер! — крикнул Таннгност. — Открой глаза! Разве ты не видишь? Все кланы собраны вместе. Дело за тобой. Надень Рогатый Шлем. Веди Авалон к победе! — Таннгност понизил голос. — Лорд Ульфгер, умоляю: подумай, прежде чем действовать. В твоих руках судьба всего Авалона.

— Ты к старости ослаб головой? — усмехнулся Ульфгер. — Я уже дал тебе свой ответ. Стража Владычицы ни-

когда не пойдет в бой рядом с этой мразью. И неужели ты настолько глуп, чтобы доверить тайну Гавани всякому сброду? Отчего бы тогда тебе самому не привести к Владычице Пожирателей плоти?

— По крайней мере, они заслужили доверие, — заметил Питер.

Ульфгер повернулся к эльфам:

— Больше я повторять не стану. Убейте его!

Эльфы не шелохнулись.

— Чего вы ждете? — закричал Ульфгер, уставившись на эльфов.

Но эльфы не дрогнули под его взглядом. Более того — они, один за другим, отступили от Ульфгера на шаг.

Недоверие на лице Ульфгера сменилось гримасой бешенства. Его лицо побагровело, брови сомкнулись над переносицей.

— Измена?! — прорычал он. — Может, вы забыли свою клятву? Может, весь Авалон сошел с ума?

Шагнув к ближайшему стражу, он толкнул эльфа вперед, едва не сбив его с ног.

— Живо!!! — заорал он. — Убейте его!!! Убейте!!!

Эльфы не двинулись с места.

— Изменники!!! — завизжал Ульфгер. — Изменники — все до одного!!! Что ж, я сам сумею защитить Владычицу!!!

Подняв топор, он бросился вперед и со всего маху обрушил лезвие на Питера, не оставляя мальчишке шанса выхватить меч. Но вместо этого Питер сделал такое, чего Ульфгер совсем не ожидал. Он прыгнул навстречу, за спину врагу, поднырнув под удар, способный развалить его надвое, и жестко пнул пронесшегося мимо гиганта под колено. Ульфгер с разгона рухнул на землю. Топор выскользнул из его пальцев и отлетел в сторону.

Яростно рыкнув, Ульфгер на четвереньках бросился к топору, но пятнадцать бритвенно-острых эльфийских копий,

подкрепленных с тыла пятнадцатью многообещающими взглядами, преградили ему путь.

— Довольно, Ульфгер! — крикнул Драэль. — Довольно!

Взглянув на Драэля, Ульфгер замер. Челюсть его отвисла, взгляд сделался отстраненным, как будто там, в вышине, за спиной старого эльфа возник призрак, бесплотный дух, видимый лишь ему одному. Ульфгер затрясся всем телом, в широко раскрытых темных глазах блеснула искра безумия.

— Почему... почему ты никак не оставишь меня? — дрожащим голосом закричал он. — Я же поклялся! Поклялся! — пальцы Ульфгера впились в мягкую землю, судорожно сжались, оставляя за собой глубокие борозды. — Конечно, я буду защищать ее! Сколько еще раз мне клясться в этом?!

Эльфы тревожно переглянулись. Таннгност махнул войску Питера:

— Идем!

Отряд двинулся вперед, вслед за Драэлем, к саду леди Модрон, далеко обходя гиганта, в бессильной ярости терзавшего ногтями землю.

— По-моему, у него масло в голове прогоркло, — сказала одна из девочек, проходя мимо.

— Мозги в труху, — добавила вторая.

— Точно, черви съели чурбачок, — согласилась третья.

— Пора навестить тетюшку, — сказала первая.

— Надеюсь, у нее есть сладкий пирог, — вставила вторая.

— А я надеюсь, у нее есть кролики, — сказала третья. — Люблю кроликов.

— Кролики, ум-м-м! — поддержала ее первая. — Сразу двух съем.

Эльфы вели отряд вдоль широкого ручья, быстро бежавшего по каменистому руслу. Прижимая к груди Секеу, Питер неслись вперед ровной, размеренной рысью. Дьяволы не отставали от него, а за ними, на некотором расстоянии,

скакали, опираясь на кулаки, баргесты. Завывая, радостно поскуливая, они прыгали, толкались, всюду совали нос. Ник с трудом мог поверить, что эти игривые, любопытные существа — те самые жуткие твари, что едва не прикончили его. Невдалеке, прямо сквозь лес, вприпрыжку бежали, летели, почти не касаясь ногами земли, дочери ведьмы. Невесомые белые платица девочек были сплошь забрызганы черной кровью, и Ник не мог сдержать дрожь, слыша их беззаботный смех, эхом разносившийся по лесу.

Вскоре с ним поравнялись Сверчок и Дэнни. Дэнни весь взмок и дышал так тяжело, что Нику казалось, будто тот вот-вот упадет. Раскрас бойцового кота — вернее, бойцовой панды — растекся по пухлым щекам, отчего лицо Дэнни выглядело еще более изможденным.

— Все, — пропыхтел Дэнни. — С меня хватит. Хватит с меня всей этой фигни.

— Держись, Дэнни! — голос Сверчка звенел от восторга, будто все это казалось ей каким-то необычайным, увлекательным приключением. — Держись, ты сможешь!

Сверчок ободряюще хлопнула Дэнни по спине. Дэнни взглянул на нее как на сумасшедшую и повернулся к Нику.

— Ник, — выдохнул он, — когда соберешься домой... не забудь прихватить и меня. Я серьезно.

Ник и без этого чувствовал, что Дэнни не шутит. Голос мальчишки дрожал, точно он в любую секунду был готов разреваться.

— Не хочу здесь сдохнуть, — продолжал Дэнни. — Назад хочу, домой...

— Ник, так что там случилось? — перебила его Сверчок.

Ник не ответил. Желудок жгло огнем, в душе вскипала жажда убийства — совсем как по утрам, после пробуждения от кошмарного сна. Только на этот раз жжение не унималось — даже усиливалось. В висках болезненно застучало.

— Эй, Ник, — опасно окликнула его Сверчок, — с тобой все окей?

Нику хотелось только одного — чтобы его оставили в покое. Ему нужно было побыть наедине с собой, разобраться в собственных мыслях, привести голову в порядок.

Сверчок хотела было сказать что-то еще, но, тут же передумав, ускорила шаг, поравнялась с Лероем и принялась допрашивать его. Лерой охотно начал излагать ей свою версию событий, в красках расписывая, как он перевернул неподъемные бочки и сжег живьем целую толпу Пожирателей плоти.

«Рассказал бы, как прятался в болоте, когда убивали Абрахама, — подумал Ник, чувствуя, как вспыхнуло пламя в желудке, как злоба, вскипевшая в груди, забурлила у самого горла. — А как хорошо это было — расколоть череп тому Пожирателю плоти, — подумалось ему. — Мозги так и брызнули. Ах, хорошо! — он поднял глаза и взглянул на затылок Лероя. — Каково же будет вышибить мозги ему?»

Лерой продолжал разглагольствовать о перевернутых бочках.

«А он удрал, — подумал Ник. — Удрал и бросил меня подыхать. Удрал. Удрал...»

Эта мысль жгла мозг, пока не сумела вырваться наружу.

— Удрал, — прорычал Ник.

— Что? — обернувшись, спросила Сверчок.

— Он удрал.

В глазах Лероя вспыхнула злоба.

— Удрал и спрятался.

Лерой с силой толкнул Ника в плечо.

— Заткни хлебало, урод!

— Ты бросил нас.

— Я сказал, заткни хле...

С этими словами Лерой снова дернулся к Нику, но кто-то сзади схватил его за руку и рывком развернул к себе. Лерой споткнулся и чуть не упал.

— Расскажи, Лерой, — сказал Красная Кость. — Расскажи всем, где ты был, когда умирал Абрахам.

Глаза Лероя вильнули, забегали, как у загнанного в угол пса.

— Всего один. Один лишний меч, — сказал Красная Кость, — мог бы спасти Абрахама.

Не смея поднять глаз, Лерой замотал головой, открыл было рот, но промолчал и попятился прочь — прочь от Красной Кости, от жестких, безжалостных взглядов, устремленных на него со всех сторон. Не зная, куда деваться, он отстал и оказался среди баргестов.

Внезапно рану в груди Ника пронзило острой, жгучей болью. Зажав ее ладонью, он нащупал нечто мокрое и горячее, а, взглянув на ладонь, едва сумел сдержать крик. Кровь — его кровь — потемнела, сделалась почти черной! «Что происходит?» — подумал он. «Сам знаешь», — неласково откликнулся голос изнутри. В висках застучало сильнее, казалось, голова вот-вот лопнет. Споткнувшись, Ник чуть не упал, но кто-то подхватил его и обнял за плечи.

— Осторожней, Ник.

Сквозь слезы на глазах Ник смог разглядеть насмешливый оскал Красной Кости. Но его ухмылка тут же исчезла.

— Эй, чувачок, ты в порядке?

— Ага, — ответил Ник. — Все... все хорошо.

Но Красная Кость увидел, что кожаные штаны Ника насквозь пропитаны кровью.

— Ё-о-о, чувачок, да тебя здорово зацепило.

— Все хорошо, — неожиданно резко ответил Ник, отстранившись от бешеного мальчишки и поспешно прикрыв рану рукой.

— Окей, чувачок. Как скажешь. Понадобится помощь — зови меня.

Красная Кость раскрыл рот, чтобы сказать что-то еще, запнулся, мучительно подбирая нужные слова, и, наконец, выпалил:

— Слышь, я что хочу сказать. Ты заслужил свой меч и нож, без дураков. Шестеро — шестеро этих уродов против

одной твоей тощей задницы! Но ты не бросил Секеу. Не бросил, а ведь мог бы удрать. Для этого нужна не просто смелость. Тут, я тебе скажу, требуется кое-что посерьезнее, — он хлопнул Ника по плечу. — Ты просто помни, брат. Понадоблюсь — я рядом.

Сверкнув напоследок своей безумной улыбкой, Красная Кость ускорил шаг и пустился догонять Питера с Секеу.

На миг Ник забыл о боли и о жжении в желудке. Взгляд этого бешеного мальчишки не оставлял никаких сомнений: отныне Красная Кость стал его другом — другом, который будет рядом до конца. При этой мысли на глаза вновь вернулись слезы.

Русло ручья сузилось, течение сделалось быстрее. Ручей зашумел, над каменистыми берегами повисли тучи мелких брызг, под валунами в воде закружились водовороты. От скверны не осталось и следа, на многих деревьях зеленели листья. Отряд подошел к цепочке больших плоских камней, протянувшейся через ручей. Прыгая с камня на камень, все переправились на другой берег. Только трем сестрам камни не потребовались — девочки перепорхнули бурный поток, едва касаясь крохотными ножками волн.

На противоположном берегу растительность оказалась еще обильнее. В траве Ник заметил цветок, а с веток деревьев на него боязливо глядели несколько фей. Их яркие разноцветные крылышки привели Ника в восхищение. «Какие красивые, — подумал он. — И как приятно было бы почувствовать хруст их косточек в ладони!»

Ник помотал головой. «Нет, — подумал он. — Остановись». Но тому, Другому, прятавшемуся в самой глубине его души, вовсе не хотелось останавливаться.

Тропа стала шире и вскоре привела отряд к длинному двору. По обе стороны мощеной дорожки тянулись неглубокие узкие бассейны, наполненные мутной водой. На по-

верхности, среди покрытых бурым высохшим мхом каменных столбов, плавали сморщенные листья кувшинок и плети водорослей. Несколько столбов упали и лежали на боку, наполовину погруженные в воду. Впереди виднелась высокая арка, вырезанная в огромном белоснежном утесе, с которого струился, разбиваясь надвое о вершину арки, тихий водопад. Древние деревянные створки ворот были заперты на засов.

От неожиданности Питер ахнул, точно его ударили в живот.

— Как же это?!

— Она удалилась в Гавань и больше не возвращалась, — ответил старый эльф. — Сад чахнет без ее присмотра.

Отряд вошел во двор, и Питер замедлил шаг, глядя на заросший водорослями и ряской пруд. Там, над поверхностью воды, торчали остатки разбитых золотых шаров. Питер остановился. Боль и уныние отразились на его лице.

— Да, порой больнее всего ранят именно мелочи, — печально сказал остановившийся рядом Таннгност.

Миновав несколько небольших дворишков, отряд вышел на широкий луг, окруженный неухоженной живой изгородью и полуобвалившимися арками. Ник сосчитал арки — их оказалось десять. Эльф пересек луг и подвел отряд к маленькой, невзрачной арке, едва различимой в густых кустах. Эта арка имела форму раскрытой драконьей пасти; в траве у входа поблескивали несколько обломанных зубов.

За аркой тропинка сделалась уже, запетляла среди густых кустов, высоких деревьев и огромных валунов. Путь вел вверх вдоль подножья крутого обрыва и внезапно кончился тупиком — небольшим каньоном среди отвесных скал, таких высоких, что отряд тут же накрыла густая тень.

В каньоне пахло сырой землей и гнилью. Скала, преградившая отряду путь, была густо оплетена стеблями лиан толщиной в человеческую ногу, усеянными зловещими шипами. Казалось, сплетение лиан шевелится, точно клубок

огромных змей. В камне среди толстых стеблей, на уровне глаз, было вырезано самое обычное яблоко.

Старый эльф бросил на Дьяволов и баргестов жесткий испытующий взгляд и повернулся к Питеру с троллем:

— Вы уверены? — спросил он.

Оба утвердительно кивнули.

— А клятва? — спросил эльф. — А ритуалы?

— У нас нет времени на клятвы и дурацкие церемонии, — с нетерпением сказал Питер. — Открывай скорее.

Эльф вопросительно взглянул на тролля.

— Теперь Авалон — это они, — сказал Таннгност. — Других не осталось. Мы должны доверять им.

Дразль с сомнением покачал головой, но шагнул к скале, положил руку на яблоко, смежил веки и нараспев произнес длинную фразу на незнакомом Нику языке.

Наступила тишина. Отряд затаил дыхание. На долгий-долгий миг все вокруг замерло, и вдруг колючие стебли зашуршали, свиваясь кольцами, точно гадюки, готовящиеся к броску, расползлись в стороны, открыв вырезанный на камне круг почти в рост Таннгноста высотой.

Старый эльф нажал плечом на край круга, несколько эльфийских стражей поспешили ему на помощь. Раздался негромкий шорох камня о камень, и круглая плита повернулась вокруг своей оси, открывая вход в короткий туннель. В конце туннеля Ник разглядел свет. Проем был достаточно широк, чтобы пройти сквозь него по одному, и Дьяволы с баргестами друг за другом потянулись в туннель.

Ник колебался: оплетенный лианами вход отчего-то внушал тревогу. Он подождал, пока последний из баргестов не исчезнет внутри, и шагнул к туннелю. Стоило ему приблизиться — стебли лиан зашуршали. Казалось, они наблюдают за ним. Сделав глубокий вдох, он нырнул в полумрак... и одна из лиан больно клюнула его в лоб, чудом не выбив глаз! Другая захлестнула щиколотку, едва не сбив Ника с ног, и еще несколько стеблей метнулись к нему, будто змеи.

Рванувшись, Ник высвободил ногу и опрометью бросился вперед.

У выхода из туннеля его ждал Красная Кость.

— Все окей, чувачок? — спросил он, прищурившись и заглянув в темный проход. — А то вид у тебя — будто за тобой гонятся.

— Э-э... нет, все нормально, — выдохнул Ник. — Просто... Просто страшновато стало, вот и все.

Отряд двинулся следом за эльфами и вскоре дошел до быстрого, шумного ручья. Вода в ручье была чиста, как хрусталь, и пахла свежестью. Дьяволы и баргесты шли вдоль ручья, вверх по течению, и чем дальше, тем явственнее оживал лес. На кустах и лианах появились цветы, тропинка покрылась мягким мхом. Ник заметил неподалеку пару пятнистых оленят и услышал кваканье древесных лягушек. Над головой негромко загудели крылышки; несколько дюжин фей, слетевшихся к отряду, зачирикали, выписывая в воздухе мертвые петли. Ник задрожал, как в лихорадке. Огонь в животе вспыхнул с новой силой, ногти впились в ладони, неодолимое желание разорвать этих крохотных существ в клочья захлестнуло его с головой. Казалось, стоит только убить их — и стук в голове и жжение в желудке наконец-то утихнут. «Нет, — подумал он, — остановись. Остановись, пока не поздно». Стиснув кулаки, он изо всех сил прижал руки к бедрам. Только бы не сорваться. Только бы не сорваться...

Рану обожгло внезапной болью. Схватившись за грудь, Ник нащупал что-то горячее. Убедившись, что его никто не видит, он взглянул на ладонь. Кровь стала еще темнее, теперь она была почти черна.

— Ой, блин, — прошептал он.

Один из баргестов — маленький, куда меньше остальных — отстал от своих и поскакал рядом. Его голова едва доставала Нику до колена. Бросив на Ника любопытный взгляд, он весело пискнул.

— Отстань. Пшел отсюда, — оскалив зубы, зашипел Ник.

Баргест склонил голову набок, еще раз взглянул на Ника и убежал прочь.

— Глазенки бы тебе вырвать, — пробормотал Ник ему вслед, чувствуя, как жар, разгоревшийся в желудке, подступает к горлу, как голову распирает от стука в висках. — Разорвать в клочья, кости переломать...

«Да! — воскликнул тот, Другой, поселившийся внутри. — Давай! Давай, не медли! И боль тут же пройдет. Давай! Давай! Давай!»

Сомнений не оставалось. Тот, Другой, действительно думал — всем сердцем верил: стоит только убить маленького баргеста, и боли конец.

Отряд миновал поворот, и Ник увидел впереди дюжину водопадов. Их тонкие серебристые струи падали вниз с белого, как снег, каменного утеса. Ник запрокинул голову, но так и не смог разглядеть его вершины. Казалось, вода струится прямо из низких густых туч. Воздух был полон мельчайших брызг, и их прохлада успокаивала, унимала жар. Пахло весенней свежестью. Вдохнув полной грудью, Ник почувствовал, что Другой, его второе я, на время уgomонился, и ненадолго забыл обо всем, кроме прекрасного зрелища.

Эльф подвел отряд к самому тонкому и самому дальнему из водопадов. Неприметная тропка, тянувшаяся вдоль небольшого каменного уступа, исчезала в потоке воды. Вода обрушивалась вниз с такой силой, что было ясно: дальше хода нет. Но старый эльф шагнул прямо в водопад и исчез из виду.

Секунду помедлив, за ним последовал Питер. Один за другим, за водопадом скрылись все. Настала очередь Ника. Ник видел, что здесь нет никакого чуда — между скалой и струями водопада как раз хватало места, чтобы проскользнуть, но без оглядки войти в тучу брызг все-таки было боязно. Сделав глубокий вдох, он шагнул вперед и оказался

в коротком туннеле. Стены вокруг мерцали неярким изумрудным светом.

Туннель вел в просторную пещеру. Ее свод открывался прямо в небо, острые скалы нависали над головой со всех сторон. На поверхности камня мерцали толстые золотые жилы, наполнявшие пещеру мягким золотистым светом. Перед Ником простирался чудесный райский сад размером не меньше футбольного поля. Дьяволы, баргесты и даже эльфы замерли, потрясенные его великолепием.

— Гавань, — объявил Таннгност.

— Смотрите, кролики! — воскликнула одна из девочек.

— Ой, как много! — сказала вторая.

— Вку-усненькие... — протянула третья.

У Ника захватило дух. Перед ним лежал круглый пруд. Крохотные, не больше пчелы, духи воздуха плясали вдоль его берегов, и по зеркальной поверхности во все стороны разбегалась легкая рябь. Посреди пруда, в самом центре сада, на крохотном островке росла белая яблоня. С ее изящных тонких ветвей свисали ярко-красные яблоки, листву окружал мерцающий ореол.

— Древо Аваллаха, — прошептал Питер.

— Да, — дрогнувшим от благоговения голосом подтвердил Таннгност. — Сердце всего Авалона.

Пение птиц отвлекло Ника от Древа, и он принялся разглядывать сад. В пруд текли дюжины ручейков. Их воды искрились, тихо журча на гладких белоснежных камнях. Под ногами, в зеленой траве, розовел клевер. Густые стебли плюща и лозы мускатного винограда обвивали изящные решетки, свисали вниз с каменных уступов, ограждавших заповедную землю. Луговые цветы расплескались по саду, точно морские волны, разбиваясь о камни и подножья деревьев. Над землей возвышались огромные, поросшие мхом, слегка наклонившиеся каменные столбы; выщербленную

поверхность древнего камня украшали столбцы рун и резные изображения задумчивых лиц. Над головой, среди всевозможных духов воздуха, пикси и крохотных фей, порхали яркие птицы. Малый народец самых разных видов кишел среди камней, выглядывал из-за огромных мухоморов. Буйство красок и ароматов, великое множество странных существ — все это не позволяло задержать взгляд на чем-то одном дольше чем на секунду. Все вокруг казалось невероятно ярким, точно на картине.

— Моя повелительница, — негромко, благоговейно выдохнул Питер.

Проследив за его взглядом, Ник увидел затейливое сплетение ослепительно-белых вьющихся лоз, цветов и листвы на каменном троне по ту сторону пруда. Все это вместе было очень похоже на грациозную женскую фигуру в длинном платье. Приглядевшись, он понял, что многие листья — на самом деле не листья, а бабочки. Некоторые из них, не спеша, расправляли и складывали крылышки, другие порхали с места на место, создавая иллюзию, будто вся эта невероятная картина движется.

— Она в пруду, — сказал Шустрый, и Дьяволы придвинулись к берегу, пытаясь ее разглядеть.

— Да, я ее вижу, — подтвердил Красная Кость.

— Где... — начала было Сверчок, но тут же, охнув, осеклась.

Ник тоже взглянул в темную воду. Поначалу он не увидел никого, кроме маленьких крылатых рыбок с головами и туловищами мальчишек и девчонок, гонявшихся друг за дружкой у самой поверхности, но тут же понял, в чем дело, и тоже увидел ее. Отражаясь в пруду, все эти белые цветы, листья и бабочки на троне складывались в фигуру Владычицы. После увиденной целиком картины от этого зрелища, как от любой иллюзии, невозможно было отделаться.

Подняв глаза, Ник увидел ее и на троне. Она сидела неподвижно, точно мраморная статуя, устремив тяжелый,

немигающий взгляд на Древо. Ее голова лежала среди цветов, тело покоилось на лозах и листьях, как в колыбели. Ее кожа сияла белизной, шея была длинна и изящна, губы, несмотря на полноту, бледны, а скулы высоки. Широко — пожалуй, даже слишком широко — расставленные глаза придавали ее облику что-то звериное, и, взглянув в эти тусклые, остекленевшие глаза, Ник вдруг почувствовал, как она хрупка и беззащитна. Жар в животе тут же вспыхнул, разгораясь огнем, кровь почернела, заструилась по венам, неся этот яд.

«А как приятно было бы убить ее», — невольно подумал Ник.

— Леди Модрон... — еле слышно выдохнул Питер.

«Как же она ослабла», — подумал он, не в силах избавиться от страха, что она может оказаться мертвой. В ее неподвижных, устремленных в пустоту глазах не было видно ничего — ни единого признака жизни.

Осторожно приблизившись к трону, он опустил Секеу на мягкий мох у ее ног.

— Моя повелительница, — негромко позвал он.

Владычица, даже не моргнув, продолжала смотреть мимо него — сквозь него.

Проследив за ее взглядом, Питер понял, что она смотрит на Древо, и снова почувствовал благоговейный трепет в груди. Но на этот раз он заметил, что многие листья пожухли, а несколько веток оголились и засыхают, и невольно подумал: «Сколько же еще проживет Авалон?»

Опустившись на колено, он протянул руку и осторожно, будто пальцы Владычицы могли сломаться от его прикосновения, коснулся ее руки. Рука Владычицы оказалась холодной, как лед.

— Моя повелительница, — шепнул он. — Леди Модрон! Это я, Питер.

Ее лицо не дрогнуло.

— Владычица! Владычица!

Он звал ее снова и снова, пока не почувствовал руку на плече и не услышал глубокий вздох Таннгности.

— Прости, Питер. Этого я и боялся. Она жива, но покинула нас, ушла глубоко в себя. Поддерживает Туман, но не более того.

— Я даже не помню, когда она в последний раз говорила, — добавил Дразль. — Может быть, с Ульфгером... Не знаю. Он запретил всем нам подходить к ней.

— Питер, — мягко сказал Таннгност, — боюсь, нам ее не дозваться.

Но Питер не отпускал руки Владычицы и не сводил с нее глаз. Он продолжал надеяться. Вдруг он почувствовал на груди что-то теплое — ту самую восьмиконечную звезду. Сняв с шеи цепочку, он присмотрелся и увидел крохотный огонек, слабо мерцавший в центре звезды.

— Нет, она еще с нами!

Бережно развернув руку Владычицы, он опустил звезду ей на ладонь. Звезда засветилась ярче.

— Владычица, — снова окликнул он. — Моя повелительница!

Веки Владычицы сомкнулись и поднялись вновь. Взглянув на звезду, она шевельнула губами — беззвучно, но Питер без труда прочел сказанное по губам. Владычица звала Мабона...

Пальцы Владычицы дрогнули и сомкнулись вокруг звезды.

— Мабон, — еле различимым шепотом повторила она.

Взгляд ее устремился вдаль, затем веки медленно сомкнулись, и Владычица снова застыла без движения.

Питер ждал, но Владычица больше не проявляла признаков жизни.

— Моя повелительница, я — Питер.

Ответа не последовало.

Тогда Питер поднялся на ноги, откашлялся, прочищая горло, и запел — негромко, а затем и в полный голос. Мелодия звучала все чище, и наконец он нащупал его, вспомнил этот старый напев — песню Жар-птицы. Его сильный, звучный голос зазвенел над садом, отдаваясь эхом среди высоких скал. Подхваченная птицами и феями, песня заполнила сад от края до края.

По щеке Владычицы скатилась одинокая слеза. Она открыла глаза и на этот раз увидела его.

— Питер, — прошептала она, подняв руку и коснувшись его щеки. — Моя маленькая птичка Питер. Ты вернулся? Ты снова прилетел ко мне?

Питер закивал. В глазах помутилось от слез. Он чувствовал ее ласку не только кожей, но всей душой, всем сердцем, и от этого в груди вдруг стало тепло — совсем как тогда, в пруду, многие годы назад.

— Прилетел прямо из Потустороннего мира, чтобы спеть мне? — продолжала она.

Питер рассеянно кивнул.

Тут ее взгляд упал на Дразля с Таннгностом. Владычица нахмурилась. На ее лице отразилось замешательство.

— И вы вернулись? Или это я наконец-то ушла за грань? Ульфгер сказал мне, что вы все погибли.

— Нет, моя повелительница, — ответил Таннгност, — мы живы, и ты жива.

За стуком собственного сердца Питер почти не слышал их голосов. Он прижал ладонь к щеке. Кожу еще слегка покалывало от ее прикосновения. Чувства захлестнули его с головой. Тысячу миллионов раз он желал этого всем сердцем, и вот наконец вновь оказался рядом с ней. Казалось, сердце вот-вот разорвется; казалось, его лишили собственной воли, и больше он не способен ни на что — только смотреть на нее, не отводя взгляда. Хотелось лишь одного: наслаждаться ее присутствием вечно.

Оглядев сад, Дьяволов и баргестов, Владычица увидела Секеу, лежавшую без движения у ее ног.

— Питер, кто это?

Оторвав взгляд от Владычицы, Питер увидел в траве раненую девочку... и не сумел вспомнить, кто это.

— Моя повелительница, — заговорил Таннгност, — многое случилось со дня битвы у Русалочьей бухты. Авалон еще держится. Питеру удалось объединить кланы. Сегодня он вел в бой...

«Секеу! — вспомнил Питер. — Секеу же умирает!»

В голове разом прояснилось.

— Она нуждается в твоём прикосновении, — сказал Питер, перебивая Таннгноста. — Она была ранена в бою за Шепчущий лес.

— Одна из твоих Дьяволов? Она дралась за Авалон?

— Да, — ответил Питер. — Она дралась за тебя и пролила за тебя кровь.

— Отведите меня к пруду, — сказала Владычица, с трудом поднимаясь на ноги.

Питер с Дразлем бросились вперед, подставили Владычице плечи, бережно помогли ей сойти вниз по каменным ступеням и подвели к краю пруда. Оттолкнувшись от берега, она медленно погрузилась в воду.

Над водой поднялась легкая дымка. Мало-помалу вода становилась чище, в глубине показалось каменистое дно. Наконец Владычица вынырнула из воды. Ее взгляд обрел былую энергию, глаза блестели, искрились яркой небесной лазурью, в голосе зазвучала прежняя сила.

— Принесите мне девочку, — сказала она.

Питер подхватил Секеу на руки. Тело девочки безжизненно обмякло, но с губ ее сорвался тихий стон, и Питер осмелился поверить: может быть — может быть! — надежда еще есть. Сбежав по ступеням к пруду, он опустил Секеу на воду и подтолкнул к Владычице.

Владычица потянула Секеу в глубину и поплыла к Древу. Дымка над водой сгустилась, затянув поверхность пруда непроглядным туманом. Золотые жилы в камне потускнели, в пещере стало темно, и туман над водой замерцал, озарив лица эльфов и Дьяволов зловещим зеленоватым светом.

Все ждали. Дьяволы нервно переминались с ноги на ногу, вглядываясь в туман. Питер тоже не отрывал взгляда от пруда, ожидая движения, всплеска, легкой ряби — хоть какого-то знака, что с Секеу все в порядке. «Как долго, — подумал он. — Может, Владычица слишком слаба?» Внезапно ему в голову пришла ужасная мысль: «А вдруг теперь для нее это слишком тяжело? Вдруг она умрет?» От этой мысли захотелось броситься в пруд, отыскать и вытащить обеих, пока не поздно.

Наконец Владычица с плеском вынырнула из воды, и ее вид поверг Питера в ужас. Кожа Владычицы посерела, сделалась почти прозрачной — он мог разглядеть каждую вену.

— Прими ее, — выдохнула Владычица, из последних сил удерживая над водой голову Секеу.

Подняв тучу брызг, Питер кинулся в пруд и потянул Секеу к себе, а Владычица вновь с головой ушла в воду. Питер замер, не зная, что предпринять.

— Все в порядке, Питер, — сказал Таннгност. — Вода — ее стихия. В пруду ей сейчас будет лучше всего.

Но во взгляде старого тролля чувствовалась тревога.

Мерцание тумана угасло, вода в пруду потемнела. Возможно, Питер так и остался бы стоять в воде, но тут Секеу закашлялась, хватая ртом воздух. Питер кинулся к берегу. Красная Кость с Дразлем поспешили ему на помощь, подхватили Секеу и уложили на траву. Повязка с ее бедра исчезла. Глубокая колотая рана осталась на месте, но кровь унялась, от воспаления не осталось и следа. Дело явно шло на поправку.

На щеках Секеу заиграл легкий румянец. Выплюнув воду, она снова закашлялась, моргнула, открыла глаза и слабо улыбнулась.

— Я видела Мать-луну и звезды. Они были просто прекрасны.

Укрывшись в тени, Ник следил за Владычицей. Она бесильно полулежала на троне, в колыбели из виноградных лоз и цветов, и слушала рассказ Таннгноста. Питер стоял рядом с ней. «Ластится, как сопливый мальчишка», — подумал Ник. Кожа Владычицы обрела прежний цвет, но она была очень, очень слаба. Только взгляд ее оставался живым — острым всевидящим взглядом богини. Этот взгляд внушал страх, и Ник изо всех сил старался не попадаться ей на глаза.

Его внимание отвлек смех. Дьяволы обшаривали сад, рвали плоды и орехи. Владычица настояла на том, чтобы все наелись досыта и унесли все, что смогут, с собой, про запас. Дьяволы ели за обе щеки, до ушей перемазавшись ягодным соком, баргесты, поскуливая и гавкая друг на друга, рылись под камнями и бревнами в поисках грибов и личинок. Через сад стремглав пронесся маленький белый кролик, за ним, загоняя его в кусты, с веселым смехом промчались три беловолосые сестры. Секеу сидела на берегу пруда. Она все еще выглядела слабой, однако уже могла сидеть без посторонней поддержки и с аппетитом ела виноград, принесенный Красной Костью.

Феи носились над садом, осыпая баргестов пригоршнями лепестков, щебеча и хихикая в ответ на их недовольный рык. Видя вокруг улыбки и слыша смех, Ник почувствовал, как жар в животе превращается в жгучее пламя. «О, как, блин, очаровательно! — подумал он. — Как, блин, волшеб-но!» Сердце рвалось из груди, горячая черная кровь пульсировала в висках, боль стала нестерпимой — в голову буд-

то вогнали гвоздь. И все это — из-за нее. Из-за Владычицы. «Убей ее!» — застонал тот, Другой, в голове. И Ник больше не стал спорить и возражать. Оба — и сам Ник, и этот Другой, его второе я — делили на двоих одну и ту же жгучую черную кровь, оба хотели, чтоб боль унялась.

Ник вынул нож и осторожно, стараясь держаться в тени, двинулся к Владычице, но никто и не взглянул в его сторону. «Придурки, — подумал он. — Жрут за обе щеки, резвятся, как малолетки, и не видят ничего под собственным носом». Боль усилилась так, что помутилось в глазах. Чудом не упав в обморок, Ник ухватился за спинку трона и увидел прямо перед собой профиль Владычицы и изящный изгиб ее шеи.

Крепче сжав нож, он подумал о том, как приятно будет вонзить лезвие в ее мягкое тело. «Да, — думал он, — пусть боль исчезнет. И Туман тоже. Пусть рассеется весь этот жуткий кошмар». Он поднял нож, готовясь ударить ее в горло.

Владычица с невероятной простотой и изяществом повернулась к нему и устремила на него жесткий холодный взгляд. Ник замер. Казалось, этот взгляд пронизывает его насквозь, до самой глубины души. Тот, Другой, закричал, но Ник будто околел, не в силах ни шевельнуться, ни хотя бы моргнуть. Из глаз его покатились слезы.

Владычица схватила его за запястье. Тонкие, такие хрупкие с виду пальцы сжали руку Ника, как клещи. От их прикосновения руку сковало холодом. Негромко вскрикнув, Ник выронил нож.

Быстро переглянувшись с троллем, Питер кинулся к Владычице.

— Что, моя повелительница? — спросил он, свирепо взглянув на Ника.

Ник не сомневался: стоит ей только дать знак — и Питер тут же перережет ему горло. Но Владычица молча потянула его к пруду, и Ник обнаружил, что не может противиться ее воле. Прежде чем он успел сделать хоть вдох, она

увлекла его под воду и потащила в глубину. Ник понял: она решила утопить его. Другой в голове снова закричал, и на этот раз Ник закричал тоже. Вода тут же хлынула в легкие, и на миг Ник пришел в замешательство: он ожидал боли, удушья, смерти. Но нет, вода наполнила легкие, как глоток свежего весеннего воздуха, гася огонь в желудке, унимая болезненный стук в голове.

Ник почувствовал биение пульса, но пульс был не его. Он исходил извне, разом со всех сторон. Прямо перед Ником в воде показались несколько толстых извилистых столбов, спиралями уходящих вниз и исчезающих в глубине. Ник понял: он — под яблоней, а это, должно быть, ее корни. Коснувшись одного из них, он ощутил пульс, биение теплой влаги, струившейся по толстому корню, как по огромной артерии.

Не выпуская руки Ника, Владычица устремилась в глубину. Нежное сияние потянулось им навстречу, окутало их, и в глазах вдруг прояснилось. Над головой показались луна и звезды. Внизу простирался Авалон, но не такой, как сейчас, а тот, каким он был когда-то. Ник, точно рыба, плыл над лесом, скользил над долинами и рощами. Внизу сверкали огоньки миллионов дивных созданий, вокруг высоких стоячих камней плясали нимфы, по пастбищам, покрытым ковром полевых цветов, галопом неслись кентавры, деревья всех мыслимых расцветок поблескивали в серебристом свете луны. И во всем вокруг струилось волшебство, все вокруг окружал мерцающий ореол чего-то хрупкого и прекрасного, что следовало беречь и защищать. Ник потянулся к волшебству, и волшебство потянулось ему навстречу, расцвело в его сердце, будто любовь. В ушах негромко, будто тихое пение вдали, зазвучал голос Владычицы: «Я — твой лес, твоя земля, твоя вечность. Я — твоя жизнь. Я — твоя смерть. Я — все для тебя, отныне и навсегда. Люби меня. Люби меня. Люби меня вовеки».

«Да, — отвечал Ник. — Вовеки».

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

Владычица потянула его наверх, к луне. Луна приближалась, росла... и вдруг Ник с плеском вынырнул на поверхность. Он захлебнулся, закашлялся и задышал полной грудью.

Питер и тролль стояли на нижней ступеньке, с тревогой глядя на них.

Владычица подтолкнула Ника к берегу, поплыла прочь и скрылась в темной воде. «Не уходи», — подумал Ник и потянулся к ней. Сад покачнулся, все расплылось перед глазами. Голова закружилась. Отныне Ник не хотел, не желал ничего — только бы быть рядом с ней, с Владычицей.

Вовеки...

Калибурн

Пройдя под аркой, увенчанной огромными лосиными рогами, Ульфгер двинулся наверх по лестнице, спиралью огибавшей отвесный гранитный утес. Ноги болели, легкие жгло огнем, но он не остановился, пока не оказался высоко над долиной, перед Чертогом Королей.

Купол, возвышавшийся впереди, манил к себе, словно сомневался, дерзнет ли Ульфгер предстать перед мертвыми. Еле передвигая ноги, жадно хватая ртом воздух, он доковылял до арки дверного проема и тяжело оперся о косяки. Пот лил с него ручьями. Неяркий зеленоватый свет струился в зал сквозь грязный стеклянный потолок, большие овальные окна открывали мертвым вид на простиравшуюся внизу долину.

В семи каменных саркофагах, кольцом выстроившихся перед ним, дотлевали кости семи эльфийских королей. В центре стояла ладья. Недовольно оглядев мертвых королей, Ульфгер медленно поднял взгляд до уровня ее палубы. Ладья вытянулась почти на двадцать футов в длину. С высо-

кого носа в самое большое из окон, точно готовясь пуститься в плавание среди низких серых туч, смотрела красными рубиновыми глазами резная драконья голова.

Ладью выстроили затем, чтобы вывести в море и, предав огню, отправить Рогатого в Потусторонний мир, пред очи Аваллаха, но Ульфгер запретил. Это он приказал эльфам принести и ладью и Рогатого сюда, и он не позволит Рогатому оставить эту усыпальницу, пока Авалон не избавлен от Пожирателей плоти.

Ульфгер неуверенно шагнул вперед.

— Будь спокоен, отец, я еще здесь, — дрожащим голосом сказал он. — Они предали тебя. Предали — все до одного. Но не я. Я не забыл своей клятвы. Я и только я достоин твоего признания.

Грузно опершись на один из саркофагов, он взглянул в лицо эльфийского короля, вырезанное на мраморной крышке, и провел дрожащей рукой по его благородным очертаниям.

— Изменник, — прошипел он. — Все вы... Все вы — изменники!

Презрительно усмехнувшись, он с яростью ткнул пальцами в бесстрастные мраморные глаза, но пальцы лишь соскользнули с холодного мрамора. Тогда Ульфгер поднял топор и со всего размаха обрушил тяжелый обух вниз, разбив барельеф на куски и расколов крышку. Спихнув обломки крышки на пол, он устремил взгляд в пустые глазницы мертвого короля.

— И ты еще смеешь так смотреть на меня?!

Лицо Ульфгера исказилось от ярости. Он выхватил череп из саркофага, швырнул об пол и принялся крушить осколки кости каблуком, пока на каменных плитах не осталось ничего, кроме зубов да костяной пыли.

Ульфгер развернулся и обрушил топор на второй саркофаг, на третий, на четвертый. Вскоре весь зал был усеян осколками мрамора, обрывками полуистлевших ковров

и одежду, древними латами и обломками костей. Споткнувшись о высохший труп какого-то древнего владыки, Ульфгер растянулся на груде мусора во весь рост и, тяжело дыша, перевернулся на спину. Мокрое от пота лицо покрылось тонким слоем костяной пыли. Взгляд его метался по залу и, наконец, остановился на погребальной ладье. Губы Ульфгера задрожали, из глаз, оставляя в пыли на щеках темные следы, потекли слезы.

— Я не трус, — сказал он. — Я не трус. Не по своей воле я остался дома! Это ты заставил меня дать клятву, отец! Неужели ты все забыл? Я призывал к войне громче всех!

Ульфгер перекатился на спину, поднялся на колени и пополз к ладье, отбрасывая с дороги кости. Дотянувшись до борта, он уцепился за край доски, встал на ноги и пристально взглянул в лицо Рогатого.

Ответом ему был яростный оскал, застывший на мертвом лице. Рогатый лежал в ладье, укрытый мохнатой лосиной шкурой. Казалось, его иссохшие губы кривятся в горькой, язвительной усмешке. Шею Рогатого обвивали спутанные ожерелья из клыков и бронзовых колец. Огромные костяные руки были сомкнуты на сломанном клинке Калибурна, лежавшем поперек груди. Лицо было скрыто под лицевой пластиной Рогатого Шлема; изнутри, сквозь косые прорезы, смотрели наружу пустые глазницы. Черные зияющие дыры сверлили Ульфгера невидящим взглядом, и в этом взгляде не было ничего, кроме осуждения.

— Ты слышишь? Разве я не доказал, что достоин? Только я... один я еще стою на страже Древа!

Темные глазницы ответили безмолвной насмешкой.

Взгляд Ульфгера упал на меч, и губы его скривились в вымученной усмешке.

— Я достоин, отец, — прошептал он и медленно потянулся к мечу.

Рука неуверенно повисла в воздухе над эфесом. Ульфгер с опаской взглянул на ряды крохотных острых шипов вдоль

рукояти — шипов, что вопьются в ладонь и, если он окажется недостойным, пустят в кровь яд, который выжжет его изнутри.

Пальцы задрожали.

— Я... достоин, — прошипел Ульфгер сквозь стиснутые зубы, пытаясь заставить себя сомкнуть пальцы на рукояти и поднять меч.

Дрожь охватила руку до самого плеча, из глаз хлынули слезы, с губ Ульфгера сорвался отчаянный вой. Отдернув руку, он прижал ладонь к груди, будто младенца, и опустил-ся на каменный пол.

— Почему ты не взял меня с собой, отец?

И тут он услышал смех. Смех зазвучал со всех сторон, гулкое эхо загремело под куполом зала. Все — и отец, и мертвые короли — все они смеялись над Ульфгером. Ульфгер зажал уши, но от этого смех сделался еще громче, как будто звучал в его собственной голове.

Сдавленно вскрикнув, он нетвердым шагом, то и дело падая на четвереньки, доковылял до огромного окна, вскарабкался на подоконник и едва не вывалился наружу, в последний миг ухватившись за края оконного проема. «А может, так будет лучше? — подумал он, глядя вниз с головокружительной высоты. — Как прекрасно было бы покончить с этими муками раз и навсегда...» Он уже был готов броситься вниз, но тут увидел такое, отчего смех в голове разом стих и кровь закипела в груди. Там, далеко внизу, гордо, будто все вокруг принадлежит ему, шествовал через двор он — вор и похититель детей во главе своей банды изменников и сопливых щенков.

Колени Ульфгера подогнулись, и он тяжело рухнул на подоконник. Значит, они увидели Владычицу! «Нет, — подумал он, — не просто увидели». Каким-то образом они сумели разбудить ее — раненой девчонке стало значительно лучше, этого невозможно было отрицать. Ведь он сам видел, что девчонка была при смерти, и спасти ее могла

только Владычица. Мало того, они уносили с собой мешки и корзины с фруктами!

— Горите в вечном пламени, воры, — прошипел он. — Вы запятнали собою Гавань, осквернили самое сердце Авалона. И она, Модрон, помогла вам! Предала самого Аваллаха!

Грохоча сапогами, Ульфгер подошел к ладье и злобно взглянул в лицо отца — в его темные глазницы, в яростный оскал, застывший на мертвом лице. Предсмертная ярость отца отразилась на его лице, точно в зеркале.

— И ты! Ты тоже потворствовал этому недомерку! Призвал его выйти на битву, встать рядом с тобой, а мне отказал. Мне, своему родному сыну! Как вышло, что он достоин, а я — нет? Как? Отвечай, негодяй! Отвечай! Отвечай!!!

Зарывав, Ульфгер схватил меч и вырвал его из рук Рогатого. Острые шипы впились в кожу, ладонь обдало жаром.

— Давай!!! — закричал Ульфгер. — Давай, сожги меня! Сожги, если посмеешь! Я все равно выполню свой долг и отомщу за Аваллаха! Ничто не остановит меня! Ничто!!!

Жар растекся по телу, но не разгорелся огнем. Сломанный клинок засветился в руке, жар переполнил грудь, достиг сердца и хлынул по венам. Мускулы налились небывалой силой.

— Видишь, отец? Я достоин! Сам Аваллах воздает почести мне! Мне!!!

Схватив шлем за рог, Ульфгер сорвал его с головы Рогатого, водрузил себе на голову и взглянул сквозь косые прорезы в лицевой пластине на отца, на жалкие останки некогда могучего полководца. В зале вновь загремел смех, но на этот раз смех был его собственным. Голова Рогатого привалилась к борту ладьи, печально глядя на Ульфгера.

Сильный порыв ветра пронесся по залу, поднимая в воздух костяную пыль, и чувства Ульфгера обрели необычайную остроту. «Что это?» — подумал он, осознав, что чувствует все живое вокруг — пару оленей в лесу под утесом, стайку

фей, порхающих в предвечернем небе, и... и, конечно же, их. Он чувствовал их — и Питера, и всех прочих. Чувал их радость и возбуждение, все их настроения, ощущения... и страхи. Более того, он мог даже дотянуться до них, но не физически — мысленно!

Ульфгер оскалил зубы в недоброй улыбке.

— Теперь ты заплатишь за все, похититель детей. Теперь ты узнаешь, что такое боль и утрата всего, что тебе дорого.

Шагая через Лес Владычицы, Питер чувствовал себя будто во сне. Казалось, ноги едва касаются земли. Он никак не мог поверить во все, что удалось совершить за этот долгий день, начиная с небывалой победы над Пожирателями плоти и заканчивая полным и окончательным избавлением Авалона от пагубного влияния Ульфгера. Но его разум и сердце целиком были заняты Владычицей, ни о чем другом он и думать не мог. Закрыв глаза, он вновь почувствовал ее запах — аромат вешних вод и медвяной жимолости.

— Питер! — окликнул его Красная Кость, указывая вверх. — Ты только глянь!

Питер замер на месте от изумления. Вслед за ним остановились и остальные.

Они подошли к границе Темнолесья — к Куши-крик, вернулись в леса, пораженные скверной, и теперь все ошеломленно уставились на свежие зеленые почки, набухшие на нескольких серых ветвях, и редкие цветы, распусившиеся в мертвой траве.

— Таннгност, что бы это значило? — спросил Питер.

Таннгност осторожно опустил Секеу на ноги. Весь обратный путь он нес ее на руках. Возможно, тролль и был стар, но все же оставался троллем и, похоже, даже не замечал ее тяжести. Дохромав до ближайшего камня, Секеу села на него. Питер подумал о том, что драться она сможет

не скоро, но она явно шла на поправку, и он невольно улыбнулся. «Чуть не потеряли тебя, — подумал он, с удивлением обнаружив, что на глаза навернулись слезы. — Мы столько пережили вместе, так давай уж вместе и закончим все эти дела».

Таннгност потрогал готовую распуститься почку.

— Это значит, Владычица вернулась, — ответил тролль, — и у нас вновь появилась надежда.

— Это Владычица сделала? — спросила Сверчок.

— Да, — ответил Таннгност. — Питер пробудил ее дух. Теперь она позаботится о Древе Аваллаха. Если нам удастся остановить выжигание лесов, она сумеет справиться со скверной.

— И когда мы загоним их в Туман, — добавил Питер, — когда перебьем их всех, до последнего, она исцелит весь Авалон! Верно? Вернет ему былое великолепие?!

— Да, безусловно, — согласился тролль.

Голос Питера зазвенел от возбуждения.

— Мы должны нанести новый удар! Как можно скорее! Нельзя допустить, чтобы они сожгли еще хоть одно дерево! — он бросил взгляд на старого эльфа. — Драэль, что скажешь? Встретимся на рассвете у Красных Камней?

— Я скажу, — отвечал старый эльф, — что Стража Владычицы больше не будет отсиживаться в стороне. Мы придем, Питер. На это ты можешь рассчитывать.

Эльфы, все, как один, согласно кивнули. Их строгие лица и жесткие взгляды были надежнее любых клятв.

— Отлично! — воскликнул Питер, хлопнув старого эльфа по плечу. — Отлично!

Едва не поддавшись желанию испустить дикий безумный вой, он повернулся к девочкам.

— А вы пойдете с нами? Можем ли мы рассчитывать на дочерей Джинни?

Баргесты вопросительно уставились на сестер.

— А крови там будет много? — спросила одна из них.

— А потрошков хватит на всех? — присоединилась к ней вторая.

— И глазки, про глазки не забудь, — вставила третья.

— О, да, — хищно улыбнулся в ответ Питер. — И мозгов тоже на всех хватит.

— Я хочу с ними, — сказала первая девочка.

— И я! — подхватила вторая.

— Кто же откажется, — подтвердила третья. — Вот только, Питер...

— Что? — спросил Питер.

— Сначала спроси нашу мать.

— Да, — согласилась вторая, — мама не любит, когда мы играем с чужими.

— Ты пойдешь с нами? Попросишь для нас разрешения? — спросила третья, умоляюще глядя на Питера.

— Пойду, — ответил Питер. — Прямо сейчас. Драэль, значит, завтра у Красных Камней?

— Идет, — ответил Драэль.

Эльфы двинулись назад, в Лес Владычицы.

— Лерой, Дэнни, Сверчок, Ник! Хватайте припасы и тащите в Дьявол-Дерево. Мы скоро вернемся. Таннгност, сможешь взять Секеу и пойти с ними?

На лице Таннгноста отразилась тревога.

— Конечно, но...

— Ну да, у тебя ведь без «но» не обходится, — заметил Питер.

— Питер, на два слова.

— Всего на два? Что-то мне в это не верится.

Таннгност нахмурился и потянул Питера за собой, в лес.

— Питер, тебе вовсе не обязательно никуда ходить. Ведьма придет. Эти девочки — ее глаза и уши. Это всего лишь игра...

— Знаю, — перебил его Питер. — Нам все равно нужно вернуться на болото. Я должен найти тело Абрахама, пока

его не нашли Пожиратели плоти. Не могу даже думать о том, что его голова украсит стену их форта.

Таннгност ненадолго умолк.

— Да, — сказал он. — Да, конечно же.

Питер шагнул к тропе.

— Питер!

— Что еще? — вздохнул Питер.

— Что будем делать с Ником?

— Таннгност, когда ты успел превратиться в боязливую старуху?

Троль смерил его сердитым взглядом.

— Ты же сам видел, — настойчиво сказал он. — Тьма. Она овладела им полностью.

— Прикосновение Владычицы исцелило его. Посмотри — ведь по глазам видно. Оставь пустые тревоги. Все идет на лад. Аваллах наконец-то улыбнулся нам.

Похоже, троля это не успокоило.

— Ну ладно, окей, я буду смотреть за ним в оба, если тебе от этого легче.

— Питер!

— Ну, что еще? — раздраженно откликнулся Питер.

— Это ты объединил всех. Ты сделал это. Не знай я, какой ты болван — подумал бы, что в тебе живет дух Рога-того.

Питер от всей души улыбнулся старому другу.

— А это что? Слеза? Точно, слеза. Таннгност, да ты и вправду превращаешься в слезливую старуху!

Питер захохотал, и Дьяволы невольно заулыбались — ведь смеха заразительнее было не найти на всем белом свете.

— Далеко еще? — в третий раз за последние десять минут спросил Дэнни.

Никто не ответил.

— Вот почему мне досталось нести эти яблоки? — простонал он. — Они же весят целую тонну! А Сверчку дали какие-то грибы. Вот почему как грибы — так ей? Грибы вообще ничего не весят. Так нечестно. Эй, Сверчок, давай поменяемся ненадолго, а? Давай?

Сверчок покачала головой.

— Ну, давай, а? Давай, не жмись.

— Дэнни, ёж тебя забодай, ты прекратишь когда-нибудь?! — рывкнула Сверчок. — На, неси эти чертовы грибы! — сорвав с плеча Дэнни мешок яблок, она сунула свой груз прямо ему в грудь. — На, только перестань скулить хоть на пять минут! Ладно? Окей?

Дэнни робко кивнул.

Сверчок, громко топая, двинулась дальше.

— Эй, Сверчок! — окликнул ее Дэнни.

Сверчок не отозвалась.

— Какая ты милая!

В ответ Сверчок молча выставила над плечом средний палец.

Дэнни взглянул на Ника, перекинул мешок с грибами из руки в руку, поднял брови и ухмыльнулся.

Тропа сделалась знакомой, и Ник понял, что Дьявол-Дерево уже недалеко. Он был рад, что все подходит к концу. Доставшийся ему мешок с орехами и фруктами был нелегок, плюс день клонился к вечеру, сумерки сгущались, а ночевать в лесу вовсе не хотелось.

Вокруг больше не было свежих почек — ничего, кроме бесконечной серости. Однако под этой серостью чувствовался пульс скрытой силы. «Это же волшебство», — понял Ник. Владычица открыла ему глаза, и теперь он чувствовал волшебство повсюду. Казалось, лес на окрестных холмах готов вот-вот пробудиться от зимней спячки и встретить близкую весну.

От мрачных мыслей и чувств, от жара в желудке не осталось и следа. За долгий день Ник порядком устал, но вну-

трение был бодр и свеж, как будто его тело наконец-то обрело гармонию с волшебством Авалона. Мысли раз за разом возвращались к великолепию сада за водопадами — к цветам, сладким ароматам, сотням крохотных дивных созданий... и Владычице.

— Владычица... — прошептал он.

Владычица завладела его мыслями целиком. Лазурные глаза, шелковистые волосы, бледная, белая до синевы кожа... Эти видения внушали мир и покой. Он чувствовал... что? Любовь? «Да, — понял Ник, — любовь, будто к матери...»

При этой мысли он остановился и замер, как вкопанный. Сердце сжалось от чувства вины.

— Мама... — прошептал он, с ужасом осознав, что совсем забыл о собственной матери. Не просто не вспоминал о ней какое-то время — забыл, целиком и полностью. Мать сделалась далеким смутным воспоминанием, точно кто-то, кого Ник не видел целую вечность. Как будто Владычица... вытеснила мать из его памяти? Каким-то образом заняла ее место? Ник вызвал в памяти лицо матери. От этого в голове прояснилось, и ему тут же вспомнились мучительно откровенные слова Владычицы: «Я — твой лес, твоя земля, твоя вечность. Я — твоя жизнь. Я — твоя смерть. Я — все для тебя, отныне и навсегда. Люби меня. Люби меня. Люби меня вовеки». По спине пробежал холодок. «Она не просто исцелила меня, — подумал Ник, — она меня околдовала!» Он покосился вправо, влево — казалось, кто-то или что-то, а может, и все вокруг следит за каждым его шагом. Сделалось ясно: нужно возвращаться как можно скорее — слишком велик соблазн волшебного мира, а богини слишком ревнивы, чтобы терпеть соперниц, пусть даже матерей. Сомнений не оставалось: если Ник не уйдет отсюда поскорее, то не уйдет никогда, а от воспоминаний о матери со временем не останется ни следа.

Кто-то ткнул его в бок.

— Лучше держи язык за зубами.

Ник вздрогнул от неожиданности. Он так задумался, что даже не заметил подошедшего сзади Лероя. Остальные успели уйти далеко вперед, и Ник двинулся за ними.

— Слышал? — негромко спросил Лерой.

Ник промолчал.

Губы Лероя скривились в презрительной усмешке, и он ткнул Ника в грудь.

— Эй, я с тобой говорю, урод. Еще вякнешь хоть слово об этой фигне с Абрахамом, убью... прикончу, на хрен!

В памяти тут же вспыхнуло искаженное ужасом лицо тонущего Абрахама, остекленевший взгляд, устремленный вверх из темной воды... и все — потому, что Лерой пожалел двух секунд, чтобы вытащить Ника из трясины! Ника охватила ярость. Нет, на этот раз не было ни жара в животе, ни стука в висках — просто старая добрая злость вскипела в груди, разом затмив собою весь мир, кроме Лероя, здорового болвана Лероя, стоявшего впереди с презрительной ухмылкой на губах.

— Хрен тебе!

Сплюнув под ноги, Ник швырнул свой мешок в грудь Лероя, изо всех сил ударил труса в скулу и сбил с ног. Мешок и Лерой рухнули на землю, рассыпавшиеся орехи и фрукты раскатились в стороны.

Держась за скулу, Лерой потрясенно уставился на Ника. Похоже, он ожидал от него чего угодно, но только не этого. Стиснув кулаки, он начал медленно подниматься на ноги.

— Хватит!!! — крикнула Секеу.

Она стояла позади на одной ноге, опираясь на Таннгноста. Троль пристально смотрел на Ника, следя за каждым его движением.

— Он сам на меня напал! — сказал Лерой. — Гляньте на него, он же чокнутый!

Глаза Секеу полыхнули огнем, но смотрела она не на Ника. Ее гневный взгляд был устремлен на Лероя.

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

— После того, что ты сделал, ты не имеешь права даже говорить с ним.

У Лероя отвисла челюсть.

— Что? Нет... ты все перепутала! Это все он виноват! — он ткнул пальцем в сторону Ника. — Все из-за него, ублюдка! Сам спихнул меня в болото, а теперь на меня же все и валит! Неужели не видишь?

Судя по тону, в эту минуту Лерой действительно верил, что так оно все и было.

— Нет, — холодно, ровно ответила Секеу. — Все было не так.

Лерой замотал головой, зашлепал губами, но не сумел произнести ни слова.

— Тебе должно быть стыдно, Лерой, — сказала Секеу. — Не понимаю, как ты еще не сгорел со стыда.

Убийство

Сгустились сумерки. В Лесу Владычицы наступила ночь. Ульфгер стоял на опушке леса, неподвижный, как статуя. Закрыв глаза, он устремился мыслями в темноту и почувствовал рыб и лягушек в неглубоких длинных бассейнах вдоль двора, одинокую лису и пару голубей, ворковавших на ветке. Между этими птицами чувствовалась давняя связь, любовь длиной в целую жизнь. Ульфгер вмешался в их мысли, велел им испугаться друг друга и ощутил охвативший обоих страх. Отчаянно хлопая крыльями, птицы взлетели в воздух и понеслись в разные стороны.

Улыбнувшись, Ульфгер перенес внимание на эльфийские казармы — вычурный общий дом, стоявший на страже во дворе, рядом с тронным залом. Эльфы были дома. Он чувствовал за деревянными стенами всех — общим числом два десятка и еще одного. Читать их мысли было труднее, чем мысли животных, но Ульфгер чувствовал общее возбуждение. Эльфы готовились к бою.

Дверь казарм распахнулась, и в темноте по ту сторону двора заплясал огонь факела. Четверо эльфов с флягами

через плечо вышли наружу и направились вниз по тропинке за одним из длинных бассейнов. Проследив, как они подходят к древнему колодцу и наполняют фляги, Ульфгер поднял сломанный меч и двинулся к ним, даже не утруждаясь ступать потише. Увидев его, эльфы выхватили оружие. Одним взмахом меча Ульфгер отразил сразу два клинка, легко пробил защиту и снес обоим нападавшим головы.

Один из оставшихся эльфов ударил Ульфгера в грудь, но доспехи выдержали удар. Клинок второго полоснул по предплечью и глубоко рассек мускулы. Руку обожгло огнем. Устремив на эльфов пылающий взгляд, Ульфгер нащупал их страх, мысленно ухватился за него и сумел удерживать эльфов — как раз настолько, чтобы успеть обрушить меч на голову переднего. Череп эльфа раскололся надвое, с ног до головы окатив его товарища брызгами крови и мозга.

Крепко сжав шею последнего из четверых, Ульфгер рывком поднял эльфа в воздух — легко, словно противник ничего не весил. С той же легкостью он мог бы одним движением свернуть эльфу шею, но вместо этого поднес к его глазу черный клинок. Увидев ядовитое острие, эльф отчаянно впился ногтями в руку Ульфгера.

— Отчего же ты так корчишься? — спросил Ульфгер. — Если ты верен Аваллаху, меч не сожжет тебя.

Коснувшись лезвием щеки эльфа, он слегка, едва заметно, рассек его кожу. Надрез тут же почернел, зашипел, и плоть поползла в стороны, точно разъедаемая кислотой. Эльфа охватил жар, под действием яда кровь его закипела, забурилась в жилах, хлынула из носа, из глаз, из ушей. Ульфгер держал жертву на весу, наслаждаясь ее последними судорогами, пока эльф не обмяк и не замер без движения.

Отшвырнув мертвое тело, Ульфгер взглянул на раненое предплечье и с удивлением увидел, что рана совсем неглубока и даже не кровоточит — а ведь удар был силен. При-

смотревшись, он заметил, что рана уменьшается, затягивается прямо на глазах.

— Я... я воистину бог! — воскликнул он. — Теперь Рогатый — я!

Он глубоко вдохнул, набрав полную грудь свежего ночного воздуха.

— Что ж, настало время похитителю детей предстать перед истинным сыном Аваллаха.

Ульфгер прошел через Дьявольский лес без малейшего страха. Почувствовав случайного зверя, он внушал ему страх, и звери в панике разбегались от него.

— Трепещите, — шептал он, — трепещите передо мной!

Он двигался по лесу в поисках следов или троп, указывающих путь к нужному месту, и все больше и больше полагался на свои новые чувства — просто закрывал глаза и отпускал мысли на волю. Наконец впереди что-то замерцало — едва заметно, будто искорки вдалеке. Едва заметив их, он пошел к ним. Искры приближались, и вскоре Ульфгер оказался прямо перед Дьявол-Деревом.

— Похитителя детей здесь нет, — пробормотал он себе под нос. — Зато она, его краснокожая сучка, там. Я чую ее боль.

Губы Ульфгера медленно растянулись в улыбке.

«Отнять ее у него, — подумал он. — Разрубить на куски, и оставить там, над дверью, ее голову — после всего этого шума вокруг ее спасения. Да, уж это поставит его на колени! — Ульфгер негромко рассмеялся. — Пусть узнает, каково это — потерять то, что тебе дорого».

Ульфгер толкнул дверь. Прочная дверь была крепко заперта. Он обогнул дерево, но другого пути внутрь не нашел. Нужна была самая малость — чтоб кто-нибудь отодвинул засов. Быть может, удастся заставить отпереть дверь кого-то из детей? Поднажать, как на тех голубей, и...

Закрыв глаза, он потянулся мыслями внутрь, нащупывая чужое сознание — и тут же наткнулся на тролля, спавшего наверху. Поняв, до кого дотянулся, Ульфгер поспешно оставил его в покое. Старый тролль был полон разных хитростей и неведомых тайн, и Ульфгер не на шутку опасался, что тот может так же коснуться его в ответ. Двинувшись дальше, он нащупал девочку, но та спала глубоким сном. Рядом с ней отыскался мальчишка, но и он спал без задних ног. Недалеко от них нашелся второй мальчишка — этот был с головой погружен в сновидения. Сны так и кишели в его сознании, и Ульфгер, как ни старался, не смог пробиться сквозь них. Охваченный нетерпением, он продолжал поиски, заглядывая в каждый закуток, пока не наткнулся на кое-что весьма и весьма интригующее — одинокого мальчишку в небольшой комнатке. У этого сна не было ни в одном глазу. Его сознание было открыто, распахнуто настежь. Ульфгер явственно чувствовал кипевшую в нем ярость — о, сколько злобы и ненависти к «ним» и к самому себе! Мальчишка буквально обезумел от злости, и Ульфгер понял: именно это безумие и делает его столь открытым — то есть совершенно беззащитным.

«Отопри дверь, — подумал Ульфгер, посылая мысль в голову мальчишки. — Отопри дверь».

Мальчишка не откликнулся.

«Отопри дверь».

Нет ответа.

«Отопри дверь».

Ульфгер досадливо сморщил лоб, но тут же понял истинную суть великого дара, ниспосланного ему Аваллахом. Нет, он не мог управлять чужим разумом, не мог заставлять людей делать то, что им не по нраву. Он мог лишь подталкивать их к нужным поступкам, используя нечто, уже имеющееся в их головах, — скажем, страх, ненависть или зависть. Пощупав еще раз, он отыскал кое-что интересное и сразу понял: этим вполне можно воспользоваться.

«Убей», — подумал он, подтолкнув мысль мальчишки в нужную сторону.

К его немалому удивлению и огромной радости, этого легкого толчка, едва ощутимого дуновения оказалось довольно. Ненависть в голове мальчишки вспыхнула и расцвела, сменившись жаждой убийства.

Ник устроился на ветке, и на этот раз, в кои-то веки, сон был приятным и мирным. Он играл в саду Владычицы, гоняясь за лесными феями, а Владычица сидела на троне и смотрела на него. Из-за пруда дул теплый бриз, принося с собой ароматы вешних вод и медвяной жимолости. Феи, хихикая, взлетели на дерево. Ник полетел следом и устроился на ветке рядом с ними. Только сейчас он осознал, что у него отросли крылья, а росту в нем не больше воробья, и, что самое странное, он всему этому только рад. Что может быть лучше, чем стать волшебным созданием в саду Владычицы? Владычица улыбалась ему, будто одному из своих детей. Ник был доволен, весел и ничего большего не желал.

Вдруг он услышал, как кто-то зовет его по имени. Голос казался знакомым, но сначала Ник не смог узнать его: голос звучал где-то далеко-далеко. Вскоре Ник понял: это та, другая женщина — та самая, которую он бросил, уйдя из дому. В глубинах памяти что-то шевельнулось. Он должен был что-то сделать для нее, но сейчас ему было не до мыслей о ней — он был слишком занят игрой.

На землю упала тень. Посреди сада стояла круглая дверь, и с той стороны в нее кто-то скребся. Кому-то очень хотелось войти. Взглянув на Владычицу, Ник увидел в ее глазах испуг. Над садом разнесся пронзительный крик — крик нестерпимой боли. Этот крик зазвенел в голове — громче, громче...

Проснувшись, Ник открыл глаза. Впервые с самого появления в Авалоне он просыпался, не обливаясь потом и не чувствуя жжения в желудке. Но все же ему было беспокойно. Ник взглянул на круглую дверь. Его никак не оставляло ощущение, что там, снаружи, ожидая случая проникнуть внутрь, таится нечто злое.

Он оглядел зал. Ни Питер, ни Дьяволы еще не возвращались. Сколько же времени?

Сверчок с Дэнни спали в своих клетках непробудным сном: долгий тяжелый день брал свое. Клетка Секеу была придвинута к очагу. Раненая девочка беспокойно ворочалась во сне, лицо ее выглядело встревоженным, будто ей снилось что-то дурное. Взглянув на клетку Лероя, Ник обнаружил, что она пуста.

Вдруг до него донесся негромкий звук — какой-то писк. Звук повторился. Сдавленный смех? Крик? Этого было не понять. Звук повторился вновь, и на этот раз Ник узнал его — действительно, писк, отчаянный писк. И доносился он из уборной.

«Что за черт?» — подумал Ник, выбираясь из клетки. Без Дьяволов в огромном зале было жутковато. Прислушавшись, Ник услышал храп тролля на верхнем этаже, а затем снова писк — долгий, пронзительный. По спине пробежал холодок. Как такой тихий звук может быть настолько ужасным?

Ник пересек зал и подошел к уборной. Дверь была слегка приоткрыта, сквозь щель проникал наружу тонкий мерцающий луч. Ник поднял руку, собираясь толкнуть дверь, но дверь внезапно распахнулась, и он оказался лицом к лицу с Лероем. Но Лерой словно бы и не видел Ника — взгляд мальчишки был устремлен мимо него, к круглой двери.

— Он здесь, — прошептал Лерой, протискиваясь мимо Ника наружу.

Прежде чем Ник успел сказать или сделать хоть что-нибудь, из уборной снова донесся пронзительный писк. Он

заглянул внутрь и вытаращил глаза от удивления. На каменном полу рядом с ямой валялось смятое крылышко пикси с длинным клочком окровавленной синей кожи на конце.

Снова пронзительный писк — так пищит мышь в зубах кошки. Он доносился из ямы. Нику совсем не хотелось видеть, что там, но все же он шагнул вперед и заглянул в глубину. Там в липкой черной паутине запутались два пикси — мальчишка и девчонка с гривой пышных, тонких, как дымка, белых волос. Девчонка с виду была цела, а вот мальчишка казался мертвым: тело его было изломано, словно его раздавили ногой, на спине, на месте оторванных крыльев, зияли кровавые раны.

Девочка душераздирающе завизжала, ее синяя кожа засияла ярче, освещая яму, и Ник увидел там, в глубине, среди дерьма и вони, сотни черных пауков. Их крохотные глазки мерцали снизу холодным голубым светом. С негромким сухим стрекотом они полезли по паутине вверх. Девочка снова завизжала, забилась в паутине, пытаясь освободиться.

Пауки добрались до мальчишки, струдились над ним, и маленький пикси жалобно застонал.

— О, господи! — вскрикнул Ник, увидев, что бедняга еще жив. — О, господи милостивый!

Оторвав мальчишку от паутины, пауки потащили его вниз, и он исчез среди их черных лоснящихся тел.

Пауки двинулись к девочке.

«Вытащи же ее, — подумал Ник. — Скорей! Поспеш!» И сам же жестко ответил: «Нет! Слишком глубоко. Не достать. Не достать!»

Однако он, будто против собственной воли, опустился на колено и замер над ямой.

— Нет! Нет, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Пауки были уже рядом. Девочка завизжала. Ник сунул руку в яму по самое плечо, разрывая клейкие нити, и схватил пикси — вместе с пригоршней пауков. Жесткие мох-

натые лапки и мягкие скользкие тельца закопошились в горсти, в ладонь брызнули теплые струйки секрета паутинных желез.

Внезапно ладонь пронзило болью, как от укуса осы — раз, другой, третий! Ник вскрикнул, но не выпустил девочку. Поспешив сесть, он выдернул руку из ямы. Тягучие нити паутины, прилипшей к ладони, затрещали, лопааясь одна за другой. Пауки присосались к коже, будто пиявки. Их плоские, как у клещей, тельца, изгибались, морщились, блестя от клейкой мучнисто-белой слизи. Ник бросил девочку на пол, вскочил и принялся судорожно давить пауков в руке, отрывать их от кожи, топтать. По-крабьи перебирая лапами, уцелевшие пауки кинулись обратно в яму.

На ладони и запястье остались воспаленные красные пятна. Ник вытер облепленную вонючей паутиной руку, и бросил взгляд на пикси. Та была с ног до головы в грязи и паутине, ее крылышки дрожали, в глазах застыл ужас, но, судя по всему, она не пострадала.

Тут Ник услышал смех Лероя. Войдя в луч неверного света фонаря, Лерой остановился и заглянул в уборную. Увидев в его руках меч, Ник тут же узнал Маладриэль. Лерой улыбнулся странной отсутствующей улыбкой и двинулся дальше.

— Какого хрена? — пробормотал Ник, бросаясь за ним.

Потребовалась секунда, чтобы глаза привыкли к темноте. «Куда он пошел?» — подумал Ник, и тут же увидел Лероя у очага, над клеткой Секеу. Просто, как ни в чем не бывало, как будто протыкая охапку сена, он поднял меч и вонзил его в горло Секеу.

Глаза Секеу сверкнули в темноте, и в ее горле отвратительно забулькало.

— Нет!!! — закричал Ник, со всех ног бросившись вперед.

Казалось, он движется в густом, липком сиропе. Лерой выдернул меч и опустил его вновь — еще, еще и еще... Из горла Секеу хлынула кровь, она заметалась, забилась, пы-

таясь увернуться, но, запертая в клетке, была беспомощна, точно животное, обреченное на убой. Острое лезвие вонзилось в плечо, в ладонь, в грудь, и, наконец, в лицо.

Ник со всего разбега толкнул Лероя и сбил его с ног. Тот врезался в камни, ограждавшие очаг, и выронил Маладриэль. Клинок зазвенел об пол. Подхватив меч, Ник двинулся к Лерою.

Лерой ошеломленно заморгал. Увидев Ника с окровавленным мечом в руке, он в ужасе вытаращил глаза и завизжал:

— Не подходи!!!

— Что происходит?! — загредел чей-то бас, и ослепительный свет преградил Нику путь.

Ник остановился, зажмурился, открыл глаза и увидел перед собой Таннгноста с факелом и топором в руках. За спиной тролля замерли, побледнев от ужаса, Сверчок и Дэнни.

Пламя факела осветило куда больше, чем Нику хотелось бы видеть. Секеу пыталась что-то сказать, из раны в ее горле рвались наружу кровавые пузыри, раны в груди влажно чмокнули, со свистом втягивая воздух. Она умоляюще взглянула на Ника, будто прося о помощи, но в следующую секунду из ее рта хлынула кровь, и Секеу замерла, не сводя с Ника немигающих мертвых глаз.

Лерой медленно поднял руку и устремил трясущийся палец на Ника:

— Он... он... убил ее. Я видел. Все видел. Он же псих! Я предупреждал! На всю башку сдвинутый!

Ник взглянул на меч — его собственный меч в руке. Капли крови, падая с лезвия — кап, кап, кап, — мерно, обличающе стучали о каменный пол.

— Ник? — слабым голосом окликнула его Сверчок.

Ник сжал кулак, не чувствуя, как ногти впились в ладонь, не слыша нечеловеческого рыка, вырвавшегося из горла, не замечая оскала на собственном лице. Не сводя взгляда с Лероя, опустив голову, будто разъяренный пес, он сделал шаг вперед.

— Убийца, — прохрипел он. — Убийца!

Слова будто сами рвались из горла, лицо исказилось от небывалой ярости.

— Убийца!!! — закричал он.

— Назад! — крикнул тролль, оттолкнув Сверчка с Дэнни в сторону. — Он обратился! Тьма одолела его!

Лерой за спиной тролля поднялся на четвереньки, вскочил и кинулся к двери. Забыв обо всем остальном, Ник рванулся за ним и только в последний миг заметил взвившийся в воздух топор тролля. Нырнув под удар, Ник увернулся. Топор зазвенел о стенку очага, осколки камня брызнули в стороны.

— Держите его! К двери не пускайте!!! — закричал Ник, скривившись от досады.

Неужели они не видят, что Лерой направляется к двери и вот-вот впустит внутрь зло, что таится там, за порогом?

Новый удар тролля выбил из рук Ника меч. От толчка Ник отлетел к стене.

Лерой уже был у двери и отодвигал засов.

Ник дернулся влево и прыгнул направо. Купившись на этот трюк, тролль споткнулся о скамью. Ник проскользнул мимо него, но Лерой успел распахнуть дверь, выскочил наружу и скрылся в ночи.

Ник замер, ожидая, что на порог вот-вот ступит нечто неописуемо ужасное, но ничего ужаснее тролля с топором поблизости так и не появилось. Оглянувшись, Ник увидел обвиняющие взгляды Сверчка и Дэнни.

— Нет! — закричал он, отчаянно мотая головой. — Это не я!!!

Но тролль, не помешкав и секунды, вскинул топор и бросился к нему.

— Это не я!!!

Ник бросился наружу и помчался прочь сквозь густой ночной туман. За спиной грохотали тяжелые шаги тролля.

Осмелившись наконец-то остановиться, Ник тут же пожалел об этом. На бегу все мысли были заняты одним: как бы не споткнуться о камень или корень, не запутаться в колючих кустах, не провалиться в яму. Для других тревог просто не оставалось места. Но теперь, стоило ему только устало прислониться спиной к стволу упавшего дерева и перевести дух, он начал вслушиваться в ночь и слышал множество ночных тварей.

Мало того, сам лес вокруг скрипел и стонал. Нику сразу вспомнились говорящие друг с другом деревья в Шепчущем лесу. Может, и эти деревья говорят? Прямо сейчас рассказывают когтистым и зубастым ночным созданиям, что он здесь, доносят жуткому существу, таившемуся за дверью, что он один?

Ник напряг зрение, вглядываясь во мрак. Он чувствовал: ночной гость все еще где-то рядом, ищет его в ночи. Ник потянулся к мечу и только сейчас вспомнил, что меч остался на полу у очага. Хорошо, хоть нож оказался на месте. Ник вынул его из ножен, но оружие в руке показалось ему до смешного маленьким и жалким.

«Здесь оставаться нельзя, — подумал он. — Нужно возвращаться. Я же смогу все объяснить, верно?»

«Нет, — ответил внутренний голос. — Не сможешь».

Да, Ник прекрасно понимал: ничего объяснить не удастся. Лицо тролля и взгляды Сверчка с Дэнни не оставляли на этот счет ни малейших иллюзий. Тролль сказал, что он обратился. Куда? Или «в кого»? «Наверное, в Пожирателя плоти», — решил Ник. Вспомнив их взгляды, догадаться было проще простого. Теперь все уверены, что это он убил Секеу, и Питер прикончит его на месте без разговоров.

Ник двинулся вперед, но тут же остановился. «А куда идти? Конечно, домой. Я должен вернуться домой, к маме, во что бы то ни стало».

Но, поразмыслив, Ник покачал головой: «Я не могу выбраться даже из этого проклятого леса. Как же я сумею найти дорогу домой? Выходит, я в заднице. В полной заднице».

Вдали, там, откуда он пришел, послышался шум. Шаги? Питер и Дьяволы уже начали на него охоту? Дождаться подтверждения этой догадки вовсе не хотелось. Ник бросился вниз, под уклон, но тут же сообразил, что понятия не имеет, куда направляется — возможно, и вовсе назад, к Дьявол-Дереву. И тут впереди, на небольшой прогалине, в зеленоватом фосфорическом свете тумана у земли, показался он — тот самый ночной гость, высокая фигура в длинном меховом плаще. На голове ночного гостя был шлем, увенчанный ветвистыми кривыми рогами. Незнакомец держал за плечо мальчишку — Ник сразу узнал Лероя — и, кажется, что-то говорил ему.

Вдруг существо в рогатом шлеме повернуло голову к Нику. Глаза его ярко вспыхнули в темных смотровых щелях. Их пламенеющий взгляд внушал такой страх, что у Ника отказали ноги, и он упал на колени.

— Беги, кролик. Беги, — прозвучало в голове.

Ник обнаружил, что снова может двигаться. Вскрабавшись на четвереньках наверх, он кое-как поднялся на ноги и бросился бежать.

Питер вел Дьяволов домой, к Дьявол-Дереву. Мерной рысцой бежал он по ночному лесу, стараясь сосредоточиться на завтрашнем дне и не думать об Абрахаме. Отыскать его помогла ведьма. Обезглавленное, нагое, изуродованное тело мальчишки висело на дереве у границы выжженных земель. Ведьма отнеслась к горю Питера едва ли не с сочувствием: ведь это на ее земли, в ее болото Пожиратели плоти явились как к себе домой. Она была готова к бою и жаждала крови. Все было решено. «Завтра, — думал Питер. — Завтра мы с ними покончим».

Тропа поднялась на взгорок. Увидев впереди и внизу Дьявол-Дерево, Питер остановился. Дверь в крепость Дьяволов была распахнута настежь. В проеме темнел силуэт Таннгноста с топором в руке.

«Что на этот раз?» — подумал Питер, со всех ног бросившись вперед. Приблизившись, он разглядел искаженное сильнейшей душевной мукой лицо тролля и перешел на шаг.

Таннгност открыл рот, но не сумел вымолвить ни слова и только покачал головой, однако Питер прочел в его глазах все, что ему требовалось знать. Он шагнул внутрь, но тролль схватил его за плечо.

— Питер, — заговорил Таннгност, — Питер, подожди. Ты должен...

Вырвавшись, Питер протиснулся мимо него в зал и увидел все — и одеяла, и кровь на полу и на стенах, и смуглую руку Секеу, торчавшую из-под одеял. Подойдя, он опустился на колени, потянулся к руке Секеу, помедлил, будто боясь прикоснуться к ней, и осторожно сжал ее ладонь. Ладонь оказалась холодной, как лед.

— Секеу, — прошептал Питер, потянувшись к одеялу, закрывавшему ее лицо.

— Нет, — твердо сказала Сверчок, придерживая одеяло.

— Питер, — негромко, мягко заговорил Таннгност, — это была тьма. Она овладела Ником. Прости. Все это... произошло так... быстро, что...

— Тьма? — переспросил Питер, едва не задохнувшись от изумления. — Нет, не может быть!

На лице тролля отразилась боль.

— Я понимаю, как тебе тяжело. Но... я ведь был здесь. Я все видел собственными глазами. Мы все видели, Питер. Ник лишился разума. Он и на Лероя бросился. Я в жизни не видел подобной ярости.

— Но как? — голос Питера дрогнул. — Как? Ты же сам видел: Владычица... она же исцелила его. Избавила от тьмы. Ты же видел. Скажи: видел?

— Владычица... что ж Владычица... она ведь так слаба теперь... Может, исцеление долго не продержалось. Может... — Таннгност был смущен. — Питер, я просто не знаю. Хотел бы я знать ответ!

— Нет, — сказал Питер, покачав головой. — Нет, это не тьма. Не верю.

Через порог, пятясь, не сводя глаз с леса, шагнул Лерой. Наткнувшись спиной на дверь, он поспешил закрыть ее и завожился с тяжелым засовом.

— Где он? — спросил Таннгност.

Лерой подскочил от неожиданности, засов выскользнул из его рук и с громким стуком упал на каменный пол. Лерой обернулся, в страхе заозирался, перевел взгляд с Секеу на Питера и испуганно вжался спиной в дверь.

— Это Ник убил ее! — крикнул он.

— Да, да, — нетерпеливо рыкнул тролль. — Где он?

— Там, в лесу, — быстро ответил Лерой. — Я хотел его остановить... но у него меч... тот самый, его меч, и я не... не смог. Я хотел его остановить. Было бы у меня оружие — и остановил бы.

— Точнее! Где «в лесу»? — требовательно спросил Таннгност. — В каком направлении он побежал?

— В сторону Гогги-крик.

— Питер, — сказал Таннгност, — его нужно поймать как можно скорее. Немедля.

Питер не отвечал.

— Питер, неужели не понимаешь? Мы не можем допустить, чтобы он попал в руки Пожирателей плоти. Он знает, где Дьявол-Дерево. Знает, сколько нас, знает все наши планы. Они заставят его говорить. На кон поставлено все, Питер. Он знает, где находится Гавань!

Но Питер не сводил глаз с длинных черных волос Секеу, рассыпавшихся по полу из-под одеяла. Коснувшись этих волос, он провел по ним кончиками пальцев. «Секеу... Как же так?»

Красная Кость принес Питеру копьё. Дьяволы выстроились за его спиной. На их лицах застыла тревога.

— Мы готовы, — сказал Красная Кость. — Питер?

— Идите, — вмешался Таннгност, подталкивая Дьяволов к выходу. — Скорее, пока не поздно. Берите всех. Каждая пара глаз на счету. Дэнни, Сверчок, вы тоже.

Сорвав со стены пару копий, он едва ли не силой сунул их в руки Сверчка и Дэнни.

— Не искушайте судьбу. Помните: это не Ник. Вашего друга Ника больше нет. Осталось только чудовище в его обличье, — Таннгност повысил голос. — Убейте его, как только увидите. Делайте что угодно, но не дайте ему угодить в руки Пожирателей плоти!

Питер не двигался. Казалось, голос Таннгноста доносится откуда-то издалека.

Троль присел рядом с ним.

Питер продолжал гладить волосы Секеу. Мысли путались в голове, спотыкаясь одна о другую. Он прижал руку к виску.

«Как же я мог это допустить? Почему? Потому что был совершенно уверен. Потому что собственными глазами видел, что Владычица исцелила его, вот почему. Нет, тут дело в чем-то другом. Иначе и быть не может».

Он взглянул на Маладриэль, на кровь — кровь Секеу, еще не запекшуюся на тонком эльфийском клинке — и сдвинул брови. «А ведь Лерой сказал, что меч у Ника, в лесу? Да, так и сказал, и даже подчеркнул».

— Таннгност!

— Да?

— Ты видел, как Ник убил Секеу?

— Да... Э-э... То есть нет. Именно этого я не видел. Но...

— А ребята? Кто-то из них это видел?

— Да. Лерой.

— Где Лерой?

— Пошел со всеми.

Питер задумался. Лерой вел себя как-то странно. Он вряд ли мог бы сказать, в чем состоит эта странность, но был уверен: здесь что-то не то.

— Мне нужно поговорить с Ником!

Прежде, чем тролль успел возразить, Питер подхватил копые и помчался наружу.

«Идут», — подумал Ульфгер. Мальчишки и девчонки, общим счетом двадцать три, а то и двадцать четыре, шли вперед редкой цепью, преследуя кролика. Открыв глаза, Ульфгер увидел едва заметный свет среди ветвей: низкие тучи озарил первый утренний луч.

Он снова закрыл глаза: с закрытыми глазами теперь было видно гораздо больше. Казалось, чем дольше он носит шлем, тем дальше может видеть, как будто шлем и его разум поне-много сживались друг с другом, сливались в единое целое.

Кролик снова замер впереди. Ульфгер чуял его растерянность и страх. Чуть дальше, за опушкой леса, ждали они, Пожиратели плоти, так много, что и не счесть, и все они были исполнены ненависти и жажды крови.

Он следовал за кроликом всю ночь, не позволяя тому сбиться с пути. Стоило кролику замедлить шаг или свернуть в сторону, он просто показывался ему на глаза, и кролик вновь пускался бежать.

Должно быть, Аваллах был благосклонен к нему. Даже слишком благосклонен: все вышло — проще некуда. Кролик выведет похитителя детей и его щенков прямо на Пожирателей плоти, прямо к их ловушке. А потом — о, потом... Невольно рассмеявшись, Ульфгер никак не мог остановиться. Казалось, этот смех не прекратится никогда.

Неподалеку треснула ветка. Ник встрепнулся и открыл глаза. Сквозь путаницу ветвей над головой пробивался слабый

свет. Сколько же он проспал? Ник тревожно огляделся. А где же этот?.. Как он мог уснуть, когда его преследует эта жуткая тварь? Всякий раз, стоило только подумать, что ему удалось оторваться, стоило только остановиться, чтобы перевести дух, этот страшный великан появлялся вновь и устремлял на Ника огненный взгляд, проникавший в самую душу...

Ник еще раз огляделся, пытаясь понять, куда его занесло, но из-за густого тумана уже в двадцати шагах было ничего не разглядеть. Где-то сзади снова раздался треск. Ник схватился за нож, жалея, что не сумел удержать меч. Он поднялся и крадучись двинулся в заросли, но земля оказалась мокрой, и вязкая грязь чавкнула под ногой. Сзади слышались быстро приближающиеся шаги. Оглянувшись, Ник увидел Дирка, уставившегося на него из-за кустов. Судя по глазам, он был удивлен и испуган не меньше Ника.

Ник вскинул руки:

— Дирк, это сделал не я! Поверь, я...

Дирк прыгнул вперед и метнул в Ника копье. Ник сумел увернуться. Копье свистнуло над головой и вонзилось в дерево.

— Сюда!!! Вот он!!! — заорал Дирк, выхватив меч и бросившись сквозь заросли к Нику.

Ник сорвался с места, шмыгнув в кусты, выскочил на узкую тропку и побежал по ней так быстро, как мог. Со всех сторон закричали, в тумане среди деревьев мелькнули несколько фигур, бегущих в том же направлении, что и Ник.

Ник выбежал на просторную поляну, по колено заросшую серой травой, и тут же впереди навстречу ему из леса вырвалась еще одна группа Дьяволов. Ник резко свернул в сторону и кинулся к редким зарослям. Там, за деревьями, виднелись выжженные поля, и ему пришло в голову, что, может быть — может быть! — туда Дьяволы за ним не погонятся.

Мимо — так близко, что щеку обдало дуновением воздуха — просвистело копье. Дьяволы разразились звериным

воем. В эту минуту Ник понял, что должен чувствовать олень, преследуемый стаей волков. Из его горла рвался пронзительный крик, глаза широко раскрылись от ужаса, сердце отчаянно билось в груди, ноги путались в высокой траве.

Ник добежал до края поляны. Спереди пахло мокрым обгорелым деревом. Пущенное сзади копьё скользнуло по бедру, запуталось в ногах, и Ник, споткнувшись о его древко, растянулся в траве.

Вдали слышались крики. В густом тумане трудно было разобрать, с какой стороны доносятся голоса. Питер остановился, склонил голову вправо, влево, прислушался...

Он напал на след Ника перед самым рассветом и двинулся за ним. Но вскоре этот след пересекся со следами Дьяволов, и Питер помчался вперед со всех ног, надеясь нагнать Ника первым. По пути ему встретились и другие следы — большие, глубокие отпечатки ног. Немалый нужен вес, чтобы оставить такие. Кто же это? Одинокий Пожиратель плоти? Вряд ли. Единственный вероятный ответ был таков, что о нем не хотелось и думать. И, кем бы он ни был, тяжеловес тоже шел по следу Ника.

Вдали снова слышались громкие голоса. «Они недалеко от выжженных полей», — подумал Питер. Эхо диких воплей и воя загремело над склонами долины, окутанной предутренней тишиной, и Питер пришел в ужас. «Да что они — забыли, где находятся?»

— Смилуйся же над нами, Аваллах, — взмолился Питер, сорвавшись с места и бросившись вперед. — Хватит с нас бед!

Ник сел. Его настигали, брали в кольцо. «Вот, значит, как я умру?» — подумал он. Не в пасти чудовища, не в лапах торговца наркотиками, а от рук кучки ребят — тех самых, что еще вчера называли его братом... Ужаснее всего был

даже не страх смерти, а выражения их лиц — лихорадочное веселье, далеко превосходящее обычную кровожадность, убийственное ликование, свойственное одной лишь толпе, собравшейся, чтобы вершить суд Линча.

— Это сделал не я!!! — закричал Ник.

Но его никто не слушал. Все взгляды обещали одно — смерть, скорую и неизбежную смерть.

Дирк прыгнул вперед, занося меч для удара. Взгляд его был устремлен на шею Ника, а лицо ничем не отличалось от лица мальчишки, который вот-вот забьет победный гол. И вдруг из-за спины Ника вылетело копьё — тяжелое, толстое копьё, глубоко вонзившееся в грудь Дирка и сбившее его с ног.

Воздух вздрогнул от громкого крика. Из-за деревьев длинной неровной цепью вырвались Пожиратели плоти. Люди в доспехах, в тяжелых сапогах, с воплем хлынули на поляну, потрясая мечами, копьями и боевыми топорами.

Ник вскочил на ноги, но чьи-то толстые сильные пальцы стиснули его руку, рванули вверх и с силой швырнули оземь — так, что дух перехватило. Над Ником нависло лицо Пожирателя плоти. Губы его скривились в издевательской усмешке, обнажив белые десны и черные зубы; глаза — узкие красные щелки — полыхнули огнем.

— Все в порядке, парень. А как же — мы здесь, чтобы спасти тебя.

Ник отпрянул назад, но тут же почувствовал острие клинка у горла.

— Тихо, тихо, — негромко захихикал Пожиратель плоти. — Сиди смирно, если не хочешь остаться без ушей.

В этот момент ранили и Красную Кость. Копьё попало ему в бок и вышло из спины. Красная Кость обеими руками схватился за древко, застонал сквозь стиснутые зубы и упал на колени.

Дьяволы, цепью рассыпавшиеся по поляне, замерли на месте. Их лица, еще секунду назад — лица кровожадных хищников, вытянулись от потрясения и ужаса.

— Вперед!!! — скомандовал высокий человек в широкополой шляпе.

Еще один отряд вооруженных до зубов Пожирателей плоти — не меньше тридцати, а то и сорока человек — выбежал на поляну с восточного склона.

— Бегите!!! — заорал Красная Кость. — Валите отсюда!!!

Дьяволы сломали строй и кинулись врассыпную. Люди устремились в погоню. С обеих сторон полетели копья, Пожиратели плоти и Дьяволы начали падать. На глазах Ника рослый светловолосый мальчишка по кличке Медведь получил два копья в спину, но не упал. Он продолжал идти, шатаясь, как пьяный, сипя и кашляя, пока один из людей не добил его топором в затылок. Другой мальчишка, чернокожий парень из Бруклина, чьего имени Ник так и не запомнил, был ранен в ногу. Копье пронзило его бедро насквозь. Мальчишка упал и пополз вперед, впиваясь пальцами во влажную землю. Мечи и топоры сразу пятерых врагов мигом покончили с ним.

С запада на поляну выступил третий отряд Пожирателей плоти, и вслед бегущим Дьяволам полетели сети с каменными грузилами. Многие запутались, попадали на землю и были заколоты, не успев освободиться.

Тут Ник увидел Сверчка и Дэнни. Парализованные страхом, оба замерли на дальнем краю поляны. «Бегите! — подумал Ник. — Чего ждете?!» Кто-то из Пожирателей плоти крикнул, указав в их сторону, и к ребятам устремилось не меньше дюжины врагов. Дэнни развернулся и бросился назад, в заросли. Секунду спустя за ним последовала и Сверчок.

Питер мчался по тропе со всех ног. Грохот битвы и крики боли разносились над туманной долиной, предвещающая бе-

ду. «Там Дьяволы! Дьяволы гибнут!» Подстегиваемый этой мыслью, Питер без оглядки перепрыгнул широкий бурный ручей и кубарем скатился вниз по каменной осыпи. Оказавшись внизу, он кувыркнулся, вскочил на ноги и снова помчался вперед. Он был полон решимости прийти на помощь своим, пока еще не все потеряно.

Обогнув небольшую дубовую рощицу, он оказался на вершине каменного уступа и увидел внизу Дэнни, Сверчка и Дьявола по прозвищу Трюк, окруженных доброй дюжиной Пожирателей плоти. Кольцо сужалось. Отчаянно вопя, со свистом рассекая воздух копьем, Трюк сдерживал врага из последних сил. Сверчок и Дэнни, вцепившись в копыя, застыли без движения, парализованные страхом.

На Трюка разом бросились четверо Пожирателей плоти. Один из них отбил в сторону оружие мальчишки, а остальные пронзили его копиями. Лицо мальчишки исказилось от боли, изо рта хлынула кровь, и он осел на землю.

Питер зарычал, прыгнул к краю уступа и метнул копье. Бросок его был верен: копье вонзилось в кирасу ближайшего врага, пробив тонкий металл и сбив Пожирателя плоти с ног. Выхватив из ножен мечи, Питер взял короткий разбег и с жутким воем прыгнул вниз с двадцатифутовой высоты. Подняв взгляды, люди увидели демона, летящего прямо на них, и изумленно вытаращили глаза.

Питер с лету врезался во вражеский строй ногами вперед, и под его натиском Пожиратели плоти попадали наземь, как кегли. Оттолкнувшись ногами от одного из упавших, Питер прыгнул вверх, отрубил ему голову, приземлился на второго и, прежде чем тот успел поправить съехавший на глаза шлем, вонзил меч в его лицо. Разрывая дистанцию, он достал третьего, отрубив ему руку по локоть одним из мечей, а другим мечом ткнул в горло четвертого. Он запрыгал из стороны в сторону, клинки засвистели в воздухе, закружились в смертельном танце, оставляя на своем пути окровавленные обрубки рук, ног и шей.

Не увидев впереди новых жертв, Питер яростно сверкнул глазами и развернулся, не удосужившись даже стереть с лица брызги черной крови. У его ног лежали шестеро убитых и раненых, стоны умирающих звучали в ушах, будто музыка.

Вдруг Дэнни отчаянно вскрикнул. Взглянув в его сторону, Питер увидел, что один из оставшихся на ногах Пожирателей плоти схватил мальчишку, а остальные прикрыли его, сомкнув строй. Сверчок карабкалась вверх, на уступ, но на полпути остановилась и оглянулась на Питера.

— Беги!!! — крикнул Питер.

Секунду помедлив, Сверчок взобралась на гребень уступа и скрылась из виду.

Питер обвел хищным взглядом восьмерых уцелевших врагов и оскалил зубы в ухмылке. С его мечей капала черная кровь.

Пожиратели смотрели на него с ужасом, будто на одержимого злым духом. Но перед Питером были вовсе не новички, а опытные, закаленные бойцы. Они тут же начали перестраиваться, занимая оборону. Один, замешкавшись, оказался слишком далеко от остальных, и Питер тут же атаковал его. Лязгнула сталь. Отбив в сторону острие вражеского копья, Питер кувыркнулся вперед, и его меч отсек ступню Пожирателя плоти у щиколотки. Враг закричал, схватился за брызжащий кровью обрубок ноги и рухнул на землю. Прежде чем стоявший рядом смог прийти товарищу на помощь, Питер успел подняться и отскочить. Потом двинулся вбок. Пожиратели плоти настороженно следили за ним, нацелив на него острия копий и мечей.

Из-за деревьев послышались крики. К месту боя шли еще люди — много, очень много. Теперь уже Пожиратели плоти оскалили зубы в хищных ухмылках, и Питер понял, что со всем этим нужно кончать, да поскорее. Но стоило ему шагнуть вперед, и человек, державший Дэнни, приставил меч к его горлу.

— Еще шаг, и мальчишка умрет.

Дэнни жалобно заскулил. Тонкая струйка крови потянулась вниз по его шее из-под острия меча.

— Я его прирежу! Прирежу! Глотку перехвачу!

Пожиратель плоти не понимал, что так ему ничего не добиться. Конечно, Питер намеревался спасти Дэнни, если получится, но жестокая правда заключалась в том, что Питер не мог допустить, чтобы Дэнни попал в руки Пожирателей плоти живым. Ни при каких обстоятельствах. Дэнни знал путь к Владычице.

— Ну что ж. Молись, Дэнни.

Голос Питера был жесток и холоден, словно сталь. Пожиратели плоти встревоженно переглянулись.

Питер со всех ног помчался на них. Люди сомкнули строй и склонили копья ему навстречу. Но это-то от них и требовалось. В последнюю секунду Питер сделал шаг влево. Строй Пожирателей плоти, ошетилившись копьями, развернулся к нему, и тогда он метнулся направо, оттолкнулся от огромного корня и, кувыркнувшись в воздухе «колесом», взвился над вражеским строем. Мечи Питера скрестились, точно лезвия ножниц, и сомкнулись на лице того, кто держал Дэнни, срезав большую его часть, обнажив глазницы, носовую полость и зияющую дыру на месте рта. Раздался жуткий булькающий крик, вывалившийся из рта язык раненого затрепетал, будто «чулок» ветроуказателя под напором ветра. Пожиратель плоти схватился за то, что осталось от его лица — и выпустил Дэнни.

Между тем Питер приземлился за спинами Пожирателей плоти. Те попытались разом развернуться к нему, но только смешали строй, запутавшись в древках собственных копий. Вонзив мечи в спины двоих, стоявших рядом с Дэнни, Питер рванул его к себе, оттащил в сторону и толкнул вперед, на тропу.

— Беги!!! — крикнул он. — Ради Владычицы, беги!

Дэнни кинулся бежать. Питер помчался за ним, но Дэнни, не успев сделать и пяти шагов, споткнулся и упал — пря-

мо Питеру под ноги. Питер рухнул на него и тут же получил сильный удар по затылку.

В голове помутилось, от удара лицом и грудью о жесткую землю вышибло дух, но Питер успел почувствовать боль и разглядеть злобные ухмылки и смертоносные острия копий окруживших его людей. А затем он увидел и кое-что еще: на вершине холма стоял, глядя вниз, великан в плаще из лосиной шкуры и в шлеме, увенчанном ветвистыми лосиными рогами.

Питер улыбнулся. Вот это да! Сам Рогатый пришел проводить его в Потусторонний мир!

Часть четвертая

Капитан

Сэмюель Карвер

Красная Кость вновь поскользнулся и упал, резко дернув веревку на шее Ника. Жесткая колючая пенька впилась в кожу, и Ник сморщился от боли. Стараясь не упасть, он мог лишь беспомощно смотреть, как Красная Кость барахтается на земле, пытается встать. В боку Красной Кости зияла жуткая рана, и вся нога под ней, от бедра до щиколотки, была в крови. С тех пор, как он пытался убить Ника, не прошло и часа, и все же на его страдания невозможно было смотреть без боли.

Дэнни, шедший впереди Красной Кости, громко рыдал и все никак не мог заткнуться. Перед ним шел Лерой. «Почему не его ранили в бок?» — подумал Ник. Этого скота ему было бы совершенно не жаль. Впереди всех, молча передвигая ноги, тащился Питер. Что их всех ждет впереди? Об этом Ник не имел ни малейшего понятия, но не сомневался: ничего хорошего.

Впереди и позади связанных мальчишек шагали длинной колонной Пожиратели плоти. Их темная грубая кожа лос-

нилась от пота. В нескольких шагах от Ника устало тащилась группа пикинеров с головами убитых Дьяволов, насаженными на острия пик. Прямо на Ника уставились безжизненные глаза Дирка. Вывалившийся изо рта мертвого мальчишки язык покачивался из стороны в сторону в такт шагам.

Здесь, на открытой местности, вдалеке от лесов, Пожиратели плоти ослабили бдительность и просто шагали по длинной серой дороге, устремив вперед пустые, бездушные взгляды и волоча за собой тяжелые копья. Ник из всех сил избегал смотреть на них — на толстые вены, змеившиеся под кожей как черви, на бугры мускулов, чешую и рога. Похоже, волшебство уродовало каждого по-своему: разнообразие обезображенных тел и лиц людей, уставших от собственных душ, казалось бесконечным.

Вокруг было влажно и душно, особенно по сравнению с лесом. По лицу Ника градом катился пот, ссадины от веревок на запястьях и шее жгло, как огнем. Язык распух и сделался шершавым, будто наждак. Ник и припомнить не мог, когда еще испытывал такую жажду. Здесь, внизу, на равнинах, земля была суха. Каждый шаг поднимал в воздух тучу пыли, и вскоре все покрылись ровным слоем мелкого, похожего на глину порошка. Ник сплюнул, чтобы очистить рот от пыли, но во рту пересохло так, что и плевать было нечем.

Охранник, однорукий коротышка с кислой рожей и россыпью гнойных прыщей на лбу, ударил Питера в подбородок тупым концом копья. Питер споткнулся, но каким-то чудом сумел удержаться на ногах.

— Не волочи ноги, пакостник! Шевели ногами-то, шевели!

Увидев, что Ник смотрит на него, человек склонился к нему. Из рта его пахло тухлым мясом.

— Слышь, это ж демон. Вот этот самый, да, — он снова ударил Питера тупым концом копья. — Неужто не видишь?

Ник промолчал. Однорукий с отвращением сплюнул под ноги.

— Дурень! Ты что, слепой? Не видишь, какие уши острые? Это ж сын самого Люцифера, так-то!

Ник отвернулся.

— А вот это видал?! — охранник ткнул ему в щеку безобразной культией. — Его работа!

С этими словами он изо всех сил хлестнул Питера древком копья по ребрам. Питер болезненно крикнул. Охранник захохотал и ударил его снова.

— Бизли, довольно, — раздался хриплый усталый голос позади.

Голос принадлежал высокому человеку с тонкими усиками и острой бородкой, в широкополой, отчего-то показавшейся Нику пиратской шляпе.

— Есть, Капитан, — осклабился однорукий, толкнув Питера напоследок.

Подергав себя за бородку, капитан Сэмюэль Карвер оглядел цепочку пленников. Пятерых мальчишек удалось взять живьем, а головы еще дюжины вскоре украсят стены форта. Да, с виду они казались детьми, но Капитан не обманывался на их счет и, прежде чем начать долгий марш обратно в форт, дважды проверил, что руки каждого надежно связаны, а веревки на шеях привязаны к длинной жерди.

Взгляд Капитана задержался на мальчишке, шедшем впереди. Огненно-рыжие волосы на его затылке слиплись от крови, и ее цвет возмущал Капитана до глубины души. Кровь этого отродья демонов была красна, тогда как кровь самого Капитана — чистая английская кровь! — сделалась черной. Так просто не должно было быть. Впрочем... в этом дьявольском месте все было перевернуто вверх дном. «Это он, — подумал Капитан. — Острые уши не оставляют сомнений». Значит, вот он каков, вождь этой банды язычников,

которого они зовут Питером... Сколько же раз этот демон издевался над ними? А теперь он не просто побежден, но схвачен живьем! Капитан до сих пор не мог поверить такой удаче. Ему бы и в голову не пришло, что все может оказаться так просто.

Демоны явились рано, с рассветом, на гребне вчерашнего успеха. Это Капитан сумел предугадать и приказал всем способным держать оружие приготовиться, намереваясь захватить демонов врасплох. Его план заключался в том, чтобы укрыть основные силы за деревьями и небольшим отрядом заманить Питера в западню. Но столь хитрых планов не потребовалось. Отродья демонов явились в западню сами, будто дар, ниспосланный самим Господом. Капитан был почти разочарован. Он чувствовал себя обманутым. От этого порождения дьявола можно было ожидать большего.

— Скажи-ка мне кое-что, мальчик, — хриплым басом заговорил Капитан, поравнявшись с Питером. — Ведь ты решил сдаться? Верно? Тебе просто надоели все эти игры? Ответь мне, сынок. Утоли мое любопытство.

Рыжий уставился ему в глаза. Даже связанная, избитая, эта тварь сумела презрительно усмехнуться.

Капитан покачал головой.

— Что ж, как бы там ни было, теперь все кончено. По крайней мере, для тебя.

Один из мальчишек споткнулся и упал. Этот отличался от остальных буйной шевелюрой, связанной на макушке узлом, из которого торчала наружу красная кость, длинным шрамом поперек глаза и отвратительной с виду раной в бок. Туго натянувшаяся веревка сдавила ему горло, и он барахтался в пыли, пытаясь подняться. Капитан понимал, что имеет полное право ненавидеть их всех, но в эту минуту не чувствовал ничего, кроме жалости. За всеми этими шрамами, боевой раскраской и злобными оскалами скрывались обычные дети — или, по крайней мере, те, что некогда были обычными детьми. Капитан кое-что знал о Питере — о том,

что остроухий демон крадет этих бедных парнишек из внешнего мира, околдовывает их, подчиняет своей воле и превращает в дикарей. И, несмотря на весь этот дикий вид, все они зовут маму, когда за них берется Преподобный...

Похоже, трое из пленников были новыми рекрутами. На них не было ни шрамов, ни татуировок, ни прочих зловещих отметин, и это внушало хоть какую-то надежду. Возможно, с этими есть шанс? Возможно, их удастся склонить на свою сторону, разговорить, заручиться их помощью?

Прежде Капитан уже спас нескольких мальчишек, и все они умерли страшной смертью, так и не раскрыв своих тайн. Все, кроме Билли. Билли, подобно этим троим, был из новичков. Немного доброты вкупе со страхом перед Преподобным сделали свое дело: мальчишка заговорил. Именно Билли рассказал Капитану о Питере, о Владычице и о легенде про ее заветную яблоню. Вот только Билли не знал, где искать Владычицу и ее дерево...

Вспоминать о Билли было больно — он был ребенком неиспорченным и добрым. Но вскоре превращение лишило Билли разума. Мальчишку пришлось зарезать, и это печалило сердце Капитана до сих пор.

Раненый мальчишка никак не мог подняться и задыхался в веревочной петле. Капитан вздохнул и поднял его на ноги. Не успев перевести дух, тот зарычал и полоснул Капитана яростным взглядом. Капитан покачал головой. Зачем он только сделал это? Зачем вообще тащить этого мальчишку с собой? Для подобных ему никакой надежды не было и быть не могло. Куда милосерднее было бы прикончить его на месте, избавив от грядущих мук.

Холодный резкий ветер гнал пыльный смерч по полю, заваленному сухими кукурузными стеблями. За погубленными посевами над усыпанной сажеей землей возвышался форт. Длинные заостренные бревна внешней стены, тускло-

серые, как и все вокруг, покосились, навалившись одно на другое так, будто вот-вот упадут.

Грохоча сапогами, колонна прошла по ветхому бревенчатому мосту через небольшой ручей. Журчание воды показалось Нику настоящей пыткой. Он облизнул пересохшие губы, но на языке не было ни капельки влаги. За мостом по обе стороны дороги потянулись кресты из костей и выбеленного временем дерева. Некоторые торчали вверх под самыми причудливыми углами, другие давно попадали, наполовину уйдя в иссохшую землю. «Могилы», — догадался Ник. Сотни могил вдоль дороги — до самого форта...

Вдруг Питер впереди застонал. Вначале Ник подумал, что охранник снова ударил его, но, взглянув вперед, увидел, куда он смотрит, и ахнул от ужаса. Там, на вершине стены, чернела голова — голова Абрахама! Ник поспешил отвести взгляд, однако успел увидеть не только мертвые глаза погибшего Дьявола, но и черепа — дюжины черепов на столбах у ворот. «Сколько же их? — подумал он. — Сколько ребят погибло за этот остров?»

Со сторожевой башни у ворот слышался крик, и ворота распахнулись наружу. Внутри стояли дома, и Ник впервые увидел деревню Пожирателей плоти. Убогие крытые соломой хижины из бревен и полуосыпавшегося дерна, несколько палисадников с засохшими овощами на грядках, веревка с вяленой рыбой... Ник вздрогнул и присмотрелся внимательнее. Да, среди рыбьих тушек с веревки свисали несколько выпотрошенных и распластанных надвое пикси! И всюду, куда ни глянь, кресты — большие, маленькие, из сучьев, из колючих веток, из костей. Белые, красные, черные, украшенные прядями волос, шнурками, черепами, раковинами кресты торчали из земли, висели на крышах, на стенах, в каждом дверном проеме.

Услышав команду «разойдись», большая часть солдат отправилась по домам. Несколько охранников, оставшихся с пленниками, погнались ребят к центру селения.

Из темного дверного проема на Ника уставилась женщина. Встретившись с ним взглядом, она подняла распятие, перекрестилась и отступила во мрак. Пропустив охрану и пленников, она вновь вышла наружу и двинулась следом. Вскоре к первой женщине присоединились еще несколько и тоже крадучись, стараясь держаться поодаль, пошли сзади. Все они — почерневшие, иссохшие, сморщенные, одетые в выцветшие сорочки с длинными рукавами и ветхие платья до щиколоток — казались одинаковыми, словно близнецы. Пряди их длинных жидких волос были кое-как убраны под капоры, в тени которых зловеще мерцали широко раскрытые красные глаза.

У здания с крестом на покосившейся башенке Капитан приказал всем остановиться. Когда-то башенка была выбелена известью, но побелка давно выцвела, и доски сделались такими же серыми, как и все в форте. Оставив пленников и охрану во дворе, Капитан вошел внутрь.

Вскоре вокруг собралась целая толпа. На пленников таращились, тыча в их сторону пальцами и негромко переговариваясь между собой. Все взгляды пылали ненавистью, но толпа держалась поодаль, пока одна из женщин не протолкалась вперед. На ее шее висели целые дюжины крестиков из щепок и обломков прутьев. Ее волосы, в отличие от волос остальных женщин, были распущены и свисали вниз сальными прядями, закрывая лицо.

— Это он! — ломким старческим голосом крикнула она, указывая на Питера длинным согнутым пальцем.

Подойдя к Питеру, она плюнула ему в лицо.

Увидев, что старуха не вспыхнула адским пламенем и не обратилась в пепел, толпа осмелела. Издевки зазвучали громче и оживленнее. Кто-то швырнул в Питера ком грязи, угодив ему прямо в лицо. Вскоре грязь полетела в пленников со всех сторон. Еще одна женщина, протиснувшись мимо охраны, умудрилась расцарапать Питеру щеку, прежде чем ее отпихнули прочь. Чьи-то пальцы впились в плечо Ника.

Оглянувшись, он увидел перед собой злобный взгляд одноглазого горбуна.

— Демон! — брызжа слюной, прошипел горбун. — Все вы демоны!

Не успел охранник пинком отшвырнуть горбуна, как одна из женщин подскочила к Питеру и яростно вцепилась в его волосы.

— Это ты погубил моего Джона! Теперь поплатишься! Поплатишься! Господь покарает тебя собственной рукой!

Чтобы оттащить ее, одного охранника оказалось мало.

Толпа ринулась вперед, завязав сразу несколько потасовок с охраной. Охранники не могли сдержат натиск, и Ник понял, что его вот-вот забьют насмерть.

Вдруг над общим гамом раздался громкий, резкий, точно ружейный выстрел, окрик:

— Довольно! Все назад, живо!!!

В толпе заозирались. Кое-кто подался назад.

— Расступитесь! — приказал тот же голос.

Толпа недовольно зароптала, но отступила, и Ник увидел над головами верхушки почтительно поднятых шляп. Толпа раздалась в стороны, и к пленникам, сопровождаемые Капитаном, подошли трое мужчин. Двое из них были одеты в длинные плащи с капюшонами и высокие, широкополые фетровые шляпы, напомнившие Нику шляпы первых американских поселенцев. На груди у обоих висели черные деревянные кресты. Третий, лысый гигант с квадратной челюстью, был по меньшей мере на голову выше всех остальных. Его шею прикрывал окованный сталью горжет, руки были защищены стальными наручами поверх кожаного дублета.

Один из людей в плащах выступил вперед и оглядел Питера с головы до ног. Половина его лица была мертва, будто он перенес удар: немигающий мертвый глаз белел, как молоко, угол рта скривился вниз в гримасе вечной печали. В руке он держал посох, увенчанный простым золотым крестом.

— Воистину, это он! — воскликнул человек в плаще, указав посохом на Питера. — Сын самого Люцифера!

Толпа тихо ахнула. Все, как один, подались назад.

Человек с перекошенным лицом склонил голову набок и яростно взглянул на Питера зрячим глазом.

— Господь привел тебя сюда, дабы ты понес заслуженную кару. И возложил сию миссию на меня. И я не намерен оплошать перед Господом.

После этого он подошел к Дэнни, затем — к Лероу и, наконец, к Нику. Увидев на шее Ника кроличью лапку, он с силой рванул ее на себя и оборвал шнурок.

— Сатанинские игрушки!

Швырнув лапку на землю, он принялся втаптывать ее в пыль, словно гася окурки. Жесткие костлявые пальцы стиснули подбородок Ника и вздернули вверх, заставляя поднять взгляд.

— Ответь мне, дитя мое, — сказал человек в плаще, глядя зрячим глазом в глаза Ника, — помнишь ли ты имя своего отца?

Не решившись раскрыть рта, Ник кивнул.

— Посмотрим, — сказал человек с перекошенным лицом. — Отведите их в дом Капитана.

Капитан Сэмюэль Карвер высоко поднял кувшин и наполнил кружку прохладной водой, исподволь наблюдая за ними — четырьмя грязными, жалкими мальчишками на земляном полу хижины. Все они смотрели на кружку, не отрывая глаз. Ничто не усиливает жажду так, как жаркая битва, а эти мальчишки ничего не пили с самого утра, а может, и дольше... Он медленно поднес кружку к губам и, звучно глотая, начал пить. Вода струйками потекла по подбородку, собралась лужицей на столе. Осушив кружку, Капитан причмокнул губами, налил себе еще воды и подтолкнул кувшин, придвигая его поближе к мальчишкам.

— Ребята, может, кто-нибудь хочет пить? — спросил он. — Прохладная, свежая — только что из колодца. В одном этому богом забытому острову не откажешь: вода здесь — просто чудо.

Конечно, никто не ответил, но взгляды мальчишек говорили красноречивее всяких слов: «Да-да, конечно, хотим! Чего там, любой из нас с радостью отдаст левую ногу за кружку воды, и «спасибо» скажет!» Но Капитану не требовались их левые ноги, а за спасение их душ (он покосился на Преподобных, сидевших за столом рядом с ним) он тем более не дал бы и ломаного гроша. Нет, все, чего хотел — больше всего на свете хотел Капитан Сэмюель Карвер — это узнать, где прячется Владычица со своей богом проклятой яблоней, и наконец убраться с этого анафемского острова ко всем чертям.

Капитан встал, обошел стол, и, задумчиво теребя бородку, взглянул на мальчишек. Интересно, что у них в прошлом? Ему очень давно не удавалось взять живьем кого-либо из этих маленьких дикарей, а уж разговорить хоть одного... Последние новости из внешнего мира он слышал от Билли. Сколько же времени прошло с тех пор? Билли утверждал, будто колонии не только отложились от Англии и сделались новой страной под названием «Соединенные Штаты», но что эти так называемые «соединенные» штаты теперь воюют друг с другом, причем — подумать только! — из-за рабства. Может, воюют и до сих пор? В этом Капитан сомневался, но все же хотел бы получить ответ и на этот, и на великое множество других вопросов. Но ничего, на это еще будет время. Пока что Капитану предстояло убедить хотя бы одного из пленных, что помогать ему — в их же интересах.

— Мне очень жаль, — начал он, — что вам пришлось претерпеть столько страданий.

Капитан ничуть не кривил душой. Все эти мальчишки — даже дикарь с костью в волосах и множеством шрамов на лице — были обычными детьми, пока не попали в лапы ры-

жего демона. Им всего-навсего не посчастливилось столкнуться с этим золотоглазым отродьем Сатаны.

Глотнув воды, Капитан причмокнул губами.

— Я был бы рад разделить с вами воду. Но я приглашаю к столу только друзей. Кто из вас согласится стать моим другом? Кто согласится выпить со мной?

Никто из мальчишек не шелохнулся и не проронил ни слова, но все они не сводили глаз с кружки.

— Верность — черта, достойная всяческого уважения. Но верность, основанная на лжи, в корне ошибочна. Уверяю вас: от этого Питера вы слышали лишь половину правды. Так не окажете ли мне любезность, не позволите ли изложить всю правду без изъятий?

Капитан вопросительно поднял брови и обвел взглядом лица мальчишек.

— Нет возражений? Хорошо. Прекрасное начало!

— Многие годы назад я согласился доставить этих добрых людей, — Капитан широким жестом указал на Преподобных, — этих святых людей, в Новый Свет. За ними следовала группа поселенцев, стремившихся лишь к одному: избавиться от религиозных гонений и мирно исповедовать свою веру на новом месте.

Слегка поклонившись в сторону Преподобных, сидевших за столом с мрачными непроницаемыми лицами, Капитан в миллион первый раз задумался: какое же беззастенчивое богохульство, какой чудовищный плотский грех Господь мог счесть столь непростительным, что обрек его на целую жизнь — да не одну, далеко не одну! — среди этих фанатиков. Может, тех четырех португальских девок, трех сестер во главе с мамашей, нанятых, чтобы насладиться их прелестями одновременно? Или бочонок причастного вина, украденный из монастыря? Или имя самого Господа, упоминавшееся Сэмюелем Карвером все столько раз, сколько на небе звезд? Это было выше его понимания. Он просто не в силах был выдумать грех, достойный заточения на необи-

таемом острове вместе с этой шатией. Должно быть, дело было в чем-то, совершенном им в прошлой жизни.

Отбросив в сторону эти мысли, Капитан продолжал:

— Два шторма подряд заставили нас далеко отклониться от курса. Припасы подходили к концу. Множество жизней унесли болезни. Все мы безмерно устали от долгого плавания. И вот, вскоре после того, как мы покончили с последними порциями дождевой воды, впереди показался этот берег. В тот день я пал на колени и целовал эту землю! Никогда, никогда в жизни я не был так рад чувствовать под ногами земную твердь!

Святые были полны решимости добраться до Джеймстауна, пока погода не переменилась. Поэтому мы разбили лагерь, намереваясь набрать свежей воды, пополнить запасы продовольствия и как можно скорее продолжить плавание. И тут явились демоны.

Несколько женщин вне себя от ужаса прибежали в лагерь, крича о демонах в человеческом облике. Будучи наслышан об американских туземцах и их диких обычаях, я сначала решил, что это — просто женская истерика, но от увиденного у меня застыла в жилах кровь. То были не индейцы из местных племен, но в самом деле демоны! Омерзительные создания — рогатые и хвостатые, остроухие и золотоглазые, полулюди-полузвери, не иначе как выбравшиеся из бездн самого ада — и они шли на нас! Мы закричали, требуя, чтобы они шли прочь, однако ж они упорствовали. Мы и представления не имели, какой злой волшбы ждать от них — порчи, мора, чумы? Видя, что они не поворачивают назад, я выстрелил в того, кто шел первым — и едва не заплакал от счастья, увидев, что они воистину смертны. В тот день нам удалось отбить нападение.

Мы поняли, что оказались на заклятых землях, и решили покинуть их немедленно. Но, не успели мы свернуть шатры, явился туман. Подобного я не видел за все двадцать лет, что странствовал по морям — туман, да такой густой, что

его можно было пощупать! И этот туман был живым. Он кишел лицами мертвых и жуткими тварями, для описания коих мне в жизни не хватит слов. Он выполз из леса и окутал корабли. Стоя на носу, я не мог разглядеть кормы! Пытаться плыть сквозь этот туман, среди скал и рифов, было бы все равно, что броситься за борт и утонуться. Именно тогда я начал подозревать, что шторм занес нас в само чистилище.

Над островом день и ночь без умолку гремели барабаны. На моих глазах храбрецы, не моргнув глазом выходившие на бой с пиратами, падали на колени и молили Господа указать нам путь, в море. Но пути не было. Туман окружал нас со всех сторон. Посему мы укрыли женщин и детей на кораблях, вырыли траншеи, приготовились к обороне и отдали себя на волю Господа.

Они явились в первые же рассветные часы. Целая орда демонов бросилась к нам из леса, и я чудом сумел остаться на месте: в глубине души мне больше всего на свете хотелось бежать, бежать прямо в море и утонуть, только бы не видеть этих чудовищ. Они устремились в атаку. Под их поступью дрожала земля, воздух был полон их жуткого воя и криков. Я не колеблясь вышел бы на бой с любым из людей, но это были не люди. Это были дети самого Сатаны! Ноги мои дрожали так, что я едва мог направлять мушкет в цель. Мужчины, воины плакали, не скрываясь, на виду у всех! Но Господь уберег нас в тот день. Зачем? Не знаю. Не думаю, что из милосердия. Знаю одно: мы отразили атаку орды демонов, а все остальное неважно.

Капитан откашлялся и глотнул воды.

— Некоторые сказали бы, что лучше бы нам погибнуть в тот день. Не сомневаюсь, многие из нас побросали бы мушкеты и сдались, если бы только знали, что за ужасы ждут нас впереди.

Капитан сделал паузу, вспоминая, сколько раз за те первые дни подумывал перерезать себе вены. Лишь страх за

свою бессмертную душу да надежда еще хоть раз увидеть перед смертью своих сыновей удержали тогда его руку.

— День за днем мы ждали, когда же рассеется туман. Дети, женщины и даже взрослые мужчины боялись сойти с кораблей. Однако жизнь на борту сделалась невыносимой, а туман и не думал редеть, и мы были вынуждены начать обживать на острове.

Но Капитан Уильямс с «Форсайта» и большая часть его команды решили, что лучше рискнуть выйти в море сквозь туман, чем снова ступить на этот берег. Они подняли якоря, и «Форсайт» исчез в этой клубящейся серой стене. Что стало с ними? Этого нам уже не узнать никогда. Но вскоре мы услышали их крики и жуткие звуки — будто людей пожирают заживо. Со временем крики сменились стонами, затем — жалобными мольбами. Так прошло множество долгих часов, и вдруг все разом стихло. Но порой, по ночам, когда туман подступает с моря, подбирается к самым дверям, мы до сих пор слышим их голоса и голоса всех павших, слышим их стоны и мольбы отправиться в этот зловещий туман и спасти их.

Мы начали расчищать землю и строить форт, сажать зерно и разводить скот. Мы изо всех сил старались выжить, надеясь, что следующий день окажется днем, когда мы сможем уплыть. Но остров изводил нас, как только мог: уничтожал посевы, напускал мор на стада, а на людей наслал чары, покрывшие нашу кожу чешуей, изуродовавшие наши тела и превратившие нас в чудовищ. Многие от этого повредились в уме, сделавшись кровожадными убийцами, и их пришлось истребить.

Тогда я еще не знал о Владычице и ее черной волшбе, но все понимали, что где-то рядом источник великого зла — он-то и мучает нас своим колдовством. Окрестные леса кишели злобными тварями, и даже деревья были одержимы бесами. Чтобы заставить зло отступить, мы начали жечь их. Мы были полны решимости в случае надобности уничтожить

весь остров — все, что угодно, только бы избавиться от этой чертовщины. И это подействовало. Лес начал гибнуть, нечестивый народец — исчезать. Зла становилось все меньше, и у меня появилась надежда.

Позже Билли рассказал мне о Владычице, и все стало ясно. Стало очевидно: и лес, и обитающие в нем твари — все это ее волшба, и, стало быть, наши старания не напрасны. Мы поклялись не останавливаться, пока не отыщем ее или не сотрем с этой земли все следы ее волшебства до последнего.

Вот теперь вы знаете всю правду. Вы сами можете видеть: мы в ловушке. Нас терзают, мучают, преследуют на каждом шагу. И сверх того, будто мало нам всех этих мук, колдунья призвала на подмогу этого демона, Питера, чтобы похищать, обманом завлекать сюда детей. Чтоб околдовывать их и заставлять убивать! Чтоб вынудить нас убивать детей ради спасения собственных жизней! — Капитан сделал глубокий вдох. — Взгляните на меня. Под этой ужасной кожей я — человек, отец двоих сыновей. Неужели вы думаете, будто мне хоть раз в жизни хотелось причинить вред ребенку? Вы хоть представляете себе весь ужас моего положения? Разве вы не видите, что такое этот Питер? Как они с Владычицей используют вас? Как охотно жертвуют вашими жизнями? Конечно, вы видите, вы понимаете это! Да?

Капитан на минуту умолк, предоставив мальчишкам возможность подумать, проникнуться сказанным.

— Мы хотим лишь одного — покинуть этот богом забытый остров. Так загляните же в собственные сердца! Кто из вас согласен помочь мне?

Сложив руки за спиной, Капитан вернулся к своему месту за столом, поставил перед собой две кружки. Медленно, не торопясь, наполнив кружки водой, он подтолкнул одну из них к противоположному краю стола и обвел взглядом лица мальчишек.

— Ну же, не робейте. Кто из вас выпьет со мной по кружке воды?

Мальчишки молчали.

Капитан и не ждал, что хоть один согласится — по крайней мере, так скоро, еще не успев понять, что поставлено на кон. Он оглянулся на Преподобных. Подумать только — люди, некогда в борьбе за чистоту веры бросавшие вызов королям и папам, превратились в жалких суеверных глупцов...

— Первопреподобный, — Капитан склонил голову, отвесив легкий поклон в сторону человека с перекошенным лицом, — полагает, что каждый из вас одержим нечистым духом. Священный долг избранника божия призывает его попытаться спасти ваши души. Но экзорцизм — предприятие, требующее высочайшего мастерства. Ваше преосвященство, могу ли я просить вас посвятить этих мальчиков в более тонкие нюансы вашего искусства?

Первопреподобный кивнул и поднялся. Мальчишки настороженно уставились на него.

— Как известно, — бесстрастным тоном исследователя начал Преподобный, — в случае одержимости демоном одержимого должно подвергнуть ряду пыток, дабы вынудить демона отступить. Тело одержимого должно сделаться в высшей степени негостеприимным — настолько, чтобы демон был более не в силах пребывать в нем. Мы начинаем с испытания водой, как с процедуры, причиняющей одержимому наименьший ущерб. Одержимого просто удерживают под водой, пока он не захлебнется — неоднократно, если это представляется нужным. Если демон, согласно нашим суждениям, не оставит одержимого, мы переходим к клеймению раскаленным железом или помещению конечностей одержимого в огонь. Если и это не приводит к успеху, пробуем ломать кости, начиная с пальцев и постепенно переходя к костям рук и ног. Наконец, если все примененные методы не помогают, мы сжигаем одержимого на костре, поскольку это — единственный надежный способ очищения его души.

Несмотря на все прошедшие годы, Капитан не уставал удивляться тому, с каким хладнокровием — будто описывая процесс сбивания масла из молока — Преподобный способен рассуждать о пытках детей. Но это-то и делало его слова столь действенными, и Капитан с радостью отметил, что рассказ Преподобного не пропал даром: от него не укрылись ни быстрые взгляды, украдкой брошенные мальчишками друг на друга, ни страх в их глазах.

— Но есть и другой путь, — добавил Капитан. — Путь, позволяющий избежать всех этих неприятностей. Некое простое действие, которое могло бы доказать, что вы — не пешки в руках Сатаны. Быть может, кто-нибудь из вас может указать нам местопребывание Владычицы и ее колдовского дерева? Этот несложный акт определенно подтвердил бы, что вы в самом деле властны над собственными душами и не нуждаетесь в болезненных процедурах экзорцизма.

Капитан подождал и, видя, что мальчишки молчат, добавил:

— О, еще вам следует знать: стоит экзорцизму начаться — и шансов прекратить его почти не останется. Ведь Преподобный отлично знает, что демоны исполнены обмана и хитрости. Что хитроумный демон непременно заговорит, как ребенок, и скажет все, что угодно, только бы прекратить пытки. Поэтому подумайте хорошенько, мальчики. Как только вы покинете мою хижину, вы — в руках господ. Подумайте, не теряйте времени зря. Другого шанса не будет.

Капитан подошел к окну и отдернул занавеску. Снаружи донесся стук молотков.

— Уже готовят клетку для испытания водой? — спросил Капитан, обращаясь к Преподобным.

Первопреподобный кивнул.

— Дела Господа не терпят промедления.

Капитан вздохнул.

— Да. Воистину, не терпят.

Он еще раз оглядел мальчишек. Длинноволосый со шрамом на лице — хорошо, если доживет до вечера. Но для него в любом случае не оставалось надежды. Двое в середине явно были напуганы, но упрямо молчали. А вот в круглолицем упрямства не чувствовалось. Его взгляд так и плясал, метался между Преподобным, кружкой и остальными мальчишками. Этот, похоже, все понял правильно.

Капитан отошел от окна, поднял кружку и встал перед мальчишками.

— Итак, кто из вас примет мое угощение?

Он обращался ко всем четверым, но смотрел только на мальчишку с круглым лицом.

Губы мальчика дрогнули, словно он силился что-то сказать. Капитан поставил перед ним кружку и развязал ему руки. Не отрывая взгляда от воды, круглолицый прижал руку к груди и потерял ссадины от веревок на запястье.

— Пей, — подбодрил его Капитан. — В этом нет ничего дурного.

Мальчишка закусил губу, сморщился, будто от боли, и медленно потянул дрожащую грязную руку к кружке.

— Дэнни, нет! — прошипел мальчишка, сидевший рядом.

Точно обжегшись, Дэнни отдернул руку. Но Капитан улыбнулся. Он понимал: мальчишка сдался. Взяв кружку, Капитан поднял Дэнни на ноги, отвел его к столу и усадил в кресло. Положив руку на плечо мальчика, он отдал ему кружку.

— Все хорошо, — мягким, успокаивающим тоном, каким обычно говорил с собственными детьми, сказал он. — Все кончилось. Весь этот кошмар. Все эти ужасные дела, к которым тебя принуждали. Всему этому конец.

Дэнни схватил кружку обеими руками и поднес ее к губам. Он сделал большой глоток, и еще один, и еще, захлебнулся, закашлялся и, наконец, не выдержал и зарыдал. Капитан наполнил его кружку вновь.

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

— Мелкая мразь!!! — заорал мальчишка с красной костью в волосах.

Капитан кивнул. Один из охранников шагнул к длинноволосому мальчишке и с силой пнул его в живот. Тот скрючился вдвое и застонал, но не отвел от Дэнни яростного взгляда.

Двое остальных смотрели на все это со смесью растерянности и отчаяния на лицах.

«Дело сделано», — подумал Капитан, мысленно вздохнув с облегчением.

— Вот и мой помощник, — сказал Капитан, кивнув Первопреподобному. — Благодарю вас, ваше преосвященство. Остальных предаю в ваши беспристрастные и сострадательные руки.

Преподобные повели мальчишек к выходу.

«И да смилуется над ними Господь, потому что эти безумные фанатики не смиляются», — подумал Капитан.

Испытание водой

— С^{тупайте}, — холодно и безучастно сказал Первопреподобный.

Охранники погнали мальчишек обратно к площади. Второй из Преподобных, низенький остроносый человечек с далеко выступавшей вперед верхней челюстью — на взгляд Ника, сильно смахивающий на крота или крысу — трусил рядом, сложив ладони перед грудью, будто для молитвы, и глядя на ребят большими, полными жалости глазами.

На площади шумела толпа. Ник попытался сглотнуть, но тут же скривился от резкой боли в пересохшем горле и пожалел, что отказался от воды. А все разговоры о пытках — ведь это, конечно, блеф? Уловка? Тогда почему он так напуган? Может, еще не поздно передумать? Упасть на колени и умолять дать ему кружку воды? Несмотря на искреннее презрение к Дэнни, он и сам едва устоял. Если бы ему позволили подумать еще минуту, он доверился бы Капитану, или любому другому из этих людей. Потому что ситуация была не просто безнадежна — она была полностью, абсо-

лютно нелепа. Если бы не ее трагизм, это было бы просто смешно. Обе стороны так ослеплены страхом и ненавистью друг к другу, что даже не видят, что сражаются за одно и то же — за то, чтоб эти люди могли покинуть остров. Безумие!

Подумать было страшно, сколько народу погибло с обеих сторон только потому, что никому не пришло в голову самое простое — поговорить. «А если бы и поговорили, помогло бы?» Нику в это не верилось. Владычица ни за что не развеяла бы Туман, потому что никогда не поверила бы, что люди уйдут — вдруг вместо этого за первыми явятся и другие? Обе стороны были обречены с того момента, как на Авалон ступила нога человека — в этом-то и заключалась простая и трагичная суть всего этого кошмара.

С площади донесся крик, а следом — торжествующие вопли.

«О нет. Что там еще?»

Стражники вытолкнули ребят на площадь. Ник оказался среди хмурых женщин и мужчин, собравшихся у входа в церковь, но на него никто даже не взглянул. Общее внимание было приковано к большому кресту на дощатом помосте.

— О боже, — ахнул Ник.

На кресте висел Питер.

Его распяли, крепко притянув руки, ноги и шею веревками к перекладинам. Он был раздет до пояса, и Ник увидел на его плечах и груди несколько багровых рубцов и свежую рану поперек лба. Кровь, стекая по его щеке, капала на грудь. Рядом стоял лысый гигант с короткой плеткой в руке. Глаза Питера были крепко зажмурены, лицо искажено болью, губы сжаты.

Оставив Ника, Лероя и Красную Кость под стражей, Преподобный вышел вперед. Все взгляды устремились на него. Толпа негромко зароптала. Он поднялся на помост и вскинул вверх посох. Толпа стихла. Все замерли в предвкушении, будто перед главным зрелищем на карнавале.

— Целую вечность и даже дольше терпели мы с вами невзгоды от этого отродья Люцифера! — начал Преподобный, широким жестом указав на Питера. — Теперь он в наших руках. Это ли не свидетельство тому, что Господь не оставил нас? Тому, что наши жертвы не пропали втуне? Тому, что мы — избранные воины божьи?! Люцифер послал к нам собственного сына, дабы искушать нас, дабы испытать нашу веру, и сегодня мы отправим его назад. Назад в зловонные адские бездны, из коих он явился!

Преподобный громко ударил посохом о помост. Толпа взорвалась радостными криками. Кто-то воскликнул:

— Хвала Господу!

— Аминь! — дружно отозвались вокруг.

Преподобный бросил взгляд на лысого великана.

— Вол, мы готовы?

Великан Вол натянул на руку толстую кожаную перчатку, шагнул к стоявшему неподалеку черному котлу, вытащил из рдеющих углей докрасна раскаленное клеймо и поднял его так, чтобы все смогли восхититься видом пламенеющего креста. Толпа одобрительно зароптала. Первопреподобный кивнул и сошел с помоста. Вол двинулся к Питеру.

Преподобный с крысиным лицом склонился к ребятам.

— Смотрите внимательно, дети. Пусть демоны, вселившиеся в вас, видят все. Пусть видят, что их ждет, — тогда, быть может, они оставят вас, и ваши души будут спасены.

Желудок Ника болезненно сжался в преддверии того, что вот-вот произойдет, точно умоляя отвернуться. Но отвернуться Ник не смог. Гигант вдавил клеймо в грудь Питера, и Ник увидел, как Питер сверкнул золотыми глазами и стиснул зубы, изо всех сил стараясь не закричать. Плоть его затрещала, зашипела под раскаленным железом.

Крысомордый Преподобный осклабился, и на лице его отразилось вовсе не благочестие, а неприкрытая садистская похоть.

Питер забился в путах, часто-часто задышал от нестерпимой боли, но каким-то невероятным, невозможным чудом сумел сдержать крик. Наконец Вол отнял клеймо от его груди, и глаза Питера закатились под лоб.

Только теперь, почувствовав вонь горелого мяса, вспомнив Марко и кухню, Ник понял: все это — взаправду. Понял: еще до конца этого дня и Марко, и все остальное покажется ему детскими шалостями в сравнении с этим кошмаром.

— Нет, — простонал Ник, дрожа всем телом. — Нет...

Но его тихий стон затерялся среди шума всеобщего ликования.

Капитан смотрел на помост невидящим взглядом. Он пришел на клеймение, потому что так полагалось, но его уже тошнило от всего этого фарса. Противно было видеть, как люди день ото дня все сильнее утрачивают человеческий облик, до смерти надоело смотреть на пытки во имя господ. Что на них всех нашло? Когда-то Первопреподобный был вдохновенным, одухотворенным вождем, нравственным компасом для своей паствы. Таких праведников, как он, Капитан в жизни не видел. «Дорого же обошелся нам этот остров, — подумал он. — Он незаметно, исподволь, украл наши души».

Еще один взрыв ликования — и Капитану сделалось совсем немого. Демоны или нет, какая разница? Страдания, одни страдания повсюду, куда ни глянь! Довольно. Он появился на церемонии, и хватит с него.

Капитан повернулся и двинулся прочь.

— Капитан, — раздался резкий голос за спиной.

Капитан узнал этот голос, даже не оборачиваясь. Сзади, скрестив руки на груди и испытующе глядя на него, стоял Первопреподобный. За его спиной замерли трое мальчишек в окружении охранников. При виде клеймения демона

в мальчишечьем облике с них разом слетела вся необузданность и дикость — остались лишь широко раскрытые глаза да ужас и замешательство на детских лицах. Несмотря на все усилия, Капитан невольно представил на их месте собственных сыновей, и от этого на глаза едва не навернулись слезы. «Будь у меня время, — подумал он, — я привлек бы на нашу сторону и этих. И пытки тут вовсе ни к чему».

— Вы находите сии деяния отвратительными? — спросил Преподобный.

Подчеркнутая язвительность вопроса не ускользнула от ушей Капитана. «Всегда начеку, — подумал он, — бдит, высматривает заблудших овец». Инстинкт самосохранения в нем был отточен до невероятной остроты не только столкновениями в лесу. Куда лучше он развился здесь, в деревне, среди этих божьих людей, свихнувшихся на поисках демонов и совсем забывших о главной цели — убраться с этого острова. «Те, кто боится демонов, видят демонов повсюду», — подумал Капитан.

— Нет, ваше преосвященство, — сказал он вслух, заставив себя снова взглянуть на Питера. — Если речь о клеймении этого демона на кресте, то — нет, дело не в нем.

Зрячий глаз Преподобного впился в Капитана так, что Капитан не на шутку испугался, не читает ли Преподобный его мысли.

— Но, ваше преосвященство...

Капитан запнулся. Один неверный шаг — и его самого могут заклеить, как еретика.

— Но вот о чем я думаю, ваше преосвященство: быть может, для остальных детей это — не лучший способ?

Преподобный сузил глаз и склонил голову набок.

— Не лучший способ?

Капитан понял, что промахнулся с выбором слов.

Преподобный шагнул к нему.

— Вы полагаете, что разбираетесь в сих материях лучше Совета?

«Лучше людей, бичующих себя плетью? Людей, в любой момент готовых донести на собственного соседа, брата, сестру, жену? Да, безусловно». Но Капитану еще не надое-ло жить, и потому он, как и во множестве других случаев, предпочел не высказывать того, что думает, вслух.

— Что вы, ваше преосвященство, никто в мире не может разбираться в этих материях лучше Совета. Я всего лишь подумал о том, как эти мальчики могли бы послужить Со-вету наилучшим образом. Не могли бы вы ненадолго предо-ставить их мне?

Во взгляде Преподобного мелькнуло презрение. Капитан изо всех сил старался скрыть свои истинные чувства: одно лишь слово этого человека — и он повиснет на кресте рядом с Питером.

— Капитан, Господь в бесконечной милости своей уже вознаградил сегодня ваши труды, не оставив их бесплодными. Не просите же более того, что необходимо.

— Безусловно, ваше преосвященство, — с легким по-клоном ответил Капитан, понимая, что уже зашел слишком далеко. — Сегодня Господь был более чем щедр ко мне.

Преподобный оглянулся на охранников.

— Отведите их к пруду и подготовьте.

На лицах мальчишек отразился ужас, и Капитан понял, что еще не раз увидит эти лица — в ночи, когда туман под-ступит к его порогу.

Ввалившись в хижину, Капитан задернул дверь плотным вышитым гобеленом в надежде заглушить как можно больше звуков, доносящихся с площади, привалился к косяку и глубоко вздохнул, пытаясь хоть немного прояснить мыс-ли и облегчить душу.

Домицилия, одна из немногих людей, которым он мог доверять — к счастью, еще не все на этом острове посходи-ли с ума, — вычесывала колтуны из волос мальчика. Пора-

Преподобный

зительно! Как изменился мальчишка, стоило только умыть его да причесать! По глазам Домиции было видно, что появление этого ребенка тронуло ее до глубины души, и Капитан чувствовал то же самое. Когда же рядом в последний раз был ребенок — или вообще хоть кто-нибудь, чье тело не изуродовано, а кожа не почернела?

Дэнни приканчивал миску картофеля с мясной подливой. Осушив кружку, он поставил ее на стол. Но вдруг из-за занавесей донесся приглушенный крик боли. Прекратив жевать, Дэнни отпихнул тарелку, словно не хотел, чтобы она напоминала ему о том, что он сделал, закрыл лицо ладонями и снова заплакал.

Капитан знаком велел Домиции убрать тарелку, подошел к мальчику и опустил руку ему на плечо.

— Как я понимаю, тебя зовут Дэниэл, — заговорил он. — Доброе христианское имя.

Дэнни не поднял глаз.

Капитан придвинул кресло и сел рядом.

— Дэниэл, не стоит терзаться из-за этого. Тебе нужно как можно скорее понять... у тебя не было выбора. И никто на свете не поймет этого лучше, чем я. Ведь мы с тобой — я и ты — очень похожи. Оба мы — в плену обстоятельств, оба вынуждены делать то, чего не хотим. Чего при других обстоятельствах никогда бы не сделали.

Капитан понизил голос.

— Дэниэл, если мы хотим убраться отсюда, нам друг без друга не обойтись. Но я должен верить тебе, знать, что на тебя можно положиться.

Дэнни поднял голову и посмотрел на Капитана — растерянно, но не без любопытства.

— Я хотел бы поделиться с тобой кое-какой информацией, не предназначенной для ушей Преподобного. Могу ли я довериться тебе, Дэниэл?

На лице Дэнни мелькнула надежда, и он осторожно кивнул.

— Нас окружает безумие. Оно везде, как будто его порождает весь этот остров — вместе с Преподобным и Владычицей. Ты — мальчик смысленный; я знаю, ты сам прекрасно видишь это. Ты слышишь, что там творится. Чистое безумие, но ни ты, ни я не в силах ничего изменить. Его не остановить ни тебе, ни мне. Мы можем только одно — попытаться остаться в живых.

Капитан вздохнул.

— Остальные — в руках Преподобного, в лапах фанатиков. Им надеяться не на что. Хотел бы я, чтобы это было не так, но ты сам все видел. Я дал им шанс, и они сделали свой выбор. Тебе не в чем себя винить.

Я хочу одного: убраться с этого острова как можно скорее. Но мы оба знаем: путь закрыт, а ключ — в руках Владычицы. Если нам удастся положить конец ее волшбе, туман рассеется, и мы наконец-то сможем покинуть этот ад.

Помнишь, я говорил о своих сыновьях? Когда я отправился в это плавание, старший был примерно твоих лет. Глядя на тебя, я невольно вспоминаю о них. Вспоминаю — и не могу хотя бы не попытаться помочь тебе. Дэниэл, обещаю: если ты мне поможешь, мы уберемся с этого острова вместе.

Капитан крепко сжал плечо мальчика.

— Ты поможешь мне найти Владычицу?

Дэнни согласно закивал и вдруг, крепко прижавшись к Капитану, обнял его, уткнулся лицом в его грудь и зарыдал.

Капитана никто не обнимал уже много десятков лет, и теперь, когда этот малыш уцепился за него, совсем как собственные сыновья Капитана целую вечность назад, его охватила невыразимая тоска по дому.

«Этого мальчишку Преподобный не получит, — подумал Капитан. — Ни за что. Скорее я прикончу и его самого, и его братию — всех до единого».

Ника с Лероем и Красной Костью посадили в клетку на берегу маленького темного пруда. Впрочем, эта клетка из широких полос коры и стеблей бамбука, связанных веревками, напоминала скорее корзину. Она висела в нескольких футах над землей на длинной жерди с противовесом на другом конце. Воды дать им так и не удосужились — хорошо хоть руки развязали. Ник потер рубцы на запястьях и прижался лицом к решетке. Поверх голов толпы был виден крест с безжизненно обвисшим на перекладине Питером. Его жгли раскаленным клеймом, пока он не перестал шевелиться. Это означало, что он либо без сознания, либо мертв, и Ник даже не знал, какой из этих вариантов лучше.

Толпа переместилась к пруду. Со всех сторон на Ника смотрели мрачные, напряженные лица. Многим очень хотелось полюбоваться на новые муки, но остальным явно было не по себе. Ник сделал долгий, судорожный вдох. Теперь зрелищем предстояло стать ему самому. Все тело охватила дрожь — и вовсе не от холода.

Красная Кость еле слышно застонал. Ник склонился к нему.

— Держись, брат, держись.

Веки Красной Кости дрогнули, один глаз открылся, на губах мелькнула слабая улыбка — жалкий призрак бывшего пугающего оскала. Но и эта улыбка тут же исчезла, глаз закрылся, и Красная Кость больше не шевелился. Если бы не едва заметно поднимавшаяся грудь, Ник подумал бы, что он мертв.

— Что они хотят сделать? — тонким, дрожащим голосом спросил Лерой.

Нет, это был не вопрос — скорее, просто слова, невольно сорвавшиеся с языка перепуганного мальчишки. Хотелось бы Нику сделать вид, будто он не знает ответа, но ответ был предельно ясен. Преподобный сказал, что их будут «испы-

тивать водой» — то есть топить. Представить себе дальнейшее было легче легкого. Оставалось одно — не думать о том, каково им придется в этой корзине, опущенной в темную воду грязного пруда. Может, тонуть — это не больно?

К корзине подошел Первопреподобный с растрепанной библией в одной руке и с посохом в другой.

— Господу помолимся, — провозгласил он, повернувшись к толпе. Толпа смолкла. — Благодарим тебя, Господи, за ниспосланную нам веру. Дай нам сил выполнить волю твою. Благослови детей сих и укрепи их для грядущих испытаний. Аминь.

— Аминь, — откликнулась толпа.

Преподобный опустил библию на клетку и прикрыл зрячий глаз. Толпа затаила дыхание.

— Демон! — громко, сурово воскликнул Преподобный. — Именем Господа всемогущего — изыди прочь! Оставь детей сих и воротись в бездны ада, откуда явился!

Медленно подняв голову, Преподобный открыл зрячий глаз и злобно уставился на ребят.

— Демон!!! — гневно завизжал он, брызжа слюной. — Оставь детей сих!!! Именем Отца Небесного повелеваю: изыди!

На взгляд Ника, если кто-то здесь и был одержим демоном, то именно Преподобный. Ударив посохом по стенке клетки, он устремил на Ника яростный фанатичный взгляд.

— Вижу тебя, демон! Вижу! Изыди сей же час, или познаешь боль утопления!

Преподобный склонился к клетке.

— Мальчики, — неожиданно мягко, беззлобно зашептал он, — если вы меня слышите, взывайте к Господу, молитесь, просите его ниспослать вам сил. Пусть Господь услышит вас.

Преподобный испытующе взглянул Нику в глаза, и Ник увидел перед собой совершенно другого человека — человека, исполненного сострадания и жалости. Да что там — его глаза были полны слез! Просунув руку сквозь решетку, безумный священник схватил Ника за плечо.

— Прошу тебя, мальчик, прошу: услышь же меня.

Глядя на него, невозможно было усомниться: этот человек искренне верит, что помогает им, — но от этого ситуация почему-то только становилась еще ужаснее.

— Дети! — воскликнул Преподобный. — Ради всего святого, найдите в себе силы освободиться! Посрамите демонов! Возвысьте голоса ваши! Пусть Господь услышит вас!

Многие из толпы подхватили:

— Взывайте к Господу!

— Пусть он услышит вас!

Преподобный умолк и отступил, выжидающе глядя на ребят.

«Возвысить голос? — подумал Ник. — А что сказать-то надо?»

Чего же от него ждут? Ник поразмыслил, подыскивая подходящие слова, но сумел придумать только одно:

— Господи, помоги мне.

Преподобный медленно покачал головой и кивнул двоим у противовеса на другом конце жерди. Те развернули жердь, и клетка закачалась над прудом. Лерой сдавленно вскрикнул. Многие из толпы кинулись к берегу, спеша занять места в первых рядах. Глаза их горели, точно у зрителей перед боксерским матчем.

Ник опустил взгляд к темной воде.

— Дети! — воскликнул Преподобный. — Возвысьте же голоса свои, вознесите молитву Господу!

— О, Господи!!! — завизжал Лерой. — Иисусе, господи боже, ради Христа, помоги нам! Иисусе, Иисусе, Иисусе, помоги нам!

Ник подозревал, что тут требуется что-то другое, но подхватил:

— Иисусе, пожалуйста, помоги нам!

Вдруг рядом раздался странный смех. Все разом смолкли. Красная Кость хохотал — громко, резко, от всей души. Зрячий глаз Преподобного сузился. Толпа подалась назад.

— Скажи своим ангелам: пусть идут на х...!!! — крикнул Красная Кость и снова засмеялся, на краткий миг сделавшись прежним, самим собой, диким мальчишкой с безумной ухмылкой на лице. — И вы все идите на х..!

Поперхнувшись безумным хохотом, Красная Кость закашлялся, обрызгав грудь кровью.

Преподобный помрачнел, поджал губы и махнул двоим у противовеса. Клетка начала опускаться.

Окинув взглядом лица людей, окруживших пруд, Ник увидел ненависть, страх, глаза, горящие от нетерпения в ожидании зрелища, — но это было не все. Многие были подавлены, их лица были исполнены боли, тоски — сострадания. Многие горячо молились, крепко прижав руки к груди. К ним, к этим-то людям и обратился Ник.

— Хватит! — умоляюще глядя на них, заговорил он. — Пожалуйста, остановите их!

Но никто из них не сдвинулся с места. Каждый спешил отвести глаза, кто — опуская взгляд под ноги, кто — поднимая к небу.

От теплой мутной воды воняло, как из засорившегося слива в ванне. Вода дошла до пояса, до груди, подступила к горлу... Красная Кость ушел под воду с головой и встрепенулся, ошалело сверкнув глазами. Увидев в его глазах растерянность и страх, Ник поспешно подхватил товарища, поднял его голову над водой, но было поздно — слишком поздно для всех троих. Ник глубоко вдохнул, набирая полную грудь воздуха.

— О, господи! — взвизгнул Лерой.

Клетка скрылась в воде.

«Спокойно», — подумал Ник, понимая, что из клетки не выбраться, но, если не двигаться и сохранять спокойствие, шанс выжить есть. Но в голову тут же пришла невеселая мысль: «Выжить... а зачем?» Не лучше ли утонуть и разом избавиться от других приготовленных им пыток? Что там

говорил этот Преподобный: ломаем кости, клеймим раскаленным железом, сжигаем на костре?

Тело Красной Кости конвульсивно напряглось и безжизненно обмякло. Может, он, наконец, мертв? Ник от души надеялся, что это так — пусть весь этот кошмар кончится хотя бы для него.

Давление в легких нарастало. Сверху сквозь темную зеленоватую воду сочился неяркий, мутный свет. Воздух был так близок — но добраться до него было невозможно. Боль в груди усиливалась и вскоре сделалась нестерпимой, а ведь Ник слышал, что утонуть — это почти безболезненно. Если это правда, отчего же ему так больно? Отчего кажется, будто грудь вот-вот разорвется? Пульс грохотал в ушах. В глазах расцвели, ослепительно вспыхнули белые пятна, голова наполнилась ярким призрачным светом, остатки воздуха вырвались из легких, устремились вверх густым шлейфом пузырей. Ник попытался вдохнуть, но в рот хлынула вода, горло судорожно сжалось, он задохнулся, закашлялся, глотая вязкую солоноватую жижу. Пальцы стиснули бамбуковую решетку так, что скреплявшие ее веревки глубоко врезались в кожу. Вдруг голова с плеском поднялась над водой. Жадный вдох — и содержимое желудка хлынуло наружу из носа и изо рта. Ник скорчился от приступа мучительной, болезненной рвоты, силясь вдохнуть, но только задыхаясь и кашляя. Откуда-то издали донесся стон — захлебывающийся, жалобный, будто первый крик новорожденного, и Ник не сразу понял, что это кричит он сам. Наконец рвотные позывы унялись, и он задышал, жадно, полной грудью вдыхая невероятно сладкий, свежий воздух.

Протерев глаза, залитые грязной, маслянистой водой, и проморгавшись, Ник увидел Красную Кость. Тот лежал на дне клетки-корзины. Глаза его были открыты, на бледном лице застыла необычайная безмятежность. Дикий, сумасбродный мальчишка был мертв. Ник отвернулся и сплюнул, чтобы избавиться от горького вкуса желчи во рту. Сзади

донесся кашель. Оглянувшись, Ник увидел Лероя. Тот поднимался на ноги, цепляясь за прутья клетки. Грудь его судорожно вздымалась и опадала в безуспешных попытках вдохнуть, и Ник обнаружил, что, несмотря на все пережитые мучения, еще способен жалеть, что Лерой не утонул.

— Господи, избавь их от демонов! — провозгласил Преподобный. — Говорите же, дети! Взывайте к имени Господа! Настал час отвергнуть вселившихся в вас демонов!

И так далее, и так далее... «Демоны, ангелы, господь бог, святые угодники — кому здесь какая, на хрен, разница?» — подумал Ник, пропуская его разглагольствования мимо ушей. Теперь он понимал, что, должно быть, с самого начала понял Красная Кость: всем им крышка, единственные демоны здесь — вот эти люди в длинных черных плащах, и, что ни скажи, что ни сделай, эти чокнутые садисты все равно запытают их до смерти.

В плечо вцепилась чья-то рука. Ник вздрогнул от неожиданности и оглянулся. Сзади, глядя на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами, стоял Лерой.

— Н... Н... Н-ник, — заикаясь, забормотал он. — Ч... Чувак, мне надо... кое-что тебе сказать.

Ник стряхнул его руку с плеча и отвернулся.

— Эй, Ник... ну, пожалуйста, ну, чё ты, как этот, — умоляюще захныкал Лерой. — Прости. Прости. Я полный урод. Но мне нужно сказать... послушай меня, пожалуйста. Про моего папку. Что с ним случилось. Мне очень нужно рассказать, хоть кому-нибудь. Ник, пожалуйста, прошу тебя, ты должен выслушать!

«Хрен там», — подумал Ник. У него не было ни малейшего желания тратить последние минуты жизни, выслушивая Лероя, что бы он там ни собирался сказать. Не оборачиваясь, он покачал головой.

— Ник, — Лерой всхлипнул, — ну, не надо так. Окей, окей. Я все наврал. И в тот раз, и вчера. Вот. Теперь ты меня выслушаешь? Ну, пожалуйста!

Ник промолчал.

— Знаю: я всегда сам же все и портил. Совсем как дома. Как с папкой. Но... — Лерой ненадолго умолк. — Но вот это дело с Секеу... там все было по-другому. Жуть сплошная. Понимаешь? — Лерой понизил голос едва ли не до шепота. — Этот... эта тварь... он забрался прямо ко мне в голову. Так страшно было... думал, обделаюсь.

Лерой мог бы не продолжать. Ник прекрасно понял, о чем речь.

— И глаза у него... Как огнем жгли. Он меня и заставил. Заставил. Ты же понимаешь, Ник? Ты же был там, в лесу. Я знаю, ты его тоже видел. И глаза его видел... — лицо Лероя снова исказилось от ужаса. — И тоже чувствовал — его взгляд как насквозь прожигает...

Да, сомнений у Ника не оставалось: рогатое чудовище каким-то образом проникло в мысли Лероя — точно так же, как в его собственные.

— Слышь, — сказал Лерой, — мне нужно кое-что тебе рассказать. Нужно. Пожалуйста. Пожалуйста, просто послушай, — из глаз Лероя хлынули слезы. — Я же такое сделал... такое... Это насчет моего папки.

«Господи, — подумал Ник, — это еще не все?»

— Помнишь, как все рассказывали, почему смылись из дому? — продолжал Лерой. — Потому что родители или приемные семьи с ними обращались, как с дерьмом. Они и сбежали, потому что никто их не любил. Потому что никому до них дела не было. Я тогда просто всех поддержал — сказал, что и у меня то же самое. А со мной было не так. Меня родители любили — больше всего на свете. Из всех сил старались от неприятностей уберечь. А я постоянно все портил — врал им, воровал из дому всякое, спорил, скандалил. И всякий раз, что бы ни случилось, мои предки старались что-то сделать, все исправить, дать мне еще шанс... — Лерой уже рыдал во весь голос. — А однажды я просто с ума сошел и... и знаешь, что сделал? — Лерой замаялся,

словно никак не мог выговорить то, что хотел сказать. — Я... Я его убил. Собственного папку. Собственного папку убил.

Ник в ужасе уставился на него. Это было уже слишком.

Лерой схватил Ника за руку. Ник попытался высвободиться, но на этот раз Лерой держал крепко.

— И хочешь знать, почему? Хочешь знать, из-за чего я убил родного отца?

Ник этого совсем не хотелось. Не хотелось слышать больше ни слова. Довольно было и того, что Преподобный продолжал разглагольствовать, нести какую-то напыщенную чушь о боге и дьяволе, а толпа таращилась на них с Лероем с такой яростью, будто это они собственными руками прибавляли Иисуса к кресту. Ник уже был сыт этим кошмаром по горло. Хотелось только одного — чтобы все это кончилось как можно скорее.

— Из-за пива. Я зарезал родного папку из-за пива. Из-за какого-то дурацкого пива! Хотел вынести упаковку из дому, а он не позволил. А я и пива-то не люблю. Просто хотел перед чуваками с нашей улицы выпендриться. Можешь ты в такое поверить? Началась драка, и я его заколол — прямо кухонным ножиком в грудь. Я не хотел! Богом клянусь, не хотел. Даже не помню, как это вышло. Смотрю: он на полу, кровь везде. И что? Думаешь, он меня обругал напоследок? Думаешь, убить меня хотел? Нет, он просто вот так медленно покачал головой, и взгляд у него был такой расстроенный — ты никогда в жизни таких не видел. И это он не за себя расстраивался, Ник! Не за себя, за меня! Умирал, а все думал только обо мне! Господи... — Лерой застонал так, будто это ему в грудь вонзили нож. — Никак не могу забыть его глаз...

Отпустив руку Ника, Лерой свернулся клубком, уткнулся лицом в колени, прижатые к груди, и неудержимо зарыдал.

Ник отвел взгляд, стараясь отстраниться от происходящего, уйти в себя, но в памяти тут же всплыл образ матери, ее улыбка, ее голос.

Корзина снова начала погружаться в воду. Вцепившись в бамбуковые прутья, Ник крепко зажмурился, стиснул зубы и прижался к решетке лбом.

— Мама, — прошептал он, прежде чем скрыться под водой, — прости. Прости, что я бросил тебя. Пожалуйста, прости меня, мама. Пожалуйста, прости.

Темные воды вновь сомкнулись над его головой.

Ник вынырнул из темноты. На пробуждение это было не похоже, скорее — на возвращение из небытия. Услышав приглушенные голоса, он заморгал и увидел расплывчатые темные фигуры, склонившиеся над ним. «Где я?» — подумал он. Он промок насквозь и замерз. Болела грудь. Живот раздулся и отяжелел. Горло горело огнем. Ник скрючился в неуправляемом приступе рвоты, и кто-то поспешил перевернуть его набок. Отдышавшись, он поджал колени к груди, и его вырвало снова — в желудке словно скопились целые ведра противной солоноватой воды. Казалось, кишки вот-вот полезут наружу, а Ник блевал и блевал, пока изо рта не потекли тонкие тягучие струйки желчи.

— Воскресни, дитя мое, — послышалось над головой.

Услышав этот голос, Ник вспомнил обо всем и протяжно застонал. Значит, он не умер. А ведь пытался. На этот раз он с великой радостью встретил сомкнувшиеся над ним черные воды. Но коль уж он еще здесь, выходит, все было напрасно...

Ник протер глаза и обнаружил, что лежит на берегу пруда, а рядом сидит Лерой. Глаза Лероя покраснели, лицо сделалось бледным, точно у мертвеца. Впереди на земле лежало тело Красной Кости с руками, скрещенными на груди. Две женщины заворачивали его в грязную ветхую мешковину.

— Смотри сюда, — велел Первопреподобный.

Пристально, будто пытаясь заглянуть в самую душу, посмотрев Нику в глаза, он повернулся к толпе и поманил к себе иссохшую, казавшуюся невесомой женщину:

— Ева!

С опаской, будто к паре ядовитых змей, женщина приблизилась к Нику с Лероем. Ник тут же узнал ее — это была та самая женщина, что плюнула в Питера. На ней было такое же длинное скромное платье с каймой, как и на остальных женщинах, только спутанные нечесанные волосы не были убраны под капор и свисали на глаза длинными сальными прядями. Она склонилась над Ником, и он смог разглядеть дюжины крестиков, висевших на ее шее. Крестики были связаны из костей, очень похожих на человеческие, только совсем крохотных, и Ник понял, что это кости малого народа — пикси, лесных фей и прочих волшебных созданий.

— Ева, — спросил Преподобный, — свободны ли они? Отступились ли демоны от этих детей?

Раскрытая ладонь Евы повисла в воздухе прямо перед Ником и Лероем. Прижав другую ладонь к щеке, она закатала глаза под лоб и глухо застонала. Ее пальцы начали дрожать, язык вывалился изо рта, на губах выступила пена.

Толпа замерла, следя за каждым ее движением.

Внезапно Ева схватилась за горло, выпучила глаза, точно ее душат, попятилась назад и осела на землю.

Ник смотрел на нее, не веря собственным глазам.

Две женщины из толпы бросились к Еве и помогли ей сесть.

— Эти демоны жгутся! — прохрипела Ева, устремив на Ника с Лероем длинный узловатый палец. — Жгут мне горло, как огнем!

Словно по команде, державшие ее женщины тоже схватились за глотки и со стоном рухнули на колени. Толпа тревожно загудела, остальные женщины опасливо оглянулись друг на друга, и вдруг одна из них тоже упала на колени, схватившись за горло, а за ней и вторая, и третья. Вскоре все женщины вокруг стонали, схватившись за горло, точно от нестерпимой боли.

— Это же ерунда!!! — закричал Ник. — Вы же тут все свихнулись!

— К столбу их, — приказал Преподобный.

«К столбу? — подумал Ник. — Это еще что за новости?»

Ответ на вопрос не заставил себя ждать. Трое мужчин оттащили его в поле на дальнем берегу пруда. Здесь из земли торчало несколько обугленных столбов с обгорелыми поленьями и грудами золы у подножий. Нику скрутили руки за спиной, захлестнули толстыми веревками шею, грудь и щиколотки, а затем проделали все то же самое с Лероем. Но Лерой, похоже, даже не заметил этого, а если и заметил, ему было уже все равно. Он стоял неподвижно, устремив пустой, невидящий взгляд куда-то вдаль.

Толпа, переместившаяся на поле следом за пленниками, расступилась, давая дорогу двоим, несущим котел — тот самый, что стоял на помосте рядом с распятым Питером. Из котла, из тлеющих углей торчали раскаленные клейма.

У Ника задрожали ноги. «Я этого не вынесу, — подумал он. — Бежать отсюда. Бежать, бежать поскорее!» Он отчаянно рванулся, забился в путах, не чувствуя, как врезаются в кожу жесткие веревки, не замечая ни жалобных стонов, рвущихся с губ, ни струйки слюны, текущей по подбородку.

Первопреподобный мертвой хваткой сжал подбородок Ника, удерживая голову мальчика на месте, пристально взглянул в его глаза и зашипел:

— Вижу тебя, демон. Вижу. Вижу твой страх. Оставь же этого мальчика немедленно! Оставь его — и избежишь мук от печати Господней!

— Ты же чокнутый! — заорал в ответ Ник. — На всю голову шизанутый! Не видишь — нет здесь никаких демонов, кроме тебя самого!

Здоровая половина лица Преподобного скривилась в улыбке. Очевидно, он принял слова Ника за доказательство своей правоты. Но Ник, не в силах удержаться, кричал:

— Все вы здесь помешались!!! Кретины хреновы!!!

Преподобный отвернулся от Ника и театральным жестом воздел руки к небу.

— Видите демона?! — прокричал он. — Ему не спрятаться! Не скрыться от нас и от ока Господня!

— Видим! — откликнулась толпа.

Преподобный кивнул лысому гиганту, стоявшему у котла с клеймом наготове:

— Наложите же на этих детей печать Господа нашего. Наложите, да так, чтобы демонам негде было укрыться!

— Подождите!!! — раздалось из толпы.

Преподобный развернулся на голос резко, как ужаленный. Из толпы выступил Капитан. Гигант с клеймом в руке нерешительно замер, глядя на Преподобного. Преподобный знаком велел ему подождать и вновь повернулся к Капитану. Ник ясно видел, что Преподобный с трудом сдерживает гнев.

— Капитан?

Преподобный зашевелил губами, но ничего не сказал — казалось, он никак не может подыскать нужных слов.

— Приношу глубочайшие извинения, ваше преосвященство, но у меня для вас спешные новости. Надеюсь, они вас обрадуют.

Преподобный крепко сжал челюсти.

— Говорите, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Мальчик согласен отвести нас в логово колдуньи.

«Нет», — подумал Ник.

Капитан отступил в сторону. За его спиной стоял Дэнни, но Ник едва смог узнать его. Он был острижен, умыт и одет, как... Ник задумался, но в голове вертелось только одно: «как отцы-пилигримы». Взгляд Дэнни был устремлен под ноги.

— Это правда, дитя мое? — спросил Преподобный.

Дэнни кивнул, но так и не поднял глаз.

Придвинувшись к Преподобному вплотную, Капитан негромко заговорил:

— Их не так много, как мы опасались, ваше преосвященство. Они разрознены и, более того, дерутся между собой. Если собрать всех, способных держать оружие, и нанести один решительный удар... мы сможем взять ее.

— Можно ли ему верить? — спросил Преподобный.

— Да, я в этом убежден.

— Вы многим рискуете, полагаясь на слова этого мальчика.

— Как вам прекрасно известно, наши припасы на исходе. Немногие посевы, уцелевшие после набегов этих бесенят, засохли на корню. Нам угрожает голод. Настало время решительных действий, пока на это еще есть силы.

— Понимаю.

Преподобный задумался.

— Выступать нужно немедленно, прямо сейчас, пока они не успели перегруппироваться. Ваше преосвященство, мы можем захватить ее уже сегодня. Сегодня!

Преподобный медленно кивнул.

— Да. Думаю, именно это и угодно Господу. Да. Значит, немедленно.

— Хорошо, — сказал Капитан, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Капитан, — окликнул его Преподобный.

Капитан оглянулся.

— Да?

— Я иду с вами.

От неожиданности Капитан не сумел скрыть удивления — а может, и недовольства. И это, судя по всему, заметил не только Ник, но и Преподобный.

— Вас что-то смущает?

— Ничуть, — покачал головой Капитан. — Все в порядке.

Но Ник ясно видел, что он сильно кривит душой.

Между тем Преподобный повернулся к охранникам и указал на Ника с Лероем:

— В темницу их. Закончим после моего возвращения.

Старик Струп

Капитан поднял руку, и длинная колонна остановилась перед опушкой леса. Сняв шляпу, он отряхнул ее от серой пыли и пристально, жестко взглянул на Дэнни. Никогда раньше не отваживались они на такую авантюру — забраться в самое сердце этого коварного леса, в самое средоточие его зловещих тайн. И вот теперь он сам отдает свою жизнь и жизни своих людей в руки этого мальчишки, поверив, что тот не только не обманывает, но и знает, о чем говорит.

Капитан глубоко вздохнул. За долгие годы плаваний способность разбираться в людях не раз спасала ему жизнь, и он привык доверять своему чутью. В этом ребенке не было лжи. Он, как и все остальные, просто хотел, чтобы этот кошмар подошел к концу. «А если сегодня нас всех и ждет смерть, — подумал Капитан, — так что из этого?» Ему давным-давно надоели все эти игры. Уж лучше быстрая смерть в бою, чем умирать с голоду, пока последние картофелины гниют в мертвой земле. Но Капитан не думал, что дело кон-

чится их гибелью. С ним было больше семи десятков хорошо вооруженных людей, Питер и его демоны были разбиты, и теперь его храбрецы были готовы найти волшебницу и покончить со всем этим бедламом.

Капитан махнул рукой, и люди молча, колонной по двое, с оружием наголо двинулись в лес. Путь пошел вверх, по ровному склону, и через некоторое время привел их на возвышенность, с которой открывался вид на серые окрестные земли.

Впереди, в болотистой низине, змеились два широких мутных ручья. Капитан опустил руку на плечо Дэнни.

— Который, Дэниэл? Этот, прямо под нами? — Капитан указал вниз. — Или тот, что пошире, дальше к северу?

— Северный, — без колебаний ответил Дэнни.

Капитан был рад, что мальчик уверенно помнит дорогу. Тревожило другое: мальчишка слишком уж тих, слишком ушел в себя, и Капитан прекрасно понимал отчего. Хотелось бы ему найти способ объяснить Дэнни, что он не делает ничего дурного — совсем наоборот... «Ладно, — подумал он, — у нас еще будет время на врачевание ран, только бы выбраться с этого острова, оставить все зло позади. Может, тогда и мне самому полегчает». Капитан криво улыбнулся. «Интересно, много ли нужно времени, чтобы выкинуть из головы кошмар длиной в сотни лет?»

Вскоре колонна дошла до ручья, не встретив по пути никакого сопротивления — и даже ни малейших признаков жизни. Казалось, серый лес мертв. Капитан подал знак продолжать движение. Отряд безмолвно двинулся дальше, вдоль топкого берега, вслушиваясь в тишину, всматриваясь в заросли.

Преподобный поскользнулся — второй раз за последнюю минуту. Его личный охранник, толстомясый громила Вол (настоящая фамилия — Волленберг, служил комендор-сержантом на «Криде», пока не обратился к богу), подхватил Преподобного, но в результате оба оказались по коле-

но в ручье. Мерзко оскалившись здоровой половиной лица, Преподобный раздраженно выдернул руку из здоровенных лап Вола.

Капитан сжал губы, тщательно скрывая улыбку. Даже здесь, среди его собственных солдат, власть Преподобного была так велика, что Капитана вполне могли бросить под плети, а то и убить по первому же его слову.

Капитан не мог и вспомнить, когда в последний раз видел Преподобного за стенами форта, а уж тем более — в такой глуши. Когда Преподобный шествовал по деревне, его плащ развевался за спиной весьма впечатляюще, но здесь, на топком берегу ручья, среди колючих кустов, цепляясь за ветки и собирая грязь подолом, превратился в серьезную помеху. К немалому удовольствию Капитана, Преподобный был вынужден махнуть рукой на приличия и подобрать плащ, будто бабы юбки.

На исходе дня, с наступлением сумерек, Дэнни остановился. Тени вокруг сгущались; казалось, лес подступает все ближе и ближе.

— Вот.

Дэнни поднял руку, указывая вперед. Капитан сощурился, не понимая, на что показывает мальчик.

— Что там? — спросил он.

— Камни. Тут мы переправлялись. На том берегу — Лес Владычицы.

— О, вот как, — сказал Капитан. — А ее дерево? До него еще далеко?

— Нет, не очень.

Казалось бы, после всего пережитого за день Капитан должен был чувствовать усталость, но сна не было ни в одном глазу, а сердце так и рвалось из груди. Неужели его заточение длиной в несколько сотен лет наконец-то подходит к концу? Капитан с трудом сдерживал себя — ноги сами рвались вперед.

— Пошли, — скомандовал он.

Перейдя ручей по камням, колонна двинулась в лес — вперед, к Владычице и ее дереву.

Ульфгер рассматривал Калибурн, изучая тянущиеся вдоль сломанного клинка руны. Меч выпил сегодня много крови, но на темной стали не осталось ни единого пятнышка. Скольких он выследил — десятерых, дюжину?

Он посмотрел на обугленные останки под ногами. Меч счел двоих эльфов виновными и покарал. Ульфгер глубоко вдохнул, наслаждаясь запахом правосудия Аваллаха, нагнулся, поднял оброненный факел и направился к эльфийским казармам.

— Даю вам последний шанс! — закричал он, стуча в дверь рукоятью Калибурна. — Выходите и с честью предстаньте перед судом Аваллаха, или сгорите живьем, как трусы!

Он чувствовал их, всех пятерых — заперли и забаррикадировали дверь, прячутся внутри. И, конечно, не выйдут: их страх слишком силен.

Ульфгер шагнул вбок и поднес факел к дранке у дверного проема. Старое дерево тут же вспыхнуло, и вскоре из щелей в оконных рамах и стенах повалил дым.

Закрыв глаза, Ульфгер почуял, что эльфы отступают к задней стене. Упиваясь их отчаянием, их паникой, он обошел казармы и остановился у овального окна, поджидая их. «О, Аваллах, — подумал он, — ты слишком облегчаешь мне дело».

Изнутри донесся сдавленный кашель. Ставни распахнулись, наружу повалил дым. Выпрыгнувший из дыма эльф не удержался на ногах и завертелся на земле, отчаянно протирая глаза.

Ульфгер опустил Калибурн на его шею, но не отсек эльфу голову, хотя это не составило бы никакого труда. Лезвие оставило на шее эльфа лишь царапину, слегка надрезало

кожу. Ульфгер уже знал: меч сам разберется, кому жить, а кому умереть, кто чист, а кто изменник. Пока что клинок приговорил всех, к кому прикасался. Эльф застонал, кожа его почернела, с шипением сползая с костей.

Вдруг бок пронзило острой болью. Ульфгер вскрикнул, упал на колено и с удивлением увидел застрявшее между ребрами копье.

Оставшиеся четверо эльфов выпрыгнули из окна и кинулись прочь.

Ульфгер вцепился в древко копья и, громко закричав от боли, выдернул оружие из раны. Крови не было, но рана оказалась глубокой и стало трудно дышать. Однако вскоре боль утихла, дыхание восстановилось. Ульфгер отшвырнул копье и последовал за эльфами. Те направлялись на север — в горы, в сторону Чертога Королей.

— Бегите, кролики, бегите, — улыбнулся Ульфгер. — От Аваллаха не уйти.

Ник то просыпался, то вновь погружался в сон. «Темница», в которую бросили их с Лероем, оказалась всего-навсего норой, вырытой в склоне холма. Места в ней как раз хватало на двоих. Внутри воняло мочой и потом. Лерой, сжавшись в тугой комок, забился в самый дальний и темный угол и больше не сказал ни слова. Ник отодвинулся от него как можно дальше, насколько позволяла теснота, и привалился к дощатой двери.

Сквозь щели между досками внутрь проникал свет угасающего дня — как раз достаточно, чтобы разглядеть царапины, оставленные на двери чьими-то ногтями. Ник провел пальцем по неровным отметинам. Сколько же обреченных душ провели последние дни, скорчившись в этой яме?

Темница находилась на небольшом возвышении. Внизу, ярдах в пятидесяти, виднелась деревня. Вокруг главной пло-

щади горели факелы. Сквозь щель Ник мог видеть обратную сторону креста и руку Питера, безвольно, безжизненно свесившуюся с перекладины. Время от времени мимо помоста проходили кучки женщин, выкрикивая насмешки или швыряя в Питера комьями грязи. Два охранника у помоста даже не думали хоть чем-то помешать мучительницам.

— Вот же ж пакость, — проворчал охранник, сидевший у двери, плотнее кутаясь в плащ. Голос его был груб, точно дерево, просоленное морем. — Густеет туман-то к ночи, густеет.

Дохромав до костра, стражник раздул огонь. У него не хватало правого глаза, уха и правой руки до самого плеча, а ногу ниже колена заменял грубо выструганный деревянный протез.

Запалив факел, охранник поднес его к двери и заглянул зрячим глазом внутрь.

— Все кости ломит — в туман-то. Сырость. До печенок пробирает.

Вид пустой, обезображенной шрамом глазницы был невыносим. Ник отстранился от двери.

— Что, некрасиво? — спросил стражник, растянув губы в беззубой ухмылке. — Это ваши постарались, — он ткнул пальцем в пустую глазницу. — Сперва без глаза оставили. Ничего. Слава-те, господи, второй имеется. В другой раз руки лишили. Ан нет, врешь, мне этакое жалкое увечье ни почем. Но потом наступил я в эту бесовскую ловушку — ловки вы их ставить, ой, ловки — и отхватило мне ногу по колено. Тут уж да, это мне прыти поубавило, — старик запрокинул голову и заревел, как осел. Ник замер, изумленно вытаращившись на него, и стражник умолк. — Э-э... Ты извини мои дурачества. Если не научишься смеяться над жизнью, она наверняка тебя убьет, я-то знаю, — он оглядел Ника с головы до ног. — А ты чего-то кисло выглядишь. Бьюсь об заклад, пить хочешь, да?

Проковыляв к костру, стражник наполнил мятую оловянную кружку водой из кувшина, отодвинул заслонку, закрывавшую небольшое окошко в двери, и протянул кружку Нику.

Ник недоверчиво взглянул на него.

— Бери, бери. Небось не укушу.

Ник принял кружку, выпил все до капли, утер губы и протянул кружку обратно.

— Спасибо.

Стражник приставил ладонь к обрубленному уху:

— Ась?

— Спасибо, — громче повторил Ник.

— Э-э, не на чем. Даже не знаю, чего эти-то мальчишек так мучают? По мне — головы бы вам отрубить, и все дела, так-то. Но кто старого Струпа слушать будет? Не-е. Гонору у каждого — что ты, только и знают, что обзывать друг друга грешниками. Такие все занятые, всё праведностью своей меряются... мудацье безмозглое.

Охранник сунул руку в окошко и легонько провел заскорузлыми пальцами по руке Ника. Ник отдернул руку.

Охранник поднял взгляд и нахмурился.

— Э-э, прости. И правда, нечего вонючему старому козлу к мальчишкам корявые лапы тянуть, — внезапно смутившись, старик запнулся. — Ты не думай, я и в мыслях не имел приставать. Мой Веселый Роджер уже полсотни лет не годен ни на что, кроме как отлить, и даже с этим в последнее время трудности, так-то. Просто... походи-ка с мое весь в чешуе, так и забудешь, какова на ощупь человеческая кожа, вот в чем дело-то.

Охранник помолчал, глядя в затянутое тучами ночное небо.

— А скажи-ка, парень, как оно нынче... там?

Поначалу Ник не понял, о чем речь, но тут же догадался, что старик спрашивает о мире людей.

— Звезды на небе еще есть?

Ник кивнул.

— Хотелось бы мне уметь летать. Порой даже во сне снится... Умел бы летать — улетел бы сейчас в небо от этого окаянного тумана, прямо сквозь облака, сей же час. Летал бы там и смотрел на звезды — всю ночь, до утра. Я раньше был моряком и звезды знаю лучше, чем сиськи собственной жены. Если б увидеть их еще разок... э-э, то есть, звезды, конечно, насчет женкиных сисек после стольких-то лет даже и не знаю... Увидеть бы звезды еще разок — и с меня довольно. Тогда уж можно и помирать со спокойной душой.

Охранник задвинул заслонку, дважды проверил цепочку, запиравшую дверь, поднялся и отошел к костру. Улегшись у огня и опустив голову на свернутое одеяло, он уставился в затянутое тучами небо. Казалось, старый Струп ищет в небесах хоть маленькую искорку, хоть крошечный проблеск, хоть какой-нибудь след звезд. И, как бы плохо и горько ни было у Ника на душе, в ней нашлось место для жалости к старому калеке, которому хотелось всего лишь увидеть звезды. Отчего-то сочувствовать ему было легче, чем думать о матери, об Абрахаме, Секеу, Красной Кости или о себе. Все эти мысли были слишком уж тягостны. Хотелось плакать, но не было сил. Закрыв глаза, Ник провалился в милосердный блаженный сон — глубокий сон без сновидений.

Внезапно Ник вздрогнул и открыл глаза. Что-то легонько щекотнуло щеку. Паук? Он поспешил сесть, и увидел во мраке синий огонек. Там, в щели между дверными досками, стояла синекожая пикси — да не какая-нибудь синекожая пикси, а та самая девчонка, из уборной, с растрепанной гривой белых волос.

«Откуда она взялась? Что ей здесь нужно?» — удивился Ник, потирая лоб, будто пытаясь массажем вновь запустить заклинившие в голове шестеренки.

Пикси взмахнула крылышками и едва заметно замерцала, испуганно оглядываясь вокруг, словно ее в любой момент могли схватить чьи-то невидимые руки.

Ник был рад, что с ней все в порядке. Он через силу улыбнулся ей, и, к его удивлению, она склонила голову набок и улыбнулась в ответ.

«И все-таки, что ей здесь нужно?» — подумал Ник. Между тем пикси упорхнула и скрылась из виду. Прикинув глазом к щели, Ник понял все. Дверной засов снаружи удерживала на месте только цепочка, накинутая на длинный загнутый гвоздь. Сам Ник не смог бы до нее дотянуться, и пикси дергала цепочку вверх изо всех сил. Неужели надежда есть?

Однако цепочка была слишком тяжела для такого маленького создания. Пикси едва могла сдвинуть ее с места, но, упираясь ногами в доску, дергала и дергала. С каждым рывком цепочка понемногу сдвигалась вверх, но всякий раз громко звенела о засов.

Ник взглянул на калеку-охранника, лежавшего у костра. Догорающие угли зловеще мерцали в густом тумане. Подбородок охранника покоился на груди, трудно было сказать, спит он или бодрствует.

Цепочка звякнула снова. Пикси задумалась, замахала крылышками, качнулась в воздухе взад-вперед, как будто набираясь храбрости. Ник вспомнил мертвых пикси, валившихся на веревках рядом с рыбой. Что же за ловушки эти люди придумали для них?

Пикси снова приземлилась на цепочку и вопросительно взглянула на Ника. Ник быстро закивал, подбадривая ее, безмолвно умоляя не сдаваться. Цепочка уже едва держалась на гвозде. Пикси закусил губу, уперлась обеими ногами в доску, потянула, что было сил — и цепочка соскочила с гвоздя! Пикси закувыркалась в воздухе. Цепочка упала вниз и громко лязгнула о дверь.

Ник метнул взгляд в сторону старика-охранника, не сомневаясь, что тот проснулся и все было напрасно. Но охранник даже не шелохнулся. Он спокойно лежал у костра, его грудь мерно поднималась и опускалась, и Ник поблагодарил господ, вспомнив, что старик глуховат.

Теперь, когда цепочка была сброшена, оставалось только разобраться с засовом. Просунув пальцы в щель, Ник медленно, дюйм за дюймом, принялся сдвигать засов в сторону. Наконец деревянный брус с глухим стуком упал на мягкую землю. Ник, не торопясь, отворил дверь, выскользнул из темницы и присел на корточки в тени. Сердце стучало так, будто вот-вот разорвется. «Что дальше?»

Пикси зависла в воздухе перед самым носом Ника, сделала губами долгое смачное «пр-р-р», ухмыльнулась до ушей и взмыла в небо. Миг — и крохотный синий огонек исчез в тумане. Ник невольно заулыбался. С этого момента пикси могли таскать у него еду, когда захотят.

Ник не сводил глаз с охранника, готовясь напасть, если тот вдруг проснется. Но нет, старик только мычал да храпел во сне. Наверху, выше по склону, в каких-то двадцати ярдах от Ника, темнела задняя стена форта. В таком тумане проще простого проскользнуть незамеченным, перелезть через стену и исчезнуть...

«Все. С меня хватит, — подумал Ник, направляясь к стене. — Хватит с меня всего этого безумия — Пожирателей плоти, Дьяволов, Владычиц, а особенно Питера... Питера?» Ник остановился. Туман Владычицы подступал все ближе и ближе, серебрился, мерцал в мутной ночной дымке, тянул призрачные щупальца сквозь щели между бревнами стены. От него веяло пылью и сыростью. Ник сразу же вспомнил того мальчишку в найковских хайтопах, лицо, навеки застывшее в крике ужаса, и скрипнул зубами. «А получится ли? Смогу ли я сам пройти сквозь Туман?»

Будто в ответ на его сомнения, из Тумана донеслись негромкие, едва различимые детские голоса. По спине про-

бежал холодок. Может, показалось? Ник бросил взгляд в сторону площади — туда, где на кресте висел Питер, и понял: вариантов выхода всего два, и оба — хуже некуда.

— Вот блин, — прошептал он, притопнув от досады, и поспешил назад. — Ну, Питер... Ну, только посмей меня подвести.

Беззвучно ступая по мягкой сырой земле, Ник подкрался к охраннику у костра. «Глупо, — подумал он. — Валить отсюда надо, пока не поздно». Копье охранника стояло рядом с костром, у высокого пня. Ник подхватил оружие и направил острие в грудь старика. «Давай, — сказал он себе. — По-другому никак. Если проснется, сбежать не даст. Давай, один хороший удар, и...» И все же Ник сомневался. Конечно, этот человек убьет его и глазом не моргнет. «Но, — подумал Ник, опустив копье, — он дал мне воды. Он — просто несчастный старик, застрявший в этом кошмаре так же, как я. И, если я его убью, он никогда больше не увидит звезд...»

Тут Ник почувствовал на себе взгляд и оглянулся. В дверях темницы стоял Лерой. Не двигался, не издавал ни звука — просто стоял и смотрел. Что у него на уме? Впрочем, плевать. Ник осторожно вытащил меч стражника из ножен и, с мечом в одной руке и копьем в другой, тихо двинулся к площади.

Добравшись до высокой поленницы, Ник укрылся в ее тени. Что дальше? За спиной что-то негромко стукнуло. Ник вздрогнул и оглянулся. Позади, рядом с ним, стоял Лерой. Ник вскинул меч, направив острие в его горло. Лерой съежился, но не сдвинулся с места.

— Чего тебе? — прошипел Ник, не опуская меча.

— Дай копье. Я с тобой.

— Нет, — прошептал Ник.

— Да, — ответил Лерой, повысив голос.

Ник приставил острие меча к его горлу:

— Заткнись.

С площади донесся женский смех, и Ник разглядел сквозь стелющийся над землей туман несколько темных фигур. Одна из них чем-то швырнула в Питера и закудаhtала.

Ник взглянул Лерою в глаза.

— Я иду вытаскивать Питера.

Лерой кивнул.

Проклиная собственную глупость, Ник отдал Лерою копые.

Остановившись перед какой-то деревянной постройкой, Капитан помолчал, глядя на лижущие небо языки пламени, и оглянувшись на Дэни.

— Дэниэл, что ты об этом скажешь?

Мальчик только пожал плечами. Казалось, он озадачен не меньше остальных.

— Мы на праведном пути! — громко изрек Преподобный. — Господь сокрушает наших врагов, его могучая длань ведет нас. Вот, вот тому свидетельство! — он указал на скорченные дымящиеся тельца на земле. — Сам Господь сжег их огнем небесным!

«Господь или нет, а кто-то сжег», — подумал Капитан. Он, конечно, надеялся, что это Господь, но скверное предчувствие подсказывало, что тут поработал кто-то другой, и с этим кем-то лучше не встречаться.

Он подобрал один из валяющихся мечей и осмотрел его. Прекрасный, мастерски выкованный клинок. Странно, что его бросили. Но странностей вокруг и без того было предостаточно. Капитан опустил факел к влажной земле. Земля была сплошь усеяна отпечатками маленьких ног — следами остроухого народца, а, может, и этих дьявольских мальчишек, но среди них имелись и следы огромных сапог, при виде которых Капитану стало не по себе. Он поставил в один из этих следов ногу. След оказался значительно больше.

— Куда дальше? — спросил Капитан, склонившись к Дэнни.

Дэнни указал вперед, на двор, начинавшийся за горящим зданием.

— Стройся! — заорал Капитан. — Вперед!

Ник вжался спиной в стену хижины. Через улицу, у хижины напротив, замер Лерой. Ник подал ему знак оставаться на месте и заглянул за угол — медленно, стараясь не делать резких движений, как учила Секеу.

На площади стояли два охранника, но вряд ли они кого-нибудь стерегли. Забыв о своих прямых обязанностях, они старательно развлекали парочку женщин. Одну из них Ник узнал — это была Ева, та самая, что объявила его демоном. Ник заскрипел зубами и чуть не застонал.

Ева тыкала пальцем в сторону Питера и что-то шептала остальным, тесно склонившимся друг к другу. Очевидно, что-то смешное — ее приятельница фыркнула и поспешно прикрыла рот ладонью. Стражники тоже едва сдерживали смех.

Вдруг Ева подняла брови и вытаращила глаза, будто осененная божественным озарением. Выхватив у одного из охранников копье, она указала древком Питеру в пах и оглянулась на охранников и свою приятельницу, приглашая их оценить идею. Те замерли в предвкушении. Ева ткнула Питера в пах, и все четверо зашлись в припадке беззвучного смеха, изо всех сил стараясь не расхохотаться вслух.

Лицо Питера дрогнуло. «Значит, все-таки жив», — подумал Ник.

Ева еще сильнее ткнула Питера в пах, и на этот раз он застонал. Охранники загоготали вдвое громче прежнего.

Ник кивнул Лерой и бросился вперед, сам удивляясь быстроте собственных ног. Первый из охранников даже не успел заметить нападения. Ник спрыгнул с помоста, взмах-

нул мечом, вложив в удар весь свой вес, и перерубил шею Пожирателя у основания. Голова охранника отлетела в сторону и угодила прямо в грудь Евы, сбив ее с ног. Оброненное ею копьё со стуком покатилося по булыжникам. При виде Ника глаза ее едва не вылезли из орбит, словно она и вправду увидела демона. Она разинула рот, чтобы закричать, и Ник вогнал меч ей в глотку. Острие клинка с мерзким хрустом вышло из ее затылка, но Ник не почувствовал ничего, кроме удовольствия. Наступив старой ведьме на грудь, он выдернул меч, и Ева забилась в грязи, корчась в предсмертных судорогах.

Ночную тишину расколол пронзительный визг. Подружке Евы не отказали ни голос, ни ноги. Она уже мчалась прочь с площади, без умолку визжа на бегу. Ник оглянулся на Лероя. Тот вырвал копьё из груди второго охранника, и оба повернулись к Питеру.

— Живо! — крикнул Ник, вспрыгнув на помост.

Питер разом открыл глаза.

Ник коснулся веревки лезвием меча, но в последний миг придержал руку.

— Питер, ты обещал отвести меня назад. Помнишь? Поклянись сделать это. Клянись снова, прямо сейчас, или останешься тут.

— Клянусь, — с ухмылкой прохрипел Питер.

Ухмылка не внушала доверия, но Ник с Лероем мигом сняли Питера с креста и прислонили к помосту.

— Воды, — проскрипел Питер, растирая запястья.

Ник метнулся к разведенному охранниками костру и принес фляжку. Питер запрокинул голову и принялся жадно пить. Вода хлынула на его подбородок, потекла по багровым, вспухшим следам ожогов на груди. Его заклеямили раскаленным железом пять раз.

Неподалеку слышались крики людей. Приятельница Евы не умолкала, вопя на весь мир о нашествии орды демонов, дьяволов и прочей нечисти. Ник выдернул из гнезд

несколько факелов и швырнул их на ближайшие крыши. Соломенные кровли задымились и вспыхнули ярким пламенем.

Подобрав меч одного из охранников, Ник сунул оружие в руки Питера, обнял золотоглазого мальчишку и поднял его на ноги.

— Питер, идти можешь?

— Посмотрим, — ответил Питер. Казалось, он оживает прямо на глазах.

Лерой подхватил Питера с другой стороны, и все трое поспешили покинуть площадь. Поначалу Питер спотыкался на каждом шагу, но вскоре ноги начали его слушаться, и он — пусть слегка неуверенно — пошел сам.

Из-за угла навстречу выскочила женщина. Увидев мальчишек, она застыла на месте. Питер оскалится и шикнул на нее. Женщина судорожно вцепилась в крестики на шее и бросилась бежать, едва не падая с ног.

Сзади слышались крики и лязг оружия. Вдруг из хижин впереди выступил человек в длинном плаще. Выставив вперед факел, он сощурился в темноту. Это был Преподобный — тот самый, с кротовьей мордой.

— О, как здорово, — сказал Питер, оттолкнув Ника с Лероя и окончательно утвердившись на собственных ногах. — Сейчас поиграем!

— Что за непотребство тут творится? — рявкнул Преподобный, поднимая факел.

Стоило ему разглядеть мальчишек — и раздражение на его лице сменилось ужасом.

— Дьяволы! — ахнул он.

Губы Питера скривились в зловещей улыбке.

— Верно, Дьяволы.

Швырнув в него факелом, Преподобный кинулся прочь. Питер отбил факел в сторону, так, что огонь не причинил никому никакого вреда, и устремился вперед. Даже прихрамывая, он настиг Преподобного в три прыжка и сбил с ног,

ударив мечом сзади под колени. Скорчившись в грязи, Преподобный схватился за колени и завизжал. Питер подобрал его факел и шагнул к нему.

Оглянувшись, Ник увидел, что на площади уже полно народу.

— Питер, не время для игр, — сказал он.

— О, время для игр всегда найдется, — холодно, жестко ответил Питер.

Поставив ногу на грудь Преподобного, он вонзил меч в его плечо и резко провернул. Преподобный закричал, и Питер глубоко вогнал горящий факел в его разинутый рот.

— Вон они!!! — закричали на площади.

При виде горстки людей, хромающих следом, Ник с удивлением отметил, что все это — калеки. И тут его осенило: все здоровые ушли с Капитаном на поиски Владычицы! И все же, если эти люди — калеки они или нет — настигнут их, на этом все и закончится.

— Питер! — заорал Ник. — Владычица! Подумай о Владычице!

Напоминание отрезвило Питера. Оставив охваченного пламенем Преподобного кататься по земле, он вместе с Лероем и Ником побежал к воротам.

Вскоре путь им преградили еще пятеро. Все они тоже были калеками, но, судя по их виду, настроены были решительно.

Питер издал жуткий вой и кинулся в бой. В свете факелов Ник увидел их лица — те же лица, что смеялись и глумились над ним, пока он захлебывался в клетке для испытания водой. Он тоже взвыл и рванулся вслед за Питером. К собственному удивлению, он не чувствовал ни малейшего страха — одну лишь неодолимую жажду расплатиться с врагами за все.

Нику достался Пожиратель плоти, стоявший с краю — на деревянной ноге, с крюком вместо кисти. Он держал пику на изготовку, но явно не ожидал от Ника такой стремитель-

ной и безрассудной атаки. Быстрым, едва уловимым движением отбив пику в сторону, Ник скользнул ему за спину. Пожиратель плоти хотел было обернуться, но прежде, чем он успел хотя бы поднять ногу, Ник вышиб из-под него деревяшку. Пожиратель плоти опрокинулся на спину, и Ник перерубил ему шею, вновь не почувствовав ничего, кроме удовлетворения.

Тем временем Питер расправился сразу с двумя, затем они с Ником одновременно свалили врага, оказавшегося между ними, оставив его корчиться в луже черной крови.

Раздался крик. Одновременно обернувшись, Питер с Ником увидели, как последний Пожиратель плоти вонзает меч в живот Лероя. Лерой пошатнулся, схватившись за живот, скривился от страшной боли и упал на колени.

Ник прыгнул вперед и рубанул Пожирателя плоти сзади по шее. Тот отмахнулся мечом, но не попал, и Питер прикончил его ударом в спину.

Отодвинув засов, Ник с Питером навалились на створки ворот и распахнули их наружу. Питер на миг задержался, чтобы подобрать чей-то нож и заткнуть его за пояс. Затем они с Ником подхватили Лероя, закинули его руки на плечи и скрылись в ночной темноте.

Отсветы факелов плясали на высоких отвесных стенах каньона, заканчивавшегося тупиком. Казалось, сплетение лоз, преградившее путь колонне, шевелится, извивается, точно клубок змей. Капитан покосился на шедшего рядом:

— Что скажешь, Бизли?

— Не очень-то мне это нравится, сэр.

— Именно. Мне тоже, — согласился Капитан, задумчиво покрутив ус. — Ни в малейшей степени. Может, поискать обход? Послать несколько человек вон туда, наверх. Или...

— А теперь в чем загвоздка, Капитан? — раздался раздраженный голос позади.

Капитан обернулся и увидел Преподобного с Волом, проталкивавшихся вперед сквозь строй.

— Что за проволочка? — спросил Преподобный, остановившись и заглянув в узкий каньон. — Ах, тут тупик...

Он схватил Дэнни за ворот и рывком развернул его лицом к себе.

— Мальчик, ты полагаешь, это смешно? Ты, видно, решил поиграть с нами?

— Нет! — закричал Дэнни. — Дверь прямо здесь. Клянусь. Клянусь!

Капитан положил руку на плечо Преподобного.

— Преподобный, прошу вас...

Тот скосил взгляд на плечо, и Капитан поспешил убрать руку.

— Простите, ваше преосвященство, — сказал Капитан, — мальчик говорит, что дверь спрятана за этими лозами.

Преподобный прищурился и взглянул вперед.

— И как?

— Пока не знаем.

— А почему? — рявкнул Преподобный. — Чего вы ждете? Ступайте и проверьте.

— Всему свое время, ваше преосвященство. Прежде нужно убедиться, что путь безопасен. Незачем подвергать жизни людей бездумному риску.

— Вздор! Сам Господь направляет наш путь!

— В таком случае, не согласится ли ваше преподобие пойти первым?

Преподобный полоснул Капитана жестким взглядом, но не сделал ни шагу вперед.

— Вот ты, — Преподобный указал на Бизли. — И ты. Идите и проверьте, что там.

— Ваше преподобие, — резко начал Капитан, — я отказываюсь позволить...

— Капитан! — Преподобный крепко сжал губы. — Вы вступаете на опасный путь.

Капитан глубоко вздохнул. Ах, как ему хотелось дать этому святоше по морде, лучащейся непобедимым высокомерием!

— Мои извинения, ваше преосвященство. Я лишь хотел сказать, что путь опасен, и нужно продвигаться с осторожностью.

— Вы достаточно ясно высказали свои опасения, — отмахнулся Преподобный.

Но Бизли и его товарищ Джон не двигались с места. Они смотрели на Капитана, ожидая, что скажет он. «Надежные ребята», — подумал Капитан. Он знал, что может положиться на этих двоих в борьбе с любым врагом, включая и всех этих фанатиков. Большая редкость по нынешним временам. Слишком уж многие подпали под влияние Преподобных...

Преподобный гневно уставился на обоих.

— Вы слышали, что я сказал? Сам Господь взывает к вашему мужеству. Ступайте. Немедля!

Капитан прочел в их взглядах безмолвные проклятия, но оба подчинились, отлично понимая, что иначе Преподобный, ни секунды не колеблясь, прикажет прибить их гвоздями к первому попавшемуся дереву.

Бизли и Джон медленно двинулись в каньон, обследуя скалы, камни и кусты в поисках ловушек. Дойдя до конца без происшествий, оба вздохнули с облегчением и отодвинули стебли, прикрывавшие дальнюю стену каньона. На камне за стеблями был вырезан круг.

— Есть, кэп! Что-то есть! — крикнул Бизли, оглянувшись через плечо. — Похоже, тут...

Нечто длинное взвилось в воздух, захлестнуло руку Бизли и дернуло его к скале. Поначалу Капитан решил, что среди лоз пряталась змея, но тут же понял, что двигалась именно лоза. Шипастые плети схватили обоих, обвилились кольцами вокруг рук, ног, шей и груди, точно удавы. Джон с Бизли отчаянно завопили, и Капитан рванулся вперед, но

вовремя заметил, что лозы по обе стороны каньона распрямляются, тянутся к нему, и остановился.

Глаза Бизли вылезли из орбит, он пронзительно завизжал. Раздался явственный хруст костей. Стебли лоз потянулись в стороны, выворачивая руки и ноги жертв самым неестественным образом. Отчаянный крик, отражаясь от скал, эхом заскакал над каньоном. Лозы скрутили тела людей, точно мокрые тряпки, разрывая их пополам. Кровь, кишки и ошметки плоти несчастных обрызгали листья, растекались омерзительными лужами по белым камням внизу.

«Колдовство, — подумал Капитан. — Вот она, рука Владычицы».

Люди в панике зашумели и бросились назад, толкаясь на узкой тропе.

— Стоять!!! — скомандовал Капитан. — Марк, Томас, Энтони! Всем стоять! Смирно!

Люди остановились, тревожно озираясь по сторонам.

Капитан посмотрел на Преподобного. Не выдержав обвиняющего взгляда, Преподобный отвел глаза. «Ну, теперь ходи с оглядкой, — подумал Капитан. — При первой же возможности выпотрошу, как рыбу».

— Это мальчик, — ожесточенно сказал Преподобный. — Он обманул нас! Вол, возьми мальчишку и отведи туда, к лозам!

— Нет, — сказал Капитан, смерив Преподобного испепеляющим взглядом. — Не вам обвинять мальчишку.

— Капитан, мое терпение на исходе! Я...

Капитан отвернулся от него, выхватил у одного из своих топор, поднял факел и устремился к лозам.

— Капитан! — воскликнул Преподобный. — Остановитесь!

Но Капитан не обратил на него внимания. Он подошел к лозам, ткнул пламенем факела в листву, отгоняя метнувшиеся к нему шипастые плети, и обрушил топор на основание толстого стебля у самой земли. Лезвие глубоко вонзи-

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

лось в стебель, и в воздух взметнулась струя красной жидкости. «Кровь», — ничуть не удивившись, подумал Капитан.

— Делай, как я! — гаркнул он.

Люди двинулись за ним, рубя и сжигая смертоносные растения. Вскоре лозы бессильно корчились в предсмертных муках на дне каньона, и Капитан увидел прямо перед собой круглую дверь, вырезанную в отвесной скале.

Древо Аваллаха

— **В**сё. Клади сюда, — сказал Питер, помогая Нику опустить Лероя на землю.

Лерой прижал руки к животу и тихо застонал. Сквозь его пальцы струилась кровь. Ник пожалел, что у них нет ни воды, ни хоть каких-то тряпок, и Лерою ничем не помочь.

Питер взглянул вперед — на север, в сторону гор.

— Его придется оставить, — холодно, отстраненно сказал он.

— То есть как? — спросил Ник.

— Он нас задерживает.

— Нет!!! — отчаянно вскрикнул Лерой. — Не бросайте меня! Я могу идти. Пожалуйста. Пожалуйста, не бросайте меня!

— Мы вернемся за тобой потом, — сказал Питер, но произнес это так, что Ник понял: никакого «потом» не будет.

Питер потянул Ника в сторону.

— Он все равно покойник.

— Что?

— Рана в живот, и скверная. Ничего не поделаешь.

— Откуда тебе знать? — возразил Ник. — Может, выживет. Отнесем его к Владычице, и...

— Ты что, не видишь? Ему и полпути туда не осилить.

Лерой снова застонал и скрючился чуть ли не вдвое. Крупные капли пота на его лбу блестели в отсветах пламени горящих хижин. Взглянув назад, Ник заметил кучку вооруженных людей, столпившихся у ворот.

— Боже мой, Питер, он только что спас тебе жизнь, а ты собираешься оставить его тут? Вот этим людям?

— Нет, им я его не оставлю, — холодно ответил Питер.

Ник поднял на него непонимающий взгляд.

Тайком от Лероя Питер вынул из-за пояса нож.

— Рана в живот — это медленная мучительная смерть, — прошептал он. — Лучше покончить с этим поскорее. Поверь, это милосерднее.

Но Ник никак не мог поверить своим ушам.

— Ни за что! Так нельзя!

Лицо Питера закаменело.

— Не мешай, — с угрозой в голосе сказал он, шагнув мимо Ника к Лерою. — И без этого нелегко.

Увидев его лицо, Лерой оцепенел от ужаса.

— Питер, пожалуйста, — заскулил он. — Пожалуйста. Я могу идти.

Ник прыгнул к Питеру и направил острие меча ему в грудь.

— Перестань! Перестань сейчас же!

— Вот ты, значит, как?! — зарычал Питер. — Как с Секеу?

— Что? Нет! — Ник замотал головой. — Ты не знаешь...

Но прежде, чем он хоть глазом успел моргнуть, Питер отбил его меч в сторону, ударом в подбородок сбил его с ног, прижал коленом к земле и приставил к горлу нож.

— Вот как? Так Расскажи мне, Ник, что случилось? Что случилось с Секеу? Рассказывай живо. Скажешь правду —

может, и оставлю в живых. Соврешь — обещаю, умирать будешь долго и страшно.

Острое ножа кольнуло шею, по коже теплой струйкой потекла кровь. Питер жутко, бешено сверкнул глазами.

— Ник, ты вот-вот умрешь. Говори!

— Это не я!!! — заорал Ник.

— А кто?

— Лероя спроси!

Питер устремил взгляд на Лероя. Тот сжался, как загнанный в угол зверь, и быстро замотал головой.

— Нет!!! Это не я! Это не я ее!.. Это он! Тот, с рогами! — Лерой всхлипнул. — Тот, огромный, с рогами — это он меня заставил! Заставил сделать это. Заставил! — Лерой уже плакал навзрыд. — Питер, ты должен мне верить...

Глаза Питера сузились, губы сжались в тонкую нить. Оттолкнув Ника, он шагнул к Лерою.

— Нет!!!

Лерой попытался встать, но вскрикнул от боли, схватился за живот и упал. Сквозь его пальцы хлынула кровь, и Лерой судорожно засучил ногами в пыли, отползая подальше от Питера.

Питер схватил его за плечо и рывком поднял на колени.

— Врешь! Мне до смерти надоело твое вранье. Ты хоть понимаешь, что натворил?

Лерой сложил руки перед грудью, будто для молитвы.

— Прости. Прости меня...

Питер наотмашь хлестнул его по щеке.

— Заткнись!!! — крикнул он. — На твоей совести головы всех погибших ребят! Ты уничтожил Дьявол-Дерево!

С этими словами Питер вонзил нож в грудь Лероя.

Лерой устремил на Ника полный ужаса взгляд, словно моля о помощи. Миг — и его глаза закатились под лоб и остекленели.

— Ты и этой милости не заслужил!

Питер презрительно сплюнул, выдернул нож и выпустил Лероя. Лерой безжизненно рухнул в грязь.

— Боже мой, — прошептал Ник, глядя на лужу крови, растекающуюся из-под мертвого тела.

Питер подошел к Нику.

— Пошли.

— Ты спятил! — заорал Ник.

Питер двинулся вперед.

— Безумие! — крикнул Ник ему вслед. — Вот все, что я здесь нашел. Может, сам Авалон порождает его? Может, это в природе волшебства — сводить всех с ума?

Питер остановился и обернулся. Глаза его полыхнули огнем.

— А что мне, по-твоему, было делать? Думаешь, я не знал про Абрахама? Во всем, что случилось с Лероем, виноват он сам. Всему виной его предательство и вранье. Он же все уничтожил, все! — Питер с силой ударил кулаком в ладонь. — Мог бы — прикончил бы его еще раз.

— Ну да, конечно, он один во всем виноват, — с сарказмом ответил Ник. — Я видел головы на стене форта. Сколько ребят ты привел сюда? Сколько их погибло, спасая твою драгоценную Владычицу?

Питер помрачнел.

— Даром ничего не дается. Или ты еще не усвоил этого?

— И скольких жизней она стоит?

— Я бы хоть тысячу жизней отдал, чтобы спасти ее!

— То есть отдал бы жизни тысячи ребят, чтобы спасти ее. Так?

Питер прыгнул к Нику, схватил его за плечо и приставил нож к его горлу.

— Давай! — крикнул Ник. — Подумаешь, что для тебя еще один? Подумаешь, еще одна голова там, на колу? Ты — чудовище, самое худшее из чудовищ. Обманываешь ребят лживыми обещаниями, они тебе верят, любят — чуть, блин, не молятся на тебя! А ты? Ты что делаешь? Ведешь их на

смерть! Сколько, Питер? Сколько ребят погибло за твою проклятую Владычицу?

Лицо Питера исказилось в гримасе мучительной боли. То ли замычав, то ли зарывав сквозь стиснутые губы, он опустил нож и оттолкнул Ника.

— Владычица завладела твоей душой, — сказал Ник. — Разве не видишь? Разве не понимаешь? Она же околдовала тебя.

— А что такое любовь, если не колдовство? — крикнул Питер. — Ник, я надеялся, что ее любовь отыщет дорогу к твоему сердцу, откроет тебе глаза на волшебство вокруг. Надеялся, ты поймешь: есть вещи, за которые стоит сражаться и даже умереть. Думал, в тебе есть что-то особенное. Ну и дурак — доверился мальчишке, который бросил свою собственную мать! Ты слеп. Слеп, как любой из людей — к волшебству, к любви, к верности. Неужели так и будешь бегать от всех до конца жизни?

Ник покачал головой.

— Ты опять за свое? Все еще хочешь одурачить меня и использовать? Для тебя все это — грандиозная игра. Нет, Питер. Хватит болтовни. Я больше не играю, — Ник показал в сторону побережья. — Туман там. Веди меня обратно. Сейчас же.

Питер расхохотался.

— Это ты сошел с ума!

Ник смерил его злым взглядом.

— Ты что, серьезно? — продолжал Питер. — Забудь об этом. Мне нужно к Владычице. На кон поставлено все.

— Я не собираюсь умирать за твою Владычицу. Я нужен своей матери.

— Не сейчас, Ник.

— Если бы не я, ты до сих пор висел бы на кресте.

Питер молча пожал плечами.

— Ты же поклялся. Или твое слово ничего не стоит?

Питер лукаво улыбнулся, будто только что объявил противнику мат.

— Я скрестил пальцы.

— Что? Что за херню ты несешь?

— Таковы правила. А ты забыл проверить.

Ник понял, что Питер не шутит.

— Что за бред! Питер, блин, это же не игра!

Питер снова пожал плечами и двинулся вперед.

Ник смотрел ему вслед — смотрел, пока Питер почти не скрылся из виду. Он поглядел на Лероя. Тот продолжал смотреть на него остекленевшим взглядом, будто моля о помощи. Ник оглянулся на горящий форт, на Туман за его стенами, глубоко вздохнул и последовал за Питером.

Каньон наполнился дымом. Пахло горелой листвой. Даже срубленные, лозы изгибались, свивались в кольца, но на большее были уже не способны. Капитан задумчиво посмотрел на круг, вырезанный в камне.

— Толкайте! — велел он.

Солдаты навалились на край круга. Раздался скрежет, и каменная дверь повернулась, открывая темный туннель в скале.

Все поспешно шагнули назад, чтобы избежать возможных ловушек — а еще, как несложно было догадаться, чтобы не пришлось войти в туннель первыми.

Оглянувшись, Капитан заметил злобный взгляд Преподобного. Да, пожалуй, на этот раз Сэмюель Карвер зашел слишком далеко. Пожалуй, не стоило так испытывать судьбу. Весьма возможно, Преподобный велит высечь его по возвращении в лагерь, но этого Капитан допускать был не намерен. «Скоро все кончится, — думал он, — и вот тогда я позабочусь, чтобы тебя повесили, как самого обычного преступника».

Выставив перед собой факел, Капитан заглянул в темный туннель и обернулся к своим.

— Добровольцы есть?

Опустив взгляды, солдаты принялись поправлять пояса и доспехи. Капитан вздохнул и обнажил шпагу.

— Тогда за мной!

Шагнув в темный проход, он побежал на тусклый свет впереди. «Здесь они нас и возьмут», — думал он, готовясь к нападению. Но впереди не оказалось ни засады, ни ловушек — только мягкая, покрытая мхом тропинка, ведущая к бурному ручью на крутом склоне.

Из туннеля, один за другим, потянулись люди. Ночной туман замерцал в отсветах факелов. Построившись в колонну по двое, все обнажили оружие и двинулись вперед по тропе, готовые ко всему, что могло бы встать у них на пути. Но лес был тих. Единственными признаками жизни, замеченными Капитаном, оказались крохотные огоньки, мелькавшие среди листвы.

«Слишком уж просто, — подумал Капитан. Все это ему совсем не нравилось. — Где же враги? Чего они ждут?»

Впереди высился огромный утес, с вершины которого падали вниз струи дюжины водопадов. Казалось, белоснежные скалы светятся сами по себе — да так ярко, что и в факелах почти не было нужды. Все это было бы просто прекрасно, если бы не было черным колдовством.

— Дэниэл, мы на месте? Ее логово здесь?

Дэнни кивнул.

— Который из водопадов? Где она прячется?

Мальчишка колебался.

— Дэниэл, — прошептал Капитан, — не сомневайся: так нужно. Подумай: сколько народу погибло из-за нее! Освободись от ее чар!

Дэниэл медленно поднял руку и указал на самый маленький, самый дальний и неприметный из водопадов.

Капитан повел людей вперед. Там, за падающими струями, действительно виднелся проход. Обернувшись, он обвел взглядом лица своих людей — тех, кто верно служил ему в море и здесь, среди всех ужасов этой страны демонов, тех, кто сумел сохранить разум, несмотря на все бедствия, мучения и пытки, постигшие их всего лишь за то, что они причадили не к тому берегу. Капитан был готов покончить с этим кошмаром. Он жаждал прикончить демона, мучившего его целую вечность, и видел, что его люди жаждут того же.

Капитан поднялся на ступени. Сердце рвалось из груди. Он даже не представлял себе, что за волшебба может ожидать их там, за водопадом, и не задумывался об этом. Он знал одно: настал час расплаты. Так или иначе, сейчас со всем будет покончено.

— Товсь! — крикнул он. — По моей команде...

Напившись досыта, Питер опустил голову в ручей. Холодная вода освежала, возвращала к жизни. Наконец он перекатился на спину и растянулся на песчаном берегу, чтобы перевести дух, забыть о вздувшихся на груди волдырях и бесконечных синяках и ссадинах по всему телу.

«Сколько же этих Пожирателей плоти?» Там, в форте, он пытался считать, но видел только тех, кто проходил мимо. Так сколько же? Сорок? Нет, он понимал, что принимает желаемое за действительное. Один раз он уже сильно недооценил их численность, и повторять этой ошибки не стоило. По меньшей мере шестьдесят-семьдесят, а то и еще больше.

«И где они сейчас? Далеко ли от Гавани? А может, Дэнни не запомнил дорогу?» Да, решил Питер, шансы на то, что они заплутали, очень даже неплохи. Если так, он может собрать эльфов, ведьму, уцелевших в утренней битве Дьяволов — все вместе они сумеют разделаться с врагами по одному. Да, опасно, но иначе Владычицу не спасти.

В голове вновь прозвучали слова Ника: «Ты ведешь их на смерть... Сколько ребят погибло за твою проклятую Владычицу?» Питер нахмурился. «Вот дурак. Что он во всем этом понимает? Ладно. Не время сейчас об этом. Сначала спасем Владычицу».

Из зарослей на поляну выломился раскрасневшийся, запыхавшийся Ник. Тяжело дыша, он припал к воде и принылся жадно пить.

Пришлось признать, что мальчишка неплох: Питер почти не задерживался в пути ради него.

Почувствовав, что на него смотрят, Ник оглянулся, и Питер отвел взгляд.

— Пошли, — сказал он, позволив мальчишке минутку передохнуть. — Дьявол-Дерево уже недалеко.

Круглая дверь в Дьявол-Дерево оказалась закрыта, но не заперта. Питер осторожно толкнул ее и, держа меч наготове, заглянул внутрь. Почти все факелы догорели, в зале царил зыбкий полумрак. Следов боя видно не было.

— Эй!

Не получив ответа, Питер вошел внутрь и кинулся к оружию. Ник последовал за ним.

— Быстрее, — сказал Питер. — Бери, что нужно, и пошли.

Он отшвырнул меч Пожирателя плоти, схватил два клинка по руке, крест-накрест перекинул перевязи через плечо и поспешил к корзинам с припасами у очага, чтобы разжиться едой, но, увидев тело Секеу, остановился. Оно все еще лежало под одеялом, на том же самом месте. При виде волны длинных черных волос на полу у Питера задрожали руки.

Подошедший сзади Ник молча остановился рядом.

На полу у очага лежала Маладриэль. На лезвии меча темнела кровь Секеу. Питер поднял меч и тщательно вытер клинок.

— Ник, — глухо проговорил он, — Секеу хотела бы, чтобы он остался твоим.

Ник сдвинул брови и посмотрел на клинок, будто на что-то злое и опасное.

— Хороший клинок, — сказал Питер. — От него может зависеть, попадешь ты домой или нет. Секеу бы одобрила. Ты ведь сделал для нее все, что мог, — Питер немного помолчал. — На этом клинке ее кровь, и ее дух навсегда стал его частью. Возьми его.

Ник посмотрел Питеру в глаза, и Питер заметил, что он смаргивает слезы. Кивнув, Ник принял меч и раскрыл было рот, чтобы что-то сказать, но вдруг из дальнего угла зала донесся какой-то звук — негромкий скрежет металла о камень. Переглянувшись с Ником, Питер кивком указал в дальний угол, и оба, заходя с разных сторон, двинулись на звук с мечами наготове.

— Эй, там, — негромко позвал Ник.

Питер метнулся вперед и увидел Амоса, амишского мальчишку, изгнанного из дома собственными родителями. Он лежал на койке, наполовину укрытый одеялом. Его нога и живот были забинтованы, лицо побледнело. В руке он сжимал жестяную кружку — пустую, как и ведро, стоявшее у изголовья.

— Питер, — тихо, но восторженно прохрипел он. — Питер, мудило грешное, ты жив!

Ник схватил ведро и метнулся в уборную за водой.

— Амос...

Питер опустился на колени у его изголовья, стараясь не смотреть на окровавленные бинты. Насколько все плохо, можно было и не спрашивать. И без того было видно: мальчишка при смерти. В голове снова раздался голос Ника: «Сколько ребят погибло за твою проклятую Владычицу?»

Но Амос заметил взгляд, брошенный Питером на его перевязки.

— Всего лишь царапина, бывало и хуже, — сказал он, совсем как Джон Клиз в роли Черного рыцаря*.

— Амос, где все наши?

— Чтоб я знал! То есть как-то все закрутилось — одно за другим... Сплошной бардак начался после этой засады, маму их...

Вернувшийся с ведерком воды Ник наполнил кружку Амоса. Амос выпил все до дна, и Ник налил ему еще. Смерив Ника подозрительным взглядом, Амос вопросительно уставился на Питера.

— Эй, Питер, а мы разве не должны прикончить этого паразита?

— Нет, — вздохнул Питер. — Потом объясню. Ты сначала расскажи, что тут за дела.

— Сам не знаю. После засады все, понимаешь, разбежались кто куда. Я наткнулся на Гека с Резаком, они меня сюда и притащили. Потом Дьяволы, кто еще остался, заглядывали по одному. Таннгност ушел — отправился искать хрен знает что. Потом Драэль с кучкой эльфов приходил, тебя искал. Сказал, Ульфгер убивает всех, кого встретит. А еще...

— Ульфгер?! — перебил его Питер. — Нет, ты что-то путаешь. Не может быть.

— Хрен там — «путаешь». Все так и есть. Драэль сказал, у Ульфгера шлем и меч Рогатого, и никому его не одолеть.

Питеру тут же вспомнилась фигура на холме. Он еще решил, будто это — сам Рогатый... Мог ли это быть Ульфгер? А Лерой? Выходит, он не врал, когда рассказывал о рогатом демоне? «Нет, — подумал Питер, чувствуя на себе взгляд Ника. — Невозможно».

Амос закашлялся, скривился от боли и схватился за живот.

* *Черный рыцарь* — персонаж фильма «Монти Пайтон и Священный Грааль» британской комик-группы «Монти Пайтон»; произносит эти слова, лишившись руки в поединке с королем Артуром.

— Прости, брат. Болит, зараза... Так, о чем я? А, да, эльфы. По-моему, кто-то из них пошел к ведьме — предупредить. А потом... потом... Блин. Даже не знаю. Все в башке перемешалось. Кажется, тролль вернулся и долго тут разорялся о чем-то. Сам знаешь, как это с ним бывает. Планов ни у кого никаких, что делать — хер знает... Да, и про самую-то пакость чуть не забыл. Один из этих эльфов вернулся. Сказал, к Владычице идет армия Пожирателей плоти. Вот тогда все и ушли — Дьяволы, эльфы, тролль — все.

— Сколько? — спросил Ник.

— Чего «сколько»? — переспросил Амос.

— Дьяволов сколько осталось?

— Ох... — Амос помрачнел. — Со мной, может, девять или десять.

Сердце Питера сжалось. Он опустил взгляд. Нику и говорить ничего не требовалось — Питер прекрасно знал, что он думает.

— А что со Сверчком? — спросил Ник так, будто боялся услышать ответ.

— Это — с новой девчонкой-то? — уточнил Амос.

Ник кивнул.

— Все нормально с ней.

Ник облегченно вздохнул.

— Амос, — заговорил Питер, — прости, но нам тоже придется уйти.

— Вот и зашибись, — ответил Амос. — А то уже насквозь тут все провоняли — дышать нечем.

Он ухмыльнулся Питеру. Питер попытался ухмыльнуться в ответ.

— Мы вернемся сразу, как сможем, — сказал он, тут же возненавидев себя за то, как неискренне прозвучали эти слова.

— Конечно, — подмигнул в ответ Амос. — Я буду тут. На страже, понимаешь.

Пока Ник снова наполнял ведро водой, Питер наскреб миску орехов и сушеных ягод и оставил ее у изголовья раненого. Закрывая за собой тяжелую дверь, он изо всех сил старался не думать о том, что оставляет Амоса умирать в одиночестве, и заглушить обвиняющий голос Ника в голове: «Сколько ребят погибло за твою Владычицу?»

— Я — первым, вы — за мной! — крикнул Капитан.

Люди столпились за ним на каменном уступе — с обнаженными мечами, с застывшими лицами, готовые сражаться с любимыми демонами, ожидающими их.

— Сейчас посмотрим, что там, — сказал Капитан.

Сделав глубокий вздох, он рванулся вперед.

Струи воды сильно хлестнули по затылку, и Капитан едва не врезался в стену, но прошел водопад насквозь. Подошвы сапог громко простучали по полу небольшой пещерки, и Капитан увидел перед собой зеленый сверкающий мир — пышную листву, нависшие над головой скалы, сверкающие золотые жилы в белом камне. Пройдя еще с десятков шагов, он оказался на берегу маленького тихого пруда. Опустив шпагу, он оглядел сад. Люди, один за другим вошедшие следом, молча собрались за его спиной.

Нет, здесь их не поджидали орды демонов — только крылатый народец во всем своем разнообразии, круживший в воздухе или сидевший на цветущих лозах и кустах, да дюжины кротких животных — кролики, олени, белки, разноцветные обезьянки, птицы всех видов. Все они молча наблюдали за людьми. Безмятежность, полный мир и покой, так не похожие на дьявольское логово, которое они ожидали найти, заставили всех забыть, зачем они пришли сюда.

Всех, кроме Капитана. Владычицы нигде не было видно, но Капитан без труда нашел ее яблоню. Она стояла в самом центре святилища — казалось, дерево плавает посреди пруда.

— Наконец-то, — сказал Капитан.

Он взял у своего сержанта топор, вошел в воду, проплыл последние несколько ярдов и выбрался на маленький островок.

«Вот оно, — подумал он, — после всех этих лет... Вот оно». Он вскинул топор и только тогда увидел на дальнем берегу ее — Владычицу. Она сидела на троне из белого камня, и Капитан понял, что она все время была здесь, просто он принял ее за скопление цветов и бабочек.

Владычица встала, и тогда Капитан увидел, что она и вправду состоит из множества бабочек — из тысяч крохотных белых мотыльков. Стройная грациозная фигура проплыла к пруду и остановилась на его поверхности, оставив на воде лишь мельчайшую рябь. Он посмотрел ей в глаза, в глубокие лазурные глаза, и тут же понял свою ошибку. Взгляд Владычицы пронзал до глубины души. Все вокруг сделалось бесконечно далеким, словно во сне. Голос Владычицы зазвучал в голове сладостной музыкой:

— Капитан, — позвала она. — Идемте. Я отведу вас домой.

«Песня сирен, — подумал он. — Песня смерти». Но эта песня целиком овладела им. Хотелось лишь одного — последовать за Владычицей в пруд. «Да. Мой дом там, на дне пруда. Там ждут меня жена и дети». Топор выскользнул из рук.

Где-то в невероятной дали завыл, закаркал Преподобный, вознося молитвы небесам, приказывая людям сжечь логово демонов дотла, истребить все порождения Сатаны. Власть Владычицы дрогнула, ослабла.

— Нет!!! — прошипела она, повернувшись к людям.

Фигура Владычицы выросла, сделавшись вдвое выше любого из людей. Бесчисленное множество бабочек, составлявших ее тело, из белых стали красными, потом черными. Владычица широко раскинула руки. Золотые жилы в скалах померкли, в саду потемнело. Пруд замерцал зловещим зеленоватым светом, над водой поднялся туман. Капитан по-

чувствовал, как все его тело покрывается гусиной кожей: поверхность пруда всколыхнулась, и к людям, извиваясь, поползли зловещие тени — тысячезубые твари с длинными костлявыми пальцами. Сад огласился их стоном и воем.

— Прочь! — крикнула Владычица. Голос ее загремел среди нависших над садом утесов. — Прочь, не то мои дети унесут вас в Туман, и бродить вам там целую вечность вместе с вашими заблудшими собратьями!

Люди дрогнули, остановились, заозирались, готовясь к бегству.

— Стоять! — скомандовал Преподобный. — Все это лишь дым да морок. Она не властна над детьми Господа!

В доказательство своих слов он бросился к Владычице. Туман затрепетал, закружился у его ног. Преподобный ударил Владычицу посохом, и ее тело тут же распалось на тысячи черных бабочек.

Почувствовав, что свободен, Капитан взмахнул топором и изо всех сил обрушил лезвие на ствол яблони. Топор глубоко вошел в мясистую кору, впился в дерево, из раны тугой струей брызнула кровь. Владычица вскрикнула, будто сталь впилась в ее собственную плоть. Капитан ударил еще, и Владычица вновь застонала, но не от боли, а от великой печали. Черные бабочки посыпались вниз, замертво падая на поверхность пруда.

Люди рассыпались по саду, истребляя животных и топча каблуками малый народец.

Вода вокруг островка забурилась, и Капитан увидел внизу серебристую тень, поднимающуюся из глубины. Над поверхностью пруда появилась Владычица — на этот раз не обман зрения, Капитан прекрасно видел тонкокостную женщину из плоти и крови, с призрачно-белой кожей и томными оленьими глазами. Взгляд Владычицы устремился на него, ослепительно-голубые глаза завораживали, приковывали к себе. Она протянула руки вперед, и в голове Капитана вновь зазвучал ее голос:

— Капитан, прошу вас, идемте. Я отведу вас домой. Ваши дети зовут вас.

И Капитан внезапно услышал их голоса — голоса сыновей, зовущих его по имени, зовущих вернуться домой.

— Нет, — прошептал Капитан.

Оторвав взгляд от Владычицы, он уперся ногой в ствол яблони, выдернул топор, высоко вскинул его и ударил — еще, еще и еще... Белые листья посыпались вниз, будто снежные хлопья. С каждым ударом голос Владычицы слабел, утрачивал властность, превращался в обычную мольбу. Чья-то рука вцепилась в сапог. Владычица дотянулась до берега и дернула его за ногу, но она была слишком хрупка, слишком слаба, чтобы свалить его и утащить в воду.

Тем временем люди запалили решетки, увитые плющом и виноградом. Воздух наполнился дымом и треском пламени. Вода в пруду покраснела от крови волшебного дерева. Последний удар — и яблоня, повинувшись силе тяжести, медленно опрокинулась в пруд.

Мерцание воды померкло, туман рассеялся. Подплыв к дереву, Владычица обняла его ветви, прижала их к груди, точно мать — младенца.

— Ее волшба развеяна! — торжествующе закричал Преподобный. — Приведите ее ко мне.

Четверо бросились в воду, опутали Владычицу сетью, вытащили из пруда и поволокли по грязи к ногам Преподобного.

Заметил звезду на шее Владычицы, Преподобный сорвал ее и втоптал в грязь. Сорвал и золотые застёжки, скреплявшие ее одеяние, и швырнул их на камень.

— Проверьте, не прячет ли она еще каких-нибудь бесовских амулетов, — приказал он.

С Владычицы сорвали платье и пинком сбили ее с ног.

Владычица подняла голову и обвела диким, испуганным взглядом сад — охваченные пламенем цветы и кусты, изувеченных животных, фей, пикси, нимф, и, наконец, Дерево. Из

ее горла вырвался протяжный отчаянный вопль. Люди отступили на шаг. Она поднялась на ноги — обнаженная, в грязи, в крови и саже — раскинула руки, запрокинула голову и завывала. Вой ее эхом отразился от сводов, от каждой скалы и уступа. Поверхность пруда подернулась рябью. Земля под ногами Капитана дрогнула, несколько камней, сорвавшись со скал, рухнули в сад.

— Демон! — вскрикнул Преподобный и ударил Владычицу посохом в лоб.

Владычица упала на колени, зашаталась, будто пьяная, по ее лицу потекла кровь. Ее схватили, захлестнули шею веревочной петлей и потащили прочь из святилища, мимо трупов и языков пламени.

Только теперь ушей Капитана достигли крики раненых и изувеченных, по ноздрям ударил резкий запах горячей плоти. Закашлявшись, Капитан снова взглянул на яблоню. «Сделано! Сделано, наконец!» Листья дерева жухли, серели прямо на глазах. Трава под ногами — тоже. Кусты, лозы, цветы, плоды — куда ни взгляни, везде было одно и то же, все жухло и увядало.

Стоило листьям засохнуть — и огонь охватил весь сад. Люди ринулись к выходу. Земля задрожала вновь, скалы начали трескаться, огромный валун рухнул с вершины и скатился в пруд. Кроваво-красная волна залила берег. Капитан прыгнул в воду и поплыл. Неподалеку рухнуло горящее дерево, окатив его градом пепла и искр. Выбравшись на берег, он помчался к выходу, спотыкаясь об изуродованные трупы, щурясь от дыма и искр. Остановившись на пороге пещеры, он в последний раз оглянулся на сад, теперь превращенный в адское пекло. «Наконец-то, — подумал он, шагнув в водопад. — Наконец-то все это кончилось».

Паром

«Теперь не уйдут», — подумал Ульфгер.

Эльфы миновали Чертог Королей, взобрались на самую вершину горы, и теперь им некуда было бежать. Ульфгер видел их — на краю обрыва, куда не отважился бы забраться и горный козел, цепляющихся за камни под напором хлещущего ветра.

До них было не добраться — то есть не дотянуться мечом, но Ульфгер чуял их страх и сосредоточился на нем — чтобы их затрясло, чтобы от страха ныли зубы, чтоб эльфы ослабли, сорвались вниз.

Вдруг в голове ослепительно вспыхнула нестерпимая, жгучая боль. Ульфгер не смог сдержать крика, и в голове снова вспыхнула боль, будто кто-то ударил по шлему.

— Хватит! — закричал он, изо всех сил сжав шлем ладонями и упав на колено.

Земля под ногами задрожала. Над долиной внизу взвился столб черного дыма. Похоже, дым шел из Гавани. Ульфгер потянулся мыслями туда, ища, щупая, но тут можно

было обойтись и без шлема. Далеко внизу виднелось множество факелов — армия Пожирателей плоти шла назад, возвращалась из Гавани.

— Нет!!! — закричал Ульфгер. — Нет! Не может быть! Откуда они там? Их там не может быть!

И вдруг он понял, откуда взялась эта боль. «Они срубили Древо». С губ сорвался стон, Ульфгер затрясся всем телом. «Они срубили Древо Аваллаха!»

Гора вновь зарокотала, вздрогнула так, что Ульфгеру пришлось уцепиться за камень. С крутых утесов покатались вниз огромные валуны. Поднявшись на ноги, Ульфгер двинулся наверх. К тому времени, как он добрался до Чертога Королей, пожар в Гавани озарил всю долину.

Нетвердым шагом войдя в зал, он замер на пороге, лицом к лицу с разоренными гробницами. Повсюду валялись кости, расколотые черепа оскалились навстречу, обвиняюще уставившись на него темными пустыми глазницами.

— Нет! Нет!!! Я не виноват!

Пинком разметав черепа, он споткнулся и рухнул на борт лабды. На дне ее лежало иссохшее тело отца. Теперь его глаза смотрели на Ульфгера с тоской, с жалостью.

Гора снова вздрогнула. По стенам зазмеились трещины, одно из окон, разбившись, выпало наружу.

— Видишь, что они наделали? — всхлипнул Ульфгер. — Видишь? Ты смеялся надо мной, а теперь посмотри сам. Отец, они разрушили все, видишь?

Вдруг он услышал голоса — тысячи миллионов голосов, крики всех, кто когда-либо жил и умер на Авалоне. Их плачем звенел под шлемом, пока у Ульфгера не зазвенело в голове. Стоны и плач распирали голову — казалось, из ушей вот-вот хлынет кровь. Ульфгер пронзительно вскрикнул, сорвал шлем с головы и швырнул им в отца.

— Не нужен мне твой шлем! Не нужен!!!

Часть потолка обвалилась, осыпав Ульфгера осколками стекла и камня, в дыре над головой показалось небо. Ульф-

гер забрался в ладью, рухнув прямо на иссохшие останки отца, укрываясь под мертвым телом, сжался в комок и впился ногтями в лицо.

— Возьми меня с собой! — зарыдал он. — Отец, прошу тебя, пожалуйста, возьми меня с собой!

Ночную тишину прорезал жуткий вой. Он шел отовсюду, из самой земли. Ник ускорил шаг, догоняя Питера.

— Что это? — спросил он.

— Владычица...

Помертвев лицом, Питер бросился вперед по тропе. Ник помчался за ним, но Питер бежал во всю прыть и вскоре скрылся из виду. Впрочем, догадаться, куда он направляется, было несложно. Над лесом поднялось багровое зарево, и Ник побежал в его сторону.

Склон сделался круче, легкие Ника горели огнем, сердце бешено билось в груди, мышцы ног горели огнем, но он двигался вперед, бежал изо всех сил. В небе над головой заплясали светлячки, но, почувствовав запах горящих листьев и горячий пепел на лице, Ник понял, что это не светлячки, а искры. Миновав эльфийские казармы, превратившиеся в закопченные руины, Ник промчался через дворики и каньон, взбежал вверх по крутому склону, огибая горящие кусты, и вскоре увидел Питера.

Питер стоял по колено в небольшом пруду. Мутная вода казалась красной. «Кровь, — подумал Ник. — Совсем как кровь».

Только увидев груду мертвых тел, сваленных у берега пруда, будто какая-то чудовищная плотина, он понял: огромные утесы и водопады исчезли, рухнули, а то, что вокруг, и есть Гавань. Струи воды били из трещин в скале точно гейзеры, верхушки деревьев пылали. И тут Ник увидел его — Древо Аваллаха. Ветви яблони скрючились, как руки око-

ченевшего трупа, белая кора полопалась, обнажив древесину цвета кости и ссохшиеся вены.

Питер плескался среди камней, лихорадочно собирая что-то в кровавой воде. Ник подошел к берегу. На поверхности пруда качались яблоки. Карманы и сумка Питера уже были набиты ими доверху. Его руки тоже были полны яблок, но он все собирал их, пытаясь набрать еще больше, и рассыпал собранное всякий раз, нагнувшись еще за одним.

Питер поднял на Ника безумный, отчаянный взгляд.

— Помогай! Мы должны спасти их, все до одного!

Рядом с Ником на воде закачалось тело нимфы. Половина ее лица была изуродована, уцелевший глаз смотрел прямо на него. Вокруг загремело, по земле снова прокатилась дрожь, несколько больших валунов с грохотом рухнули меньше чем в сотне ярдов от них.

— Питер, надо уходить.

Но Питер словно не слышал Ника.

Порыв свежего ветра пронесся над долиной, разметал волосы Ника, откинув пряди с его лица. Этот ветер принес с собой ужасно знакомый запах, смешавшийся с запахом горелых листьев. Сначала Ник не узнал его, но через секунду от изумления брови мальчишки сами поползли вверх. Так пахнет большой город — Нью-Йорк! Услышав крик чайки, Ник взглянул вверх. Что это? Звезда или просто искра? Ник отступил на несколько ярдов назад, чтобы лучше видеть. Да, вот она, крохотная тусклая звездочка! Тучи уплывали прочь, открывая звездное небо!

Над ухом негромко зажужжало. В воздухе мелькнул синий огонек. «Пикси?» — подумал Ник.

Девочка-пикси спикировала прямо к его лицу и щелкнула Ника по носу.

— Ай! — вскрикнул Ник.

Пикси пролетела чуть дальше по тропинке, спустилась к самой земле, призывно замерцала и замахала Нику рукой. Ник подошел к ней, наклонился и увидел следы — дюжины

отпечатков сапог на мягкой серой земле. Приглядевшись, он, наконец, понял, на что она показывает — на отпечатки копыт среди прочих следов. Теперь все было ясно. «Тролли!»

— Питер! — окликнул Ник. Тот даже не взглянул на него. Ник бросился обратно к пруду. — Питер!

Питер стоял на коленях на берегу, сжимая что-то в руке. Брошенные им яблоки раскатились в стороны.

Ник встряхнул его за плечо.

— Троль, Сверчок, Дьяволы — они пошли туда! — Ник поднял руку, показывая направление. — Можем догнать, если поспешим. Пойдем, скорее!

Питер медленно поднял голову и растерянно взглянул на Ника.

— Что?

— Пойдем! Надо их догнать!

— Зачем? — ровным, безжизненным голосом спросил Питер, покачав головой. — Все кончено.

— Что?

Питер поднял руку. На его ладони лежала золотая восьмиконечная звезда.

— Смотри.

— Вижу, и что?

— Ее свет... он погас, — Питер прижал звезду к груди. — Владычица... Владычица мертва.

Земля снова вздрогнула. Один из последних утесов лавиной обрушился вниз, в долину. Вода подступала, плескалась у самых ног.

— Надо уходить! — сказал Ник.

Питер, двигаясь с места, смотрел на звезду. Ник потянул его за руку.

— Питер, вставай!

Но Питер вырвал руку.

— Это неважно! — срывающимся голосом закричал он. — Теперь уже ничего не важно! Владычица и была Авалом. Без нее нового Авалона не будет! Никогда!

Питер поник головой и прошептал — так тихо, что Ник еле расслышал его:

— И мне больше никогда не сидеть рядом с ней. Никогда...

Вдруг Питер схватил Ника за руку и стиснул его пальцы с такой силой, что Ник сморщился от боли. Глаза Питера загорелись безумным огнем.

— Они погибли, все! Погибли зря!

— Ага, я знаю, — ответил Ник. — Ты и вправду сукин сын. Ну? С этим разобрались? Теперь-то можно, черт возьми, убраться отсюда?

Питер застонал и скорчился, будто его ударили ножом в живот.

— Вот блин... Питер, черт побери, сколько можно! Давай, подымайся!

Ник потянул его за руку. Питер слегка посопровтивлялся и безвольно обмяк. Весь его боевой дух исчез без следа.

— Я даже не помню, как их всех звали, — простонал он.

Ник поднял Питера на ноги и наполовину повел, наполовину потащил вперед по тропинке. Мутная вода уже плескалась под ногами. Все следы скрылись под водой, но впереди виднелся синий огонек, и Ник следовал за ним. Внезапно он осознал, что видит собственную тень, и с изумлением обнаружил, что в небе сияет полная луна.

— Питер, смотри! Луна!

— Владычица умерла, ее Туман рассеивается, — ровным голосом сказал Питер.

Земля под ногами сделалась мягкой, как губка. Повсюду журчала вода. Дюжины маленьких ручейков, сливаясь воедино, неслись вниз по тропе, обгоняя Ника с Питером. Величественный дуб невдалеке наклонился, с громким плеском лег набок и тут же затонул в серой грязи. Ник огляделся на ходу. Деревья вокруг одно за другим падали или грузно оседали вниз, проваливаясь в разверзшиеся под кор-

нями трещины по самые вершины и скрываясь в бурлящих водоворотах.

Тропинка выровнялась, ручейки сливались в небольшие протоки, протоки — в целые речки. Впереди показалась возвышенность, но путь к ней преграждал широкий бурный поток. Ник оглянулся. Позади виднелись только верхушки деревьев, да и те быстро исчезали. Отступить было некуда.

Ник потащил Питера в холодную воду. Шаг — и оба оказались по колено в воде, а вода все прибывала, прибывала с каждой секундой. Увлекая за собой Питера, Ник устремился к противоположному берегу, но бурлящая вода пожирала сушу с той же скоростью, с какой они к ней приближались. Течение убыстрялось, вода с грохотом неслась среди поваленных деревьев и валунов, в водоворотах бешено кружились обломки веток и сучьев. Внезапно ручей вздулся, будто где-то выше по течению прорвало запруду, и волна сбила мальчишек с ног. Ник вцепился в Питера изо всех сил. Течение подхватило обоих, закружило, поволокло ко дну. Ник уже не понимал, где верх, а где низ, но Питера не отпустил. Поток проволока его спиной по камням и выкинул на поверхность. Ник сумел дотянуться до торчащего из воды валуна и ухватился за него, удерживая голову Питера над водой.

— Хватайся! — закричал он. — Хватайся, Питер! Держись, или утонешь!

Но Питер не двигался. Казалось, он смирился со смертью и даже рад ей.

— Черт возьми, Питер!!! — заорал Ник. — Не сдавайся!!! Не смей...

Вдруг он увидел дерево — целое дерево, падающее прямо на них.

— Блин! — вскрикнул он.

Крона дерева накрыла спасительный валун, ветви заскрежетали о камень, вырывая Питера из рук Ника и увлекая обоих вниз, под воду. Из рта Ника вырвался шлейф пу-

зырьков, в глазах потемнело, острые камешки и обломки сучьев впились в кожу, мокрые листья облепили лицо и плечи. Грудь сдавило, в глазах заплясали ослепительно-белые вспышки. Ник понял, что тонет, тонет после всего дерьма, которое сумел пережить, но это отчего-то не пугало — только разозлило до глубины души.

Вдруг он врезался во что-то твердое. Чьи-то толстые пальцы вцепились в его плечо, выдернули из воды, и Ник упал на каменистый берег, кашляя и выплевывая воду. Услышав усталый вздох, он протер глаза. Над ним возвышался Таннгност. За спиной тролля стояли Дразль и четверо других эльфов, а за ними на земле сидел Питер, мокрый, какмышь.

— Ники? — с опаской спросил кто-то.

К Нику подошла Сверчок. Казалось, она разрывается между облегчением и ужасом.

— Отойди от него!

Вскинув голову, Ник встретился взглядом с Дьяволом по кличке Резак. Ник никогда не слышал от него больше двух слов подряд, почти никогда не видел играющим с другими или хотя бы смеющимся. Резак был серьезным, сдержанным парнишкой с темными суровыми глазами, и под его взглядом Нику сделалось не по себе. За спиной Резака сгруппировались остальные Дьяволы, семеро, и каждый из них был готов перерезать Нику горло.

— За ним долг. Долг крови, — сказал Резак, выдернув из-за пояса нож.

Вдруг сзади зазвенел тонкий голосок:

— Ой, смотрите, мальчики и девочки собрались поиграть!

Оглянувшись, Ник увидел трех сестер, горстку баргестов и ведьму.

Дьяволы окружили Ника.

Ник взглянул в сторону Питера, но тот так и сидел, сжавшись в комок и обхватив голову руками, безразличный ко всему на свете.

— Но нельзя же так! — воскликнула Сверчок. — Нельзя же так просто — взять и убить! Таннгност, скажи им!

Взгляд тролля был полон тоски и жалости, но он даже не попытался вмешаться.

— Аваллах требует твоей смерти, — сказал Резак.

Остальные Дьяволы согласно закивали.

Ник обвел взглядом их лица и пришел в ужас. Он словно вновь очутился среди Пожирателей плоти — все тот же фанатизм, все то же неодолимое желание пролить кровь, чтоб ублажить своего бога...

— Оставьте его, — прозвучал тихий безжизненный голос.

Питер!

Дьяволы нерешительно переглянулись.

— Но, Питер, — заговорил Резак, — он же убил Секеу. Он же...

— Нет, — оборвал его Питер. — Это не он.

На лицах Дьяволов отразилось неподдельное разочарование.

— Кто же тогда? — спросил Резак.

Но Питер не ответил. Он вновь опустил голову и спрятал лицо в ладонях.

— В этом разберемся позже, — сказал Таннгност. — А сейчас нам нужно идти. Владычица не может быть далеко.

Питер резко вскинул голову.

— Что? Что ты сказал?

— Владычица, Питер! Пожиратели плоти увели ее с собой.

— Так она жива?!

— Да. Разве ты не знал?

Питер разом вскочил и вцепился в плечо тролля.

— Ты сам видел? Точно?

— Да, — ответил тролль. — Я думал, ты знаешь.

Глаза Питера загорелись живым азартным огоньком.

— Пошли!

Стоя на берегу, над прибывающей темной водой, Капитан провожал взглядом проплывавшее мимо тело. Труп женщины из форта плыл по течению лицом вниз, пряди длинных распущенных волос тянулись в стороны, точно щупальца. Следом за ней проплыла часть соломенной крыши, затем еще два тела — мужчина и женщина, за ними — туша дохлой свиньи...

Капитан поднял взгляд к небесам. Впервые за сотни лет на небе, словно лицо старого дорогого друга, показались луна и звезды, озарившие все вокруг. «Господи, какой прекрасный вид!» Вот только сейчас было совсем не до звезд — сама земля уходила из-под ног, а корабли давным-давно поглотило море. Правда, остались шлюпки, спрятанные у ручья, выше по течению от форта, но если исчез сам форт, как их найти?

Он посмотрел на колдунью — или демона, или кем она там еще может быть. Она стояла невдалеке, обнаженная, грязная, лицо и грудь — в потеках запекшейся крови. Ее тащили за собой, накинув на шею веревочную петлю, а стоило ей упасть, гнали вперед пинками и тычками. Но она словно и не чувствовала этого — только смотрела вперед, в никуда. Капитана с души воротило от этой бессмысленной пытки. Ее чары развеяны — так убить ее без затей, и дело с концом. Но Преподобный потребовал отвести ее к церкви, чтобы сжечь на освященной земле, перед лицом Господа. Только вот освященной земли не осталось ни яди. Спрашивается, что теперь будут делать эти безумцы?

Стена тумана отступала, открывая небо, двигалась прочь от морских берегов, испарялась прямо на глазах. Скоро и море, и небо будут чисты. Сколько бесчисленных дней и ночей он молился об этом? И вот Господь услышал его молитвы. И что теперь? Что из этого, если у них нет лодок?

Все они так и остались в ловушке — это ли не доказательство тому, что Бог просто играл с ними?

Капитан оглядел своих людей. Одни бродили кругами или бесцельно переминались с ноги на ногу, с отвисшими челюстями таращились вверх, на звезды, или вниз, на прибывающую воду. Другие стояли на коленях вокруг Преподобного, присоединившись к его молитвам, а тот расхаживал взад-вперед, обратив лицо к небесам и моля Господа о чуде.

Дэнни Капитан держал при себе. Лицо мальчика было бледным от страха. Капитан огляделся. Никаких возвышенностей вокруг больше не наблюдалось. Повсюду бурлила вода. Ручейки, протоки и речки сливались воедино, быстро поглощая остатки суши. Еще немного, и вокруг не останется ничего, кроме морских волн... Капитан проводил взглядом еще один кусок соломенной крыши, проплывший мимо. Что ж, лодок нет, но, если связать вместе кое-что из обломков, возможно, им с Дэнни удастся добраться до берега. Вот только Капитан сомневался, что Преподобный им это позволит. Нет, если им не будет явлено чудо, Преподобный наверняка пожелает, чтобы все оставшиеся в живых вместе ушли на дно. «Пора, — подумал Капитан. — Пока Преподобный отвлекся, самое время ускользнуть».

В стороне, футах в тридцати, над водой виднелась россыпь камней, поросшая густым кустарником. Незаметно зайти за нее — и они свободны. Крепко сжав руку мальчика, Капитан повел его к камням, но, не успели они сделать и десяти шагов, как сзади патетически спросили:

— Куда же вы?

Капитан понимал, что Преподобный обращается к нему, но не замедлил шага.

— Капитан!

Вполголоса выругавшись, Капитан обернулся.

— Куда вы, Капитан?

— Поискать более возвышенное место.

— Таковых больше нет!

— Посмотрим.

— Оставьте мне этого маленького демона, — холодно потребовал Преподобный.

Дэнни прижался к Капитану. Рука мальчика задрожала в его ладони.

— Демона? — осознав, что едва не сорвался на крик, Капитан заставил себя понизить голос. — Дэниэл привел нас к этой колдунье и тем доказал, что свободен от любых демонов.

Опустив руку на эфес шпаги, Капитан медленно, шаг за шагом, продолжал отступать.

Зрячий глаз Преподобного злобно засверкал.

— Об этом судить не нам, а Господу. Приведите мальчика ко мне.

Но Капитан был не намерен подчиняться. Видя это, Преподобный кивнул Волу. Великан, а за ним еще дюжина человек, двинулись вперед, окружая Капитана.

Капитан обвел взглядом обращенные к нему лица в поисках верных людей, но не нашел ни единого. Людьми овладел страх; опасаясь за свои бессмертные души, они готовы были сделать все, что прикажет Преподобный. «Ничего не поделаешь», — подумал Капитан. Стоит выхватить шпагу, и они с Дэниэлом умрут в мгновение ока.

— Я тебя не брошу, — негромко шепнул он мальчику. — Обещаю.

Не сводя с Капитана настороженных взглядов, люди придвинулись ближе. Вол приставил к горлу Капитана острие меча, и один из солдат оттащил от него Дэнни.

— Оружие тоже, — сказал Вол.

Капитан с неприязнью взглянул на гиганта. Еще двое шагнули к нему и избавили его от меча и кинжала. Как только Капитан остался безоружным, Вол ухмыльнулся и легонько потрепал его по щеке.

— Вот и молодец. Вот и славно.

Вол подтащил мальчика к Владычице, захлестнул его шею свободным концом веревки, стягивавшей ее горло, и рывком затянул петлю. Дэнни сдавленно вскрикнул от боли, и Вол отвесил ему подзатыльник:

— Не скули, щенок.

Капитан стиснул кулаки, изо всех сил стараясь сдержаться. Да, он понимал: скоро им всем конец и все это уже не имеет никакого значения, но все же еле сдерживал злость.

— Ангелы!!! — истово, с дрожью в голосе закричал кто-то, указывая в море. — Город ангелов!

Клубы тумана расступились, и над водой в ночи показались башни — огромные сверкающие башни, опоясанные мириадами огней.

— Царство Небесное! — воскликнул Преподобный, воздев руки к небесам и упав на колени. Из глаз его потекли слезы. — Царство Божие! Наконец-то!

Капитан не верил собственным глазам. Неужели это и вправду рай? В небе виднелись огни — множество огней, одни парили в воздухе, другие моргали, третьи куда-то мчались... Неужели это действительно ангелы?

Откуда-то издали донесся трубный звук. Налетевший бриз принес с собой странные, незнакомые запахи — что-то вроде запахов нефти или, может, скипидара, а также вполне знакомые — запахи рыбы, гниющих отбросов и сточных вод. Так пахли каналы Венеции. Неужто в раю может пахнуть, как в выгребной яме? В этом Капитан сильно сомневался.

Вновь трубный звук — на сей раз громче, ближе, но таких труб Капитан никогда прежде не слышал. Еще один долгий непрерывный гудок, еще громче и ближе... Что бы это ни было, оно приближалось.

Капитан вгляделся в последние клочья тумана. Оттуда, из темноты, прямо на него двигалось ослепительное зарево!

— Вижу судно! — закричал кто-то.

«Верно», — подумал Капитан. Он уже слышал, как нос корабля рассекает волны, и видел два ряда фонарей по бак-борту. Это и впрямь было судно, великолепное судно!

Преподобный поднялся с колен, широко распростер руки и пошел навстречу приближавшемуся кораблю.

— Господь! Сам Господь пришел за нами!

Впереди из Тумана на фоне ночного неба проступал силуэт Манхэттена — так близко, что Ник мог разглядеть даже зевак на пристани. При виде такого зрелища все замерли, но лишь на миг. Останавливаться было нельзя: земля буквально уходила из-под ног. Пока что они едва держались впереди наступающих вод.

— Вон они! — прошептал Питер, указывая вперед.

Да, так оно и было. Там, на клочке выступающей из воды суши, сгрудилось не меньше семи десятков Пожирателей плоти.

Ник даже не представлял себе, что Питер думает делать дальше. С таким количеством людей невозможно было справиться силами оставшихся Дьяволов. К тому же все они все равно вскоре окажутся в Нью-йоркской гавани. Но Питера это ни на секунду не смутило. Он, сломя голову, помчался вперед, предоставив остальным догонять его, и Таннгност шумно пыхтел и сопел, стараясь не отстать.

Тишину разорвал громкий гудок. «Паром», — подумал Ник. Судя по звуку, он был уже близко. «Вот он!» Впереди показались огни парома, и... О нет, он сейчас врежется прямо в Пожирателей плоти! Ник узнал судно с первого же взгляда — это был один из статен-айлендских паромов. Казалось, он пытается отвернуть, уйти в сторону от земли, внезапно возникшей прямо по курсу. Толпа Пожирателей плоти качнулась назад, раздалась в стороны, расступаясь перед носом парома, с плеском въехавшим на берег. Миг — и Пожиратели плоти полезли на борт, заполняя собой верх-

нюю палубу. «А вот теперь будет интересно», — подумал Ник.

Мимо Ника проскакали баргесты. Следом за ними промчались Дьяволы и эльфы. Все они направлялись к парому. Ник понял: если он не попадет на борт, ему предстоит полночное купание, — и поспешил за ними.

Паром дал задний ход, вода за кормой забурилась, и судно развернулось к берегу бортом. Питер прыгнул на кормовое ограждение. Дьяволы, эльфы и баргесты последовали за ним. Сверчок вбежала в воду по колено, Питер подал ей руку и втянул ее наверх. Возбравшись на палубу, Ник услышал тоненький девичий смех и увидел ведьму с дочерьми, карабкающихся вверх по борту, словно огромные пауки.

Последним к парому галопом, поднимая на пути тучи брызг, подбежал Таннгност. Тролль уцепился за леер. Питер, Резак и Гек подхватили его, втянули наверх, и в следующую секунду паром отчалил.

«И что теперь?» — подумал Ник, глядя, как остатки острова исчезают в заливе. Земля Авалона не тонула — она таяла, растворялась, как порошок какао в молоке. Фосфорически мерцающие пузыри поднимались из воды и лопались, превращаясь в едва заменимую искристую дымку, тут же исчезающую в воздухе без следа.

Ник опустил голову. Казалось бы, гибель Авалона должна его только радовать, но сердце вдруг сжалось от необычайно пронзительного ощущения одиночества, и Ник осознал, что не чувствует никакой радости. За кормой на его глазах исчезало, гбло, навек уходило в прошлое сердце целого мира.

Часть пятая

Ульфгер

Дом Божий

Капитан провел ладонью вдоль борта. «Корабль целиком из стали — и не тонет, — поразился он, оглядывая необычные светильники. — И свет без огня...» Все это действительно могло показаться чудом, но на самом деле никаких чудес в этих вещах не было. Всему этому непременно должно было найтись объяснение. Ведь эти мужчины и женщины вокруг — просто люди, а не грешные души на пути к спасению и не ангелы, хотя их город, конечно, чудесен, и корабль восхитителен. «Нет, определенно, не ангелы», — подумал Капитан, увидев, как лысеющий мужчина с вислыми щеками и угреватой кожей, шарахнувшись от него, споткнулся о ступеньки узкого трапа, ведущего на верхнюю палубу, и полетел кувырком.

Когда они поднялись на борт, носовой салон был полон. Но, едва приглядевшись к толпе выловленных из залива оборванцев, пассажиры поспешили сбежать на корму и верхнюю палубу. Вот и сейчас несколько испуганных, но любопытных взглядов были устремлены на Капитана из-за углов

и сверху, из люков. Только одна пассажирка, старая женщина, укутанная в пушистую желтую шаль, не покинула своего места. Казалось, она не столько испугана, сколько возмущена.

Капитан подошел к ней.

— Вы позволите, мэм? — спросил он, указывая на свободное сиденье рядом с ней.

Старушка ничего не ответила, лишь подняла на него раздраженный взгляд, и Капитан решил, что лучше постоять. В конце концов, снова почувствовать под ногами палубу корабля было так приятно...

— Прошу прощения, мэм, — начал он. — Не могли бы вы...

— Не могли бы вы сказать этим идиотам, чтоб не держали двери нараспашку? — брюзгливо перебила его старушка, еще плотнее кутаясь в шаль.

Проследив за ее взглядом, Капитан увидел Преподобного и остальных, сгрудившихся на баке так тесно, что широкие двойные двери распахнулись под их напором, впуская в салон холодный пронизывающий ветер.

— Можно подумать, они никогда раньше не были на пароме, — раздраженно сказала старушка.

Подавшись вперед, она прищурилась сквозь очки в черепаховой оправе. Толстые линзы искажали ее глаза так, будто они занимают все лицо, что придавало пассажирке сильное сходство с каким-то злым насекомым.

— Что за дикая компания?

С этим Капитан не мог не согласиться. Все они действительно выглядели сущими дикарями. Одни тыкали пальцами в сторону города, воркуя, как стая голубей, другие бродили с разинутыми ртами, изумленно таращась на светильники, пробуя пальцами сиденья, ощупывая окна и вообще любые блестящие поверхности.

— Мэм, если вас не затруднит, не могли бы вы просветить меня, который теперь год?

Старушка громко фыркнула и сморщила нос.

— Бог мой, это от вас? — она отодвинулась подальше от Капитана. — От вас воняет хуже, чем от мешка сардин!

Это заставило Капитана улыбнуться.

— Так который же теперь год, мэм?

— Вы спрашиваете, какой сейчас год? Боже милостивый, вы что, в берлоге до этого жили, или где?

— Вроде того.

— Две тысячи пятый. Нет, погодите, две тысячи шестой. Да, сейчас две тысячи шестой.

Капитан вздрогнул.

— От рождества Господа нашего?

— Да, конечно. И знаете, сколько мне, получается, лет? Девяносто два! А с виду и не подумаешь, правда? А хотите знать, почему я такая энергичная и до сих пор сохранила стройность? Потому что гуляю — каждый день, будь он проклят. Пока все эти старые развалины холят свои жирные туши, я прохожу свои две мили. Хоть в жару, хоть в дождь. Двух мужей пережила. И знаете, что еще?

Старушка продолжала болтать, но Капитан уже не слышал ее. «Больше трехсот лет!» После такой новости требовалось сесть. Куда ускользнули эти три сотни лет? Он часто думал, что время в этом чистилище может идти по-другому, но из всех сил цеплялся за веру в то, что тут, в реальном мире, оно остановилось. Но время не ждало. Его дети, внуки и даже прапраправнуки давно сошли в могилу. Ему не к кому было возвращаться. Приюта для него не было нигде. Что же ему остается?

Капитана толкнули в бок.

— Что за чушь он там несет? — спросила старушка в шали.

Капитан моргнул. Погруженный в собственные мысли, он не сразу понял, что она имеет в виду Преподобного.

Преподобный стоял на носу с широко раскинутыми руками, будто готовясь обнять весь город. Его широкий черный плащ величественно развевался на ветру. Стараясь перекры-

чать шум двигателей, он снова и снова вопил, что Господь приветствует своих детей, вернувшихся домой.

— Хотел бы я знать, — ответил Капитан.

— Лично мне кажется, у этого клоуна тараканы уже выели весь мозг.

Лицо Капитана затвердело.

— Да, — рассеянно согласился он. — Не иначе.

Карвер вспомнил о Дэнни, о мальчишке, которого едва знал, и понял, что, кроме этого мальчика, у него в жизни не осталось ничего, и в этот самый момент мальчик находится во власти кровожадного безумца.

Капитан встал и поспешил к дверям. Ему нужно было увидеть мальчика. Дэнни стоял перед Преподобным. Капитан попытался поймать его взгляд и хоть как-то ободрить его, но глаза Дэнни были устремлены к палубе.

Взглянув вперед, мимо Преподобного, Капитан понял, что судно вот-вот подойдет к причалу. Жизнь Дэнни подходила к концу.

Ник крепко вцепился в леер. Паром быстро, слишком быстро приближался к терминалу.

Питер, Дьяволы, эльфы, ведьма с дочерьми и баргестами — все они вскарабкались на крышу парома и глазели вниз, навалившись на леера. Большинство пассажиров столпились на верхней палубе, а Преподобный с Пожирателями плоти стояли на нижней.

Ник оглянулся на рулевую рубку. Рулевой за стеклом отчаянно, будто спасая собственную жизнь, вцепился одной рукой в штурвал, а другой прижимал к губам рацию и что-то быстро говорил, не сводя глаз со стаи баргестов, качавшихся на леерах за окном перед самым его носом. «Уж лучше бы вперед смотрел как следует», — подумал Ник. Ему казалось, что паром идет прямо на сваи швартовых пальцев.

Питер сидел на самом краю крыши, нависшем над нижней палубой, с обнаженным мечом в руке, готовый в любой момент прыгнуть на Преподобного. Взгляд его был дик и беспощаден, будто взгляд хищной птицы.

Владычица с Дэнни были связаны одной веревкой, а середину веревки сжимал в руке огромный Пожиратель плоти по кличке Вол. Ник видел, что Питер сдерживается из последних сил, но Пожирателей плоти было так много, что неверный выбор момента атаки мог стоить Владычице жизни.

Дьяволы следили за Питером, готовые броситься вперед по его сигналу. Любой из них был готов отдать жизнь — правда, вовсе не за Владычицу, а за Питера, их необузданного мессию. «Сколько еще, Питер? — подумал Ник. — Сколько еще ребят погибнет из-за нее?»

Почувствовав его взгляд, Питер оглянулся и тут же отвел глаза.

— Ну?! Чего ждем?! — воскликнул Гек.

Питер отошел от края и встал у леера рядом с Ником.

— Ник, — заговорил он, — она и есть Авалон. Неужели не понимаешь? Если мы спасем ее, то, может быть, все это было не зря. Может быть, еще есть шанс начать все сначала.

Ник ясно видел: если Питер и сожалел о погибших, если и винил в их гибели себя, сейчас он позабыл обо всем. Обо всем, кроме Владычицы, своей ненаглядной Владычицы. «Значит, любой ценой? Так, Питер?»

Мощные двигатели парома переключились на задний ход, но поздно, слишком поздно. Ник сжался, изо всех сил вцепившись в леер. Паром чудом попал в створ, миновав один из швартовых пальцев, и врезался бортом во второй. Последовал страшный толчок, за ним — другой, двигатели взвыли, захлебнулись, и судно с душераздирающим скрежетом въехало носом в причал. От удара большинство пассажиров не удержались на ногах и покатились по палубе. Паром остановился. Все, кто смог, тут же вскочили, ринулись к платформе и полезли через ограждение, не дожидаясь

швартовки и даже не оглянувшись на детей, стариков и пострадавших.

Пассажирских платформ на терминале было две — на уровне верхней и нижней палуб. Пассажиры и команда в панике, отталкивая друг друга, хлынули в терминал с верхней палубы. Тем временем Пожиратели плоти не спеша двинулись на нижнюю платформу.

Только теперь Ник осознал, что вернулся к цивилизации, что он наконец свободен. Всему этому кошмару настал конец — по крайней мере, для него. «Боже мой, я тут! Я дома!»

— Пошли, — распорядился Питер.

Он быстро соскользнул вниз по скобам на корпусе паромы и прыгнул на верхнюю платформу. Дьяволы и эльфы, не мешкая, последовали за ним. Ведьма и ее выводок стремглав спустились на платформу, вскарабкались по стене здания наверх и скрылись за краем крыши. Последним по скобам с опаской спустился тролль.

Сверчок рванулась за Питером, но Ник схватил ее за руку.

— погоди, — сказал он.

— Что? Нет, мы же потеряем наших.

— Именно.

— Нет, Ник. Мы должны спасти ее.

— Ты с ума сошла? Сверчок, оглянись: мы дома. Мы вернулись! Нам больше не нужно играть в игры Питера. Все кончилось.

— Нет, не кончилось. Таннигност сказал: если мы спасем ее, появится возможность возродить Авалон. Они хотят уйти в глушь и начать сначала. Вместе со всеми нами. И с тобой, если хочешь.

Ник язвительно хмыкнул.

— И ты поверила? Мало они нам вдали?

Сверчок вырвала руку из его пальцев.

— Да. Поверила. А во что еще мне верить? Куда пойти? Моя семья — это Дьяволы. Может, в один прекрасный день до тебя дойдет, что это значит!

Она отвернулась, спустилась на платформу и смешалась с толпой.

«Отлично, — подумал Ник. — Замечательно. Иди, погибай. Плевать». Оставшись на месте, он смотрел, как Сверчок пробирается сквозь толпу. Теперь, среди взрослых, она казалась такой маленькой... Толпа, рвущаяся вперед, оттеснила ее в сторону, какой-то бизнесмен оттолкнул ее к стене, спеша проскочить мимо. Сверчок споткнулась, но не оставила попыток пробиться вперед, и тут в нее врезалась какая-то толстая краснолицая баба. Сверчок упала в проход, под ноги охваченной страхом толпы.

— А, будь оно все проклято!

Ник спрыгнул вниз и рванулся сквозь толпу к ней на помощь. Оттолкнув в сторону какого-то человека, он схватил Сверчка за руку и рывком поднял на ноги.

Сверчок потряхнула его руку.

— Не нужно мне твоей помощи!

— Ага, оно и видно.

Повсюду ревели сирены тревоги. Ник поискал глазами выход и увидел впереди Таннгноста. Троллю не составляло труда пробираться сквозь толпу — люди разбегались, спеша убраться с его пути. Заметив, как несколько человек выскользнули наружу через аварийный выход слева, Ник потянул Сверчка туда. Миновав несколько металлических лестничных пролетов, они оказались на темной автостоянке. Люди бежали прочь во все стороны, но ни Дьяволов, ни Пожирателей плоти нигде видно не было. Ребята остановились, не зная, что делать дальше, и тут из здания терминала донеслось несколько резких хлопков. Выстрелы?

Из рации полицейского Хулио Санчеса слышалось невнятное кваканье, тут же сменившееся треском помех. Он постучал по микрофону.

— Еще разок?

Рация снова заквакала.

— Принял, разберемся.

Хулио повернулся к напарнику, пузатому полицейскому, с выражением безмерной скуки на лице стоявшему у стойки турникета.

— Мак, это ж надо, диспетчер только что принял какой-то бредовый вызов от рулевого с парома. Что-то насчет банды черных людей, терроризирующих пассажиров! Правда, в участке думают, что рулевой, наверное, пьян: он говорил еще про огромного монстра с рогами.

Мак подавил зевок.

— Расслабься, салага. Этот тип погорячился. Просто детишки шалят.

Хулио сузил глаза. Сколько он дежурит здесь с Маком? Не меньше трех лет. Казалось бы, Мак уже мог бы звать его не «салагой», а как-то иначе...

— Вот послужишь тут с мое — считай, все в жизни видел, — продолжал Мак. — Поверь, я уж точно видел все. Главное, не дергайся, и все будет зашибись. Понятно?

Внезапно терминал содрогнулся.

— О-па, и что это было? — вырвалось у Хулио.

С верхней платформы донесся топот, сопровождаемый криками и визгом. Завыли сирены тревоги. Четверо докеров, уборщик и какая-то женщина в деловом костюме вихрем пронеслись по коридору и перепрыгнули через турникет, словно на соревнованиях по бегу с барьерами.

— Я вызываю подкрепление, — сказал Хулио.

— Подкрепление? — расхохотался Мак. — За каким...

Вдруг его лицо побледнело, а глаза едва не вылезли из орбит.

В эту минуту Хулио готов был поспорить, что этот Мак-уж-точно-видел-всё никогда раньше не видал орды чернокожих демонов в лохмотьях, в доспехах, с мечами и копьями.

ями, волокущих за собой на веревке голую женщину и упитанного мальчишку. Нет, он был готов поспорить на свое левое яйцо, что даже Мак никогда в жизни не видал ничего подобного.

Эти чудовища высыпали из широкого коридора и остановились перед турникетом. К удивлению Хулио, они выстроились друг за другом в относительном порядке и двинулись через турникет по одному. И каждый выглядел так, будто это нехитрое устройство заинтриговало его до глубины души.

Первым делом Хулио подумал, что это театральная труппа, или, возможно, заядлые фанаты *Dungeons & Dragons*. Он слышал, будто эти ролевики порой устраивают очень своеобразные игры. Затем, приглядевшись к женщине, которую вели на веревке вместе с мальчишкой, он увидел на ее спине красные рубцы и пришел к выводу, что это, скорее, какая-то садомазохистская секта. Но перед ним был не маскарад. Он видел стальные мышцы и вены, пульсирующие под чешуйчатой кожей, и, самое главное, воняло от этих чудищ просто невероятно отвратительно. «Настоящие, — подумал он. — Кто бы они ни были, они настоящие!»

К Хулио наконец-то вернулся дар речи.

— Стойте! — как можно спокойнее сказал он, стараясь удержать ситуацию под контролем.

— Стоять на месте!!! — заорал Мак.

Голос напарника сорвался на пронзительный визг, и Хулио с ужасом увидел, что Мак выхватил оружие и целится в чудищ.

— Всем стоять, мать вашу!!!

— Спокойнее, Мак, — прошептал Хулио. — Будь так любезен, успокойся!

Вперед выступил высокий человек в черном плаще.

— Кто вы такие? — спросил он, внимательно оглядев Хулио с головы до ног. — Вы — люди Господа?

— Минутку, приятель, — возразил Хулио, — здесь вопросы задаю я.

Вперед выступил еще один монстр.

— Это кто-то вроде констеблей, — сказал он. — Или, может, местная стража.

— Констебли? — переспросил человек в плаще. — Где ваш повелитель? Нам нужно видеть короля.

Тем временем остальные монстры прошли через турникет и молча обступили полицейских. Хулио невольно попятился, стараясь не поворачиваться ни к кому спиной, опустил руку на рукоять револьвера и снял его с предохранителя.

— Ну, хватит!!! — взвизгнул Мак. Оружие в его руке ходило ходуном.

Моля бога о том, чтобы Мак не успел натворить глупостей, Хулио нажал кнопку вызова подкрепления и успокаивающе поднял руку.

— Если бы я мог проводить вас до...

Бабах!!!

Мак выстрелил в одного из монстров, и пуля пробила дыру в его животе. Монстр опустил взгляд, сдвинул брови, сунул в рану палец и поднес его к глазам. На пальце влажно блестела черная кровь. Глаза монстра загорелись яростным огнем, и он схватил Мака за запястье.

Пистолет выпалил еще пять раз. Кое-кто из монстров подался назад, а тот, что держал Мака — с шестью пулями в кишках — со стоном осел на пол.

В мгновение ока один из монстров выхватил из ножен короткий меч и всадил его по рукоять Маку в глаз. Острие меча вышло из затылка, и фуражка Мака взлетела в воздух, обнажив зачес на его лысине.

Рука Хулио метнулась к оружию. Он даже выхватил револьвер из кобуры, но больше не успел сделать ничего. Сильные руки схватили его, и он почувствовал, как что-то длинное и холодное раз за разом вонзается в его живот, а после все вокруг окутала тьма.

Капитан остановился над убитыми. Нет, убивать их было не самым разумным. Эти люди были констеблями или стражниками, и Капитан был уверен, что их убийство не придется по вкусу местным властям, кто бы ни властвовал в этом королевстве.

Капитан подождал, пока остальные пройдут дальше, наклонился и поднял оружие стражника. Очевидно, это был пистолет, но подобных пистолетов Капитан никогда в жизни не встречал. Надо же, какой маленький, и ни пороха, ни фитиля... Такое оружие может пригодиться. Заткнув пистолет за пояс, Капитан двинулся за остальными.

«Что же это за место? — подумал Капитан, глядя на двух грязных оборванцев, спящих рядом с перевернутым мусорным баком. — Определенно не рай. Все это — материальное. Вот каким стал мир, пока нас тут не было, — Капитан осмотрел огромные колонны из литого мрамора, погладил блестящий металл и стекло. — Отвратительным и прекрасным одновременно».

Между тем не стоило забывать, что вскоре здесь могут появиться товарищи убитых стражников. «Что, если нас казнят? — подумал Капитан. — Или, что еще хуже, бросят гнить в темнице? Что, если я попросту променял один ад на другой?» Медлить не стоило. Настало время освободить Дэниэла и убираться, бежать от этих безумцев, пока они не прикончили их обоих.

Люди остановились, столпившись у подножия длинной серебристой лестницы. Лестница вела на верхний этаж. При виде этой лестницы Капитан изумленно поднял брови: ступени двигались!

— Просто прыгай, и все, — проворчал долговязый мичман Сид, подтолкнув к лестнице Робертсона.

В ответ Робертсон отпихнул Сиду и зарычал:

— Вот сам и прыгай, а я посмотрю!

Вол разрешил их спор, толкнув к лестнице обоих. Сид с Робертсоном рухнули на эскалатор, и движущаяся лестница медленно потащила их наверх. При виде такого чуда остальные разразились восторженными криками, оживленно загомонили, принялись подталкивать друг друга вперед.

Когда очередь дошла до Капитана, он обнаружил, что многие из его людей едут по второй лестнице вниз, улыбаясь до ушей, как дети, и крепко держась за черный поручень. На полпути Сид развернулся и попытался пройти по движущейся лестнице обратно наверх, но столкнулся с Робертсоном. Оба кубарем скатились по ступенькам и растянулись на блестящем полу.

— Хватит! — крикнул Преподобный.

На миг Сид с Робертсоном недовольно насупились, но тут же, хохоча, как безумные, кинулись к первой лестнице и помчались наверх бегом, расталкивая всех на своем пути.

Миновав короткий коридор, Пожиратели оказались в огромном зале из стекла и камня. Повсюду горел свет — светился даже потолок.

По залу во все стороны бежали люди в чудных одеяниях. Почти все они спускались с верхнего этажа, и все стремились к одному — поскорее покинуть здание. Как только среди них оказался Преподобный со своим отрядом, люди засуетились, не зная, куда бежать, и в возникшем хаосе отряд начал дробиться на все более и более мелкие группы.

Выходов из зала было два. В общей суматохе примерно половина отряда двинулась прямо, к двустворчатым стеклянным дверям, ведущим на сторону фасада, а остальные, вслед за Преподобным, свернули к боковому выходу. Капитан последовал за ними, стараясь держаться как можно ближе к Дэнни.

Пройдя сквозь громадные стеклянные двери, они вышли в ночь, озаренную миллионом ослепительных огней. Вокруг возвышались исполинские здания из стали и стекла — казалось, их вершины достигают самих небес. Впереди тяну-

лись вдаль несколько мостовых, но не булыжных, а из какого-то иноземного черного камня. Капитан замер, как вкопанный. «А это еще что за колдовство?» По странным мостовым неслись с невероятной быстротой дюжины желтых карет со спящими огнями впереди, и... все они двигались без лошадей! «Нет, это не колдовство. Уж колдовство-то я видел, — подумал он. — Тут что-то другое. Этому наверняка есть объяснение».

Огни, шум, запахи, множество незнакомых людей, их одежды, их манеры — все это сбивало с толку, угрожало вот-вот свести с ума. Хотелось одновременно и рассмотреть сразу все, и крепче зажмурить глаза, чтобы больше никогда не открывать их. «Спокойно, — приказал он себе, взглянув на Дэнни. — Не время терять голову. Я должен спасти этого мальчика. Все прочее — все эти «что» да «как» — может подождать».

Издали донеслись непонятные завывания. Вой быстро приближался. Казалось, сюда несутся целые орды демонов.

Пришельцы с Авалона были ошеломлены. Одни устремились вперед, разинув рты от восхищения, другие в смятении вжались спинами в стену, не смея двинуться дальше.

— Вот он! — победно вскричал Преподобный. — Вот он, дом Божий!

Проследив за его жестом, Капитан с изумлением обнаружил перед собой... Да, воистину дом Божий! Напротив, через улицу стояла церковь, увенчанная белой башенкой. Крест на верхушке башенки сверкал в ослепительно-белых лучах, сияя на фоне огромных башен божественной путеводной звездой. Над входом в церковь, в нише, стояла, устремив на людей печальный всепрощающий взгляд, статуя какой-то ангелоподобной святой. Раскрыв объятия навстречу людям, святая безмолвно приветствовала их возвращение.

Преподобный указал на Владычицу с Дэнни.

— Ведите демонов, — закричал он. — Пора нам закончить Божью работу.

Он воздел руки к небу, судорожно стиснув кулаки. Его единственный глаз пылал праведным огнем.

— Господи, мы дома! Мы снова с тобой!

— Пригнись, — шепнул Ник. — Идут.

Укрывшись за припаркованным фургоном, Ник и Сверчок наблюдали, как большой отряд Пожирателей плоти разбредается по стоянке, таращась на все вокруг с отвисшими челюстями.

Вой сирен приближался. Что может произойти, когда приедет полиция? Что они будут делать с Владычицей, с Таннгностом, Питером, Пожирателями плоти и всеми остальными? «Ничем хорошим все это не кончится, — решил Ник. — Вот дерьмо, а если они поймают меня?» Это могло означать только одно: его отправят домой, к матери — то есть, прямо в лапы Марко. «Обидно будет так влипнуть после всего, что удалось пережить. Надо сваливать».

Сверчок пихнула его в бок:

— Вон Владычица!

Из терминала на стоянку вышел Преподобный, а за ним и Вол, тащивший за собой Владычицу. Связанный с ней одной веревкой Дэнни был напуган до смерти, но лицо Владычицы не выражало никаких чувств. Она просто брела вперед, опустив голову. Здесь, среди городского шума, стекла, стали и вездесущего бетона, она казалась такой чужой, такой хрупкой и уязвимой...

— Мы должны сделать что-нибудь, — сказала Сверчок.

— Что, например? Что? Вдвоем тут ничего не сделаешь. Послушай, у нас еще есть шанс уйти, пока полиция тут все не оцепила.

— Ты это серьезно? Ты вправду хочешь просто сбежать?

— Я не собираюсь гибнуть за нее. Ни за это существо, ни за Питера, ни за кого из них — не собираюсь!

— Значит, попросту бросишь ее? Бросишь, и все? Как свою мать?

— Хватит с меня этого дерьма! — зарычал Ник. — Она мне не мать, и я ей ничего не должен.

Однако это было не так. Если бы не Владычица, он был бы мертв, или превратился бы в полоумного демона вроде Пожирателей плоти. Она спасла его. Она избавила его от тьмы, а чем это обернулось — уже другое дело.

Владычица с явным усилием подняла голову, и Ник обнаружил, что ее глаза — серебристые, утратившие всю свою синеву — устремлены прямо на него. Он почувствовал ее всей душой, и даже услышал, как она назвала его по имени — ее голос звучал тихо, как эхо, совсем как там, в темных глубинах ее пруда. На краткий миг Ник смог увидеть вокруг нее ореол волшебства. Волшебство, порождаемое ею, тянулось следом за ней шлейфом призрачных искристых нитей. Волшебство таилось повсюду, проглядывая сквозь металл и бетон, асфальт и мусор, и пышно распускалось на пути Владычицы, расцветало, как сад после первого весеннего дождя. Ник чувствовал волшебство в самом себе и вокруг, чувствовал сильнее, чем когда-либо, и понимал, что волшебство существует, живет даже здесь, в городе, в мире людей, вплетенное в самую ткань, в первооснову земли. Но без заботы таких, как Владычица, эта хрупкая, нежная стихия легко может исчезнуть, и без нее земля станет куда мрачнее и холоднее.

Вол с силой рванул веревку. Не устояв на ногах, Владычица рухнула на колени.

— На ноги, демон!

Вол пнул Владычицу, и ее тело распростерлось ничком на шершавом, как наждак, бетоне.

Ник страдальчески сморщился.

Вол схватил Владычицу за волосы, рывком вздернул на ноги и с силой толкнул вперед. Из ссадин на ее коленях потекла кровь.

— Окей, — сказал Ник.

— Что?

— Окей, идем за ними.

Сверчок кивнула.

— Но только так, на всякий случай, — добавил Ник. — На случай, если у нас появится шанс что-то сделать. Только обещай, что не наделаешь глупостей.

— Я? Никогда, — ухмыльнулась Сверчок.

Их разговор прервал резкий гудок автомобиля: Преподобный со своей паствой двинулся через улицу. Взглянув вперед, Ник увидел церковь и понял: туда-то и тащат Владычицу. Зачем? На этот счет у него имелось несколько догадок — одна хуже другой.

Прячась за машинами, Ник со Сверчком помчались через стоянку вслед за Пожирателями плоти.

В конце улицы засверкали мигалки полицейских машин. «Время уходит, — подумал Ник. — Где Питер? Куда его черти унесли?»

Вплотную к улице примыкал густо заросший деревьями парк. Ник и Сверчок юркнули в заросли и двинулись вперед, прячась в кустах и стараясь не отстать от Пожирателей плоти. Не зная, что делать и что тут вообще можно предпринять, Ник решил держаться поблизости и ждать хоть какого-то шанса, хоть какой-нибудь возможности.

Пожиратели плоти начали понемногу рассеиваться по тротуару, растягивать строй. Многие уже не слушали тирад Преподобного: необычность нового места заставила их забыть обо всем.

Ник и Сверчок вышли к длинному прямоугольному пруду с фонтанчиком в центре. На дальней стороне пруда, рядом с улицей, имелось удобное укрытие — живая изгородь. Нырнув в кусты, оба приблизились к тротуару, насколько хватило смелости.

Преподобный направился к ступеням церкви — прямоком через проезжую часть. Вол с еще несколькими потащи-

ли за ним Владычицу и Дэнни. Отчаянно заревели гудки, завизжали покрышки, желтое такси вильнуло, едва не сбив Преподобного, пошло юзом и врезалось в другое такси. Пожирателей плоти обдало градом осколков стекла и обломков металла. Раздался скрежет тормозов, машины с обеих сторон начали сдавать назад. Водители с криком и руганью повыскакивали наружу. От множества резких гудков у Ника зазвенело в ушах.

Пожиратели плоти замерли, во все глаза глядя на ими же учиненную суматоху, и совершенно забыли о Владычице с Дэнни. «Пора, — подумал Ник. — Мы можем вытащить ее. Только бы...»

То, что случилось дальше, показалось Нику полным абсурдом. Капитан, подойдя к Волу со спины, осторожно вытаскивал из ножен его меч. Не успел Вол заметить пропажи, Капитан трижды изо всех сил ударил его рукоятью меча по затылку. Выпустив веревку, гигант рухнул ничком на мостовую, а Капитан потащил Владычицу с Дэнни за собой — в сторону парка, прямо к Сверчку с Ником.

Увидев это, Преподобный злобно сверкнул зрячим глазом. — Остановить их! — крикнул он.

Но Пожиратели плоти, замороженные видом аварии и общим переполохом, даже не услышали его.

— Остановите их!!! — завизжал Преподобный. — Остановить их немедленно!!!

Это привело Пожирателей плоти в чувство. В сторону беглецов устремились жесткие взгляды, несколько человек обнажили мечи и двинулись вперед, отрезая Капитану путь к бегству.

Машины гудели со всех сторон. Вой сирен приближался.

«Где же она?» Этот вопрос вертелся и вертелся в голове, пока Питеру не захотелось закричать. Он в сотый раз обвел взглядом кучки Пожирателей плоти, бесцельно шатавшихся

по тротуарам и глазевших вокруг. Владычица исчезла без следа.

Догнав Пожирателей плоти на выходе из терминала, они последовали за ними наружу, не привлекая внимания и стараясь не попадаться никому на глаза. Но теперь Питер понял: Пожиратели плоти разделились еще до этого, и Преподобный с Владычицей оказались в другой группе — в другом месте, возможно, совсем с другой стороны терминала.

Питер, Дьяволы и эльфы укрылись в тени, пропуская мимо четверых патрульных. При виде Пожирателей плоти полицейские остановились и взяли за радию, вызывая подкрепление. Из-за оцепления, перекрывавшего улицу, к терминалу побежали еще несколько полицейских.

— Время, время... — сквозь зубы прошипел Питер.

Владычицу нужно было найти. Немедленно. Во что бы то ни стало.

Питер подал знак Дьяволам с эльфами, выскользнул из укрытия, и все они помчались обратно к терминалу — чтобы выйти к автомобильной стоянке с другой стороны.

— Капитан, вы сейчас же отдадите мне демонов! — не подразумевавшим ничего, кроме повиновения, тоном крикнул Преподобный, шагнув к Капитану.

Капитан направил на Преподобного острие меча.

— Нет, ваше преосвященство. Не отдам.

Преподобный остановился и крепко сжал губы. Его зрячий глаз пылал огнем.

— Капитан, вы в своем уме? Отдайте демонов. Это приказ.

Преподобный кивнул своим, и люди двинулись вперед, окружая беглецов. Капитан понимал: оказавшись в кольце, они обречены. Держа меч наготове, он отступил и толкнул Владычицу с Дэнни сквозь живую изгородь, в парк. Кусты задержат преследователей, хотя бы ненадолго. «Пора бе-

жать», — подумал Капитан, но тут же понял, в чем просчитался. Бежать было невозможно — ведь Дэниэл был привязан к Владычице, а та едва могла идти, не говоря уж о том, чтобы бегать. Их следовало разделить и бросить Владычицу, и тогда, возможно, им с мальчиком удастся уйти. Но быстро разрубить или перерезать веревку толщиной почти с собственное запястье Капитан не мог. А если отвлечься хоть на секунду, ему конец...

Преподобный поморщился и вместе со своими людьми последовал в парк за Капитаном.

— Я — правая рука Господа! — с надрывом воскликнул он. — Идти наперекор воле Божьей неразумно.

— Ты всего-навсего кровожадный безумец! — расхохотался в ответ Капитан.

Преподобный поперхнулся от возмущения; не тронутая параличом половина лица скривилась в злобном оскале.

Кусты затрещали. Парк наполнялся людьми. Выбравшись из кустов, они обнажали мечи и вставали в строй. Еще несколько секунд — и они бросятся вперед.

Капитан взмахнул мечом. Клинок со свистом рассек воздух.

— Всех мне, конечно, не уложить, но первому, кто подойдет ближе, я уж точно выпущу потроха. Ну, кто из вас проделал столь дальний путь, чтобы умереть здесь?

Люди заколебались. Никто не спешил в бой: все слишком хорошо знали, как Капитан владеет клинком.

Вперед, утирая кровь с лица, вырвался Вол. Увидев Капитана, он сплюнул, выхватил у ближайшего человека меч и двинулся к нему.

Рука Преподобного преградила гиганту путь, и он остановился.

— Капитан, — заговорил Преподобный, — вы просто сбились с пути истинного. Будьте благоразумны, отдайте их, и я прощу вашу непочтительность.

Наткнувшись спиной на Дэнни, Капитан оглянулся и увидел позади берег длинного прямоугольного пруда. Сердце замерло. «Мы в западне», — подумал он.

Оценив положение, Преподобный усмехнулся.

— Капитан, я не стану повторять просьбу дважды.

«Все было зря. Мы умрем здесь после всего того, через что прошли. Как это глупо», — думал Капитан, переводя умоляющий взгляд с одного лица на другое.

— Да что вы все, ослепли?! Все кончилось! Мы уже не на острове! Поглядите, — Капитан ткнул пальцем в сторону мусорного бака, переполненного отбросами. — Это не рай! Бога здесь нет! Здесь...

Лицо Преподобного скривилось в гримасе ярости.

— Нет!!! — дрожащим голосом, брызжа слюной, закричал он. — Нет, это вы слепы, Капитан!!! Целая вечность в чистилище не прошла зря! Где-то в этом королевстве ждет нас Господь — ждет в эту самую минуту! А эти пропащие души, — он указал на Дэнни с Владычицей, — наш пропуск! Доказательство нашей твердости и усердия в вере! Наш долг — привести этих демонов пред очи Господа и... и... и по праву занять место рядом с ним! — его голос сорвался. — И я воссяду! Воссяду рядом с Господом!

«Безумие овладело им», — подумал Капитан, с грустью отметив, что то же безумие овладело и остальными: слушая Преподобного, люди согласно кивали.

— Помогите, Господи, всем нам, — сказал он, свободной рукой выхватил из-за пояса пистолет убитого констебля и направил дуло на человека, стоявшего впереди остальных.

Узнав оружие, люди заколебались, и Капитан прицелился в лицо Преподобного. Тот вытаращил зрячий глаз. Безмерное возмущение на перекошенном лице доставило Капитану ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Вы не посмеете!!! — пронзительно завопил Преподобный. — Я — воин Господа! Я с ним в одном строю!!!

— Ты в одном строю с обреченными.

С этими словами Капитан четырежды нажал на спуск, и четыре оглушительных выстрела прогремели в ночи. Первая пуля прошла мимо, вторая проделала аккуратную дыру в щеке Преподобного, третья угодила в незрячий глаз, а четвертая попала прямо в лоб, и половина головы Преподобного разлетелась на куски.

Преподобный постоял еще секунду, злобно сверкнул зрячим глазом и мешком рухнул на землю. Последний выстрел начисто снес ему затылок. На долгий-долгий миг все замерли, не сводя взглядов с почерневшего мозга мертвеца.

Отдаленные звуки сирен наводили на мысли о демонах. Волны плескались у самого уха, мерно бились о борт ладьи, и, наконец, Ульфгер осмелился поднять голову. Спихнув с себя мертвое тело отца, он поглядел на высокие башни, сверкавшие мириадами огней. «Как много огней, — подумал он. — Что это значит?»

Ветер гнал ладью вперед, прямо к каменной набережной. Ульфгер взглянул в пустые глазницы отца.

— Хватит! — заскулил он. — Довольно! Умоляю тебя. Оставь меня. Хватит. Хватит!!!

Вцепившись в шею мертвого, он принялся крутить и терзать иссохшую плоть, пока голова не оторвалась от плеч. Схватив голову за длинную, заплетенную в косу бороду, он изо всех сил ударил ею о доски обшивки. Ладья загудела, как боевой барабан. Ульфгер бил и бил, рыча и брызжа слюной от натуги, и вскоре в его руке остался лишь бесформенный измочаленный ком.

— Вот! Что ты скажешь теперь? Что?! — разразившись визгливым смехом, Ульфгер швырнул голову отца в волны. — А когда я найду твою сестру, я и ее отправлю за тобой. И всех остальных! А когда я найду вора и похитителя детей, я скормлю его Калибурну!

Погладив черный клинок, Ульфгер поднял тело отца, перевалил его через борт и замер, глядя, как волны медленно уносят обезглавленный труп в темноту.

Волна подхватила ладью и выбросила на сушу — на россыпь камней, торчавших из воды под стенкой набережной. Вдруг среди непонятного шума не遠далеке раздались громкие, резкие хлопки, общим счетом четыре. Крики, стоны... Ульфгер поднял Калибурн, вылез из ладьи и взобрался наверх, на набережную.

Во все стороны тянулись хорошо освещенные дорожки, вымощенные литым мрамором и окаймленные подстриженными кустами. Ульфгер направился в заросли — туда, откуда неслись крики, на поиски этой изменницы и этого недомерка. Впрочем, стодится и любой другой, ибо он решил убить их всех — всех до единого.

Грохот выстрелов заставил Ника вздрогнуть. Преподобный упал. Ник со Сверчком прижались к земле, отодвинувшись вглубь широкой живой изгороди. Позади них простирался пруд, а всего в нескольких ярдах впереди стоял Капитан. Дэнни с Владычицей были совсем близко — до них можно было дотянуться рукой, вот только повсюду маячили Пожиратели плоти, и бежать было некуда. «Блин. Как же так вышло?»

Капитан нацелил револьвер на Пожирателей плоти. Ни один из них не осмелился шевельнуться.

— Просто позвольте нам с мальчиком уйти. О большем я не прошу, — спокойно сказал Капитан. — А женщину оставьте себе.

— Нет!!! — заревел Вол. — Мы не торгуемся с демонами и убийцами. Да свершится правосудие Божие!

Кое-кто из Пожирателей плоти встряхнулся, словно пробуждаясь от кошмарного сна. По горло сытые всем этим безумием, они начали отступать, но большинство осталось

на месте. Ник видел: эти веруют. Глаза их горели фанатичным огнем — точно так же, как у тех, кто обрек его на муки там, в форте. Казалось, здесь, в мире людей, их мания овладела ими сильнее прежнего.

— В пруд, — прошептала Сверчок. — Тащим Владычицу в пруд.

— Что? — переспросил Ник, но тут же понял, что она хочет схватить Владычицу и бежать с ней через пруд.

— Нет, — прошептал он, сжав плечо Сверчка. — Так не получится. Надо...

Рот Ника захлопнулся сам собой. Пожиратели плоти двинулись вперед. Еще немного — и их обнаружат. Не умирать же здесь, в кустах, как трусливый заяц! Надо что-то делать — хоть что-нибудь!

— Блин. Блин, — забормотал Ник, не понимая, как ухитрился оказаться прямо посреди этого кошмара. — Блин...

Стиснув зубы, он встал — возник из кустов, словно чертик из коробочки, всколыхнув листья и ветки. Что делать дальше, он себе даже не представлял.

Рядом с ним из кустов поднялась Сверчок.

Пожиратели плоти остановились. Все взгляды устремились на них, и под этими жесткими кровожадными взглядами Ник тут же пожалел о своей поспешности.

— Ой, блин...

Капитан оглянулся назад, заморгал, склонив голову набок, будто пытаясь понять, что происходит.

— Демоны!!! — завопил один из Пожирателей плоти, указывая на них дрожащей рукой.

— Демоны! — подхватили еще несколько голосов.

Во взглядах Пожирателей плоти появились ненависть и страх. Похоже, они не могли понять, как демоны могли оказаться здесь, в этом чудесном городе.

Сердце билось в груди так, будто вот-вот разорвется. Ник чувствовал: нужно что-то делать, да поскорее, иначе

ноги подогнуться от страха. Он выхватил меч и злобно оскалил зубы.

— Это наш город!!! Город демонов!!! — закричал он — закричал так громко и убежденно, что и сам поверил собственной выдумке. — Мы здесь повсюду!!! Нас миллионы, миллионы голодных демонов, и мы сожрем ваши жалкие душонки!!!

Это проняло Пожирателей плоти до глубины души. Их лица исказились от страха, они нервно заозирались, вглядываясь в деревья, в кусты, в небо над головой. Испугался даже Вол: глубоко посаженные глазки громили тревожно забегали из стороны в сторону.

— Скорее!

Сверчок бросилась к Владычице. Ник рванул за ней. Вдвоем они подняли Владычицу на ноги, но она лишь смотрела на них равнодушным, отсутствующим взглядом.

— Давай, Дэнни! — зарычала Сверчок. — Помогай!

Но Дэнни будто разбил паралич. Казалось, он не способен ни на что — только таращиться на Сверчка с Ником круглыми от ужаса глазами.

Ник изо всех сил дернул веревку, подтаскивая Дэнни к себе.

— Дэнни, шевелись!

— Это ее волшба! — сказал Вол. — Эй, — заорал он, — ее надо прикончить, прикончить немедленно!!! Убить ее, пока она не заколдовала нас всех!!!

С этими словами он поднял меч и устремился к Владычице.

Капитан выстрелил и сумел всадить в Вола две пули, прежде чем боек револьвера щелкнул вхолостую. Но великан Вол даже не замедлил шага. Капитан бросился ему наперерез, и тогда на него кинулись еще двое. Ночь огласилась криками и звоном стали.

Сверчок потащила Владычицу с Дэнни к пруду. При виде воды взгляд Владычицы оживился. Все трое кое-как двинулись к берегу.

Вол бросился к ним. Яростно сверкнув глазами, он взмахнул мечом, целя Владычице в шею. Времени не оставалось ни на что — только действовать. Ник рванулся вперед и изо всех сил взмахнул Маладриэлью, направляя удар снизу вверх. Клинки с лязгом скрестились, и Ник едва удержал меч, однако сумел отвести удар. Клинок врага, пройдя мимо цели, глубоко вошел в плечо Владычицы над ключицей.

Вол заревел, выдернул меч и повернулся к Нику.

У Ника был всего миг, чтобы понять, что этот тяжело-весный монстр вот-вот убьет его — всего миг, чтобы крикнуть себе «беги». Но он остался на месте. Из его горла вырвался рык, и он нанес удар, целясь гиганту в шею. Вол поднял меч, чтоб отразить удар, и тогда Ник, в последнее мгновение сменив уровень атаки, припал к земле и подсек колено врага. Вол взвыл и обрушил меч на голову Ника. Легко уклонившись от удара, Ник убедился: неважно, насколько этот великан тяжелее и сильнее, потому что он, Ник, быстр, невероятно быстр — совсем как один золотоглазый мальчишка, которого он встретил в парке целую жизнь назад. Маладриэль глубоко вошла в щиколотку гиганта, рассекая сухожилия — и, господи, как это было приятно!

— Падай, ублюдок! — закричал Ник. — Падай!

Удивление на лице гиганта смешалось с испугом. Он застонал и упал на колено. Подоспевшая сзади Сверчок вонзила меч в его загривок — да так, что острие вышло из глотки. Вол выпучил глаза, громко заклокотал горлом и рухнул ничком в траву. Но Ник видел слишком много фильмов ужасов о неподатливых монстрах, раз за разом поднимавшихся на ноги, чтобы успокоиться на этом. Испустив дикий звериный вой, он нанес еще удар, вложив в него весь свой вес, и голова гиганта откатилась в сторону.

Ник оглянулся на Владычицу. Та зажимала рану ладонью, из-под ее пальцев струилась кровь. Владычица медленно осела на колени и соскользнула в пруд, увлекая за собой

Дэнни. «Все, — подумал Ник. — С ней кончено. Ей мы больше не поможем ничем. Пора убираться».

Пронзительный крик — и еще один враг пал от удара Капитана. Четверо раненых со стонами корчились у его ног. Пожиратели плоти дрогнули, подались назад. У Ника возникла надежда, что этого хватит, что на этом все и закончится, но в ту же минуту в парке появилась еще дюжина Пожирателей плоти. Перебравшись через живую изгородь, они присоединились к остальным. Их было слишком много — чересчур, до обидного много. Ник оглянулся на пруд: может, рвануть по воде, наудачу? Но Пожиратели плоти обступили оба берега. Несколько человек бросились в воду — видимо, чтобы удостовериться, что Владычица не выйдет из нее никогда. Но они беспокоились зря: глаза Владычицы закатились под лоб, и она ушла в темную воду с головой, а Дэнни остался стоять по колено в пруду, в оцепенении глядя на нее.

«Вот и все, — подумал Ник, стиснув зубы. — Домой мне не попасть. И вообще никуда больше не попасть. Вот дерьмо... Так не должно было случиться! И ведь глупо-то как... Почему я был так глуп?»

— Присоединяйтесь! — крикнул Капитан им со Сверчком.

Взглянув в глаза Капитана, Ник увидел в них волю и мужество человека, вовсе не намеренного сдаваться.

Капитан усмехнулся.

— Я скажу так: если уж мы настолько нужны им, заставим их заплатить подороже! А что скажете вы?

Боевой дух Капитана заразил и Ника. Кивнув, он встал рядом, и Капитан от души хлопнул его по плечу.

— Рад иметь на своей стороне такую твердую руку!

Сверчок последовала за Ником. Втроем они встали спиной к спине, ошетилившись остриями мечей в ожидании тех, кто рискнет подойти ближе.

— Подходите! — закричал Капитан, маня Пожирателей плоти к себе. — Кто готов умереть?

Пожиратели плоти сомкнули строй и двинулись вперед.

Ник изготовился к бою. Пульс грохотал в ушах, дыхание участилось.

— Спокойно, — сказал Капитан.

Ник перехватил меч обеими руками, стиснув рукоять так крепко, что заболели пальцы.

— Мама, — прошептал он. — Я люблю тебя, мама.

И тут совсем рядом раздался оглушительный бычий рев, перешедший в громкое фыркание. Все замерли. Там, за спинами Пожирателей плоти, стоял Таннгност с увесистым суком в руках. Но где же назойливый, всюду сующий свой нос старик? Он исчез без следа — вместо него перед Ником предстал свирепый дикий зверь!

Таннгност оскалился, обнажив бивни и острые клыки, и протяжно, басовито зарычал.

Пожиратели плоти развернулись, направив оружие на огромного зверя, и тут из темноты раздался вой — долгий переливчатый вой. Оттуда, из ночного мрака, к полю боя, оскалив зубы, звеня мечами, стремительно неслись остроухий золотоглазый мальчишка. За ним бежали Дьяволы и эльфы.

— Питер! — воскликнула Сверчок.

При виде необузданной ярости буйного мальчишки Ник воспрянул духом. Из его горла тоже вырвался торжествующий вой.

С пронзительным боевым кличем Питер бросился на ближайшего Пожирателя плоти и одним ударом снес ему голову. Голова взвилась в воздух и шмякнулась о грудь другого врага. Питер пронзил мечом и его, потом еще одного и еще. Глаза его сверкали безумным кровожадным огнем, он кружился вихрем, припадал к земле, лягался, рубил, уворачивался от ударов, сея смерть и увечья на своем пути. Дьяволы и эльфы рубились рядом, оглашая парк криками и воплями, будто легион сумасшедших котов.

Сзади донесся звонкий девичий смех. Оглянувшись, Ник увидел дочерей ведьмы, вприпрыжку бегущих к дерущим-

ся через пруд. Вот только они больше не были маленькими ангелоподобными девочками: на их пальцах отросли острые кривые когти, лица вытянулись, превратившись в клыкастые морды. Сестры кинулись на двух Пожирателей плоти, приближавшихся к Владычице, и тут на дальнем берегу пруда показалась ведьма с четырьмя баргестами. Зловеще сверкнув изумрудным глазом, она неспешно, будто направляясь на пикник, двинулась через пруд в сторону сражавшихся.

Не зная, куда повернуться, какой фланг защищать, Пожиратели плоти дрогнули, сломали строй и в беспорядке подались назад. Капитан, пользуясь их замешательством, прыгнул вперед и ударил ближайшего Пожирателя плоти в спину. Следом за ним в толпу врагов врубилась и Ник со Сверчком.

Не в силах держать оборону, Пожиратели плоти растеряли всю храбрость и побежали, сталкиваясь друг с другом. Ник резал, рубил, колот, Маладриэль свистела в воздухе, пронзая тела, отсекая руки и ноги. Ник с ужасом осознал, что улыбается при виде страха на лицах врагов. Из горла, заглушая крики и стоны раненых, рвался звериный вой; хотелось лишь одного — убить их всех, всех без остатка, разрубать их ребра и голыми руками давить еще живые, трепещущие сердца. Сверкая глазами, Ник шел вперед, шагал через мертвых и умирающих, стремясь добраться до новой живой души...

Шуршание помех в динамиках громкоговорителя — и в ночной темноте загремел низкий рокочуший голос:

— Бросай оружие!!! Руки вверх!!!

— Бросай оружие! Живо!!!

Сержант Уилсон поднял револьвер и дважды выстрелил в воздух.

Толпа замерла и распалась, разделившись надвое. Все взгляды — очень странные взгляды — устремились в сторону сержанта и полудюжины окружавших его патрульных. Крики и лязг стихли, уступив место вою, хрипам, стонам раненых, изувеченных и умирающих.

— Что здесь, черт возьми, происходит? — спросил сержант, оглядывая кровавую бойню, отрубленные конечности и дюжины тел, судорожно корчащихся на земле.

«Люди? — подумал он. — Нет. Вон чешуя какая... и рога! Что за монстры?» Да, пожалуй, иначе и не скажешь: монстры, вырядившиеся в лохмотья и доспехи, с мечами, топорами и копьями. И эти монстры пятились, отступали перед какой-то мелюзгой. «Погоди-ка. Неужели... Нет, не может быть! Дети! Это же дети! Бешеные ребяташки — тоже с мечами и копьями, и...»

Тут сержант потерял мысль.

— А это еще что за дьявольщина? — ахнул он, указывая на громадного зверя с козлиной головой.

Действительно, на голове странного создания красовались плоские, загнутые в стороны рога, а в руках оно держало огромный сук, да так легко, будто тот весил не больше бейсбольной биты. К окровавленному концу сука прилипли пряди волос с клочьями кожи.

Углядев краем глаза что-то белое, сержант взглянул в сторону пруда. Там, у дальнего берега, склонившись над распростертым телом, стояли на коленях три девочки. Их руки и ангельские личики были сплошь перемазаны черным кровавым месивом. «Ох, ни хрена ж себе!» И тут, едва успев подумать, что на сегодня с него довольно, сержант увидел зеленую женщину, стоящую — да, стоящую прямо на поверхности воды, и рассматривающую его так, точно она не прочь поужинать его печенью.

— Господи Иисусе, мать твою богородицу до небес и обратно! — воскликнул сержант.

Он окончательно перестал понимать, что происходит. Во всем этом не было никакого смысла. Ни малейшего. «Мы в полном дерьме, — подумал сержант, тревожно переглянувшись с патрульными. — Где подкрепление? Где, черт возьми, части особого назначения, где парни из группы быстрого реагирования, где ребята с крупным калибром?»

Он постучал по микрофону.

— Срочно требуется подкрепление, — сообщил он, стараясь говорить как можно спокойнее. — Восточная часть Бэттери-парка. Есть раненые. Много вооруженных подозреваемых. Прошу подкрепления, срочно! Срочно, мать вашу!!!

Вдруг сразу несколько монстров двинулись прочь — с ленцой, как ни в чем не бывало, будто решив, что им надоело играть.

— Не двигаться! — заорал сержант, переводя оружие с одной твари на другую. — Всем стоять!

Но его никто не слушал. Чернокожие люди продолжали расходиться, небольшими группами исчезая среди кустов и деревьев.

— Что будем делать, сержант? — спросил один из полицейских, тыча в сторону чудищ револьвером, будто амулетом, отгоняющим злых духов.

Сержант не ответил. Он сам этого не знал. О таком дерьме в должностных инструкциях не говорилось ни слова. Ясно было одно: упускать этих типов нельзя. «Надо подстрелить кого-нибудь. Перепугать эту мразь...» Остановив взгляд на человеке с топором, он потянул спусковой крючок, но тут заметил еще кое-что странное — еще более странное, чем все эти монстры и мелкие бесы. Пруд... он светился!

Сержант опустил револьвер, чтобы лучше видеть, и наморщил лоб. «Что за черт?» От поверхности пруда поднимался в воздух мерцающий в темноте туман.

«Химия какая-то?» Спина сержанта покрылась гусиной кожей. Большую часть лекций по биотерроризму он проспал, но неизменно наострял уши, когда речь заходила о воздействии химических и биологических атак на человеческий организм. И твердо усвоил одно: ни харкать растворяющимися легочными тканями, ни захлебываться собственными физиологическими жидкостями он не желает.

Сержант попятился назад. И тут с ним случилось нечто еще более странное (его понимание странного расширилось с каждой секундой), заставившее мигом забыть о химикатах и биотерроризме. В тумане над водой возникли видения — множество диких, небывалых картин. Из тумана слышались звуки — причудливые жуткие голоса, плач женщин, детское пение. Среди мерцающих клубов замелькали тени безглазых младенцев с огромными, как тыквы, головами и перекошенными ртами, полными острых зубов. За ними ползли горбатые старухи с иссохшими конечностями, сморщенной кожей и черными дырами вместо глаз. Их вздувшиеся животы омерзительно колыхались, а вислые груди заканчивались огромными жалами, источавшими тягучую черную слизь. Они тянули к нему руки и умильно улыбались, приглашая сержанта в свой хоровод.

Сержант развернулся, кинулся прочь и врезался прямо в командира спецподразделения. За ним стояла группа быстрого реагирования — минимум два десятка хорошо вооруженных, крепких, прекрасно обученных, знающих свое дело бойцов.

— Что здесь... — начал командир «спецов», но у сержанта не было времени отвечать на вопросы. Ему срочно нужно было бежать: он опаздывал на прием к врачу, должен был покормить золотых рыбок, забыл выключить утюг — словом, никак не мог задержаться. Сержант бросился наутек, оставив немало озадаченную группу быстрого реагирования позади.

Секундой позже в воздухе с воем закружился рой отрубленных голов; голые старухи с облезлыми вороньими головами заскакали вокруг новоприбывших в веселом танце, игриво щекоча холодными пальцами их шеи, ероша волосы, и тогда группа специального назначения развернулась кругом и поспешила вслед за сержантом — прочь из этого кошмара.

Рогатый

Пуман укрыл парк серебристой мерцающей пеленой, заглушая крики людей, гудки автомобилей и даже вой сирен. Питер чувствовал себя, словно во сне: плач и стоны раненых и умирающих смешались, слились с тоскливой песней Тумана...

Тумана? Это могло означать только одно. «Владычица жива! — подумал Питер. — Там, в пруду. Она должна быть в пруду!»

Сияние пруда угасало, вода чернела на глазах. Питер выдернул мечи из тела мертвого Пожирателя плоти у своих ног, сунул их в ножны, даже не потрудившись стереть с лезвий кровь, и бросился к пруду. Двух раненых Пожирателей плоти, медленно ковылявших прочь, поддерживая друг друга, он миновал, даже не взглянув на них. Все его мысли были устремлены к пруду — к Владычице.

— Где же она? — прошептал он, вглядываясь в воду. Владычицу нужно было найти — найти и собственными глазами увидеть, что она вправду жива.

Тут Питер увидел Дэнни, стоявшего по колено в воде с веревкой на шее. Натянутая веревка уходила в воду. Обдав Дэнни тучей брызг, Питер прыгнул в пруд, и начал перебирать руками веревку. Отыскав Владычицу, он бережно поднял ее на руки, взгляделся в ее лицо, заглянул в полуоткрытые глаза — пустые, безжизненные, совершенно лишенные цвета — и, наконец, увидел страшную рану в плече над ключицей.

— О нет, — прошептал он. — Нет, нет.

Он вышел на берег и осторожно уложил Владычицу на землю. Владычица медленно открыла глаза и улыбнулась.

— Мабон... ты нашел меня... — прошептала она, коснувшись его щеки.

— Нет, Модрон, сиська ты безмозглая, — вмешалась ведьма, подошедшая сзади. — Это всего-навсего тот рыжий мальчишка. А от твоего Мабона давным-давно остались только прах да кости, — ведьма взяла Владычицу за руки. — Все, хватит болтовни. Сосредоточься на своей ране.

Веки Владычицы сомкнулись. Казалось, она перестала и дышать.

— Сделай же что-нибудь, — сказал Питер ведьме. — Сделай что-нибудь, пожалуйста!

— Ох, не ной, — ответила ведьма. — Что я могу поделать? Аваллах передал свое исцеляющее прикосновение Модрон, а не мне, — она презрительно ухмыльнулась. — Эта, беленькая да чистенькая, всегда у него в любимицах ходила. Ладно, хоть кровь унялась.

— Значит, с ней все будет в порядке! — упрямо воскликнул Питер.

— Может, и да. Она слаба. Истратила все силы, призвав Туман. Ей нужна вода. Чистая свежая вода, а не эта вонючая затхлая лужа. Нужно унести ее отсюда. Туда, где...

— Питер!!! — заорал Гек. — Сзади!!!

В мгновение ока Питер развернулся и выхватил меч. За его спиной, рядом с Дэнни, стоял Капитан! По колено в воде, в одной руке веревка, в другой — кинжал...

Питер оскалился.

— Ты?! — зарычал он, направив меч на врага.

— Постой! — крикнул Капитан, подняв руки и направив острие кинжала вверх. — Мне нужен только этот мальчик! — он кивнул на Дэнни. — Только этот мальчик, и больше ничего.

Питер не верил собственным ушам. Этот демон, это чудовище осмелился просить его отдать ему одного из ребят?! После того, как собственными руками погубил стольких Дьяволов?!

— Никогда! — прорычал Питер, прыгая в пруд и занося меч над головой.

Капитан отвел удар кинжалом, увернулся, пропустив Питера мимо, и выхватил из-за пояса меч.

— Питер, нет!!! — закричал Ник и прыгнул в пруд между ними, окатив брызгами обоих. — Прекрати!

В руках Ник держал копьё, одно из тяжелых копий Пожирателей плоти. Он поднял древко, преграждая Питеру путь, и Питер приставил острие меча к его горлу.

— Ник, предупреждаю, — холодно сказал он. — Слишком часто ты оказываешься на пути моего меча. Убирайся с дороги. Сейчас же!

— Просто отпусти Дэниэла, — спокойно сказал Капитан. — Отпусти его со мной, и мы уйдем.

— Что?! — закричал Питер. — Ты больше не отнимешь у меня никого из ребят, никогда! А если что от меня и получишь, так только удар мечом!

Дьяволы с плеском бросились в пруд, направив на Капитана мечи и копыя и не давая ему сдвинуться с места. Но Капитан не дрогнул и не опустил меча.

— Питер, остановись! — закричал Ник. — Посмотри вокруг, открой глаза и посмотри!

Он показал на тела вокруг пруда, на Айви, устремившую безжизненный взгляд в Туман, на Карлоса, лежащего на берегу — горло перерезано, ленточка крови стекает в воду...

— Сколько еще смертей тебе нужно? Сколько ребят еще должны умереть? Вот твоя драгоценная Владычица, так позволь же им уйти!

Питер отвел взгляд от мертвых Дьяволов. Они умерли достойно, как настоящие герои, и он не позволит Нику поливать грязью их подвиг и выворачивать правду наизнанку. Ник просто видит все наоборот!

— В их смерти виноват только один ублюдок. Только один, — Питер показал на Капитана. — Он.

— Нет, Питер, — сказал Ник. — Капитан сражался за нас. И спас твою Владычицу. Или это для тебя ничего не значит?

Питер недоверчиво прищурился.

— Это правда, — подала голос Сверчок.

Питер шумно перевел дух и взглянул на Капитана.

— Уходи. Уходи немедленно, и я пощажу тебя. А вот мальчишка... этот предатель... он останется здесь. За ним долг.

Капитан медленно покачал головой.

— Нет. С тобой я его не оставляю.

Дьяволы крепче стиснули древки копий и вопросительно взглянули на Питера.

Питер пожал плечами.

— Тогда умрешь, здесь и сейчас.

Ник развернул копьё острием к Питеру.

— Нет уж, хватит! Я не стану спокойно смотреть, как ты убиваешь его. Как Лероя. Хватит.

Во взгляде Ника чувствовалось осуждение. «Он не блефует. Он это серьезно. О, боги всемогущие, этот глупый пацан действительно вмешается», — подумал Питер, смерив Ника яростным взглядом.

— Ник, сейчас тебе будет очень больно, очень. Это твой последний...

В Тумане раздался крик. Питер обернулся, готовый ко всему... но только не к тому, что увидел.

— Ульфгер, — с болью в голосе выдохнул он.

Ульфгер стоял у дальнего берега пруда, склонив голову набок, будто вслушивался в чьи-то голоса. Его волосы были встрепаны, лицо измазано копотью, темные мрачные глаза полны безумия и страха. Туман расступился перед ним, и Питер увидел Драэля, корчащегося у его ног!

— О нет!

Питер рванулся вперед, но тут же остановился. Что-то тут было не так. Питер прищурился, стараясь понять смысл увиденного. Старый эльф прижимал руку к груди. Его рука чернела на глазах. Чернота поползла до плеча, захватила шею, щеку... Лицо Драэля исказилось от боли, и его кожа задымилась.

— Что за безумие? — прошипел Питер.

Драэль закричал вновь, и от его крика по спине Питера поползли мурашки. Эльф начал отчаянно кататься по траве, корчась от боли; из его глаз, из носа, изо рта хлынула кровь. Вдруг его тело выгнулось дугой, Драэль вцепился ногтями в грудь, еще раз сдавленно вскрикнул и замер без движения.

Питер остолбенел, не сводя глаз с дымящегося труп старого друга.

— Нет, — пробормотал он. — Не может быть.

Один из эльфов бросился вперед, метнул копье и попал Ульфгеру в грудь. Острые копыя пробило кирасу и глубоко вошло в тело. Ульфгер качнулся назад, безмятежно, словно из простого любопытства, взглянул на копье и, громко крикнув, выдернул его из груди. На стальном наконечнике не осталось ни капли крови.

— Что происходит? — прошептал Питер.

— Его кровь — одно целое с мечом, — ответила ведьма. — Его невозможно остановить. Ни копыя, ни мечи смертных ему не страшны.

Ульфгер посмотрел на Владычицу и улыбнулся Питеру.

— Я пришел по ее голову. Иди сюда, недомерок. Иди сюда, дурачок, — Ульфгер взмахнул рукой, будто приглашая

Питера на партию в карты. — Иди же, посмотрим, сможешь ли ты спасти свою королеву, — он небрежно пнул дымящийся труп Драэля. — Иди, рискни предстать перед судом Аваллаха.

С яростным рыком Питер выпрыгнул из воды и бросился на Ульфгера. Пронзительно взыв, он ударил — левым мечом вверх, правым вниз. Ульфгер взмахнул Калибурном, отражая удар, и клинок одного из мечей Питера раскололся, будто стекло, а рукоять отлетела в сторону, но второй меч вонзился Ульфгеру в бедро, чуть выше колена. Ульфгер споткнулся, и меч Питера вонзился в его шею под затылком. Стальное лезвие глубоко вошло в плоть врага, и глаза Питера вспыхнули беспощадным огнем. «За Драэля!» Питер развернулся, собираясь прикончить Ульфгера, но с ужасом, не веря собственным глазам, увидел, что тот все еще на ногах. Казалось, его удары ничуть не повредили гиганту. Раны Ульфгера затягивались прямо на глазах! Питер отступил, и Ульфгер шагнул к нему, направляя удар в его грудь. В последний момент Питер успел поднять меч, но удар был так силен, что он потерял равновесие, выронил оружие и рухнул на колени.

Резак рванулся вперед и вонзил копье в живот Ульфгера. Тот хмыкнул, выдернул оружие из раны, древком копья сбил Резака с ног, прямо на Питера, и кольнул мальчишку мечом в спину.

Питер потянул Резака за руку, помогая ему подняться, и вдруг тот пронзительно закричал. Кожа мальчишки горела, шипя и обугливаясь прямо под пальцами Питера. Ослепленный ужасом, Питер вскрикнул и даже не заметил удара. Огромный кулак в латной перчатке врезался в его лоб. В глазах ярко вспыхнуло, чьи-то пальцы мертвой хваткой сжали его горло и подняли в воздух.

Питер забился, забрыкался, впился ногтями в руку Ульфгера, но огромные пальцы сжимали горло мальчишки, точно стальные клещи.

Эльфы отступили, заслонили собой Владычицу, предоставив Питера его собственной участи, но Дьяволы — Дьяволы бросились в бой. Рекс, Змей, Гек, Шустрый и даже Сверчок рванулись через пруд к Ульфгеру и окружили его. Ни клаянзя зубов, ни диких боевых кличей — только взгляды, угрюмые решительные взгляды...

Ульфгер презрительно фыркнул и поднес Калибурн к лицу Питера.

— Одно прикосновение, — заорал он, — и ваш ненаглядный вор превратится в пепел!

Дьяволы переглянулись. Чувство собственной беспомощности разом лишило ребят всей их ярости.

Ульфгер еще крепче сжал горло Питера, и тот сдавленно застонал, чувствуя, что позвонки вот-вот треснут.

— Назад, — сказал Ульфгер.

Дьяволы отступили.

— Ульфгер, — крикнула ведьма, — послушай-ка, что я скажу! Вкус его крови тебе не понравится!

Ведьма улыбнулась, облизнув зеленые зубы.

Ульфгер пренебрежительно хмыкнул и отмахнулся от нее.

— Модрон, посмотри на меня, — приказал он. — Посмотри на меня!

Ведьма подняла Владычицу, помогая ей сесть.

— Вот так, дорогуша. Не расстраивай Ульфгера. Погляди же на него. Такое ты уж точно не захочешь пропустить. Пропустишь такое зрелище — будешь жалеть всю жизнь, обещаю.

— Модрон! — крикнул Ульфгер.

Владычица открыла глаза.

— Смотри, кого я поймал! Твою драгоценную птичку! — он встряхнул Питера, как куклу. — Разве он не похож на твоего малыша Мабона? Смотри, Модрон. Смотри, как горит твой драгоценный мальчишка!

Владычица покачала головой и подняла дрожащую руку.

Ульфгер ухмыльнулся, сверкнул глазами, поднял сломанный черный клинок и медленно провел острием по щеке Питера, оставив на коже длинный неглубокий надрез.

Щеку охватило жаром, Питер вскрикнул, и Ульфгер швырнул его наземь.

Сверчок завизжала. Дьяволы, Таннгност, эльфы — все замерли, глядя на Питера круглыми от ужаса глазами.

Питер прижал ладонь к щеке. Сердце отчаянно билось в груди. Хотелось вскочить и бежать, но бежать было некогда — ведь от яда в крови не уйдешь. Жар растекался по венам. Питер ждал боли, огня, что вот-вот выжжет его изнутри, но ничего подобного не последовало — только тепло разлилось по всему телу. Питер отнял ладонь от щеки — и не увидел крови. Потрогал царапину — и почувствовал, что она уменьшается, съеживается, исчезает!

Улыбка исчезла с лица Ульфгера. Гигант растерянно огляделся вокруг.

От пруда послышался смех — кудахчущий хриплый смех ведьмы.

— Ох, Ульфгер! Ну и осел же ты! Здоровенный безмозглый осел! Видел бы ты сейчас свою рожу! — ведьма вновь закудахтала от смеха. — А ведь я предупреждала! Что, не видишь? Не понимаешь? Все это может означать лишь одно!

Ульфгер сощурился и недоверчиво взглянул на ведьму.

— Ну, сам подумай, болван! Рана не кровоточит. Меч не испепелил его, так? А почему, Ульфгер? Что это значит? Ну, давай, шевели мозгами, ты справишься!

Ульфгер вытаращил глаза и помотал головой.

— Да-да, — подтвердила ведьма. — Ну? Понимаешь? Понимаешь, племянничек, хоть ты и глуп, как пробка. Все прекрасно понимаешь.

— Нет, — пролепетал Ульфгер. — Нет!!!

— Похоже, не один ублюдок Рогатого бродит еще по свету, — рассмеялась ведьма, встряхнув Владычицу. — Ах,

это просто чудесно! Видишь, Модрон, я же говорила, ты не захочешь это пропустить!

Ульфгер полоснул ведьму яростным взглядом и направил на нее Калибурн.

— Ты лжешь, ведьма! Ты исполнена лжи!

Тем временем Питер встал на ноги, и Ульфгер направил свой черный меч на него, удерживая острый обломанный конец клинка в дюйме от его сердца.

— Обман. Ложь. Я не...

Глаза Ульфгера вспыхнули безумным огнем, он вновь склонил голову набок, будто вслушиваясь в слова какого-то незримого призрака. Его лицо дрогнуло, застыло в гримасе боли и отчаяния.

— За что? — захныкал он. — За что ты без конца мучаешь меня? За что ты меня ненавидишь? Я был хорошим сыном — всегда, всегда!

Питер тихонько отодвинулся назад, но Ульфгер тут же встрепенулся, и в его глазах полыхнула жуткая, невыносимая ненависть.

— Ты! — закричал он, брызжа слюной. — Ты, выродец!..

С этими словами он вонзил Калибурн в грудь Питера — изо всех сил, по самую рукоять, так, что обломанный конец, пробив ребра, вышел из спины.

Ослепляющая боль... Питер раскрыл рот, чтобы закричать, но только сдавленно охнул. Ульфгер резко провернул клинок — влево, вправо — и выдернул меч. Питер упал и покатился по земле, зажав ладонями глубокую рану, хватая воздух широко разинутым ртом. Но воздух рвался прочь из груди сквозь сжатые пальцы: Питер слышал, чувствовал ужасное шипение, с которым он утекал в дыру, пробитую в легком.

Ульфгер визгливо, надрывно захохотал, занес руку для второго удара, и тут Дьяволы бросились в бой.

Рекс нырнул вниз, целя в колено и отвлекая удар Ульфгера на себя. Ульфгер промахнулся, и черный меч глубоко

ушел в землю. Тем временем Рекс полоснул его по ноге, а Шустрый вогнал копье в живот врага. Острие копья пробило доспех и глубоко вошло в тело. Ульфгер громко закричал и отшатнулся назад, но сзади на него бросились Змей с Геком — Гек ударил в ноги, а Змей в голову.

Невзирая на боль, Питер восхищался их храбростью, хитростью и слаженностью. На миг ему показалось, что все хорошо, что у Дьяволов есть шанс выстоять — прикончить это чудовище или хотя бы заставить его отступить. Но тут Ульфгер вырвал Калибурн из земли, взмахнул им — легко, будто перышком — и сумел застать всех врасплох. Такой быстроты от гиганта не ждал никто. Удар сбоку, в голову, снес Рексу половину черепа. Оставляя за собой в воздухе шлейф брызг крови и мозга, черный клинок рассек руку, а за ней и шею Гека. Оба упали и больше не шевелились. Змей отпрянул назад, и Калибурн, просвистев мимо головы мальчишки, оцарапал его плечо. Всего лишь крохотный порез... Но по лицу Змея было видно: он знает, что его ждет, что означает эта ничтожная царапина. Миг — и на месте пореза расцвело черное пятно. Стремительно увеличиваясь в размерах, онохватило шею и грудь. Змей закричал, его плоть задымилась, зашипела, обнажая кости, но он не прекратил бой и снова бросился к Ульфгеру. Гигант небрежно взмахнул кулаком и сбил мальчишку с ног, оставив его гореть.

— Нет, — прохрипел Питер, едва не обезумев от боли, ярости и безысходности: Ульфгер убивал Дьяволов, его Дьяволов, одного за другим, пока он валяется в грязи!

— Твою мать, — выругался Питер, заставив себя подняться на четвереньки.

Из глаз покатились слезы. Питер схватился за грудь — но крови под пальцами не было. Боль постепенно превращалась в приятное тепло, и он обнаружил, что снова может дышать, что рана затягивается! «Меч... Этот проклятый меч...»

В живых оставались только Сверчок да Шустрый. Шустрый прыгнул вперед, преградив Ульфгеру путь к Питеру.

Сверчок подбежала с другой стороны и встала рядом. Рядом с нависшим над ней гигантом она казалась совсем крохотной... Питер отчетливо видел ее страх, неопиcуемый ужас на ее лице, и все же она встала в боевую стойку — в точности так, как учила ее Секеу.

Питер медленно поднялся на ноги.

Ульфгер со смехом шагнул вперед.

— Дьяволы! Дьяволы! Дьяволы — ура!!! — заорал Шустрый, бросившись на Ульфгера и вложив в удар всю свою силу и быстроту.

Ульфгер ударил навстречу. Его меч прошел сквозь клинок и предплечье Шустрого, как сквозь масло, и едва не рассек тело мальчика пополам. Шустрый отлетел назад, сбив с ног и Сверчка и Питера. Ульфгер занес Калибурн над головой.

— Да свершится правосудие! — закричал он.

И тут из его шеи показалось острое копьё. Ульфгер изумленно поднял брови.

Питер моргнул. Это был Ник! И ни следа страха — только решимость на мрачном, неподвижном лице... Да, это был совсем не тот испуганный, растерянный мальчуган, которого Питер совсем недавно встретил в парке. Этот мальчишка был гибок, силен и опасен; его колючие холодные глаза были глазами убийцы.

Ник навалился на копьё, еще глубже вгоняя его в шею Ульфгера.

— А ну прочь от нее!!! — закричал он.

Ульфгер закашлялся, задохнулся, выронил Калибурн и обеими руками ухватился за копьё, стараясь вырвать его из рук Ника. Ник еще раз всем весом навалился на древко, затем бросился к Сверчку, схватил ее за руку и рывком поднял на ноги.

— Сверчок, беги!!! — крикнул он.

Ульфгер вырвал копьё из шеи и прицелился в Ника. Питер раскрыл было рот, чтобы закричать, но было поздно.

Ульфгер метнул копье и попал Нику в спину, прямо под лопатку. Острые копья вышло из груди Ника. Мальчишка замер, глядя на него, и рухнул на колени.

— Ник! — вскрикнула Сверчок.

— Беги, — слабеющим голосом проговорил Ник, падая лицом в землю.

Ульфгер и Питер скрестили взгляды над телами мертвых и умирающих, обдавая друг друга жаром взаимной ненависти. Грудь Питера вздымалась, золотые глаза пылали, зубы обнажились в хищном оскале, пальцы скрючились, будто когти, готовые впиться в тело врага, вырвать его глаза из глазниц. Калибурн, смертоносный черный меч, лежал в грязи между ними. Оба единокровных брата, как по команде, взглянули на него. Питер оказался проворнее — нырком бросившись вперед, он схватил меч, перевернулся через голову, вскочил на ноги и нанес удар. Казалось, меч в его руках невесом. Клинок рассек доспех Ульфгера, как бумагу, и глубоко вонзился в его бедро. Ульфгер отпрянул назад. В его глазах мелькнул страх.

Питер чувствовал, как впиваются в ладонь шипы на рукояти меча, чувствовал его тепло, его пульс, его мощь. В ушах зазвучал голос Рогатого — тот звал его по имени, и, очевидно, Ульфгер тоже услышал отца.

— Нет! — вскрикнул он. — Это же я — единственный! Я, отец! Я!!!

Питер поднял меч и двинулся по кругу, обходя Ульфгера в ожидании момента для удара.

Ульфгер попятился, дико озираясь, лихорадочно отыскивая путь к бегству, зацепился каблуком за тело Гека и рухнул навзничь.

Питер метнулся вперед и встал над ним.

— Нет!!! — завизжал Ульфгер.

Но Питер занес черный меч высоко над головой и что было сил обрушил его вниз. Ульфгер вскинул руки, пытаясь отвести удар, и Калибурн отсек ему обе кисти, оставив за

собою лишь два исходящих паром обрубка. Ульфгер громко застонал от ярости и боли. Питер ударил еще. На этот раз лезвие глубоко вошло в глотку Ульфгера. Ульфгер скривился в агонии, жутко, сдавленно булькая горлом. Питер ухмыльнулся. Меч целиком завладел им, и Питер наслаждался песнью клинка, рубя врага вновь и вновь. Раны Ульфгера затягивались на глазах, но Питер рубил, резал, сек, кромсал, и наконец голова Ульфгера откатилась в сторону, а тело безжизненно обмякло.

Туман за клубился, заплясал вокруг. Буйная кровь Рогатого бурлила в жилах Питера, разбуженная мечом, битвой и смертью, золотые глаза горели огнем. Поставив ногу на грудь Ульфгера, он воздел Калибурн к небесам, запрокинул голову и завыл.

Парк вторил ему раскатистым эхом.

Питер закрыл глаза, вслушиваясь в биение собственного сердца. Крики людей и трели сирен вдалеке звучали все громче и громче, и он понял: Туман опять редет. Вдруг до него донесся голос Владычицы — тихий, но заглушивший все прочие звуки:

— Питер...

Питер открыл глаза и увидел Владычицу. Ей, очевидно, сделалось лучше, глаза ее вновь обретали цвет. Она лучезарно улыбнулась.

— Питер, — прошептала она. — Ты мой защитник, мой герой навсегда.

Питер перевел взгляд с тела Ульфгера на трупы Пожирателей плоти и ткнул голову Ульфгера концом Калибурна. Губы Ульфгера дрогнули, глаза странно блеснули. Что, если голова врага все еще отчего-то жива? Что, если так действуют чары меча? От всей души надеясь, что так оно и есть, Питер пинком отправил голову в пруд. Голова погрузилась в воду и исчезла из виду, оставив за собой только шлейф

пузырьков. Победно улыбнувшись, чувствуя, как грудь распирает от гордости, он подошел к Владычице. «Да, я твой защитник».

Тишину нарушили негромкие прерывистые рыдания. Сверчок держала на коленях голову Ника, из его рта сочилась кровь, но он был еще жив, и его взгляд — пристальный, обвиняющий — был устремлен на Питера. Улыбка Питера угасла.

Воткнув смертоносный меч в землю, Питер подошел к ним, опустился на колени рядом со Сверчком и крепко стиснул плечо Ника. Кожа мальчишки была холодна, как лед.

— Ник, ты храбро сражался. Ты — настоящий Дьявол. Ты спас...

— Лажу не гони, — резко оборвал его Ник.

Питер вздрогнул.

Ник сжал его руку.

— Как ты можешь все еще играть в эти игры? — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Ты правда настолько слеп? — он ткнул пальцем в сторону дымящихся останков Рекса, Гека и Змея. — Смотри! Смотри на них! Все, все твои Дьяволы погибли. Может, тебе все равно? Или они просто больше не нужны?

Питер старался не смотреть на мертвых, но от их неподвижных взглядов, от вони кишок, крови и горелого мяса, витавшей в Тумане, было не скрыться. Никакого благородства, никакой романтики, только смерть... Питер хотел вернуться, но Ник удержал его. Его лицо исказилось от гнева и боли.

— Не смей отворачиваться! Они отдали жизни за тебя, они дрались за тебя, когда все остальные отступились!

— Нет, — возразил Питер. — Они погибли за Владычицу. Умерли с честью, защищая свою королеву.

— Никакая она им не королева, идиот, — Ник закашлялся, обрызгав подбородок кровью. — Это на тебя они чуть

не молились. Это за тобой они шли, и посмотри, куда ты их привел! Посмотри! Это ты променял их жизни на жизнь Владычицы — своей проклятой ненаглядной Владычицы. Оно того стоило? Стоила она жизней столькох ребят? Достойна всех этих жертв?

Питер отшвырнул руку Ника.

— Нет, — прорычал он. — Все не так. Ты вечно выворачиваешь все наизнанку.

Но даже сейчас, так горячо настаивая на своем, он видел их лица — не мертвые, живые... Полные жизни лица всех, кто последовал за ним сквозь Туман, доверившись его слову, всех, кто смеялся, плакал, играл, дрался и умер рядом с ним...

Тут Питер увидел Дэнни с Капитаном, выбиравшихся из воды на дальний берег пруда. Он вскочил, потянулся за Калибурном, но остановился, оглянувшись на Ника и вновь встретив его жесткий холодный взгляд.

— Чего ждешь? — спросил Ник. — Давай, и их убей. А то твоей проклятой королеве крови еще мало. Так?

Питер с шумом выдохнул и остался стоять, глядя, как Капитан с Дэнни исчезают за деревьями.

— Питер, — окликнула его Владычица. — Подойди ко мне.

Ее голос понемногу обретал былую силу. Тантност держал ее на руках, эльфы, ведьма, три девочки и баргесты собрались рядом. Владычица улыбнулась Питеру.

— Нам пора.

Ник закашлялся, выплюнув порядочный сгусток крови. Питер взглянул на копьё, торчавшее из груди мальчика, будто только что заметил его. Ник сильно побледнел, взгляд его помутился от боли.

— Держись, Ник! Все будет в порядке.

Питер со всех ног бросился к Владычице.

— Модрон! — крикнул он. — Пожалуйста, помоги ему! Скорее, пока не поздно!

Владычица потянулась к Питеру, взяла его за руку и грустно улыбнулась.

— Прости, но для него я не могу сделать ничего.

— Еще как можешь! Ты же можешь исцелить его! Ну, хоть попробуй!

Голос Владычицы зазвучал строже.

— Питер, не сейчас. Сейчас у нас нет времени на их племя.

«Их племя?» Питер потрясенно уставился на Владычицу.

— И, пожалуйста, не смотри на меня так. Я знаю, эти человечьи дети тебе дороги. Но сейчас они снова дома, на своем месте, и помогать им — забота их богов. А нам нужно позаботиться о своих.

— Ник тоже наш! Он тысячу раз заслужил место среди нас. Ты обязана ему жизнью!

Глаза Владычицы полыхнули гневным огнем.

— Довольно об этом! — резко сказала она. — Уж не хочешь ли ты, чтобы я рискнула всем ради него? Я должна копить силы: впереди много испытаний.

Питер схватил Владычицу за руку.

— Пожалуйста, — умоляюще заговорил он, — сделай, что можешь. Хоть что-нибудь. Пожалуйста, умоляю тебя!

Лицо Владычицы смягчилось.

— Питер, не расстраивайся так. Тебе нужно забыть все это, вычеркнуть их племя из памяти. Теперь ты — мой полководец. Тебя ждет место рядом со мной. И больше я ничего не желаю слышать. Таннгност, нам нужно идти, пока еще не все потеряно.

Питер обвел взглядом их лица — увидел усмешку ведьмы, коварные улыбки девчонок, пустые холодные глаза эльфов... Казалось, один лишь Таннгност искренне скорбит по умирающему мальчишке.

— Прости, Питер, — сказал старый тролль. — Хотел бы я помочь, да не в силах.

— Пора, Питер, — вмешалась Владычица. — Нам нужно спешить.

Все отвернулись и двинулись прочь, оставив Питера среди тел поверженных Дьяволов.

Ник чувствовал холод — мертвенный холод, крадущийся к сердцу. «Вот и конец, — думал он. — И я больше никогда не увижу маму». По щекам покатились слезы. «Но я должен попросить у нее прощения. И сказать, как я ее любил. Должен».

— Питер, — слабым голосом позвал Ник.

Но Питер не слышал.

— Питер! — закричала Сверчок. — Питер!

Питер с трудом отвел взгляд от Владычицы, подошел к Нику со Сверчком и присел рядом.

— Мне нужно, чтобы ты сделал для меня одну вещь, — сказал Ник.

Питер рассеянно кивнул.

— Найди мою маму, — Ник снова закашлялся. Говорить становилось все трудней и трудней. — Найди и скажи ей, что я люблю ее. Что я очень виноват. И, Питер!.. — Ник стиснул руку Питера и притянул его к себе. — Убей их. Убей Марко с друзьями! Сделаешь?

Но Питер не отвечал. Он провожал взглядом Владычицу — Таннигност нес ее в сторону доков, а прочие беглецы с Авалона тянулись следом.

— Питер, смотри сюда. Ты обещал. Ты поклялся! На этот раз не увиливай. Ты обязан сделать это для меня. Окей?

— Ник, я сделаю, что смогу.

— Нет. Клянись. Клянись, мать твою! Держи руки на виду и клянись.

Питер опустил взгляд.

— Ник, я не могу. Не сейчас. У меня еще дела.

— Да будь ты проклят! — закричал Ник. — Слушай. Она живет недалеко от того парка, где мы встретились. Кэрролл-стрит, угол Четвертой авеню. Синий дом. Единственный синий дом на всю улицу. Запомнил? Кэрролл-стрит. Синий дом. Не ошибешься, — Ник снова закашлялся и сплюнул кровью. — Пойди туда и убей Марко. Ты обязан мне. Обязан, блин!

Питер кивнул, но ничего не сказал.

Сверчок всхлипнула.

Пальцы онемели, рука Питера выскользнула из ладони. Хотелось говорить дальше, заставить Питера поклясться, увидеть по его глазам, что он действительно убьет Марко... Но говорить стало так тяжело, что Ник лишь слабо улыбнулся золотоглазому мальчишке.

— Владычица, — прошептал он. — Она похитила твою душу...

В глазах помутилось. «Как холодно», — подумал Ник, жалея, что мамы нет рядом. Как ему хотелось увидеть ее еще разок, почувствовать тепло ее рук на плечах... Как было бы здорово, как чудесно...

Ник закрыл глаза.

Рука Ника разжалась и безжизненно упала на землю. Питер опустил взгляд.

Сверчок, не отрываясь, смотрела на Ника. Она больше не плакала — только смотрела на него пустым, потерянным взглядом.

Из редющего Тумана донесся голос Владычицы:

— Питер, иди ко мне.

Отряд ждал его, остановившись в тени деревьев.

— Сверчок, — сказал Питер, — пойдём.

Сверчок взглянула на Питера так, будто впервые видела его, посмотрела в сумерки, где ждала Владычица, и помотала головой.

— Нет, я остаюсь.

— У нас впереди столько, что и не описать! Мы должны... — оборвав фразу на полуслове, Питер устало вздохнул и тронул Сверчка за плечо. — Прощай, Сверчок.

Но Сверчок даже не взглянула на него.

Питер встал, выдернул из земли Калибурн и пристально взглянул на сломанное черное лезвие. «И я был там, когда сломался этот меч, — подумал он. — Был рядом с ним, с Рогатым — с моим отцом, когда он шел с этим мечом в битву».

Вытащив из-под окоченевшего тела Ульфгера меховой плащ, Питер завернул в него смертоносный меч, в последний раз окинул долгим взглядом лица мертвых Дьяволов и взглянул в лицо Ника.

— Я вас не забуду.

С этими словами он отвернулся и последовал за Владычицей.

Питер догнал Владычицу и остальных у старой голландской батареи. Туман рассеялся, и над бухтой вдали виднелась Статуя Свободы, озаренная зеленоватым светом. Один из эльфов вспрыгнул на стенку набережной и показал вниз.

— Вижу судно, — удивленно сказал он, сощурив узкие глазки. — Это ладья!

Питер помог Таннгносту спустить Владычицу вниз, на камни, к почерневшему борту великолепной ладьи. Один за другим последние беглецы с Авалона взошли на борт: ведьма с дочерьми, Таннгност с Владычицей, эльфы, и, наконец, баргесты — эти проскакали на нос и расселись вокруг величавой драконьей головы, будто горгульи. Настал черед Питера, и Питер заколебался.

— Питер, поспеши, — сказала Владычица.

Питер ухватился за борт, занес было ногу, чтобы взобраться наверх, но тут же остановился.

— Питер?

Питер стиснул зубы и медленно покачал головой.

Владычица смерила его строгим взглядом.

— Я не могу.

— Довольно ломаться, — сказала Владычица.

— Сначала я должен кое-что сделать.

— Уж не о глупом ли обещании, данном тому мальчишке, идет речь?

Питер кивнул.

— Поднимайся на борт, Питер, — приказала Владычица. — Сейчас не время для игр.

Вместо ответа Питер запустил руку в сумку и вынул три яблока.

Глаза Владычицы округлились.

— Семя Аваллаха, — благоговейно прошептала она. — Но откуда?

Питер отдал ей яблоки, и Владычица прижала их к груди, точно новорожденных младенцев.

— Питер, ты понимаешь, что это значит? Теперь мы вправду можем возродить Авалон!

Питер снова кивнул.

Голос Владычицы зазвучал тихо, чарующе:

— Питер, тебя ждет все, чего ты только мог пожелать, — ее острые лазурные глаза засияли. — Тебя ждет новый мир, мой герой. И ты воссядешь рядом со мной и поделишь со мной все волшебные наслаждения. — Ее голос зазвучал громче. — Смотри, Питер. Смотри, вот твое место по праву. Смотри, вот твоя истинная судьба!

И Питер увидел эту картину: он, вольный повелитель ши, владыка всего, что видит, резвится в волшебном лесу, среди зверей и Дивного народца — и это действительно было все, чего он только мог пожелать.

— Гибель этих детей тяготит твое сердце, — продолжала Владычица тем же низким, глубоким, убаюкивающим голосом. — Это вполне понятно. Но придет новый день,

и все это останется позади. Ты будешь рядом со мной. Все Дивные будут танцевать у твоих ног, и тогда ты забудешь человеческих детей, и боль утихнет.

Питер встряхнулся, отгоняя видения.

— Забуду их? Нет, — твердо, решительно сказал он. — Я не забуду их. Я не забуду их никогда.

Он сделал шаг назад.

— Питер, ты пойдешь с нами. Ты должен. Новый мир — очень хрупкая вещь. Твое место — среди защитников Авалона, с Калибурном в руках. Ты не можешь отречься от собственной крови. Это твой долг! Поднимайся на борт. Я приказываю!

Питер выдержал ее взгляд и покачал головой.

— Нет. Я обещал, — он бросил завернутый в плащ меч в ладью, к ногам Владычицы. — Прощай, Модрон.

Владычица сверкнула глазами, оскалилась, зарычала...

— Модрон! — рассмеялась ведьма. — В нем пробудилась отцовская кровь. Похоже, его сердце больше не подвластно твоим чарам.

Владычица с яростью взглянула на сестру — и обвисла в руках Таннгноста, будто разом утратив все силы.

— Питер, птичка моя, — устало, тихо сказала она. — Мой маленький Мабон... Не покидай меня. Как же я без тебя?

Питер снял с шеи цепочку со звездой, взял Владычицу за руку и вложил амулет ей в ладонь.

— Я не Мабон, — мягко сказал он.

Владычица с невероятной тоской взглянула на безжизненную звезду. Вдруг ее лицо помрачнело, и на мгновение Питер увидел перед собой не хрупкую женщину, но Владычицу, которую встретил многие годы назад — богиню, гордую дочь Аваллаха, королеву Авалона. Расправив плечи, она протянула ему звезду Мабона. Звезда вновь сияла золотым огоньком.

— Окажи мне услугу — сбереги ее. А когда наиграешься, принеси домой, мне.

Питер принял звезду, но не надел ее на шею, а сунул в карман, и посмотрел на Таннгноста.

— Прощай, старый друг.

Таннгност глубоко, тяжело вздохнул, печально покачал головой и крепко сжал руку Питера.

— Да пребудет с тобой Аваллах.

Последние клубы Тумана уплывали в море. Из парка донеслись крики.

— Нам пора, — сказал Таннгност, отпустив руку Питера.

— Питер, — сказала Владычица, — возвращайся ко мне, домой. Возвращайся скорее.

— Да, — ухмыльнулась ведьма, обнажая длинные зеленые зубы. — Да смотри, береги глаза. Один из них — мой.

Владычица опустила руку в воду. Явившаяся на ее зов волна мягко подхватила ладью, снимая ее с камней, и понесла прочь от берега.

Питер провожал ладью взглядом, пока та не скрылась из виду. Наконец, услышав кваканье рации и тяжелые шаги невдалеке, он скользнул в сторону и растворился во мраке.

Питер шел дальше и дальше, и вой полицейских сирен возле парка мало-помалу затихал позади. На этот раз Питер не крался переулками — он шел по главным улицам, не обращая внимания на неприязненные и опасливые взгляды, не заботясь о том, кто может его заметить, почти не глядя, куда идет. От тяжести в груди перехватывало дух. «Столько всего потеряно, — думал он, снова и снова видя перед собой разочарованное лицо Владычицы и взгляд умирающего Ника. — Что же я наделал? Нет. Хватит. Хватит об этом». Питер стиснул зубы и устремился в ночь, сосредоточившись только на собственных шагах, как будто это и вправду могло помочь оставить всю боль позади.

Вскоре он покинул Манхэттен, едва заметив, как перешел Бруклинский мост. Небоскребы сменились складами, склады — жилыми домами, жилые дома — небольшими коттеджами. Войдя в Проспект-парк, Питер остановился лицом к лицу с той самой зеленой черепахой на детской площадке.

— Ник, — прошептал он. — Прости. Прости меня.

Черепаха молча таращилась на него, скаля зубы в нелепой ухмылке.

В глазах защипало. Питер стиснул зубы и утер слезы.

— Прости...

Но слезы не унимались. Питер без сил опустился в траву, привалившись спиной к черепахе, и плечи его затряслись от рыданий. Не стесняясь слез, он плакал, плакал по ним — по Секеу, по Абрахаму, по Голлу, по матери, по Нику, по всем погибшим ради него Дьяволам. Их было много, очень много, но Питер сидел, зажмурившись и крепко обняв колени, пока не вспомнил имена всех — всех до единого.

Поднялся ветер. Питер открыл глаза и глубоко вдохнул. В теплом воздухе пахло весной. По коже побежали мурашки. Ночь словно ожила: казалось, деревья, птицы, букашки пристально смотрят на него. Вдруг в воздухе мелькнула искорка, а за ней еще одна и еще. Взлетев над росистой травой, все они устремились к Питеру и закружились над его головой.

— Феи? — изумленно прошептал он.

Синий огонек пронесся над самым ухом и повис в воздухе прямо перед его носом. Это была одна из пикси — девочка с всклокоченной гривой белых волос. Зашипев на Питера, она присоединилась к остальным, резвившимся среди деревьев.

В шорохе листвы послышался шепот — голос, зовущий Питера потанцевать с ночью. Узнав этот голос, голос отца, Питер тут же вспомнил, как Рогатый танцевал с ним и его Дьяволами вокруг огромного костра и даровал им место на Авалоне. «Ты выбрал меня, отец. Это я сражался плечом

к плечу с тобой в битве у Русалочьей бухты. Ты оказал эту честь мне — не Ульфгеру, а мне».

Теперь все было ясно. На губах Питера заиграла улыбка. Отец и вправду оставил ему дар, великий дар — но вовсе не смертоносный меч. Отец, вопреки всем остальным, выбрал его, не кого-нибудь, а его, потому что дух Рогатого властвует над всеми вольными созданиями — хоть язычниками, хоть ши, хоть в этом мире, хоть в мире волшебства. И теперь отец передал этот дух ему, Питеру!

Питер вскочил и расхохотался во весь голос, словно весь этот парк принадлежал ему одному. Кто?! Кто осмелится бросить ему вызов?! Он запрокинул голову и завыл, оглашая парк древним кличем — тем самым, что не тревожил слуха людей вот уж тысячу лет, но навек поселил в их сердцах страх перед глухим темным лесом.

«Не нужны мне ни знамена, ни титулы, ни короны, ни волшебные мечи, ни позолоченные дворцы. Ничто не удержит меня в пределах любого из этих миров. Мои владения — всюду, где дует вольный ветер!»

— Я — Рогатый! — воскликнул Питер. — Я — лесной дух, повелитель всех вольных диких созданий!

Порывшись в сумке, Питер достал одно из яблок Аваллаха, полюбовался им — заветным плодом дивной красоты, священным символом Авалона, и вгрызся в него зубами. «Ум-м! Вкуснятина!» Громко хрустя яблоком, он отправился на поиски дома — да не какого-то, а того самого синего дома на Кэрролл-стрит. Сверкнув золотыми глазами, он коснулся рукояти ножа. Ему не терпелось встретиться с Марко и его друзьями. С ними можно было позабавиться, повеселиться от души — ведь он так давно как следует не веселился!

Ноги сами несли вперед. Вспомнилась Жар-птица — свободная, гордая, вольная лететь, куда захочет и когда пожелает. В эту минуту Питер чувствовал себя точно так же — он был свободен, волен идти, куда угодно, и делать,

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

что заблагорассудится. Казалось, он вот-вот расправит крылья и взлетит.

Питер поднял взгляд к звездам, и его лицо озарилось лукавой улыбкой.

— Пора поиграть, — прошептал он, подмигнув звездам.

И, конечно же, звезды подмигнули Питеру в ответ — ведь улыбки заразительнее не найти на всем белом свете.

Послесловие автора, или Ода Питеру Пэну

Как и многие до меня, я восхищаюсь сказкой о Питере Пэне, романтической идеей вечного детства среди волшебных игровых площадок Нигдешнего острова*. И, подобно многим другим, я всегда представлял себе Питера Пэна просто очаровательным озорником — слишком сильно повлияли на меня бесчисленные диснеевские мультики и ролики, рекламирующие арахисовое масло.

Так было до тех пор, пока я не прочел оригинального «Питера Пэна» — не разбавленную розовой водичкой версию, которую сейчас можно найти в любом магазине детских книг, а оригинальное произведение Джеймса Барри, лишенное всякой политкорректности. Только тогда я смог увидеть весь его мрачный подтекст и оценить, насколько кровожаден, опасен, а временами и жесток настоящий Питер Пэн.

* Здесь и далее использованы цитаты из повести Джеймса Барри «Питер Пэн и Венди» в переводе Н. М. Демуровой.

Во-первых, сам образ бессмертного мальчишки, влетающего в окно детской и сманивающего детей из семьи ради собственного самоутверждения по меньшей мере настораживает. Правда, он становится вполне объяснимым, когда вы прочтете в «Белой птичке» (книге, где впервые появляется Питер Пэн), как маленький Питер вылетел из своей детской поиграть с феями в парке, а вернувшись, обнаружил, что окна закрыты, а мама нянчит другого малыша. Такая травма кого угодно сделает «трудным подростком». Отвергнутый Питер вернулся в мир фей и, очевидно, решил, что с товарищами ему будет веселее. И, не отличаясь особой щепетильностью, принялся попросту похищать их.

Но что происходило с этими детьми после? Вот цитата из оригинального «Питера Пэна»: «Мальчишек на острове бывает то больше, то меньше, смотря по тому, сколько их убивают и всякое такое; когда они подрастают, что противоречит правилам, Питер их немного прореживает; сейчас их было шестеро, и двое из них близнецы, если считать близнецов за двоих».

«Прореживает?» Это как? Что бы это значило? Убивает, подобно тому, как отбраковывают животных в стаде? Или отправляет куда-то в другое место? Если да, то куда? Или просто постоянно подвергает ребят таким опасностям, что их ряды всегда нуждаются в пополнении?

Один этот абзац навсегда изменил мое представление о безобидном проказнике Питере Пэне, превратив его в гораздо более зловещий персонаж. «Прореживает», — постоянно повторялось в моей голове. Скольких же детей украл Питер Пэн? Сколько из них погибло, а скольких он «проредил»? По словам самого Питера: «Умереть — вот это настоящее приключение!»

В «Питере Пэне» определенно нет недостатка в кровопролитии — пираты истребляют индейцев, и так далее, но это взрослые, убивающие друг друга, ничего нового в этом нет. Меня гораздо больше заинтриговала группа детей-

убийц — Пропашие мальчишки*. Для них Питер превратил кровопролитие в спорт, обучил их не только убивать без стыда и совести, но даже забавляться этим. В какой-то момент мальчишки гордо обсуждают, скольких пиратов они недавно убили: «Пятнадцать или семнадцать?» И какой ребенок устоит перед фразой: «Они становились легкой добычей для разящих мечей мальчишек»? Или: «Крюком он поднял одного мальчишку и использовал его как щит, когда в драку кинулся другой, только что пронзивший мечом Маллинза». Ничто так не оживляет повествование, как вываливающиеся в изобилии внутренности. Еще сильнее пугает способность Питера делать все эти вещи — похищать детей, убивать — без малейших угрызений совести: «Убитых я забываю, — бросил он небрежно».

Стоило только задуматься над этими жутковатыми штрихами, и мне тут же стало интересно, какой могла бы стать эта детская книжка, если откинуть с нее вуаль поэтической прозы Барри и представить все ее насилие и дикость во всей их неприкрытой, удручающей реальности. Как на самом деле отреагируют дети на похищение и попадание в такую ситуацию? Легко ли они поддадутся чарам обаятельного социопата, освободятся от общепринятой морали и превратятся в хладнокровных убийц? Судя по тому, что происходит в современной культуре уличных банд, насколько быстро подростки вырабатывают собственную этику, оправдывающую любой, самый ужасный поступок, вряд ли это будет слишком трудно.

Вот такие мысли и стали зернами, из которых вырос «Похититель детей».

Понимая, что я хочу не просто пересказать «Питера Пэна» Барри, а создать своего собственного Питера, соб-

* Из перевода Б.В. Заходера.

ственный мир и собственную печальную историю, скрывающуюся за сказками о феях, я углубился в те же шотландские сказки, мифы и легенды, которые в свое время вдохновляли Барри. И был счастлив, обнаружив целую сокровищницу народных преданий, из которых и соорудил мифологию «Похитителя детей». Так как эти легенды создавали и направляли действие романа, я решил, что некоторым читателям они будут интересны, и привел их ниже.

Обнаружив, что отдельные детали в разных источниках и регионах могут несколько отличаться, я использовал их в «Похитителе детей» достаточно вольно. Ниже приведу только самые общие мотивы и элементы.

Авалон

Авалон, или, по-валлийски, Инис Афаллах, является одним из островов в Потустороннем мире. Первоначально им правил Аваллах с дочерью Модрон. Там был выкован Калибурн (Эскалибур), туда Моргана ле Фэй (Модрон) забрала короля Артура, чтобы излечить его раны после битвы при Камлане. Название «Авалон» происходит от слова «афал» — яблоко. Яблоко является общепризнанным символом Авалона, подобно греческим Гесперидам, молодильным яблокам скандинавской мифологии и иудео-христианским плодам древа жизни.

Авалон тесно связан с другим островом Потустороннего мира, Тир на Ног, по-английски называемым Страной вечной юности (или вечно юных), так что в какой-то степени я смешал эти два острова воедино. Лучше всего Тир на Ног известен по легенде об Ойсине, одном из немногих смертных, живших на этом острове, и Ниама Золотоволосой. Покинув Ирландию, на этом острове обосновались Туата де Дананн, или «ши». Тир на Ног считался местом, не обозначенным на картах, расположенным где-то далеко к западу. Достигнуть его можно было лишь после изнурительного путешествия или по приглашению одного из его волшебных

обитателей. В имрамах и эхтра, историях, популярных в Средние века, рассказывалось о посещении острова многочисленными ирландскими героями. Тир на Ног — это место, где нет смерти и болезней, обитель вечной юности и красоты.

Аваллах

Аваллах (также Афаллах и Аваллок) — сын Ноденса, бога врачевания, один из кельтских богов Царства мертвых. Он правил Авалоном, где жил с дочерью Модрон и ее сестрами.

Модрон

В валлийской мифологии Модрон (божественная мать) — дочь Аваллока, ведущая свое происхождение от галльской богини Матроны. Она считается прототипом Владычицы Озера, Морганы ле Фэй из легенд о короле Артуре. У нее есть сын Мабон ап Модрон (Мабон, сын Модрон).

Мабон

В валлийской мифологии Мабон (божественный сын) — сын Модрон. Он тождественен древнему бриттскому богу Мапоносу и, вероятно, аналогичен ирландскому Энгуc мак Оку. Мабона похитили у матери через три дня после его рождения. После этого он жил в Аннуне, пока его не спас Кулох. Благодаря времени, проведенному в Аннуне, Мабон навсегда остался юношей.

Рогатый

Рогатый частично восходит к Великому Рогатому Богу, собирательному образу, почитаемому неоязычниками-викканцами. Он объединяет многочисленных богов мужского пола, персонажей самых разных мифологий — таких, как кельтский Кернунн, Херн-Охотник из английских легенд, индуистский Пашупати и греческий Пан. Некоторые персо-

нажи английского фольклора, хотя и изображаются обычно без рогов, также считаются связанными с Рогатым, а именно — Пак, Робин Добрый Малый и Зеленый человек. Для христиан же рогатый бог является дьяволом.

Другие

Таннгност (Клацающий Зубами) и его брат *Таннгриснир* (Скрежешущий Зубами) — это имена двух козлов, тянущих колесницу бога Тора.

Джинни (*Дженни*) *Зеленозубая* — в английском фольклоре речная ведьма, похожая на Пег Паулер, она затягивает детей и стариков в воду и топит их. Обычно у нее зеленая кожа, длинные волосы и острые зубы.

Баргесты — широко известные в северной Англии призрачные черные псы. По некоторым источникам — разновидность гоблинов.

Хийси — злой дух или бог из финского фольклора.

Слуа — в ирландском и шотландском фольклоре неупокоенные духи умерших. Некоторые считают, что они ловят и уносят с собой души невинных людей.

Я довольно свободно обращался с различными местами в Нью-Йорке и вокруг него, но среди небоскребов нижнего Манхэттена действительно есть старая церковь, увенчанная белой башенкой с крестом. Она находится как раз через улицу от Бэттери-парка и причала статен-айлендского парома. В нише над входом стоит ангелоподобная статуя святой Елизаветы Анны Сетон*. Она раскрывает объятия, приветствуя всех заблудших паломников, вернувшихся домой.

Старые сказки — это поучительные истории с ужасным концом, преподающие суровый урок старым и малым. Лич-

* *Елизавета Анна Сетон* (1774–1821) — американский педагог, просветитель, позже монахиня. Канонизированна Римско-католической церковью в 1975 г.

БРОМ

но я верю, что все сочинители мифов и легенд вдохновлялись каким-то реальным событием, личностью или... чем-то еще. Поэтому, если вам случится оказаться в темном закоулке Проспект-парка, или в любом другом диком безлюдном месте, и светлячки вокруг вдруг осмелеют, а в воздухе заискрится серебристая дымка, прислушайтесь хорошенько, и, может быть, вам удастся уловить отголоски заразительного мальчишеского смеха. И, что бы вы ни решили сделать потом, помните — вас предупреждали.

Бром,

20 февраля 2009 г.

Благодарности

Эта книга писалась долгое, очень долгое время. За этот срок я получил столько поддержки, советов и другой помощи, что до сих пор должен куче народа выпивку или шоколадку.

Прежде всего большое спасибо Дайане Гилл, необычайно одаренному редактору. Я потрясен ее проницательностью и способностью глубоко чувствовать сюжет и характеры героев. Можно сказать, она стояла у руля, раз за разом не давая этому роману увязнуть в навозе, и именно поэтому он достиг таких вершин, на которые я и не рассчитывал. Спасибо тебе, Дайана, за твое волшебство!

Спасибо моему менеджеру Джулии Кейн-Ритш за дружбу, энтузиазм и усердие. Спасибо тебе, Джулия! Ведь это так приятно — знать, что ты в надежных руках!

Спасибо Эмили Крамп, Кэтрин Нинцель, Майклу Баррсу и Ольге Гарднер Гэлвин за их неоценимый вклад в эту книгу.

Особое спасибо тем, кто имел несчастье читать ранние наброски — акт самоотречения, достойный причисления к лику святых. Все вы — Люк Петершмидт, Роберт, Айви, Киллиан, Девин и Лори Бром — хоть чуточку, да присутствуете в этом романе. Не говоря уж о Бене Ри, с которого и нарисован Питер.

Содержание

Пролог	7
Часть первая. ПИТЕР	13
Глава первая. Вор	15
Глава вторая. Ник	41
Глава третья. Туман	59
Часть вторая. ДЬЯВОЛ-ДЕРЕВО	75
Глава четвертая. Голл	77
Глава пятая. Дьяволы.	95
Глава шестая. Волк	105
Глава седьмая. Секеу	128
Глава восьмая. Натан	137
Глава девятая. Первая кровь	145
Глава десятая. Зеленозубая Джинни	169
Глава одиннадцатая. Баргесты	199
Глава двенадцатая. Сад леди Модрон.	225
Глава тринадцатая. Род людской	261
Глава четырнадцатая. Клан.	299
Глава пятнадцатая. Русалочья бухта.	319

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

Часть третья. ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ.	357
<i>Глава шестнадцатая. Пламя</i>	<i>359</i>
<i>Глава семнадцатая. Гавань</i>	<i>387</i>
<i>Глава восемнадцатая. Калибурн</i>	<i>415</i>
<i>Глава девятнадцатая. Убийство</i>	<i>429</i>
Часть четвертая. КАПИТАН.	453
<i>Глава двадцатая. Сэмюель Карвер.</i>	<i>455</i>
<i>Глава двадцать первая. Испытание водой</i>	<i>475</i>
<i>Глава двадцать вторая. Старик Струп</i>	<i>497</i>
<i>Глава двадцать третья. Древо Аваллаха.</i>	<i>519</i>
<i>Глава двадцать четвертая. Паром</i>	<i>537</i>
Часть пятая. УЛЬФГЕР	553
<i>Глава двадцать пятая. Дом Божий</i>	<i>555</i>
<i>Глава двадцать шестая. Рогатый</i>	<i>589</i>
Послесловие автора, или Ода Питеру Пэну	614
Благодарности	621

Литературно-художественное издание

Темные фантазии Джеральда Брома

Бром
ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

Фантастический роман

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ответственный редактор *Вячеслав Бакулин*
Младший редактор *Светлана Каскова*
Редактор *Татьяна Антипова*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректор *Любовь Богданова*
Верстка *Романа Рыдалина*

Подписано в печать 27.07.2018. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,0.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 7432.

ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гулзар, үй 21, 1 қурылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан

ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талпаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Дюмбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел. 8 (727) 2 51 58 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 2 51 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@ekzmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Впервые **БРОМ** завоевал известность своими иллюстрациями к созданному корпорацией TSR игровому миру Dark Sun, и с тех пор он придает свое уникальное видение всем сферам творческой индустрии — от романов и игр до комиксов и кинофильмов. Среди его романов такие известные книги, как «Крампус: Повелитель Июля», «Потерянные боги», а также удостоившиеся наград иллюстрированные истории ужасов «Плюкер» и «Роза дьявола». В настоящее время Бром содержится в каком-то мрачном сыром подвале неподалеку от города Сизтл, штат Вашингтон.

Веб-сайт автора:
www.bromart.com

Дизайн суперобложки и иллюстрации Брома
Фотография автора © Лори Бром

«Жуткий, причудливо мрачный поворот классической истории.
Бром придает фэнтези подлинный ужас».

ХОЛЛИ БАЭК

«Бром всегда был художником, представлявшим нам свои кошмары воочию, а в “Похитителе детей” он просто рисует словами. Восхитительно мерзкая перезагрузка “Питера Пэна” с оригинальным, мрачным, полным неожиданностей и приключений сюжетом».

КРИСТОФЕР ГОЛДЕН

«Древняя магия в сочетании с жесткой логикой достигает высшей точки в этом пересказе “Питера Пэна”, связующем воедино волшебство первозданной Америки с едва различимыми отголосками веры в чудеса, сохранившимися до наших времен. “Похититель детей” так безобразно поэтичен, что в эту сказку хочется верить».

КИМ ХАРРИСОН

ISBN 978-5-17-106874-5

www.vk.com/ast_mainstream